

КЛЮЧЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ

Материалы X-й международной
научной конференции
Международной ассоциации
исследователей истории
и культуры российских немцев

МОСКВА, 18–21 ноября 2003 г.

УДК [94+39](470+571)(=112,2)(063)
ББК 63,3 (2)+63,5(2)
К63

Ключевые проблемы истории российских немцев.

Материалы X международной конференции Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев.
М.: ЗАО «МЧНК-пресс», 2004. - 544 с.

Научный редактор:

доктор исторических наук, профессор А. А. Герман

*Издание осуществлено в рамках деятельности Межправительственной
российско-германской комиссии по проблемам российских немцев и Российско-
германской комиссии по культурному сотрудничеству.*

*Herausgegeben im Rahmen der Tätigkeit der Deutsch-Russischen Regierungskommission
für Angelegenheiten der Russlanddeutschen und der Deutsch-Russischen Kommission
für kulturelle Zusammenarbeit.*

ISBN 5-98355-012-8

© АОО «Международный союз
немецкой культуры», 2004

© ЗАО «МЧНК-пресс», 2004

СОДЕРЖАНИЕ

Vorwort	6
Предисловие	9

1. Наш юбилей: повод к размышлениям

<i>Хердт В.</i> 10 лет конференциям в Анапе и Москве: вопросы, ответы, перспективы	13
<i>Барбашина Э. Р.</i> О практической эффективности научных исследований проблем российских немцев	29

2. Общие проблемы истории российских немцев: политика, право, этнография

<i>Бобылева С. И.</i> «Немецкий вопрос» в оценке российского общественного мнения второй половины XIX века»	47
<i>Баах С. В.</i> Влияние революции 1905–1907 гг. на общественно-политическую жизнь немецкого населения России	58
<i>Малиновский Л. В.</i> Заокеанская миграция российских немцев	66
<i>Дённингхаус В.</i> Борьба за немецкую молодежь: ЦБ немсекций при ЦК ВЛКСМ и религиозные молодежные формирования в СССР (1922–1930 гг.)	74
<i>Герман А. А.</i> «В отношении немецкого населения в СССР осуществлялся геноцид»: об обоснованности и корректности данного утверждения	86
<i>Белковец Л. П.</i> Административно-правовой режим спецпоселения (новые подходы к оценке депортации и спецпоселения российских немцев)	99
<i>Шадт А. А.</i> Этническое самосознание российских немцев в условиях спецпоселения (1940–1950-е годы).	112
<i>Конев Е. В.</i> Политика закрепления немецкого населения в местах бывшего спецпоселения во второй половине 1950-х гг. (на материалах Кемеровской, Новосибирской и Томской областей).	128
<i>Ханья С.</i> От создания – к восстановлению: немецкая автономия в планах 1980-х годов	134
<i>Бугай Н. Ф.</i> Территориальная реабилитация – составная часть реабилитации народов России: вопросы теории и практики	149

<i>Барбашина Э. Р.</i> Об этническом будущем российских немцев: сохранение, трансформация, ассимиляция?	162
<i>Иларионова Т. С.</i> «Новые» немцы новой России	177

3. Культура, культурное наследие

<i>Плеская Э. Г.</i> Проблемы сохранения национальной культуры в условиях существования и взаимодействия с культурой титульной нации	192
<i>Безносова О. В.</i> Колонисты-немцы и их соседи: характер и результаты религиозных контактов (конец XVIII в. – 1917 г.)	201
<i>Лиценбергер О. А.</i> Проблема нравственности в деятельности лютеранской и католической церквей.	212
<i>Черказьянова И. В.</i> Национально-языковое строительство в СССР и судьба немецкой школы в 1920–1930-е гг.	225
<i>Шваб А.</i> Музыканты и композиторы из российских немцев в странах СНГ и Германии в конце XX – начале XXI в.	253
<i>Ерина Е. М.</i> Архивы бывшей Автономной республики немцев Поволжья в Энгельсе – ценный информационный источник по истории, генеалогии и культуре немецких колонистов. 1767–1941 гг.	263

4. Российские немцы в отдельных регионах и странах

Сибирь

<i>Бетхер А. Р.</i> Особенности развития хозяйства у различных локальных групп немецкого населения Западной Сибири в конце XIX – начале XX в.	274
<i>Баах С. В., Вибе П. П.</i> Положение немцев Западной Сибири в годы Первой мировой войны	291
<i>Кижяева Т. А.</i> Дискриминация немцев России в годы Первой мировой войны (на примере Алтайского округа)	304
<i>Нам И. В.</i> Немцы и власть в Сибири в условиях Гражданской войны (1917 – 1918 гг.)	318
<i>Смирнова Т. Б.</i> Этнографическое изучение культуры российских немцев Сибири	330

Санкт-Петербург

<i>Вибе П. П.</i> Историография социально-экономического развития немецких и меннонитских колоний Сибири в конце XIX – первой трети XX в.	348
<i>Бахмутская Е. В.</i> Фактор Петербурга в экономической, социальной и духовной жизни подстоличных немецких колоний.	357

Шрадер Т. А. Этнокультурные процессы в среде немецких колонистов
Петербургской губернии–Ленинградской области (XIX–XX вв.) 372

Северный Кавказ

Чернова Т. Н. Из истории становления немецких поселений
на Северном Кавказе 381

Украина

Козырева М. Э. Немецкие национальные районы Юга Украины
в 1920–1930-е гг.: общие закономерности и специфические
особенности развития 418

Соловьёв А. В. Фольксдойче и их взаимоотношения
с нацистскими организациями в Рейхскомиссариате Украины 426

Костюк М. П. Историография волынских немцев: реалии,
проблемы и перспективы исследований 434

Солодова В. В. Музейные экспозиции юга Украины
о причерноморских немцах: ретроспектива и сравнительный анализ 448

Солодова В. В. Формирование историко-этнографической коллекции
причерноморских немцев в собрании Одесского
историко-краеведческого музея 460

Лаптев Ю. Н. Сохранение историко-культурного
наследия немцев в Крыму 468

Казахстан

Бургарт Л.А. Сельское немецкое население Казахстана в XX веке:
основные этнодемографические характеристики (по материалам
всеобщих переписей населения) 473

Азербайджан

Зейналова С. Характерные черты и основные причины
процесса развития и подъема немецких поселений Азербайджана 500

Вердиева Х. Ограничение прав подданных враждебных государств
в Баку в годы Первой мировой войны 513

Беларусь

Личуков В. П. Немецкая женщина-крестьянка Белорусского Восточного
Полесья в условиях трансформации советского политического
режима в межвоенный период 522

VORWORT

Dieser Sammelband wissenschaftlicher Werke enthält Vorträge von Forschern aus verschiedenen Ländern, die vom 18. bis 21. November 2003 in Moskau an der Zehnten Jubiläums-Konferenz der Internationalen Vereinigung der Wissenschaftler für Geschichte und Kultur der Russlanddeutschen (russ. Abkürzung MAIKRN) teilgenommen haben. Das Thema der Konferenz lautete „Schlüsselprobleme der Geschichte der Russlanddeutschen“ und war eine Art Bilanzveranstaltung eines Zeitraums von zehn Jahren, in denen Historiker, Ethnographen, Soziologen, Kulturwissenschaftler und andere Forscher die Vergangenheit und derzeitige Situation der Russlanddeutschen beleuchteten und ihre Untersuchungen und Analysen präsentierten.

Generell kann festgestellt werden, dass die Konferenz die Hoffnungen ihrer Veranstalter im Wesentlichen erfüllte. Ein bedeutender Teil der Vorträge waren aktuelle Untersuchungen, die ein hohes analytisches Niveau aufwiesen und einen großen Umfang von in den vergangenen Jahren gesammelten Belegmaterialien verarbeiteten. Zweifelsohne sind diese von besonderer wissenschaftlicher und praktischer Bedeutung.

Besondere Aufmerksamkeit widmeten die Konferenzteilnehmer den Problemen des politischen, wirtschaftlichen, sozialen und geistigen Lebens der deutschstämmigen Bevölkerung in den verschiedenen Epochen: zu Zeiten des Russischen Reiches, der UdSSR, der Russischen Föderation und der anderen GUS-Länder. Betrachtet wurden sowohl die Geschichte, Kultur und die gegenwärtigen Lage der Deutschstämmigen als auch die Besonderheiten ihres Lebens in den einzelnen Regionen und Ländern im postsowjetischen Raum.

Viele der Vorträge präsentieren großangelegte Problemstellungen, erheben Anspruch auf eine ernsthafte Revision von verbreiteten historischen Einschätzungen oder widerlegen manche der seit Jahrzehnten geltenden Mythen. Diese Herangehensweise der Autoren rief zwangsläufig eine stürmische Reaktion einiger Teilnehmer hervor und war Ausgangspunkt intensiver Diskussionen, die insofern konstruktiv waren, als dass sie halfen, die Standpunkte der Autoren deutlicher zur Geltung zu bringen und sowohl Gemeinsamkeiten zu sehen als auch Differenzen zu verstehen. Bleibt anzumerken, dass die Diskussion bei all ihrer Leidenschaftlichkeit durchaus korrekt und den wissenschaftlichen Formen und Methoden entsprach.

Der Sammelband zur Konferenz besteht aus drei größeren Abschnitten:

Besonderes Interesse gilt dem ersten Teil: „Unser Jubiläum: Ein Anlass

zum Nachdenken“. Er beinhaltet zwei analytische Vorträge, die den Ergebnissen der Arbeit der Internationalen Vereinigung der Forscher zur Geschichte und Kultur der Russlanddeutschen 1994 bis 2003 gewidmet sind.

Herr W. Herdt, wissenschaftlicher Mitarbeiter des Instituts für Kultur und Geschichte der Deutschen Nordosteuropas (Göttingen, Deutschland) analysierte die konkreten Probleme, die sich aus der Geschichte der Russlanddeutschen im vergangenen Jahrzehnt sowohl auf regionaler als auch auf allgemeiner Ebene ergeben haben. Seine erfolgreichen Arbeiten seien nur aufgrund der Koordinierung verschiedener internationaler Forschungsarbeiten im Rahmen des MAIKRN möglich geworden. Neben den positiven Ergebnissen wies der Autor auch auf eine Reihe bisher nicht realisierter Studien hin, die seiner Meinung weiteren Forschungen bedürfen. Im Vortrag wurde besonders die Idee hervorgehoben, dass die Zeit gekommen sei, wo die Forscher sich nicht auf die Geschichte der Russlanddeutschen allein beschränken sollen, sondern sie mit der anderer Völker Russlands und der UdSSR vergleichen und darin die Gemeinsamkeiten und Besonderheiten der Entwicklung herausstellen sollen. Dann würde, so der Autor, auch die in den verschiedenen Phasen der historischen Entwicklung des Landes durchgeführte staatliche Politik zur „nationalen Frage“ verständlicher und übersichtlicher. Im Laufe der Konferenz wurde diese Idee in unterschiedlicher Form artikuliert und als Beleg bewertet, für die allgemeine Einsicht in die Notwendigkeit, sich auf eine höhere Stufe der Forschungstätigkeit zu begeben.

Die Bewertung der praktischen Effizienz wissenschaftlicher Untersuchungen zum Thema Russlanddeutsche war auch Thema des Vortrages von Frau E.R. Barbaschina, Dozentin und Direktorin des Deutschen Forschungszentrums an der Staatlichen Universität Nowosibirsk. Der Vortrag von Frau Barbaschina zog eine philosophisch-theoretische Bilanz über die Forschung der vergangenen zehn Jahre hinsichtlich des Lebens der deutschen Bevölkerungsgruppe in Russland und der Sowjetunion.

Besonderes Augenmerk legte die Autorin auf die Beziehungen zwischen Wissenschaftlern und Staatsbeamten, indem sie den fehlenden Dialog zwischen der Forschung und der Verwaltung kritisierte. Trotz dem Vorhandensein bestimmter wissenschaftlicher Untersuchungen würden administrative Entscheidungen oftmals ohne Beachtung ihrer Ergebnisse und Empfehlungen getroffen. Eine Mitschuld an dieser bestehenden Situation tragen, nach Meinung der Autorin, auch die fachspezifischen Wissenschaftler, denn nicht selten fehle bei deren Forschungen der Ausblick auf die Umsetzung.

Entsprechend Frau Barbaschina soll eine der Hauptrichtungen bei der Forschungstätigkeit der MAIKRN die interdisziplinäre Analyse und Erörterung der

praktischen Bedeutung im Zusammenhang mit der faktoralen Bedingtheit des historischen Bewusstseins, des zeitgenössischen Selbstbewusstseins und des ethnischen Lebens der Russlanddeutschen werden. In diesem Kontext lassen sich am deutlichsten die praktischen Folgen des bestehenden Wissens illustrieren und Themen herauslösen, die eine weitere Bearbeitung erfordern.

Große Aufmerksamkeit galt den Problemen des historischen Bewusstseins, den Besonderheiten bei der Entstehung und Funktion des ethnischen Gedächtnisses sowie der historischen Wahrheit. Aus diesem Grund wurde eine Analyse von aktuellen Publikationen in der deutschsprachigen Presse vorgenommen, die eine negative Einschätzung der wissenschaftlichen Erkenntnisse von Historikern der Vereinigung offenbarten.

Fr. Barbaschina betonte die wachsende Bedeutung der Methodologie in der historischen Forschung und warf die Frage nach der Notwendigkeit vielfältiger Instrumente auf. Gerade die philosophische Erörterung der Geschichte ermöglicht die Lösung einer ganzen Reihe von Widersprüchen, die in der heutigen Phase der Entwicklung des historischen Wissens über die Russlanddeutschen entstanden sind.

Es zeigt sich, dass die Vorträge von Herrn Herdt und Frau Barbaschina es erlauben, sowohl den Charakter und die Qualität der erzielten Ergebnisse als auch die aktuellen Probleme, die wichtigsten Grundsätze und Richtungen der weiteren Arbeit mehr oder weniger deutlich und realistisch abzuschätzen.

Der zweite Abschnitt des Sammelbandes ist den allgemeinen Problemen der Geschichte und der heutigen Lage der Russlanddeutschen gewidmet. Diese werden im Bereich der Politik, des Rechts, der Ethnographie, der Kultur und des Kulturerbes betrachtet.

Der dritte Abschnitt enthält Vorträge, die den regionalen Besonderheiten hinsichtlich der Vergangenheit und Gegenwart der Deutschen Russlands, der UdSSR und der GUS gewidmet sind. Vertreten sind solche Vorträge, die unterschiedliche Ausprägungen des Lebens der Deutschen in Sibirien, St. Petersburg, im Nordkaukasus, der Ukraine, in Kasachstan, Aserbaidschan und Weißrussland beleuchten.

Schließlich ist anzumerken, dass die Materialien der Zehnten Wissenschaftlichen MAIKRN-Konferenz „Schlüsselprobleme der Geschichte der Russlanddeutschen“, die hiermit vorgestellt werden, nicht nur für Forscher und Spezialisten interessant sind, sondern auch für Behörden und Politiker, Aktivisten der öffentlichen Organisationen und Bewegungen sowie für all diejenigen, die ein Interesse für die Vergangenheit, Gegenwart und Zukunft der Russlanddeutschen haben.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В настоящем сборнике научных трудов публикуются доклады ученых разных стран, принявших участие в юбилейной 10-й научной конференции Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев (МАИИКРН), состоявшейся в Москве 18–21 ноября 2003 года. Тема конференции – «Ключевые проблемы истории российских немцев» – предполагала некоторое подведение итогов десятилетнего этапа исследований, синтез, осмысление и обобщение важнейших научных результатов, полученных за эти годы историками, этнографами, социологами, культурологами и другими исследователями, занимающимися изучением прошлого и настоящего российских немцев.

В целом можно констатировать, что прошедшая конференция в существенной мере оправдала надежды ее организаторов. Значительная часть докладов представляет собой оригинальные исследования, подготовленные на высоком аналитическом уровне с использованием большого фактического материала, наработанного за предыдущие годы. Они, несомненно, имеют большое научное и практическое значение.

В сфере внимания участников конференции оказались важнейшие проблемы политической, экономической, социальной и духовной жизни немецкого населения Российской империи, СССР, Российской Федерации и других стран СНГ. Рассмотрены как общие проблемы истории, культуры и современного положения этнических немцев, так и особенности их жизни в отдельных регионах и странах на постсоветском пространстве.

Многие доклады содержат крупные постановочные проблемы, претендуют на серьезный пересмотр ряда устоявшихся исторических оценок, опровергают десятилетиями создававшиеся и поддерживавшиеся мифы. Такой подход их авторов, естественно, не мог не привести к бурной реакции остальных участников, к широкой и активной дискуссии, которая имела большое конструктивное значение, поскольку позволяла более четко обозначить позиции различных авторов и обнаружить как общие точки понимания тех или иных проблем, так и суть основных разногласий. Следует отметить, что при всей страстности и горячности некоторых авторов дискуссия носила корректный характер и не выходила за рамки научных форм и методов ее ведения.

Структурно сборник материалов конференции состоит из трех крупных разделов. Особо следует выделить и охарактеризовать первый раздел – «Наш юбилей: повод к размышлениям». Он включает в себя два больших оценоч-

но-аналитических доклада, посвященных итогам работы Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев за 1994–2003 гг.

В. Хердт, научный сотрудник Института культуры и истории немцев Северо-Восточной Европы (Геттинген, Германия) проанализировал состояние разработки конкретных проблем истории российских немцев за прошедшее десятилетие, как на региональном, так и на общем уровне. Отметив выдающиеся успехи в этой области, он сделал вывод, что они стали возможны прежде всего благодаря объединению и координации усилий ученых различных стран в рамках МАИИКРН. Наряду с достигнутыми успехами, докладчик показал ряд нереализованных возможностей, остановился на проблемах, которые, по его мнению, требуют дальнейшей углубленной разработки. В докладе особо подчеркнута мысль, что настал период, когда исследователям недостаточно замыкаться внутри рамок истории российских немцев, необходимо сравнивать эту историю с историей других народов России и СССР, выявляя общее и особенное в их развитии. Тогда, по мысли автора, более понятной и осмысленной становится государственная политика по «национальному вопросу», проводившаяся на различных этапах исторического развития страны. Эта мысль в ходе дальнейшей работы конференции в той или иной форме повторялась в докладах многих участников, что свидетельствует об общем понимании необходимости перехода на новую более высокую ступень исследовательской деятельности.

Оценке практической эффективности научных исследований проблем российских немцев посвятила свое выступление директор Немецкого исследовательского центра при Новосибирском государственном университете, кандидат философских наук, доцент Э. Р. Барбашина. Доклад Э. Р. Барбашиной подвел определенную философско-теоретическую базу под проведенные за 10 лет исследования различных аспектов жизнедеятельности немецкого этноса в России и СССР.

Особое внимание автор уделил взаимоотношениям ученых-исследователей и государственных руководителей-управленцев различного уровня, отметив отсутствие эффективного диалога между представителями научного общества и структурами государственного управления. Несмотря на наличие определенных научных изысканий, управленческие решения часто принимаются без опоры на их выводы и рекомендации. В сложившейся ситуации, по мнению докладчика, в определенной мере повинны и ученые-специалисты, поскольку довольно часто их исследования не ориентируются на конечный практический результат.

Как считает Э. Р. Барбашина, одним из приоритетных направлений перспективной исследовательской деятельности МАИИКРН должно стать развитие междисциплинарных исследований, обсуждение их практического значения в связи с факторной обусловленностью развития исторического сознания, современного самосознания, этнической жизнедеятельности российских немцев. В этом контексте наиболее наглядно можно проиллюстрировать практические последствия существующего знания и выявить темы, требующие дальнейшей разработки.

Большое место в докладе уделено проблемам исторического сознания, особенностям формирования и функционирования этнической памяти, месту в ней исторической истины, в связи с чем подвергаются анализу некоторые современные публикации на страницах немецкоязычной прессы, содержащие негативные оценки отдельных обобщений и выводов, сделанных учеными-историками ассоциации.

Э. Р. Барбашина показала все более возрастающую роль методологии в исторических исследованиях, поставив вопрос о необходимости овладения историками богатым инструментарием философии истории. Именно философия истории дает возможность разрешить целый ряд противоречий, возникших на современном этапе развития исторического знания о российских немцах.

Представляется, что доклады В. Хердта и Э. Р. Барбашиной позволяют более или менее четко и реально определить как характер и качество достигнутых результатов, так и наиболее актуальные проблемы, важнейшие принципы и направления дальнейшей работы.

Второй раздел сборника посвящен общим проблемам истории и современного положения российских немцев. Они рассматриваются в сферах политики, права, этнографии, культуры и культурного наследия.

Третий раздел содержит доклады, посвященные региональным аспектам прошлого и настоящего немцев России, СССР, СНГ. Представлены доклады, освещающие различные сюжеты, явления и процессы жизни немцев Сибири, Санкт-Петербурга, Северного Кавказа, Украины, Казахстана, Азербайджана, Беларуси.

Следует отметить, что материалы 10-й научной конференции МАИИКРН «Ключевые проблемы истории российских немцев», представляемые на суд читателю сборника, могут оказать пользу не только ученым и специалистам-теоретикам, но и отдельным государственным структурам, политикам – представителям различных уровней государственной власти, активистам общественных организаций и движений, а также всем интересующимся прошлым, настоящим и будущим российских немцев.

1.

НАШ ЮБИЛЕЙ:
ПОВОД К РАЗМЫШЛЕНИЯМ

10 ЛЕТ КОНФЕРЕНЦИЙ В АНАПЕ/МОСКВЕ: ВОПРОСЫ, ОТВЕТЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

В. Хердт

В качестве вступления мне хотелось бы напомнить, что большинство из советских ученых, разработавших данную тематику в 1920–1930-х годах были репрессированы как буржуазные националисты и долгие годы просидели или погибли в сталинских застенках и что даже простые люди, интересующиеся своей историей и культурой, вплоть до конца 1980-х годов находились под неустанным наблюдением советских спецслужб. Далее мне хотелось обратить внимание собравшихся здесь многочисленных коллег, что исследователей по российским немцам как в Германии, так и на постсоветском пространстве еще десять лет назад можно было пересчитать буквально по пальцам. Несмотря на высокий научный уровень работ Вильгельма Кале (Wilhelm Kahle) по истории Евангелическо-лютеранской церкви в России и СССР¹, Ингеборг Фляйшхауэр (Ingeborg Fleischhauer) по немцам в царской России и в Советском Союзе², Детлефа Брандеса (Detlef Brandes) по немцам Южного края России³, Дитмара Нойтатца (Dietmar Neutatz) по «немецкому вопросу» на Волыни и в Причерноморье⁴, Аннелоры Энгель (Annelore Engel) по литературе российских немцев⁵, Гуго Едига и Нины Беренд (Hugo Jedig/Nina Berend) по истории диалектологических исследований в Советском Союзе⁶, Альфреда Айсфельда (Alfred Eisfeld) по политике Германии в отношении немецких колоний на Волге в 1917–1919 годах и автономистскому движению немцев в Советском Союзе⁷, а также на вполне добротный сборник по итогам конференции 1992 года во Фрайбурге⁸ и попытку Ингеборг Фляйшхауэр по созданию еще в конце 1980-х годов своего рода научной комиссии по истории немцев в России и СССР (которая, кстати, не увенчалась успехом, а подобная комиссия создана лишь в 1995 году под руководством Альфреда Айсфельда) многие вопросы, в особенности относящиеся к советскому периоду, оставались без ответа.

В СССР выделялись работы прежде всего омской лингвистической школы под руководством того же Гуго Едига (Hugo Jedig) по диалектам российских немцев⁹ и усилия редакции альманаха *Heimatliche Weiten* при газете *Neues Leben* по разработке исторической тематики, относящейся к немцам в России и в Советском Союзе, которые, говорю это как участник и свидетель тех лет и событий, несмотря на вполне «советский» взгляд на эту историю, нередко

наталкивались на сопротивление руководства газеты. Предложение же Льва Малиновского организовать что-то вроде исследовательского центра по истории и культуре «советских» немцев и вовсе было принято в штывы отделом пропаганды ЦК КПСС, курировавшим газету *Neues Leben* и тем самым почти всю культурную жизнь немцев в Советском Союзе. Этому отделу нужны были статьи, соответствующие его громкому названию и способные противостоять «клеветнической кампании на Западе вокруг проблемы советских немцев». Задаче пропаганды были в итоге подчинены даже проводившиеся в Новосибирске в 1967 году социологические исследования¹⁰, которые, я хотел бы это подчеркнуть, были проведены на вполне высоком уровне и, надеюсь, с честными намерениями социологов под руководством Т. И. Заславской, но которые объективно были призваны подтвердить тезис Указа Президиума Верховного Совета СССР от 29 августа 1964 года, что немцы укоренились в местах, куда они были переселены и ничем не обделены.

Проведенная под эгидой компартии Казахстана в 1989 году конференция в Алма-Ате¹¹ и конференция 1989 года в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС в Москве¹² были до предела заидеологизированы, а научные исследования в сибирском и поволжском регионах едва только начинались. Но все же в конце 1980-х годов и в Советском Союзе появилась возможность научного осмысления истории российских немцев, и в начале 1990-х появились, например, серьезные работы Виктора Кригера по немцам в Туркестане¹³ и монография Аркадия Германа по истории немецкой автономии на Волге¹⁴.

Как видим, к моменту проведения первой конференции в Анапе было на что опереться и было от чего освобождаться – прежде всего от идеологического балласта советского времени. Но в то же время необходимо было породить или же начать, благодаря открывшимся для историков и культурологов центральным и региональным архивам, исследования по немецкой проблематике в России, Украине и Казахстане, попытаться заполнить многочисленные пробелы прежде всего советского периода жизни немцев в СССР.

Проживание немцев в различных регионах России и Советского Союза до их насильственного переселения из Европейской части Советского Союза в Сибирь, Среднюю Азию и Казахстан и дисперсное их проживание на огромных территориях со всей силой поставило вопрос о региональных исследованиях. Неудивительно поэтому, что организаторы первой конференции задумали ее, главным образом, как форум по исследованиям истории и культуры немцев на Дону, Кавказе и Волге. А с целью координации всей научной работы на этой конференции было принято решение о создании координаци-

онного совета по изучению проблем российских немцев (нынешняя Международная ассоциация исследователей истории и культуры российских немцев, объединяющая сегодня исследователей из многих стран)¹⁵.

А это означает, что целенаправленное и последовательное исследование истории и культуры российских немцев, о котором в недалеком прошлом можно было только мечтать, впервые становится реальностью. В качестве печатного органа в 1995 году был учрежден Международный информационно-научный бюллетень, широко представляющий региональные исследования и материалы региональных архивов по проблемам немцев в России и СССР¹⁶. В то же время необходимо указать на то, что и создание ассоциации, и проведение конференций, и выход Бюллетеня на протяжении вот уже почти десяти лет стали возможны только благодаря интенсивному сотрудничеству между Германией и Россией, а также Германией и другими странами СНГ.

Сотрудничество, например, Германии и России в научной области осуществляется на широчайшей основе. Согласно данным, найденные мною во время поисков в интернете, ни в одной другой стране мира нет такой широкой сети германских посреднических научных и финансирующих научные исследования организаций (около 70). В России представлены почти все фонды, субсидирующие науку, действуют два Института им. Гёте, имеющие филиалы на огромнейшей территории вплоть до Сибири, развиваются партнерства между многочисленными городами и почти четырьмястами университетами и институтами. Более 3500 исследователей из России получают ежегодно стипендии немецких фондов и институтов.

А это уже из личных наблюдений и встреч: в числе стипендиатов широко были представлены и исследователи, занимающиеся изучением истории и культуры российских немцев. В процентном отношении от числа всех, разрабатывающих данную проблематику, им принадлежит даже ведущее место. Поскольку почти все научные проекты по российским немцам финансировались и координировались немецкой стороной, я, наверное, не погрешу против истины, если скажу, что, практически каждый из присутствующих на нашей конференции в той или иной степени получал в своей работе поддержку германской стороны, многие в качестве стипендиатов ДААД и других фондов проходили стажировку в Институте германских и восточно-европейских исследований в Геттингене (Institut für Deutschland- und Osteuropaforschung in Göttingen), а с 2002 года в Геттингенском отделении вновь созданного Института по изучению культуры и истории немцев в Северо-Восточной Европе (Nordost-Institut, Abteilung Göttingen). И я знаю, что руководство Геттингенско-

го отделения института и впредь намерено оказывать российским коллегам такую поддержку.

Десять лет назад исследователям было легче в том смысле, что почти все темы были неисследованными, а только что открывшиеся архивы хранили, казалось, уйму материалов по любому вопросу. В самом деле, недостаточно или очень уж односторонне исследован был школьный вопрос в колониях, в немецких районах и Республике немцев Поволжья, малоизученными были вопросы, связанные с внешней, внутренней и принудительной миграцией российских немцев. Практически не было научных работ по депортации и по режиму спецпоселения, а имевшиеся в силу объективных причин не могли опереться на документальные источники. Наконец, вовсе не было работ по заселению территории бывшей Республики немцев Поволжья и селений немцев в компактных местах довоенного проживания немцев СССР.

Не был разработан вопрос о правовом статусе немцев в России и СССР в историческом плане со всеми его изменениями. То же касалось и самоуправления колоний и его места во всей управленческой структуре Российской империи. Практически не была изучена религиозная жизнь немцев СССР на региональном уровне. Одним словом, практически в любой области обнаруживались пробелы или же любительский уровень и односторонность (в сторону обвинения властей в политике русификации и нежелании видеть противодействие самих российских немцев интеграции в российское общество) многих исследований. А главное, изучение истории и культуры российских немцев не было привязано к научной тематике исторических и культурологических кафедр университетов и институтов, без чего оно лишалось своего научного будущего.

Давайте посмотрим, что сделано за эти десять лет. Прежде всего хотелось бы отметить две чисто тематические конференции по историографии и источниковедению 1996 года и конференцию 1997 года по миграционным процессам в историческом аспекте.¹⁷ Историографический и источниковедческий аспекты были, кстати, неплохо представлены и на двух предыдущих конференциях 1994-го и 1995 гг., и это неудивительно. Ведь после десятилетий, когда архивы держали исследователей, так сказать, на голодном пайке, а архивное законодательство, например, России и Украины, все время менялось в сторону ужесточения дарованного «архивной революцией» 1992–1993 гг. доступа к документам.

Необходимо было как можно скорее выявить документальные источники по истории и культуре российских немцев. Планомерная и целенаправленная разработка обозначенной тематики требовала, чтобы у исследователей бы-

ло достаточно хорошее представление об имеющихся архивных источниках и об уже написанных работах по российским немцам. На конференции 1996 года такая работа была проделана по всем основным регионам довоенного и послевоенного проживания немцев в России и СССР.

Историографическая и источниковедческая тематика неизменно присутствовала и в программе последующих конференций и на страницах Научно-информационного бюллетеня. В результате целенаправленных и последовательных поисков фонды ряда архивов, в особенности региональных, довольно хорошо изучены. Если прибавить к этому, что за истекшее время издано несколько описей фондов Государственного архива Саратовской области¹⁸ и его филиала в Энгельсе¹⁹, Государственного архива Волгоградской области, а также Государственных архивов Одесской²⁰, Днепропетровской²¹ и Херсонской областей²³, Автономной Республики Крым²⁴ и сборников документов по истории немцев России и СССР в двух томах²⁵, немцев Казахстана²⁶, Кыргызстана²⁷, Сибири²⁸, по национальному движению немцев Поволжья в 1917–1918 гг.²⁹, целого ряда сборников документов по депортации немцев и по рабочим колоннам НКВД³⁰, а также этнографических исследований и каталогов по немцам Сибири и Поволжья³¹, то работа проделана огромная.

И это несмотря на отсутствие в большинстве российских архивов хороших описей и в особенности тематических указателей. Менее благополучно обстоят дела с описанием источников центральных архивов, где документы по немцам еще более рассеяны по самым различным фондам³². В общем и целом такого рода инструментарием мы обеспечены довольно хорошо и, наверное, даже лучше, чем исследователи, занимающиеся другими народами. Я думаю, что мы еще в недостаточной степени пользуемся созданными нами же возможностями для постановки новых тем. Уникальные описи фонда Попечительного комитета (всего вышло уже пять томов³³) позволяют, к тому же проводить сравнительные исследования по немцам, задунайским переселенцам и евреям. Что касается историографической проблематики, то в будущем необходим более критический анализ не только советских, но и западных работ, написанных в годы «холодной войны» и не опирающиеся в достаточной мере на документальные источники.

Вовсе не умаляя результатов десятилетней работы (я однозначно оцениваю их позитивно, и было бы неверно перечислять и восхвалять достигнутое, как и неверно было бы набрасываться на слабые рефераты, которые, как это бывает на любой конференции, тоже были). Мне хотелось бы высказать здесь свои размышления последнего времени и сказать о наболевшем.

То, что доклады основывались зачастую на одних лишь архивных матери-

алах, чем мы в последнее время в силу определенных причин увлекались, само по себе неплохо, но эти доклады не обязательно лучше и полнее отражают суть исследуемой проблемы. Захватывающая работа с документами таит в себе и опасность затеряться в деталях или же заполнения «белых пятен» в общем-то известного мира. Определенную проблему в работе с архивными делами советской эпохи создает преобладание директивных материалов над идущими снизу вверх. Последние, однако, также часто могут навести на ложный след, поскольку несут на себе печать создателей.

Сколько блистательных отчетов и прочих бумаг было составлено с целью показать свою активность, свою преданность системе. Из архивных материалов можно легко извлечь массу ранее неизвестных подробностей, но труднее включить их в общий исторический контекст, связать их с уже имеющимися знаниями по данной проблеме, с новейшей литературой.

Документальные архивные источники тоталитарных систем, нуждаются, таким образом, в критическом осмыслении. А такое осмысление я не мыслю себе без глубокого знания и учета принципиальных основ функционирования тоталитарной системы. Тогда из национальных секций РКП (б) или центральной немецкой газеты невозможно будет сделать, пусть даже косвенно и подспудно, полноправный орган, выполняющий или замещающий некоторые функции культурно-национальной автономии, или из Совета по делам религии в сталинские и хрущевско-брежневские времена защитника верующих, как это проскальзывает в отдельных публикациях, общий высокий уровень которых я никак не хочу ставить под сомнение.

Системе, провозгласившей, что религии нет места в обществе, такой совет нужен для манипулирования верующими и мировым сообществом. В этой системе он должен выполнять охраняющие функции тоталитарной системы, действовать в качестве, так сказать, предохранителя и создавать видимость законности и борьбы со злоупотреблениями. И эти злоупотребления, исходящие в принципе от имени руководящей партии и государства, в нужный момент называть злоупотреблениями определенных лиц, не стоящих на партийной линии и не выполняющих партийные требования.

Впрочем, мы можем позаимствовать опыт ученых ФРГ в изучении достоверности источников архивов бывшей ГДР. Публикации на этот счет имеются в ежегоднике *Jahrbuch für Kommunismusforschung*. Сделанные там выводы вполне применимы и к документальным архивным источникам советской системы.

Я думаю, что после создания столь хороших документальных основ и широчайшей справочно-информационной базы в виде архивных описей, нам

следует сосредоточиться в наших работах именно на органическом сочетании специальных архивных изысканий с теми познаниями, которые можно извлечь из работ, затрагивающих на первый взгляд общие, но в то же время и принципиальные вопросы изучаемой темы. Тогда в наших работах будет лучше проступить общероссийский, может быть, даже общеевропейский фон, и у нас самих возникнет потребность сравнить развитие тех или иных событий у российских немцев и у других этносов, чтобы выявить общее и особенное, и таким образом сделать свой вклад в изучение истории как на региональном, так и на общероссийском или общесоюзном уровне.

Тогда мы, возможно, впервые обнаружим, что немцы и другие народности могут заинтересовать нас и по причине принадлежности к хлебопашцам, и из-за не столь уж различной ментальности, и по многим другим причинам, которые при обращении к одним только немцам трудно обнаружить для формулировки вышеуказанных вопросов и тем. Или, скажем, попытаемся, наконец, поставить вопрос, почему именно в 1803 году возобновляется переселение немцев в Россию (и не только и даже не преимущественно в Россию) и не связано ли это с секуляризацией и упразднением большинства германских духовных княжеств и владений, а по большому счету с последствиями Французской революции.

Или возьмем тему школьного образования российских немцев. На конференциях прозвучало немного докладов на эту тему. На основе архивных материалов хорошо, даже весьма детально показано состояние школьного дела в Поволжье, в других регионах проживания немцев в России. Эти публикации послужили хорошей базой для соответствующих глав обобщающих работ, скажем, исследователей из Германии: Виктора Деннингхауза по истории и культуре немцев Поволжья в период между революциями 1905-го и 1917 гг. и Владимира Зюсса по школьному образованию немцев в России со времени поселения до 1917 г.

Но, говоря об отлично организованных городских, главным образом, петербургских и московских немецких школах, не было, насколько мне известно, предпринято ни одной попытки сравнить эти школы с русскими городскими гимназиями. А если бы сравнили, то увидели бы, что русские гимназии мало чем отличались от этих школ. Мало того, не было даже попыток сравнения этих немецких школ с колониcтской школой, а если бы сравнили, то обнаружили бы, что они из, так сказать, разных миров и имеют мало что общего между собой.

Мы, как мне кажется, на наших конференциях не вполне разобрались с довольно часто до нас и нами употреблявшимся термином «русификация». Хо-

тя ни для кого не секрет, что свой отпечаток на толкование термина отложил как весьма негативный опыт немцев, в первую очередь во время Первой мировой войны, так и успех на этом фоне пропагандистской кампании новых властей, что Россия являлась тюрьмой народов, а царизм и вообще и во все времена проводил русификаторскую политику.

Мы не в должной мере определили, что было явной и целенаправленной русификацией, что было административной русификацией (здесь следовало бы говорить об унификации) или культурной русификацией, а что воспринималось нерусскими народами как русификация, какая языковая политика необходима и неизбежна при модернизации государственных структур, при проведении таких глобальных реформ, какими были преобразования при Александре II.

И я думаю, что нам необходимо спросить себя в связи с этим, в достаточной ли степени изучены нами концепции правительства и земств, которые при всей своей непоследовательности все же были нацелены на улучшение образования в колониях, или планы церкви в немецких колониях, которой образование в конце концов было дано фактически на откуп. Мы знаем, что по этому вопросу ответственные за школьное дело в центре, на земском уровне и на местах действовали несогласованно, но не определили степени ответственности самих немцев за это, а то и за прямое противодействие властям.

Мы должны помнить, что улучшение школьного образования у немцев связано с вовлечением колониальной школы в общероссийские реформы образования 1860-х годов. Это вовлечение в общероссийские реформы произошло действительно впервые, тогда как при проведении Екатерининских школьных реформ, ориентированных на опыт прежде всего Пруссии, колониальная школа, несмотря на такие, казалось бы, благодатные внешние и внутренние условия, напрочь была исключена из этого процесса.

До реформ Александра II отсталое образование в колониях лишало к тому же из-за своей ревниво оберегаемой автономности большинство колонистов напрочь возможности получения более высокого образования. Если при исследовании колониальной школы в качестве исходной точки взять принадлежность немцев к определенному сословию (тогда колонистов необходимо сравнивать с бывшими государственными крестьянами), то очень скоро обнаружится, что колониальная школа, при всех ее особенностях, вытекающих из церковного надзора за ними, по содержанию образования, все же не таким уж коренным образом отличалась от соответствующих русских школ.

То же самое произойдет, если сравнить менталитеты, особенности административного (само)управления, роль общины (на Волге), отношение к вла-

сти, к Столыпинской аграрной реформе, к воинской службе. Я хотел бы обратить внимание коллег, что очень интересно было бы обратиться к вопросу об отношении церкви (не только лютеранской или католической, но и православной, а может быть и мусульманских религиозных авторитетов к Столыпинской аграрной реформе в многонациональном поволжском регионе.

На конференциях неоднократно звучали доклады о депортациях и репрессиях против немцев. Может быть, даже слишком часто, ибо среди них были и однотипные. Мы спорили о том, осуществлялись ли репрессии и депортации 1930-х годов, т.е. до начала германо-советской войны, только по социально-классовому или же и по национальному признаку. К сожалению, спор этот велся без учета новейших публикаций. При внимательном изучении литературы по данной проблематике оказывается, что тематика эта, пусть и не специально по отношению к немцам, относительно хорошо разработана, например, американским ученым Терри Мартином, в том числе вопросы периодизации и соотношения социальных и этнических составляющих причин репрессий (в особенности времен ежовщины) и депортаций³⁴.

Вновь и вновь выясняется, что в то время, как Россия, СССР, СНГ, их национальная политика, сталинизм и тоталитаризм, место насилия и чужого/чуждого в этих системах стояли и стоят в центре внимания восточно-европейских исследований в Германии, США и других стран, что, конечно же, является для всех нас величайшим благом, мы в недостаточной степени пользуемся результатами этих исследований в наших работах по истории и культуре российских немцев.

Свежий пример. По национальной политике, административной и интеграционной унификации и культурной дискриминации в отношении отдельных национальностей Российского и Советского государства в Германии вышла добротная работа Диттмара Шорковица (Dittmar Schorkowitz) (буряты и калмыки)³⁵, чуть раньше закончил свое исследование по татарам и башкирам Кристиан Ноак (Christian Noack)³⁶.

Или возьмем национальную культурную и языковую политику. Прежде всего мы должны поставить вопрос: какая же концепция большевистской партии лежала в ее основе? Какую они хотели культуру, для каких целей им нужны были языки и культура национальных меньшинств? Что с самого начала не находило и не могло находить места в этой концепции (а это, как оказалось, были значительные пласты, если в этой концепции не находилось места даже крестьянской культуре, а пролетарская существовала в качестве конструкта в их умах и виделась им насковзь политизированной и апологетически подчиненной интересам партии)?

Необходимо проследить, каким сферам крестьянской жизни, каким пластам крестьянской ментальности с самого начала была объявлена настоящая война, а это была не только одна религия. Что касается религии, то под прикрытием самого Маркса, объявили ее опиумом для народа, хотя по Марксу она была опиумом народа, т.е. своеобразным бегством народа в мир церковных грез из-за невыносимой жизни в середине XIX века. И кто осмелится опровергнуть этот тезис, если он оказался верным как для периода коллективизации (правда церкви тогда официально закрывали) или во время войны Германии против Советского Союза (когда их стали опять открывать, хоть и для представителей не всех, а только избранных конфессий).

Мы должны в будущем больше размышлять о том, чего же на самом деле хотели власти, сделавшие действительно и в то же время невольное много для развития краеведческого движения и организации музеев, в том числе и национальных. И очень скоро обнаружится, что сбор фольклора для них был ненужным хламом и объявлен любительством, требующим немедленного преодоления, а научное описание фауны и флоры эгоистическим академизмом за государственный счет. И все это было не в каком-то 1929-м или 1930 году, когда политика якобы изменилась, а много раньше – в 1923/24 годах, т.е. в самом начале культурного строительства. А хотели они прежде всего представления в краеведении и музейной работе производительных сил края и нового быта, решительно отвергая старый быт.

Выяснится также, что подбор кадров в политическом отношении им вовсе не внушал доверия уже начиная с 1923–1924 годов, т.е. практически с самого начала работы после окончания Гражданской войны. И если посмотреть на концепции национальной культуры меньшинств, разработанные национальной интеллигенцией еще в период между революциями 1905-го и 1917 годов, то эти концепции и представления большевиков явно не совпадали, а поэтому и не могли быть в полной мере воплощены в жизнь. Скорее, удивительно, сколько было сделано вопреки представлениям властей.

У немцев Поволжья, как и у всех других народов, в том числе и у русских, это сделали прежде всего старые кадры интеллигенции. Хотя Георг Дингес (Georg Dinges), Аугуст Лонзингер (August Lonsinger) и Петер Зиннер (Peter Sinner) были оттеснены Поволжским комиссариатом по немецким делам еще в мае 1918 г., т.е. до провозглашения немецкой автономии., они жившие в Саратове, смогли пережить это время относительно легко, т. к. были независимы от властных структур автономии. А когда после смены партийно-советской верхушки в 1920 году были привлечены к культурному строительству, то находились в более выгодном положении, чем представители интеллиген-

ции в татаро-башкирском регионе, против которых большевики развернули настоящую борьбу с так называемым буржуазным национализмом еще в начале 1920-х годов.

В то же время необходимо отметить, что, например, Георг Дингес смог реализовать некоторые из своих дореволюционных планов благодаря своему «земляку» и влиятельному покровителю, председателю ЦИК АССР НП Йоганессу Швабу (Johannes Schwab) (И. Шваб ранее был учителем в Блюменфельде, родном селе Дингеса).

До тех пор, пока мы не займемся изучением национальной политики во всех ее аспектах и взаимосвязях, мы по привычке будем говорить о коренном изменении национальной и культурной политики большевиков в конце 1920 – начале 1930-х годов. Свои цели большевики отнюдь не скрывали и ловко лавировали в зависимости от соотношения сил, что и сами открыто признавали. И если в конце 1920-х годов партия решительно стукнула кулаком по столу и сказала: «Хватит, это не соответствует нашим представлениям», – то это говорит только о том, что она оправилась и что не намерена больше допускать того, чему, по ее мнению, нельзя быть.

Партия большевиков была уже настолько сильна, что смогла воспротивиться выполнению концепции так называемых кулацких националистов. В то же время нельзя не отметить, что национальный и культурный подъем некоторых народов связан с признанием большевиками важности работы на национальных языках, автономизации (хотя бы и с целью советизации), придания национальностям более привилегированного по сравнению с прошлым статуса. Это все надо более тщательно исследовать, как, впрочем, и тот факт, что идеологическая же подоплека культурной политики большевиков душила саму культуру, не выносящую столько политики и идеологии.

Давнишняя мечта о целенаправленном, всестороннем и последовательном изучении истории и культуры российских немцев осуществляется ныне в резко изменившихся условиях, в том числе и в области научных исследований. На смену изучению чисто этнической истории в глобализованном научном мире все более приходит сравнительное и по результативности более перспективное изучение социальной истории этносов. Особенно остро и по понятным причинам болезненно ощущают это исследователи истории и культуры народов, этническая история которых далеко еще не написана.

Конечно же, у опоздавших (не по своей вине) появляется соблазн количественного накопления материала. Хочется досконально исследовать и то и это, опубликовать как можно большее количество документов. То, что многие из них однотипные и не годятся для новых выводов, обнаруживается чаще все-

го после проделанной работы. В то же время при всей неразвитости краеведения или даже угрозе, навсегда остаться без человеческих и предметных свидетельств истории этносов не только соблазнительно, но настоятельно необходимо проделать и эту работу, а также попутно и работу, которую при нормальном развитии и нормальных обстоятельствах осуществляют землячества, общества, союзы и т. д.

Однако наука развивается по своим законам, и, чтобы не остаться на ее задворках, историки российских немцев должны принять этот новый вызов. А это значит, что они параллельно со сбором новых фактов, который для некоторых регионов проживания российских немцев (Закавказье, Волянь, Северный Кавказ) крайне необходим, должны изучать эту историю и культуру на фоне не только общероссийского и общесоветского развития, но и с учетом российско-германских/советско-германских отношений или даже европейских реалий. Эту работу существенно облегчают имеющиеся в распоряжении исторической науки теоретические наработки и методики исследования.

Зная о трудностях коллег из России и Украины с доступом к новой литературе, им в этом, казалось бы, могли и должны были помочь немецкие коллеги. Но эта помощь даже во время целевого пребывания в Германии в рамках финансируемых ДААД или различными фондами исследовательских проектов чаще всего ограничивалась подборками обозначенной в библиографии Брандеса/Буш – Брандеса/Деннингхауса литературы. Это хорошо, но мало. Коллеги нуждаются в методической помощи, в консультациях по теоретическому осмыслению проблем, по имеющимся наработкам западных ученых.

Мы много сделали, многое предстоит сделать. Думается, первостепенная роль в перестройке работы ассоциации принадлежит его печатному органу – Научно-информационному бюллетеню, ставшему своеобразным компасом для ученых, занимающихся историей и культурой российских немцев. Для того, чтобы этот компас стал более надежным, необходимо привлечь в качестве авторов ученых из Германии и США, которые смогли бы проинформировать о новых методических направлениях в работе историков, о теоретических спорах и выводах по проблемам национальной политики России и Советского Союза, истории российских революций XX века, Первой и Второй мировых войн, тоталитарной системы в СССР, без учета которых я себе не мыслю будущих конференций ассоциации.

Примером такого подхода могли бы служить публикации в журнале *Osteuropa* о, англоязычных публикациях по истории России и Восточной Европы и имеющиеся другие научно-информационные бюллетени, например, германо-польский. И конечно же, необходимо более тщательно планировать

темы и вопросы, которые предстоит обсудить на конференциях. В этой связи хочется сказать, что продуманная концепция «Саратовской» конференции 2004 года вселяет оптимизм.

¹ См.: Kahle, W.: Aufsätze zur Entwicklung der evangelischen Gemeinden in Russland. Leiden/Köln 1962; ders.: Geschichte der evangelisch-lutherischen Gemeinden in der Sowjetunion 1917–1938. Leiden 1974; ders.: Die lutherischen Kirchen und Gemeinden in der Sowjetunion seit 1938/1940. Gütersloh 1988; ders.: Dokumente und Berichte zum Leben der lutherischen Kirchen und Gemeinden in der Sowjetunion – seit 1939/40. Gütersloh 1988.

² См.: Fleischhauer, I: Die Deutschen im Zarenreich. Stuttgart 1986; dies.: Die Deutschen in der Sowjetunion. Geschichte einer nationalen Minderheit im 20. Jahrhundert. Osteuropa und der internationale Kommunismus, Bd. 17. Baden-Baden 1987; dies./Jedig, H. (Hrsg.): Die Deutschen in der UdSSR in Geschichte und Gegenwart. Baden-Baden 1990.

³ См.: Brandes, Detlef: Von den Zaren adoptiert. Die deutschen Kolonisten und die Balkansiedler in Neurussland und Bessarabien 1751-1914. R. Oldenbourg Verlag München 1993 (Schriften des Bundesinstituts für osteuropäische Kultur und Geschichte, Bd. 2).

⁴ См.: Neutatz, Dietmar: Die „deutsche Frage“ im Schwarzmeergebiet und in Wolhynien. Politik, Wirtschaft, Mentalitäten und Alltag im Spannungsfeld von Nationalismus und Modernisierung (1856-1914). Franz Steiner Verlag Stuttgart 1993 (Quellen und Studien zur Geschichte des östlichen Europa, Bd. 37).

⁵ См.: „Russisches und Deutsches bei den Sowjetdeutschen“. In: Korrespondenzen. Festschrift für Dietrich Gerhardt aus Anlass seines 65. Geburtstages, hrsg. von A. Engel-Braunschmidt und A. Schmücker, Giessen 1977 (= Marburger Abhandlungen zur Geschichte und Kultur Osteuropas, Bd. 14), S. 139-166; dies.: Sowjetdeutsche Literatur im Aufbruch. Die Zeitschrift 'Der Sturmschritt' zwischen kultureller Autonomie und dem Würgegriff Stalins. In: Germano-Slavica, Fall 1983, vol. 4, Nr. 4, S. 169-190; dies.: 'Kaiser, Pfaffe und Kulak'. Zur so genannten Pfaffen- und Kulakenliteratur der Russlanddeutschen. In: Kirche im Osten. Studien zur osteuropäischen Kirchengeschichte und Kirchenkunde, hrsg. von Peter Hauptmann, Bd. 29, Göttingen 1986, S. 38-68; dies.: „National nach der Form, dem Inhalt nach sozialistisch.“ Zur besonderen Situation der deutschen Literatur in der Sowjetunion“. In: Die Deutschen im Russischen Reich und im Sowjetstaat, hrsg. von A. Kappeler, B. Meissner, G. Simon, Köln 1987 (= Nationalitäten- und Regionalprobleme in Osteuropa, Bd. 1), S. 115-135; dies. (Hrsg.): Siedlernet und Dorfidyll. Kanonische Texte der Russlanddeutschen. Berlin–Bonn 1993.

⁶ См.: Berend, N.; Jedig, H.: Deutsche Mundarten in der Sowjetunion. Geschichte der Forschung und Bibliografie. Marburg 1991

- ⁷ См.: Eisfeld, A.: Deutsche Kolonien an der Wolga 1917-1919 und das Deutsche Reich. Wiesbaden 1985; ders.: Die Russlanddeutschen. Mit Beiträgen von Detlef Brandes und Wilhelm Kahle. München 1992 und 1999.
- ⁸ См.: Dahlmann, Dittmar; Tuchtenhagen, Ralf: Zwischen Reform und Revolution. Die Deutschen an der Wolga 1860-1917. Klartext Verlag Essen 1994 (Veröffentlichungen zur Kultur und Geschichte der Deutschen im östlichen Europa, Bd. 4).
- ⁹ О деятельности и публикациях Омской диалектологической школы см.: Berend, N.; Jedicig, H.: Deutsche Mundarten in der Sowjetunion. Geschichte der Forschung und Bibliografie. Marburg 1991, стр. 173-229.
- ¹⁰ По итогам исследований была опубликована статья в газете „Neues Leben“. С. Malinowski, L.: Der Sowjetdeutsche in Siubirien – wie er leibt und lebt. „Neues Leben“ Nr. 27-30/1969.
- ¹¹ См. Die Deutschen in der Bruderfamilie der Sowjetvölker. Materialien der wissenschaftlich-praktischen Republikkonferenz, die am 16.-17.- Juni 1989 in Alma-Ata stattfand. Alma-Ata, 1991.
- ¹² См. Советские немцы: история и современность. (Материалы Всесоюзной научн.-практ. Конф. Москва, 15–16 ноября 1989 г.). Москва, 1990.
- ¹³ См.: Кригер В. Э.: Социально-экономическое развитие немецкой переселенческой деревни Казахстана (дореволюционный период). Алма-Ата, Институт истории, археологии и этнографии АН Казахстана, 1991 (машинописный манускрипт диссертации).
- ¹⁴ См.: Герман А. А. Немецкая автономия на Волге, 1918–1941. Часть 1. Автономная область, 1918–1924. Саратов, 1992; Его же. Немецкая автономия на Волге, 1918–1941. Часть 2. Автономная республика 1924–1941. Саратов, 1994.
- ¹⁵ См. Предисловие к сборнику Российские немцы на Дону, Кавказе и Волге. Материалы Российско-германской научной конференции. Анапа, 22–26 сентября 1994 г. Москва 1995, стр.8, и резолюция Российско-германской научной конференции «Российские немцы на Дону, Кавказе и Волге», стр. 335.
- ¹⁶ См. Российские немцы. Научно-информационный бюллетень. Всего с 1995-го по 2003 год вышло 36 номеров этого бюллетеня, выпускаемого в Москве Международной ассоциацией исследователей истории и культуры российских немцев, Геттингенским отделением Института культуры и истории немцев в Северо-Восточной Европе (Nordost-Institut – Institut für Kultur und Geschichte der Deutschen in Nordosteuropa (Abteilung Göttingen), Научная комиссия по немцам в России и в СНГ (Wissenschaftliche Kommission für die Deutschen in Russland und in der GUS–Göttingen) и АОО «Международный союз немецкой культуры».
- ¹⁷ См.: Российские немцы. Историография и источниковедение: Материалы международной научной конференции. Анапа, 4–9 сентября 1996 г. Москва 1997; Миграционные проблемы среди российских немцев. Материалы Международной научной конференции. Анапа, 26–30 сентября 1997 г. Москва 1998.

- ¹⁸ См.: Журнал заседаний общего присутствия Саратовской конторы опекуства иностранных / Под ред. И. Р. Плева. Том 1: 1774 год. Саратов 1996; Аннотированная опись дел Саратовской конторы иностранных поселенцев. Том 1. Под ред. И. Р. Плева. Москва 2000; Аннотированная опись дел Саратовской конторы иностранных поселенцев. Том 2 / Под ред. И. Р. Плева. М., 2002.
- ¹⁹ См.: Опись дел архивного фонда «Народный Комиссариат просвещения АССР НП». Под ред. И. Р. Плева. М., 1997. Перечень вопросов, рассмотренных на заседаниях СНК и Президиума ЦИК АССР НП 1924–1928 гг. Под ред. И. Р. Плева, М., 1997; Findbuch zum Aktenbestand [R] 1831 Dokumentensammlung zur Geschichte und Kultur der Wolgadeutschen (1764–1941) in der Filiale des Staatsarchivs des Gebiets Saratow in Engels. Herausgegeben von Elizaveta Erina und Victor Herdt. Göttingen 2002.
- ²⁰ См.: Указатель по Медведицкому, Линевоозерскому, Олешнинскому, Ней-Галкинскому и Ромашскому фондам волостных правлений Государственного архива Волгоградской области / Под ред. И. Р. Плева. М., 1996; Перечень документов Государственного архива Волгоградской области по истории поволжских немцев за период вхождения АССР НП в состав Нижневолжского края. 1928–1934 гг. Под ред. И. Р. Плева. М. 1998; Описи немецких сельских управлений Государственного архива Волгоградской области. Под научной ред. И. Р. Плева. М., 2002.
- ²¹ См.: Попечительный Комитет об иностранных поселенцах Южного края России 1799–1876. Том 1: Аннотированная опись дел 1799–1818 гг. Ред.: О. В. Коновалова. Одесса, 1998; Попечительный Комитет об иностранных поселенцах Южного края России 1799–1876. Том 2: Аннотированная опись дел 1819–1826 гг. Научн. ред.: О. В. Коновалова. Одесса, 1999; Попечительный Комитет об иностранных поселенцах Южного края России 1799–1876. Том 3: Аннотированная опись дел 1827–1833 гг. Научн. ред.: О. В. Коновалова. Одесса, 2000; Попечительный Комитет об иностранных поселенцах Южного края России 1799–1876. Том 4: Аннотированная опись дел 1834–1835 гг. Научн. ред.: О. В. Коновалова. Одесса, 2001; Попечительный Комитет об иностранных поселенцах Южного края России 1799–1876. Том 5: Аннотированная опись дел 1836–1839 гг. Научн. ред.: О. В. Коновалова. Одесса, 2002; Одесская контора иностранных поселенцев 1805–1806, 1814–1833. Аннотированная опись фонда. Одесса, 2003.
- ²² См.: Фонд «Контора опекуства новороссийских иностранных поселенцев» 1781–1857. Том 1: Аннотированная опись дел 1781–1818 гг. Сост.: Н. Л. Юзбашева, Д. Ю. Мешков. Днепропетровск, Киев, 1997.
- ²³ См.: Немцы Херсонщины. Аннотированный перечень дел Государственного архива Херсонской области (1919–1930). Одесса, 2002.
- ²⁴ См.: Немецкое население Таврической губернии. Том 1: Аннотированный тематический перечень дел. Канцелярия Таврического губернатора. 1803–1917 гг. Таврическое губернское правление. 1803–1917 гг. Одесса, 2000.

- ²⁵ См.: Ауман В. А.: Чеботарева В. Г.: История российских немцев в документах (1762–1991 гг.). М., 1993; Ауман В. А.: Чеботарева В. Г.: История российских немцев в документах. Т. II. Общественно-политическое движение за восстановление национальной государственности (1965–1992 гг.). М., 1994.
- ²⁶ См.: Из истории немцев Казахстана (1921–1975). Сборник документов. Сост. Т. Б. Митропольская [...]. Отв. ред. Г. А. Карпыкова. Алматы, Москва, 1997.
- ²⁷ См.: Из истории немцев Кыргызстана 1917–1999 гг. Сборник документов и материалов / Под общ. ред. Альфреда Айсфельда. Сост.: А. Т. Бектурова, Д. Ш. Кызаева. Бишкек, 2000.
- ²⁸ См.: Немцы в Сибири. Сборник документов и материалов по истории немцев в Сибири 1895–1917. Сост. П. П. Вибе. Омск, 1999.
- ²⁹ См.: Zwischen Revolution und Autonomie. Dokumente zur Geschichte der Wolgadeutschen aus den Jahren 1917 und 1918. Hrsg. von Victor Herdt.
- ³⁰ См.,напр.: Иосиф Сталин – Лаврентию Берия: «Их надо депортировать...» Составление, предисловие и комментарий Н. Ф. Бугая. М., 1992; «Мобилизовать немцев в рабочие колонны... И. Сталин» Сборник документов (1940-е годы). Составление, предисловие и комментарий Н. Ф. Бугая. М., 1998; Deportation, Sondersiedlung, Arbeitsarmee. Deutsche in der Sowjetunion 1941-1956. Herausgegeben von Alfred Eisfeld und Victor Herdt. Köln 1996.
- ³¹ См.: Горобцова Е. А.: Хозяйство и быт немцев Поволжья (XIX–XX вв.) Каталог. М., 1998, Черказьянова И. В. (составитель): Каталог этнографической коллекции российских немцев в собрании Омского государственного историко-краеведческого музея. Омск, 1997.
- ³² Первая такая опись вышла недавно в Германии. См.: Немцы России. Конец XVIII – начало XX века. Каталог документов Российского государственного архива./ Deutsche in Russland. Ende des 18. bis Anfang des 20. Jahrhunderts. Findbuch des Russischen Historischen Staatsarchivs. Bd. 1. Essen 2002, 458 S. Veröffentlichungen zur Kultur und Geschichte im östlichen Europa, Bd. 24.
- ³³ См. Сноску 21.
- ³⁴ См.: Martin, T.: Terror gegen Nationen in der Sowjetunion. In: Osteuropa 6/2000, S. 606-616.
- ³⁵ См.: Schorkowitz, D.: Staat und Nationalitäten in Russland. Der Integrationsprozeß der Burjaten und Kalmücken, 1822–1925 (= Quellen und Studien zur Geschichte des östlichen Europa; Bd. 61), Stuttgart: Franz Steiner 2001
- ³⁶ См.: Noack, chr.: Muslimischer Nationalismus im Russischen Reich. Nationsbildung und Nationalbewegung bei Tataren und Baschkiren, 1861–1917 (= Quellen und Studien zur Geschichte des östlichen Europa, Band 56), Franz Steiner Verlag, Stuttgart 2000

ПРАКТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПРОБЛЕМ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ ТЕМА

Э. Р. Барбашина

Об актуальности. Вопрос об эффективности теоретических исследований, касающихся российских немцев, кажется, на первый взгляд, весьма простым. Достаточно выявить, например, соотношение рекомендаций специалистов или опубликованных результатов в научных работах с решениями тех или иных практических проблем и обосновать соответствующие оценки и выводы. В действительности дело обстоит гораздо сложнее.

Известно, что трансформация научного знания в «рекомендации» или «правила-предписания» для практической деятельности является самостоятельной исследовательской проблемой. Наиболее очевидно это прослеживается в подготовке учебников для практической образовательной деятельности. Не менее, если не более сложными являются проблемы взаимодействия представителей научного и управленческого сообществ, которое предполагает готовность и способность к диалогу обеих сторон. Об этом наглядно свидетельствуют встречи представителей науки, структур управления, лидеров немецких общественных движений, на которых нередко можно услышать взаимные упреки.

Исследователи сетуют на невостребованность полученных ими результатов, а представители другой стороны не получают конкретных ответов на сформулированные ими вопросы (как-то: какова должна быть численность немецкого компактного поселения для сохранения этнической идентичности; в чем причины кризиса этнической культуры и как его можно преодолеть; как необходимо оценить депортацию с позиции международного права по защите интересов национальных меньшинств и нарушения прав человека; в чем специфика национального образования в современных условиях и мн. др.).

Авторы, которые высказывают разные точки зрения, зачастую взаимоисключающие, находят достаточно убедительные аргументации. Если экстраполировать сложившуюся ситуацию в будущее, то можно предвидеть дополнительные сложности с информационным обеспечением управленческих решений по проблемам российских немцев, а также с удовлетворением потребностей образовательных и культурных учреждений, и, кроме – увеличение числа идеологизированных вариантов интерпретации тех или иных исторических фактов или прогнозов.

К немаловажным аспектам темы эффективности относится вопрос о соотношении составляющих триады автор – научный текст – читатель. При этом в роли читателей могут выступать как представителя собственно научного сообщества, так и люди далекие от науки. Отсюда проблема практического значения или эффективности оказывается тесно связанной с вопросами понимания, освоения знания и его интерпретации.

Учитывая сложность, масштабность сформулированной темы и ответственность за обоснование конкретных позиций, задача настоящей работы состоит только в постановке ряда ключевых, на мой взгляд, вопросов, которые могут стать поводом для дальнейшего обсуждения этой проблематики в целом. Этим объясняется фрагментарность и своеобразная «клиповая» форма изложения материала. Отсюда вытекает также очевидная дискуссионность последующих утверждений и выводов.

Общая характеристика проблемной ситуации. Словосочетание «научные исследования» является обобщенным термином. Он, в силу абстрактности своего содержания, не отражает сложную структуру и тенденции развития всей гносеологической ситуации. В последнее десятилетие появились сотни и сотни публикаций, диссертационных исследований, дипломных работ, проводилось множество конференций и семинаров по самым разным проблемам российских немцев.

Анализ практической значимости результатов многочисленных исследований предполагает не только объемную библиографическую и источниковедческую, но и классификационную работу. При этом число возможных классификаций будет зависеть от изначально определенных оснований. В качестве таковых может выступать предмет исследования в конкретных науках (в истории, этнологии, социологии, лингвистике и др.), научные школы и направления, проблемно-тематические поля, география деятельности научных сообществ, личностные характеристики ученых и т.д.

Сложность и одновременно актуальность такой задачи наглядно демонстрируют очень ценные библиографические публикации Т.Н. Черновой, Д. Брандеса и др.¹ Материалы, изложенные в этих работах, наглядно свидетельствуют, что большинство исследований сегодня осуществляются в рамках истории как научной дисциплины. Также приходится согласиться, что публикации в основном носят «пока региональный характер, либо представляют собой комплексное исследование отдельной темы... Пройден серьезный этап собирания фактографического материала, освоения архивных документов и материалов, поставлены многие конкретные вопросы. Настало время поиска ответов, обобщений, сравнительного анализа...»².

Полностью признавая важность сформулированных задач, их ряд целесообразно дополнить, на мой взгляд, и вопросом о практической эффективности и направленности исследований.

В самом общем виде проблему **практической эффективности/значимости** исследований проблем российских немцев можно связать с функциональной характеристикой знания в целом. В этом случае к наиболее бесспорным его функциям можно отнести:

- этнокультурную, что проявляется в том, что результаты исследований значимы для организации и осмысления этнической жизнедеятельности российских немцев;
- социальную, в том числе роль знания для информационного обеспечения, обоснования и выбора управленческих и других практических решений;
- просветительскую, образовательную;
- познавательную, т.е. самоценность научного знания, включая рассмотрение его практического значения как внутринаучной проблемы.

Если соотнести обобщенные результаты исследовательской деятельности с каждой из перечисленных функции их практической значимости, то несложно найти подтверждения как для положительных, так и отрицательных выводов. Общеизвестно, например, что на семинарах и тренингах для работников многочисленных центров немецкой культуры, общественных объединений немцев в России и странах СНГ широко используются результаты теоретических и методических разработок, этнографических экспедиций, а также архивные и статистические материалы. Более того, они многократно тиражируются и адаптируются участниками таких мероприятий к решению конкретных этнокультурных задач в местах проживания немецкого населения. В последнее время растет также число публикаций ученых в научно-практических и методических изданиях³.

В Сибири сегодня можно найти немало фактов научного обеспечения конкретных практических проектов и программ. Омск, например, является признанным центром этнографической и музейной работы. Здесь активно ведутся теоретико-методические разработки в области немецкого национального образования, изучения немецкого языка, этнокультурной деятельности центров немецкой культуры. В вузах Алтайского края большое внимание уделяется изучению истории немцев в Сибири, созданию учебно-методической и кадровой базы для образования немцев в контексте поликультурного пространства. В Томске и за его пределами широко известны разработки и практические результаты модели системного подхода в изучении немецкого языка в условиях дисперсного проживания немцев. В Новосибирской области, наряду

с многолетними этносоциологическими исследованиями, предпринята попытка создания элементов национального немецкого образования на всех ступенях – от прогимназии до университета.

Большой практический интерес представляет опыт и научное обоснование системы самоуправления в немецких национальных районах Алтайского края и Омской области. Об осознании в регионах актуальности информационно-научного обеспечения практической работы в области этнического развития немцев свидетельствует опыт разработки в последнее время перспективно ориентированных тематических программ при помощи консультаций специалистов консалтинговых фирм, в том числе и из Германии. Во всех перечисленных, как и многих других формах работы исследователи истории и культуры российских немцев принимают достаточно активное участие.

Приведенный перечислительный ряд эмпирически фиксируемых положительных фактов можно увеличить. Однако столь же наглядно можно показать обратное, а именно: практику принятия управленческих решений без соответствующего научно-информационного обеспечения.

Особые сложности возникают при попытках оценить роль научных исследований в сфере управления и деятельности органов власти на федеральном уровне, ибо такое взаимодействие осуществляется преимущественно в форме консультаций и редко обсуждается в публичных дискуссиях. Специалистам еще предстоит, на мой взгляд, в будущем проанализировать степень обоснованности и адекватности интересам немецкого населения «Комплексной целевой федеральной программы по созданию базы для социально-экономического и культурного развития российских немцев» как на этапе ее разработки, так и результатов ее реализации. Однако со всеми основаниями могу утверждать, что исследования относительно ее реализации в регионах по конкретным этапам и последующая корректировка с привлечением разнопрофильных специалистов фактически не имели места.

Столь же наглядный пример недооценки рекомендаций исследователей проблем российский немцев относится к миграционной проблематике. Активные миграционные потоки немцев в 1990-е годы из бывших республик СССР в Сибирь и другие регионы России были преимущественно стихийными. Целенаправленные программы адаптации переселенцев в новых местах проживания исчислялись в сибирских регионах единицами (исключение составляли только немецкие национальные районы). Общеизвестно, что инициаторами такого направления деятельности фактически выступили сотрудники германского Общества технического сотрудничества в начале 1990-х гг. Они же оказались, в отличие от региональных структур вла-

сти, первыми заинтересованными заказчиками междисциплинарных исследований по этой проблематике.

Об отсутствии эффективного диалога между представителями научного сообщества и структурами государственного управления наиболее наглядный материал представляет история деятельности департамента российских немцев. Так, многолетние безуспешные попытки создания экспертных советов по координации и поддержке исследовательских проектов можно проследить по целому ряду нереализованных постановлений и решений этой федеральной структуры. К архивным документам для будущих историков уже сегодня относятся протоколы встреч представителей науки и федеральных структур власти, на которых обсуждались задачи формирования портфеля заказов на научную информацию со стороны принимающих управленческие решения, которые также остались не реализованной инициативой.

Прерывая приведенные иллюстрации, обратим внимание на то, что вопрос о практическом значении научных исследований включает два относительно самостоятельных подвопроса. В одном случае речь может идти о проективном знании, т.е. о соотношенности тематики и целей исследований с практическими потребностями и задачами. В другом случае – вопрос может стоять об эффективности уже существующего знания. Общим для этих двух вариантов является то, что исследователю необходимо иметь собственное представление о практических потребностях. Способы формирования такого представления могут быть самыми разными – от результатов целенаправленных эмпирически ориентированных исследований до идеологически обоснованных заказов. Несмотря на приведенные различия, очевидно одно: многоаспектная проблематика практической эффективности исследований требует разработки в качестве самостоятельной внутринаучной проблемы.

Среди причин актуализации проблемы практической эффективности научных исследований первостепенное место занимает, на мой взгляд, недостаточное внимание к ней в среде самого научного сообщества. Периферийное положение этой темы в кругу интереса отечественных исследователей можно, конечно, объяснить тем, что их интенсивная работа измеряется по времени всего полутора десятками лет. Однако именно это является одним из факторов важности осмысления этой проблемы в настоящее время в кругу специалистов, цеховое объединение которых определяется, независимо от предметной специализации, общим объектом исследования – проблемы истории, культуры российских немцев: прошлое, настоящее и будущее. Для подтверждения этого тезиса можно также сослаться на общенаучный опыт: вопросы практической значимости научных исследований явля-

ются важным предметом саморефлексии науки в целом, конкретных дисциплин, в частности.

Мне представляется, что одним из приоритетных направлений перспективного развития междисциплинарных исследований выступает обсуждение их практического значения в связи с факторной обусловленностью развития исторического сознания, современного самосознания, этнической жизнедеятельности российских немцев. В этом контексте наиболее наглядно можно проиллюстрировать практические последствия существующего знания и выявить темы, требующие дальнейшей разработки.

Кроме этого, в этом случае тесно переплетены исторический и современный подходы, а также ряд методологических установок. Так, например, это означает, во-первых, отказ от крайних интерпретаций принципа историзма как установку на беспристрастное исследование в социальных науках, не имеющего отношения к современной практике. Во-вторых, исследовательский интерес к истории и актуальной жизнедеятельности любого этнического образования нельзя рассматривать в соответствии с модернистской идеей как проявление национализма, основанного на приверженности традициям⁴. И, в-третьих, обсуждение тематики практической значимости исследований по определению должно осуществляться на междисциплинарном уровне.

Историческое сознание: этническая память и современность. Обращение к анализу проблематики исторического сознания, этнического самосознания российских немцев обусловлено прежде всего тем, что именно эти составляющие признаются большинством специалистов, независимо от их методологических или идеологических позиций, важнейшими атрибутами этничности. Общеизвестно, что историческая память, общие представления об этническом прошлом – реальные или вымышленные – являются неизменными факторами этнической идентификации, этнического самосознания. На этапе сбора материалов в современных исследованиях представляет интерес взаимосвязь исторических фактов с проблемой этнической памяти и памятников. Здесь же наиболее наглядно прослеживается междисциплинарная связь исследований.

К многоаспектным характеристикам этнической памяти относятся спонтанность, конкретность, активность, уязвимость, выборочность и т.д. Особое значение имеет такой признак этнической памяти, как восприимчивость к манипуляциям. Отсюда следует, что результаты изучения фактов истории российских немцев имеют большое значение для формирования этнического самосознания сегодня.

При этом, у каждого народа есть такие исторические события и факты, которые осознаются на индивидуальном или групповом уровнях «как нацио-

нальная травма». Такая память может иметь не только позитивный исторически-преемственный, но и разрушительный характер по отношению к этнокультурному поведению и социальной активности в настоящем. В такой ситуации обостряется вопрос о том, как сохранять такую память и минимизировать ее «травматическую составляющую».

Одним из вариантов решения этой задачи является создание, сохранение интенциональных памятников. Здесь речь идет о поисках тех мест, где сохраняется историческая непрерывность. Другими словами, это то, что становится памятником со временем. К такому типу памятников относятся праздничные церемонии и минуты молчания, библиотеки и архивы, словари и учебники и др. В изучении процессов становления такого рода памятников, что равноценно участию в их формировании, особая роль принадлежит представителям исторических наук.

Мне представляется, что сегодня самая большая заслуга историков, архивистов по проблематике российских немцев именно в том и состоит, что они, с одной стороны, остановили время, а с другой – восстанавливают историческую непрерывность. Тем самым они сопричастны к созданию интенциональных памятников-монументов и в истории, и для будущего российских немцев. В этом проявляется и реализуется одна из наиболее гуманных по значимости функций труда историка.

Для конкретизации этого вывода можно обратиться к материалам конференций и публикаций конца 1980-х – начала 1990-х гг. Именно деятельность историков стала началом стадии осмысления наиболее важных фактов в истории российских немцев XX столетия. Они впервые начали работу с документами, которые длительное время оставались для них недоступными по политическим и идеологическим причинам. В центре внимания исследователей оказались документы и материалы, связанные с судьбоносными поворотами в истории немцев в России и СССР. Они относились к неоднократным волнам депортации и репатриации, к послевоенному режиму спецпоселений, к ограничению прав человека на свободный выбор места проживания, профессиональной деятельности и образования по национальному признаку.

Большое значение имело то, что эта исследовательская работа совпала по времени и смыслу с новым этапом осознания широкими слоями немецкого населения своей этнической истории. Люди впервые публично проговаривали то, что долгое время было под запретом и даже наказуемым. Форма этих публичных обсуждений темы депортаций и ее последствий невольно вызывает аналогию со «стеной плача». Это был своеобразный период первичного

коллективного, семейного и индивидуального осмысления и оплакивания конкретных исторических фактов.

Соответственно абсолютное большинство актуальных проблем рассматривалось и объяснялось через призму этих исторических фактов. Эта часть исторической памяти российских немцев явно оказалась местом травм, которое требует внимательного изучения с позиции его влияния на актуальное поведение людей, а также выбора того или иного типа поведения на будущее. Сегодня, я думаю, можно говорить о появлении предпосылок для нового этапа осмысления этой темы.

К таковым относятся, с одной стороны, появление исторических памятников.

Немецкое население уже более 10 лет отмечает во всех местах своего проживания День памяти, который соотнесен с началом депортации (28 августа). Это является, на мой взгляд, свидетельством становления именно интенционального памятника, в котором немалая заслуга специалистов-исследователей. Формирование такого типа памятников и их устойчивое воспроизводство позволяет преодолеть как абсолютизацию исторических фактов как национальной травмы, так и их забвения.

С другой стороны, к предпосылкам относятся само историческое время и смена нескольких этнических поколений. В связи с этим актуализируются две взаимосвязанные проблемы. К первой относятся вопросы исторической истины, ко второй – вопросы состояния, развития и формирования исторической этнической памяти новых поколений. Актуальность этой темы наглядно подтверждают результаты этносоциологического опроса российских немцев в конце 1990-х гг. в местах дисперсного проживания немцев в Сибири: среди респондентов в возрасте до 35 лет только 9% отметили хорошее знание истории российских немцев.

До последнего времени источником таких знаний в абсолютном большинстве было старшее поколение, участники депортации. Сегодня индивидуальная память о депортации сохранена, как правило, в форме воспоминаний детства в рассказах взрослых. Отсюда возрастает роль результатов исследований этого периода, их интерпретации, распространения и влияния на формирование исторического сознания, этнической памяти.

Историческая истина в этнической памяти. Вопросы о практическом значении результатов исследования этнической жизнедеятельности российских немцев тесно связаны с взаимообусловленностью исторической истины, этнической памяти и актуального этнического самосознания. Если источником знаний о реальном состоянии этнического самосознания выступают исследо-

вания этнографов, этносоциологов, этнопсихологов и др., то вопросы исторической истины находятся прежде всего в ведении специалистов-историков. Однако в XX веке представления о том, что есть истина, равно как об объективность, реальность и факт претерпели существенные изменения⁵.

Общеизвестно, что со времен древности развивались и сменяли друг друга самые разные представления об исторической истине. Классический историзм акцентировал внимание на макропроцессах, в которых человек выступал средством реализации исторической необходимости. Позитивистский подход предписывает собрать, обобщить и классифицировать факты, сделать вывод относительно истории как урока.

Главное – гуманитарное знание должно быть свободно от ценностей, личностных установок ученого и т.д. Согласно знаменитому лозунгу Л. Ранке – задача истории показать, как все происходило на самом деле. Историк не может знать больше того, что составляет содержание документов. Учитывая, что документы относятся всегда к каким-либо структурам (социальные группы сами по себе документы не оставляют), то шкала анналов конкретизирует свой интерес к истории «длительного времени» через культуру. «Смысл нового отношения к истории со стороны анналов сводится к тому, что история – это не просто система событий, но в область истории входит также и ментальность, и повседневность, и изменение архитектуры культурного и природного пространства и т.д.»⁶.

Но одновременно их интересуют такие структуры и точки культуры, которые определяют сознание, быт, жизнь человека на многие и многие годы. Они поклонники социальности, а не человека с конкретным именем и судьбой. Экзистенциалистская установка, наоборот, ориентирует на человека, творящего себя в истории, на обусловленность истинности исторического знания жизненным личным опытом самого исследователя.

Несмотря на значительные различия в вышеописанных подходах, в рамках каждого из них имеет место приращение исторического знания. Это означает, что только комплексное использование эвристического потенциала всего методологического опыта может стать базой для выработки системного знания о российских немцах как специфического этнического образования. Это означает также, что любые дискуссии относительно исторической истины, а значит и сравнительный анализ различных интерпретаций исторических фактов, должны учитывать целевые установки конкретных исследований и различия методологических подходов.

К сожалению, относительно истории российских немцев в целом, депортации в частности, нередко встречаются дискуссии, которые имеют скорее

идеологический, чем научный характер. Этот вывод можно подтвердить материалом относительно определения депортации как геноцида против российских немцев. В настоящей работе не ставится задача ответить на вопрос о геноциде «да» или «нет». Учитывая задачи статьи, считаю более актуальным вопрос о значении таких дискуссий, претендующих на научность, для формирования современного самосознания российских немцев, и особенно в тех случаях, когда эти дискуссии проводятся в средствах массовой информации. Примером может служить материал в газете Neues Leben, 2002, № 17.

Автор статьи, доктор Лео Германн, российский немец, проживающий в Берлине, обрушивается с критикой в адрес своего однофамильца Аркадия Германа относительно анализа и оценки депортации и «антинемецких репрессий правящего режима» в СССР. Еще повторяюсь, что мне представляется важным поставить вопрос о степени научности обсуждаемой дискуссии, где один автор представлен цитатами из своей опубликованной работы. По этим цитатам он обвиняется «в стремлении преуменьшить то зло, которое было причинено коммунистами во главе со Сталиным нашему (российским немцам – Э.Р.) народу». При этом, историк из Германии исходно формулирует свою позицию: «Я сразу же понял, что это за ... ученый, что это за ... российский немец, куда он клонит, кому служит и чему поклоняется». И далее, после перечисления как документов о депортации и мобилизации, так и эмоционального описания трагических последствий их реализации, следует его вывод: «Как язык повернулся сказать, что ... это нельзя называть геноцидом! Термин ... геноцид был создан из двух слов: греческого *genos* – раса, племя, и латинского *cide* – убийство».

При анализе кратко проиллюстрированной дискуссии, а точнее односторонней критики, важно поставить вопрос об аргументации как критики, так и собственных позиций ее автора. Если основываться на принципах научной аргументации, то мы должны исходить из признания, что цель любой аргументации состоит в том, чтобы убедить в собственной правоте. Дискутировать, а значит и аргументировать, можно по содержанию, по существу, что с необходимостью требует соответствующего методологического обоснования. Однако в гуманитарных науках нередко используется, так называемая юридическая дедукция, в которой акцентируется внимание на яркости, эмоциональности, убедительности и т.д.

К сожалению, в обсуждаемой статье налицо апелляция к личности («я понял, что это за ученый»), к публике («спросите любого российского немца старшего поколения...»), эмоциональности, т.е. налицо то, что в логике называется «ошибками аргументации».

С точки зрения критериев научной аргументации еще больше вопросов вызывает предисловие к этой заочной полемике. В обобщенном виде констатируется рост числа публикаций, авторы которых «вольнo или невольнo, от большого ума или по заказу, искажают исторические реалии», занимаются «отбеливанием инициаторов и исполнителей зловещих актов бесправия». Но обратим внимание, что среди критериев причисления к таким авторам в конечном итоге выступает критическое отношение к Федеральной национально-культурной автономии российских немцев. Эти критики и объявляются заказчиками какой-то определенной истории, т.е. заказчики стоят за спиной ученых, «присосавшихся к нашей проблеме прилипал». Нельзя не удивляться форме изложения своих позиций анонимным автором предисловия, стиль которого превосходит самые идеологизированные тексты тех времен, когда тема российских немцев была под табу.

На первый взгляд может показаться необоснованным обращение в материалах научно-практической конференции к газетной публикации. Но я считаю это актуальным по нескольким причинам. Во-первых, этот материал является иллюстрацией к состоянию современного общественного движения российских немцев, а значит и состояния этнического самосознания какой-то их части. Во-вторых, ученые могут, конечно, не откликаться на публикации подобного тона, но нельзя игнорировать факт их влияния на читателей. В-третьих, аналогичные публикации подтверждают мой тезис об актуальности обращения самих ученых к современным проблемам самосознания российских немцев. И, наконец, именно специалистам необходимо, на мой взгляд, демонстрировать научную логику и аргументацию в дискуссиях, а также обосновывать практическое значение своих исследований.

Последнее относится, по моему мнению, и к дискуссиям с оппонентами, которые являются носителями тех или иных политических интересов. Достаточно сослаться на факт подготовки учебного пособия «История немцев России» (авторы А. А. Герман, Т. С. Иларионова, И. Р. Плева) и обвинения в этой же газете авторов пособия ни мало, ни много в «халтуре» и «фальсификации истории российских немцев». Статью в газете можно было бы и проигнорировать, но это пособие остается неизданным по сегодняшний день, а актуализация потребности в таком учебнике общепризнанна. Характерно, что в «халтуре» обвинены не только ведущие отечественные историки по проблемам российских немцев, но и прозрачно названы якобы заказчики «фальсификации». Вспомним, что фальсификация означает ни что иное, как сознательное, ложное измышление о том, чего нет.

Зададимся теперь вопросом о том, кто же сегодня может быть действительно заинтересован в сознательном ложном толковании истории российских немцев в России или Германии, особенно ее наиболее трагичных страниц? Авторы такого обвинения ссылаются не на причины, а на «финансовые потоки». Но последние сами по себе могут быть только средством реализации каких-либо или чьих-либо целей. Поэтому ученым сложно принимать участие в дискуссиях, центральным вопросом которых является в конечном итоге проблема «перераспределения финансовых потоков». Однако специалисты могут акцентировать внимание на методологическом обосновании того или иного результата своих исследований, а также его интерпретации в контексте практической значимости.

О роли методологии в осмыслении исторического сознания и практического значения исследований. Результаты междисциплинарных усилий, касающихся разработки наиболее практически значимых тем и проблем российских немцев во многом определяются успехами преодоления методологического скептицизма и поисками методологического диалога представителей полипредметных исследований.

С одной стороны, речь идет об общенаучных методологических подходах. Так, в современных междисциплинарных работах по этнической проблематике все чаще подчеркивается актуальность методологической рефлексии: «Ведь от того, какой философии истории (явно или скрытно) придерживаются специалисты по этнонациональной проблематике, зависят результаты их конкретных исследований. К сожалению, я не встречал ни одной работы, где бы автор, прежде чем приступить к исследованию, открыто заявил о своей философской позиции: как он понимает **философию истории**»⁷.

С другой стороны, важное методологическое значение имеет исходная установка о невозможности реализовать претензии получения абсолютно свободного от ценностных установок исследователя знания. Скорее наоборот, анализ соотношения исторической истины и этнической памяти российских немцев, должен исходить из того, что «выбор тех или иных исторических фактов зависит от эпохи – присущих ей знаний, идеологических установок и т.д., равно как и от субъективных представлений и концептуальных подходов конкретного историка: у каждого автора свой набор фактов и, соответственно, своя «область исключенного»⁸.

Методологический смысл приведенных тезисов не исключает однозначной оценки катастрофически разрушительной роли фактов депортации и ограничения прав российских немцев для этнического развития и современного состояния не только этнической идентичности немцев в России, но и их социаль-

но-психологического самочувствия в целом. Однако для теоретического обсуждения оценочных выводов, как-то: термина «геноцид», необходимо соответствующее комплексное методологическое обоснование. Отсутствие такового может само по себе стать источником возможных, а также уже существующих разновариантных интерпретаций этих фактов. В исторических исследованиях, как правило, эти факты и процессы анализировались в традициях политической и институциональной историй. Было бы наивным оспаривать значение таких исследований. Однако при их абсолютизации вне внимания остаются такие вопросы, например, как восприятие и интерпретация этих процессов различными группами российских немцев или местного населения в новых местах расселения депортированных.

Не меньший интерес представляет, на мой взгляд, проблема соотношения «реальности» и «как происходило на самом деле». Так, например, в реальности существовало огромное количество документов с грифом «совершенно секретно», а на самом деле об их существовании не ведали ни сами адресаты, ни свидетели последствий реализации предписаний этих документов.

Необходимо выделить еще один немаловажный аспект практического значения исследований депортации: проблему «искажающих эффектов» исторической памяти российских немцев. Немаловажное влияние на их современную этническую жизнедеятельность оказали такие «эффекты», как «абсолютизация традиций» и «ностальгия»⁹. Актуальность обращения к изучению этих феноменов особенно наглядно подтверждается результатами этносоциологических исследований в течение 1990-х гг. относительно этнического «самообраза» российских немцев, а также содержанием программных документов немецких общественных движений этого периода.

В условиях кризиса этнической идентичности немцев в России к концу XX века центральной идеей своего возрождения выбирается перспективная идея восстановления государственной автономии. Представители старшего и среднего поколений немцев в многочисленных интервью явно удаляли из памяти негативные или проблемные черты довоенного прошлого, превращая его в лучшее, чем настоящее. И, наоборот: в воспоминаниях о депортации было лицо абсолютное преобладание негативизма. И тем не менее при целенаправленной установке и интерпретации в наших десятилетних интервью с очевидцами депортации, т.е. в устной истории, можно найти подтверждения самым разным оценкам этого периода истории и его последствий.

Однако их достоинством и является как раз это разнообразие, характерное для воспоминаний и индивидуальных оценок, которое нельзя фрагментарно использовать для обоснования, например, общесоциологических выводов.

Методологически это столь же ограничено, как и попытки, например, оценить какие-либо действия в прошлом как исторически необходимые только на основе существовавших в тот период юридических норм или причины, вызвавшего это действие. Относительно депортации это означает, например, что для исследователей ни Германия, ни развитие военных действий, ни попытки придать законную обоснованность принятого решения, ни даже суть сталинского режима не могут в отдельности рассматриваться как причина этого исторического действия или как его фатальная неизбежность.

Для обоснования этого утверждения можно сослаться на рассуждения, представленные в работе Поля Рикёра «Время и рассказ»¹⁰. Среди особенностей познания истории/времени, которые анализируются автором, можно выделить в рамках обсуждаемой темы два важных вопроса. Первый связан с обоснованием и развитием идеи Р. Арона о необходимости преодоления ограниченного понимания каузальности в истории как «единичной исторической причинности», которая приводит к «иллюзии фатальности».

Рикёр подчеркивает, что важно не только обрисовать крупные черты исторического рельефа, но и сохранять или воспроизводить в прошлом неопределенность будущего. Отсюда следует второй вопрос о том, что ретроспективная оценка вероятностей приобретает моральное и политическое значение и напоминает читателям истории: то, что для историка является прошлым, для исторических персонажей было будущим¹¹.

Вторую специфику каузального объяснения составляет взаимосвязь цели исторического решения или действия и его результатов. Это позволяет также оценить, насколько исход действия искажил намерения, каковы расхождения между намерениями и последствиями.

Конкретизируя сформулированные принципы, необходимо подчеркнуть, что для объективного анализа истории российских немцев и понимания их исторической памяти сегодня актуальное значение имеет пересмотр непреклонности и строгости фразы: «История не знает сослагательного наклонения». Другими словами, речь идет о признании «сослагательной истории» как актуального принципа/метода понимания и интерпретации прошлого для более адекватного определения настоящего и выбора будущего.

Отсюда следует важность анализа взаимосвязи цели исторического действия и его результатов. Относительно депортации это означает, на мой взгляд, включение в программу комплексного и междисциплинарного исследования соотношения цели и причин, которые декларировались в офи-

циальных партийно-государственных документах и их действительные последствия.

Интерес представляет также сравнительный анализ интерпретации депортации и последующих исторических действий (трудовая мобилизация и режим спецпоселения) самими российскими немцами, включая внутригрупповые различия, на разных этапах своей истории. Эта конкретизация не может претендовать на программу исследования, но ее задача подчеркнуть потребность междисциплинарных исследований, результаты которых могут быть использованы для аргументированной оценки этих исторических действий как геноцида.

Как известно, в Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказания за него ООН «под геноцидом понимаются действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую».

В приведенном определении, как и последующих пунктах его расшифровки, международный документ акцентирует внимание «на намерении физического уничтожения». Итак, если давать правовую оценку какому-либо историческому действию как геноцида, то исходным критерием выступают положения Конвенции и соответствующие доказательства. Исследователь вправе критически отнестись к существующему международному документу, но и оно требует обоснованной аргументации.

Возможен и другой методологический аспект анализа. Третий пункт расшифровки в Конвенции ООН действий, которые подпадают под классификацию геноцида, звучит таким образом: «предумышленное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение ее». Если использовать принцип соотнесения намерений исторического действия и его последствий, то частичное физическое уничтожение, безусловно, имело место. Но мне представляется более важным соотнести именно этнические последствия с депортацией и последующими действиями. И если рассматривать российских немцев как специфическое этническое образование, то мне представляется методологически корректным ставить вопрос именно об этническом геноциде.

Заключение. Хочу еще раз подчеркнуть, что, оставив вне рамок данной статьи обсуждение вопросов о необходимости политической реабилитации, нравственных и правовых оценок факта депортации и его последствий с позиции исторической справедливости и гуманности, не означает отрицания их актуальности. Но наряду с этим мне представляется не менее важным признать, что сегодня в условиях быстрых социальных перемен научные иссле-

дования призваны способствовать более глубокому пониманию российскими немцами своего настоящего и ориентаций на будущее через призму всесторонней оценки прошлого как в рамках политической, правовой истории, так и истории повседневности, антропологической истории.

В соответствии с этим возрастает значение обращения исследователей и к общему контексту демократического межкультурного взаимодействия в условиях поликультурности.

Современная европейская социальная мысль активно обсуждает проблематику культурного многообразия, этнической и других групповых идентификаций в контексте политики в сфере культуры, демократических форм государственности, совещательной демократии и др. Предметом острых дискуссий становится вопрос о приоритетности целевых установок в разнообразных идентификационных процессах. Автор работы «Притязания культуры», получившей широкое признание во многих странах, Сейла Бенхабиб пишет: «Очень важно понять, поддерживаем ли мы требования культурного порядка в силу того, что хотим сохранить культуры меньшинств в либеральном демократическом обществе, или же потому, что стремимся расширить круг демократического участия... Современные люди могут выбирать, поддерживать ли им свои культурные традиции или разрушать их... Если же выбирать между ними, то я поставила бы распространение демократического участия и равенство выше сохранения культурных особенностей». И далее автор еще более определенно уточняет свою позицию, что межкультурную справедливость в отношениях между группами людей следует защищать во имя [самой] справедливости и свободы, а не ради абстрактного сохранения культур¹³.

Не останавливаясь на дискуссионных аспектах приведенных взглядов, хочу отметить актуальность анализа многих проблем российских немцев – от их ментальности до гражданской активности/пассивности – с учетом роли идей свободы, социальной справедливости в их самосознании и социальном поведении. Многочисленные опросы наглядно свидетельствуют о низкой политической активности не только представителей старшего поколения, но и молодежи.

При анализе ожиданий будущих переселенцев при переезде в Германию абсолютное большинство подчеркивает свою политическую и гражданскую индифферентность и готовность, например, к выполнению любой работы независимо от их образовательного уровня и профессиональной квалификации. Результаты изучения выделенного аспекта могут оказать влияние на понимание многих составляющих идентификаций российских нем-

цев как представителей не только этнической группы, но и иных объединений и солидарностей – профессиональных, религиозных, гражданских. Такие исследования могут в конечном итоге способствовать самосознанию тех, кто сегодня относит себя к российским немцам, не только в этническом, но и более широком социокультурном и гражданско-демократическом контекстах.

В заключение хочу предупредить не очень доброжелательных читателей или оппонентов о том, что за моими рассуждениями нет «ни фигур заказчиков, ни финансовых потоков». И если мое мнение или выводы не совпадают в чем-то с моими глубокоуважаемыми коллегами, то это абсолютно нормальная исследовательская ситуация.

¹ См.: Чернова Т.Н. Российские немцы. Отечественная библиография, 1991–2000 гг.: Указ. новейшей лит. по истории и культуре немцев России. – М., 2001. С. 16–17.

² Там же. С. 32.

³ См., например, работы А.Р. Бетхера, П.П. Вибе, Т.Б. Смирновой и др. в Информационно-методическом бюллетене «Культура» для российских немцев Омской области.

⁴ См.: Тош Д. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. / Пер. с англ. – М.: Издательство «Весь Мир», 2000. С. 25.

⁵ См.: Савельева И., Полетаев А. Историческая истина и историческое знание // Логос, 2001, №2 (28). С. 4.

⁶ Соколова С.С. Индивидуальная форма историчности: Материалы к спецкурсу. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2002. С. 47.

⁷ Кагиян С.Г. «Нация» и «этнос» как объекты социально-философского исследования // Философские науки, 2003, № 8. С. 45.

⁸ Савельева И., Полетаев А. Историческая истина и историческое знание // Логос, 2001, №2 (28). С.14–15.

⁹ См.: Тош Д. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. / Пер. с англ. – М.: Издательство «Весь Мир», 2000. С. 22.

¹⁰ См.: Рикёр П. Время и рассказ. Т. 1. – М.; СПб.: Университетская жизнь, 2000. С. 198.

¹¹ См.: Там же. С. 218.

¹² Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру / Пер. с англ.; под ред. В.И. Иноземцева. – М.: Логос, 2003.

¹³ См.: Там же. С.9.

2.

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ
РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ:
ПОЛИТИКА, ПРАВО, ЭТНОГРАФИЯ

«НЕМЕЦКИЙ ВОПРОС» В ОЦЕНКЕ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

С. И. Бобылева

Известно, что общество в своем развитии никогда не находится в состоянии покоя. Тем не менее возможно обнаружить относительно устойчивые социальные состояния, которые, по мнению Вильгельма Вундта, возможно описать, установив общие для всех понятия и принципы¹. Не касаясь обобщенной характеристики российского общества второй половины XIX века, которое в определенной степени соответствует определению немецкого психолога, остановимся лишь на анализе отношения общественного мнения того периода к российским немцам. Последние уже тогда привлекали к себе внимание различных политических и социальных сил России. К моменту перелома эпох (от крепостнической к капиталистической) в общественном сознании россиян сложились определенные стереотипы представлений о немецкоязычном населении страны². При этом следует помнить, что этностереотипы влияют на этнические симпатии и антипатии, определяют установочное поведение в этно-контактной среде. Подтверждением этого служат даже народные поговорки того времени. В частности, одна из них гласила: «Что русскому здорово, то немцу – смерть».

Российское общество в оценках своих новых соотечественников эволюционировало от равнодушно-пассивного созерцания немецких колонистов начала XIX века, к признанию их успехов в различных областях хозяйственной деятельности в середине столетия.

В южных губерниях России, где немецким и меннонитским населением были достигнуты серьезные экономические результаты, они жили в регионах со смешанным украинско-русским населением. Здесь интенсивно развивались ассимиляционные процессы. Однако ряд факторов способствовали тому, что для немецко-меннонитского населения ассимиляционный барьер был достаточно высок, позволяя тем самым сохранять этно-национальное своеобразие, ментальность этой категории населения.

В то же время рассмотрение проблемы: «Немецкий вопрос» в оценке российского общественного мнения второй половины XIX века – требует учитывать ряд моментов:

1. очередной этап социально-экономического развития России, вступившей на путь промышленного переворота и интенсивного развития капиталистических отношений;
2. политические симпатии и антипатии российских самодержавцев (Александра II, Александра III, Николая II);
3. появление территориального фактора в национальном самосознании ряда народов российской империи;
4. национальную политику самодержавия;
5. изменение ситуации в расстановке военно-политических сил в Европе и появление этнического риска – предполагаемой вероятности негативного влияния этнического фактора на устойчивость политического пространства³;
6. создание Германской империи и блоковой политики европейских государств;
7. принципиально новую общественно-политическую ситуацию в стране после 1861 года. Эти и целый ряд других моментов внутреннего и внешнеполитического характера оказали серьезнейшее влияние на изменение и последующую трансформацию «немецкого вопроса» в восприятии его российским обществом.

В то же время позиция ряда политических сил России влияла на общую атмосферу в стране, на отношение общества к российским немцам. Трансформация понятия «немец» в «немецкий вопрос», происшедшая в пореформенной России, не была чем-то особенным, ибо в обществе не менее активно обсуждался «польский», «еврейский», «украинский» вопросы⁴. Специфика «немецкого вопроса» в южных губерниях страны состояла в том, что он, находясь в одном ряду с вышеперечисленными, был отягчен экономическими и геополитическими факторами и порождал страх возможности сепаратистских настроений (требований воссоединения с соседним «родственным» государством).

Итак, переход России на капиталистический путь развития происходил для населения большинства территорий страны достаточно болезненно. Социально-экономические новации вызывали далеко неоднозначную реакцию (шло разорение помещичьих хозяйств, массовое обезземеливание крестьянства, кризис платежей купечества). В то же время немецкие и меннонитские колонисты Новороссии достаточно быстро и органично встроились в новые социально-экономические обстоятельства. Объяснялось это тем, что на территориях колоний к тому времени возникли своеобразные экономические зоны, где уже в течение полстолетия успешно развивались

товарно-денежные отношения⁵. Наряду с имущественной дифференциацией хозяйств, обезземеливанием части членов колониетских общин здесь возникали колониетские фермерские хозяйства буржуазного типа, промышленные предприятия, формировался слой торгово-промышленной буржуазии, создавался особый экономический регион⁶, усложнялась схема межличностных отношений, находящихся на этноконфессиональной основе. Более того, идеологические постулаты протестантизма и вероучения меннонитов играли роль своеобразных катализаторов хозяйственной, предпринимательской энергии колониетов. Все это в сочетании с их менталитетом создавало условия для быстрого развития колоний, усиливая тем самым конкуренцию русским производителям, порождала у последних чувство зависти, создавая почву для германофобии. Немецкие колониеты были органически связаны с сельскохозяйственным производством, с землей. Поэтому аграрный вопрос традиционно занимал у них главенствующее положение. Экономические процессы 60–80-х годов XIX века стремительно продвигали Россию по пути ее капитализации. Землепользование крестьян на юге сократилось на треть. Повсеместно возникало аграрное перенаселение и социальная напряженность. Не миновала эта беда и население немецких, меннонитских колоний Юга России. Здесь, на Юге колониеты упорно стремились неукоснительно соблюсти принцип неразделения наделного участка. Это удавалось им вплоть до начала 60-х годов. Десять лет спустя это положение практически полностью утратило силу. Примером может служить ситуация в Одесском уезде Херсонской губернии, где разделенными оказались 85 % участков⁷.

Доля же безземельных в некоторых меннонитских колониях в 50–70-е годах достигла 56–70,7 % семей⁸.

Стремясь изменить ситуацию, колониетские общины встали на путь покупки или аренды земли для безземельных, активизируя тем самым создание дочерних колоний. Параллельно этому явлению наблюдался устойчивый рост крупного землевладения немецких и меннонитских колониетов и быстро шедший процесс разорения дворянского землевладения. Наглядным подтверждением происходившего служат данные по ряду уездов южных губерний страны. Так, в Одесском уезде Херсонской губернии, являвшемся территориально-административной единицей с наибольшим удельным весом в нем немцев, за 1869–1889 годы ими было приобретено 103936 дес. земли. Товарно-денежные отношения, активно вторгавшиеся во все сферы хозяйственной жизни общества, не обошли стороной и аграрный сектор, о чем свидетельствуют площади проданной немецкими колониетами

за те же годы земли – 4762 дес. Разница составила 56 874 дес. в пользу увеличения земельного массива, обрабатываемого немецкими колонистами. В целом по Херсонской губернии за 60–80-е годы XIX века немецкими колонистами было куплено 420 073 дес. земли⁹. В Екатеринославском уезде одноименной губернии за тот же период (с 1861-го по 1888 г.) рост немецкого землевладения составил от 39 000 дес. до 105 000 дес. земли¹⁰. Подобные факты приобрели характер устойчивой тенденции. Ситуация отягчалась постоянным ростом цен на землю, увеличением размеров арендной платы, острой нехваткой земельных площадей у украинского, русского крестьянства, проживавшего рядом с немецко-меннонитским населением.

Такое положение не могло не вызвать соответствующей реакции части южнороссийского общества, положившей начало антиколонистскому (фактически антинемецкому движению), центр которого первоначально находился в земских учреждениях Екатеринославщины, а затем выплеснулся на страницы центральной прессы¹¹.

Если бы экономическая составляющая «немецкого вопроса» исчезла, либо проявила тенденцию к уменьшению немецкого землевладения, немецкого фактора в экономике региона и страны в целом, то вполне вероятно, что эта тема сама собой исчезла бы с повестки дня, либо предстала лишь в этно геополитическом ракурсе.

Однако последующие десятилетия сопровождалось дальнейшим ростом немецкого землевладения¹², ростом влияния немецко-меннонитского элемента в перерабатывающих производствах¹³, производстве сельскохозяйственного машиностроения¹⁴, торгово-промышленных областях¹⁵.

Несомненные успехи указанных категорий населения империи порождали у значительной части российского общества не столько желание понять причины происходившего и, уяснив их суть, попытаться овладеть технологиями сельскохозяйственного и торгово-промышленного производства, принципами хозяйствования, сколько чувство зависти, окрашенного этническим моментом. Отсюда и появились уничижительно-оскорбительные оценки немецких колонистов, как, например, высказывание одного из учредителей общества «Освобождение» И. И. Петрункевича: «Я поражался тупости этих людей, предназначенных быть культуртрегерами в стране, стоявшей выше их по своим природным способностям»¹⁶.

Если же учесть еще и в качестве немаловажного фактора национальную политику государства, в которой обозначился националистический перелом, то со всей очевидностью станет ясно, что этническое неравенство, присутствующее в людном этническом пространстве, порождающее опре-

деленную иерархию, было чревато конфликтами¹⁷ как «горизонтального» (между этническими группами), так и «вертикального» типа (между этнической группой и государством)¹⁸.

Характерной чертой ситуации на юге страны в рассматриваемый период было практически отсутствие открытых форм межнациональных конфликтов между немецкими колонистами и местным крестьянством. Что же касается «вертикального» конфликта, то проявлением его уже в 70-х годах XIX века была начавшаяся этноизбирательная эмиграция части немецкого и меннонитского населения, не желавшего исполнять закон 1874 года о всеобщей воинской повинности – закона, противоречившего содержанию ранее принятых государственных указаний. Другими словами, речь шла о проявлении статусного конфликта.

Кроме того, следует учитывать тот факт, что общественно-политическое развитие России в пореформенный период происходило на фоне резко возросшего значения периодической печати, которая имела возможность бесчисленное множество раз в различных формах и по различным поводам повторяя одни и те же мысли навязывать их читателям. И поскольку каждый стремился говорить от имени общества, являясь тем самым самозванным представителем «общественного мнения», то этих мнений становилось, по меткому замечанию одного из современников событий, «почти столько же, сколько типографических станков». Ситуация усугублялась еще и тем, что вторая половина XIX века ознаменовалась превращением периодической печати из нравственной и просветительной силы в торговое предприятие.

Общественное же мнение создавалось из взаимодействия ряда элементов – законодательных шагов государства, позиций официальных лиц страны, становившихся достоянием гласности, чтения газет, частных разговоров и т.д. Громадное большинство людей не имело прямого отношения к тем событиям, которые привлекали внимание общества, не знали из первых источников ни фактов, ни документов, на которых можно было бы более или менее прочно обосновывать свои суждения для того, чтобы высказать какое бы то ни было мнение об этих событиях. Они были вынуждены принимать на веру то, что передавали им лица, ближе стоящие к делу или газете. Таким образом, мнение почти каждого из членов общества являлось, в сущности, лишь только отголоском мнения немногих, стоявших ближе к делу. Так оценивал ситуацию «Русский вестник»¹⁹. И с этим трудно не согласиться.

В целом дискуссия по «немецкому вопросу» в российской прессе проходила на фоне общего поворота внимания общества к национальной пробле-

матике. Отмена крепостного права и последующие либеральные реформы начала царствования Александра II открыли новые возможности для прессы и других форм формирования и выражения общественного мнения.

Экономические, социальные изменения второй половины XIX века совпали во времени с процессом, происходившим в одной из важнейших фондообразующих общественного мнения – умонастроением государственной бюрократии и самого царя. Национализм постепенно вытеснял господствовавший аристократическо-космополитический традиционализм, заменяя его православным традиционализмом, ксенофобией национализма. Личность монарха, его политические антипатии, взгляды его ближайшего окружения всегда оказывали определяющее влияние не только на законодательство, но и на общественное мнение страны. Наглядным подтверждением этого положения может служить отношение российских монархов к колонистам. Так, правление Александра II ознаменовалось принятием «Устава о колониях иностранцев в Российской империи»²⁰, представлявшего собой свод законов, определявших полноправное место колонистов в процессе капиталистического развития страны. В то же время он оговаривал определенный объем прав, свобод и обязанностей колонистов, которые существенно отличались от положения остального населения России. Кроме того, этим документом был закреплен и детализирован не только правовой, но и социальный статус колонистов²¹.

Спустя четырнадцать лет (4 июня 1871 г.) появились «Правила об устройстве поселян-собственников (бывших колонистов), водворенных на казенных землях», в корне менявшие традиционный уклад существования колоний, фактически ликвидировавшие специальные привилегии иностранных колонистов. Побудительным мотивом такой резкой переориентации российского самодержца было осознание им и рядом его приближенных необходимости скорейшей модернизации всей хозяйственной системы государства, т.е. речь шла о том, что административные реформы и введение в 1874 г. всеобщей воинской повинности были продиктованы основополагающим для всех реформ Александра II стремлением преобразовать феодально-архаичную систему России в буржуазное государство, а отнюдь не антигерманскими настроениями. Его же наследник открыто признавал, что ему ненавистно все немецкое.

Немаловажную роль в самой постановке «немецкого вопроса», в дальнейшем его обострении играла духовно-просветительская сторона деятельности государства и его структур. Идеологической основой российской государственности являлась идея державности, которая трактовалась в

России как забота о ее пространственном и военном величии. Отправной точкой этой идеологии стала предложенная графом Уваровым триада – «православие, самодержавие, народность». При этом принцип «народности» выдвигал перспективу создания нации и государства на основе единого вероисповедания и лояльности самодержавию. Другими словами, предлагалось формировать государственный национализм на конфессиональной основе. Одним из элементов реализации этой программы была русификация, напрямую касавшаяся и немецкого населения страны²².

Методы, с помощью которых шел процесс ассимиляции населения, соответствовали положению, высказанному П. А. Валуевым: «Свойственная у нас многим, и весьма многим умственная лень постоянно предрасполагает к выбору простых и потому вообще грубых средств для достижения правительственных целей. Нет ничего проще, чем положиться на одну силу вместо нескольких»²³. В арсенале практических мер для достижения языковой ассимиляции ведущее место занимала система административных запретов, одной из отправных точек которой был написанный в 1862 году Валуевым «Очерк о средствах обрусения Западного края». Его содержание свидетельствовало о том, что в России второй половины XIX века высшая административная власть уже начинала мыслить категориями современного им национализма, отказавшись от исповедания либерально-просветительских идеалов начала столетия.

Большую роль в политике ассимиляции народов России играло православное духовенство, являвшееся ее своеобразным проводником.

Если в начале религиозная терпимость, признание которой и привлекало к переселению в Россию часть колонистов, лишь сочеталась с поощрением христианизации, и Святейший синод играл пассивную роль при проведении политики ассимиляции, исправно соглашаясь с запретительными действиями государственных структур различного уровня управления, то со временем ситуация в корне изменилась. Одной из причин этого стала активизация миссионерской деятельности новоменнонитских деноминаций среди православного населения. И уже в 90-х годах XIX века православное духовенство стало активно бороться с «немцами-новоменнонитами», не без основания видя в них главных виновников в распространении «злосозней ереси штунды – баптизма среди православного населения»²⁴, тем самым способствуя формированию негативного отношения к немецкому населению среди своих прихожан. Другими словами, следует отметить значительную роль религии и ее этноконсолидирующей функции в пореформенной России, когда этническая комплиментарность («наши» – русские, православные, «не наши» – иноверцы) строилась преимущественно на конфессиональной принадлежности. Эта практика, осу-

ществлявшаяся как на бытовом уровне, так и в государственной идеологии²⁵, конструировала в сознании российских граждан «образ врага». Однако в данном случае речь шла о формировании государственного национализма на профессиональной основе, а вовсе не об этническом шовинизме русских.

И, наконец, рассматривая факторы влияния на общественное сознание, общественное мнение в трансформации понятия «немец» в «немецкий вопрос», нельзя обойти вниманием внешнеполитический фактор анализируемого периода. Шел процесс централизации немецких государств и создания единой германской империи. Выходцы из немецких земель, поселившиеся в России, и их потомки хотя и были в свое время жителями Священной Римской империи, но чувство принадлежности к единому государству у них явно отсутствовало. Эфемерным объединением была и сама империя, рухнувшая по мановению руки Наполеона. Исторически сложилось так, что в Германии национальное сознание было главным образом ориентировано на культуру, ибо оно оказалось в своеобразном поле напряжения между местным патриотизмом маленьких княжеств и историческим имперским мышлением. Компенсаторным явлением такой ситуации стало этнокультурное сознание²⁶. В силу этого часть немецких колонистов по-прежнему продолжала оставаться подданными Баварии, Вюртемберга, Гессена и т.д., сохраняя культурно-религиозные и родственные связи со страной своего происхождения. Создание Германской империи 1871 года автоматически делало их подданными сильного военно-экономического и политического государства, каким стала вильгельмовская Германия. Большая политика делалась за столом дипломатических переговоров, на поле брани. Разменными пешками в ней становились судьбы российских немцев. Дело в том, что в России представители политической, интеллектуальной элиты по-разному относились к Германии вообще (одни рассматривали ее как географический термин, другие восхищались «немцами мысли», преклоняясь перед достижениями в области философии, литературы), были явно потрясены быстро происходившими переменами в 60-х – начале 70-х годов XIX века в ее судьбе, геополитическими изменениями в Европе, последствия которых неминуемо касались России. Официальные круги России, придерживаясь принципа «услуга за услугу», помня роль Берлина в пересмотре результатов Крымской войны, своей позицией действительно оказали «услугу» Германии в деле ее объединения.

Консервативная и демократическая общественность России, несмотря на противоположность своих общественно-политических взглядов, проявляла достаточно явное единодушие в негативизме оценок создания Германской

империи. Хотя причины этого были различными. Панславизм 70–80-х годов XIX века, носивший явно антигерманский оттенок, усиливал германофобию в стране.

Следует отметить, что общая ситуация, возникшая в российском обществе последней трети XIX века, в отдельных аспектах сопоставима с положением в Германии тех лет. Об этом писал Ханс Розенберг, отмечавший, что периоду 1873–1896 годов свойственно необычайное обострение конфессиональных противоречий, оголтелая кампания против «бегства капитала» и «космополитической торговли, все более громкий и агрессивный национализм...»²⁷.

Таким образом, «немецкий вопрос», появившийся на страницах российской прессы и со временем получивший название «мирное завоевание» немцами России, возникнув в 70-е годы XIX века, уже практически больше и не исчезал с орбиты внутривнутриполитической жизни страны. Подтверждением этого служит логически выстроенная цепь правительственных действий: а) кампания 1871 года по отмене самоуправления в немецких колониях; б) 1874 г. – введение всеобщей воинской повинности, в том числе и для немцев, меннонитов; в) политика русификации 80–90-х годов XIX века; г) указы 1880-х годов об ограничении иностранного землевладения в западных и юго-западных губерниях России, инициированные в первую очередь военными ведомствами; д) законодательные акты 1890-х годов, ущемлявшие принцип частной собственности и запрещавшие нерусскому населению приобретать недвижимость в ряде регионов страны. Действия правительства, обозначенные здесь лишь пунктирно, могут быть оценены далеко неоднозначно – от мероприятий явно антинемецкого характера, до шагов общеевропейского характера, имевших своей целью интегрировать немецкое население в российское общество, что соответствовало мировой тенденции и практике.

Последующие действия государства в отношении этнических немцев и меннонитов, проживавших на его территории, свидетельствовали не только о назревании социально-политического кризиса в стране, но и о зреющем духовном кризисе российского общества в целом.

¹ См.: Вундт В. Психология народов. – М., СПб., 2002. – С. 7.

² См.: Жуковская В. В., Мазур Н. Н., Песков А. М. Немецкие типы русской беллетристики (конец 1820-х – начало 1840-х гг.) // *Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht 19. Jahrhundert: Von der Jahrhundertwende bis zu den Reformen Alexanders II.* / Hrsg. Von D. Hermann und A.I.Ospovat. München, 1998; Оболенская С.В. Образ немца в русской культуре XVIII–XIX в. // *Одиссей*. М., 1991.

- ³ См.: Сикевич З. В. Социология и психология национальных отношений. СПб., 1999. С. 56.
- ⁴ См.: Миллер А. И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении. СПб., 2000.
- ⁵ См.: Венгер (Осташева) Н. Формирование торгово-промышленной элиты на территории меннонитских колоний Юга Украины (вторая половина XIX в. – 1917 гг.) // Немцы России: социально-экономическое и духовное развитие 1871–1941. М., 2002. С.163.
- ⁶ См.: Венгер Н. В. Возникновение и развитие частной предпринимательской деятельности на территории меннонитских колоний первой половины XIX в. // Вопросы германской истории. Днепропетровск, 2002. С. 47.
- ⁷ См.: Падалка Л. Землевладение немцев – бывших колонистов в Херсонской губернии. Херсон, 1891. С. 17.
- ⁸ См.: Велицын А. А. (Палтов А. А.). Немцы в России. Очерки исторического развития и настоящего положения немецких колоний на Юге и Востоке России. СПб., 1893. С. 125; Вестник Европы. 1866. Т. Ш. Часть IV. С. 710.
- ⁹ См.: Падалка Л. Землевладение немцев – бывших колонистов в Херсонской губернии // Сборник Херсонского земства 1891. Херсон/ 1891. № 6. С. 19.
- ¹⁰ См.: 23-е Екатеринославское уездное земское собрание. 5-10 окт. 1889 г. Екатеринослав, 1891. С.42.
- ¹¹ См.: Систематический свод постановлений Екатеринославского губернского земского собрания 1860–1913 гг. Екатеринослав, 1916. С.708; Двадцать третье очередное Екатеринославское уездное земское собрание. Екатеринослав 6–11 октября 1889 г. Екатеринослав, 1889. С.44.
- ¹² См.: Шевчук Н. А. Землевладение Причерноморских немцев в Одесском уезде (вторая половина XIX в.–1917 г. // Немцы России в контексте отечественной истории: общие проблемы и региональные особенности. М., 1999. С. 55, 57.
- ¹³ См.: Памятная книга и адрес-календарь Екатеринославской губернии 1889. С. 227; Екатеринославская губерния: памятная книга и адрес-календарь на 1900. Екатеринослав, 1899. С. 132; Список фабрик и заводов Российской империи. СПб., 1912. С. 219.
- ¹⁴ См.: Список фабрик и заводов... С.214, 220, 221, 262, 264; Оль В. П. Иностранные капиталы в России. Петроград, 1992. С. 76.
- ¹⁵ См.: Бонвеч Б., Дуда Г., Розе О. Они были не только противниками. Русские и немцы на протяжении двух столетий. М., 1990.
- ¹⁶ Петрункевич И. И. Из записок общественного деятеля. Воспоминания. Под ред. проф. А. А. Кизеветтера // Архив русской революции. Т. 22. М., 1993. С. 35.
- ¹⁷ См.: Dahrendorf R. Class and Class Conflichin an Industrial Society. London, 1969.

- ¹⁸ См.: Синкевич З.В. Социология и психология... С. 53.
- ¹⁹ См.: Русский вестник. 1899. № 11. С. 379.
- ²⁰ См.: Свод законов Российской империи. 1857. С. 3-98.
- ²¹ См.: Шадт А. Правовой статус немецких колонистов в России ХУШ-Х1Х вв. Состояние вопроса и постановка проблемы // Немцы России: социально-экономическое и духовное развитие 1871-1941 гг. М., 2002. С. 15-29.
- ²² См.: Русских Е. В. Распространение русского языка в немецких колониях на Волге до 70-х годов XIX века // Российские немцы на Дону, Кавказе и Волге. М., 1995. С.313-318; Она же. Центральные русские училища в немецких колониях на Волге (с момента создания и до конца XIX в.) // Российские немцы: Проблемы истории, языка и современного положения. М., 1996. С. 301; Бобылева С. И. Система образования немецких колоний начала XX века и «ликвидационные законы» // Немцы России и СССР: 1901-1941 гг. М., 2000. С. 101.
- ²³ Валуев П. А. Дневник 1877-1884 гг. Пг., 1919. С.61-62.
- ²⁴ Дородницын А. Я. Миссионерский съезд Духовенства Екатеринославской Епархии // ЕЕЕ. 1897. Октябрь. № 29-30; Ноябрь. № 31. С. 744.
- ²⁵ См.: Синкевич З. В. Социология и психология... -С. 108.
- ²⁶ См.: Урс Альтерманн. Этнонационализм в Европе. М., 2000. С. 42.
- ²⁷ Rosenberg, H. Große Depression und Bismarckzeit. Frankfurt. M., 1976. S. 561.

ВЛИЯНИЕ РЕВОЛЮЦИИ 1905–1907 гг. НА ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКУЮ ЖИЗНЬ НЕМЕЦКОГО НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ

С. В. Баах

Начало XX в. стало для России временем «великих потрясений». Противоречивые длительные экономические, социальные и политические процессы, получившие на рубеже веков толчок к бурному развитию, сплелись в такой замысловатый узел, распутать который обычными «цивилизационными» средствами уже не представлялось возможным. Революция 1905–1907 гг. поставила перед царским правительством проблему предотвращения распада империи, сохранения «единой и неделимой» России. Не последнее место среди дестабилизирующих факторов занимал и национальный вопрос.

Социальные катаклизмы начала XX в. оказались мощным импульсом для политизации общественного сознания, что привело к возникновению большого числа разнообразных партий, которые делились на общероссийские, региональные и национальные, и представляли консервативное, либеральное и социалистическое общественно-политические течения¹.

Лидеры партий, желая вовлечь в политическую борьбу максимальную часть общества, активно призывали сограждан к партийно-политической определенности. Особенно эта необходимость встала в период первых выборов в Государственную думу. Для этого в идеологии практически всех партий важное место было уделено национальному вопросу. В их программах отражался большой спектр оценок, убеждений и позиций, определявших отношение различных политических организаций к этой «ахиллесовой пяте» огромной многонациональной империи, так как без обращения к обреченной на постоянные сложности и противоречия национальной проблеме действительно трудно представить какую-либо партию, намеревавшуюся серьезно повлиять на ход политического развития России.

Так, социалисты-революционеры (эсеры), оценивая положение народов на территории Российской империи и государственную национальную политику, отмечали, что монархия прибегала к усиленному угнетению покоренных национальностей. Идеалом государственного устройства для многонациональной России они считали федерацию – союз независимых государств. В своих программных заявлениях эсеры выступали: за право всех

национальностей на самоопределение; всеобщее и равное избирательное право для всех граждан не моложе 20 лет, без различия пола, религии и национальности; равноправие языков; право населения получать образование на родном языке, создавая для этого необходимые органы самоуправления и школы; введение родного языка наравне с государственным во всех местных общественных и государственных учреждениях².

17 октября 1905 г. императором Николаем II был издан Манифест, в котором сообщалось о выборах в Государственную думу и даровании населению незыблемых основ гражданской свободы на началах неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов³.

Манифест стал импульсом для создания ряда буржуазно-помещичьих партий, которые спланировали ряды защитников монархии. Наиболее крупной из них была партия «Союз 17 октября». В своей программе октябристы выступали за сохранение единства и неделимости Российской империи. Они не допускали не только федеративное устройство, но также и национально-культурную автономию (исключение делалось лишь для Финляндии). Единую и неделимую Россию должен был возглавить монарх, опирающийся на законодательную Думу. Все население относилось к «русским гражданам» без различия национальности и вероисповедания. При этом «широкие права на удовлетворение своих культурных нужд в пределах, допустимых идеей государственности и интересами других национальностей» признавались лишь за отдельными этносами⁴.

Одна из наиболее влиятельных сил на политической арене России – конституционно-демократическая партия, представлявшая левое крыло российского либерализма, в своих программных заявлениях выступала за формирование демократического государства. В области национальных отношений кадеты, являясь противниками принципа федерализма, отстаивали лозунг культурно-национального самоопределения (использование национальных языков в школе, высших учебных заведениях, суде и т.д.). При этом они поддерживали идею автономии Польши и Финляндии «в рамках империи»⁵.

В начале XX в. в политической жизни страны резко выделилась деятельность крайне правых партий, открыто проповедовавших идеи великодержавного шовинизма. К их числу относился «Отечественный Союз». Его члены отмечали, что не могут допустить, «чтобы народ, вынесший на своих плечах всю тяжесть созидания и объединения русского государства, оказался в порабощении у инородцев»⁶. «Отечественный Союз» поддерживал выдвинутый лозунг «Россия – для русских»⁷.

Впрочем, при всем многообразии решений национальных проблем, в годы первой российской революции практически ни одна из общероссийских партий не выступала за проведение немедленных радикальных преобразований национально-государственных отношений в стране.

Более требовательными в этом плане являлись национальные партии, программные установки которых были намного шире: от национальной независимости до национально-персональной автономии. Так, в общественно-политической жизни Российской империи в первой четверти XX века активную деятельность разворачивают польские, литовские, украинские, еврейские, армянские и другие партии. Среди требований, выдвигаемых ими, особо популярным и широко разделяемым лозунгом было предоставление народам России национально-территориальной автономии⁸.

Бурное развитие социально-политических процессов, рост революционного движения, буржуазно-демократические и революционные идеи не обошли стороной и немцев России. В конце XIX – начале XX века в ряде крупных городов Центральной и Южной России, в Прибалтике и за Уралом возникает ряд общественных немецких организаций и союзов, которые впрочем не имели какой-либо политической силы, угрожавшей существовавшему государственному строю. Во многом это было причиной того, что немецкое население Российской империи было изолировано не только от окружавшего его иноэтничного населения. Обособленность также наблюдалась и внутри российских немцев, разделенных по религиозному, социальному и территориальному признаку.

И тем не менее события, происходящие в Российской империи, всколыхнули национальное самосознание немецкого населения России, подтолкнув его к объединению. Первые шаги в этом направлении были сделаны в 1905 г., когда немецкой интеллигенцией, в основном учителями и священнослужителями, были образованы «Южно-русское немецко-евангелическое общество» и «Общество поощрения духовного развития немецких колонистов России».

18 сентября 1906 г. в Одессе было зарегистрировано «Немецкое общество образования в Южной России»⁹. Его целью являлось поднятие духовного развития немецких поселян в Южной России, а именно: в Бессарабской, Екатеринославской, Таврической, Херсонской губерниях; в Области войска Донского и Кавказском крае; в градоначальствах: Одесском, Севастопольском, Керчь-Еникальском, Ростовском и Николаевском. В качестве задач члены организации видели: 1) поднятие школьного дела (улучшение положения учителей и кистеров, устройство школьных библиотек и т.д.); 2) рас-

пространение просвещения словом и печатью (открытие образовательных учреждений, библиотек и читален, преподавание во всех учрежденных им учебных заведениях на немецком языке, за исключением уроков по русскому языку и по географии и истории России). Членами Общества могли быть только немцы обоого пола без различия вероисповедания¹⁰.

15 июня 1907 г. в Варшаве было зарегистрировано «Немецкое общество Царства Польского»¹¹. Его цель – защита и попечение о родном языке для сохранения национальности; поднятие и поддержка умственных благ немецкого населения Царства Польского; соединение всех немцев русского подданства без различия вероисповедания и сословия для охранения их национальной самобытности и веры; поддержка хороших отношений ко всем другим национальностям; учреждение школ, стипендий, библиотек, потребительских и сельскохозяйственных товариществ, промышленных предприятий, касс взаимопомощи, банков и т.п.; поддержка немецких школ и церквей; всесторонняя защита интересов немецкого населения Царства Польского; развитие немецкого искусства и науки; учреждение рабочих колоний, больниц и госпиталей, приютов для престарелых и детских летних колоний и т.д. Деятельность общества распространялась на 10 губерний, находящихся под правлением Варшавского генерал-губернаторства. Его членами могли стать немцы русского подданства¹².

В 1907 г. было основано Московское немецкое общество, главная цель которого заключалась в сохранении и укреплении национальных традиций. В этом же году в реестр обществ и союзов Лифляндской губернии было внесено «Немецкое общество Лифляндии» (Deutscher Verein in Livland), стремившееся к объединению, сохранению и укреплению немецкого населения Лифляндской губернии в культурном, духовном и экономическом отношении. В качестве задач в уставе организации были перечислены: поддержка немецкого школьного и преподавательского дела; учреждение учебных заведений, где преподавание ведется на немецком языке; попечение о немецком языке, немецкой науке, немецком искусстве и немецкой общественности; содействие экономическому благосостоянию немцев Лифляндской губернии. Общество состояло из местных групп, учреждаемых в Риге и других местностях губернии¹³. Одновременно с Лифляндским обществом в Прибалтике были созданы немецкие общества в Эстляндии и Курляндии, тесно связанные с филиалами Пангерманского союза Германского рейха.

Помимо просветительских задач, они также поставили перед собой цель объединения немецко-балтийской интеллигенции и поместного дворянства

в прочный политический союз. Позже было решено добавить к нему немцев – русских подданных других регионов Российской империи. Однако этот альянс не удался, так как идея не нашла отклика у колонистов южных районов России.

Вследствие своей политической и общественной изолированности большинство колонистов было предано монархизму и с волнением следило за революционными событиями 1905–1907 гг., воспринимая их как внутреннее дело страны, которое по сути их не касается. Манифест 17 октября 1905 г. был встречен ими как победа политического благоразумия над хаосом масс. При этом большие надежды в решении своих национальных и культурных проблем они возлагали на Государственную думу.

В период подготовки к выборам в ряде крупных городов (Москве, Санкт-Петербурге, Одессе, Екатеринославе и др.) стали возникать немецкие группы, объединявшие исключительно русских подданных. Они складывались как организации, весьма близкие по духу партии октябристов, но не желавшие совершенно растворяться в многочисленных октябристских рядах¹⁴.

Немецкие группы «Союза 17 октября» стали уникальным явлением в истории российского умеренного либерализма, не знавшего в своих кругах иных национальных образований¹⁵. Они организовывали предвыборные собрания, на которых указывали немецкому населению на их обязанности и права, стараясь пробудить в нем политический интерес и поддержать готовность к активности.

Партия «Союз 17 октября» привлекла к себе внимание части немецко-балтийских дворян, колонистов, представителей интеллигенции и городского населения как партия центра – конституционная, но в то же время монархистская, с умеренными взглядами. Одними из основателей «Союза 17 октября» стали граф Петр Александрович Гейден (1840–1907 гг.) и барон Павел Леопольдович Корф (1837–1913 гг.)¹⁶. П.А. Гейден стоял также у истоков Партии мирного обновления. Членом Центрального комитета партии октябристов, а также председателем Петербургской немецкой группы являлся барон Александр Феликсович Мейендорф (1869–1964 гг.)¹⁷. Инициатором и организатором Московской немецкой группы «Союза 17 октября» был Карл Эдуардович Линдемман¹⁸.

В регионах Российской империи немецкое население, в особенности колонисты, обратили свое внимание на Конституционно-демократическую партию. В избирательных компаниях в I и II Государственные думы основная их часть проголосовала за русско-немецких депутатов партии кадетов.

Членами Конституционно-демократической партии были известные общественные и политические деятели, выходцы из немецкой среды. Так над созданием ее программы работал Петр Бернгардович Струве (1870–1944 гг.) – известный философ и публицист¹⁹. В Центральный комитет партии вошли барон Борис Эммануилович Нольде (1876–1948 гг.) – профессор юриспруденции, Александр Александрович Кизеветтер (1866–1933 гг.) – либеральный историк, Николай Николаевич Кутлер (1859–1924 гг.) – экономист, консультант кадетской фракции по финансовому вопросу и др.²⁰

Только в Прибалтийском крае была образована Балтийская конституционная партия, представлявшая интересы той части балтийских немцев, которая считала неприемлемым присоединяться к общероссийским партиям²¹. По национальному составу она являлась преимущественно немецкой партией. В 1906 г. из 6 500 тысяч членов немцев было 6 172 человека, остальные – русские и латыши²². В состав Балтийской конституционной партии входили представители всех слоев немецкого населения Прибалтики. Финансировали ее крупные землевладельцы и промышленники. По своим взглядам партия приближалась к октябристам, отличаясь от нее своим требованием расширения местного самоуправления и национальных прав. Сильно национально направленный характер балтийской партии проявлялся в требовании передачи самоуправления, права на преподавание в школах на языке соответствующей народности и равенства всех граждан без учета национальности, религии и происхождения. Балтийские немцы требовали прекращения официальной политики русификации прибалтийских провинций²³.

Приняв Манифест 17 октября 1905 г. и всецело поддержав выдвинутую правительством программу, Балтийская конституционная партия активно участвовала в выборах в I и II Государственные думы²⁴. Однако потерпев неудачу, она была вынуждена вступить в политический союз с другими политическими организациями. В результате поддержки Латышской реформаторской партии в III Государственную думу прошли два ее кандидата – Роберт Яковлевич Эргардт – доктор государственных наук, и Оскар Александрович Бракман – фабричный и банковский директор²⁵. В Думе они примкнули к парламентской фракции октябристов.

Одним из показателей общественно-политической активности немецкого населения Российской империи в начале XX в. также является национальная пресса, полностью отражавшая его настроения и интересы. Особенность дореволюционных периодических изданий российских немцев заключается в том, что они в первую очередь были региональными, ориенти-

рованными на локальные группы населения²⁶. Наиболее популярными среди них были: «St. Petersburgische Zeitung» (Санкт-Петербург), «Odessaer Zeitung» и «Deutsches Leben» (Одесса), «Deutsche Volkszeitung» (Саратов), «Düna Zeitung» и «Baltische Post» (Рига) и др.²⁷ Привилегии, данные немецким переселенцам правительством, а также общий цензурный надзор привели к тому, что периодика российских немцев приобрела характер полной лояльности по отношению к власти. Даже в годы бурных политических событий 1905–1907 гг. газеты колонистов всегда занимали нейтральную позицию²⁸. Стараясь держаться в стороне от радикальных партий и движений, они тем не менее выражали национальные интересы. Немецкая пресса внимательно следила за развитием общественно-политической ситуации в стране. Так в ходе выборов в I Государственную думу на страницах «Deutsches Leben» была опубликована сравнительная характеристика наиболее влиятельных общероссийских партий с основными положениями их программ, в которых были отражены позиции по следующим проблемам: государственное устройство, аграрный вопрос, армия, народное образование и т.д.²⁹

Таким образом, в начале XX в. немецкое население Российской империи фактически не имело партии, которая бы представляла их интересы на государственном уровне, за исключением Балтийской конституционной партии. Образованные в разных регионах страны союзы и общества главной целью своей работы определяли сохранение родного языка и культуры, не включаясь в политическую борьбу. Большинство же активных российских немцев вошло в общероссийские партии, и в выборах в Государственную думу они выступали как их кандидаты. В основном это были Конституционно-демократическая партия и партия «Союз 17 октября». Связано это было с тем, что эти политические образования наиболее импонировали конституционно монархически настроенному немецкому населению России.

¹ См.: Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1996. С. 5.

² См.: Представители Государственной думы 27 апреля – 8 июля 1906 г. (Альбом). СПб., 1906. С. 130.

³ См.: Высочайшие манифесты и законоположения, относящиеся к созыву Государственной думы / Представители Государственной думы 27 апреля - 8 июля 1906 г.: Альбом. СПб., 1906.

⁴ См.: Там же. С. 136.

- ⁵ Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века: Энциклопедия. М., 1996. С. 267.
- ⁶ Там же. С. 136–137.
- ⁷ Там же.
- ⁸ См.: Национальный вопрос в программных документах политических организаций и движений России. Начало XX века: Документы и материалы. Томск, 1998. С. 6.
- ⁹ См.: Устав Немецкого общества образования в Южной России. Одесса, 1906. С. 3.
- ¹⁰ См.: Там же.
- ¹¹ См.: Устав Немецкого общества царства Польского. Варшава, 1907.
- ¹² См.: Там же.
- ¹³ См.: Устав Немецкого общества в Лифляндии (Deutscher Verein in Livland). Рига, 1906.
- ¹⁴ См.: Павлов Д. Б. Немцы в российской партийной политике: «Союз 17 октября». // Большое будущее. Немцы в экономической жизни России. М., 2000. С. 84.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ См.: Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века: Энциклопедия. М., 1996. С. 579.
- ¹⁷ См.: Там же. С. 353.
- ¹⁸ См.: Айсфельд А. Карл Линдеман. Политическая и общественная деятельность московского ученого // Немцы Москвы: исторический вклад в культуру столицы. Международная научная конференция, посвященная 850-летию Москвы (Москва, 5 июня 1997 г.): Сборник докладов. Москва, 1998.
- ¹⁹ См.: Казакова Н., Колеров М., Нарский И.. Струве Петр Бернгардович // Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1996. С. 596–597.
- ²⁰ См.: Канищева Н. Конституционно-демократическая партия // Там же. С. 267–268.
- ²¹ См.: Залевский К. Национальные партии в России // Общественное движение в России в начале XX века / Под ред. Л. Мартова, П. Маслова, А. Потресова. Спб., 1914 г. Т. 3. Кн. 5. С. 278.
- ²² См.: Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века: Энциклопедия. М., 1996. С. 55.
- ²³ См.: Залевский К. Национальные партии в России... С. 279.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ См.: Наши депутаты. Члены Государственной думы: Портреты и биографии. III созыв / Сост. М. М. Бойович. 6-е изд. М., 1910. С. 159, 160.
- ²⁶ См.: Иларионова Т.С. Немецкая печать в СССР 1917–1941 гг. М., 1992. С. 3.
- ²⁷ См.: Там же.
- ²⁸ См.: Там же. С. 4.
- ²⁹ См.: Там же.

ЗАОКЕАНСКАЯ МИГРАЦИЯ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ

Л. В. Малиновский

Многим исследователям истории российских немцев известны трудности обобщения этой истории и создания общей хронологии событий и явлений: переселение немцев из германских государств в Россию проходило в разное время, с разных и на разные территории, так что обрисовать общую картину почти невозможно, она распадается как по источникам, так и по историографии на отдельные фрагменты.

Аналогичные трудности испытывает и историк, пытающийся описать заокеанскую эмиграцию российских немцев, которая продолжалась более 130-ти лет и до сих пор еще не закончилась. Соответственно она проходила из различных местностей России и в связи с соответствующими историческими и социальными процессами.

По нашим подсчетам таких эмиграций или потоков из России (не считая Польши и Прибалтики) было не менее пяти, причем все они имели своей целью переселение за океан. Германия же представляла собой для них только страну проезда или временного пребывания – перед выездом в США либо Канаду или перед возвращением в Россию.

О первой эмиграции в Америку написано предостаточно и современниками, и историками более позднего периода. Это была эмиграция 1871–1880 гг., связанная с реформой колоний в 1871 г. и с введением всеобщей воинской повинности в 1874 г. Прежде всего она затронула меннонитов, однако и колонисты Поволжья и других местностей участвовали в этом походе за океан. Известна выпущенная их потомками в США книга к столетию российско-немецких поселений в штате Канзас, изданная в 1976 г. По этим данным только из 12-ти деревень Поволжья в 1875 г. (на другой год после введения всеобщей воинской повинности) выехало 1 385 чел., которые переехали в штат Канзас на юго-западе США и поселились там¹.

Всего к 1900 г. в западной половине США, куда главным образом направлялась сельская эмиграция, было уже около 50-ти тыс. российских немцев, т.е. почти вдвое больше, чем переселилось первоначально из Германии в Поволжье в XVIII веке². Кроме того, значительная часть этих эмигрантов уже в это время направлялась в Южную Америку, частью в результате вербовочной кампании тамошних правительств, частью ввиду более стро-

гих санитарных норм для иммигрантов в США. Особенно много забот доставляла им трахома, широко распространенная в немецких колониях, из-за этого заболевания многие колонисты Поволжья не попадали в США или даже не пытались высаживаться там, сразу же направляясь в Латинскую Америку, где санитарные нормы были более либеральными.

По тщательным подсчетам Голлаца³ через германские и голландские порты за 1871–1879 гг. прошло более 6 500 эмигрантов из немцев Поволжья, если к этому прибавить еще и известную цифру – 18 тыс. меннонитов из Крыма и Украины, мы получим 24 500 эмигрантов после реформы 1871 г. и введения воинской повинности в 1874 г. с поправкой на более поздние послабления для меннонитов.

Следует здесь оговориться, что причиной этих переселений было не только изменение условий пребывания в России против екатерининского указа 1763 г., но и большой соблазн для безземельных и обедневших колонистов (сильное сокращение наделов в Поволжье) получить в США гомстед, т. е. участок земли в 64 га за символическую плату в 10 долларов, как это было предусмотрено законом о гомстедах 1862 г.

После того как массовая эмиграция меннонитов (особенно из Крыма) была погашена соглашением о предоставлении им права замены военной службы отбыванием повинности в лесных командах, эмиграционное движение затихло, к тому же излишки бедноты и молодых семей находили новые возможности переселения в дочерние колонии, которые, в свою очередь, распространились на Восток, вплоть до Западной Сибири.

Однако эмиграция не прекратилась, как это видно из американской статистики начала XX века: за 40 лет в США въехало 85 тыс. российских немцев, причем конкретно по годам мы располагаем следующими данными (табл. 1).

Если проанализировать данные третьей колонки, то мы увидим чередование роста иммиграции российских немцев в США со спадами, один из которых приходится на 1904–1905 гг. Очевидно, что этот спад связан с транспортными трудностями во время русско-японской войны и революции 1905 г., но также и с сомнениями немецких колонистов в отношении возможности эмиграции. Один из доступных нам источников (Голлан) также высказывает предположение, что этот спад вызван, во-первых, «беспорядками» в России, а во-вторых, неурожаем 1904 г., который не позволил эмигрантам накопить достаточно денег для переезда через океан⁴.

Иммиграция российских евреев (49% выезжавших из России) в США с 1900 г. постоянно росла (особенно заметно это стало с 1903 г.) и достигла своего пика в 1906–1907 гг., после чего начался спад. Заметим, что первый

Иммиграция в США в 1900–1909 гг.⁴

Год иммиграции в США	Всего иммигрантов (тыс. чел.)	В том числе российских немцев
1900	90,8	5 349
1901	85,3	5 643
1902	107,3	8 542
1903	136,1	10 485
1904	145,1	7 128
1905	184,9	5 722
1906	215,7	10 279
1907	258,9	13 480
1908	156,7	10 009
1909	170,5	7 781
Всего	1 501,0	84 418
То же в %	100	5,7

крупный Кишиневский погром против евреев произошел как раз в 1903 г., о погромах против немцев тогда ничего не было слышно!

Можем ли мы однако считать эти показатели точным и научным описанием новой волны эмиграции немецких колонистов из России? По-видимому, нет, поскольку эта эмиграция плавно изменялась от года к году и не была вызвана изменениями в законодательстве или в политическом положении страны и немецкого населения, в частности. Кроме того, постепенная иммиграция российских немцев в Америку не могла вызвать, как в 1870–1880-е гг. образования целых поселений российских немцев за океаном: переселенцы приезжали небольшими группами и, соответственно, растворялись среди американского населения в целом или в ранее основанных российскими немцами населенных пунктах (следует отметить, что российские немцы, в отличие от самих американцев и от иммигрантов из Германии, стремились первоначально поселиться не на отдельных фермах, а целыми деревнями, как они жили в России).

При всем уважении к такому известному исследователю как Патканов, данными которого мы здесь пользуемся, следует оговориться, что заокеанская статистика, не только в США, но и в Канаде, и в латиноамериканских

странах, сильно грешила в отношении определения национальности иммигрантов из России. В большинстве случаев, даже и до сегодняшнего дня, американских чиновников, не представляющих себе четко многонациональную Россию, больше интересует «страна выхода» (country of origin), а вовсе не национальность. От этого возникают большие неточности – или наших эмигрантов-немцев путают с германскими немцами, или путают колонистов Поволжья с меннонитами, либо вообще записывают всех приехавших из России как «русских», в том числе и евреев, и меннонитов XIX века, которые ни слова по-русски не знали. Поэтому появляются и большие расхождения в статистике, например, численность российских немцев в Аргентине оценивается в пределах от 80-ти до 240 тыс. человек⁶.

Годы Первой мировой войны естественно прекратили всякую эмиграцию из России, тем более что она и до того шла большей частью не напрямую, а через германские порты. Поэтому, несмотря на национальные преследования немцев в России во время войны (запрет преподавания немецкого языка в школах, закрытие национальной печати, выселение в Сибирь и на Урал или угроза такого выселения), никакой эмиграции из России до 1918 г. не было.

Во время Гражданской войны меннониты юга пытались при помощи своих единоверцев и родственников в Канаде организовать эмиграцию из южной России в Канаду. Приезжали представители канадских меннонитов и делегации, но практических результатов эти попытки не имели⁷.

Следующей значительной волной эмиграции была верхушечная эмиграция немцев, прежде всего меннонитов и немецкой интеллигенции, а также городского населения в начале 1920-х годов, примерно до 1924 г. Это была легальная эмиграция, в отличие от панического бегства господствующих классов после 1917 г., эти эмигранты могли законно продать свое имущество, свои хозяйства и выехать в Канаду или в США с разрешения советского правительства. Большинство из них и за океаном стали фермерами (в Канаде, в США запасы свободных земель к этому времени истощились и гомстеды никому уже не предоставлялись). Ныне это поколение эмигрантов уже вымирает и данные об их биографии нам приходится черпать уже не из автобиографий, а из некрологов, которые печатаются в немецких журналах в Канаде и США.

Незадолго до этой волны эмиграции прошло бегство колонистов Поволжья от голода 1921 г., когда часть беженцев устремилась не только в соседние области, но и в Европу. Через Польшу эшелоны беженцев попали в Германию, где их приютили в бывших лагерях военнопленных русских сол-

дат. Так во Франкфурт-на-Одере до декабря 1922 г. прибыло более 5 000 беженцев из Поволжья. Многие из них болели тифом и туберкулезом, из 181 заболевшего 81 чел. умер уже в первые два месяца пребывания во Франкфурте, из 230 пораженных болезнями глаз 87 болели трахомой. В Германии у них не было шансов ни осесть на земле, ни получить работу. Они надеялись только на помощь родственников в США, которые могли оплатить им переезд через океан. Но эти надежды оправдались только для 1 500 чел., остальные, просидев 4–5 лет в лагере, добровольно возвратились в Поволжье⁸.

Следующая волна эмиграции – меннониты и некоторая часть колонистов – относится ко времени коллективизации в СССР, она началась в 1929 г. и продолжалась вплоть до 1931 г. Осенью 1929 г. под Москвой скопилось 18 тыс. меннонитов, они требовали выезда в Канаду, но не получили его: с одной стороны, советские власти не выпускали их из страны, с другой – канадское правительство не могло и не хотело принимать сразу такое количество народу. Удалось выехать только 5 769 чел., остальные были насильно отправлены обратно в свои деревни. Из выехавших только 23,2 % пробилась в Канаду после длительного пребывания в Германии, которая согласилась временно принять этих беженцев. Из остальных: 44 % были вынуждены выехать в Бразилию и 27,1 % – в Парагвай, только 5,5 % (306 чел.) зацепились в Германии и только 0,1 % (4 чел.) попали в США. Ясно видно изменившееся отношение к иммигрантам в США, куда когда-то направлялся главный поток переселенцев⁹.

Вторая мировая война и германская оккупация Украины вызвали новую волну недобровольной эмиграции – оккупанты увели с собой все немецкое население, надеясь использовать его для военных целей или для заселения восточных районов Германии, где ранее преобладали поляки. Переселение было недобровольным, под наблюдением СС, это подтверждается не только воспоминаниями и свидетельствами (были случаи даже самоубийств стариков, которые не хотели покидать родную деревню), но и таким фактом как вынужденный выезд даже такой семьи (из Глюкстала), глава которой был ранее арестован и расстрелян оккупантами. Эти переселенцы были направлены для усиления немецкого элемента в Вартегау (в настоящее время Западная Польша), но там лишились всего скота, мужчины были призваны в германскую армию, а остальные оказались в положении батраков немецких помещиков из Прибалтики. Большая часть этих беженцев была застигнута в Польше Советской армией и возвращена в СССР как «репатрианты», фактически они превратились в таких же ссыль-

ных, как и депортированные в 1941 г. немцы Поволжья. Но часть из них (около 100 000) либо ушла вслед за германской армией из Польши, либо изначально оказалась в Западной Германии и попала в качестве «перемещенных лиц» под юрисдикцию западных союзников. По-видимому, какая-то малая часть из них пробралась в США и в Канаду, хотя сделать это в послевоенные времена было совсем не просто, даже сами германские граждане не имели тогда таких возможностей.

Но наличие этих людей в будущей ФРГ оказало некоторое влияние на судьбу их родственников в СССР – германское правительство при Аденауэре подняло вопрос о «воссоединении семей» и советское правительство было вынуждено выпустить в Германию часть немецких колонистов, близкие родственники которых оказались в Германии (кстати, с воссоединением семей это не имело ничего общего, никто не хотел воссоединяться с родственниками в СССР, это была только формальная причина для эмиграции в Германию). Естественно, что этой лазейкой могли воспользоваться только бывшие жители Украины, для немцев Поволжья выезд был по-прежнему закрыт. Часть этих эмигрантов опять же оказалась за океаном, снова это были, главным образом, меннониты, которым помогли заокеанские родственники и религиозные организации. Теперь имеются их воспоминания или сообщения их родственников, которые посещали их на новом месте, в США или в Канаде¹⁰.

Естественно, что после ожесточенной войны против Германии эти немцы-эмигранты старались возможно скорее раствориться среди американского или канадского населения, никто не хотел носить клейма переселенца из Германии или из России, все хотели быть стопроцентными американцами, тем более что к этому времени и эмигранты прежних потоков уже ассимилировались, их потомки уже не знали немецкого языка и имели туманное представление о жизни своих предков в России¹¹.

Тем временем в нашей стране произошли значительные изменения. Прежде всего было изменено законодательство об эмиграции – для выезда уже не надо было иметь близких родственников за границей. Германское же правительство, хлебнув горя и забот с иностранными рабочими 1950-х годов, которые ныне превратились в национальное меньшинство, постаралось заманить к себе в качестве квалифицированной и говорящей по-немецки рабочей силы наших российских немцев. Оно припомнило положительный опыт 1945–1950 гг., когда 11 миллионов переселенцев с Востока дали сильный импульс германской экономике и превратились в важную составную часть германского рабочего класса, помогли индустриализации

ранее сравнительно отсталых сельскохозяйственных районов федеративной республики.

Однако на этот раз нашла коса на камень: российские немцы, помня о репрессиях 1930-х годов и о депортации 1941 г., были готовы массово выехать в Германию, тем более что положение в России ухудшалось с каждым годом, а национальная политика никак не могла расстаться со старыми стереотипами и выйти хотя бы на уровень 1930-х годов. В то же время наши немцы успели получить в России приличное образование, рабочую квалификацию и вовсе не хотели становиться в Германии на нижнюю ступеньку социальной лестницы.

Они хотели прежде всего вернуться к сплошному сельскому поселению своих отцов и дедов и к старому образу жизни на новом уровне, а вовсе не жить в Германии в качестве мобильного и низкооплачиваемого рабочего резерва германских предпринимателей. Отсюда и их фактическое сопротивление ассимиляционному давлению местных организаторов и просветителей, их стремление жить более или менее компактно в определенных областях или районах, к созданию своих религиозных общин и т.д.¹²

Будет ли эта часть немецкого населения достаточно мобильна для дальнейшей эмиграции за океан, будет зависеть не только от нее самой, но и от политики западных правительств и местных властей, а также от дальнейшей судьбы нашей собственной страны, куда уже началось обратное движение российских немцев (или не сумевших приспособиться к западному образу жизни или страдавших там от тоски по родине, пусть эта родина называлась бы Поволжье или Сибирь).

¹ См.: Dreiling, N. R. Official centennial history of the Volga German Settlements of Ellis and Rush Counties in Kansas 1876–1976. Hays, 1976. P. 40.

² См.: Богина Ш. А. Иммигрантское население США –1865–1900 гг. М., 1976. С. 23.

³ См.: Hollatz, D. D. Die Auswanderung von Kolonisten nach Südamerika. Teil I. Forschungen zur Geschichte und Kultur der Russlanddeutschen, Ausgabe 8, Essen, 1998, S. 48.

⁴ См.: Патканов С. Итоги статистики иммиграции в США из России за десятилетие 1900–1909 гг. Оттиск из «Ежегодника России» 1910. С. 19.

⁵ См.: Hollatz, op. cit. S. 47.

⁶ См.: Habenicht, G. Wolgadeutsche Lieder aus Argentinien. Freiburg, 1993, S. 68.

⁷ См.: Klassen, P. Das Mennonitentum und die Mennoniten. Alma-Ata, 1989. S. 83.

- ⁸ См.: Malinowski, L. V. Russlanddeutsche in Frankfurt/Oder 1923–27. Frankfurter Jahrbuch 1999, Jakobsdorf, 1999. S. 73.
- ⁹ См.: Epp, G. u.a. Vor den Toren Moskaus ... Larrow, B. C., 1960/ S. 136.
- ¹⁰ См.: Z. B. Erinnerungen von W. Görzen in: „Heimatliche Weiten“. M., 1989. Nr. I.
- ¹¹ См.: Фурсова Л. И. Иммиграция в Канаду после Второй мировой войны (1945–65 гг.) // Национальные проблемы Канады. М., 1972. С. 188, 190.
- ¹² См.: Klaube, M. „Polewoje“ in WiHlebadessen – in: Die deutschen Dörfer in der westsibirischen Kulunda-Steppe ...Marburg, 1991. S. 178–181.

БОРЬБА ЗА НЕМЕЦКУЮ МОЛОДЕЖЬ: ЦБ НЕМСЕКЦИЙ ПРИ ЦК ВЛКСМ И РЕЛИГИОЗНЫЕ МОЛОДЕЖНЫЕ ФОРМИРОВАНИЯ В СССР (1922–1930 гг.)

В. Дённингхаус

Насколько «эффективной» оказалась политика ЦК ВЛКСМ по отношению к религиозным молодежным движениям национальных меньшинств Запада в первое послереволюционное десятилетие нам позволяет судить ее проведение в местах компактного проживания немцев как наиболее слабого звена в цепи советизации данных групп населения СССР. Несмотря на то, что борьба с «религиозными предрассудками и фанатизмом» стала в центре внимания ЦБ немсекций при ЦК РКСМ, практически с момента его организации (февраль 1922), слабость комсомольских организаций на местах не позволяла проводить ее в жизнь практически до начала 1924 г.¹ Неудивительно, что Коллегия нацменьшинств при ЦК РЛКСМ, заслушав доклад руководства ЦБ немсекций о его деятельности в 1924 г. сделала вывод, что основной конкурирующей с Союзом силой в немецких колониях выступают именно религиозные секты и беспартийные культпросветкружки. ЦБ немсекций было указано на принятие немедленных мер и разработку практических мероприятий по борьбе с сектантскими и беспартийными организациями в немецкой деревне. Основными методами их скорейшей ликвидации ЦК РЛКСМ выделил три направления: 1) классовое расслоение этих организаций; 2) противопоставление им массовой политико-просветительской и культурной работы КСМ; 3) приспособление к борьбе с сектантством всех форм антирелигиозной пропаганды². Член ЦБ немсекций Менка в отношении предложенных форм работы в немецкой деревне заметил следующее: «Мы должны политически завоевать нем[ецкую] колонию, путем организации комсомольских ячеек, подготавливая почву для партии. Мы можем охватить молодежь через вечеринки. Мы их должны окомсомолить...»³. Однако сделать заявление было проще, чем воплотить его в жизнь. Именно слабое влияние КСМ в сельской глубинке, наряду с возрастающей активностью молодежи в период НЭПа, привело к количественному росту разнообразного спектра кружков и объединений под эгидой церкви, основной целью которых являлась не политическая деятельность,

а удовлетворение культурных и общественных запросов немецкого юношества. «Желание организовать в политически нейтральные, культурные или спортивные организации, – отмечалось в докладе ЦБ немсекций (ноябрь 1924 г.), – гораздо чаще наблюдается, чем желание вступить непосредственно в комсомол»⁴. Особенно сильно проявлялось влияние церкви на девушек, принимавших активное участие в различных религиозных молодежных объединениях. Наиболее массовой из них являлась молодежная организация «Мариен-Киндер», объединявшая исключительно девушек 14–19 лет и ставившая своей целью, наряду с общим духовным образованием, организацию женских хоровых кружков при костелах⁵. Большой упор на вовлечение в религиозные молодежные объединения женской половины колоний делали и баптистские проповедники. В отличие от КСМ, где численность девушек-немок была очень низкой (1926 г. – 9 %), в некоторых ячейках «бапсомола» их доля нередко доходила до 90 %⁶. «Параллельно с развитием активности взрослого населения, – отмечал в своем отчете (но – яб. 1924 г.) секретарь ЦБ немсекций Томанек, – в колониях идет увеличение активности немецкой молодежи. Оно выражается в стремлении к организации разных кружков, беспартийных союзов молодежи и т.д., в желании как-нибудь проявить себя...»⁷. При этом, ЦБ немсекций выделяло три направления проявления этой активности: 1) слабая тяга батрацко-бедняцкой части молодежи в комсомол; 2) создание культурно-просветительных кружков и религиозных организаций; 3) движения, выливающиеся в разного рода хулиганства⁸. Необходимо отметить, что подобные тенденции были характерны и для молодежи СССР в целом, обуславливаемые развитием НЭПа. Само руководство ВКП(б) отмечало, что классовые противоречия в стране, рост новой буржуазии в городе и деревне особенно обострили борьбу за молодежь. «На первом месте, – отмечал XIV съезд партии (1925 г.), – необходимо поставить несоответствие между новыми запросами масс в связи с хозяйственным ростом и методами, формами и содержанием работы комсомола. Приспособление работы к этим запросам есть... центральная проблема комсомольского движения в текущий переломный период»⁹. Послевоенная молодежь, в отличие от взрослого населения, намного быстрее отходила от аскетических идей «военного коммунизма», стремясь улучшить свое материальное положение, используя свободное время для досуга и развлечений. ЦК комсомола было указано идти навстречу этим запросам, одновременно ведя борьбу как с развитием «мещанского индивидуализма», так и с игнорированием заботы о материальном и духовном положении юношества.

Особая активность в борьбе за души юного поколения была зафиксирована в среде меннонитского населения в Украине, где были созданы многочисленные религиозные организации молодежи (менсомол), основу которых составляли середняки и зажиточные колонисты¹⁰. Благодаря широкой экономической поддержке со стороны «Союза потомков голландских выходцев на Украине», данные организации имели возможность вести целенаправленную борьбу с ячейками КСМ за влияние на молодежь и вовлечение новых членов в свои ряды. Они проводили общие собрания деревенской молодежи, сопровождающиеся чаепитием и играми, организовывали различные спортивные кружки и секции, выступали посредниками по поиску работы для батраков и бедняков и т.д.¹¹ «Часто бывает так, что их деятельность более зазывающая, чем работа в избе-читальне и комсомольской ячейке», – не раз жаловались комсомольские функционеры¹². Сам первый секретарь ЦК ВЛКСМ Чаплин, характеризуя формы и методы работы церковных деятелей с молодежью в немецкой деревне (май 1927 г.), заметил: «...Проповедники, собирая по воскресеньям молодежь, сухие библейские сказки чередуют с игрой в крокет и кегли»¹³. «Бапсомол», к примеру, открыто проводил агитацию против вступления колонистов в КСМ, а также за выход из него тех, кто уже являлся его членами¹⁴. При этом, предлагаемый бапсомолом и менсомолом разнообразный спектр «услуг» для немецкой молодежи, явно превышал чисто идеологическую работу комсомольских ячеек в колониях. Информационный отдел ЦК РЛКСМ был вынужден в мае 1925 г. выступить с предложением срочно разработать новые формы и методы работы КСМ в этих условиях, т.к. многие комсомольские комитеты на местах вообще отказывались проводить какую-либо работу среди меннонитов, «вместо того, чтобы изучать работу этого союза и бороться за влияние находящейся в ней молодежи»¹⁵. Заведующий подотделом Нацмен ЦК РЛКСМ Файн-берг открыто объявил конкурентом КСМ, а следовательно, его врагом - «Всероссийский меннонитский сельскохозяйственный союз», заявив по этому поводу следующее: «Среди немецкой молодежи господствует влияние националистической организации Союза меннонитов... Эта организация руководит всей культурной работой колонии, запрещает членам «Союза меннонитов» вступать в члены др[угих] организаций. Много немцев-комсомольцев состоят в этой организации, организация носит замкнутый националкастовый характер и совершенно не дает вести работу комсомолу, который в этих колониях никаким влиянием не пользуется»¹⁶.

Голые призывы руководства ВЛКСМ покончить с религиозным влиянием на молодежь в немецких колониях, оставались, как правило, нереализован-

ными. Так, ЦК ЛКСМУ, характеризуя ситуацию в немецких колониях (декабрь 1925 г.) вновь подтверждал «слабое классовое сознание» бедняцкого и середняцкого крестьянства, пассивность общественной жизни в колониях и сильное влияние духовенства, проводившего «усиленную работу по затушевыванию классовых противоречий в немколониях и против советизации последних»¹⁷. Сильный рост культурной и политической активности немецкой молодежи, идущий помимо влияния КСМ и выражающейся в регулярном увеличении членов религиозных организаций молодежи, вынуждали руководство Союза постоянно перестраивать формы своей работы¹⁸. Так, голословная пропаганда против духовенства в немецкой деревне, заменялась распространением научного антирелигиозного мировоззрения, с применением современных технических средств – кино и радио¹⁹. Кроме разовых бессистемных кампаний борьбы с религией (Рождество, Пасха и т.д.), предлагалась ежедневная, параллельная церковному проповеднику, политико-просветительная работа. На каждое «церковное» мероприятие комсомольские ячейки должны были разрабатывать «антицерковное» (в один и тот же день, в одно и то же время). Особое внимание уделялось проведению параллельных ритуалов – «красных» крещений, свадеб, поминок²⁰. Был сделан упор на регулярное проведение сельскохозяйственных и медицинских лекций, включая организацию культурного досуга молодежи²¹.

Несмотря на все «потуги» центра, состоявшееся в феврале 1926 г. совещание ЦК РЛКСМ по вопросам работы среди немецкой молодежи, констатировало продолжающийся рост «антикоммунистической» активности в немецкой деревне и «чрезвычайно слабое влияние РЛКСМ на немецкую молодежь»²². В то же время, по оценкам комсомольского руководства с мест, активизация молодежи в немецкой деревне была все так же далека от каких-либо политических целей: «Эту активность можно определить, как аполитичную. Молодежь просто желает как-нибудь проявить себя... Тяга в комсомол отсутствует, молодежь боится названия «коммунист» и далека от того, чтобы иметь желание организовать непосредственно в ячейку комсомола. Она имеет огромное желание организовать в спорт[ивный], драм[атический], хор[овой] и другие кружки, создать избу-читальню, культ-просвет и т.д. Но все это с одной лишь целью: удовлетворить свои культурные и компанийские потребности...»²³. Однако именно «аполитичность» немецких колонистов, по мнению ЦК РЛКСМ, создавала опасность использования ее в интересах «националистических элементов»²⁴. Для решения задачи перетягивания молодежи на сторону КСМ были задействованы все культурно-просветительные силы немецкой деревни: учителя, работники

изб-читален, агрономы и т.д. Особый упор был сделан на учительство, в частности, в деле подготовки и организации «различных развлечений», используя опыт религиозных и некоммунистических организаций²⁵. В соответствии с программой ЦБ немсекций при ЦК РЛКСМ, охват растущей общественной активности немецкой молодежи под руководством КСМ должен был проводиться тремя способами: 1) путем проведения беспартийных конференций и общесельских собраний; 2) посредством организации спортивных, музыкальных, драматических кружков и разного рода культурно-увеселительных пунктов; 3) привлечением молодежи к участию в различных культурно-просветительных кружках при избах-читальнях, клубах и школах-передвижках²⁶.

В апреле 1926 г. ЦБ немсекций разослало директиву на места об обстоятельном изучении всех форм и методов работы некоммунистических и антикоммунистических организаций молодежи и о регулярной пересылке обработанной информации в Москву²⁷. С целью усиления руководства КСМ культурно-массовой работой на местах, а также для ознакомления характера и методов работы «конкурентов» было принято решение о регулярных командировках сотрудников ЦБ немсекций в регионы²⁸. Наряду с этим, была поставлена задача выявления всех религиозных молодежных групп, занимавшихся спортивной деятельностью, и обеспечение жесткого контроля над ними со стороны губернских и районных спортивных советов²⁹. Ведущая роль в борьбе с «антикоммунистическими» организациями отводилась антирелигиозному просвещению немецкой молодежи, организации и популяризации кружков «Безбожник» в колониях³⁰. Уже в декабре 1926 г., в резолюции по докладу ЦБ немсекций при ЦК ВКП(б) и ЦК ВЛКСМ были отмечены некоторые успехи работы КСМ среди меннонитской и сектантской молодежи, выразившиеся в фактах добровольного согласия колонистов на призыв в Красную Армию, снижении численности некоторых религиозных молодежных организаций, а в ряде мест даже их ликвидации, усилении роста немецких комсомольских ячеек. Однако эти «достижения» являлись разовыми явлениями, и были скорее исключением из правил, чем системой³¹.

Несмотря на активизацию культурно-массовой работы под руководством комсомола «антикоммунистические группировки баптистов и меннонитов» продолжали оказывать большое влияние на немецкую молодежь и во второй половине 1920-х гг. Причины оставались те же – более привлекательные формы работы с подрастающим поколением: спорт, оркестры, экскурсии, вечеринки, танцы³². «Борьба с ними очень слабо ведется, – замечало руководство ЦК ЛКСМУ в своем отчете за 1926 г., – поскольку комсомоль-

ские организации не имеют таких средств и сил, чтобы проводить такую же работу, как они.»³³. Причем, если почти все организации католической молодежи (Мариен- и Иосиф-Киндер), в летний период прекращали свою деятельность, то «бапсомол» и «менсомол», имея обученных платных инструкторов, проводили активную работу в течение всего года. Плоды ее были налицо. Так, к примеру, если в Молочанском районе (конец 1926 г.) комсомольцами являлось всего 12 меннонитов, то в менсомоле состояло более 500 чел.³⁴ Работа среди меннонитов затруднялась еще и тем обстоятельством, что все меннонитские проповедники были на голову образованнее комсомольских активистов, которые не могли противостоять их духовной «пропаганде». Нередко имели место случаи выходов из членов КСМ непосредственно после бесед с пасторами или руководителями религиозных общин. «В некоторых селах секты действуют на молодежь через постановление собраний сектантов, – не раз отмечали инструктор ЦК ВЛКСМ, – обязывающих родителей, во что бы то ни стало вернуть своих детей из комсомола»³⁵. Наиболее сильно влияние меннонитских и баптистских проповедников проявлялось во время призыва молодежи в армию, а также при направлении выпускников школ на учебу в город. «Если бапсомол и другие антикоммунистические организации в других местах так сильно развиты, как в... Молочанском районе, – замечал инструктор Мелитопольского окружкома ЛКСМУ Эфа, – то положение весьма опасно, так как оно может грозить... коммунистическому юношескому движению в немецких колониях». И далее: «Бапсомол все шире и глубже разворачивает свою работу среди немецкой молодежи, следствием чего является падение интереса беспартийной молодежи к общественно-политической работе, с одной стороны, а с другой – усиление ее участия в национально-религиозном движении, что выражается в активном посещении молодежью так наз[ываемых] «зонга-скирхен», росте антисемитизма и украинофобства и интересе к вопросам эмиграции в Америку...»³⁶.

«Перенимание» форм и методов религиозных молодежных организаций комсомольскими ячейками протекало довольно вяло. Только к лету 1926 г. в немецких колониях появились первые спортивные кружки, находящиеся под эгидой комсомола (легкая атлетика, футбол, гимнастика и др.). Однако численность их посетителей была весьма низкой. К примеру, по всей Украине в них было вовлечено не более 500 юношей и девушек. Все чаще в немецких селениях стали появляться и культурно-массовые кружки и объединения, возглавляемые комсомольцами. Наибольшим успехом среди них пользовались драматические кружки, за ними, по рангу посещения, шли

музыкальные – струнные и духовые оркестры, а замыкали эту группу – хоровые объединения³⁷. Руководство ЦБ немсекций при ЦК комсомола все чаще призывало местные секции перенимать основные формы работы с молодежью у церковных объединений: «Мы должны создать широкую сеть политико-просветительных учреждений, нам нужно создать такую же организацию, как они. Они организуют кружок девушек, почему нам его тоже не организовать. Спорт[ивный], драм[атический], литерат[урный] и т.п. кружки – методы противодействия»³⁸.

Методы борьбы КСМ с религиозными объединениями были весьма разнообразны, но как показала практика, малоэффективны³⁹. Так, например, по сообщению РК ЛКСМУ немецкого района им. Петровского (Херсонский округ), где «бапсомол» был весьма активен, все проводимые мероприятия по активизации политрабты были бесполезны, даже несмотря на ухищрения комсомольцев: «На созываемые ячейкой общесельские собрания молодежи, никто не приходил. Тогда пустились на хитрости и объявили вечер танцев, с тем, чтобы во время перерыва провести [политическую] беседу; в начале беседы все ушли из зала, а когда опять начались танцы, сошлись...»⁴⁰.

Не особенно изменилась ситуация в немецкой деревне и к концу 20-х гг. Церковь все также оставалась «большим тормозом в классовом расслоении села и активизации бедноты и батрачества», а райкомы КСМ не смогли добиться существенного перелома в активизации антирелигиозной работы в местах компактного проживания немецкого населения. Одним из примеров тому явились результаты обследования, проведенного комиссией ЦК Компартии Украины, среди немецкой молодежи Волыни в ноябре 1928 г. При этом выяснилось, что «приспособление» церкви к культурным запросам немецкой деревни, несмотря на все усилия партии и комсомола, было вне конкуренции. При всех церквях и молитвенных домах (лютеране, «свободная церковь», баптисты) имелись духовые или струнные оркестры, активно работали хоровые молодежные группы. Если учитывать, что без оркестра и хоровых объединений не обходилась ни одна вечеринка, ни одна свадьба или деревенский праздник, то становится понятной обеспокоенность руководства ЦК КП(б)У. Причем, оркестры исполняли не только музыкальные произведения религиозного жанра, но и развлекательные, особо привлекающие молодежь⁴¹. Нередко, пасторы и проповедники приурочивали свои церковные торжества (венчание, крестины и т.д.) к революционным праздникам, нарушая тем самым планы «политобработки» населения комсомольцами и коммунистами. Комиссия сделала соответствующее заключение, противопоставляя

активности религиозных общин деятельность КСМ: «Нужно отметить, что церкви и сектанты только благодаря этим художественным формам своей работы привлекают молодежь (все социальные слои). Там, где с нашей стороны проводится соответствующая работа и мы оркестрам и хорам при церкви противопоставляем свои кружки и работу сельбуда – батрацко-бедняцкая, а отчасти и середняцкая молодежь отходит от церкви и сектантов»⁴². Причем, для усиления своего влияния, комсомольцы не гнушались никакими средствами. Так, например, чтобы ослабить влияние церкви на молодежь, ячейка ЛКСМУ (село Геймталь) организовала собственный духовой оркестр лишь с единственной целью – «разложить» имеющийся при церкви. Благодаря целенаправленной «закупке инструментов у отдельных участников церковного оркестра и перетягиванию их в оркестр [КСМ]», к ноябрю 1928 г. комсомольский оркестр полностью «дезорганизовал церковный оркестр», служа лучшим средством для политической агитации молодежи⁴³. Другими словами, между комсомольскими ячейками и церковным руководством колоний наблюдалось настоящее соревнование за «молодежные души»: «При оживлении нашей работы среди молодежи, церковь и секты [также] оживляют свою работу. Когда... в селе Геймталь был организован кружок рукоделия [под руководством КСМ]... пастор Уле создал школу кройки и шитья, а жена одного из членов церковного совета организовала кружок рукоделия и проводила среди участниц сельбудовского кружка агитацию, чтобы они переходили в ее кружок. Комсомольская ячейка заявила об этих 2-х кружках под руководством пастора фин[ансовому] инспектору, который предложил им выбрать патент и до выборов патента оба кружка закрыл...»⁴⁴. Благодаря проведению таких целенаправленных кампаний, часть немецкой молодежи вышла из церкви, а число посетителей ячейки «Безбожник» достигло в Геймтале рекордной цифры – 55(!) чел. Остается добавить, что в тех немецких селах Вольни, где ЛКСМУ никакой работы не проводил, религиозные руководители общин без особых усилий группировали молодежь вокруг себя, агитируя ее, по словам комиссии, против политики советской власти. Аналогичная ситуация наблюдалась и в других регионах Украины⁴⁵. Исходя из материалов обследования ЦК ЛКСМУ немецкого района им. Карла Либкнехта (декабрь 1928 г.), авторитет церкви, прежде всего католической, еще более усилился. В ряде сел священники увеличили число ежедневных богослужений, усилился общий рост католических общин в целом. Районная организация КСМ, в свою очередь, активизации церкви практически не противодействовала, вся антирелигиозная пропаганда не выходила за обычные рамки чтения докладов о Пасхе и Рождестве. Ячейки «Безбожник», организован-

ные в ряде немецких колоний этого района под руководством КСМ посещались весьма слабо, а в некоторых селах совершенно прекратили свою работу⁴⁶. Проведенное обследование пяти выборочных немсельсоветов в Украине (осень 1929 г.) показало, что различными кружками под эгидой комсомола было охвачено только 167 человек, а религиозными – 534⁴⁷. По оценкам самих работников ЦБ немсекций при ЦК Компартии Украины, вся воспитательная работа среди молодежи (до 60%) и к концу 20-х гг. находилась в руках церкви, а большинство партийных и комсомольских работников на местах работали «по-партизански»⁴⁸. Сам секретарь ЦБ Немсекций при ЦК ВЛКСМ Фришбуттер, был вынужден констатировать малоэффективность работы комсомола в немецкой деревне (в масштабе Союза), несмотря на все прилагаемые усилия. Характеризуя ситуацию среди немецкой молодежи Северо-Кавказского края, Фришбуттер (июнь 1929 г.) заметил следующее: «Оба эти округа [Терский и Армавирский] наиболее неблагополучны по влиянию различных сект, где молодежь на 60–80% вовлекается в религиозное движение. Руководства практической работой нет. В этих округах живет также большое количество меннонитов, среди которых имеются только одиночки-комсомольцы...»⁴⁹. К примеру, в Эбентальском сельсовете (Терский округ) в 6-ти немецких колониях имелось только 3 подписчика на советские газеты, а немецкую баптистскую газету выписывали 25 колонистов. К концу 20-х гг. здесь была создана одна единственная ячейка КСМ и «красный уголок» (на русском языке), зато имелось семь молитвенных домов, возглавляемых проповедниками с высшим образованием⁵⁰. Не лучше обстояло дело и в Кубанском округе. Так, в селении Даниловка, штундистским движением было охвачено около 50% немецкого населения. Религиозные службы, несмотря на всю антицерковную пропаганду, проводились здесь практически каждый день. Подобная картина наблюдалась и в местах компактного проживания немецкого меньшинства в Сибири и Казахстане⁵¹. Итог комсомольской работы среди немецкой молодежи к концу первого послевоенного десятилетия подвел секретарь ЦБ немсекций при ЦК ВКП(б) Гербхардт, прямо заявивший на VII Всесоюзном совещании немецких секций (1929): «Наступление на культурном фронте наша молодежь провалила...»⁵².

В заключение можно лишь добавить, что на помощь «общественным» организациям (ВКП(б) и ВЛКСМ) пришло государство, развернув широкое «наступление социализма» на религию по всему фронту. После принятия правительственного постановления «О мерах по усилению антирелигиозной работы» (январь 1929 г.), по СССР прокатилась волна репрессий, направленная против всех без исключений конфессий и священнослужителей.

лей. В апреле 1929 г. Президиум ВЦИК утвердил новое постановление «О религиозных объединениях», законодательно закрепившее вытеснение религии из всех сфер гражданской жизни и вводившее целый ряд ограничений на деятельность всех религиозных обществ и групп, включая молодежные⁵³. С этого периода начался стремительный рост ячеек «Союза воинствующих безбожников» (СВБ) по всей стране, куда в обязательном порядке вступали все комсомольцы и коммунисты⁵⁴. Так, уже к середине 1929 г. только в приграничных регионах Волыни (Украина) было создано 10 ячеек СВБ, состоящих из 220 членов, 80% которых представляли уже немцы-колонисты⁵⁵. Аналогичная ситуация наблюдалась и в других регионах СССР, включая АССР НП⁵⁶. Политика террора сделала свое дело намного быстрее, чем антирелигиозная пропаганда. Однако, как показала история, «отход» от религии так и не стал массовым явлением, обусловленным принятием коммунистической идеологии населением, а был вызван лишь страхом репрессий со стороны властей.

¹ См., к примеру: Российский государственный архив социально-политической истории, далее везде – РГАСПИ. Ф. 1-МО. Оп. 23. Д. 145. Л. 17–18.

² См.: Там же. Д. 366. Л. 7–8; Д. 569. Л. 22–23.

³ Там же. Л. 42. Сравни также: Д. 850. Л. 27.

⁴ Там же. Д. 366. Л. 9–10.

⁵ Так, например, в двух обследованных ЦК РЛКСМ районах (Украина) религиозная организация «Мариен-Киндер» насчитывала около 50-ти чел. См.: РГАСПИ. Ф. 1-МО. Оп. 23. Д. 570. Л. 8.

⁶ См.: Там же. Д. 722. Л. 17.

⁷ Там же. Д. 366. Л. 9.

⁸ См.: Там же. Л. 31.

⁹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М. 1970–1978. Т. 3. С. 283.

¹⁰ См.: РГАСПИ. Ф. 1-МО. Оп. 23. Д. 570. Л. 8. Сравни также: Д. 560. Л. 155.

¹¹ См.: Там же. Д. 366. Л. 33–34.

¹² Там же. Д. 841. Л. 26.

¹³ Там же. Д. 713. Л. 43.

¹⁴ См.: Там же. Д. 366. Л. 86.

- ¹⁵ Там же. Д. 351. Л. 7. См. также: Д. 850. Л. 27.
- ¹⁶ Там же. Д. 351. Л. 7.
- ¹⁷ Там же. Д. 366. Л. 84.
- ¹⁸ См.: Там же. Д. 850. Л. 26. См. также: Д. 366. Л. 88–89.
- ¹⁹ См.: Там же. Д. 366. Л. 86. См. также: Д. 914. Л. 83а.
- ²⁰ См.: Protokoll der 7. Bundesberatung deutscher Sektionen und Parteiarbeiter, v. 10.06.1929. Государственный архив Новосибирской области, далее везде – ГАНО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 3996. Л. 89. [Документ любезно предоставлен А.И. Савиным].
- ²¹ См.: РГАСПИ. Ф. 1-МО. Оп. 23. Д. 722. Л. 19.
- ²² Там же. Д. 569. Л. 32. Только в селении Гнаденфельд (Молочанский район) и его окрестностях к весне 1926 г. было организовано 8 религиозных молодежных кружков. Воскресные религиозные школы и кружки весьма активно работали в Одесском, Мариупольском и Артемовском округах.
- ²³ Там же. Д. 570. Л. 107–108.
- ²⁴ См.: Там же. Д. 569. Л. 32.
- ²⁵ См.: Там же. Д. 560. Л. 142. См. также: Д. 850. Л. 27.
- ²⁶ См.: Там же. Д. 569. Л. 34-35. См. также: Д. 366. Л. 86.
- ²⁷ См.: Там же. Д. 569. Л. 91.
- ²⁸ См.: Там же. Л. 27об.
- ²⁹ См.: Там же. Д. 570. Л. 42об. Сравни также: Д. 850. Л. 27.
- ³⁰ См. к примеру: Там же. Д. 772. Л. 68. Наряду с общими ячейками «Безбожник» создавались и специальные, только для молодежи. См.: Д. 914. Л. 83а.
- ³¹ См.: Там же. Д. 569. Л. 79; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 717. Л. 66об.
- ³² См. к примеру: РГАСПИ. Ф. 1-МО. Оп. 23. Д. 570. Л. 15об.
- ³³ Там же. Л. 20.
- ³⁴ См.: Там же. Д. 850. Л. 29. См. также: Д. 570. Л. 60.
- ³⁵ Там же. Д. 841. Л. 26–27.
- ³⁶ Там же. Д. 713. Л. 43.
- ³⁷ См.: Там же. Д. 570. Л. 15. См. также: Д. 850. Л. 29. Аналогичная ситуация наблюдалась и в Славгородском округе (Сибирь). Сравни: Д. 560. Л. 146.
- ³⁸ Там же. Д. 569. Л. 42.
- ³⁹ Сравни: там же. Л. 73–74.
- ⁴⁰ Там же. Д. 722. Л. 17.
- ⁴¹ См.: Там же. Д. 914. Л. 81.

- ⁴² Там же.
- ⁴³ См.: Там же. Л. 78.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ См.: ГАНО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 3996. Л. 75, 78.
- ⁴⁶ См.: РГАСПИ. Ф. 1-МО. Оп. 23. Д. 914. Л. 82.
- ⁴⁷ См.: Государственный архив Российской Федерации, далее везде – ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 42. Д. 95. Л. 130об.–131.
- ⁴⁸ См.: ГАНО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 3996. Л. 84.
- ⁴⁹ Там же. Л. 71–72.
- ⁵⁰ См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 717. Л. 65–65об.
- ⁵¹ См.: РГАСПИ. Ф. 1-МО. Оп. 23. Д. 720. Л. 70. Сравни: Brandes, Detlef - Andrej Savin: Die Sibiriendeutschen im Sowjetstaat 1919–1938. Essen 2001. С. 259.
- ⁵² ГАНО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 3996. Л. 75–76, 78.
- ⁵³ См.: Лиценбергер О.А. Римско-католическая церковь в России: история и правовое положение. Саратов, 2001. С. 255–257.
- ⁵⁴ См.: ГАНО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 3996. Л. 89.
- ⁵⁵ См.: Там же. Л. 83. В районном центре Гальбштадт (Украина) в это же время появились семь ячеек СВБ, включая представительство даже в семилетней немецкой школе.
- ⁵⁶ См.: ГАНО. Л. 85. См. также: Лиценбергер О.А. Римско-католическая церковь. С. 268.

«В ОТНОШЕНИИ НЕМЕЦКОГО НАСЕЛЕНИЯ В СССР ОСУЩЕСТВЛЯЛСЯ ГЕНОЦИД»: ОБОСНОВАННОСТИ И КОРРЕКТНОСТИ ДАННОГО УТВЕРЖДЕНИЯ

А. А. Герман

Уже свыше десятка лет в целом ряде публицистических и даже научных работ по истории российских немцев присутствует мысль об особой ненависти, имевшейся у Сталина и его окружения к советским немцам, о политике геноцида, которая якобы проводилась по отношению к немецкому населению СССР перед войной (в 1930-е гг.), в военные 1941–1945 годы и в первые послевоенные годы вплоть до смерти Сталина.

Еще в 1994 г. в своей монографии я попытался опровергнуть эти утверждения, доказывая, что в основе политики сталинского режима по отношению ко всем социальным и национальным группам СССР лежал все-таки классовый подход и коммунистические доктринальные установки, а жестокое отношение к немцам вызывалось их недостаточной, с точки зрения режима, лояльностью к власти и историческими корнями, связывавшими советских немцев с Германией – страной, с которой у СССР в 1930–1940-е гг., (за исключением периода с августа 1939 г. по июнь 1941 г.), были враждебные отношения¹. Да и позднее, вплоть до 1955 г., отношения между СССР и ФРГ оставляли желать много лучшего.

В 1998 г. на одной из наших конференций мною был сделан специальный доклад «Большевизм и российские немцы»², позднее опубликован ряд других материалов, в которых эта аргументация раскрывалась более подробно и конкретно. В частности, были сформулированы следующие выводы:

«... политика большевистской власти по отношению к немецкому этносу в России и СССР – это в большинстве своем политика дискриминации и репрессий. Определялась она следующими основными факторами:

1) общей репрессивной политикой большевистского режима, вытекавшей из его внутренней природы;

2) сложной адаптацией немецкого этноса к большевистской власти, его негативной реакцией на важнейшие «социалистические» преобразования, апелляцией с просьбами о защите при нарушении прав к Западу, т. е. к идеологическому и политическому противнику большевизма;

3) отношениями между СССР и Германией. В частности, в экстремальных условиях войны большевистская власть, помня о слабой лояльности «своих» немцев, пошла на неадекватную перестраховку, подвергнув их депортации, «трудармии», спецпоселению»³.

Там же специально оговаривалось, что сделанные выводы не претендуют на абсолютную правильность и законченность, возможно, в чем-то кажутся спорными. Тем более, они не оправдывают режим, запятнавший себя кровью миллионов жертв.

Тем самым я надеялся, что сторонники идеи «геноцида в отношении российских немцев» втянутся в цивилизованную научную полемику и, таким образом, мы сообща приблизимся к истине. Однако этого не произошло. Несколько лет было полное молчание. Но вдруг, начиная с 2002 г., словно по команде, на страницах желтой немецкоязычной прессы в России и Германии началась бурная кампания критики моих выводов. Причем вместо аргументированного опровержения применялись грубые, оскорбляющие честь и достоинство оппонента, выпады. Самый приличный из них – это сколько мне заплатили за то, чтобы я фальсифицировал историю российских немцев. Особенно выводил из себя «критиков» термин «неадекватная перестраховка». Вокруг него было сломано множество копий. К сожалению, некоторые подобные материалы были опубликованы и в газетах, считающих себя респектабельными и претендующими на объективность и высокий культурный стандарт своих материалов.

На всю эту далекую от науки крикливую кампанию можно было бы вообще не обращать внимания, если бы в нее не втянулись отдельные историки, считающие себя профессионалами. Объявив мне заочно свой суровый вердикт, они также не удосужились обременить себя хоть какими-то доказательствами моей научной неправоты. Но и эти некорректные выпады вряд ли могли бы заставить вернуться к старой проблеме.

Более весомо то, что идея «геноцида» пусть и не столь ярко, как раньше, все же продолжает появляться даже в самых свежих научных публикациях. Последний пример тому – весьма объемная двухтомная монография известного историка, нашего коллеги Виктора Бруля, совсем недавно изданная в Германии⁴. Я являлся научным рецензентом этой работы и вполне заслуженно дал ей «зеленый свет», поскольку работа действительно интересная, основанная на большом фактическом материале. Кроме того, я не имел права влиять на автора, навязывая ему свою точку зрения.

Однако работа В. Бруля, как и некоторые другие научные публикации последнего времени, заставила меня вновь обратиться к проблеме «геноци-

да против советских немцев» и, взяв на вооружение новые аргументы, порассуждать об обоснованности и корректности ее постановки.

Как представляется, основная «беда» сторонников «геноцида» заключается в том, что они до сих пор абсолютизируют историю российских немцев, исследуют ее в отрыве от общего исторического контекста, не пытаются проводить сравнительный анализ положения немцев с положением других народов СССР, в том числе и русского. Между тем именно такое сравнение позволяет нарисовать действительно объективную ситуацию и ясно понять: было ли к немцам особо негативное отношение или нет, проводился ли в отношении них геноцид или это была общая человеконенавистническая политика жестокого тоталитарного режима.

Говоря о «геноциде в отношении советских немцев», сторонники этой идеи ссылаются, главным образом, на три важных периода в истории советских немцев, когда их судьба действительно подвергалась суровым испытаниям. Это:

- период «большого террора» 1937–1938 гг.;
- период Великой Отечественной войны – конкретнее – с сентября 1941 г. (депортация) до весны 1946 г. (ликвидация «трудармии»);
- послевоенный период 1946–1953 гг. (период юридически оформленного «немецкого» спецпоселения).

Именно рассмотрению этих трех периодов в плане исследования обоснованности и объективности постановки вопроса о геноциде против советских немцев и посвящен мой доклад.

1. «Большой террор» 1937–1938 гг.

Сравнительные данные по «большому террору» 1937–1938 гг. весьма красноречивы. По последним, недавно рассекреченным архивом ФСБ, данным эти два года в СССР судебными и внесудебными органами было осуждено 1 млн. 587 тыс. человек, из них 681,7 тыс. человек приговорены к расстрелу⁵. Если учесть, что население СССР в те годы составляло 190, 7 млн. человек⁶, то путем несложных операций можно подсчитать, что по стране было осуждено 0, 84 % населения, расстреляно – 0, 36 %.

Сравним эти данные с данными по немецкому населению СССР. По переписи 1939 г. в СССР проживало 1млн. 430 тыс. немцев⁷. В 1937–1938 гг. по разным обвинениям было осуждено от 69 до 73 тыс. немцев из них расстреляно – примерно 40 тыс. человек⁸. Подсчет дает следующий результат: в 1937-1938 гг. было осуждено 4,8 – 5,1 %, расстреляно – около 3 % немецкого населения страны. Как видим, немцев арестовывалось и осуждалось

примерно в 6 раз больше, расстреливалось – почти в 10 раз больше, чем в среднем по стране.

Эти числа впечатляют и заставляют задуматься, а не правы ли мои оппоненты? Но все познается в сравнении. Оказывается, по отмеченным выше показателям немцы стоят лишь на третьем месте, среди всех народов, подвергшихся в те годы репрессиям по национальному признаку. Их опережают поляки (осуждено 7,4 %, расстреляно свыше 5 %. Только по «польской операции» было расстреляно – 111 тыс. чел.). На втором месте – латыши (осуждено 5,5 %, расстреляно свыше 3 %). Немного уступают немцам литовцы, эстонцы, финны, венгры. Показатели этих народов СССР тоже намного превышают средние по СССР показатели арестов, осуждений и расстрелов⁹.

Еще один знаменательный показатель: процент расстрелянных от числа осужденных по национальным операциям НКВД. Он составляет:

- в среднем по всем национальным операциям – 73,66 %;
- в греческой, финской, эстонской, латышской операциях – свыше 80%;
- в польской операции – 79,44 %;
- в немецкой операции – 76,17 %¹⁰.

По этому показателю немцы вообще едва ли не на последнем месте среди «национальностей, родственных населению враждебных государств».

В качестве типичного региона (не являвшегося местом компактного проживания для немцев и других отмеченных выше народов) возьмем Москву и Московскую область. Здесь в 1937–1938 гг. в ходе проведения национальных операций было арестовано людей:

- по польской линии – 4 873;
- по латышской линии – 2 992;
- по немецкой линии – 2 368¹¹.

Мы знаем, что в этом количестве арестованных присутствовали не только представители соответствующих национальностей, однако они все же составляли большинство, примерно две трети. Поэтому по приведенным данным можно говорить о том, что, по крайней мере, поляки и латыши для советского руководства в тот период времени представлялись большей опасностью, чем немцы. Наш вывод подтверждается также количеством арестованных в этом же регионе людей за соответствующий шпионаж. Всего за шпионаж в 1937–1938 гг. было арестовано 14 899 человек, в том числе за шпионаж:

- польский – 5 094 чел.;
- латвийский – 3 359 чел.;
- германский – 2 792;
- японский – 1 604¹².

Итак, в годы «большого террора» немцев действительно арестовывали и расстреливали в процентном отношении заметно больше, чем людей в среднем по стране. Несомненно, десятки тысяч расстрелянных – это кровавое преступление режима, которое нельзя оправдать и простить. Но уничтожение 3-х % немецкого населения – это все же трудно назвать геноцидом. Кроме того, немцы в этом плане были не одиноки. В репрессивной политике властей явно просматривается тенденция: завышенные нормы репрессий применялись к этническим меньшинствам, родственным народам, составлявшим коренное население соседних государств, с которыми у СССР были испорчены отношения и которые, по мнению советского руководства, могли представлять потенциальную военную угрозу для нашей страны. Германия в ряду этих государств стояла на третьем месте. Это вполне объяснимо, так как у Германии, в отличие от Польши и Латвии не было общих границ с СССР.

2. Великая Отечественная война

Следующий довод лиц, поддерживающих утверждение о политике геноцида по отношению к советским немцам со стороны советского руководства сводится к утверждению о массовом уничтожении немцев в «трудовой армии» и местах депортации. Попробуем разобраться и здесь.

Накануне войны в европейской части СССР проживало 1 млн. 157 тыс. немцев. В остальных районах СССР – чуть более 230 тыс. человек. К началу 1942 г. из европейской части СССР было депортировано 856,2 тыс. человек¹⁴. Вместе с проживавшими в азиатской части СССР местными немцами общая численность немцев, проживавших к началу 1942 г. на не оккупированных территориях составила примерно 1 млн. 86 тыс. человек¹⁵.

По нашим с А. Н. Курочкиным подсчетам, произведенным еще в 1997–1998 гг. в рабочие колонны за все годы войны было мобилизовано приблизительно 316 тыс. человек. Они были взяты из уже отмечавшихся 1млн. 86 тыс. человек, проживавших на подконтрольной советскому руководству территории СССР. Сюда не вошли репатрианты, мобилизованные в «трудармию» уже после окончания войны.

Число 316 тыс. человек включает в себя около 70 тыс. женщин и примерно 246 тыс. мужчин. Что касается мужчин, то это примерно 80–90% от всего трудоспособного немецкого мужского населения в возрасте от 15-ти до 55 лет. Женщины – свыше трети взрослого женского немецкого населения в возрасте от 16-ти до 45 лет. Как видим, степень мобилизации достаточно высокая, для мужского населения – практически поголовная.

Очень трудно точно определить число немцев, умерших в «Трудармии». Статистика велась из рук вон плохо. Первоначально по нашим расчетам, сделанным в конце 1990-х гг. это число составляло около 60 тыс. человек. Однако проведенные позднее более точные подсчеты, с учетом вновь обнаруженных документов, позволяет утверждать, что это число равняется приблизительно 35–40 тыс. человек. По отношению ко всему немецкому населению доля погибших в «трудовой армии» тогда составляет приблизительно – 3,2–3,7%. Если в расчетах оставить старое число погибших – 60 тыс., тогда этот процент увеличивается до 5,5 %.

Теперь обратимся к масштабам всего СССР. Недавно работники ЦАМО РФ закончили полный подсчет чисто военных безвозвратных потерь СССР в годы Великой Отечественной войны (погибших и умерших от ран и увечий). Они составили – 13 млн. 850 тыс. человек. Если взять численность населения СССР накануне войны в 1940 г. – 194,1 млн. чел.¹⁶, то безвозвратные военные потери СССР в войне составили – 7,1% от всего населения страны. Как видим, в первом случае процент потерь немцев в «трудовой армии» практически в 2 раза ниже, чем процент военных потерь, во втором случае – заметно ниже.

Показатель наших безвозвратных потерь в войне можно сопроводить несколькими примерами, которые при соответствующем толковании вполне могут быть расценены как проявления геноцида советского командования по отношению к собственным военнослужащим. Достаточно их сравнить лишь с общими потерями Германии и ее союзников на советско-германском фронте – 3,1 млн. человек¹⁷.

Самый прославленный советский военачальник маршал Г. Жуков рассказывал ошеломленному американскому генералу Д. Эйзенхауэру о принятом в Красной Армии способе преодоления минных полей: «Когда мы подходим к минному полю, наша пехота проводит атаку так, как будто этого поля нет. Потери, которые наносят нам при этом противопехотные мины, мы считаем всего лишь равными тем, которые мы бы понесли от артиллерийского и пулеметного огня в том случае, если бы немцы прикрыли данный район не минными полями, а значительным количеством войск. Когда пехота достигает дальнего конца поля, она образует проход, по которому проходят саперы и делают, в свою очередь, проходы среди противотанковых мин, через которые может следовать техника»¹⁸.

Еще один пример. Американское военное командование даже в 1945 г., когда фашистская Германия начала агонизировать, все равно избегало фронтальных атак на противника, считая их «тяжелым и дорогостоящим

делом», сопряженным с большими потерями личного состава. В Красной Армии фронтальные атаки применялись до последних дней войны. К концу Берлинской операции 1-й Белорусский фронт «сэкономил» несколько тысяч артиллерийских боеприпасов и это при том, что ему пришлось штурмовать мощнейшие укрепления противника на Зееловских высотах перед самым Берлином. Всего, в Берлинской операции погибло 78,3 тыс. чел. в том числе, во фронтальных атаках на Зееловские высоты – свыше 30 тыс. чел.¹⁹ Не забудем, что эти солдаты не дожили до победы всего несколько недель.

Чем объяснить эти парадоксальные на взгляд нормального человека факты? Как расценивать это намеренное убийство советских солдат? Может быть это тоже – геноцид? Несомненно, природа всех рассматриваемых явлений одна и та же. Она – в сущности сталинского тоталитарного режима.

За период с 1940-го по 1948 г. население СССР сократилось на 19,4 млн. чел.²⁰ Это число достаточно сильно разнится с приводимой в последнее время величиной наших общих потерь в Великой Отечественной войне – 26,4 млн. чел. Однако мы не можем брать эту величину для расчетов, так как не удалось обнаружить или подсчитать численности советских немцев в 1945 г. Снижение численности населения по стране за 1940–1948 годы составило примерно 10%.

Численность советских немцев в 1948 г. составляла 1,12 млн. чел., сократившись за военные годы на 310 тыс. чел.²¹ Однако из этого числа необходимо вычесть не менее 160 тыс. немцев – бывших советских граждан, оказавшихся на оккупированной территории, подвергнутых «административно-му переселению» в Германию и сумевших избежать репатриации²². Тогда «внутренние» потери немецкого населения за 1941–1948 гг. составляют примерно 150 тыс. человек. В это число входит и 19,5 тыс. немцев, проживавших в Казахстане и оказавшихся жертвами страшной эпидемии сыпного тифа в марте–мае 1944 г. Кроме немцев, эта эпидемия унесла почти 100 тыс. казахов, не менее 30 тыс. русских, десятки тысяч представителей других народов, проживавших тогда в Казахстане. По этому поводу Совнарком СССР 5 апреля 1944 г. издал даже специальное постановление № 7503 «О борьбе с эпидемией тифа в Казахской СССР»²³. В целом снижение численности немцев за 1940–1948 годы составило примерно 10,5 %. Как видим, процент снижения численности немецкого населения за указанные годы больше процента снижения численности всего населения СССР, но не намного и вполне соизмерим с ним.

3. Послевоенные годы

После ликвидации «трудовой армии» и завершения миграционных процессов, связанных с воссоединением немецких семей наблюдается интересная картина определенного демографического бума. Если в 1945 г. в СССР родилось 1 914 немцев, то в 1946 г. – 4 236, в 1947 г. – 7 314, в 1948 г. – 12 309, в 1949 г. – 29 126, в 1950 г. – 32 494²⁴. Несомненно, это были тяжелые годы, но такой бурный рост рождаемости явно противоречит утверждениям о проведении политики геноцида в отношении немцев и в первые послевоенные годы.

Объективности ради, следует отметить, что смертность в эти годы также оставалась высокой и тенденция к снижению была неустойчивой. В 1945 г. умерло 6 930 чел, в 1946 – 8 915, в 1947 г. – 12 573, в 1948 г. – 17 679, – в 1949 г. – 9 984, в 1950 г. – 10 340. Всплеск показателей смертности 1947–1948 гг. связан с последствиями послевоенного массового голода в стране. Он коснулся без разбора всего населения. Тем не менее, начиная с 1949 г., рождаемость у немцев начинает быстро опережать смертность.

В 1950 г. на тысячу жителей:

- родилось в целом по СССР – 26,7;
- родилось у советских немцев – 28,9;
- умерло в целом по стране – 9,7;
- умерло у немцев – 9,2;
- естественный прирост в целом по стране – 17 чел.;
- естественный прирост у немцев – 19 чел.²⁶

За 1948–1952 гг. численность немцев увеличилась на 105 тыс. человек, то есть почти на 11% и на 1 января 1953 г. составила приблизительно 1 млн. 227 тыс. человек²⁷.

Так что говорить о каком-то геноциде в отношении немцев после войны также не приходится. Их основные демографические показатели выглядят даже благополучней, чем в среднем по стране.

К приведенным выше цифровым данным можно было бы добавить массу фактов явно опровергающих тезис о геноциде. Так, например, только в Свердловской области в 1951–1955 гг. на руководящих должностях в промышленности, строительстве, на транспорте и в других отраслях народного хозяйства числилось свыше 300 немцев (руководители и заместители руководителей цехов, смен, предприятий, леспромхозов, совхозов, начальники депо, начальники движения и начальники веток на железнодорожном транспорте и др.)²⁸. Этим людям подчинялись не только немцы, но и представители многих других национальностей.

Многие немцы за активный и производительный труд награждались правительственными наградами. Например, в 1954 г. за образцовую и долготную работу в угольной промышленности орденом Ленина был награжден немец – шахтер из Воркуты М. И. Литавер²⁹, и это далеко не единичный пример.

* * *

Приведенные статистические данные и конкретные факты, как представляется, не дают основания считать, что у сталинского режима была «особая ненависть» к советским немцам, что этот режим проводил специальную политику геноцида в отношении немецкого населения страны. Они вполне подтверждают ранее сделанные выводы о причинах жестокого отношения режима к немцам (приведены в начале доклада).

Наши выводы лежат в русле выводов ряда других ученых-историков исследовавших репрессии в СССР, в том числе, зарубежных. Так, например, российский исследователь В. Хаустов, считает, что репрессии в отношении немцев определялись не национальной принадлежностью, а в них преобладали «социальные и политические мотивы». Американский историк Э. Д. Вейц в одной из своих статей подверг критике использование таких понятий, как «Красный холокост» или «Украинский геноцид», поскольку, по его мнению, «советская система никогда не была ориентирована на полное физическое уничтожение той или иной группы населения»³⁰. С мнением Американского специалиста согласны немец Марк Юнге и голландец Рольф Биннер, также профессионально изучающие политические репрессии в СССР³¹.

Опираясь на собственную аргументацию, а также на мнения специалистов позволю себе сделать заключение, что основанное на эмоциях и одностороннем подходе, политически заостренное употребление термина «геноцид», в конечном итоге ничего не дает для научного понимания характера и механизма дискриминации и репрессий в отношении российских немцев в предвоенный период, в годы войны и в послевоенное время.

Вместе с тем, говоря о репрессиях против немцев и их дискриминации в 1930–1950-х гг. нельзя согласиться и с противоположными крайностями, нашедшими свое выражение в некоторых выводах, изложенных в новой монографии Л. П. Белковец³².

В целом автор провела подробное, тщательное и всестороннее рассмотрение правовых аспектов таких действий государственной власти как принудительное переселение немецкого населения из европейской части

СССР вглубь его территории, хозяйственное и социально-бытовое обустройство переселенцев, их труд, в том числе и по специальным мобилизациям в рабочих колоннах, положение в условиях режима спецпоселения.

Вполне обоснован вывод диссертантки о том, что действия властей в отношении немецкого населения в годы войны не преследовали цели специального уничтожения по национальному признаку (геноцида). Он, это ясно из всего вышеизложенного, целиком разделяется и автором настоящего доклада. Л. П. Белковец отмечает, что действия властей привели к ликвидации национально-государственного образования советских немцев – АССР немцев Поволжья, переселению значительных масс немцев на восток, распыление их на огромной территории Сибири и Казахстана, а затем и других регионов, к принудительному трудовому использованию основного взрослого населения в тяжелейших условиях фактически на положении заключенных (особенно, в системе лагерей НКВД). Все это нанесло серьезный ущерб немецкому этносу, привело к ломке его традиционного уклада жизни, изменению ментальности немцев, способствовало быстрому развитию ассимиляционных процессов, разрушению национальной самоидентификации.

Можно согласиться с Л. П. Белковец в том, что если в годы войны действия тоталитарной власти в отношении немецкого населения могут найти определенное оправдание, то сохранение режима спецпоселения на десять послевоенных лет «никакими благими намерениями нельзя оправдать...»³³.

Вместе с тем, как представляется, в определенное противоречие с этим утверждением вступают кажущиеся категоричными и недостаточно обоснованными именно «с точки зрения соблюдения прав человека и гражданина» (слова Л. П. Белковец. – А. Г.) выводы о том, что принудительное переселение ряда народов в годы войны и последующие действия власти в отношении них «не представляли собой репрессивного механизма» и что «политика СССР в отношении депортированных народов в 1940–1950-е гг. не может быть квалифицирована как преступление...»³⁴. Подчеркиваем еще раз, что с этими выводами особенно трудно согласиться, когда речь идет о послевоенном десятилетии.

Конечно, автор данного доклада не является юристом и не может достаточно компетентно аргументировать свое мнение в этих вопросах в правовом плане. Однако есть же прецедент осуждения как преступной идеологии и политической практики нацизма, его конкретных преступлений против народов, в том числе и собственного. Есть прецедент осуждения за конкретные преступления ряда представителей партийных и государствен-

ных органов бывших ГДР, Югославии и других стран после смены там политических режимов. В этом смысле представляется, что и у сталинского режима, запятнавшего себя за десятилетия своего существования, кровью многих тысяч невинных жертв, есть немало преступлений (в том числе и по отношению к немецкому населению), подпадающих под соответствующие правовые акты. А ведь именно из совокупности таких конкретных преступных действий складывается реальная, а не декларируемая политика власти. Иначе с точки зрения элементарного здравого смысла рисуется весьма странная картина: реабилитированы многие тысячи невинно осужденных, в том числе и уничтоженных, однако виновных в их незаконных, даже по правовым нормам сталинского времени, осуждениях и гибели – нет. Мы не говорим уже о миллионах исковерканных человеческих судеб.

Представляется, что делая отмеченные выше выводы, Л. П. Белковец явно отходит от провозглашенного в одной из своих монографий принципа, заключающегося в том, что «в своей исследовательской практике она всегда руководствуется не только стремлением к поиску исторической истины, но и пониманием того, что знание этой истины способствует «преодолению» давящего над всеми нами трагического прошлого»³⁵.

Итак, постановка вопроса о геноциде в отношении российских немцев с научной точки зрения представляется необоснованной и некорректной. Точно также достаточно сомнительным выглядит и поиск юридических зацепок для формулирования вывода об отсутствии состава преступления в действиях сталинской тоталитарной власти в 1941 – 1955 гг. по отношению к советским немцам. Оба эти направления представляются крайними и типиковыми. Намного продуктивнее выглядит задача комплексного изучения всех политических преступлений сталинского режима против своего народа. Лишь в этом комплексном исследовании можно будет вполне объективно и беспристрастно выявить роль и место преступлений режима против немецкого населения СССР.

¹ См.: Герман А. А. Немецкая автономия на Волге. 1918–1941. Часть 2. Автономная республика. 1924–1941. Саратов, 1994. С. 330.

² См.: Герман А. А. Большевизм и российские немцы // Немцы России в контексте отечественной истории: общие проблемы и региональные особенности. М., 1999. С. 284–293.

³ Наказанный народ: Репрессии против российских немцев. М., 1999. С. 25.

⁴ См.: Bruhl V. Die Deutschen in Sibirien. Band 1,2. Nürnberg, München, Großburgwedel, 2003.

- ⁵ Подсчет сделан автором на основе опубликованных данных архива ФСБ РФ. См.: Военно-исторический архив. 2003. № 6. С. 52.
- ⁶ См.: Население СССР: справочник. М.: Политиздат, 1983. С. 8.
- ⁷ См.: «Мобилизовать немцев в рабочие колонны... И. Сталин»: Сборник документов (1940-е годы) / Сост. Н. Ф. Бугай. М.: Готика, 12998. С. 16.
- ⁸ См.: Охотин Н., Рогинский А. Из истории «немецкой операции» НКВД 1937–1938 гг. // Наказанный народ: Репрессии против российских немцев. М.: Звенья, 1999. С. 66, 70–71.
- ⁹ Подсчет сделан автором на основе архивных данных.
- ¹⁰ См.: Петров Н. В., Рогинский А. Б. «Польская операция» НКВД 1937-1938 гг. // <http://www.memo.ru>; Охотин Н., Рогинский А. Из истории «немецкой операции» НКВД 1937–1938 гг. // Наказанный народ: Репрессии против российских немцев. С. 69.
- ¹¹ См.: Военно-исторический архив. 2003. № 6. С. 60.
- ¹² См.: Там же.
- ¹³ Подсчет сделан автором на основе опубликованных данных о численности немецкого населения. См.: «Мобилизовать немцев в рабочие колонны...» С. 16–18.
- ¹⁴ См.: Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 9479. Оп. 1. Д. 83. Л. 41.
- ¹⁵ Подсчет сделан автором на основе приведенных выше опубликованных и архивных данных.
- ¹⁶ См.: Население СССР : Справочник. С. 8.
- ¹⁷ См.: Кацва Л. Великая Отечественная война // История. 1999. № 45. С. 10.
- ¹⁸ Цит. по: Кацва Л. Великая Отечественная война // История. 1999. № 45. С. 11
- ¹⁹ См.: Советская военная энциклопедия. Изд. 2-е. Т. 1. М.: Воениздат, 1990. С. 386.
- ²⁰ См.: Население СССР: Справочник. С. 8.
- ²¹ Подсчет сделан автором на основе данных В. Н. Земскова. См.: Земсков В. Н. Заключение, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные (Статистико-географический аспект) // История СССР. 1991. № 5. С. 151–165.
- ²² См.: Герман А. А. Репатриация советских граждан немецкой национальности: характер проведения и результаты // Немцы СССР в годы Великой Отечественной войны и в первое послевоенное десятилетие 1941–1945 гг. М. 2001. С. 258, 264.
- ²³ См.: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 925. Л.137.
- ²⁴ См.: Бугай Н. Ф. Немцы в структуре производительных сил СССР: трудовые армии, рабочие колонны, батальоны (40-е годы) // Немецкий российский этнос: веки истории. М., 1994. С. 89; Земсков В. Н. Заключение, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные (Статистико-географический аспект) // История СССР. 1991. № 5. С. 162–163.

- ²⁵ См.: Там же.
- ²⁶ Данные по населению СССР взяты из: Население СССР: Справочник. С. 55. Данные по немецкому населению рассчитаны автором.
- ²⁷ Подсчет сделан автором на основе данных В. Н. Земскова. См.: .: Земсков В. Н. Заключение, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные (Статистико-географический аспект) // История СССР. 1991. № 5. С. 151–165.
- ²⁸ Подсчет сделан автором на основе анализа архивных документов фонда Ф. 9479 ГАРФ.
- ²⁹ См.: ГАСО. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 896. Л. 151.
- ³⁰ Weitz E. Racial Politics without the Concept of Race: Reevaluation Soviet, Ethnic and National Purges // Slavic Review. 2002. N 61. P. 24.
- ³¹ См.: Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «Большим»? // Свободная мысль. 2003. № 9. С. 95.
- ³² См.: Белковец Л. П. Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении 1941–1945 гг.: Историко-правовое исследование. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003.
- ³³ Там же. С. 299.
- ³⁴ Там же. С. 298, 301.
- ³⁵ Белковец Л. П. «Большой террор» и судьбы немецкой деревни Сибири. М., 1995. С. 6.)

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ РЕЖИМ СПЕЦПОСЕЛЕНИЯ (НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ ДЕПОРТАЦИИ И СПЕЦПОСЕЛЕНИЯ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ)

Л. П. Белковец

Система спецпоселения, сформировавшаяся в России в 1930–1950-е гг., еще не получила правовой оценки в юридической науке. Начавшись как «кулацкая ссылка» времен коллективизации, она превратилась в 1940-е гг. в систему социальной изоляции огромных групп населения и целых народов¹, подвергшихся принудительному переселению в восточные регионы СССР, лишенных имущества и определенных политических прав, гарантированных сталинской конституцией 1936 г.

Историки видят в спецпоселении «ограничение прав граждан по месту жительства (в том числе депортированных – по новому месту жительства), прежде всего, права на свободное передвижение»². Правоведы еще не дали своей оценки этого явления, широко вошедшего в исторический обиход, что создает предпосылки для разного рода преувеличений и искажений исторической реальности. Самым серьезным из них является утверждение, что депортации и спецпоселение являлись следствием политики «геноцида», нацеленной на «уничтожение» целых народов, которые нередко звучали и продолжают звучать в речах и публикациях, прежде всего, деятелей немецкого национального движения³. Серьезным поводом для их появления стал Закон РСФСР от 26 апреля 1991 г. «О реабилитации репрессированных народов», которым были отменены все акты союзных, республиканских и местных органов и должностных лиц (тогда еще сокрытые в засекреченных фондах советских архивов), принятые в отношении этих народов и принесены официальные извинения за политику, именовавшуюся «политикой геноцида и беззакония». Извинения, однако, носили сугубо политический и даже популистский характер, ибо материальных условий для подлинной реабилитации, восстановления нарушенных прав, утраченной государственности и имущества, создано не было. Этот закон как бы приоткрыл шлюзы для всестороннего бичевания и осуждения «политики клеветы и геноцида», проводившейся диктаторским режимом Сталина в СССР в годы Великой Отечественной войны и после нее в отношении отдельных социальных и нацио-

нальных групп населения. Публицистическая шумиха, поднятая в стране, во многом поспособствовала эмиграции немцев, рвавшихся уехать из страны, если не в Германию, то куда угодно, и появлению части тех проблем национального характера, которые до сего времени отягощают жизнь народов России.

Автор предлагает квалифицировать спецпоселение как специальный административно-правовой режим, введенный государством в целях обеспечения должного правового порядка, установления необходимого правового состояния социального объекта – «групп риска», к которым относились отдельные категории населения и этносы, лишённые государством доверия в силу разного рода причин политического характера. Это состояние было достигнуто при помощи известных в административном праве средств, в том числе введения дополнительных запретов и обязываний, не только ограничивающих свободное поведение, но и предусматривающих превентивный контроль за исполнением этих требований. Запрещающие и обязывающие административно-правовые нормы, образующие режимные правила спецпоселения, ограничивали общую правосубъектность физических лиц. Обязательным и главным субъектом такого режима стала полиция в лице НКВД-МВД, исполнительный орган публичной власти, которая использовала административно-правовой метод воздействия, регулируя правоотношения с подчиненным ей контингентом. Была разработана система контроля и надзора за выполнением режимных требований не только физическими, но и должностными лицами, которая включала в себя точный учет подвластных контингентов, «сплошную» и выборочную проверки соблюдения ими правил режима, оперативно-чекистское обслуживание, розыскные мероприятия и т.п. Нарушение установленных правил специального режима влекло за собой пресекательные меры и меры дисциплинарного и административного принуждения.

К приемам регулирования в специальном административно-правовом режиме относятся «зонирование территории», на которой действуют особые правила, определение специальных постоянных или временных органов, наделенных компетенцией по поддержанию режима, введение особых режимных правил жизнедеятельности населения, пребывания и передвижения по режимной территории, пользования имуществом, пропускной режим и т.п.⁴ Все эти элементы обнаруживаются в системе спецпоселения. Мы проследим их введение на примере немецкого этноса, с депортации которого, собственно, и началось ее правовое регулирование.

Режим спецпоселения формировался в несколько этапов. На первом

(1941–1943) еще отсутствовала четкая регламентация правового статуса спецпереселенцев (так стали называть депортированные этносы), занимавших некое промежуточное положение между такими категориями населения, как эвакуированные, переселенцы, спецпоселенцы. На втором этапе (1944 – 1949) происходит оформление нормативно-правовой и организационной основ системы спецпоселений, определяется структура курирующих ее органов и правовой статус спецпереселенцев. Оформляется ограничительный режим со всеми его характерными признаками. Третий этап (1950 – вторая половина 1950-х гг.) – постепенное ослабление и последовательное снятие режима спецпоселения, которое, выполнив свою задачу, все более обнаруживало свою политическую и экономическую несостоятельность.

В создании нормативной базы спецпоселения участвовали как высшие органы государственной власти⁵, так и главный исполнительный орган, которому были подчинены спецпереселенцы – НКВД – МВД.⁶ Начало спецпоселению дала депортация, при проведении которой часть граждан определенной национальности без судебного решения обвинялась в измене родине и получила превентивное наказание в виде высылки за действия, которые еще не были совершены. Для них основным закон, гарантировавший права и свободы гражданам СССР, утратил силу с обнародованием Указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. Выселение было обязательной и принудительной акцией, альтернативой ему мог быть лишь «переход на нелегальное положение», ответственность за который возлагалась на «глав семей»⁷. Конечно, переселенные за Урал немцы преступниками не считались, их правовой статус определялся поначалу как «эвакуированных по линии НКВД» или «граждан, проживающих на территории Советского Союза и подлежащих перемещению на жительство из одних районов в другие в административном порядке». Тем не менее, уже 10 января 1942 г. последовало первое распоряжение НКВД о праве депортированных на передвижение, которое ограничивалось «пределами того района, на территории которого они были расселены»⁸. В административном отношении немцы были подчинены разным ведомствам: учет и дача справок по розыску родственников остались за инспекторами отделов по эвакуации населения областных и краевых исполкомов, трудовое и хозяйственное устройство – за районными исполкомами, а политическая нравственность (настроения, антисоветские высказывания, «банд проявления», «террористические намерения» и т.п.) – за органами НКВД. Только «районные органы НКВД по месту жительства» могли теперь решить вопрос о разрешении переезда «в другие места СССР»⁹.

В ноябре 1943 г. с целью более точного «учета и наблюдения за трудо-

вым устройством спецпереселенцев», «усиления агентурно-оперативной работы» в их среде началось создание при управлениях НКВД республик, краев и областей, в которых они размещались, отделов спецпереселений (ОСП) и спецкомендатур НКВД. ОСП НКВД являлся самостоятельным органом, не подчиненным ГУЛАГу НКВД, что свидетельствовало и об особом статусе подопечного ему контингента, который, несмотря на ряд правовых ограничений, все же не относился к разряду «заключенных». Новые отделы и занялись работой по созданию особого режима спецпоселения.

Главным органом по обслуживанию спецпереселенцев становились спецкомендатуры: районные, дислоцировавшиеся в районных центрах при районных отделах НКВД, зам. начальники которых назначались их комендантами и подчинялись ОСП; и поселковые, сосредоточивавшиеся в центрах расселения спецпереселенцев и подчиненные районным спецкомендатурам или районным отделам НКВД. Спецкомендатуры обязывались наладить посемейный и персональный учет спецпереселенцев, контроль за их передвижением в местах расселения, ввести агентурно-оперативное обслуживание переселенцев, одной из главных задач которого становилась «борьба с побегами». Спецкомендатуры должны были предупреждать побеги, производить дознание по делам о побегах, вести разработку бежавших. В их функции входило также выявление антисоветских и уголовных элементов, «отрицательных политических настроений» спецпереселенцев. Спецкомендатуры осуществляли административные и организационные мероприятия, связанные «с соблюдением установленного режима в местах расселения спецпереселенцев» и оказывали содействие их хозяйственному и трудовому устройству»¹⁰.

В целях осуществления всех перечисленных выше задач спецкомендатуре поручалась «расстановка и вербовка осведомительной сети», оформление личных дел на осведомителей и учет их работы, ведение агентурных разработок и дел-формуляров по преступлениям спецпереселенцев, за исключением дел о контрреволюционных преступлениях и бандитизме. К административным функциям спецкомендатур относилось оформление дел об освобождении с места поселения «в соответствии с приказами и директивами НКВД», выдача справок на право регистрации актов гражданского состояния в местных советах депутатов трудящихся, прием от спецпереселенцев жалоб и заявлений и их разработка. В комендатуре кроме коменданта действовали также надзиратели, прикреплявшиеся к группам спецпереселенцев. Они обязаны были знать каждого своего подопечного «в лицо и по фамилии», следить за происходящими в семье событиями (рожде-

ние, смерть, развод, прибытие родственников), фиксировать разного рода проступки и нарушения режима и, кроме доклада коменданту, принимать самостоятельные меры к преследованию, розыску и задержанию бежавших с места поселения.

В отдельном разделе Положения определялись права и обязанности спецпереселенцев. Спецпереселенцы «пользуются всеми правами гражданскими, – говорилось в нем, – за исключением некоторых ограничений, предусмотренных отдельными решениями органов государственной власти». Они могли «беспрепятственно вступать в существующие колхозы, сельхозартели, производственные товарищества, входящие в систему промысловой кооперации или организовывать самостоятельные колхозы, объединяться в артели промысловой кооперации, в сельхозартели на общих основаниях». (Последнее было весьма проблематичным ввиду их дисперсного проживания среди правового населения – **Л. Б.**) Спецпереселенцы, работающие в промышленности, что касалось условий и оплаты труда, приравнивались к остальным рабочим, работающим в данной отрасли. На спецпереселенцев распространялось законодательство о труде, социальном страховании, обеспечении пособием по временной нетрудоспособности, на рождение ребенка, погребение, пенсиях по инвалидности. На многосемейных распространялось действие известного постановления ЦИК и СНК СССР от 27 июня 1936 г. о государственной помощи многосемейным. Дети спецпереселенцев, окончившие среднюю школу, могли поступать в специальные средние технические и высшие учебные заведения, находившиеся в районе спецпоселения. Для строительства жилья и обзаведения скотом спецпереселенцы могли получать от государства ссуды. В течение двух первых послевоенных лет немцы и другие спецконтингенты пользовались налоговыми льготами.

Ограничения налагались на свободу передвижения. Спецпереселенцам и их семьям запрещалось без разрешения спецкомендатуры НКВД отлучаться за пределы территории своего сельсовета, за исключением случаев, когда это связано с посещением установленных для них мест работы. Налагался запрет на выезд или уход за пределы административного района расселения (в городах), для чего в паспортах делалась отметка: «действителен для проживания только в таком районе или городе». Самовольное оставление мест расселения каралось в уголовном порядке как за со-вершение побега, если самовольная отлучка превышала одни сутки, в соответствии с существующими законами.

Спецпереселенцы обязывались заниматься «общественно-полезным

трудом в колхозах и по найму в совхозах и других государственных и кооперативных организациях в пределах района расселения», беречь государственное и общественное имущество, которым они пользуются, выполнять все распоряжения спецкомендатуры НКВД. За нарушение трудовой дисциплины они, наравне с остальным населением страны, могли привлекаться к ответственности по указам Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. (вводил запрет на самовольный уход рабочих и служащих с предприятий и учреждений) и от 26 декабря 1941 г. (об уголовной ответственности за него).

Следующей вехой оформления правового статуса спецпереселенцев стало Постановление СНК СССР за № 25 от 8 января 1945 г. «О правовом положении спецпереселенцев». Полностью продублировав предыдущий акт, оно ввело несколько новелл в их обязанности. В частности, главы семей или лица, их заменяющие, обязывались теперь в трехдневный срок сообщать в спецкомендатуру НКВД об изменениях в составе семьи (рождении, смерти и др.). Вводилось административное взыскание в виде штрафа до 100 руб. или ареста до 5 суток за нарушение режима и общественного порядка в местах поселения и неподчинение распоряжениям с/к.¹¹ Чуть позже были определены проступки, за которые следовала ответственность в административном порядке (неявка без уважительной причины по вызову спецкомендатуры, несообщение в нее об изменениях в семье, непристойное поведение в общественных местах, хулиганские выходки, дебош, если они не влекли за собой ответственность уголовную). Устанавливалась давность проступка – «не позднее месячного срока со дня совершения». Запрещалось одновременное применение штрафа и ареста и замена штрафа арестом. При решении вопроса о виде взыскания следовало исходить «из тяжести совершенного проступка, его последствий, дисциплинированности спецпереселенца до совершения проступка и его материального положения»¹².

Были разработаны и процедурные нормы. Комендант обязан был по получении сообщения о нарушении предварительно проверить его, отобрать объяснение от нарушителя, а уж потом выносить постановление, которое подлежало утверждению начальником РО или ГО НКВД. Постановление о наложении взыскания в виде ареста подлежало также санкции городского или районного прокурора. Утвержденное постановление вручалось нарушителю под расписку не позднее двухмесячного срока со дня его вынесения. Истечение срока вело к утрате постановлением силы.

Спецпереселенец, арестованный в административном порядке, содер-

жался отдельно от следственных заключенных в камерах предварительного задержания при горрайотделах НКВД. Отдельные арестные помещения для спецпереселенцев запрещались. На них распространялось «Временное положение о камерах предварительного задержания РК милиции» от 1938 г. Об отбытии наказания в постановлении об аресте делалась соответствующая отметка. Штраф вносился самим нарушителем в местные филиалы госбанка (лично или почтовым переводом) для зачисления во всесоюзный бюджет.

Секретари-счетоводы горрайотделов НКВД учитывали штрафы по данным, полученным от спецкомендатуры, и отражали их в особой отчетной ведомости. Квитанцию о внесении суммы штрафа следовало представить в спецкомендатуру в десятидневный срок после объявления постановления. После занесения ее в ведомость она возвращалась спецпереселенцу. В случае неуплаты наложенного штрафа он взыскивался с него «в законном порядке по решению народного суда».

В 1944 г. приказами и директивами НКВД на разные категории спецпереселенцев было распространено «оперативно-чекистское обслуживание», которое становилось «одним из видов секретной работы советской разведки». ¹³ Ее ведение поручалось спецкомендатурам НКВД через агентурно-осведомительную сеть, вербуемую из среды спецпереселенцев. Тогда же был введен новый табель отчетности ОСП, который составляли сначала месячный, а с 1946 г. квартальные отчеты об агентурно-оперативной работе среди спецпереселенцев, направлявшиеся в Москву.

Автором изучены таковые отчеты за весь период деятельности ОСП УНКВД/МВД по Новосибирской области до конца немецкого спецпоселения в 1955 г. Анализ их не входит в задачу настоящей статьи. Но следует сказать, что спецслужбы внесли огромный вклад в разрушение национальной идентичности этносов, находящихся на спецпоселении. Они уверенно реализовывали идеологические установки тоталитарного режима по созданию культа внутреннего врага, на которого можно было списать вину за провалы своей политики, за невыносимые условия жизни основной массы населения, своим героическим трудом на фронтах и в тылу приближавшего победу над могущественным внешним врагом. Всего удобнее было выдать внутреннего врага за агента врага внешнего. Как нельзя лучше на эту роль подходили российские немцы. Тысячами невинно расстрелянных, загнанных в лагеря и тюрьмы, умерших от голода и болезней, исковерканных человеческих судеб, разрушенных семей, заплатили они за свою этническую принадлежность.

Но особую ценность осведомление имело как мера предотвращения по-

бегов с места поселения и дезертирств с предприятий оборонной промышленности, а также борьбы с уголовными преступлениями. Агентурные донесения такого рода немедленно шли в аппараты милиции и ББ, которые принимали соответствующие меры. Осведомители помогали в установлении местонахождения бежавших, их связей с родственниками, оказывали неоценимые услуги в соблюдении режима спецпоселения (выявляли самовольные отлучки), в трудовом использовании спецпереселенцев.

Одной из главных задач осведомления являлось выявление настроений спецпереселенцев. Отчеты, как правило, содержат обстоятельные характеристики настроений, как положительных, так и отрицательных. Отрицательных, связанных с общим недовольством людей тяжелым материальным положением, дискриминацией, было гораздо больше. Это позволяло органам относить всех спецпереселенцев к такой категории населения страны, которая враждебна советской власти. Так, в донесениях агентов сохранились известия о реакции немцев на уже упомянутый указ от 26 ноября 1948 г. Когда власти стали отбирать подписки о невозвращении в родные места, многие, не зная за собой никакой вины, падали в обморок, рыдали, грозили самоубийством, просили: «Не хотим жить каторжанами, лучше поставьте нас всех под автомат, чем мы будем жить, как собаки на цепи».

Но осведомление давало в руки органам и материал о «незаконных» действиях на местах по отношению к спецпереселенцам руководителей предприятий, организаций, ущемлявших «законные» права выселенцев. Соответствующая информация направлялась руководством УНКВД в областной комитет ВКП/б/, в областной исполнительный комитет, которые принимали те или иные ответные меры. Только за один 1947 г. в эти инстанции ушел 21 доклад ОСП о настроениях спецпереселенцев, связанных с трудовым, хозяйственным и бытовым устройством, снабжением, грубым обращением, притеснениями разного рода, использованием не по назначению специалистов с высшим и средним образованием и т.п.

В 1949 г. стали практиковаться выступления главы УНКВД Ф. Петровского на совещаниях председателей РИКов о хозяйственном и бытовом устройстве спецпереселенцев, о переселении их в другие районы, где они могли быть обеспечены жильем и пр. С 1950 г. председатель ОблиКа регулярно направлял председателям РИКов указания «о незаконных действиях некоторых руководителей совхозных и хозяйственных организаций, ущемляющих законные права выселенцев». Это могли быть невыплаты зарплаты, декретных или отпускных, премий, отказы детям в яслях и в транспорте для подвоза топлива или овощей, необоснованные увольнения с работы, изъяс-

тия имущества, оскорбления. Все они рассматривались как нарушения Постановления СНК СССР от 8.01.1945 г. «О правовом положении спецпереселенцев». По целому ряду дел местным властям удавалось восстановить справедливость. Как «перегиб», к примеру, было расценено ими в марте 1950 г. увольнение в Северном районе из школ не только учителей-немцев, но и техничек, дворников, кочегаров, проработавших на своих местах по 5–6 лет. По настоянию РО МГБ в Мошковском районе была восстановлена на работе акушерка Саберфельд, в Чановском районе вернули дом и скот с/п Эбель, отнятые у нее председателем колхоза.¹⁴

Гораздо труднее было органам бороться с «законными» ущемлениями прав спецпереселенцев, в том числе с запретами на использование специалистов высокой квалификации в учреждениях просвещения, здравоохранения и др., периодически там и тут налагавшихся самой местной властью. Не случайно, в отчетах за 1949 г. с горечью констатировалось, что свыше 1 000 немцев – квалифицированных специалистов и рабочих не могут быть использованы по специальности, ибо это педагоги, медики и бывшие советские работники, а рабочие — бывшие работники железнодорожного и водного транспорта и связи. Им пришлось переквалифицироваться и приобрести новые специальности.

Трудовые мобилизации немцев в рабочие колонны, сочетавшие в себе элементы военной организации (мобилизация через военкоматы, структура подразделений, внутренний распорядок, единоначалие, централизация органов управления), элементы производственной сферы (работа на производстве, нормы выработки, формальная оплата труда) и элементы лагерного режима содержания («зона», охрана, административный режим, нормы снабжения) были вынужденной мерой, призванной обеспечить работу тыла, ковавшего оружие победы на фронтах Великой Отечественной войны.

Мобилизация коснулась не только немцев, но и представителей других национальностей воюющих с СССР стран. Значительная часть немцев была мобилизована на оборонные предприятия сибирских и уральских городов. Как и все остальные «мобилизованные», они были обязаны подчиняться трудовому законодательству военного времени. В отношении немцев проводились и другие мероприятия охранного порядка. Однако мы не имеем права утверждать, как это неоднократно делалось, что мобилизация заранее была рассчитана на уничтожение немецкого этноса, для чего искусственно создавались ужасающие условия его «принудительного трудоустройства», порождавшие многочисленные жертвы. Не меньшие жертвы принесли на алтарь войны и другие народы.

В 1948 г. были введены обязательные ежемесячные явки глав семей спецпереселенцев на отметку в спецкомендатуры, а уклонения от них стали рассматриваться как нарушение режима. Немцы и другие народы были объявлены переселенными «навечно, без права возврата к прежним местам жительства». За нарушение главного запрета ограничительного режима – уход с места поселения – была введена уголовная ответственность, сначала в виде 10-ти лет лишения свободы, а затем и 20-ти лет каторжных работ для самих спецпереселенцев и 5-ти лет лишения свободы для лиц, помогавших им покинуть места спецпоселения. К розыску и поимке беглецов, кроме милиции и групп содействия ей – «бригадмилов», оперативно-розыскных отрядов МВД, привлекались представители актива из самих спецпереселенцев, те, кто помогал спецкомендатурам осуществлять административный надзор: «старшие» барачков и дворов, коменданты общежитий и барачков, «группы содействия по борьбе с побегами», организованные «из числа партийно-комсомольского советского и колхозного актива». Они действовали «на путях возможного движения спецпереселенцев, бежавших с мест поселения», вели наблюдение за склонными к побегу лицами, принимали участие в розыскных мероприятиях, в преследовании беглецов и т.п.

Кроме ограничительных средств воздействия, правовой режим использовал и такие юридические способы, как стимулы в виде льгот и поощрений. Это могло быть денежное вознаграждение агентам-осведомителям, по материалам которых готовилась реализация или уже были реализованы агентурные дела (на группы лиц) и дела-формуляры (на одиночек). Стимулировались аккуратность членов «актива» в явках и дисциплинированность в выполнении порученных заданий. «За особые заслуги перед органами НКВД в разработке контрреволюционных и бандитских формирований, хищнических групп, а также неоднократное предотвращение организованных побегов с мест поселения, – говорилось в Инструкции по агентурно-оперативной работе среди спецпереселенцев, – особые ценные агенты-осведомители могут представляться начальниками РО НКВД к досрочному освобождению из ссылки (по ссыльно-поселенцам), освобождению из высылки (по спецпереселенцам – бывш. кулакам) и предоставлением права выбора нового места жительства в районах расселения (по спецпереселенцам – карачаевцам, калмыкам и др.)». Предполагалось, что в этих районах будут «лучшие климатические и хозяйственно-трудовые условия».

Спецпоселение, таким образом, при всех правовых ограничениях, многочисленных нарушениях «законных прав» спецпереселенцев, допускавших

ся контролирующими его органами, само по себе не являлось репрессивным механизмом. Оно не стало частью системы исправительно-трудовых лагерей ГУЛАГа НКВД. Введенное как специальный административно-правовой режим, оно органично вписалось в существовавшую в СССР командно-административную систему, выполнив свою главную задачу – надзор и налаживание трудового использования отдельных национальных «групп риска». В экстремальной ситуации (а именно такой она была в СССР в годы форсированного строительства социализма, не говоря уже о периоде Второй мировой войны) специальный административный режим помог государству сохранить себя и свои ценности.

Закрепление немцев – главного трудоспособного контингента среди переселенных народов – в местах спецпоселения помогло решить важнейшие задачи экономического характера, закрыть практически бесплатной рабочей силой самые трудоемкие отрасли промышленности и колхозные поля. Этот труд помог СССР выстоять в войне. Но никакими благими намерениями нельзя оправдать ужесточение режима после войны, когда закручивание гаек и еще более усилившийся поиск среди спепереселенцев шпионов и контрреволюционеров приобрели характер болезненной мании.

В условиях разгоравшейся «холодной войны» в мире система продолжала творить миф о своей полезности и необходимости, в то время как ее влияние приобретало все более отрицательное значение. Государство потеряло за это время больше, чем приобрело. Лишенный возможности компактного проживания, строительства собственной национальной государственности, немецкий этнос был вынужден пережить нелегкие времена. Пострадало национальное самосознание, которое не позволяло немцам ранее растворяться среди остальной массы народов и национальностей СССР. Затянувшаяся реабилитация вылилась в стремление найти себе и своим детям место на исторической родине.

Тем не менее, полученные данные не подтверждают мнений некоторых исследователей об особой национальной политике советского государства, направленной на ликвидацию немецкого этноса в СССР. Автор в этом смысле склонна присоединиться к авторитетному мнению А. А. Германа, что геноцид как метод уменьшения численности немецкого населения или его ликвидации диктаторским режимом Сталина не предусматривался и не проводился. Невозможно признать также, что подобные цели режим преследовал в отношении других народов, находившихся на спецпоселении.

Действия советского государства в отношении этих народов не могут быть признаны наказуемыми деяниями согласно ст. 2 «Конвенции о преду-

преждении преступлений геноцида», принятой в 1948 г. Эта статья квалифицирует геноцид как деяния, «совершенные с намерением уничтожить, полностью или частично какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу». Международное право относит к таким действиям «убийство членов такой группы», «предумышленное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на ее физическое уничтожение» и т.д. Политика СССР в отношении депортированных народов в 1940–1950-е гг. не может быть квалифицирована как преступление по причине отсутствия всех элементов состава такого преступления как геноцид. Отсутствует объективная сторона, но нет и субъективной стороны (она предполагает наличие вины, в данном случае в виде прямого умысла). Скорее спецпоселение может быть признано своеобразным способом использования трудовых ресурсов населения в целях восстановления разрушенного войной хозяйства и освоения малонаселенных зауральских территорий.

¹ В СССР на 1 января 1949 г. на спецпоселении находились 2 300 223 человека, почти половину составляли российские немцы – 1 035 701. Кроме них депортации и режиму спецпоселения были подвергнуты крымские татары, чеченцы, калмыки, ингуши, карачаевцы, этнические болгары, венгры, румыны, финны, литовцы, латыши и др. этносы СССР. См.: Земсков В.Н. Спецпоселенцы (по документации НКВД – МВД СССР) // Социологические исследования..1990. № 11. С.10.

² Бугай Н. Ф. «Мобилизовать немцев в рабочие колонны...» И. Сталин: 1940-е годы. М., 1998. С.8.

³ См., к примеру, книгу Гуго Вормсбехера под названием «Убить народ», вышедшую в Новосибирске в 2002 г.

⁴ См.: Бахрах Д. Н. Административное право России. М.: Норма, 2000. С. 414–416. См. также: Малько А. В., Родионов О. С. Правовые режимы в российском законодательстве // Журнал российского права. 2001. № 9. С.19 – 25.

⁵ См.: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья», постановления Государственного Комитета Оборона о переселении немцев из других областей СССР, о мобилизации в рабочие колонны, постановление Совета Народных Комиссаров СССР от 8 января 1945 г. «О правовом положении спецпереселенцев», Постановление Совета Министров СССР от 21 февраля 1948 г. «О ссылке, высылке и спецпоселках», Указы Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г. «Об уголовной ответственности за побеги из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Великой Отечественной войны» и др.

⁶ Приказы и инструкции НКВД – МВД регулировали самые разные стороны жизни спецпереселенцев. Назову лишь самые главные, определявшие их правовое положение: Приказ от 28 августа 1941 г. «Об организации Отдела спецпереселений (ОСП) НКВД СССР», Инструкция от 20 августа 1942 г. «О порядке сопровождения эшелонов спецпереселенцев частями конвойных войск НКВД СССР», Приказ от 22 ноября 1943 г. «Об организации комендатур спецпоселений УНКВД Алтайского, Красноярского краев, Новосибирской и Омской областей», Приказ от 7 февраля 1944 г. «О введении в действие Положения о районных и поселковых спецкомендатурах НКВД с указанием прав и обязанностей спецпереселенцев», Приказ от 26 февраля 1944 г. «О порядке выдачи документов спецпоселенцам (бывшим кулакам, корейцам, немцам, карачаевцам, калмыкам, чечено-ингушам и другим)», Приказ от 16 августа 1944 г. «С объявлением инструкции по учету спецпереселенцев», Инструкция от 14 сентября 1945 г. «О порядке наложения административных взысканий на спецпоселенцев», Приказ от 8 марта 1948 г. «О задачах органов МВД по работе среди спецпоселенцев», Приказ от 7 февраля 1949 г. «Об организации персонального учета спецпереселенцев по новой системе» и др.

⁷ Приказ Народного Комиссара Внутренних дел Союза ССР от 11 октября 1941 г. «О мероприятиях по переселению немцев из Воронежской области». – Коллекция документов Архива Управления ВД по Новосибирской области.

Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. 139 с/р-1020. Оп. 5. Д. 76. Л. 124.

⁸ Там же. Ф. 139 с/р-1030. Оп. 1. Д. 210. Л. 81.

⁹ Приказ народного комиссара внутренних дел Союза ССР «О введении в действие положения о районных и поселковых с/к НКВД» от 7 февраля 1944 г. – Коллекция документов АУ МВД по Новосибирской области.

¹⁰ См.: История российских немцев в документах (1763–1992 гг.) / Составители Ауман В.А., Чеботарева В.Г.–М., 1993. С.175.

¹¹ Инструкция о порядке наложения административных взысканий на спецпоселенцев, объявленная в приказе НКВД от 14 сентября 1945 г. – Коллекция документов АУ МВД по НСО.

¹² Приказ народного комиссара ВД Союза ССР № 00191 «О введении в действие инструкции по агентурно-оперативной работе среди спецпереселенцев. – Коллекция документов Архива УМВД по НСО.

¹³ См.: Там же. Ф. 5. Оп. 13. Пор. 2. Д. 18.

ЭТНИЧЕСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ В УСЛОВИЯХ СПЕЦПОСЕЛЕНИЯ (1940 – 1950-е годы)

А. А. Шадт

Этническое самосознание¹ является глубинным, природным свойством как отдельного человека, так и социальной общности (семья, народ, государство), которое определяет рамки той или иной формы ментальности, а следовательно, и предрасположенность к одним и неприятие других форм и методов социальной организации. Последние через пропаганду, идеологию, средства массовой информации, религиозные и прочие социальные, политические и экономические институты в свою очередь также влияют на формирование индивидуального и коллективного сознания, в том числе и этнического самосознания. Механизмом, и напрямую и опосредовано повлиявшим на этническое самосознание советских (российских) немцев, оказавшихся в результате депортации в Сибири, оказалась «этническая ссылка», сформировавшаяся в рамках системы спецпоселений.

Необходимо отметить дискуссионный характер заявленной темы. Обсуждение вопросов о самосознании российских немцев, об их этнической идентичности, о правомочности обозначения исследуемого этноса в качестве «российских немцев» или «немцев России», а также вопросов, связанных с идентификацией этноса и этничности, неоднократно поднималось, в том числе и в научной литературе², что само по себе является темой отдельной публикации.

О проблематичности обозначения этнического самосознания говорят многие авторитетные исследователи. Так, Т. Б. Смирнова говорит об отсутствии «единого этнического самосознания у немцев» (в данном случае, немцев Западной Сибири)³, но в то же время указывает на существование крупных землячеств российских немцев, существующих по всему миру, и особо оговаривает, что у «русских немцев» сформировалось «четкое самосознание»⁴. Э. Р. Барбашина и Е. В. Захарова убеждают нас, что «значительное число немецкой молодежи Сибири... считает себя немцами и субъективно, сознательно ориентируется на этническую идентификацию»⁵. И. В. Нам утверждает, что «к началу XX в. немцы тем не менее по-прежнему сохраняли свою идентичность»⁶. Об осознании единства различных групп немцев говорит, по ее мнению, «создание в 1917 г. Всероссийского

союза немцев и меннонитов»⁷. Несмотря на определенную противоречивость мнений и различия в оценке явления, многие исследователи продолжают оперировать (и очевидно, не только по привычке) установившимся термином «российские немцы», под которым мы понимаем этническую группу (этнос) «российские немцы» сформировавшуюся именно в России и реально существующую как этнос уже по меньшей мере к концу XIX в.

С другой стороны, И. Р. Плева ставит под сомнение саму возможность рассмотрения немцев в России «как единый народ – российские (раньше – советские) немцы». Автор убеждает нас в необходимости принять как более правильный с научной точки зрения термин «немцы России», утверждая, что «немцы никогда не представляли в России единый народ». В качестве доказательной базы автор предлагает свое утверждение об ограниченности, а в большинстве случаев и полном отсутствии контактов и взаимовлияния различных групп немецкого населения. Причиной же подобной разобщенности, по мысли автора, «являлись социальные, конфессиональные и территориальные различия»⁹. Автор поделил немецкое население России на следующие группы: по социальному признаку – на колонистов/поселян-собственников, мещан и дворян; по конфессиональному признаку – на лютеран, католиков, православных и меннонитов; по территориальному признаку – на немцев Прибалтики, Петербурга и Москвы, Поволжья, Новороссии (Украины), Закавказья, Волыни¹⁰.

Исходя из вышепредложенного утверждения и следуя логике автора, не только российские немцы, но и все остальные народы России, в том числе и русский этнос, также не могут претендовать на добавление к своему этнониму прилагательного «российский»¹¹. Все они также разделялись по социальному, конфессиональному и территориальному признаку, что не позволяет «считать их единым народом»¹². Необходимо отметить, что «единых», монолитных или однородных народов в природе практически не существует. В свою очередь, И.Р. Плева признает, что можно «с-е-й-ч-а-с (*разрядка – И.Р.Плева*) говорить о существовании этноса «российские немцы»¹³. Вопрос о том, что депортация и спецпоселение привели к созданию этноса «российские немцы», хотелось бы оставить пока открытым, но необходимо заметить, что дисперсное расселение российских немцев в результате депортации и спецпоселения, наоборот, резко сузило механизмы внутриэтнической коммуникации, что сделало практически невозможным любые попытки этнической мобилизации. Действительно, в нестабильной, кризисной ситуации, перед лицом опасности этнос мобилизуется, спланивается и в ощущении своего единства черпает ресурсы для достижения по-

ставленной цели. Совместная деятельность, победы или лишения объединяют этнос, заставляют ощутить силу этнического сознания и этнической принадлежности. Однако, если коммуникационные механизмы обмена информацией не работают, создать, воссоздать или сконструировать этнос, народ или нацию на пустом месте не удастся.

Важнейшим признаком этноса является этническое самосознание, наличие которого не определяется неким набором конкретных и изначально заданных признаков. Могут меняться формы территориально-политической организации этноса, но ее существование не является обязательной. Могут меняться культурные, экономические, социальные и прочие условия существования этноса, но если сохраняется этническое самосознание, этнос продолжает существовать.

Не ставя перед собой задачу подготовки историографического обзора по заявленной теме, хотелось бы отметить, что современная наука пока не нашла репрезентативного критерия такого субъективного явления, каким является этническое самосознание как индивида, так и народа. Однако отсутствие объективного механизма определения этнического самосознания говорит только о временном несовершенстве категориального и методологического научного аппарата, а никак не об отсутствии самого явления.

Сложилась ситуация, когда, отсутствие единого критерия определения носителя этнического самосознания, а следовательно, этнического (национального) сознания народа приводит к научным противоречиям, когда прав каждый исследователь, но лишь в узких рамках своей темы или исторического периода. Осмысление феномена этнической идентичности только началось, что позволяет автору в рамках дискуссии предложить свою трактовку трансформации этнического самосознания российских немцев в условиях этнической ссылки.

В 1930–1950-е годы в СССР сложилась особая система административной ссылки, получившая название – «спецпоселение». В силу системных требований спецпоселение попутно и под действием объективных и субъективных факторов оказывало определяющее воздействие на самосознание спецпереселенцев, в том числе и на его этническую составляющую. Проведение этнических депортаций 1930–1940-х гг. и организация спецпоселений для отдельных этносов в значительно большей степени влияло на этническую идентичность. Это дает возможность, с нашей точки зрения, утверждать, что «спецпоселение» в эти годы приобретает черты «этнической ссылки».

Первоначально на спецпоселении находились так называемые «кулаки» и «подкулачники», которые в качестве политических и социальных против-

ников были отправлены на спецпоселение (трудпоселение) в северные и восточные регионы СССР¹⁴. «Кулаков» расселяли компактно изолированными группами, как правило, в малонаселенных, необжитых местах, что в полной мере отвечало необходимости ликвидации или изоляции возможных классовых противников исходя из сталинского тезиса «усиления классовой борьбы». В дальнейшем место политических и социальных противников заняли этнические.

В свою очередь, существующая до 1939 г. система «трудссылки», имеющая социально-политическую направленность, в связи с этническими депортациями 1940-х гг. была трансформирована в систему спецпоселений территориально-этнического характера¹⁵, к которой, по нашему мнению, применимо понятие: «этническая ссылка». Под «этнической ссылкой» мы понимаем «систему расселения депортированных по этническому принципу народов с установлением административного надзора со стороны специально уполномоченных органов. Надзор включал в себя правовые ограничения с целью наказания и/или предупреждения политических преступлений в их среде». Этнические спецпереселенцы (депортанты), в отличие от «кулаков», расселялись дисперсно среди местного населения. Возникновение нового подхода в принципе расселения, на наш взгляд, связано с изменением приоритетов. Этнические депортации не ставили задачу изоляции существующих или возможных коллаборационистов. Как известно, в условиях этнической изоляции более вероятен рост этнического самосознания, чем его спад. Совместное изолированное проживание делает возможным в дальнейшем обострение национальных конфликтов, рост этнического самосознания депортированных народов, приводит к формированию этнических границ и барьеров, которые, будучи один раз установлены, потом постоянно продуцируются. Как мы предполагаем, дисперсное расселение этнических депортантов среди инокультурного окружения должно было, по мнению организаторов данной акции, привести к постепенной ликвидации этнического самосознания переселенных народов, оказавшихся на положении этнического меньшинства в окружении национального большинства. Именно дисперсное расселение сыграло основную и определяющую роль в трансформации этнического самосознания российских немцев в Сибири, спровоцировав их ассимиляцию.

Спецификой нашего исследования является тот факт, что в 1940–1950-е гг. на спецпоселение были помещены разностатусные этнические группы, как имеющие свою государственность, так и никогда прежде в рамках СССР ею не обладавшие. Среди них как пособники фашизма были репрессированы

крымские татары и чеченцы, калмыки и ингуши, карачаевцы. Как представители государств, воевавших или воюющих против СССР, были депортированы на спецпоселение этнические болгары, венгры, румыны, финны, а также другие нации и народности, в силу разнообразных причин, в том числе этнического характера, получившие особое место и внимание со стороны карательных органов. Это более трех с половиной миллионов человек, представителей 12 этносов¹⁶. К числу народов, помещенных на спецпоселение, относились и российские немцы – самый многочисленный этнос из утративших в результате репрессивной национальной политики советского государства свою государственность. Российские немцы оказались и самым большим контингентом в системе спецпоселений, составляя более половины от всей численности спецпоселенцев.

Тема нашего исследования предполагает анализ этнического самосознания российских немцев, его трансформацию в условиях тоталитаризма и тоталитарного массового сознания. Тоталитарные политические режимы – явление, широко известное исторической и политической науке. Они существовали в течение XX в. и продолжают существовать поныне. Причины их «живучести» напрямую связаны с формированием особого типа личности, для которой не существует иного, кроме существующего, типа общественного устройства и способа государственного управления. Подобная личность непрерывно воспроизводит тоталитарное сознание (национальное, интернациональное, классовое, советское) даже в экстремальных условиях спецпоселения.

Исследователи тоталитаризма наделяют данную личность чертами абсолютизма, дихотомизма мышления, категоричностью формулировок «свой – чужой», «друг – враг». Для нее (тоталитарной личности) характерны вера в непогрешимость своих вождей, нарциссизм, самолюбование: «лучшая нация», «лучшая страна». Односторонность, одномерность сознания: «одна идея», «одна партия», «один вождь», некритичное отношение к существующим порядкам и шаблонам, стереотипность мышления, пропитанного стереотипами пропаганды. Личность с тоталитарным сознанием ориентируется на власть и силу, жаждет этой власти, проявляет с одной стороны авторитарную агрессию, а с другой – постоянную готовность к подчинению. Подобные личности склонны к упрощению, сведению сложного к более простому, схематизму, однолинейности мышления¹⁷.

Тоталитарный политический режим просуществовал в СССР не одно десятилетие. Под его влиянием сформировался особый тип тоталитарного сознания, которым в значительной степени обладали как депортированные

немцы, так и местное население, среди которого они оказались. Российские немцы, существуя в условиях давления массового тоталитарного сознания и будучи его носителями в результате депортации оказались в состоянии конфликта сознаний – тоталитарного, советского и этнического. Раскол по линии сознания привел к возникновению ситуации выбора у депортированных – между массовым и этническим сознанием. Каждый немец, существуя в условиях дисперсного проживания (спецпоселения) в течение 10–15 лет, был вынужден, в зависимости от сложившихся условий, самостоятельно определять базисные этнические установки. И только определенные культурные различия, в первую очередь этнические, оказались способны в какой-то мере нивелировать деструктивное влияние массового тоталитарного сознания на этническое самосознание. Именно этнические различия позволили депортированным российским немцам (при условии сохранения языка, элементов национальной культуры) сберечь в том или ином виде свою самобытность.

В структуре этнического самосознания мы выделяем два аспекта. Первый относится к личному, индивидуальному, субъективному самосознанию. Второй – к групповому, коллективному, массовому сознанию.

В качестве рабочей дефиниции «этнического самосознания», отвечающей потребностям данной работы, мы предлагаем следующее: с одной стороны, под этническим самосознанием нами понимается субъективное отражение объективно функционирующей реальности через призму этнических установок и ценностей. В данном случае вектор этнического самосознания направлен изнутри – от личности к государству, что в силу специфики личностного восприятия носит субъективный характер.

С другой стороны, этническое самосознание – это «конструкт», создаваемый этнической элитой, средствами массовой информации, системой образования, государством. В этом случае вектор этнического сознания имеет полярную направленность – от государства, общества к личности, к ее индивидуальному этническому самосознанию, что придает ему с точки зрения личности объективный характер. Таким образом, этническое самосознание личности, группы в ряде случаев может совпадать с массовым, государственным, а может ему противостоять, противоречить. Перед нами два аспекта одного явления, два взгляда на один процесс, но с противоположных позиций, что позволяет провести достаточно репрезентативный анализ рассматриваемого явления.

Отражение реальности – основной аспект этнического самосознания¹⁸. Российские немцы, в большинстве своем существующие в рамках нацио-

нально-территориальных образований¹⁹, в местах компактного проживания в результате депортации и спецпоселения оказались в совершенно новых условиях. Новая реальность, искусственно созданная государством, практически не имела аналогов для депортированных немцев. Если советское мировоззрение в определенной степени уже было воспринято немцами, живущими в СССР, в немалой степени потому, что не затрагивало основ этнического самосознания и базировалось на ценностях добровольного сотрудничества наций, то в процессе принудительных переселений этническому сознанию российских немцев пришлось рисовать, создавать новую картину мироощущения, основываясь на предложенных государством правилах. Старый, традиционный опыт вряд ли был приспособлен для выживания в чуждых условиях и нуждался в модернизации, если не в полной трансформации. С другой стороны, имелась определенная база, способная сыграть роль буфера и сгладить остроту ассимиляционных процессов. Это – уже упомянутое нами тоталитарное (советское) сознание. В условиях тоталитарного государства «привычка» ставить на первое место общественные интересы, интересы страны, оказалась одним из способов действия механизма подмены этнического сознания национальным или интернациональным.

В качестве иллюстрации рассмотрим круг этнического подобия советских (российских) немцев. Круг подобия представляет собой совокупность определенных этнических установок, вложенных одна в другую²⁰:

- 1 – уровень субъективной этнической самоидентификации: Я – НЕМЕЦ.
- 2 – уровень субъективной этнической идентификации (этногрупповой принадлежности): Я – МЫ – НЕМЦЫ (РОДСТВЕННИКИ, ДРУЗЬЯ, СОСЕДИ).
- 3 – уровень объективной этнотерриториальной идентификации (этнотерриториальной принадлежности): МЫ – НЕМЦЫ – ГРАЖДАНЕ РЕСПУБЛИКИ НЕМЦЕВ ПОВОЛЖЬЯ.
- 4 – уровень национально-государственной идентификации (государственной принадлежности): МЫ – НЕМЦЫ – ГРАЖДАНЕ СССР – СОВЕТСКИЙ НАРОД²¹.

Каждый из этих конструкций и особенно первые три жизненно важны для определения этнической идентичности, что в нашем случае позволяет считать их тождественными этническому самосознанию.

В результате депортации и спецпоселения картина реальности, достаточно привычная и стройная для усвоения этносом, оказалась разрушенной. Из традиционной системы этнического самосознания практически сразу же выпали два средних звена – этногрупповая принадлежность и этнотерриториальная.

Российские немцы, проживающие до выселения большей частью в компактных поселениях, были рассеяны по обширным просторам Сибири, Казахстана и Средней Азии. Дисперсное проживание в условиях спецпоселения, в рамках довлеющего воздействия других этногрупп негативно повлияло на численность, этническое самосознание, лингвистический и культурно-бытовой комплексы спецпереселенцев-немцев.

Так, определяющий удар по осознанию этногрупповой принадлежности российских немцев был нанесен депортацией, вернее ее обоснованием. По Указу от 28 августа 1941 г. немцы Республики обвинялись в подготовке диверсий и шпионаже, а также в укрывательстве «в своей среде врагов советского народа и Советской власти». При этом обвинение распространялось практически на все население Республики: «тысячи и десятки тысяч диверсантов и шпионов»²². Ощущение этногрупповой принадлежности, как известно, является определяющей категорией для этнического самосознания. Абстрактное знание о наличии немцев «вообще» не дает возможности для культурного воспроизводства, сохранения традиций, обычаев и норм этнического поведения. Российские немцы как этногрупповая общность в силу примата тоталитарного сознания добровольно приняли на себя вину, вмененную им советской государственной пропагандистской машиной, и без сопротивления поехали в изгнание. Эти «вина», «историческая несправедливость» или «божье наказание», вне зависимости от того, что выбирали в качестве мотивации сами переселенцы, очень быстро разрушили механизмы, сдерживающие центробежные процессы в этносе, а раздельное проживание на спецпоселении только усугубило утрату чувства этногрупповой принадлежности.

Уровень субъективной этнической идентификации, второй круг этнического подobia: Я – МЫ – НЕМЦЫ, включающий в себя семью, родственников, друзей, соседей, в результате дисперсного расселения, ограничения передвижения и мобилизации трудоспособных немцев и немок в «трудармию» оказался бесповоротно разрушенным. Кроме того, социально-психологический конфликт между этническим и тоталитарным сознанием, ранее сглаживаемый советской национальной политикой и пропагандой, резко обострился в условиях войны и полной лишений жизни. Выделение «комплекса вины» в результате депортации, последующее оформление «комплекса изгоев» среди остальных этнических групп в условиях спецпоселения, запрет на возврат в родные места после снятия правовых ограничений вырвало российских немцев из общего советского «МЫ», оборвало этнокультурные корни, привело к утрате равнозастатусного положения в «единой

братской семье народов». Лакуны, образовавшиеся на месте традиционных установок, неминуемо должны были заполниться в силу самой природы человеческого сознания.

Существуют по меньшей мере две возможности по формированию этнических установок. Одна предполагает восстановление традиционных, но адаптированных к новым условиям проживания уровней этнической самоидентификации. Однако, во-первых, в условиях дисперсного расселения говорить о консолидации этноса вокруг этнической элиты не представляется возможным из-за ее изоляции и самих условий проживания на спецпоселении. Во-вторых, в течение войны и периода нахождения на спецпоселении самоназвание «немцы», пускай даже с прилагательным «советские» вызывало негативную реакцию у части местного населения и практически у всего руководящего состава советских учреждений и организаций, поскольку срабатывал стереотип военного времени. Он мог носить бессознательный характер, но не становился от этого менее действенным. И, в-третьих, сами немцы прекрасно понимали, что в данных условиях быть или считаться немцем «небезопасно...».

Существовала и другая возможность, оказавшаяся в большинстве своем единственным выходом, позволяющим избавиться от чувства чуждости и инородности, социальной апатии и политического равнодушия. Таким выходом стала ассимиляция советских немцев в «советский народ», что позволило в определенной мере снять психологический груз вины, стать «своими», раствориться в рамках безразмерного, аморфного социального образования – СССР. Однако стать «советскими» можно было только в процессе аккультурации, принципиальным отличием которой является добровольность принятия установок другой культуры. Теоретически у советских немцев имелась и третья возможность сохранения этнической самоидентификации. Это эмиграция в Германию, где процесс восстановления этнического самосознания протекал бы наименее болезненно из всех возможных вариантов. Однако указанный вариант, как маловероятное явление в советское время, отложился до посттоталитарных времен.

Утрата этнотерриториальной принадлежности, которая вылилась в ликвидацию Автономной Советской Социалистической Республики немцев Поволжья (АССР НП), с последующим разделом территории республики между соседними областями также оказалась фатальной для российских немцев. Исчез еще один (третий) круг этнического подobia – **МЫ – НЕМЦЫ – ГРАЖДАНЕ РЕСПУБЛИКИ НЕМЦЕВ ПОВОЛЖЬЯ** – уровень объективной этнотерриториальной идентификации (этнотерриториальной принадлежности).

С позиций этнического самосознания для каждого этноса наличие Родины (территории), независимо «большой» или «малой», но законодательно закрепленной именно за этим этносом, дает ему право на признание его «полноценным» народом. Для российских немцев этот вопрос был чрезвычайно важен. Не имея давней истории в России, оказавшись первоначально на правах гостей, приглашенных колонистов, они не имели возможности претендовать на предоставление территориальности в рамках восстановления некоей исторической справедливости. С другой стороны, крымские татары или чеченцы, сформировавшиеся на определенных территориях как этносы, и затем принудительно включенные в состав Российской империи, а впоследствии и СССР, такое право, с позиций этнического самосознания, имели. Таким образом, утрата автономии поставила под сомнение сам факт существования немецкого этноса в России и правомерность присутствия российских немцев в государстве.

В результате жизни на спецпоселении стала разрушаться и базисная этническая установка (Я – НЕМЕЦ) – уровень субъективной этнической самоидентификации. Утрата языка, принятие культурных ценностей и установок новых мест проживания, негативное отношение к этническим депортантам в период войны, особенно со стороны местных властей, условия спецпоселения привели к дальнейшему размыванию этнических установок у российских немцев²³.

Существует несколько особенностей этнического самосознания российских немцев в условиях спецпоселения. Во-первых, инославянское этническое окружение в условиях спецпоселения Казахстана и Средней Азии привело к определенной этнической консолидации, к росту стремления сохранить свою этническую идентичность. Наши исследования подтверждают тот факт, что, например, депортированные «казахстанские» немцы в большей степени, чем «сибирские», сохранили свою этническую идентичность. Данный сюжет, бесспорно, нуждается в дальнейшем изучении и объяснении²⁴. Однако мы предполагаем, что давление «восточной, азиатской» культуры, значительно отличавшейся от «европейской», не смогло оказать «должного» ассимилирующего эффекта. Дополнительными факторами оказались расовые и конфессиональные различия, различия земледельческой и кочевой культур, значительно затруднившие процессы аккультурации. Все это и вызвало противодействие на уровне первого круга подобия (Я – НЕМЕЦ), что привело к формированию, но уже на новой основе второго круга (Я – МЫ – НЕМЦЫ), которые в свою очередь стремились в окружении инонациональностей селиться компактно и соответственно сохранять свою этническую идентичность и самосознание²⁵.

И другая особенность. После отмены режима спецпоселения у части репрессированных народов были восстановлены национально-территориальные образования по указаниям «сверху». С российскими немцами, как известно, этого не произошло.

И если чеченская этническая элита, сохранившаяся в условиях спецпоселения, смогла восстановить тот самый этнический «конструкт», о котором говорилось выше, то немецкая элита в силу объективных и субъективных факторов оказалась совершенно к этому не готова. Будучи первоначально обескровленная чистками 1930-х гг., практически целиком лояльная советской власти в силу «естественного» отбора, прожившая годы в изоляции от этноса и особенно в силу специфики расселения, оказалась бесповоротно разобщена с своим этносом как по вертикали, так и по горизонтали. Элита российских немцев так и не смогла восстановить историческую справедливость в виде воссоздания АССРНП. Отчасти это произошло в силу сопротивления государственных структур, убоявшихся волны сепаратизма, отчасти в силу разобщенности и слабости самой элиты и ее подконтрольности спецслужбам. В любом случае дальнейшее направление трансформации этнического самосознания российских немцев было predetermined. Этническое самосознание, сохранившееся у части советских немцев, направило их после короткого периода борьбы за восстановление автономии в 1980-х гг. в эмиграцию на «историческую родину».

Обратимся ко второму аспекту этнического самосознания (сознания), когда оно выступает в роли особого «конструкта», носящего для личности объективно-директивный характер.

Российские немцы в результате принудительного выселения и жизни на спецпоселении оказались лишены возможности воспроизведения традиционной конструкции этнического самосознания в силу ряда объективных причин, частью указанных выше. Этническая элита как таковая практически ничем себя не проявляла из-за неимения средств и механизмов влияния. Этнические средства массовой информации отсутствовали, а их существование для спецпоселенцев не предполагалось вообще. Система этнического образования также не входила в сферу интересов надзирающих органов, а в плане языка «повезло» только «российским» немцам. В систему советского образования входило изучение немецкого языка. Однако задачу этнической идентификации, функцию этнического маркера для российских немцев, чей язык значительно отличался от немецкого литературного, он, естественно, выполнять не мог. Получалось, что единственную возможность и право воздействовать на этническое сознание депортиро-

ванных немцев получило государство, имеющее свое понимание национального сознания и свои планы по процессу его формирования.

Советское государство для спецпоселенцев и всего населения страны строило свой «конструкт», но он имел мало общего с этническим самосознанием народов СССР. Новый конструкт предполагал «создание советского народа» или «конструирование советской национальности (этничности)». Этническое разнообразие самосознаний должно было уступить «советскому» массовому, тоталитарному сознанию. Под «конструированием советской национальности» нами понимается «целенаправленная деятельность советского государства в области национальной политики, основной целью которой являлось формирование из этнически неоднородного по своему составу населения страны единой национальной общности в рамках государства путем ассимиляции, в том числе принудительной, с использованием преимущественно насильственных методов». Среди последних особая роль принадлежала уже упомянутым нами депортациям по этническому признаку (этническим депортациям) и системе спецпоселений (этнической ссылке).

В отношении российских немцев советское государство в условиях спецпоселения сформировало особое пространство, внутреннее содержание и границы которого жестко контролировались органами НКВД. На органы НКВД ложилась работа по недопущению формирования «неправильных» этнических установок и представлений (т.е. разрушение этнического самосознания), предотвращение националистических проявлений, «уклонов». Все это происходило помимо всеобщего идеологического воспитания через систему средств массовой информации.

Вся, так называемая «воспитательная» работа с депортированными немцами велась на четвертом уровне «этнического» подобию (МЫ – ГРАЖДАНЕ СССР – СОВЕТСКИЙ НАРОД). Это уровень гражданственности, политической принадлежности к советскому народу, уровень национально-государственной идентификации, уровень национальной политики государства.

Итак, что же произошло? Почему российские немцы в 1940–1950-е годы оказались на пороге утраты этнического самосознания? Назовем предполагаемые причины данного явления:

- тоталитарное сознание, идеологический примат интернациональных ценностей, отсутствие критического мышления и оппозиции;
- принятие депортации и спецпоселения как объективно обусловленную реальность, формирование комплекса «вины» и комплекса «изгоев»;

- переход от этнического (немецкого) самосознания к «советскому», социальному, интернациональному, активизация процессов разрушения этнической самоидентификации;
- разобщенность этноса с национальной элитой, разрушение семьи как главного хранителя и передатчика этнического сознания; ликвидация религиозных институтов и национально-территориального образования;
- целенаправленная ассимиляционная национальная политика советского государства.

В итоге мы можем отметить тот факт, что жизнь в условиях спецпоселения, давление инокультурных ценностей снизу и идеологических установок сверху привели к практической ликвидации этнического самосознания российских немцев. Часть из них «растворилась» в советском народе, часть, сохранившая этническое самосознание на личном уровне, в дальнейшем выехала за пределы страны. В современных условиях мы можем говорить только о присутствии в этническом самосознании российских немцев первого круга подобия Я – НЕМЕЦ в значительно трансформированном и порой усеченном виде.

Однако это утверждение ни в коей мере не говорит о полной ликвидации этнического самосознания российских немцев. Оно трансформировалось из привычной нам формы групповой солидарности в идентичность, определяемую осознанным, индивидуальным, свободным выбором человека. Идущие на данный момент процессы создания национально-культурных автономий, национальных районов не способны, по мнению автора, повлиять на дальнейшую дезинтеграцию традиционного этнического самосознания российских немцев.

Выскажу сакраментальную мысль, что механизмом, перечеркнувшим возможность нового всплеска этнического самосознания российских немцев и формирование устойчивой этнической группы на определенной территории, оказалась сама возможность массовой эмиграции российских немцев в Германию. Эмиграция дала достаточно простой и экономически целесообразный способ сохранения этнической идентичности, но уже на совершенно новых условиях и в совершенно новой форме. Определяющим фактором здесь оказалась экономическая состоятельность нового места проживания.

¹ Обычно категории «сознание» и «самосознание» используются: первое – для обозначения массового этнического сознания, второе – соответственно, для обозначения этнического самосознания личности. С другой стороны, указанные категории носят неразрыв-

ный характер и не требуют дополнительных уточнений, что позволяет использовать их как синонимы, как семантически схожие конструкции, исходя из контекста. Тем не менее, исходя из требований удобочитаемости, этническое самосознание мы относим к характеристике российских немцев (как части целого), в отличие от массового советского сознания 1940–1950-х гг. (как целого, включающего в себя всю совокупность общественного сознания, а следовательно, и совокупность этнических самосознаний).

² См.: Смирнова Т. Б. Этническое самосознание и этнические процессы у немцев Западной Сибири // Российские немцы: Проблемы истории, языка и современного положения. М., 1996. С.485–492; Барбашина Э. Р., Захарова Е. В. Проблемы этнической идентичности молодежи российских немцев сегодня // Немцы России в контексте Отечественной истории. М., 1999. С.185-200; Плева И.Р. К вопросу о классификации групп немецкого населения России (исторический аспект) // Немцы России в контексте Отечественной истории. М., 1999. С. 203–208; Нам И.В. Немецкие колонии в России и Сибири в начале XX века в контексте проблемы диаспоральности // Немцы России и СССР, 1901–1941 гг. М., 2000. С.17-30; Барбашина Э. Р. Проблемы адаптации немцев в Сибири (1941-1945 гг.) / Немцы СССР в годы Великой Отечественной войны и в первое послевоенное десятилетие 1941 – 1955 гг. М. 2001. С. 483–502; Славина Л. Немцы в Красноярском крае (некоторые итоги демографического и социокультурного развития в условиях спецпоселения) // Немцы СССР в годы Великой Отечественной войны и в первое послевоенное десятилетие 1941 – 1955 гг. М. 2001. С. 503–516; Нам И. В. Жизнь в диаспоре (городские немцы Западной Сибири в конце XIX – начале XX веков) // Немцы России: социально-экономическое и духовное развитие 1871 – 1941 гг. М., 2002. С. 361–398; Кригер Е. Э. Отношения между Россией и Германией в начале XX в. как условие формирования образа мира российских немцев // Немцы России: социально-экономическое и духовное развитие 1871 – 1941 гг. М., 2002. С. 399–402; Прокопьева Н.В. К вопросу о формировании этнической культуры российских немцев // Немцы России: социально-экономическое и духовное развитие 1871 – 1941 гг. М., 2002. С. 403–408; Вашкау Н.Э. Феномен культурной идентичности российских немцев в условиях родины и чужбины. XX век. // Немцы России: социально-экономическое и духовное развитие 1871 – 1941 гг. М., 2002. С. 409–418; Иларионова Т.С. «Нойес Лебен» и ее роль в формировании национального самосознания российских немцев // Немецкое население в постсталинском СССР, в странах СНГ и Балтии (1956–2000 гг.). М., 2003. С. 61-74; Амелин В.В. Эмиграция и иммиграция немцев. Проблемы сохранения национальной идентичности оренбургских немцев // Немецкое население в постсталинском СССР, в странах СНГ и Балтии (1956–2000 гг.). М., 2003. С. 232–237 и др.

³ Смирнова Т.Б. Указ. соч. С.492.

⁴ Смирнова Т.Б. Указ. соч. С.487.

⁵ Барбашина Э.Р., Захарова Е.В. Указ. соч. С.185.

⁶ Нам И.В. Указ. соч. С. 22.

⁷ Там же. С.23.

⁸ Плева И.Р. Указ. соч. С. 203.

⁹ Там же С. 204.

¹⁰ См.: Там же. С.203-207.

¹¹ «Единым народом», таким образом, возможно, может быть только этнос, имеющий однородную социальную структуру, единую религию или идеологию и проживающий компактно, на одной территории?! (СССР?).

¹² Среди них также были и есть и богатые и бедные, и православные и язычники, или, например, староверы и москвичи, сибиряки, русские жители Сахалина. В настоящее время в науке не используются указанные критерии как факторы, объясняющие отсутствие «единого народа». С другой стороны территориальная разобщенность цыган или евреев не заставляет усомниться в классификации этих народов как этносов, с развитым этническим самосознанием.

¹³ Плева И.Р. Указ. соч. С. 208.

¹⁴ См.: Земсков В.Н. Спецпоселенцы (по документации НКВД – МВД СССР) // Социологические исследования. 1990. № 11. С.3.

¹⁵ См.: Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1939 – 1945 гг. / Предисловие, ред., В.П. Данилов, С.А. Красильников / Сост. С.А. Красильников, В.Л. Кузнецова, Т.Н. Осташко, Т.Ф. Павлова, Л.С. Пащенко, Р.К. Суханова. – Новосибирск: ЭКОР, 1996. С. 3.

¹⁶ См.: Смирнов М.Б., Сигачев С.П., Шапов Д.В. Система мест заключения в СССР 1929–1960 / Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923 – 1960: Справочник. О-во «Мемориал», ГАРФ. Сост. М.Б. Смирнов. Под ред. Н. Г.Охотина, А. Б.Рогинского. М., 1998. С. 29–30.

¹⁷ См., например: Тоталитаризм: что это такое? (Исследования зарубежных политологов). Ч. 1–2. М., 1993.

¹⁸ Этому аспекту уделено основное место в нашем исследовании, т.к. по поводу второго аспекта за последние 10-15 лет вышло немало работ, посвященных анализу действия идеологических механизмов тоталитарного государства. См. например: Авторханов А. Технология власти // Новый мир. 1989. № 5–9; Возвращение памяти // Историко-публицистический альманах. Новосибирск, 1991–1996. Вып. 1–4; Конквест Р. Большой террор: В 2 кн. Рига, 1991; Росси Ж. Справочник по ГУЛАГУ. М., 1991; Бакунин А.В. Советский тоталитаризм: генезис, эволюция и крушение. Екатеринбург, 1993; Он же. История советского тоталитаризма. Екатеринбург, 1996. Кн. 1: Генезис. Екатеринбург, 1997. Кн. 2: Апогей;

¹⁹ Например – АССРНП – Автономная Советская Социалистическая Республика немцев Поволжья, или ранее, до 1938 г. немецкие национальные районы и сельсоветы.

²⁰ Или своего рода русскую матрешку, состоящую из последовательно вложенных друг в

друга стереотипов восприятия, каждый из которых, если идти снаружи внутрь, менее значим для государства, но более значим для индивида, и наоборот.

²¹ «Советские» немцы в большинстве своем не идентифицировали себя с немцами «вообще» – германскими, австрийскими, американскими и прочими, что до последнего времени не позволяло выделять следующий уровень этнической идентификации: МЫ – НЕМЦЫ – ЛЮДИ МИРА (ЗЕМЛИ) (уровень самоназвания, семантической идентификации и этимологической общности, носители общего языка и культуры).

²² См.: История российских немцев в документах (1763 – 1992 гг.) / Вступит. статья, сост. В.А. Ауман, В.Г. Чеботарева. – М.: МГУП, 1993. Т.1. С.159–160.

²³ Наиболее ярким доказательством эффективности ассимиляционной политики в отношении российских немцев стал процент межэтнических браков, который для российских немцев, начиная с 1940-х гг., был, по сведениям автора одним из самых высоких.

²⁴ В качестве объяснения можно привести также факт невыполнения принципа дисперсного расселения депортированных, которые в силу экономических и социальных причин получили возможность в условиях Казахстана и Средней Азии селиться более компактно, практически целыми поселками. С другой стороны, пресс государства оказался слабее, так как немцев в силу уровня образования, квалификации, приходилось привлекать, в том числе и на руководящую работу.

²⁵ В качестве доказательства можно привести значительный рост этнического самосознания «казахстанских» немцев по сравнению с «сибирскими» немцами, особенно после отмены режима спецпоселения. Именно «казахстанские» немцы оказались инициаторами писем в советское правительство по поводу восстановления республики немцев в 1960-е, 1970-е, 1980-е гг. Именно «казахстанские» немцы отличались значительной активностью при выезде в Германию.

ПОЛИТИКА ЗАКРЕПЛЕНИЯ НЕМЕЦКОГО НАСЕЛЕНИЯ В МЕСТАХ БЫВШЕГО СПЕЦПОСЕЛЕНИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1950-х гг. (НА МАТЕРИАЛАХ КЕМЕРОВСКОЙ, НОВОСИБИРСКОЙ И ТОМСКОЙ ОБЛАСТЕЙ).

Е. В. Конев

В последние годы отечественная историография по проблеме истории немцев России пополнилась значительным количеством работ. Однако до сих пор основное внимание исследователей сосредоточено на периодах конца XIX - первой половины XX вв.¹ Почти неисследованной остается история немцев России после снятия их с учета спецкомендатур. В статьях Н. И. Наумовой, Л. Н. Шумиловой и А. А. Германа лишь отчасти затрагивается проблема закрепления немецкого населения в местах бывшего спецпоселения². В предлагаемой статье ставится задача исследовать политику местных органов власти по отношению к немцам во второй половине 1950-х гг. на территории трёх соседних западносибирских областей.

Президиум Верховного Совета СССР 13 декабря 1955 г. принял Постановление «О снятии с немцев ограничений в правовом положении, находящихся на спецпоселении». Выполнение правительственного Постановления было возложено на обкомы и райкомы КПСС. Например, уже 15 декабря 1955 г. бюро Томского обкома КПСС, а 29 декабря того же года - бюро Кемеровского обкома КПСС приняли соответствующие постановления³. Райкомы и горкомы ознакомили с этими Постановлениями руководителей предприятий, секретарей парторганизаций, партактивов, начальников райотделов милиции. Оформление необходимых документов на снимаемых со спецучета немцев обкомы возложили на районные отделения милиции МВД. Работа эта была проделана быстро, до конца февраля - начала марта 1956 г. В момент вручения немцам документов о снятии со спецучета было разъяснено, что им не разрешен выезд на прежнее место жительства. Перед горкомами и райкомами КПСС западносибирских областей встал вопрос о сохранении немцев, снятых со спецучета, в качестве рабочей силы.

На бывших спецпоселенцев - немцев оказывалось идеологическое воздействие. Руководители, партактив предприятий, где они работали, разъяс-

ясняли указ и призывали честно трудиться, не уезжать из Сибири. В докладах обкомам КПСС горкомы и райкомы подчеркивали, что работа по закреплению немцев проводится в индивидуальном порядке.

С помощью массово-политических и идеологических кампаний партийным властям удалось удержать немецкое население в местах ссылки. В отчетах о проделанной работе секретари горкомов и райкомов отмечали, что немцы довольны Указом Президиума Верховного Совета от 13 декабря 1955 г. и выражали признание КПСС и советскому государству.

Большинство представителей немецкого национального меньшинства до Великой Отечественной войны проживало в Автономной Республике немцев Поволжья и в западных областях СССР. Поэтому вполне объяснимо было их желание возвратиться обратно. Между тем властными структурами и МВД предпринимались меры по нейтрализации автономистских проявлений немецкого населения. Надо сказать, что, несмотря на снятие немцев со спецучета, за ними по-прежнему следили органы МВД и КГБ. Под особым контролем КГБ находились репатриированные немцы. В годы Второй мировой войны они проживали на территории Польши и Германии, приняли там германское подданство. Репатриированные немцы имели родственников за границей и поддерживали с ними письменную связь. Еще 22 февраля 1955 г. в бундестаге ФРГ было принято решение «О признании действительным гражданства, полученного во время Второй мировой войны»⁴. А в сентябре 1955 г. канцлер ФРГ К. Аденауэр во время пребывания в Москве поднял вопрос о возвращении 130 тысяч бывших немецких граждан в ФРГ⁵. После снятия немцев со спецучета органы власти отдельно занимались репатриантами и реэмигрантами. Тем более, что в 1956 г. именно эта категория советских граждан активно стремилась выехать в ФРГ.

В Новосибирской области репатриированные немцы находились в Кировском и Заельцовском районах областного центра, в Болотнинском, Сузунском, Черепановском и Чулымском районах. С целью закрепить немцев в Сибири 7 июля 1956 г. бюро Новосибирского обкома КПСС приняло Постановление «Об усилении массово-политической работы среди советских граждан немецкой национальности»⁶. В постановлении указывалось, что одной из главных причин стремления репатриированных немцев к выезду в ФРГ является плохая политико-воспитательная работа, а также слабая забота о материально-бытовых условиях жизни. Бюро Новосибирского обкома предложило в течение июля-августа 1956 г. райкомам совместно с райисполкомами разобраться с материально-бытовыми условиями

жизни каждой немецкой семьи и оказать им необходимую реальную помощь в деле улучшения их благосостояния. В октябре 1956 г. обкому был предоставлен отчет Кировского райкома о ходе выполнения постановления от 7 июля. Бюро обкома отметило, что массово-политическая работа среди немцев проводится неудовлетворительно, и предложило первым секретарям горкомов и райкомов разработать и осуществить мероприятия по улучшению политико-воспитательной деятельности и жилищно-бытовых условий. В связи с тем, что в Новосибирской области проживало значительное количество немцев, с 1956 г. отдел радиоинформации проводил один раз в неделю передачи на немецком языке⁷.

Во второй половине 1950-х гг. местные партийные органы принимали меры по улучшению материально-бытовых условий жизни: выделение кредитов на индивидуальное строительство; использование на работе бывших немцев-спецпоселенцев по специальности и желанию. Так, в сельских местностях бывшие учителя немецкой национальности были возвращены на прежнее место работы⁸. Для работников в северных районах Томской области райкомы использовали закон о льготах. В тресте «Томскстрой» работали 140 представителей немецкой национальности, в том числе ИТР – 7, служащих – 4, остальные – строители разных специальностей. Все они приобретали специальности в тресте, обучались на курсах повышения квалификации (каменщиков, штукатуров, маляров, плотников, кровельщиков, слесарей-сантехников), организованных трестом. В 1958 г. 97 человек получили после окончания курсов аттестационные удостоверения, прошли перетарификацию⁹.

Вместе с тем во второй половине 1950-х гг. значительная часть трудящихся находилась в плохих жилищных условиях. Так, в Кировском районе г. Новосибирска в 1956 г. из 1950 немецких семей большинство, так же как и 27 семей на пятом государственном подшипниковом заводе (ГПЗ-5) г. Томска, проживали в неблагоустроенных бараках, 35 – в землянках и только 153 имели собственные дома. Особенно в тяжелых бытовых условиях находились немцы, работавшие на заводах – турбогенераторном, им. Ефремова и «Сибсельмаш» г. Новосибирска, а также «Сибэлектромотор» г. Томска. Возможностей по переселению их в лучшие квартиры предприятия не имели.

Только после принятия в июле 1957 г. Постановления ЦК КПСС и СМ СССР «О развитии жилищного строительства в СССР»¹⁰ во всех крупных городах начался процесс широкомасштабного строительства домов. Связано это было с утверждением программы по глобальному обеспечению

населения жильем. Например, трестом «Томскстрой» в 1955-1958 гг. были выстроены двухэтажные и трехэтажные дома с благоустроенными квартирами. Во второй половине 1950-х гг. работники треста были обеспечены жилой площадью, в том числе и представители немецкой национальности. Предприятия Сибири в течение второй половины 1950-х гг. расходовали на строительство жилья и социально-культурных учреждений определенные суммы от объема капитальных вложений. В г. Томске 20 немецких семей на лесоперевалочном комбинате (ЛПК), 7 – на ГПЗ-5, 11 – на «Сибэлектромоторе» получили ссуды и построили свои дома¹¹.

С целью предотвратить эмиграционные настроения репатриированных немцев, советские власти развернули кампанию по обработке немецкого населения СССР в духе «советского социалистического патриотизма». Для успеха кампании необходимо было растворить немцев-репатриантов в общей массе остального немецкого населения СССР и в целом изменить условия жизни немцев к лучшему¹². ЦК КПСС 26 октября 1956 г. принял специальное постановление «О мерах улучшения работы среди советских граждан, вернувшихся из-за границы на жительство в СССР». Кемеровский обком КПСС 4 декабря того же года принял соответствующее постановление¹³. Райкомы партии по указанию обкомов усилили политическую работу среди репатриантов и активно вовлекали их в общественную и производственную жизнь. Например, в Новосибирской области за 1956 г. в кандидаты КПСС было принято 75 представителей немецкой национальности¹⁴. В Томской области в период отчетно-выборных собраний 1956-1957 гг. секретарями и членами партийных организаций избрали 9 немцев, комсомольских – 59. В марте 1957 г. 89 немцев стали депутатами местных советов¹⁵. Проводя такую работу, партийные власти пытались нейтрализовать эмиграционные настроения. Среди репатриированных немцев сотрудниками КГБ также проводилась агентурная работа. С ее помощью органам власти удавалось разоблачать эмиграционные намерения. В г. Томске во второй половине 1950-х гг. проживало около 2000 репатриированных немцев. Управление КГБ при Совете Министров СССР по Томской области располагало данными на 1357 немцев – репатриантов, которые в 1956–1957 гг. активно предпринимали меры к выезду в ФРГ¹⁶.

В ходе подготовки Всесоюзной переписи населения 1959 г. сотрудники КГБ провели работу с лицами, желавшими выехать за границу. Немцы-репатрианты при заполнении переписных листов изъявили желание указывать подданство ФРГ. Свои намерения они связывали с возможным выездом из СССР и мотивировали тем, что, указав во время переписи совет-

ское гражданство, они лишали себя возможности выехать в будущем за границу. Среди репатриированных немцев многие являлись церковными меннонитами и евангельскими христианами-баптистами, родственники которых находились в Канаде и США.

Управление КГБ при Совете Министров СССР по Томской области рекомендовало горкому и райкомам партии г. Томска в местах концентрации немцев - репатриантов проводить разъяснительную работу о целях и задачах Всесоюзной переписи населения. Бывшие репатрианты работали в г. Томске на пятом государственном подшипниковом заводе (ГПЗ-5), «Си-бэлектромоторе», стройтресте № 97¹⁷.

Таким образом, большинство немецкого населения после снятия его со спецучета оставалось в местах ссылки. Отдельная категория немцев – бывшие репатрианты находились под особым контролем государственных органов власти. С помощью идеологической, пропагандистской и массово-политической работы партийным органам удалось закрепить большую часть немцев в Западной Сибири.

¹ См. Чернова Т.Н. Российские немцы. Отечественная библиография, 1991-2000 гг.: Указ. новейшей лит. по истории и культуре немцев России. М., 2001; НИБ Российские немцы. 1995–2003.

² См.: Наумова Н.И. О снятии со спецучета немцев в Томской области (1955-1956 гг.) // Немцы Сибири: история и современность. Омск, 1995. С. 90–92; Шумилова Л., Герман А. Подготовка и осуществление государственным руководством СССР снятия режима спецпоселения с советских немцев // Немцы СССР в годы Великой Отечественной войны и в первое послевоенное десятилетие 1941–1955 гг. М., 2001.

³ См.: ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 2267. Л. 109-133, ГАКО. Ф. П–75. Оп. 8. Д. 39. Л. 29–66.

⁴ См.: Айсфельд А. Российские немцы в послевоенных советско-германских отношениях // Отечественная история. 1996. № 3. С. 115.

⁵ См.: Там же. С. 116.

⁶ См.: ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 1642. Л. 10–11.

⁷ См.: Там же. Д. 1653. Л. 62–65.

⁸ См.: Там же. Д. 1654. Л. 141.

⁹ См.: ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 2668. Л. 203–204.

¹⁰ См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. - 9 изд., доп. и испр. – т. 9. М., 1985. С. 193-208.

- ¹¹ См.: ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 2668. Л. 195.
- ¹² См.: Шумилова Л., Герман А. Указ. соч. С. 450.
- ¹³ См.: ГАКО. Ф. П-75. Оп. 8. Д. 39. Л. 105–106.
- ¹⁴ См.: ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 1654. Л. 10.
- ¹⁵ См.: ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 2526. Л. 291.
- ¹⁶ См.: Там же. Д. 2678. Л. 252.
- ¹⁷ См.: Там же. Л. 257.

ОТ СОЗДАНИЯ – К ВОССТАНОВЛЕНИЮ: НЕМЕЦКАЯ АВТОНОМИЯ В ПЛАНАХ В 1980-х годов

С. Ханья

Введение

Последние годы существования СССР имели важное значение для советских немцев. Исторические перемены, достигшие кульминации в ноябре 1989 года по принятии постановления Верховного Совета СССР, вселяли в немцев надежду, что наконец сбудется давняя мечта – восстановление Автономной Республики немцев Поволжья. Но, вопреки ожиданиям, политическая ситуация и сопротивление местных жителей препятствовали осуществлению надежд на воссоздание немецкой автономии. Воодушевление быстро сменилось разочарованием и началом массового выезда в ФРГ.

Сейчас, когда минуло уже более десятилетия, все чаще предпринимаются попытки вновь оценить те времена надежд и страданий¹. Звучали такие доклады и на нашей конференции в прошлом году. Но при всем внимании исследовательской литературы к движению самих немцев, явно ускользает из поля зрения чёткое изучение позиций власти. Известно, что предложение рабочей комиссии под председательством Г. Н. Киселева признавало необходимость восстановления немецкой автономии на Волге в прежнем статусе и границах, этот момент являлся важным изменением в политическом курсе КПСС по отношению к советским немцам. Но остается открытым и требует анализа вопрос о том, как шла подготовка к этим переменам в Москве и высших эшелонах КПСС в течение 1980-х годов, вплоть до принятия конкретного решения об автономии немцев.

Учитывая вышеизложенное, автор намерен определить своей целью освещение внутрипартийного обсуждения немецкого вопроса в 1980-х гг. При этом видится важным процесс принятия политического решения по немецкой автономии в Москве, и, в частности, различия взглядов центра и затрагиваемого региона по данному вопросу. Строго говоря, предполагается рассмотрение дискуссии Москвы и Поволжья (Саратовская и Волгоградская области) до принятия Верховным Советом СССР постановления о необходимости восстановления автономной республики на Волге, а также изучения влияния настроений на местах на принятие политического решения центром. Вдобавок, ход обсуждения в Верховном Совете (с весны 1989 г. — вы-

сшего органа власти вместо КПСС), проливает свет на обстоятельства смены политического курса по немецкому вопросу в центре.

Первый план: 1981-й год

План создания немецкой области на казахской земле, вызванный к жизни массовым выездом немцев в ФРГ в 1970-х гг. в связи с целиноградскими событиями июня 1979 г. был официально отменен в феврале 1980 г.² Но в Центре продолжались поиски возможности учреждения немецкой автономии.

Эти факты разработки планов немецкой автономии в начале 1980-х гг. подтверждают прежде всего воспоминания современников, изданные в начале 1990-х годов. По словам одного ответственного работника Саратовского облисполкома, в 1981 г., перед посещением ФРГ Брежневым, Саратов получил указания Москвы: подготовить предложения по поводу автономии советских немцев. По его словам, саратовская сторона сделала вывод, что поскольку в области проживали 10–11 тысяч немцев, автономия возможна, скажем, с центром в Красном Куте, но ответа Центра на данное предложение с места так и не последовало³. Есть и другие свидетельства: В. Владимиров (помощник первого секретаря ЦК КП Казахстана и члена Политбюро ЦК КПСС Д. А. Кунаева) писал, что Динмухамед Ахмедович сказал чехословацкому послу, что «Андропов даст советским немцам на Волге республику». Судя по всему, это было после вступления Андропова в должность Генерального секретаря ЦК КПСС⁴.

Автор нашел подтверждения этим свидетельствам в саратовском архиве: так называемое «предложение к вопросу об образовании Немецкой автономной области»⁵, относящееся, судя по всему, к 1981 г. Там предлагается немецкая автономия с центром в Красном Куте на основе семи районов Саратовской области (Александрово-Гайский, Краснокутский, Новоузенский, Питерский, Ровенский, Советский и Федоровский районы) и двух районов Волгоградской области (Палласовский и Старополтавский районы). Соответствующих материалов в волгоградском партархиве автору обнаружить не удалось.

Рассматривая «предложения 1981 г.», нельзя не обратить внимание на факт, что состав ряда районов, предлагавшийся саратовской стороной, не совпадает с бывшей территорией АССР немцев Поволжья. С одной стороны, для вновь образуемой автономии предлагалось три района (Александрово-Гайский, Новоузенский и Питерский), ранее не входивших в Немреспублику. С другой стороны, имел место отказ от включения Марксовского,

Энгельсского, Красноармейского районов и города Энгельса некогда принадлежавших к немецкой республике.

Причины отказа от трех районов и бывшей столицы АССР НП объясняются следующим. В течение более 40 лет после ее упразднения, в левобережных районах (Марковский и Энгельский) интенсивно развивалась промышленность и сельское хозяйство, без которых Саратовская область уже не могла обойтись. Более того, г.Энгельс оказался тесно связан с областной столицей в экономическом и социальном отношении, став практически городом-спутником. В отношении же Красноармейского района, расположенного на правом берегу, мотивировка такова: он «в связи с созданием Волгоградского водохранилища практически потерял всякую связь с районами левобережья»⁶.

Таким образом, несмотря на отсутствие явных возражений против создания немецкой автономии в «предложении 1981 г.», саратовская сторона дала согласие лишь на выделение отдаленных районов юго-восточной части области (экономически малозначимых), что показывает явное безразличие местной власти к данному вопросу. Впрочем, и центру недоставало целеустремленности, учитывая, что в андроповское время дальнейшего движения по вопросу не наблюдалось.

В конечном счете, план при Андропове остался бумажным предложением, как и следующий вариант после провала немецкой автономной области – в Казахстане. Ему не хватало чувства реальности, и он, можно заключить, всего лишь явился основой для последующей дискуссии.

Второй план: ранние времена перестройки

22 декабря 1984 г., ЦК КПСС принял постановление по немецкому вопросу⁷ (предыдущее постановление такого рода — о немцах — относилось ко временам, отстоящим на целое десятилетие). Конкретное содержание постановления не известно, но можно предполагать, что оно предусматривало необходимость принятия мер по противодействию пропагандистским кампаниям ФРГ об ущемлении прав советских немцев. Затем, 2 декабря 1985 г. ЦК КПСС провело совещание по немецкому вопросу с участием представителей заинтересованных ведомств и регионов⁸. Председательствовавший секретарь ЦК КПСС М. В. Зимянин подчеркнул в заключение, что «надо сосредоточить огонь по противнику. Вопрос создания немецкой автономии сейчас поднимать не нужно»⁹. Впрочем, как видно из дальнейшего, приблизительно с тех пор в центре вновь стали обсуждаться планы немецкой автономии. Стоит напомнить, что в марте 1985 г. М. С. Горба-

чев, вступив в должность Генерального секретаря ЦК КПСС, провозгласил реформаторский курс во всех сферах. Постановление 1984 г. (не предполагавшее само по себе разработку планов немецкой автономии) случайно совпало с появлением молодого энергичного руководителя, что в результате способствовало пересмотру идеи автономии на Волге, остававшейся несущественной при предыдущих руководителях.

Смыкаясь с политическими тенденциями центра, в 1986 — первой половине 1987 гг. в Саратовской и Волгоградской областях вновь вернулись к рассмотрению возможностей создания немецкой автономии в Поволжье.

В саратовском партархиве сохранились две записки. Судя по отсутствию заглавий и конкретных дат, а также наличию даже редакционных вариантов одного и того же текста — это черновики обкома партии для готовившихся по запросу Москвы предложений. условно назовем их «запиской А»¹⁰ и «запиской Б»¹¹ (судя по содержанию, первая относится к 1986 г., а вторая — к началу 1987 г.).

Главная цель «записки А» состоит в изложении необходимости «краезаации», т.е. идеи превращения Саратовской области в край. Саратовская область дала согласие на образование немецкой автономии, но предложила создать эту автономию как составную часть, находящуюся в подчинении вновь образуемого Саратовского края, предполагая сохранение единого хозяйственного организма и преемственность кадров. С саратовской точки зрения, недопустимо просто восстановление Автономной Республики немцев Поволжья — это навеки лишило бы Саратовскую область части ее территории. В то же время казался допустимым план создания автономной области, так как путем «краезаации» Саратовской области фактически сохранялись все интересы саратовских властей. Наряду с тем создание автономии предполагало возможность приобретения кадровых ставок в административных структурах нового автономного образования и получение соответствующего финансирования на ведение капитального строительства и т.п.

К разработке идеи «краезаации» местные власти приложили, несомненно, больше усилий, чем можно предполагать лишь на основе сохранившейся в архиве справке о правовых аспектах создания автономных образований¹² и ряду копий конституционных положений о них¹³. В действующем законодательстве, говорится в справке, порядок и условия создания автономного образования подробно не регламентирован, последний подобный прецедент имел место более полувека назад, следовательно, образование автономной области — крайне редкое исключение. Саратовский обком партии обратил пристальное внимание на ст. 82 Конституции РСФСР, где устано-

влено, что «автономная область входит в край». Свидетельством, подтверждающим важность этого момента для местных властей, является то, что в справке эти слова подчеркнуты. Требования местных властей о повышении своего административно-территориального статуса участились со времен «беспорядочного» позднего периода перестройки, но были крайне редки в более ранний «мирный» период. Саратовская область с ловкостью использовала указания Москвы по разработке планов немецкой автономии для расширения своих полномочий, предлагая центру проведение «краезации» области.

Нельзя упускать из виду, что в «записке А» предлагаемая территория будущей автономии — больше, чем в предложении в 1981 г. В ней без всяких объяснений дается согласие на включение в ее состав Марковского и Красноармейского районов, от чего упорно отказывались в 1981 г. Впрочем, остаются возражения на передачу г. Энгельса и Энгельского района; в качестве столицы автономии предлагается г. Маркс.

Выше говорилось, что «записка А» всецело посвящена теме «краезации», а суть «записки Б» — в отказе от передачи Энгельса. Приводятся не только прежние возражения, но и новые аргументы, иллюстрируемые статистическими данными. «Записка Б» демонстрирует решительность позиции властей против отделения г. Энгельса и окрестностей: при мотивировке этого тем, что бывшая столица Немреспублики стала неделимым целым с Саратовом, а без Энгельского района — невозможно и представить должное обеспечение Саратова сельхозпродукцией. Таким образом, для саратовских властей вопрос о г. Энгельс с окрестностями стал крайней чертой, которую нельзя обойти ни при каких обстоятельствах.

Интересно, что в «записке Б» никак не упомянута тема образования самого Саратовского края. Можно предположить суть намерений местных властей — с одной стороны, не подчеркивать соотношения край - автономная область (уже установленного Конституцией РСФСР), а дело с Энгельсом, с другой стороны, без активного давления на центр могло привести к крайне негативным последствиям ввиду отделения его от области.

Немецкий вопрос рассматривался и в Волгоградской области. Так называемая «Справка к вопросу об Автономной Республике немцев Поволжья»¹⁴ была напечатана на пишущей машинке 12 января 1987 г. и принята обкомом 24 августа того же года. Судя по содержанию, это был очередной доклад Центру по немецкому вопросу в ответ на постановление ЦК КПСС от 1984 г.¹⁵

Планы немецкой автономии в документе излагаются в нижеизложенном духе. Для Волгоградской области территории, ранее принадлежавшие Нем-

республике — это северо-восточная часть области (6 районов обоих побережий Волги). Их место в объемах промышленного и сельскохозяйственного производства невелико (лишь 0,2% и 4,4% от общих показателей области), соответственно, и их утрата вряд ли нанесла бы существенный урон экономике области. Но, как утверждается в справке, при учреждении немецкой автономии в прежних границах три района правобережья потеряли бы прямую связь с районными центрами, а в левобережных — нарушились бы сложившиеся экономические и социальные связи, долговременно формировавшиеся в рамках области. В заключение утверждается, что идея автономии как таковая «вызывает сомнение в экономической целесообразности принятия подобного решения (т.е. образования автономной республики – прим. автора)»¹⁶.

Отметим, что Волгоградская область не видела проблемы в формах национально-территориального образования для немцев, дав молчаливое согласие на автономную республику, представляя тем самым контраст взглядам лидеров Саратовской области. Тем не менее, обе стороны едины в вопросе о том, что появление немецкой автономии может привести к разрушению целостности областной экономики.

Таким образом, планы немецкой автономии были явно оживлены постановлением 1984 г., а по его тщательном рассмотрении — кардинально отличны от прежних (1981 г.) позиций по немецкому вопросу.

Судя по сохранившимся в регионах материалам, Центр проявил целеустремленность в вопросе о реализации планов немецкой автономии и указал местным властям на необходимость разработки этой тематики в более решительном тоне, чем раньше. На это указывает отсутствие сопротивления Саратовской области в отношении уступки Марксовского и Красноармейского районов (резко отвергавшееся в 1981 г.). Подтверждает эту идею и приведение множества статистических данных и иных аргументов по прогнозированию «ущерба» в случае образования автономии. Следовательно, центр, отходя от бюрократических проволочек, стал более активно продвигать реальные планы осуществления автономии, а регионам пришлось искать новые мотивировки и оправдания для отказа от безапелляционного давления Центра. Кроме того, уместно и мнение, что, в отличие от 1981 г., указания Москвы раннего периода перестройки учитывали и возможность восстановления АССР немцев Поволжья. В «записке А» саратовских властей указывается, что автономное образование «целесообразно создать на месте бывшей АССР немцев Поволжья с максимальным приближением к её прежним границам»; в Волгоградской же области об этом говорит уже и

само название документа — «Справка к вопросу об Автономной Республике немцев Поволжья».

Но, в отличие от устремлений центра, местные власти вновь проявили свое безразличие к реализации планов. Обе области (и Саратов, и Волгоград) отнеслись к вопросу о немецкой автономии крайне прохладно, опасаясь неблагоприятных последствий для местной экономики. В частности саратовская сторона, уступая некоторые территории, выступала против передачи Энгельса и в целом, таким образом, выразила решительное сопротивление восстановлению Немреспублики. Столкнувшись с таким сопротивлением, Центр не решился пренебречь позицией регионов. Имеется в виду, что в партийных кругах с брежневских времён придавалось важное значение достижению компромисса в случае расхождения взглядов сторон при принятии политического решения.

При рассмотрении отношений «центр–регион» в 1986–1987 гг. – важно, что регион не представлял собой образования, лишь однозначно подчиненного Центру. Саратовские власти были намерены противодействовать планам немецкой автономии посредством принуждения Центра к «краезации»: они вынашивали замыслы защиты своих полномочий и приобретения новых кадровых ставок на фоне повышения административно-территориального статуса, как правило, трудно реализуемого в обычное время¹⁷.

Таким образом, к 1987 г. сложилась общая расстановка сил и позиций: Центр за реализацию немецкой автономии, а регионы — против. Следовательно, Центр оказался вынужденным разрабатывать новые меры для урегулирования сложившегося противоборства мнений.

От создания – к восстановлению: 1988–1989 гг.

На ликвидацию сложившегося застоя в отношениях «центр–регион» в связи с планами реализации немецкой автономии оказали влияние внешние факторы.

Прежде всего это были настойчивые действия самих немцев. Приблизительно с 1987 г. участились их письма в ЦК КПСС с требованиями восстановления автономной республики на Волге¹⁸. В августе 1987 г. ЦК КПСС составил конкретные предложения по усилению разъяснительной работы на местах (компактного проживания немцев) и направления туда специалистов для изучения обстановки¹⁹. В 1988 г. быстро набирает силу процесс организации национального движения немцев: 3 раза в течение года (в апреле, июле и ноябре) Москву посещают немецкие делегации, добившиеся проведения встреч на самом высоком уровне²⁰.

Служило стимулом и повышение интереса к национальному вопросу в целом. Общественность потрясли последовавшие одно за другим события: в декабре 1986 г. – Алма-атинские, летом 1987 г. – крупномасштабные демонстрации крымских татар на Красной площади в Москве и события в Прибалтике, в начале 1988 г. – массовые беспорядки вокруг Нагорного Карабаха. Пусть это было еще незаметно для широкой публики, но немецкий вопрос удостоился пристального внимания центральных властей. Так, на заседании Политбюро ЦК КПСС 29 февраля 1988 г. при обсуждении проблем накала отношений Армении и Азербайджана случайно зашла речь и о немецком вопросе. Генеральный секретарь М.С. Горбачев при этом уведомил, что он дал поручение Е. К. Лигачеву подготовить материал по этому вопросу и обратился к первому секретарю Алтайского крайкома партии с предложением создать немецкую автономию в Кулундинской степи (последний, в свою очередь, решительно отверг данную постановку темы)²¹.

Активное отношение Центра к немецкому вопросу полностью подтверждает и публикация в «Правде» от 4 ноября 1988 г. об истории и современности советских немцев, включавшая информацию о том, что «предложение о воссоздании государственности советских немцев изучается партийными и государственными органами в Центре и на местах». Немцев питали чаяния на восстановление утраченной родины²².

В 1989 г. дела пошли быстрее. В конце марта было учреждено Всесоюзное общество «Возрождение» – национальная организация немцев, имевшая целью восстановление АССР немцев Поволжья. На 1-ом Съезде народных депутатов СССР, открывшемся в мае, обсуждали и немецкий вопрос; в результате 12 июля была образована депутатская комиссия по проблемам советских немцев (председатель – Г. Н. Киселев) при Совете Национальностей Верховного Совета СССР²³. С лета по осень члены киселевской комиссии были командированы в Саратовскую, Волгоградскую области (местонахождение бывшей автономной республики) и в места компактного проживания немцев (Казахская ССР, Новосибирская область)²⁴. На основе данных «полевых исследований» комиссия разработала предложения, где подчеркивалось, что Верховному Совету СССР в ходе весенней сессии 1990 г. следует обсудить комплексную программу и принять постановление о воссоздании их автономии. Следовательно, рабочая комиссия призывала к восстановлению потерянной из-за депортации немецкой «государственности» на Волге²⁵. Предложения были обсуждены и согласованы сначала в Комиссии по национальной политике и межнациональным отношениям в Совете Национальностей – 25 ноября, а затем в Верховном Совете СССР – 28 ноября²⁶.

Предложения комиссии под председательством Г. Н. Киселева по восстановлению АССР немцев Поволжья резко отличаются от планов, долго разрабатывавшихся внутри партийного аппарата в течение всех 1980-х гг. В планах начала 1980-х гг. совершенно очевидно отсутствует четкое ощущение реальности со стороны как Центра, так и регионов. В середине 80-х годов Центр, с одной стороны, выразил определенное желание реализовать эти планы, но регион, с другой стороны, продолжал противодействовать решению вопроса по немецкой автономии, опасаясь урезания территории и прикрываясь опасениями дестабилизации регионального хозяйства.

Со второй половины 1988 г. наметилось явное изменение в политическом курсе Москвы. А. И. Лукьянов в своей записке, предположительно, того времени выразил понимание требований немцев об автономии, и, с учетом отсутствия экономических и демографических предпосылок для ее немедленного восстановления предложил поэтапное решение вопроса. Он указывал на необходимость информирования общественности по немецкому вопросу, поддержания развития их национальной культуры. Что же касается формы национально-территориального образования, предполагаемой весьма смутно, начинать намеревались с автономного округа, с перспективой преобразования в автономную область или автономную республику. Таким образом, продолжал действовать устоявшийся принцип ориентации на достижение консенсуса мнений сторон при принятии решения²⁷.

По сравнению с прежними планами, предложение Киселева выделяется стремлением к восстановлению автономной республики. Цель заключалась в провозглашении восстановления Немреспублики, а приобретение реального содержания, соответствующего национально-территориальному образованию, отступало на следующий план (после воссоздания таковой). Имело место и пренебрежение мнением региона, возражавшего против автономного образования на Волге. Другими словами, предложение рабочей комиссии явилось очевидным изменением политического курса по немецкому вопросу (поворот от «создания» — к «восстановлению» автономии). Весь ход дискуссии до 1989 г., короче говоря, вел к «созданию» немецкой автономии как национально-культурного фактора, оформление которого должно быть согласовано с позицией на местах с учётом экономико-демографических предпосылок. Предложение же 1989 г., несмотря на присутствие в нем такого момента, как удовлетворение национальных требований, тем не менее в значительно большей степени акцентировано нюансом «восстановления» потерянной из-за депортации автономной республики.

Это своего рода идеализированный призыв закрыть глаза на реальные сложности перед лицом этой главной задачи.

Таким образом, предложения киселевской комиссии оказываются оторванными от тенденций поступательного развития политики как до, так и после времени существования самой этой комиссии. Что вызвало изменения политического курса, когда вместо поиска путей достижения консенсуса Центра и региона на основе реального развития ситуации, перешли к пренебрежению мнением региона при идеализировании восстановления автономной республики?

Весьма важную роль играло изменение рамок обсуждения. В результате политической реформы 1988–1989 гг. дискуссия по немецкому вопросу перешла из закрытого внутривнутрипартийного пространства с участием ограниченного круга лиц в открытый всеобщему обозрению Совет, получивший реальную власть вместо КПСС. Некогда, в условиях участия в решении проблемы лишь Центра и двух областей Поволжья (да и то внутри КПСС), для достижения консенсуса требования «региона» неизбежно имели значение. Что же касается комиссии под председательством Г. Н. Киселева, в силу участия в ней представителей немцев, да еще и на фоне общесоюзного внимания к ее работе — установилась атмосфера, в которой ослабло значение местнических возражений Поволжья при усилении роли интересов самих немцев.

Немаловажно и то, что многие депутаты поддерживали немцев в их чаяниях восстановления автономии на Волге. Свидетельством тому — выступления ненамецких депутатов на заседании Комиссии по национальной политике и межнациональным отношениям в Совете Национальностей 25 ноября, где было одобрено предложение киселевской комиссии для внесения в Верховный Совет СССР. Друг за другом выступавшие призывали к восстановлению Немреспублики. Звучали слова: «Если должна восторжествовать справедливость, то та автономия, которая была ликвидирована, должна быть восстановлена», «Если мы пойдем по пути создания каких-то районов, округов на территории Саратовской области, то никакого решения проблемы для немцев не будет», «Справедливость одна. Какая была республика, такая и должна быть»²⁸. Заметно, что призывы к восстановлению АССР немцев Поволжья проистекали из энтузиазма исправить погрешности в истории СССР, «улучшить» советское общество своими руками, т.е. из стремления искренне следовать идеалам.

Добавим к этому, что заслуживают внимания и опасения, вызванные резким ростом числа выезжающих в ФРГ немцев. Долгое время их выезд раз-

решали только в случае «воссоединения разлученных семей», а в течение пяти лет – с 1982 года по 1986 г. разрешение на выезд получили всего 4 200 немцев (8,3% от числа заявителей)²⁹. Но после значительного смягчения условий выезда с 1 января 1987 г. обстановка круто изменилась: в 1986 г. число выехавших из СССР немцев насчитывало всего 753 человек, но в следующем году достигло 14 488. Далее рост продолжался в геометрической прогрессии: в 1988 г. – 47 572 человек, а в 1989 – 98 134 человек³⁰.

В таких условиях на заседании Комиссии по национальной политике и межнациональным отношениям господствовали настроения, что последним козырем для сдерживания роста числа выезжающих немцев может стать лишь восстановление Немреспублики, которое способно оставить впечатление, что справедливость наконец восторжествовала. К тому же все были едины в том, что к этому надо приступить незамедлительно. По словам одного депутата, ситуация напряженная, как будто «маховик» уже раскрутился³¹. Поэтому-то и стремились к скорейшему разрешению этого вопроса.

Но, впрочем, яркий контраст изложенному представляет отношение Центра к регионам.

Депутаты Центра, воодушевленные реформаторскими настроениями и опасениями скачка в росте численности выезжающих в ФРГ немцев, отвергли мнение регионов, как представлявшее лишь помеху в осуществлении идеала. Депутаты придавали значение нюансу исторической справедливости в отношении немцев, а не планам «краезаации» (варианту Саратовской области, стремившейся во что бы то ни стало сохранить свое территориальное единство).

Наряду с этим не обращалось должного внимания и на протесты местных жителей против немецкой автономии. Вряд ли уместно считать, что Центр не был осведомлен о местной ситуации: командированная на места депутатская группа имела возможность составить четкие представления о мнении масс. Но большинство было уверено, что выступления населения Поволжья — лишь результат тайного подстрекательства местных властей. Мол, при сильном давлении на регион ситуация сразу изменится (такая позиция отражена в письме членов киселевской комиссии М. С. Горбачеву от 30 октября³²). Поэтому естественно, что на заседании Комиссии Совета Национальностей 25 ноября проигнорировали возражения Поволжья. Когда один депутат заявил, что местная обстановка «очень тяжелая» — никто не обратил внимания на его мнение³³. Мнение большинства сводилось к тому,

что для ликвидации сопротивления на местах достаточно осветить суть вопроса в средствах массовой информации. Но интервью газете «Известия» председателя Комиссии Г. С. Таразевича (29 ноября 1989 г.³⁴), данное по просьбе одного из депутатов для информирования населения Поволжья,³⁵ привело к противоположному результату. Его публикация возбудила еще большее негодование местных жителей, и по сути лишь подлила масла в огонь.

Таким образом, смена политического курса центра по немецкому вопросу (от «создания» – к «восстановлению») и предпочтение следования идеалам подорвали вроде согласованные действия Центра и регионов, превалировавшие до М. С. Горбачева. Центр, изыскивая возможности учреждения немецкой автономии в Поволжье после середины 1980-х годов, сталкивался с упорным сопротивлением региона, из-за чего так и не решился приступить к реализации своих намерений. Но по мере того, как сами немцы стали требовать восстановления Немреспублики, повышения интереса общества к национальному вопросу, центр перестал сколько-нибудь скрывать свои устремления. Решающее значение имело то, что благодаря политическому реформе 1988—89 гг. реальная власть перешла от партии к «Совету», и рамки дискуссии по немецкому вопросу изменились. Депутаты в представительном органе были воодушевлены реформаторскими настроениями и смущены опасениями резкого роста выезда немцев, стремясь к быстрейшему восстановлению АССР немцев Поволжья даже при игнорировании мнения региона. А местные власти, лишившись возможности оказывать воздействие на принятие политического решения Центром, были вынуждены обратиться к подстрекательству к организации массового сопротивления на местах против восстановления автономии советских немцев.

Заключение

На основе вышеизложенного подведем некоторые итоги. План немецкой автономии в Поволжье стал общеизвестен в 1989 г., но и до того внутри КПСС эти планы разрабатывались (в течение практически десятилетия). После провала попытки создания Немецкой автономной области в Казахстане продолжалось обсуждение возможностей создания их автономии на Волге. В ходе обмена мнениями Центра и регионов план становился более реальным, постепенно расширялась предлагаемая территория будущего автономного образования немцев. В конечном счете, было разработано предложение от ноября 1989 г., которое предлагало восстановление АССР немцев Поволжья, но на последнем этапе его разработки произошли каче-

ственные изменения. Сперва преследовалась, главным образом, цель «создания» немецкой автономии для удовлетворения национально-культурных требований. При этом обращалось определенное внимание и на мнение региона. Но в предложении 1989 г. определилась иная главная цель — «восстановление» Немреспублики, где придавалось значение торжеству исторической справедливости в отношении немцев, испытавших множество горестей после депортации.

Смена политического курса центральных властей — от «создания» — к «восстановлению» немецкой автономии соответствовала изменению самих рамок дискуссии по вопросу. В узкой внутривнутрипартийной дискуссии, особенно до середины 1980-х гг., определенный вес имело мнение местных властей, но на рубеже 1989 г. в принятии политического решения важную роль стало играть мнение самих немцев. В «Совете» было страстно поддержано восстановление автономной республики в Поволжье, о котором немцы давно мечтали (атмосфера энтузиазма исправить беззакония сталинского периода). К тому же это несло и некоторую надежду на возможность сдерживания потока выезда советских немцев.

Предложение комиссии под председательством Г. Н. Киселева и Постановление Верховного Совета СССР в ноябре 1989 г. составили эпоху в послевоенной истории советских немцев, но и здесь имели место серьезные трудности, поскольку имела место явная недооценка реальной ситуации и мнения на местах. Личная инициатива М. С. Горбачева, на которую большие надежды возлагали проавтономные силы, не проявлялась в достаточной степени из-за падения его политического авторитета и тенденций роста самостоятельности регионов. Следовательно, беспорядок в центральных органах в связи с немецким вопросом сразу после Постановления Верховного Совета СССР, можно сказать, был неизбежен.

¹ Среди них самой первой является работа Бауэра и Иларионовой. См.: Бауэр В.А. Иларионова Т.С. Российские немцы: право на надежду. М., 1995.

² См.: Ауман В.А. Чеботарева В. Г. (сост.) История российских немцев в документах (1763–1992 гг.). том I, М., 1993, С.199.; Более подробно о планах немецкой области в Казахстане и целиноградских событиях смотри следующие работы: Ханья С. Целиноград, июнь 1979 г.: «К вопросу о несостоявшейся немецкой автономии в Казахстане» // Acta Slavica Iaponica. № 20. С.230–236. Он же. Целиноградские события и национальная политика КПСС в отношении депортированных народов // Немецкое население в постста-

- линском СССР, в странах СНГ и Балтии (1956–2000 гг): Материалы Международной научной конференции. Москва, 4–7 ноября 2002 г. М., 2003. С.139–145.
- ³ См.: Монахов В. Де-юре и де-факто: размышления о судьбе автономии советских немцев в Поволжье // Народный депутат. 1990. № 2. С. 67.
- ⁴ См.: Владимиров В. Кремлевская карусель // Феникс (г. Алматы). 1993. № 1 (март). С. 307.
- ⁵ См.: Центр документации новейшей истории Саратовской области (далее ЦДНИСО). Ф. 594. Оп. 45; Д. 130. Л. 42–43; Оп. 47; Д. 96. Л.1–2.
- ⁶ ЦДНИСО. Ф. 594. Оп. 45; Д.130. Л. 42–43.
- ⁷ См.: Ауман В. А. Указ. соч. Т1. С. 199.
- ⁸ См.: Ауман В. А. Указ. соч.(том 1) С.211–216.
- ⁹ Ауман В.А. Указ. соч. Т. 1. С. 215.
- ¹⁰ См.: ЦДНИСО. Ф.594. Оп. 45. Д. 130. Л. 36–38, 84–86; Оп. 47. Д. 96. Л. 24–26.
- ¹¹ См.: ЦДНИСО. Ф. 594. Оп. 47. Д. 96. Л. 88-91.
- ¹² См.: ЦДНИСО. Ф. 594. Оп. 45. Д.130. Л. 30; Оп. 47. Д. 96. Л. 18.
- ¹³ См.: ЦДНИСО. Ф. 594. Оп. 45. Д. 130. Л. 21-28; Оп. 47. Д. 96. Л.19–22.
- ¹⁴ См.: Центр документации новейшей истории Волгоградской области (далее ЦДНИВО). Ф.113. Оп.135. Д. 335. Л. 3–14.
- ¹⁵ Очередной доклад Саратовского обкома партии того же периода не содержит предложение о немецкой автономии.: См.: Ауман В. А. Т.1. С. 223–224; ЦДНИСО. Ф. 594. Оп. 45. Д. 130. Л. 71–73; Оп. 47. Д. 96. Л. 107–109.
- ¹⁶ ЦДНИВО. Ф. 113. Оп.135. Д. 335. Л. 8.
- ¹⁷ Так как обе «записки» Саратовского обкома партии являются лишь черновиками, невозможно с уверенностью заключить, что обком КПСС действительно предложил Москве «краезащиту» области. Однако записка обкома 1989 года указывает, что «в случае создания автономии в виде области или округа Саратовский обком КПСС сможет контролировать обстановку на указанной территории, в случае создания республики обком не сможет вмешиваться ни в какие дела.». Таким образом, налицо очевидная неколебимость позиции саратовских властей, что немецкая автономия должна подчиняться Саратовской области в рамках единого территориального образования.: См.: ЦДНИСО. Ф. 594. Оп. 46. Д. 93. Л. 98.
- ¹⁸ См.: Ауман В. А., Чеботарева В. Г. (сост.) История российских немцев в документах. Т. 2. М., 1994. С.41–50.; Ауман В. А. Указ. соч.Т. 1. С. 227–230; Иларионова Т. С. (сост.) Судьба российских немцев: коллективная исповедь в письмах. М., 1993.
- ¹⁹ См.: Российский государственный архив новейшей истории (далее РГАНИ). Ф. 89 (Коллекция рассекреченных документов, микрофильмы). Оп.11. Д. 49. Л.1–4.

- ²⁰ См.: Ауман В. А. Указ. соч. Т. 1. С. 231–239.
- ²¹ См.: РГАНИ. Ф. 89. Оп. 42. Д. 18. Л. 6–7.
- ²² См.: РГАНИ. Ф. 89. Оп. 30. Д. 8. Л. 2.
- ²³ См.: Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. р-9654. Оп.6. Д. 116. Л. 1–2.
- ²⁴ См.: Ауман В. А. Указ. соч.Т.1. С. 246–254.
- ²⁵ См.: Ауман В. А. Указ. соч. Т. 1. С. 272–276.
- ³⁶ См.: Ауман В. А. Указ. соч. Т. 1. С. 267.
- ²⁷ См.: Ауман В. А. Указ. соч. Т. 1. С. 225–227.
- ²⁸ ГАРФ, Ф,р-9654. Оп.7. Д.1051. Л. 251–254.
- ²⁹ См.: ЦДНИВО, Ф. 113. Оп. 138. Д. 151. Л. 38.
- ³⁰ См: Alfred Eisfeld, Die Russlanddeutschen (München: Langen Müller, 1999). S.188.
- ³¹ См.: ГАРФ. Ф. р-9654. Оп. 7. Д.1051. Л. 246.
- ³² См.: ГАРФ. Ф. р-9654. Оп. 6. Д.116. Л. 11–13.
- ³³ См.: ГАРФ. Ф. р-9654. Оп. 7. Д.1051. Л. 245.
- ³⁴ См.: Ауман В. А. Указ. соч. Т. 1. С. 268–270.
- ³⁵ См.: ГАРФ. Ф. р-9654, Оп.7. Д.1051. Л. 256.

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ РЕАБИЛИТАЦИЯ – СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ РЕАБИЛИТАЦИИ НАРОДОВ РОССИИ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Н. Ф. Бугай

Преобразования в Союзе ССР второй половины 1980-х годов вызвали к жизни необходимость возвратиться к проблеме реабилитации народов и когорт населения (по определению социологов), принадлежавших к различным национальностям. На волне нового демократического подъема в определенной мере для этого периода и действий был характерным фактор спонтанности. Однако народы оставались неудовлетворенными проведенными государством акциями в этом направлении в 1950–1970-е годы. Более того, в реабилитации отдельных из них каких бы то ни было мер вообще не предпринималось, как не было и мысли о какой бы то ни было компенсации нанесенного материального и морального ущерба. В связи с этим работа предстояла большая как в центре, так и на местном уровне.

Ажиотаж вокруг проблемы, несомненно, поддерживался в 1980-е годы всплесками напряженности в межнациональных отношениях. Затем усиливался с развалом Союза ССР (1991 г.) и ферганскими событиями конца 1980-х годов, когда пришлось России принимать бежавших из Узбекистана более 90 тыс. граждан турко-месхетинской национальности, а также переселявшихся крымских татар и представителей других репрессированных этнических меньшинств.

Постоянно возникает вопрос, а надо ли ворошить прошлое, исходя из того постулата, что настоящее в будущем, а не в прошлом. Вероятно, что надо. Это помогает как-то по-новому оценивать отношения между народами, а также те меры, которые предпринимаются правительствами стран в улучшении их жизненных условий, их национально-культурного развития.

Проделанная работа государственными органами законодательной и исполнительной власти, начиная с конца 1980-х годов, позволила подготовить Закон РСФСР «О реабилитации репрессированных народов», который окончательно был принят 26 апреля 1991 года за № 1107-1 и подписан Председателем Верховного Совета РСФСР Б.Н.Ельциным. Однозначно, реальность перестроечного этапа в СССР – Российской Федерации потребовали и итогового решения этой задачи. Но фактически ее осуществление уже проводилось в рамках Российской Федерации. Реабилитация пре-

дусматривает «возвращение народов, не имеющих своих национально-государственных образований, согласно их волеизъявлению, в места традиционного проживания на территории РСФСР»¹.

В законе провозглашен и главный постулат его реализации, который сводится к тому, что «в процессе реабилитации репрессированных народов не должны ущемляться права и законные интересы граждан, проживающих в настоящее время на территории репрессированных народов»².

Конечно, наличие этих статей можно объяснить, например, живучестью в сознании масс постулата «это моя территория и она должна принадлежать исключительно моему народу». Хотя, на наш взгляд, в структуре единого государства (Союз ССР, Россия) это не столь уж обязательно. Однако, что этот фактор явился своеобразным детонатором для социального взрыва в мало-мальски подходящей обстановке, то это неоспоримо. Примеров подтверждению этого в прошедшем десятилетии более чем достаточно.

Более чем десятилетнее применение закона позволяет сделать отдельные выводы и особенно в части применения, вызвавших бурные страсти и полемику статей закона 3 и 6, касающихся территориальной реабилитации, и, естественно, вступившими в противоречие с объявленным главным постулатом закона – о не ущемлении прав и законных интересов граждан, проживающих на территориях репрессированных народов, а затем и статьи 67 Конституции России. Одним словом, самим законом создавалось тупиковое положение.

Разобраться в этих сложных коллизиях предпринимал попытку Б. М. Лазарев, однако, и его положение не без изъяна. «Нужно решить законодательно, – замечал он, – и вопрос о восстановлении «старых границ» территорий традиционного проживания народов, подвергшихся репрессиям»³.

В связи с этим Б. Лазарев предлагал: «Видимо, из этого общего принципа следовало бы путем толкования Конституции Конституционным судом (Российской Федерации. – **Н. Б.**) сделать изъятие и допустить восстановление «старых границ», даже если субъект федерации, которому этому выгодно, возражает, когда речь идет об отнятых землях»⁴.

Такая рекомендация вряд ли приемлема для всех народов, подвергшихся депортации. После распада Союза ССР депортированные народы проживают в разных государствах и мнение Конституционного суда в данном случае может быть рассмотрено только как мнение. Да и второй, не менее важный момент, например, нужны ли «старые границы» карачаевцам, если более 60 тыс. граждан этой национальности проживают сегодня в республике на землях, на которых они не проживали до выселения. Могут ли пре-

тендовать корейцы на какие-либо территории на Дальнем Востоке, если они расселялись в момент депортации на территории Приморского и Хабаровского краев, Читинской области и Еврейской автономной области. Одним словом, вопросов больше, чем ответов. Суждения в данном случае не должны быть категоричными, а базироваться на принципе сбалансированности исторического прошлого со сложившимися реалиями и руководствоваться правилом жить в одном государстве.

К сожалению, историография самой проблемы территориальной реабилитации репрессированных народов пока не сложилась, хотя отдельные аспекты ее находили частичное отражение в исследованиях авторов⁵.

Проблема территориального обустройства российских немцев как в начале 1990-х годов, так и в условиях современной России остается актуальной. Хотя некоторые вопросы в этом плане удалось разрешить и напряженность, отмечавшаяся в начале 1990-х годов, заметно ослабла.

Как известно, только одна постановка вопроса о территориальной реабилитации российских немцев сразу же вызывала бурю протеста среди населения, проживающего на территории бывшей Республики немцев Поволжья.

Не случайно уже в 1991 г. Советом национальностей Верховного Совета РСФСР специально рассматривался вопрос «О работе комиссии Совета Министров РСФСР, занимающейся проблемами российских немцев в ходе реализации закона РСФСР «О реабилитации репрессированных народов». Было принято постановление (№ 1729-1), согласно которому Л. П. Прокопьеву – председателю Госкомнац РСФСР – поручалось определить меры практической деятельности по реализации предложений о предотвращении дальнейшей эскалации межнациональной напряженности в Саратовской и Волгоградской областях. Органы исполнительной власти названных областей обязывались «не только выработать предложения по реализации закона», но и «усилить работу по широкому разъяснению населению порядка введения в действие данного закона». Но эти поручения, как и многие другие, оставались только на бумаге.

Создавшееся положение рассматривалось и на состоявшемся в Нальчике (Кабардино-Балкария) 15–16 февраля 1992 года чрезвычайном VI съезде тогда функционировавшей Конфедерации репрессированных народов России с участием заместителя председателя комиссии по репрессированным народам Верховного Совета Российской Федерации А. Ф. Чайковско-го, помощником советника Президента Российской Федерации И. В. Гришаева и других.

На съезде с докладом «О ходе выполнения Закона РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» и задачах Конфедерации репрессированных народов» выступил председатель Конфедерации И. Алиев. Докладчик сосредоточивал внимание на анализе состояния дел по реализации закона, решении проблем осетино-ингушского конфликта, положении крымских татар и российских немцев⁶. На съезде впервые прозвучала идея о создании «в штате Госкомнаца России структурного подразделения (отдела), который занимался бы конкретно вопросами репрессированных народов», включая и проблемы территориальной реабилитации⁷.

Принимал участие в работе съезда и представитель делегации российских немцев В.Ф. Дизендорф, информировавший участников съезда о стремлении отдельных кругов «столкнуть интересы немцев и крымских татар» в связи с возможным возвращением немцев, выселенных в 40-е годы с территории Крыма. В. Дизендорф тогда заявил, что «советские немцы не предпримут никаких шагов, направленных на расселение в Крыму без согласия на то коренного населения Крыма – крымских татар»⁸. Надо признать, что немцы никоим образом не претендовали на отдельную территорию в Крыму.

Развитие событий первой половины 1992 года, межнациональные конфликты и их последствия, обострение отношений между ингушами и осетинами, деятельность различных экстремистских организаций показали, что реализация Закона РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» в части территориальной реабилитации – мера сложная и вряд ли будет возможно ее спокойно разрешить в условиях осложнявшейся этнополитической обстановки.

Становилось очевидно или необходимо вносить изменения непосредственно в сам закон, что вызывало сразу же бурю недовольства со стороны репрессированных граждан. Любые попытки в этом направлении сопровождались массовым обращением к Президенту России, а также в адрес Правительства Российской Федерации с резкими заявлениями и требованием о прекращении каких бы то ни было попыток изменить закон. Или тогда необходимы были какие-то другие меры.

В связи с изложенным Правительство Российской Федерации вошло в Верховный Совет РСФСР с предложением об установлении переходного периода (дек. 1991 – дек. 1995 гг.) для осуществления территориальной реабилитации репрессированных народов, в ходе которого планировалось разработать предложения по восстановлению территориальной целостности национально-государственных образований и административ-

но-территориальных границ до их насильственного антиконституционного изменения.

Временное «успокоение» было достигнуто в середине 1992 года принятием Закона Российской Федерации «Об установлении переходного периода по государственно-территориальному разграничению в Российской Федерации» от 3 июля 1992 года № 3198–1. Как отмечалось, главной причиной принятия нового законодательного акта явилось «отсутствие сбалансированных механизмов государственно-территориального разграничения в России и территориальной реабилитации репрессированных народов»⁹.

Ощущалась потребность в научном обосновании протекающих процессов территориальных преобразований в стране, создании их юридической базы, а в связи с этим и установлении переходного периода для осуществления территориальной реабилитации.

Уже тогда было видно, что эта мера не из легких, а задача «по согласованию территориальных интересов сторон» потребует усилий еще многих поколений, конечно, если они не придут к выводу о никчемности рассмотрения самой проблемы в рамках единого государства. Было ясно одно – закон запрещал «самовольные захваты территорий и изменение территориальных границ». Это было разумное решение, во многих случаях ведущее к достижению стабилизации в обществе. Последующее развитие событий, в частности, на территории Северного Кавказа, подтвердило правоту принятых мер.

Имел положительное воздействие и объявленный законом постулат, что «любые действия, направленные на самовольные захваты и изменение границ в Российской Федерации, являются преступными против России и влекут уголовную государственную ответственность согласно действующему законодательству»¹⁰.

Вопрос о спорных территориях приобретал злободневный характер. При аппарате заместителя Председателя Правительства Российской Федерации В. А. Махарадзе было учреждено постоянно действующее Координационное совещание по проблемам межнациональных отношений, на заседаниях которого неоднократно обсуждались вопросы и, особенно, связанные со спорными территориями. Так, например, 24 июля 1992 года обсуждались вопросы о подготовке предложений по работе с закрытыми архивными документами, которые касались репрессированных народов, а также вопрос об отгонных пастбищах «черные земли» на территории Калмыкии, находившиеся в пользовании Астраханской области и Республики Дагестан.

Координационным совещанием были определены конкретные задания министерствам и ведомствам. Так, Госкомнацу, Роскомзему, Минсельхозу,

Минюсту, Минэкономике России, Министерству безопасности, МВД России поручалось «выработать меры по регулированию территориального вопроса между Астраханской областью и Республикой Калмыкия». Однако они не выработаны и до сих пор. Решение проблемы отсутствует.

Минкультуры России обязывалось «внести предложения о порядке выявления культурных и национальных ценностей, изъятых у калмыцкого народа в годы репрессий и возвращении их республике».

По Ингушской Республике предлагалось «дать предложения о порядке, механизме и источниках возмещения материального ущерба гражданам, пострадавшим от репрессий и депортаций».

По Кабардино-Балкарской Республике Госкомнацу России (В. А. Тишков) с другими ведомствами поручалось «к середине августа 1992 года представить рабочую программу по решению вопросов, связанных с выполнением Закона РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» в республике.

Это была своеобразная программа дальнейших действий министерств и ведомств Российской Федерации в плане реализации закона.

До конца 1990-х годов не сходил с уст многих политиков и практиков и вопрос о внесении изменений в Закон РСФСР «О реабилитации репрессированных народов». Зачастую возвращался к обсуждению этого вопроса Верховный Совет Северо-Осетинской ССР. Надо ли осуждать в этом плане органы власти республики, по нашему мнению, нет, т.к. они также проводили политику сохранения мира в условиях соблюдения статус-кво.

Уже 17 мая 1991 года, т.е. спустя месяц после принятия Закона РСФСР «О реабилитации репрессированных народов», Верховный Совет Северо-Осетинской ССР представил заключение рабочей группы Комиссии Совета Министров РСФСР для подготовки предложений по реализации закона в Чечено-Ингушской Республике и Северо-Осетинской ССР, в котором отмечалось: «Постановлением Верховного Совета Северо-Осетинской ССР от 17 мая 1991 года Закон РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» признан необходимым и гуманным. Вместе с тем, Верховный Совет, отметив несогласованность некоторых положений Закона с Конституцией РСФСР (ст. 80) и СССР (ст. 65), а также международно-правовыми нормами, обратился к IV Съезду народных депутатов РСФСР с просьбой рассмотреть вопрос о внесении изменений в закон, исключив из него все положения, противоречащие Конституциям РСФСР и СССР, и подтвердить принцип незыблемости существующих границ»¹¹.

Каким же было решение Съезда народных депутатов России? Рассмотрев указанное обращение, Съезд принял специальное постановление, в ко-

тором подчеркнул необходимость выполнения положений Закона в строгом соответствии с основными принципами Конституции РСФСР. То есть это означало, что территория республики не может быть изменена без волеизъявления проживающих в ней народов.

Кстати, этот же принцип содержится и в распоряжении Председателя Верховного Совета РСФСР Б. Ельцина от 3 июля 1991 года «О мерах по укреплению правопорядка в районах Северной Осетии и Чечено-Ингушетии».

Рабочей группой было признано обострение ситуации в Северной Осетии, где только официально были зарегистрированы 55 тыс. беженцев из Грузии, а также то, что реабилитации должен подлежать каждый репрессированный гражданин, независимо от национальной принадлежности.

И тем не менее вопрос о Законе РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» рассматривался время от времени и Правительством Российской Федерации, и Президентом Российской Федерации. В начале июля 1993 года был опубликован Закон Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» (от 1 июля 1993 года. № 5699-1), которые коснулись содержания ст. 1 и 9. Констатировалось распространение Закона «О реабилитации жертв политических репрессий» на контингенты репрессированных народов, подвергшихся репрессиям на территории Российской Федерации по признакам национальной принадлежности, и определялись формы возмещения ущерба реабилитированным народам и отдельными гражданам с учетом компенсаций полученных ими на основании Закона «О реабилитации жертв политических репрессий»¹².

Неспокойная обстановка на местах и, особенно, на Северном Кавказе, необходимость урегулирования территориальных споров способствовали появлению новых предложений по Закону РСФСР «О реабилитации репрессированных народов», в частности, в части статей 3 и 6, касающихся аспекта территориальной реабилитации. К концу 1993 года такой проект был представлен. По предложению Государственно-правового управления Президента Российской Федерации он был направлен в органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации с целью изучения и подготовки замечаний. Требовалось мнение всех субъектов.

Материалы были обобщены в последующем и в Департаменте Северного Кавказа. Было высказано множество пожеланий, рекомендаций, однако главный вывод сводился к тому, чтобы сохранить закон, не заниматься его бесконечным совершенствованием а добиваться исполнения в целях ста-

билизации обстановки в российском обществе. Значительная часть органов исполнительной власти на местах разделяла желание восстановить справедливость по отношению репрессированных народов, в том числе и российских немцев.

И все же отдельные точки зрения исполнительных органов власти в плане дальнейшего развития самой теории вопроса территориальной реабилитации привлекают внимание. Так, Президент Республики Ингушетия Р. Аушев считал, что в решении задачи по территориальным спорам и, в частности, об изменении границ между субъектами Российской Федерации, с учетом требований Конституции Российской Федерации «делает невозможной осуществление мероприятий по реабилитации народов».

В связи с этим Р. Аушевым был предложен свой вариант решения проблемы. Он сводился к тому, что «восстановление национально-территориальных границ влечет изменение границ между субъектами Российской Федерации, действие п. 3 ст. 67 Конституции России не распространяется на территории, с которых были насильственно выселены ранее проживающие там люди». В связи с этим предлагалось внести в закон положение – «национально-территориальные образования реабилитированных народов восстанавливаются в границах, существующих на момент их антиконституционного насильственного изменения и упразднения»¹³.

Подобную точку зрения выразило в своем постановлении от 29 марта № 1Б-НС и Народное Собрание Парламента Республики Ингушетия. «Признать неправомерностью увязывание территориальной реабилитации репрессированных народов с обязательным взаимным согласием субъектов Российской Федерации, поскольку эти народы были насильственно переселены государством – Союзом ССР и обязательство восстановить права граждан этих народов лежит на Российской Федерации как правопреемнице Союза ССР», – читаем в постановлении Парламента Республики¹⁴.

В дальнейшем точка зрения Р. Аушева получила развитие в постановлении Парламента Республики Калмыкия Хальмг-Тангч, принятого по этому вопросу 11 марта 1994 года № 164-1Х. В частности, по этому поводу читаем: «Увязывание территориальной реабилитации репрессированных народов с обязательным взаимным согласием на изменение границ между соответствующими субъектами Российской Федерации заранее обрекает процесс восстановления антиконституционного насильственно ликвидированных национально-государственных образований в прежних границах на невозможность осуществления исторической справедливости, на обострение межнациональных и региональных отношений»¹⁵.

Совершенно противоположной по своему содержанию была точка зрения, высказанная в отзывах, поступивших от Президента Республики Северная Осетия А. Галазова и председателя Верховного Совета Республики Северная Осетия Ю. Бирагова. Они полагают, что «в интересах сохранения целостности Российской Федерации необходимы не только исключение из текста законопроекта положений о территориальной реабилитации, но и обращение Правительства Российской Федерации с законодательной инициативой в Государственную думу Российской Федерации о принятии закона Российской Федерации о моратории навсегда по государственно-территориальному разграничению в Российской Федерации, независимо от мотивов территориальных споров между субъектами Российской Федерации». В дополнение к этому авторы письма предложили усилить акцент на том, чтобы не допускались агитация или пропаганда, проводимые с целью изменения существующих границ¹⁶.

Одновременно Президент Республики Адыгея А. Джаримов рекомендовал «распространить действие предложений для внесения замечаний в законопроект в части политической, социальной и культурной реабилитации и на народы, исторически проживавшие на территории Российской Федерации в пределах нынешних границ и подвергшихся репрессиям со стороны царского самодержавия в результате проведения колониальных войн в течение последних веков, сопровождавшихся политикой геноцида и депортации не покорившихся народов». В частности, это касалось некогда многочисленного адыгского (черкесского народа). Правда, А. Джаримов здесь же оговорился, что «решение затронутой проблемы потребует отдельного законодательного регулирования», но вместе с тем, по мнению А. Джаримова, «наличие в основном Законе РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» нормы, расширяющей сферу действия Закона крайне необходимо, как с правовой, так и политической точек зрения»¹⁷.

Совершенно иной была трактовка вопроса разрешения территориальных споров, предложенная управляющим делами мэрии гор. Москвы В. С. Шахновским. Он полагал, что в случае возникновения неконституционно разрешаемых субъектами Российской Федерации территориальных споров в своих пределах, «то очевидно по каждому такому случаю, на основе заключения Конституционного суда должен приниматься соответствующий закон Российской Федерации, предусматривающий меры, обеспечивающие соблюдение Конституции России»¹⁸.

На такой же позиции оставался и заместитель главы администрации Ростовской области А. Бедрик. Он пишет: «Целесообразно исключить из час-

ти 1 статьи 6 положение, касающееся рассмотрения территориальных споров между народами внутри субъектов Федерации третейским судом, так как такие споры должны рассматриваться только в Конституционном суде¹⁹».

Привлекает внимание и содержание мнения по данному вопросу главы администрации Омской области В. А. Варнавского, предложившего «предоставить право урегулирования территориальных споров между народами внутри субъектов Федерации органам власти соответствующих субъектов Федерации»²⁰.

Мнение В. А. Варнавского поддержал в отзыве на проект предлагаемого закона и глава администрации Астраханской области А. П. Гужвин. При этом А. Гужвин призывает учитывать урок введения в действие Закона первой редакции, т.е. принятого 26 апреля 1991 года, что, по его мнению, «уже привело к тяжелым негативным последствиям»²¹.

Президент Кабардино-Балкарской Республики В. М. Коков полагал необходимым «предусмотреть в Законе ответственность субъектов Российской Федерации, продолжающих территориальные претензии вопреки решениям по территориальным спорам, в соответствии с Конституцией Российской Федерации и настоящим Законом»²². А заместитель главы администрации Рязанской области А. В. Тарасов считал, что «необходимо воздержаться от рассмотрения территориального вопроса для репрессированных народов и не включать это положение в проект закона»²³.

И, только в одном из присланных заключений из 95 % субъектов Российской Федерации, представивших свои заключения, – администрацией Орловской области было акцентировано внимание на необходимости защиты прав граждан, проживающих на спорных территориях, так как, по мнению заместителя главы администрации области И.Я. Мосякина, это «может привести, в конечном счете, к усилению межнациональной напряженности»²⁴.

Все это свидетельствовало о несовершенстве представленного проекта нового закона Российской Федерации «О реабилитации репрессированных народов», слабой его теоретической проработке. Потому материалы такого анализа в научном плане имеют актуальное значение. Они позволяют выявить совпадающие и кардинально противоположные позиции, сделать верные выводы, направленные на разрешение столь сложного аспекта межнациональных отношений, на ликвидацию существующих негативных последствий национальной политики прошлого. Высказанные мнения и суждения исполнительных органов власти актуальны и для российских немцев.

Однако достигнутое временно «успокоение» репрессированных народов по вопросу территориальной реабилитации, было непродолжительным. Этому вопросу посвящали свои заседания в администрации Президента Российской Федерации, в Миннац России, Минюст России и МВД России, ФМС России и других министерствах и ведомствах. В конечном итоге был принят новый Указ Президента Российской Федерации «О мерах по осуществлению территориальной реабилитации репрессированных народов» от 16 сентября 1995 года № 948, главной целью которого оставалось «обеспечить права и свободы граждан при осуществлении территориальной реабилитации репрессированных народов».

Если быть точнее, этим указом был объявлен запрет, на какие бы то ни было обещанные ранее меры по изменению территорий, в том числе и территорий проживания ранее репрессированных народов и давались рекомендации государственным органам власти субъектов Российской Федерации «широко использовать возможности местного самоуправления и оказывать поддержку развитию его различных форм с учетом национальных, культурных и иных традиций населения»²⁵. Новый законодательный акт носил исключительно запретительный характер. Разумеется, что такое решение было подчинено установлению в российском обществе мира и гражданского согласия.

Тем не менее инсинуации вокруг вопроса об изменении и дополнении закона «О реабилитации репрессированных народов» в части территориальной реабилитации (статьи 3 и 6) длились продолжительное время, то затухая, то возрождаясь с новой силой, хотя они и не приносили каких-либо результатов. Однако в этой обстановке Правительство Российской Федерации обязано было оценивать складывавшуюся ситуацию и оглашать свои выводы.

Так, 2 декабря 1999 года первый заместитель Председателя Правительства Российской Федерации Н. Аксененко, обращаясь к председателю Комитета Государственной думы Федерального собрания по делам национальностей В. Ю. Зорину, писал: «Вызывает сомнение, что вносимые изменения в Закон РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» (по статьям 3 и 6 закона. – Н. Б.), как предполагается, направленные на снижение межнациональных конфликтов, достигнут указанной цели»²⁶.

Таким образом, решение задачи по-прежнему находится в стадии изучения, разъяснительной работы с репрессированными гражданами, разработки новых законодательных актов по каждому из народов и постепенного сведения этой проблемы к нулю.

-
- ¹ Реабилитация народов России: Сб. документов. М., 2000. С. 75.
- ² Там же.
- ³ Лазарев Б.М. Правовые вопросы реабилитации репрессированных народов // Государство и право. М., 1994, № 12.
- ⁴ Там же.
- ⁵ См.: Лазарев Б.М. Указ. Соч.; Викторин В.М. Калмыцкий этнический ареал в Нижнем Поволжье и проблема реализации Закона РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» // Этничность и власть в полиэтничных государствах. М., 1994; Жамсуев Б. Б. О реабилитации репрессированных народов // Думский вестник № 3. (18). М., 1995; Коцонис А. Н. Правовая база реабилитации депортированных народов // Информационный бюллетень. Миннац России. Федерация и народов России. М., 1997. № 1(11); он же: Реабилитация и законность // Человек и право. М., 1997, Бугай Н.Ф. Реабилитация народов – одно из направлений национальной политики по укреплению федеративных отношений // Российский федерализм: опыт становления и стратегия перспектив. М., 1998; Дизендорф В. 10 лет в «Возрождении». М., 2000; Смирнова Т. Б. Немцы Сибири: этнические процессы. Омск, 2002; Брюхнова Е. А. Российские немцы в государственной политике: историко-политический анализ. Автореф. Диссерт... канд. Политич. наук. М., 2002; Бауэр В. Российские немцы – 60 лет после депортации. Год 2001-й. М., 2003, и др.
- ⁶ В ходе съезда представители федеральных органов власти встретились с руководителями общественного объединения в Кабардино-Балкарии – Национальный совет балкарского народа и с представителями духовенства Балкарии. Руководство объединения балкарцев еще раз подтвердило свою решимость воплощать в жизнь декларацию Съезда балкарского народа о создании Республики Балкария в составе Российской Федерации.
- ⁷ См.: Информационная записка о Чрезвычайном съезде Конфедерации репрессированных народов России на имя заместителя Председателя Правительства Российской Федерации С. М. Шахрая от 24 февраля 1992 года № 01-100 за подписью заместителя председателя Госкомнац России В. Серякова.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Реабилитация народов России. С. 121.
- ¹⁰ Там же. С. 121-122.
- ¹¹ Заключение рабочей группы Северо-Осетинской комиссии Совета Министров РСФСР, создаваемой для подготовки предложений по реализации Закона РСФСР «О реабилитации репрессированных народов», за подписью министра юстиции Северо-Осетинской ССР Г. А. Джигкаева, члена Верховного Совета СССР А. С.Абоева, консультанта Верховного Совета Северо-Осетинской ССР Р. Х. Гутнова. (Архив автора).
- ¹² См.: Реабилитация народов России. С. 133–134.
- ¹³ Письмо Президента Республики Ингушетия Р.Аушева на имя начальника Государствен-

- но-правового управления Администрации Президента российской федерации Р.Г.Орехова от 24 февраля 1994 года. № 85.
- ¹⁴ См.: Постановление Народного собрания–Парламента Республики Ингушетия «О проекте закона Российской Федерации «О дополнениях в Закон РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» от 29 марта 1994 года, № 1Б – НС за подписью председателя Народного собрания–Парламента Республики Ингушетия М. Ю. Келигова.
- ¹⁵ Письмо Парламента Республики Калмыкия–Хальмг-Тангч в адрес Государственно-правового управления Президента Российской Федерации от 14 марта 1994 года № 55.
- ¹⁶ См.: Письмо Президента Республики Северная Осетия А. Галазова и председателя Правительства Республики Северная Осетия Ю. Бирагова на имя Президента Российской Федерации Б.Н.Ельцина, председателя Совета Федерации Федерального собрания В. Ф. Шумейко и председателя Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации И. П. Рыбкина от 13 марта 1994 года № Пр-170.
- ¹⁷ Письмо Президента Республики Адыгея А. Джаримова на имя Р. Г. Орехова – начальника Государственно-правового управления Президента Российской Федерации от 23 марта 1994 года № 141.
- ¹⁸ Письмо В. С. Шахновского на имя Р. Г. Орехова – начальника Государственно-правового управления Президента Российской Федерации от 25 февраля 1994 года № 4-19-2585/и.
- ¹⁹ Письмо в адрес Государственно-правового управления Президента Российской Федерации от 22 марта 1994 года № 408/ 818.
- ²⁰ Письмо В. А. Варнавского в адрес Государственно-правового управления Президента Российской Федерации от 3 марта 1994 года № 6-01/22.
- ²¹ Письмо А. П. Гужвина в адрес Государственно-правового управления Президента Российской Федерации от 28 февраля 1994 года № 01-1-48.
- ²² Письмо Президента Кабардино-Балкарской республики В. М. Кокова на имя Р. Г. Орехова – начальника Государственно-правового управления Президента Российской Федерации от 28 февраля 1994 года № 11-22/104.
- ²³ Письмо администрации Рязанской области в адрес Государственно-правового управления Президента Российской Федерации от 28 февраля 1994 года № 5-1.
- ²⁴ Письмо администрации области в адрес Государственно-правового управления Президента Российской Федерации от 5 марта 1994 года № 5-713.
- ²⁵ Реабилитация народов России. С. 235–236.
- ²⁶ Бугай Н. Ф., Гонов А. М. Северный Кавказ: новые ориентиры национальной политики. (90-е годы XX в.). М., 2003, С. 195–196.

ОБ ЭТНИЧЕСКОМ БУДУЩЕМ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ: СОХРАНИЕНИЕ, ТРАНСФОРМАЦИЯ, АССИМИЛЯЦИЯ?

Э. Р. Барбашина

Постановка проблемы. У этой статьи может быть следующий подзаголовок: «Некоторые вопросы и варианты ответов на них». Его появление обусловлено спецификой современной социальной мысли в целом. Если исток, причина появления философии, гуманитарных знаний в античности объяснялись удивлением, в средневековье – стремлением соответствовать трансцендентному Божественному, то современность внесла существенные изменения в вопросе о появлении гуманитарного знания. Социально-гуманитарная мысль призвана ставить вопросы. При этом абсолютно нормальной является ситуация, когда изначально признается принципиальная открытость вопроса. Признается, что на вопрос не может быть одного единственного правильного ответа.

Сформулированный в заголовке вопрос никоим образом не предполагает, что в статье будет дан один-единственный исчерпывающий правильный ответ. Скорее задача данной статьи в том, чтобы обосновать необходимость сохранения вопроса о будущем российских немцев, и признать, что ответ на него является открытым в современной исследовательской ситуации.

Тема этнического будущего немцев в России относится сегодня к разряду наиболее противоречивых тем по содержанию. Более того, даже степень актуальности этой темы нельзя оценить однозначно. С одной стороны, вопросы по поводу будущего немцев в России как этнического образования звучат в последнее время в самых разных контекстах. Этот вопрос открыто или завуалировано обсуждается на встречах федерального и международного уровней. Об этом беседуют соседи и знакомые в местах сегодняшнего проживания немцев. Все это свидетельствует о том, что актуальность этой темы – будущее российских немцев – артикулируется как в повседневной, так и публичной жизни. С другой стороны, по проблеме этнического будущего немцев в России практически отсутствуют специальные и комплексные исследования, а соответственно, и публикации. Исключения составляют выступления лидеров общественных движений и результаты эпизодических опросов¹.

Совершенно очевидно, что сложившаяся познавательно-исследовательская ситуация в настоящее время не связана с идеологическим табуированием в отличие от недалекого прошлого. Можно попытаться ее объяснить тем, что специалисты по проблемам российских немцев не считают тематику «этнического прогнозирования» в настоящее время актуальной, и поэтому она не включена в круг их интересов. Это означало бы одновременно, что результаты исследований этнического будущего немцев в России по той или иной причине не являются востребованными. Они не нужны ни научному сообществу, ни структурам государственного управления или самоуправления, ни идеологам и активным деятелям немецкого движения. Из такого предположения неизбежно следует вопрос «почему»? Может быть, потому, что гипотетические результаты прогноза могут быть мало «приемлемы» для сегодняшнего дня, они неприлично звучат в современной ситуации?

Представим себе, что результаты исследований приводят к выводу о том, что этническое будущее немцев в России может быть обеспечено только при определенных условиях. Выделим среди этих условий два – компактность проживания и знание родного языка. Не будем забывать, что это всего лишь гипотетическая конструкция ситуации, моделирование на основе существующих реалий. Из такого прогноза следовало бы, что необходимо обеспечить эти условия, или же в обратном случае, признать, что в России у немцев, как специфического этнического образования, будущего нет. Трудно представить, что к столь однозначным, «жестким» выводам готовы даже очень заинтересованные группы и структуры, в том числе и те, кто идентифицирует себя с «немецким этносом» в России.

Для дальнейших рассуждений по поводу будущего российских немцев сформулируем ряд тезисов общеполитического и методологического характера. Их можно рассматривать как своеобразную логику дальнейшего анализа исследуемой проблемы.

Сразу подчеркну, что многие аспекты этнической проблематики специалисты в области исторической, психологической, антропологической этнологии относят к разряду иррациональных, а потому недоступных для обсуждения только с помощью рационально-логических построений. Высказывания о сложности исследования этничности, о ее иррациональной составляющей встречаются не только у специалистов, но и у многих авторов публичных выступлений и дискуссий. Они указывают на «сложности», «тонкости» и «сверхчувствительность» «этнической материи» в целом. Однако признание иррациональной составляющей в этническом не должно слу-

жить основанием для отказа от ориентации на выработку прогностического знания. Вопрос в том, какими методами и способами мы можем прийти к этому виду знания относительно будущего российских немцев. Обратимся для конкретизации методов, способов и полученных результатов к конкретному материалу.

К концу 1990-х годов сложилось несколько устойчивых тенденций в интерпретации этнического настоящего и будущего российских немцев. Содержание крайних позиций раскрывается следующим образом. Согласно первой (пессимистической), в России немцы сегодня уже не являются специфическим этническим образованием: ни общностью, ни этнической группой, ни национальным меньшинством, ни этносом, ни народом. Более «мягкий» вариант этой же позиции касается следствий: в ближайшем будущем о немецком происхождении будет свидетельствовать только звучание фамилии и/или иногда – имени. Согласно другой точке зрения (оптимистической), российские немцы были, есть и останутся народом со специфической историей, культурой, менталитетом и т.д. Даже в условиях дисперсного проживания в настоящее время они в состоянии сохранить и сохраняют свою особенность. Для подтверждения той или иной позиции преобладают ссылки на исторические и эмпирические факты. Сторонники пессимистического прогноза указывают на резкое сокращение немецкого языка в коммуникативных целях, исчезновение многих традиций и обычаев, «размывание» немецких компактных поселений и др. В оптимистически ориентированных дискурсах (в основном политического характера) по теме «будущее немцев в России» широко используется тезис о том, что за всю историю России, СССР ни один этнос не исчез. Что кстати является более чем сомнительным тезисом изначально, поскольку критерии для неисчезновения не указываются. В последнем случае вопрос об актуальности прогноза по поводу будущего российских немцев просто теряет смысл.

Доказательство актуальности прогностических исследований. Для обоснования актуальности и востребованности исследований по этой теме считаю необходимым сформулировать следующее. Представления о будущем имеют огромное значение в мотивации социального и этнического поведения в настоящем. Причем это относится и к индивидам и группам. Представления на уровне обыденного сознания во многом корректируются с позициями лидеров и интеллектуальных авторитетов среди народа. Многие активисты автономистского движения первой волны выехали в Германию, мотивируя свой выбор тем, что убедились в бесперспективности решения задач, изначально поставленных в этом движении. Другой пример.

Участники многочисленных интервью и опросов, проведенных Немецким исследовательским центром при Новосибирском госуниверситете, многократно подчеркивали силу «мобилизующего этнического потенциала», которым обладала для депортированных немцев надежда на возвращение после Второй мировой войны в места прежнего проживания!

Наглядными иллюстрациями о значимости представлений о будущем (правда негативного характера) для поведения в современности являются заявления и даже отдельные фразы политических лидеров и государственных деятелей. Общеизвестен рост миграционных настроений и соответствующего поведения среди значительной части немецкого населения в связи с предложением расселиться немцам на бывшем полигоне. Можно привести и более свежий пример из выступления господина Зорина (первого лица государства по вопросам межнациональных отношений) на встрече с немецкой общественностью в Новосибирске (2003). Его мнение явно прозвучало в ответе на вопрос о восстановлении государственности немцев в России. Ответ был таким: «Я считал, что этот вопрос снят с повестки дня и закрыт уже 2–3 года назад». Суть этого ответа не столько в том, что вопрос считается решенным отрицательно. Здесь необходимо отметить, на мой взгляд, следующее. Специалистами обсуждается необходимость или нецелесообразность, возможность или невозможность позитивного решения этой проблемы и по ней «нет», «да» и не может быть однозначного мнения. Однако «вопрос уже решен», хотя проведенный мною после этой встречи пилотный экспресс-опрос показал, что об «однозначном решении вопроса», тем более на официальном государственном уровне, не знали ни лидеры немецких общественных организаций, ни сотрудники культурно-образовательных учреждений, ни тем более широкие круги общественности. Несложно догадаться о последствиях подобного выступления чиновника столь высокого государственного ранга. ...Ряд иллюстраций можно продолжить, и все они наглядно подтверждают следующее: представления об этническом будущем российских немцев играют большую роль в обосновании и выборе как практических решений государственного масштаба, так и типов группового и индивидуального поведения.

Среди причин, которые определяют сложности самого участия в дискуссиях относительно этнического будущего немцев в России и тем более обоснования их оценок или собственной точки зрения, определяющее значение имеет отсутствие в большинстве случаев всесторонней, а главное – методологической аргументации конкретных прогнозных вариантов. Отсюда следует две возможности. Во-первых, беспредельно множить количест-

во рассматриваемых вариантов, а во-вторых – представлять любой из них как единственно возможный или правильный. «Встреча» и «диалог» таких разных точек зрения сами по себе являются сложной задачей, решение которой требует методологического обеспечения дискуссии. Ее цель не только быть правильно услышанным и адекватно интерпретированным, но и для выработки общей установки на взаимодополнительность.

О дискуссионности методологических подходов. Любое одномерное прогнозирование перспектив развития любого этноса является следствием редукционистского мышления и неизбежно ограничено. Исходный методологический принцип дальнейших рассуждений не требует дополнительных доказательств в силу своей очевидности: одновременно сознательная установка на принципы редукционизма может демонстрировать значительный эвристический потенциал. Один из ведущих специалистов в области истории европейской гуманитарной мысли Н. В. Мотрошилова справедливо отмечает, что все лучшее, сделанное, например, в философии, сделано именно редукционистами³. Строго говоря, сама постановка вопроса об этническом будущем немцев как социальной группы в России должна квалифицироваться как редукционистская, ибо акцентирует исследовательское внимание на одном из параметров этой группы – этничности. Но будущее – всегда есть результат процесса, результат изменения, происходящих в социальном и историческом пространстве. Поэтому, чтобы говорить об этническом будущем, первостепенное значение имеет ответ на вопрос о том, что такое этничность российских немцев, т.е. что необходимо осмыслить в настоящем для обсуждения будущего?

Уже более десяти лет в центре внимания не только специалистов, но и всех, кто связан с этой темой, находится проблема этнической идентичности российских немцев. Она конкретизируется в вопросах о том, «что» составляет специфику этничности и «как» это «что» сохранить. Любой анализ содержания работ и выступлений научного и публицистического жанра показывает, что центральное место в ответах на вопрос «что?» занимают язык и традиции. Относительно проблемы «как?» существует более широкий спектр мнений: компактность проживания, система национального образования, раннее изучение родного языка, деятельность центров немецкой культуры и российско-немецких домов, формирование новой духовности – религии, и т.д.

Авторы многолетних этнографических исследований, высокопрофессиональные специалисты Омска и Поволжья, скрупулезно занимаются сбором материала и анализом этнической самобытности немцев вчера и сегодня.

Однако мне представляется, что ни самоочевидность значения родного языка или традиций, ни современный этнографический материал не являются, при всей их актуальности, достаточным основанием для обсуждения проблем этнического будущего. Вспомним дискуссии относительно немецкого языка как родного: соотношение диалекта и литературного немецкого языка, понятий «родного» и «национального» языков. Еще в начале 90-х годов было широко распространено мнение о необходимости сохранения диалектов, которые рассматривались как абсолютно необходимые атрибуты этничности российских немцев в будущем. Мало кто из лидеров общественных движений был готов признать дискуссионность линейной экстраполяции элементов прошлого, без укорененности в настоящем, в будущее. Более половины участников этносоциологических опросов в Сибири также прогнозировали диалекты как неизменный атрибут этнической идентичности немцев в исторической перспективе. Сегодня оценки этой проблемы уже не столь однозначны. Так, например, обобщенное мнение участников семинара «Диалог поколений» (Новосибирск, 2004 г.) можно представить так: старшее поколение сомневается в возможности сохранить диалекты, а молодое – единогласно считает: будущее за литературным немецким языком.

Один из вариантов методологии прогнозирования. Проблематика этнического будущего связана с будущим конкретных групп, которые являются ничем иным, как социальной, этнокультурной системой. Отсюда существующие подходы анализа этнического будущего немцев в России целесообразно дополнить, на мой взгляд, методологией анализа открытых социальных систем. В этом случае жестко детерминированные варианты жизнедеятельности этнических групп сознательно не рассматриваются. В них речь идет об особом типе функционирования и изменения этнических групп по принципам замкнутой системы. Причины такого способа существования могут быть как внутриэтническими (жизнь религиозных общин немецких колонистов), так и внешними (спецпоселений).

Теперь представим на абстрактном уровне сообщество российских немцев как открытую социальную систему. В этническом измерении этой системы с необходимостью должно быть «ядро». Для его обозначения в научной литературе используются такие термины, как «центральная зона культуры», «традиция». Но независимо от термина, в любом случае это как бы свернутое в виде ценности и верования данного сообщества. Иногда афористично говорят об «официальной религии», которую непременно имеет любое сообщество, даже если его члены или интерпретаторы это отрица-

ют. Любое сообщество всегда находится в инокультурном окружении, в поликультурном пространстве. Для сравнительно малых по численности этнических сообществ функционирование в таком пространстве обусловлено рядом тесно взаимосвязанных факторов. Состояние такого сообщества в конкретный период времени зависит не только от внутриэтнических характеристик, но и от их адаптационного потенциала к среде. Другими словами, надо иметь в распоряжении адаптационные механизмы, которые могли бы «гасить» вызовы внешней среды. Эти механизмы этноса часто называют «озоновым слоем», предохраняющим культуру от облучения, идущего от других социокультурных систем и которое может быть уничтожающим. Эти механизмы не ограничиваются только этнической сферой. Их точнее можно определить как совокупность «социокультурных фильтров»⁵.

Когда складывается ситуация, в которой внешнее воздействие существенно превосходит способности адаптации, то система (в нашем случае этническая группа как социальная система) дестабилизируется: рушатся старые идеалы, ядро теряет свою силу притяжения, способность воспроизводства. Это состояние определяется как кризис. В этом состоянии стратегия «поведения» системы не имеет большого выбора – она должна приспособиться, адаптироваться к новым условиям. Приспособление такое есть процесс, цель и содержание которого составляют выбор какого-то идеала и средств его достижения. В такой ситуации приоритетное значение имеет задачу, с которой мы начали наши рассуждения, а именно – адекватная оценка актуального состояния системы.

Проявление кризиса этнической идентичности немцев. В последние годы будущее немцев в России обсуждается в контексте кризиса их этнической идентичности. Для подтверждения кризиса выстраивается перечислительный ряд утерянных признаков этничности: резкое сокращение знаний и коммуникативных функций родного языка, утеря традиций, размывание этнического самосознания, слабое знание этнической истории и др. Предметом дискуссий выступает в основном роль и место того или иного признака этнической идентичности для будущего, как-то, например, языка. Однако если исходить из предложенной выше методологии, то первостепенное значение для рассуждения о будущем имеет более общий срез рассуждений: понимание кризиса этнической группы как социальной системы.

Будем исходить из того, что кризис – это всегда деструкция, разложение социальной системы. Но одновременно это и движение, в ходе которого начинается перегруппировка не только элементов системы, но и связей, отношений между ними. Соответственно формируется потребность в новых ти-

пах поведения, действия отдельной личности, групп и даже общества в целом. С кризисом связаны и сами возможности новых типов поведения и действия. «Социальное действие состоит как бы из двух частей: с одной стороны, это картина действительности, задающая необходимость новых действий и социальных изменений, с другой – указание и задание (осуществление) самих этих действий»⁶.

В реальном обществе существует большое количество идентификационных подсистем – государственных, экономических, властных, этнических, национальных, конфессиональных и т.д. Это приводит к варьированию критериев и основ самоидентификации любого сообщества, в том числе и этнических. Для людей, как и групп, включенных в большое число идентификационных процессов, в условиях кризиса актуализируется вопрос о приоритетности той или иной идентичности. Следовательно, прогнозирование этнических перспектив немцев в России тесно связано с выявлением места этнической идентификации в многочисленных типах их идентификации в целом.

В социокультурном измерении немцы в России никогда не были гомогенным образованием. Не требуют дополнительных доказательств различия между городскими и сельскими, компактно и дисперсно проживающими, конфессиональными, профессиональными, возрастными и другими группами немецкого населения. Учитывая, что это не является специальной задачей данного исследования, можно ограничиться сравнением двух групп с позиции самоидентификации и ценностных ориентаций в зависимости от ориентации на выезд в Германию.

Наши этносоциологические исследования показали, что в 1990-е годы в структуре актуальных проблем для немцев в Сибири первостепенное значение имели следующие факторы: материальный уровень жизни и безопасность; обеспечение будущего детей и их воспитание; экономическая нестабильность, коррупция, взяточничество фашизма и т.д.

Респонденты, принявшие решение о выезде в Германию, среди причин назвали по степени важности следующие: воссоединение с родственниками (64 %), обеспечение лучшего будущего детям (63 %), надежда на улучшение материального уровня жизни (58 %), экономическая нестабильность в России (54 %). И далее: желание, чтобы дети оставались немцами – 19 %, потеря родного языка – 7%, отсутствие условий для сохранения этнокультуры – 6,4 % из числа опрошенных в 2000–2001 гг. Из приведенных данных совершенно очевидно, что этническая идентичность не занимает приоритетное положение среди других видов идентификаций немцев. Этот же вы-

вод относится к структуре их ценностных ориентаций. Косвенным подтверждением этого вывода можно рассматривать следующие результаты опроса: для успеха в жизни большинство респондентов признавало роль семьи и поддержку родственников (64 %); наличие денег – 37 %, верных друзей – 32 %, упорный труд – 30 %, образование – 25 %. Обратим внимание – «быть немцем» осталось фактически за порогом статистического значения. Отсюда следует, что этническая идентичность не рассматривается среди опрошенных немцев и как социально-экономический ресурс (эти данные прямо противоположны утверждениям коллег из Санкт-Петербурга)⁷.

Можно ли утверждать, что изменение значимости этнической идентификации в иерархии многих идентификаций – достаточное свидетельство ее кризиса? Считаю, что ответ должен быть отрицательным, ибо в условиях общего кризиса общества, динамичного изменения социальной структуры и процессов стратификации, кризис идентичности на индивидуальном и групповом уровнях приобретает тотальный характер. Он характерен не только для российских немцев, и не только в вопросах идентичности.

Отсюда следует важное методологическое предписание. Анализ проблемы будущего немцев в России с позиции настоящего требует выхода за рамки рассмотрения только кризиса их этнической идентичности. Предметом всестороннего изучения должны стать все составляющие кризиса идентичности в целом – антропологическая, социально-политическая, экономическая, культурная, этническая, социально-психологическая и т.д. Как справедливо отмечают специалисты, «идентификационный принцип обладает свойством диахронного (от поколения к поколению) социально-культурного воспроизводства, т.е. в конечном счете, воссоздания базовых ценностей и устойчивых навыков людей, которые предопределены традицией культурного развития, социальными и духовными константами... Когда кризисные явления приобретают радикальный характер, создается реальный механизм деградации культуры... появления лишь временных структур, не способных к воспроизводству, не несущих стабильных социокультурных стереотипов поведения». Характеристики кризиса в процитированном тексте соотносятся с рассмотренными выше функциями «жесткого ядра» в той или иной социальной системе. На основании вышеизложенного в рамках темы исследования сформулирую вопросы, которые определяют анализ будущего российских немцев: что может выступать «жестким ядром» в их современной этнической культуре, воссоздаются ли базовые этнокультурные ценности или же наоборот создается «реальный механизм деградации» этнокультуры, а возникающие структуры имеют временный характер и «не способны к воспроизводству»?

Признаки кризиса «жесткого ядра» немецкой этнической культуры. Результаты исследований элементов этничности российских немцев в 1990-х годах неумолимо показывают, что «бывшее ядро» стремительно размывалось.

1. Языковая ситуация

Родной язык. Если в начале десятилетия даже в национальных районах родным признавали немецкий язык около 90% опрошенных, то в конце (2000/01 гг.) – немногим более половины – 56%. В местах дисперсного проживания этот средний показатель составлял меньше 21, 9%, а среди молодежи всего – 13,6% (Кемеровская область).

Знание немецкого языка. Общеизвестен факт резкого снижения знаний немецкого языка в местах дисперсного проживания. На абсолютное незнание указала почти половина респондентов. Однако знание отдельных слов или фраз, на что указывает каждый второй другой половины опрошенных, еще недостаточное условие для использования языка в общении. В местах дисперсного проживания ни один участник опроса до 30 лет не отметил факта общения дома на немецком языке. Более того: и в национальных районах сегодня также общаются в семьях преимущественно на русском языке с «вкраплениями немецких слов» – около 87%.

Оценка родителями знаний немецкого языка своих детей (предпосылка для осмысления прогностической ситуации): на хорошие знания указывают 19% родителей. Но необходимо учесть, что за этим нередко стоят только «хорошие знания школьной программы».

2. Самоидентификация

- сравнительный анализ результатов десятилетних этносоциологических исследований наглядно показывает на рост разрыва между «паспортными» данными и ответами «считаю себя немцем/кой». В местах дисперсного проживания этот показатель достигает почти 50% (в Кемеровской области к немецкой национальности относят себя среди группы до 35 лет только 45%);
- на вопрос о типичных этнических признаках, которые сохранились у немцев, чаще всего респонденты указывают положительные характеристики: трудолюбие, исполнительность, аккуратность, умение рационально вести хозяйство, пунктуальность и т.п. Представляется интересным для анализа будущего немцев более глубокое исследование мотивации самоидентификации – формы, содержания, механизмов и т.д. Известно, что этнические группы могут при самоидентификации «наделять» себя качествами или признаками, которые им приписываются из-

вне. Подчеркну, что именно указанные выше признаки чаще всего называют представители других этнических групп при указании этнических особенностей российских немцев.

3. Этнические традиции и обычаи

- в течение всех 90-х гг. процент положительных ответов на вопрос о сохранении в семьях участников опросов традиции оставался неизменно высоким;

- но и этот показатель снижался в целом – от 85 % до 69 %;

- чаще всего респонденты указывали на «сохранение отдельных элементов религиозных праздников и элементов национальной кухни».

Особенности функционирования «жесткого ядра» сегодня. В послевоенный период можно зафиксировать динамичное изменение функционального значения разных составляющих этнической идентификации немцев. В период «спецпоселений» первостепенное значение имела по результатам наших экспертных интервью идея общей судьбы депортированных и надежда на возвращение в прежние места проживания.

С середины 80-х годов консолидирующую и конструктивную функцию выполняла, на мой взгляд, идея «воссоздания Республики Поволжья». Положительное решение этого вопроса поддерживалось значительной частью даже тех респондентов, которая связывала свое будущее с отъездом в Германию. Одновременно такую роль выполняла сама ориентация на выезд. В настоящее время сосуществуют несколько факторов, которые перспективно могли бы выполнить функцию «ядра», но их проявление возможно только во временном и процессуальном контекстах.

Механизмы формирования этнической идентичности и адаптации к внешней (инокультурной) среде. Учитывая многоаспектность проблемы, я остановлюсь только на некоторых из них.

Этническая идентичность – это не только язык, культурные традиции, обычаи, историческая память и т.д. Этничность – это еще цели и стратегии, объединение и солидарность этнического большинства в ответ на внешние «вызовы» среды. К сожалению, до настоящего времени ни среди лидеров и активистов немецких общественных движений, ни среди гетерогенного немецкого населения такая «солидарность» отсутствует. По этой проблеме особый интерес представляет, на мой взгляд, анализ истоков углубляющегося несоответствия между установками на такую «солидарность» и действительностью.

Механизм этнической преемственности поколений относится к наиболее действенным механизмам и сохранения, и адаптации, и функций «защитного пояса» этнических групп от, например, ассимиляционного влияния

среды. Общеизвестно, что к настоящему времени этот механизм в рамках семейных отношений российских немцев во многом оказался разрушенным. Активизацию деятельности в реализации этих функций таких институтов, как образование, церковь, общественные организации и др. можно оценить, на мой взгляд, только как возможные предпосылки для восстановления такой преемственности.

Роль самоорганизации в местах проживания сопоставима по значимости с преемственностью поколений. Работая по этой проблеме, я опять же, к сожалению, прихожу к выводу о его кризисе: численность и активность общественных организаций сокращаются, координация региональной, межрегиональной деятельности остается нерешенной и т.д. Можно привести примеры, когда в местах достаточно многочисленного проживания немецкого населения классы или группы углубленного изучения немецкого языка остаются незаполненными. Исключение, безусловно, составляют национальные районы, но анализ их этноиницирующей деятельности я отношу к задачам самостоятельных исследований. Мне могут возразить ссылками на многочисленные тематические семинары, лингвистические площадки, молодежные лагеря и т.д. Но меня это не убедит, ибо за этими мероприятиями, как правило, стоят деньги Германии. Но кто может привести пример сбора молодежи или людей разных поколений за собственный счет, съехавшихся с какими-то этнокультурными целями? Много ли примеров волонтерской деятельности этнокультурного содержания? Такие единичные примеры находятся вне внимания из-за их малоизвестности. Да, есть сеть центров немецкой культуры, Российско-немецких домов и даже национально-культурные автономии в регионах и на федеральном уровне. Но и здесь велика роль фактора материальной помощи, а их деятельность очень различается по эффективности.

Сознательный акцент на критических оценках состояния механизмов этнокультурного развития необходим, на мой взгляд, для того, чтобы, во-первых, более адекватно ставить проблему будущего и перспектив этнического развития российских немцев. Во-вторых – для более объективной оценки созданных сегодня предпосылок и условий для этнокультурного развития немцев в России. В-третьих, это есть способ своевременной актуализации вопроса о проблемах самоорганизации в условиях ограничения или отсутствия материальной поддержки

О перспективных тенденциях. Исходно необходимо отметить, что словосочетания «сохранение этнической культуры», «сохранение этнической идентичности» могут иметь только метафорическое значение. Такая уста-

новка не может выступать ни идеалом, ни основанием консолидации, ни перспективно реализуемой. Ассимиляция как замещение одной идентичности другой, как исчезновение этнической идентичности российских немцев уже сегодня характерна для определенной части немецкого населения. В истории любого малочисленного этноса в наибольшей степени подвержены ассимиляции представители властных структур, часть интеллигенции, преуспевающие предприниматели. Но для вывода об ассимиляции всех немцев в России сегодня тоже нет достаточных оснований. Сегодня речь должна идти о процессах трансформации этничности немцев в России. Только в перспективе, в историческом времени этих процессов будет разрешен вопрос «Быть или не быть?».

Основанием для приведенного вывода выступают общие принципы изменения социальной системы в период кризиса. В периоды кризиса появляются сразу несколько «силовых полей», каждое из которых претендует в качестве идеала на роль этнокультурного ядра в перспективе. Специалисты справедливо считают, что угадать, к какому из этих полей устремится система, очень сложно. Такая система обладает в этот период максимальной свободой выбора будущего идеала. На роль такого идеала может быть востребовано и «старое ядро».

В качестве гипотезы на роль идеалов будущего «этнокультурного ядра» можно рассматривать самые разные феномены и идеи: эмиграция, автономия, национальные районы, историческое прошлое и т.д. Но, наибольший «исторический шанс» имеют, на мой взгляд, установки на роль 1) самоорганизации в местах проживания российских немцев, и 2) институтов сохранения и трансляции этнокультурных ценностей – семья, образовательные структуры, ученые, этнокультурные элиты (лидеры).

Соответственно возникает вопрос о том, что такое самоорганизация? Наибольший интерес, на мой взгляд, представляет форма самоорганизации по типу диаспор или землячеств. Главным принципом в этом случае необходимо признать «абсолютную приоритетность индивидуального членства в коллективном теле диаспоры или землячества» (В. А. Тишков).

На этом пути я вижу две взаимосвязанные и актуальные проблемы для реализации самоорганизации. С одной стороны, необходима готовность конкретных людей, наличие у них установок на индивидуальную сопричастность к самоорганизации и реализация установок в конкретном поведении, в повседневной жизни. С другой стороны, самоорганизация в форме диаспор может использоваться как политический проект. Культура может исчезнуть, а диаспора существовать и использоваться как средство социальных

и политических действий. История знает немало случаев, когда диаспорная интеграция использовалась как политическая мобилизация интересов узкого круга людей. Не случайно исследователи в области исторической и психологической этнологии приходят к выводам, что несмотря на кризис и угрозу исчезновения тех или иных этнических культур, идеологическая этнозлита может быть вечной. О реальной опасности такого варианта для немцев в России свидетельствуют, на мой взгляд, опыт функционирования Федеральной национально-культурной автономии российских немцев и миграция некоторых лидеров общественного движения вслед за расселением немцев вне России.

Вместо заключения. Проблемы этнического будущего немцев в России можно проанализировать в рамках методологии «причина – следствие». Приведу сокращенный вариант такого примера.

Если причинами кризиса этнической идентичности немцев в России признать:

- влияние, следствие межэтнических контактов,
- миграция (депортация, выезд в Германию), урбанизация,
- целенаправленные мероприятия, осуществляемые государством, политическая борьба, культурные конфликты,
- внедрение культурной многоукладности, установление новых норм поведения, не соответствующих традиционным,
- разрыв с привычной культурой и последующая смена ценностных ориентаций, стереотипов поведения и мышления на индивидуальном уровне у большого числа людей,

то к путям преодоления этих причин относятся:

- многочисленное совместное проживание российских немцев,
- возможность новых волн миграции,
- билингвальность (обязательное дву- или более языковая компетентность),
- сохранение в условиях поликультурности традиционных нормативно-ценностных систем,
- индивидуальное соучастие в этнокультурной самоорганизации большого числа людей,
- повышение эффективности этнокультурных функций институтов образования, науки, общественных организаций и др.

Выводы. Установка на сохранение этнической идентичности имеет условный смысл. Выбор этой установки в качестве «этнокультурного ядра» требует постоянной конкретизации ответов на вопрос «что сохранять?». Уже в настоящее время этничность немцев в России претерпела значительные изменения.

Этническое будущее немцев в России – это результат процессов этнокультурной трансформации. Следствием конкретных процессов трансформации могут быть:

- ассимиляция – это полное исчезновение немцев как этнического образования или какой-то его части;
- формирование немецкой идентичности в условиях проживания в Германии;
- становление нового типа этнической идентичности как своеобразный симбиоз элементов традиционных этнокультурных ценностей российских немцев, русской культуры и культуры Германии.

Повторюсь, однозначного ответа на вопрос о том, по какому сценарию будет определяться будущее немцев в России, сегодня не может дать никто. Любая такая претензия имеет идеологическую мотивацию. Исследователи могут только обосновывать степень предпочтительности каких-либо вариантов прогноза и необходимость создания условий для реализации «наиболее предпочтительных». Но так как в этнической идентификации первостепенное значение имеет личностное начало, то окончательный ответ за каждым из тех, кто идентифицирует себя с немцами в России. А среди этой группы самое последнее слово за молодыми поколениями.

¹ См.: Дынгес А., Дынгес Ю. Кто такие российские немцы? Обзор материалов международного Интернет-анкетирования. – Донецк: Апекс, 2004.

² См.: Лурье С. Метаморфозы традиционного сознания. СПб., 1994; Лурье С. В. Историческая этнология. М., 1997; Скворцов Н. Г. Проблема этничности в социальной антропологии. СПб., 1997; Солдатова Г. У. Психология межэтнической напряженности. М., 1998; Шпет Г. Г. Психология социального бытия. Москва–Воронеж, 1998.

³ См.: Беседа Е. Ознобкиной с Н. В. Мотрошиловой // Логос. 2000. № 1. С. 22.

⁴ См.: Монографические публикации и результаты работы этнографических экспедиций под руководством Т. Б. Смирновой.

⁵ См.: Когнитивно-коммуникативные стратегии современного научного познания М., 2004; Сапронов М. В. Синергетический подход в исторических исследованиях // Общественные науки и современность. 2002, № 4.

⁶ См.: Розин В. М. Социально-гуманитарные науки и проблема специфики синергетики как научной дисциплины // Философские науки, 2004. № 2. С. 97.

⁷ Сергеева О.А. Роль этнокультурной и социокультурной маргинальности в трансформации цивилизационных систем // Общественные науки и современность. 2002, № 5.

⁸ Там же. С. 104.

НОВЫЕ НЕМЦЫ НОВОЙ РОССИИ

Т. С. Иларионова

Новая Россия, новые русские, новые немцы...

О какой стране и каких людях идет речь? Так ли уж изменились наша среда обитания и мы сами, что можно говорить о новом государстве, новом человеке?

Несмотря на то, что политические трансформации в СССР начались еще в 1985 году, несмотря на экономические потрясения и конфликты в международных отношениях, правовые основы прежнего времени, власть в старых ее формах сохранялись вплоть до 12 декабря 1993 года – до момента принятия Конституции Российской Федерации. Этот Основной закон открыл для страны действительно новую эру – эру строительства рыночных отношений, демократических институтов, потребовал новых качеств от граждан, таких качеств, какими они не обладали раньше.

Новая Россия – это Россия, начавшая жить по новой Конституции.

Время потребовало от людей бросить свои прежние профессии и обучаться предпринимательству, посреднической деятельности, «челночной» торговле. Менялась массовая психология «советского человека»: еще вчера осуждавшееся материальное благополучие теперь становилось важной целью, ради которой можно было сменить род занятий, прописку, образ жизни.

В России начинает складываться слой инициативных, энергичных людей, видевших смысл жизни в том, чтобы открыть свое дело. Возникают самые разные фирмы, частные компании, банки, корпорации. Власть же делает ставку на формирование крупных собственников. Именно им, этим немногим «олигархам», удается в течение 1993 – 1996 гг. взять за бесценок государственную собственность, приватизировать нефтяные компании, заводы, рудники и шахты.

В советское время карьеру и в экономической сфере, и «по партийной линии» могли сделать люди, получившие техническое или сельскохозяйственное образование. Тогда путь был ограничен только профессиональной средой для тех, кто имел дипломы гуманитарных вузов, кто стал военным.

В начале 1990-х гг. картина коренным образом меняется¹. В политику и государственное управление приходит большое количество тех, кто мог артикулировать массовые интересы, вести открытые дискуссии, свободно об-

суждать острые темы социального развития страны, а не читать по бумажке. Политика СССР и России наполняется людьми из журналистики и науки. Многие депутаты Верховного Совета, а затем депутаты Государственной думы – не технари, а гуманитарии. Наблюдается и еще один важный процесс: начатое реформирование армии привело к широким сокращениям офицерского состава. Эти люди были вынуждены искать и находить новое место в жизни. Многие из них, имевшие опыт руководства армейскими коллективами, стали пробовать себя в государственном аппарате, в бизнесе. Военные стали продвигаться на ключевые гражданские должности, определять развитие страны. Так, губернаторами в самых разных субъектах Российской Федерации стали избираться генералы.

Эта «гремучая смесь» гуманитариев и военных создала особую атмосферу в стране. Может быть, многие конфликты и проблемы, с которыми мы столкнулись на протяжении 1990-х гг., – следствие этой кадровой «революции», прошедшей незаметно, подспудно.

Либерализация экономики впервые в XX веке дала шанс выбиться в люди тем, кто не имел его раньше. Так, в бизнес пришли люди особого жизненного опыта, склада характера, мировоззрения². Как правило, у многих из них были за плечами успешная спортивная карьера, работа в комсомоле, частые смены места жительства, несколько браков. В советское время они вряд ли поднялись бы выше должности инженера на заводе или инструктора в райкоме ВЛКСМ. Новые русские разрушали прежние экономические отношения.

От новых русских новые немцы отличаются не просто национальностью, но и историей жизни, которая связана с национальностью. Важным пунктом этой истории остается депортация, спецпоселение. Показательно, что об этих трагических событиях нынешнее поколение российских немцев – предпринимателей, ученых, общественных и государственных деятелей – совершенно не любит говорить. Ни в одной опубликованной биографии – в сборниках или интернете – нет даже упоминания о том, что сами герои или их родители были депортированы. Так, официально о министре экономического развития и торговли Российской Федерации Германе Грефе сообщается, что он «родился 8 февраля 1964 года в Казахской ССР, куда его родители эвакуировались в 1941 году»³.

Анализ биографий публичных людей немецкой национальности позволяет выделить из них две группы. Одни сформировались в советское время. Другие – более молодые люди, у которых раньше практически не было шансов сделать карьеру.

Жизненный путь первых был определен прошлыми подходами и критериями кадровой политики. Как правило, это специалисты с техническим образованием, только в начале 1990-х гг. пришедшие в политику. Показательно, что эти известные всей стране люди работают в местах компактного проживания российских немцев, но сами являются выходцами из других, по преимуществу русских областей. Речь о губернаторах Росселе и Крессе.

Эдуард Россель родился 8 октября 1937 года в селе Бор Горьковской области. Окончил Свердловский горный институт. Трудовую биографию начал мастером в тресте «Тагилстрой». В строительстве проработал 27 лет, возглавив в конце 1980-х годов «Главсредуралстрой». В 1990 – 1991 годах одновременно занимал должности председателя Свердловского облисполкома и председателя Свердловского областного Совета народных депутатов. 16 октября 1991 года был назначен Президентом Б.Н.Ельциным главой администрации Свердловской области, а 10 ноября 1993 года от этой должности освобожден. Губернатором области он был избран 20 августа 1995 года. 20 сентября 1998 года назначен членом Президиума Правительства Российской Федерации с сохранением поста губернатора. 12 сентября 1999 года повторно избран губернатором Свердловской области. Заслуженный строитель России, Россель имеет много государственных наград, в том числе и те, которые были им получены еще в советское время⁴.

Виктор Кресс родился в 1948 году в Костромской области, в семье российских немцев. Однако вырос и получил среднее образование в поселке Яшкино Кемеровской области, куда, как сообщает официальный сайт Томской области, «в годы сталинских репрессий были сосланы родители». Отец и мать – Мельхиор и Марта Кресс кроме Виктора воспитывали еще пять сыновей и дочь. Виктор был старшим.

«Крессу было не просто поступить в вуз, сработавший пресловутый «пятый пункт», – говорит официальная хроника. – Поступление Виктора в Новосибирский сельхозинститут было воспринято родственниками и земляками-немцами чуть ли не как исключение из всеобщих правил. Это он чувствовал и позднее. Тем не менее карьера Кресса начала складываться довольно рано. В 23 года, после распределения в Томскую область, Кресс стал главным агрономом пригородного совхоза «Корниловский». В 26 его назначили директором совхоза «Родина»⁵.

Новая генерация известных людей из числа российских немцев – это не просто другое поколение, это другой образ жизни, другая биография. Луч-

ше всего это видно на примере Германа Грефа и депутатов Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации Валерия Гартунга и Андрея Кнорра.

Герман Греф, как показывают его персональные данные, легко воспринял изменившуюся ситуацию в стране. Он переходит с места на место, осваивает разные сферы деятельности. Эта адаптивность и мобильность началась со службы в армии с 1982-го по 1984 г. В 1990 г. он окончил юридический факультет Омского государственного университета, после чего некоторое время там преподавал. С 1991-го по март 1992 г. занимал пост юрисконсульта Комитета экономического развития и имущества администрации Петродворцового района Санкт-Петербурга. С марта 1992-го по октябрь 1994 г. – председатель Комитета по управлению имуществом Петродворцовского района Санкт-Петербурга.

В 1994 г. окончил аспирантуру юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. В октябре 1994 г. был назначен заместителем председателя комитета, директором Департамента недвижимого имущества Комитета по управлению государственным имуществом Санкт-Петербурга. 2 сентября 1997 г. был назначен вице-губернатором – председателем Комитета по управлению государственным имуществом Санкт-Петербурга вместо убитого 18 августа 1997 года Михаила Маневича. С сентября 1997 г. – член Совета директоров ОАО «Ленэнерго». В январе 1998 г. был введен в состав Коллегии Министерства государственного имущества Российской Федерации. В 1998 г. он стал членом Совета директоров ОАО «Морской порт Санкт-Петербург», членом Совета директоров ОАО «Петербург – 5-й канал». В августе того же года был назначен первым заместителем министра государственного имущества Российской Федерации.

Одновременно Герман Греф начинает работать в различных экономических организациях, представляет государство в таких компаниях, как ОАО «Связьинвест», ОSAO «Российская государственная страховая компания» («Росгосстрах»), ОАО «Аэрофлот – Российские международные авиалинии», ОАО «Газпром», ОАО АК «Транснефть». В декабре 1999 г. он становится председателем совета Центра стратегических разработок. А 18 мая 2000 г. назначается министром экономического развития и торговли Российской Федерации⁶.

Несколько другим был путь депутата двух созывов Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации из Челябинска Валерия Гартунга. Он начинал на кузнечно-прессовом заводе, откуда в 1988 г.

уволился после конфликта с руководством. Стал пробовать свои силы в кооперативном движении, организовав небольшую артель по выпуску тренажеров. Накопив денег, открыв еще ряд фирм, он возвращается затем на свой завод с предложением взять в аренду один из цехов, к тому времени полностью остановленный. Наладив там технологический процесс, Гартунг вкладывает полученную прибыль в покупку нового оборудования, а затем берет с большим риском банковский кредит и приобретает дорогостоящий пресс, тщательно подбирает коллектив рабочих. И вскоре цех начинает выпускать остродефицитные запасные части для автомобилей, и это дает ощутимый доход.

Сегодня завод – собственность Валерия Гартунга, он владеет акциями еще одного крупного челябинского предприятия, газетой, страховыми, охранными, посредническими фирмами. По-прежнему работает и кооператив, с которого Гартунг начинал свой бизнес. У него примечательное название – «Лидер»⁷.

Другой депутат Государственной думы Андрей Кнорр⁸ представляет Алтайский край. Он родился в 1957 году в селе Михайловка Бурлинского района. Имеет два высших образования. В 1979 году окончил факультет инженеров механизации сельского хозяйства Алтайского сельхозинститута. В 1999 году окончил Российскую академию государственной службы при Президенте Российской Федерации по специальности «Государственное регулирование рыночной экономики».

Занимался бизнесом во многих секторах экономики. С 1990 года – президент туристической фирмы «Спутник – Алтай», которая располагает на берегу реки Катунь собственной базой отдыха. У фирмы есть три газеты: телегид «Спутник телезрителя», имеющий самый большой тираж в г. Барнауле, рекламная газета «Шанс» и региональный вкладыш «Комсомольская правда» на Алтае.

Депутат возглавлял также совет директоров ООО «Арсал», занимающегося переработкой биокорма для креветок и рыбы.

В марте 2000 года Андрей Кнорр победил на выборах в краевой совет народных депутатов и был избран заместителем председателя комитета по экономической политике, промышленности и собственности. А в декабре 2003 года впервые прошел в Государственную думу.

Все три федеральных политика, названных нами, имеют много общего. Все они пришли из сферы экономики, часто меняли свои занятия, восприняли изменившиеся условия в России как важный шанс для осуществления собственных жизненных планов. Как говорится, из глубинки они прорыва-

лись вперед, в Москву. Эти люди родились и выросли в местах депортации. Они тем не менее не чувствуют, будто у них меньше возможностей, чем у всех других, для осуществления своих стратегий.

Показательны биографии и тех, кому удалось сделать успешные карьеры на уровне регионов, прежде всего в местах компактного проживания. Выделяются три сферы, в которых проявили себя российские немцы сегодня: производство и бизнес; наука и образование; законодательные и исполнительные органы власти субъектов Федерации.

Например, Артур Дерфлер⁹. Он родился в 1953 г. в рабочем поселке Машиновое Озеро Михайловского района Алтайского края в семье рабочего. Трудовую деятельность начал в 1972 году на Алтайском тракторном заводе в качестве электромонтера по ремонту электрооборудования после окончания Рубцовского машиностроительного техникума. Без отрыва от производства в 1982 г. успешно окончил Новосибирский электротехнический институт и получил специальность инженера-электрика. С 1977-го по 1984 год Дерфлер А.А. работал мастером службы энергетика, энергетиком цеха, заместителем начальника цеха по технической части.

В 1984 г. назначен начальником кузнечного цеха, а через четыре года - главным инженером производственного объединения, избирается председателем совета трудового коллектива объединения.

В начале 1990 г. коллектив объединения избирает его генеральным директором. Работая генеральным директором, Артур Дерфлер фактически спасает акционерное общество «Алттрак» от разорения. Предприятие работает. В январе 1999 г. Дерфлер был избран генеральным директором Ассоциации «Алтайагромаш».

Другой директор - директор краевого государственного унитарного предприятия «Индустриальный» Владимир Пфаненштиль родился в 1955 г. в с. Разумовка Родинского района Алтайского края¹⁰. В 1974 г. закончил Славгородский сельскохозяйственный техникум, в 1980 г. Алтайский сельскохозяйственный институт по специальности «Агроном», а в 1997 г. - Алтайский государственный университет по специальности «Государственное и муниципальное управление». До назначения директором КГУП «Индустриальный» занимал должности первого заместителя главы администрации Родинского района.

На посту директора КГУП «Индустриальный» Владимир Пфаненштиль способствует внедрению современных технологий круглогодичного выращивания тепличных овощей; организации торговли фасованной продукцией и созданию мини-линий для подработки и переработки овощей. Предприятие налаживает круглогодичное снабжение жителей Алтая и региона

Западной Сибири всеми видами свежих и консервированных овощей.

В автомобильном бизнесе работает Валерий Касплер¹¹. После службы в рядах Советской Армии приехал на Алтай, работал в автоколонне водителем, затем начальником отряда, а позднее заместителем начальника по коммерческой работе. Заочно окончил Алтайский государственный технический университет.

С 1992 года был генеральным директором ОАО «Грузовая автомобильная станция». В 1996 году создал ЗАО компанию «Сибирьавтоцентр», которая является официальным дилером Павловского и Курганского автобусных заводов, Горьковского автомобильного завода, дилером Барнаульского шинного завода.

Под его руководством компания стабильно работает на автомобильном рынке Алтая по продаже автобусов ПАЗ, КАВЗ, автомобилей марки ГАЗ, погрузчиков и тракторов, а также запасных частей к ним, автошин Барнаульского шинного завода. Построен один из крупнейших автосалонов площадью 900 кв.м, станция технического обслуживания, где производится гарантийное и послегарантийное обслуживание автомобилей ГАЗ, ВАЗ, импортных автомобилей, автобусов ПАЗ.

Эти биографии объединяет то, что на уровне края люди сделали карьеру, опираясь на первоначально полученное образование. Они продолжали работать по специальности даже в условиях кардинального изменения экономических условий. Это свидетельствует об отсутствии значительной профессиональной мобильности и, в то же время, о том, что добиваться своих целей люди стремились там, куда их поставила жизнь.

Из ученых, руководителей науки назовем лишь двоих, хотя этот список можно и нужно было бы продолжить.

Так, ректор Томского государственного университета Георгий Майер родился в 1948 г. и окончил физический факультет ТГУ в 1971 г.¹² Он – доктор физико-математических наук, профессор, действительный член Российской академии естественных наук, Международной академии наук высшей школы, член Комиссии РФ по делам ЮНЕСКО. На пост ректора университета он был избран в 1995 г.

Юрий Шмидт – с 2002 г. проректор по научной работе Дальневосточной государственной академии экономики и управления. В 1983 г. окончил Новосибирский государственный университет. В 1989 г. защитил кандидатскую диссертацию и начал в 1993 г. работать в ДВГАЭУ. В 1999 г. защитил докторскую диссертацию.

К новым немцам из числа управленцев уровня субъектов Российской Фе-

дерации относится значительный слой людей. В сибирских и уральских городах есть мэры и главы администраций немецкой национальности, много представителей народа на исполнительских должностях. Для иллюстрации отобраны лишь некоторые биографии.

Например, Николай Эльгерт является начальником главного управления сельского хозяйства администрации Иркутской области¹³. Он родился в 1952 г. в селе Каменные ключи Верх-Пышминского района Свердловской области. А в Иркутске учился, закончил в 1982 г. сельскохозяйственный институт по специальности «Инженер-механик». Затем работал слесарем-ремонтником, фрезеровщиком, слесарем-оператором, бригадиром, главным диспетчером, инструктором, заведующим сельхозотдела горкома партии, директором совхоза, председателем райисполкома, мэром Усольского района.

С февраля 1998 г. — начальник главного управления сельского хозяйства администрации области. Как о нем сообщает сайт администрации Иркутской области, «последовательный «рыночник», с уважением относится к предприимчивым, инициативным людям, умеющим добиваться поставленной цели».

Депутат Алтайского крайсовета, член комитета по социальной политике, глава администрации Крутихинского района Виктор Зиберт¹⁴ родился 6 февраля 1953 г. в с. Новая Заря Тальменского района Алтайского края. В 1975 г. окончил факультет механизации Алтайского сельскохозяйственного института и был направлен в совхоз «Долганский» Крутихинского района, где работал заведующим ремонтной мастерской, заведующим автогаражом, главным инженером.

В 1982 г. был назначен директором совхоза «Путь Ильича» Крутихинского района, в 1992 г. избран генеральным директором ТОО «Московское». С июля 1998 г. Виктор Зиберт – глава администрации Крутихинского района.

Депутат Алтайского крайсовета Владимир Краутер¹⁵ – глава администрации Поспелихинского района. Он и родился в этом районе в 1946 г. в с. Поспелиха. В 1969 г. окончил Алтайский сельскохозяйственный институт. Трудовую деятельность начал главным зоотехником колхоза «Советская Сибирь» Поспелихинского района. В советское время был на партийной работе в должности секретаря парткома колхоза, заведующего отделом сельского хозяйства Поспелихинского райкома КПСС. В 1985 г. возглавил колхоз «Знамя Родины». А во главе района – с 1996 г.

Еще один депутат Алтайского крайсовета Валерий Регер¹⁶ является сопредседателем фракции «Единая Россия – Союз промышленников», член

комитета по промышленности, экономической политике и собственности.

Он родился в 1946 г. в Омской области. В 1969 г. окончил Омский институт инженеров железнодорожного транспорта. Затем работал инженером технического отдела вагонного депо г. Новоалтайска. Служил в рядах Советской Армии. С 1971-го по 1980 г. был старшим мастером, заместителем начальника, главным инженером вагонного депо. С 1980-го по 1986 г. – начальник грузопассажирского депо г. Барнаула. 1986 – 1994 гг. – заместитель начальника Алтайского отделения Западно-Сибирской железной дороги. С 1994-го по 1999 г. – начальник Алтайского отделения Западно-Сибирской железной дороги. В 1999 г. избран председателем территориального комитета профсоюза железнодорожников Алтая.

Этими сферами профессиональная деятельность российских немцев отнюдь не ограничивается. Они вошли в разные общественные страты: в популярной телевизионной «Фабрике звезд» среди участников – несколько начинающих певиц немецкой национальности; среди участников военной операции в Чечне немало бойцов-немцев; среди бандитов, по сводкам МВД, они тоже «значатся». Такая восполненная социальная структура национальной общности говорит только об одном: реабилитация, когда бы перед людьми открытыми были все общественные возможности, на деле уже состоялась.

Этот процесс шел на фоне массового выезда в ФРГ. Мы знаем, с какими надеждами ехали туда люди. Однако ситуация на рынке труда Федеративной Республики не позволила в полной мере этим надеждам осуществиться.

В июле 1999 года армией безработных в очередной раз был взят 4-миллионный рубеж. Сейчас в Германии «4,2 миллиона безработных в среднем за год плюс еще около 200 000»¹⁷. В относительных величинах – это наихудший показатель в Европейском Союзе.

По сравнению с 1950-ми или 1970-ми гг. безработица в ФРГ перестала носить выраженный структурный характер, когда массе требовавшихся мест для дипломированных специалистов противостояла масса незанятых мест для неквалифицированных работников. Сегодня огромна конкуренция во всех сферах общественного производства.

Безработица явилась во многом порождением иммиграционной политики. Иностранцы составляют примерно 7,3 миллиона человек, или 8,9 процента населения страны. Это самый высокий показатель в Европе.

Вот как описывал в 1999 г. журналист Вольфганг Корн жизнь турецкого квартала Кройцберг в современном Берлине: «Эта часть города – на пути к гетто, она превратилась в отстойник не способных к интеграции ино-

странцев... Полицейские жалуются, что турецкая молодежь оказывает им жесткое противодействие: «Здесь наша улица! Здесь маленький Стамбул!»... Почти 30 процентов населения Кройцберга без работы; ... 25 000 из 155 000 проживающих в Кройцберге получают социальную помощь»¹⁹.

Переселившиеся в Германию российские немцы не облегчили, а усугубили ситуацию. Интеграция российских немцев в жизнь Германии, несмотря на продуманность принятых мер, проходит очень трудно. Наверное, ни власти ФРГ, ни сами аусзидлеры не предполагали, что отдельные проблемы вырастут в такие неразрешимые противоречия, устранить которые одними только социальными или экономическими методами будет невозможно. Интеграция, как уже очевидно, потребует положить на свой алтарь жизнь поколений. И только по прошествии времени можно будет утверждать, что немцы из России уже просто немцы, обыкновенные граждане Германии.

За послевоенные десятилетия в СССР российские немцы утратили знания родного языка, традиций и культуры. Несмотря на то, что для их восстановления был применен «правовой стимул»: в соответствии с Законом о преодолении последствий Второй мировой войны вводился экзамен по немецкому языку для переселенцев, в целом владение им остается недостаточным для успешной жизни в ФРГ. В 2002–2003 годах этот вопрос вновь широко обсуждался в обществе, рефреном звучало, что знание переселенцем немецкого должно стать основой при принятии решения, принимать или не принимать его в Германии.

Журнал «Шпигель» выразил общественные споры в своем заголовке: «Без знаний немецкого языка – никакого статуса переселенца»²⁰. Если переселенец приехал и не доказал, что в достаточной степени владеет языком, то на основании суда он может быть лишен всех ему полагающихся пособий.

Федеральный канцлер Г. Шрёдер также потребовал поворота в отношении притока людей с Востока: семьи аусзидлеров либо должны знать немецкий, либо вовсе не приезжать в Германию²¹.

14 августа 2003 года «Немецкая волна» в передаче на русском языке рассказала о молодом ученом Ютте Линднер²². Это более чем показательная беседа, если учесть, что героиня эфира – скорее исключение из правил, чем правило.

«Я приехала в Германию в начале 90-го г. из Москвы, мне было тогда 16 лет, – говорит девушка. – Я сразу поступила на курсы обучения немецкому языку в Бонне, в интернате им. Марии Кёниген. ... Это мне дало очень мно-

го, потому что потом я смогла сразу поступить в гимназию и проблем абсолютно никаких не было».

Ютта добилась своего – получила диплом с отличием. Однако шансов найти в Германии работу, где требуется знание русского языка, пусть даже и с высшим образованием, немного. Перед началом учебы, на консультации для студентов, ее об этом предупредили.

«Но меня это не смутило, потому что если нет работы, нужно что-то делать, приспособливаться к ситуации. И мне очень посчастливилось: как раз, когда я закончила университет, здесь, в университете, освободилось место научного сотрудника и преподавателя... и я, конечно, этот шанс использовала»...

Большинство же наших вчерашних сограждан остается в ФРГ без постоянной работы или без работы вообще. Временной, сезонной работе люди рады как самому большому достоянию.

Среди переселенческой молодежи сохраняется низкий уровень занятости. «Местное население воспринимает нас как чужеродный элемент», – считает Рита Паульс, которая уже более 10 лет живет в Германии:

«Мы, российские немцы, создаем проблемы местным жителям, потому что мы с нашим менталитетом в недостаточной степени являемся европейцами. Например, это выражается в преувеличенном национализме, который в Германии считается политически некорректным. Так, приехав в Германию из России, многие немцы-переселенцы возмущаются тем, что здесь слишком много иностранцев. Мы очень отличаемся от местного населения этим вот неевропейским образом мыслей. В разговорах с моими знакомыми и друзьями мне не раз приходилось слышать, что им гораздо проще найти общий язык с русскими из Москвы или Петербурга, чем с немцем из казахского аула. Впрочем, точно также берлинцу особенно не о чем говорить с крестьянином из Пфальца»²³.

Дети, во имя которых многие и уехали из России, пребывают в кругу таких же переселенцев, что и они сами. Огромным бедствием для наших бывших соотечественников стало распространение наркотиков.

В городах и селах Германии власти организуют с большим или меньшим успехом молодежные центры, чтобы отвлечь подростков от улицы. «Есть много родителей, – рассказывает сотрудница благотворительного общества «Диакони-ферайн-миграсьон» Лариса Йлек, – которых успехи детей не то чтобы не интересуют, просто, они приехали в Германию. Они там свою жизнь закончили. Теперь им надо начинать здесь совершенно заново – с языка, с работы, начинать совершенно по-новому перестраивать свою жизнь. У них трудностей – больше, чем надо. И поэтому у них нет сил еще и следить за развитием ребенка».

Еще два-три года назад криминогенная обстановка из-за переселенцев в городке Пиннеберге в Шлезвиг-Гольштейне была настолько обострена, что вечерами было небезопасно ходить по улицам. Ситуация улучшилась, когда половину хулиганов посадили в тюрьму²⁴.

Иностранцы пытаются злоупотреблять преимуществами социального государства, каким остается ФРГ. После переселения многие вообще не могут или не хотят работать.

Города и общины, по свидетельству журнала «Шпигель», усиливают службы детективов с тем, чтобы вывести на чистую воду тех, кто обманным путем получает социальную помощь, – и экономить на миллионных выплатах. Специальные служащие посещают жилища таких получателей, примерно в четверти случаев их ждет успех: эти люди опираются на помощь супругов, о которых ранее не упоминали ни словом, на средства от не зарегистрированных квартирантов или нелегального заработка.

Как только проверяющий входит в квартиру, его глаза все считывают, как сканер: сколько одежды в шкафу? новые ли эти вещи? Иногда проверяющий в течение одного дня восемь раз навещает одну и ту же квартиру...²⁵

И все же российские немцы говорят: «В любом случае здесь лучше, чем в Казахстане»²⁶.

Каковы же выводы? Российские немцы уехали в Германию в надежде найти там лучшую жизнь. И многим удалось это сделать. Однако значительное количество людей все эти десять лет искало и не смогло найти работу. Произошли необратимые процессы: люди растеряли свою квалификацию, не смогли обрести новую, научиться какому-то нужному делу.

В то же время в России поразительным образом менялись социальные условия для человека: чем больше евреев и немцев уезжало из нашей страны, тем больше отдельных их представителей выбивалось именно в России в люди – они занимали ведущие должности в государственном аппарате, в бизнесе.

Показательно то, что, например, российских немцев в числе первых руководителей государства и бизнеса, науки и культуры совсем нет в Казахстане, их практически нет в Германии.

Они есть только в России.

И это свидетельствует о том, что несмотря на все трудности, через которые прошла наша страна в течение 90-х гг., мы добились важных результатов: мы построили демократию, мы установили такие национальные отношения, где есть шанс для каждого.

9 октября 2003 г. «Немецкая волна» подробно рассказала об инициативе губернатора Свердловской области Эдуарда Росселя, который еще в конце 2002 г. через издающуюся в Берлине газету «Русская Германия» пригласил всех желающих русских немцев вернуться в Россию, чтобы жить и работать в Свердловской области.

Радиостанция привела слова губернатора: «Свердловская область – это огромная строительная площадка, на которой можно реализовать самые разные проекты. Сейчас мы имеем гораздо большие возможности, чем мы имели в период СССР. У нас огромнейшие металлургические предприятия, они производят достаточно качественное сырье, но вся задача в том, чтобы из этого сырья начать что-то делать. Мы производим алюминий, но большая часть алюминия отправляется на Запад, для того, чтобы из этого алюминия произвести там продукцию более высокого передела. Почему бы это не организовать здесь? Кроме того, у нас есть большое количество свободных площадей. Земля сейчас передается в частное пользование по законодательству РФ, и никто не мешает организовывать целые деревни и хозяйства. И как не странно, при всех сложностях в сельском хозяйстве, у нас в области насчитываются уже тысячи сельских хозяйств, и многие из них вполне прибыльны. Поэтому мы хотели, чтобы люди, которые хотят что-то создать новое, были здесь. Вот к таким людям мы, конечно, с открытым сердцем»²⁷.

В этих словах – изрядная доля популизма. Их можно было бы не принимать всерьез, если бы они прозвучали из уст какого-то другого человека. А Россель знает, что говорит. Ведь он – один из тех, чей пример многому учит.

Из новых немцев новой России...

¹ Судить об этой мы можем благодаря анализу биографического справочника «Кто есть кто в России и ближнем зарубежье», вышедшем в Москве в 1993 году.

² См., например: Довгань В.В. Как я стал Довганем. М.: Издат. дом «Довгань», 1997; Беляева Л. Загадка миллиардера Брынцалова. М.: Олимп; ООО «Изд-во АСТ-ЛТД», 1997.

³ См.: <http://www.100mb.ru/~grankin/dosye/ru&bio307.htm>

⁴ См.: <http://www.rossel.ru/Rus/Bio.htm>

⁵ См.: <http://kress.tomsk.net/bio.htm>

⁶ См.: <http://www.100mb.ru/~grankin/dosye/ru&bio307.htm>

⁷ См.: Иларионова Т. Россию возродит промышленность // Московская немецкая газета. 1998. .№ 7. Декабрь. С. XII.

⁸ См.: <http://www.westsib.net/whoiswho/whoiswho.php3?region=alt&lang=ru&id=78>

⁹ См.: <http://www.westsib.net/whoiswho/whoiswho.php3?region=alt&lang=ru&id=10>

¹⁰ См.: <http://www.westsib.net/whoiswho/whoiswho.php3?region=alt&lang=ru&id=18>

¹¹ См.: <http://www.westsib.net/whoiswho/whoiswho.php3?region=alt&lang=ru&id=75>

¹² См.: <http://www.tsu.ru:8000/ru/admin/admin1.phtml>

¹³ См.: <http://whoiswho.irkutsk.ru/1/12.html>

¹⁴ См.: <http://www.altairegion.ru/main.php?id=1083>

¹⁵ См.: <http://www.altairegion.ru/main.php?id=1106>

¹⁶ См.: <http://www.altairegion.ru/main.php?id=1124>

¹⁷ Hammerstein, Konstantin von; Fleischhauer, Jan; Sauga, Michael; Schaefer, Ulrich. Das Jahr der Risiken//Der Spiegel.- Nr. 1. 30.12.2002. S. 29.

¹⁸ См.: Там же.

¹⁹ Korn, Wolfgang. Märchen aus Klein-Istanbul//Rheinischer Merkur.– 1999.– 6. August.– S. 32.

²⁰ См.: <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/0,1518,229049,00.html>

²¹ <http://www.spiegel.de/spiegel/0,1518,114383,00.html>

²² http://www.dw-world.de/russian/0,3367,3272_A_948989_1_A,00.html

²³ http://www.dw-world.de/russian/0,3367,3272_A_886466_1_A,00.html

²⁴ См.: http://www.dw-world.de/russian/0,3367,3272_A_886466_1_A,00.html

²⁵ См.: Schmid, Caroline. Lächeln und Lügen//Der Spiegel. 2003. Nr. 15. S. 72.

²⁶ <http://www.spiegel.de/spiegel/0,1518,12108,00.html>

²⁷ См.: http://www.dw-world.de/russian/0,3367,3272_A_995153_1_A,00.html

3.

КУЛЬТУРА,
КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В УСЛОВИЯХ СУЩЕСТВОВАНИЯ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С КУЛЬТУРОЙ ТИТУЛЬНОЙ НАЦИИ

Э. Г. Плесская

История культуры немецкого меньшинства в России – это борьба против насильственной ассимиляции за сохранение родного языка и национальной самобытности на различных исторических этапах. Взаимоотношения с культурой титульной нации были сложными. Сложности создавались колонизационной политикой, существенными различиями между ценностями западного и восточного христианства, нарушением гарантий сохранения национальной самобытности, зависимостью национальной политики от взаимоотношений России и Германии.

Исследуя проблемы сохранения и развития немецкой культуры в Российской империи и СССР, необходимо иметь ввиду, что в восприятии русских и украинских современников (общественных деятелей, писателей) она прежде всего рассматривалась как часть западной, затем уже в ней исследовались отдельные традиционные национальные характеристики. Практически не исследованным остался вопрос о формировании этнической культуры российских немцев, которая имела свои отличительные особенности. Наиболее распространенным аспектом исследования взаимоотношений российской и немецкой культур на территории Российской империи является аспект противостояния между западной и восточной культурами.

Колонизация юго-западных территорий России преследовала экономические цели. Бессрочные привилегии колонисты получили в обмен на обязательство хозяйственного освоения вновь присоединенных земель. Существовала и культурная цель, связанная с экономической, – распространение более совершенных способов ведения хозяйства среди коренного населения¹.

Как представляется, колонизационная политика России, правовые нормы, характер даруемых привилегий изначально препятствовали достижению второй, культурной цели. На начальном этапе правительство способствовало сохранению обособленности немецких поселений. Об этом говорит земельное устройство, регламентированное законом от 19 марта 1764 г.,

составленным для поволжских и применявшимся ко всем водворенным впоследствии колонистам². Русские законодатели разработали для иностранных колонистов компромиссную систему землепользования и землевладения, в которой сочетались две противоположные системы: общинная, традиционная для России, и личная, традиционная для Европы.

Системе землеустройства соответствовало право наследования. В отличие от существовавшего в России наследственного права, юридическим основанием которого была воля завещателя, в немецких колониях земля наследовалась независимо от его воли и переходила в единоличное пользование или одному из прямых наследников, которого общество признавало способным к успешному хозяйствованию, или не имеющему хозяйства члену общины на тех же условиях.

«Инструкция для внутреннего распорядка и управления», в разработке которой принимали участие как сами колонисты, так и колониальное управление³, регулировала общественное устройство, основой которого было самоуправление. Самоуправление в сочетании с системой землевладения и землепользования, наследственного права способствовали формированию характерной для колонистов культурной ценности – стремлению к эффективному хозяйствованию, что позволяло сохранять за собой или получить по мирскому приговору сельской общины двор-хозяйство. Данные правовые нормы явились основой развития хозяйственной культуры колонистов, и не способствовали достижению одной из целей колонизации – ее распространению среди коренного населения, находившегося совсем в других социально-экономических условиях.

Разноречивы данные о влиянии на местное население хозяйственной культуры меннонитов и немецких колонистов. Наиболее резкое высказывание, относящееся к концу 60-х гг. XIX века, т.е. к пореформенному периоду, принадлежит И.У. Палимпсестову, профессору сельского хозяйства Рижского лицея и Новороссийского университета, секретарю Общества сельского хозяйства Южной России и редактору «Записок...» общества. В одной из своих статей, посвященных состоянию сельского хозяйства Юга России, он говорит, что поселение немецких колонистов с целью ознакомления местного населения с лучшими методами хозяйствования русскому народу никакой пользы не принесло. Новороссийские крестьяне не захотели учиться новым методам хозяйствования и получают с превосходных полей урожай вдвое меньше, чем колонисты⁴. Под новыми методами И. У. Палимпсестов имел ввиду прежде всего использование усовершенствованных, а не примитивных земледельческих орудий⁵.

Точку зрения И. У. Палимпсестова поддержал несколькими десятилетиями позднее профессор А. А. Браунер, который считал, что немцы-земледельцы ранее других групп населения удешевили полевые работы, применив новые земледельческие машины простой конструкции, что позволило быстро перейти в пореформенной России от экстенсивной к интенсивной обработке земли⁶.

Имеется ли объяснение тому, что российские крестьяне не заимствовали методы хозяйствования колонистов, в частности, продолжали использовать примитивные земледельческие орудия и машины. И. Палимпсестов предлагает в качестве объяснения особенности крестьянского менталитета: «... простой наш народ... погружен в невежество... и имеет самые ограниченные потребности жизни»⁷. А. П. Чехов считал склонность к нищенству и попрошайничеству, которые воспитывались веками, характерной для всех слоев русского общества⁸. В. Дедлов в качестве причины называет различия между российской и западно-европейской культурами. Немецких земледельцев он называет «отборными элементами простонародья», которых «работала... западно-европейская многовековая культурная история»⁹.

О неприятии российскими и малороссийскими крестьянами европейской крестьянской культуры (земледельческой и бытовой) пишет известный русский писатель Н. С. Лесков в сатирическом очерке «Загон» (1893), в котором рассказывает об их нежелании отказаться от архаичных деревянных сох и борон (Н. С. Лесков называет их «Гостомысловыми ковырялками») и использовать легкие пароконные плужки Смайля и об отказе выселиться из дымных, тесных, покрытых копотью деревянных изб в кирпичные, с печами, трубами и полами, под высокими черепичными крышами дома, выстроенными для них чудаковатым помещиком Всеволожским¹⁰. Писатель видит более глубокую причину такого неприятия – оно поддерживалось российским дворянством, которое опасалось влияния западно-европейской культуры.

Российские крестьяне сопротивлялись не только новым методам хозяйствования, но и сельскохозяйственным культурам, пришедшим с Запада. Хозяйственные ведомости колонистов Одесского водворения за 1814 г. говорят о разведении новой для России культуры – картофеля¹¹. Российские крестьяне отказывались его выращивать, по крайней мере, до начала 40-х гг. XIX в., о чем свидетельствует Указ Правительствующего сената «О мерах наказания казенных крестьян за непослушание при разведении картофеля» (19 авг. 1841). Наказания предусматривались суровые – рекрутская служба или крепостные работы¹².

Распространению культуры немецких поселенцев препятствовали не только различные ценности западного и восточного христианства, но и социально-экономические условия пореформенной России. Э. Августинович высказывает убеждение, что при личном наделе в 4 десятины на Юге Украины местным крестьянам было просто невозможно вести культурное хозяйство. Если иметь ввиду подушное наделение землей и, как следствие, постоянные переделы, очевидно отсутствие стимула к его ведению.

В качестве гипотезы можно назвать следующие причины слабого распространения среди местного населения хозяйственной культуры немецких колонистов:

- 1) различные социально-экономические условия;
- 2) различные культурные ценности, сформированные восточным и западным христианством.

Хозяйственные успехи, повышение уровня доходов, увеличение размеров землевладения немецких колонистов в пореформенный период явились причиной распространения антинемецких общественных настроений в российском обществе и возникновения конфликта на национально-культурной основе. Российских граждан немецкой национальности стали обвинять в обособленности и отчужденности от русского общества, в том, что, прожив в России почти столетие, они остались по духу, воззрениям, нравам, обычаям и языку теми же германцами, какими явились в Россию, что они не стремятся к духовному единению с русским народом¹⁴.

Русский экономист А. Исаев в своих заметках о немецких колониях в России (1894) говорит об экономической причине конфликта, который провоцировался эгоистическими интересами южно-русских помещиков, опасавшихся конкуренции со стороны немецких землевладельцев¹⁵. Для устранения слабого конкурента нет необходимости организовывать кампанию на общегосударственном уровне. Она необходима в борьбе против сильных конкурентов и более совершенной культуры хозяйствования.

Итак, целый комплекс факторов препятствовал распространению хозяйственной культуры колонистов. Различия в хозяйственной культуре привели не к усвоению более эффективной, а к национально-культурному конфликту, спровоцированному российским дворянством. Его трагической развязкой стала Первая мировая война и принятие «ликвидационных законов».

Говоря о хозяйственной культуре, нельзя обойти молчанием факты признания российскими крестьянами преимуществ ведения хозяйства немецкими землевладельцами. Обследование колоний во время этнографиче-

ской экспедиции по бывшему Одесскому уезду и Бессарабии (2001–2003 гг.) показало, что наемные рабочие (украинцы и болгары) предпочитали наемиться к немецким землевладельцам, чему способствовал ряд культурных факторов:

- 1) уважение к труду – при жестком отборе рабочей силы немецкие землевладельцы оплачивали наемный труд выше, чем другие этнические группы (румыны, русские, болгары); наемные рабочие стремились закрепиться в немецких селах и строили себе там дома – в колониях появились улицы, где жили наемные рабочие;
- 2) немецкие хозяева и наемные рабочие были равноправными субъектами хозяйственной деятельности – они работали и питались вместе;
- 3) уважение к личности и другой культуре – немецкие хозяева с уважением относились к культурным традициям рабочих; в бывшей колонии Ландау был выстроен для них православный храм.

Особенности менталитета сохранялись в советское время. Организация колхозного труда была более рациональна¹⁶. Немецкие колхозы были крепче, колхозники – богаче. Советские праздники жители соседних украинских сел предпочитали праздновать в немецких селах, в которых были чисто выметены улицы, на всех домах вывешены красные флаги, играли местные духовые оркестры. Обращает на себя внимание модель поведения – пойти туда, где лучше, а не сделать так же хорошо у себя.

Таким образом, в иных социально-экономических условиях, равных с местным населением, немецкая этническая культура имела привлекательные черты в глазах иноэтнического населения, однако не оказала на него существенного влияния.

Вышесказанное помогает уяснить положение, в котором оказались немцы перед требованием российской общественности духовного единения с русским народом, т.е. требованием культурной ассимиляции.

Первоначальные права и привилегии переселенцев говорят об отсутствии цели их этнической и культурной ассимиляции¹⁷, возможно, из-за несхожести культур и неприятия немецкой в частности. Вспомним высказывание А. Дедлова, высоко оценившего культуру немецкого простонародья как носителя западной культуры. Однако, при этом он заметил, что «немец может быть для нас, русских, антипатичен, может быть опасен, пожалуй, страшен».¹⁸

Не удалось обнаружить столь же прямолинейных высказываний, которые бы так же откровенно характеризовали отношение немецкого населения к окружающей их иноэтнической культуре. Убедительнее слов их настойчи-

вое стремление к сохранению обособленности при самых неблагоприятных обстоятельствах. Необходимо учитывать и тот факт, что немцы, будучи национальным меньшинством в России, осознавали свою принадлежность к этносу, оказавшему огромное влияние на мировую культуру.

Интерес в качестве культурной проблемы представляет языковой аспект. Введение в программы колониетских школ русского языка было вынужденным. Колонисты осознавали необходимость его изучения, однако не хотели допустить в школу постоянного учителя русского происхождения¹⁹. Сформировалась идея подготовки учителей русского языка из колониетской среды в специальных училищах, получивших название центральных. Реформирование национальных школ после передачи в ведение МНП (1881), требование перехода преподавания на русский язык, назначение в немецкие школы учителей русского или украинского происхождения привели к конфликтам национально-культурного характера между учебным начальством и русскими учителями, с одной стороны, и населением, пасторами, учениками – с другой²⁰. Конфликты зачастую провоцировались чиновниками учебного ведомства, разделявшими антинемецкие общественные настроения и требовавшими от немцев «сближения с русской жизнью»²¹.

Отношение к подобному требованию выразил пастор евангелическо-лютеранского прихода в с. Грунау Ф. И. Клюдт, высказав убеждение, что от такого сближения «немцы сделаются хуже», что немецкий язык является их религиозной и нравственной охраной²².

Радикальная русификаторская политика Александра III имела целью создать благоприятные условия для насильственной ассимиляции инородческих культур с русской. Он начал реформы с передачи колониетских школ в ведение МНП, т. е. нанес удар по главному хранилищу любой национальной культуры – делу воспитания и образования. Итогом реформы должно было стать уравнение всех национальных с русской сельской школой. Наряду с языковой, возникла еще одна проблема культурного характера: побывавшие в сельских немецких школах чиновники учебного ведомства обнаруживают в них более широкие программы, включающие элементарные знания по истории, географии, естествознанию, и традиционное совместное обучение мальчиков и девочек. Это означало, что проводимая реформа приведет не к повышению, а к понижению уровня знаний в сельских школах²³.

Разрушение школы как важнейшей составляющей немецкой этнической культуры было довершено в советский период. Определяющую роль сыграл декрет об отделении школы от церкви, окончательно разрушивший ду-

ховную связь церкви, школы и общества. Возвращение родного языка нельзя рассматривать в качестве признака возрождения культуры. Он использовался для достижения политических, социальных и экономических целей новой власти.

Проблематичными выглядят требования «сближения» с русской жизнью при исследовании некоторых аспектов бытовой культуры. Напомним, И.Палимпсестов писал о невежестве и чрезвычайно низком уровне материальных претензий российского крестьянства в 60-е гг. Земский санитарный врач Караманенко после обследования населенных пунктов Одесского уезда в целях предупреждения эпидемии холеры в 1892 г., делает вывод, что экономическое положение и «нравственный быт народной массы» не соответствуют самым скромным требованиям.²⁴ Он использует гораздо более резкое высказывание – по его словам, в образе жизни и обстановке русского крестьянина, за редким исключением, сказывается материальное и нравственное убожество²⁵. Он противопоставляет быт русского и немецкого крестьянства, отмечая грязные дворы, отсутствие в них растительных насаждений и отхожих мест, тесные жилища, растительную пищу, не убранных палых животных во дворах русского крестьянина и просторные светлые дома, опрятные дворы с растительностью, огородами, виноградниками и древесными насаждениями; отхожими местами в немецких колониях. Обращает внимание на удовлетворительную пищу у немцев – горячую даже во время полевых работ²⁶, отношение к врачам – недоверчивое, грубое, резкое, неприветливое со стороны русского населения, доброжелательное и осмысленное со стороны немецкого. В этом Караманенко видит причину широкого распространения эпидемий в русских селениях и единичные случаи заболевания в немецких.

После установления советской власти, в изменившихся социально-экономических условиях, пропагандистская национальная политика способствовала не возрождению национальных культур, а поддержанию национальной идентичности. До начала 1930-х гг. еще можно говорить о сохранении традиционной культуры: языка и религиозности, как важнейших ее элементов. Воскресные богослужения продолжало посещать все население, за исключением больных. Сохранились многие характеристики бытовой культуры: чистота в селах, доверие к больнице и амбулатории, отсутствие самогонварения, повального пьянства, редкие случаи хулиганства, чистота в просторных и удобно меблированных домах с божественными картинами на стенах, развитая музыкальная культура²⁷.

Начиная с конца 1930-х гг., в результате репрессий, началась деградация

традиционной культуры. Запреты на деятельность национально-культурных и религиозных институтов явились причиной разрушения традиционного уклада жизни. Неизбежным становилось более тесное взаимодействие немцев с иноэтническими группами населения, что ослабило позиции немецкого языка в сфере общения. Степень владения немецким языком значительно снизилась. В послевоенный период сокращалось количество немцев, считающих немецкий язык родным²⁸. Утрата в значительной степени национального языка и культуры привела к тому, что часть немцев, сохранивших этническое самосознание, оказалась без Родины и без национальности. Большая советская энциклопедия не упоминает немцев в качестве национального меньшинства, проживающего в СССР.

¹ См.: Шадт А. Правовой статус немецких колонистов в России XVIII–XIX вв. (состояние вопроса и постановка проблемы) // Немцы России: социально-экономическое и духовное развитие 1871–1941 гг.: Материалы 8-й международной научной конференции. М.: ЗАО «МДЦ Холдинг», 2002. С.22–23.

² См.: Дитц Я. Е. История поволжских немцев-колонистов. М.: Готика, 1997 С. 218.

³ См.: Попечительный комитет об иностранных поселенцах южного края России 1799–1876. Т.2: Аннотированная опись дел 1819–1826 гг./ ред. О.В. Коновалова. Одесса, 1999. С. 15.

⁴ См.: Палимпсестов И.У. Обозрение различных отраслей сельского хозяйства Юга России // Сборник статей о сельском хозяйстве Юга России / Сост. И. Палимпсестов.–Одесса, 1885. С. 63.

⁵ См.: Палимпсестов И. Мои воспоминания. СПб., 1879. С. 63.

⁶ См.: Браунер А.А. Животноводство. История животноводства в степной Украине. История одомашнения, виды и породы. Обследование животноводства: Лекции, читанные в Одес. сельскохоз. Ин-те. Одесса, 1922. С. 24–25.

⁷ Палимпсестов И. У. Указ. соч. С.52–53.

⁸ См.: Чехов А.П. Наше нищенство // Собр. соч. в 12 т.Т. 10. М., 1963. С. 411.

⁹ Шушляникова Н.В. Колонизация Юга Украины на страницах путевых записок XVIII–XIX веков // Вопросы германской истории: Германия и мир: проблемы межэтнических контактов и государственных взаимоотношений. В 2-х томах. Т.1: История. Дніпропетровск, 1998. С.15.

¹⁰ См.: Лесков Н.С. Повести и рассказы. Киев : Дніпро, 1986. С.188–195.

¹¹ См.: Государственный архив Одесской области (далее ГАОО). Ф. 6. Оп. 1. Д. 902. Л. 76.

¹² См.: Там же. Д. 538.

- ¹³ См.: Шевчук Н.А. Землевладение причерноморских немцев в Одесском уезде (вторая пол. XIX в. – 1917 г. // Немцы в России в контексте отечеств. истории: общие проблемы и региональн. особенности: Материалы межд. науч. конф. М., 1999. С.52–59.
- ¹⁴ См.: ГАОО. Ф. 42. Оп. 35. Д. 711. Л. 48–59.
- ¹⁵ См.: Шевчук Н. А. Немцы на Юге Украины (конец XVII–1917 г.) // Причерноморские немцы. Их вклад в развитие г. Одессы и региона, 1803–1917: Библиографический указатель / Сост. В.В. Самодурова. Одесса:Астропринт, 1999. С.28.
- ¹⁶ Напр., по данным этнографической экспедиции 2001–2003 гг., проведенной Одесским историко-краеведческим музеем, колхозники-немцы выходили на полевые работы рано утром, затем делали большой перерыв днем, в жаркое время, и возвращались вечером, когда жара спадала. Их соседи, украинские колхозники, выходили на работы поздним утром и наступавшая жара снижала производительность труда.
- ¹⁷ См.: Шадт А.Указ. соч. С. 23.
- ¹⁸ Шушлянникова Н. В. Указ. соч. С.15.
- ¹⁹ См.: ГАОО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 5178.
- ²⁰ См.: Там же. Ф. 42. Оп. 35. Д. 919. Л. 7–7 об., 29; 13–14об, 28, 15–15об., 27–27 об.; Д. 900.; Д. 2763. Л. 16–22 об.
- ²¹ Там же. Ф. 42. Оп. 35. Д. 900. Л. 3об.
- ²² См.: Там же. Л. 3 об., 15.
- ²³ См.: Там же. Д. 761. Л. 14, 46–46 об.
- ²⁴ См.: Медицинский и санитарный отчет по Одесскому уезду за 1892 г. земского санитарного врача Караманенко. Одесса, 1893. – С. 50.
- ²⁵ См.: Там же. С. 40.
- ²⁶ См.: Там же. С. 39–40.
- ²⁷ См.: Там же. Л. 38.
- ²⁸ См.: Кайгер В.И. Измерение деформации этносознания под воздействием массовых репрессий (по материалам этнопсихологического тестирования немцев-переселенцев Одесской области // Немцы Приазовья и Причерноморья. Донецк, 2003. С. 154–160.

КОЛОНИСТЫ-НЕМЦЫ И ИХ СОСЕДИ: ХАРАКТЕР И РЕЗУЛЬТАТЫ РЕЛИГИОЗНЫХ КОНТАКТОВ (КОНЕЦ XVIII в. – 1917 г.)

О.В. Безносова

Изначально, при поселении в Российской империи, колонисты были поставлены российским законодательством в довольно жесткие условия относительно религиозной жизни: хотя им предоставили гарантии определенной внутренней автономии в религиозной жизни, но при этом категорически были запрещены религиозная пропаганда окружающего населения, устройство школ для священнослужителей и миссионеров. Построение же церковных зданий дозволялось только после согласования с местным православным духовенством. Таким образом обеспечивалась закрепленная в законах империи гегемония восточной православной кефалической (Русской Православной) церкви, находящейся в свою очередь под административным контролем государства¹. Так как предполагалось, что колонисты будут проживать в изолированных от православного населения компактных поселениях, то особых возражений в целом эти условия не встречали. Однако запрещение устраивать школы для священнослужителей все же вызывало недовольство колонистов, ощущавших острую нехватку подготовленных церковнослужителей на местах. Выполнение этих условий привело к определенной духовной изоляции колонистов от окружающего населения и создало легенду об их замкнутом, особенно в духовно-церковном отношении, образе жизни, которая надолго привилась в историографии и была всячески поддерживаема колонистскими историками.

Однако, уже в 1890–1900-е гг., в начальный период «антигерманских кампаний», вначале православное духовенство, а за ним светские лица и пресса начали говорить об «онемечивании русского населения» путем распространения немецких сект (штунды, баптизма, евангелизма, адвентизма). В качестве доказательств они ссылались на аналогичные религиозные группы среди немецкого населения, факты сотрудничества немецких и «русских» баптистов, евангельских христиан и адвентистов. Также ими использовались данные переписи 1897 г., согласно которой 647 человек обо его пола назвали своим родным языком «русский», а вероисповедание – меннонитское, и 7 868 – соответственно, были баптистского исповедания². Опираясь данными фактами, российские германофобы стали требовать

урезания вероисповедных прав всех немецких конфессий для ограждения от их влияния русского населения³.

Переход в «германское исповедание» представителей других этнических и конфессиональных групп происходило во время общения немецкого населения с окружающими их этносами. До второй половины XIX в. основная часть сельского немецкоязычного населения империи проживала в довольно обособленных от окружающего населения поселениях-колониях. Поэтому какие-либо контакты колонистов-немцев, особенно религиозно-церковного характера с представителями иных конфессиональных и этнических групп были явлениями, скорее, экстраординарного, чем обыденного характера. О фактах же прямого религиозного влияния колонистов-немцев и меннонитов на остальное население империи можно говорить лишь начиная со второй половины XIX в., когда начались интенсивные миграционные процессы, изменившие не только традиционную этническую географию, но и в значительной степени нарушившие традиционную этническую изоляцию немецких колоний. В тот же период среди колонистов-немцев появились последователи евангельского протестантизма (баптисты, братские меннониты, адвентисты и др.), которые основной формой исполнения своего христианского долга считали миссионерскую деятельность. Вместе с тем, анализ характера религиозных контактов колонистов с окружающим населением показывает, что они имели различные формы и интенсивность у представителей отдельных «немецких» конфессий. Кроме того, эти контакты имели о «обратную связь» – влияние окружения на колонистов, выразившуюся главным образом в: 1) заимствованиях колонистами от своих соседей элементов религиозной культуры; 2) попытках православного духовенства вести собственную миссионерскую деятельность среди немецкого населения и 3) прямом вмешательстве гражданских властей империи в все уровни в религиозные дела «немецких конфессий».

Наименьшую степень влияния на православное население имели немецкие католики. Скованные суровой церковной дисциплиной в условиях противостояния Православной и Католической церквей в России, они наиболее ревностно сохраняли свою изолированность от представителей других существующих в России церквей. К тому же, склонность к миссионерской деятельности у немецких католиков была низкой⁴. С другой же стороны, православное население видело в католиках представителей такой же, как и православной, церковной организации, имеющих примерно одинаковый с ними образ жизни. Так, Ф.Рыльский, известный украинский деятель культуры второй половины XIX ст., отмечал, что «среди народа вы часто услы-

шите, что католики, как и православные, «вирать в йденого Бога и в Иисуса Христа, тилькы в них инакше правыться» [верят в одного и того же Бога и Иисуса Христа, только у них другие обряды – (укр.) О. Б.]. Впрочем, один старик объяснял мне, что католический священник читает в церкви то же самое, что и православный, «тилькы не з того кинця [только не с того конца. – (укр.) О. Б.]»⁵. Поэтому православные, со своей стороны, проявляли столь же мало желания обращаться из православия в католицизм. Что же касается случаев перехода из немецких католиков в православие, то они были связаны, главным образом, с довольно немногочисленными случаями межэтнических браков с православным⁶.

В целом, то же можно сказать и о представителях Лютеранской церкви, с тем исключением, что случаев перехода из лютеранства в православие было гораздо больше. Этому способствовало в немалой степени то обстоятельство, что внутренняя дисциплина в лютеранских приходах была традиционно либеральной, без жесткого духовно-административного контроля, характерного для католической или православной церкви. Кроме того, чувствуемая на протяжении всего царского периода нехватка священнослужителей в лютеранских приходах способствовала тому, что создавались предпосылки для развития традиционного для протестантов религиозного свободомыслия⁷. Поэтому к концу XIX в. постепенно увеличивается число переходов из лютеранской церкви в православную, которая давала определенные гарантии и преимущества своим членам в случае поступления на государственную службу, в высшие учебные заведения и т.д. Тем не менее православные священники неоднократно отмечали, что в браках матери – бывшие лютеранки стараются воспитывать своих детей в своей бывшей вере⁸.

Гораздо интереснее и значительнее были результаты религиозных контактов между окружающим населением и представителями других протестантских направлений – реформатов, сепаратистов, пиетистов и, особенно, меннонитов. Все вышеперечисленные религиозные группы были подвержены традиционно в высокой степени влиянию европейского пиетизма. Этому способствовало, с одной стороны, сохранение ими крепких духовных связей с родственными общинами в Германии и Швейцарии, получение отсюда всей богослужебной и духовной литературы. С другой же, немецкие колонисты-протестанты, лишённые права открывать школы для церковнослужителей (только для лютеран был богословский факультет в Дерптском университете), вынуждены были отправлять своих кандидатов для получения образования за границу – в ту же Германию и Швейцарию⁹. Поэтому, с

распространением в Европе в середине XIX в. религиозных движений ривавейлизма и паневангелизма, а в их рамках – баптизма, дарбизма и пр., в их орбиту были втянуты и немецкие протестантские группы в России, через которые их идеи и проникали в окружающее инонациональное население. Поэтому восприятие частью из них идей евангельского протестантизма, столь популярного в тот период в Европе, сделало эти группы немецко-протестантского населения чрезвычайно активными в миссионерском отношении. Это подтверждают и годовые отчеты о настроениях населения начальников жандармских управлений, которые свидетельствуют о стремлении немецких баптистов, лютеран-сепаратистов и меннонитов к распространению своих религиозных вероучений среди окружающего населения¹⁰.

Как известно, первые евангельские группы (штундисты, баптисты, позднее – адвентисты) появились в 60-х гг. XIX в. в «русских» населенных пунктах, расположенных в непосредственной близости от немецких колоний Южной Украины. Это дало повод окружающему населению считать их представителями «немецкой веры», и всех определить прозвищем «штунда»¹¹, которая сохранилась в Украине и по сей день как народное обозначение украинцев-протестантов всех позднепротестантских конфессий. Под влиянием немцев-баптистов (как местных колонистов, так и приезжих миссионеров) и братских меннонитов в 60–70-х годах XIX в. появились общины баптистов среди православных приходов Херсонской, Таврической и Екатеринославской губерний, а в 80 – 90-х – на Волыни и в Харьковской губернии¹². Одновременно и сами баптисты-украинцы развернули активную миссионерскую деятельность, благодаря которой возник мощный очаг развития евангелизма в Киевской губернии¹³. В те же годы под влиянием братских меннонитов возникла община евреев-евангелистов в еврейских колониях Херсонской губернии и г. Одессе¹⁴. В 80-е гг. XIX в. началось бурное развитие баптизма в Закавказье, куда были высланы баптисты (в том числе и немцы) из Прибалтики. Позднее баптизм появился также и в Поволжье, а затем силами своих последователей всех национальностей, стал в последующие годы стремительно распространяться по всем губерниям Российской империи¹⁵. Согласно данным переписи 1897 г., в империи проживали баптисты более 15-ти национальностей (включая немцев)¹⁶. В 90-х же годах XIX в., благодаря миссионерской деятельности представителя европейского унияна адвентистов Л.Г.Конради, среди немцев и меннонитов Крыма появились первые в Российской империи адвентисты. В их состав входили не только колонисты-немцы и меннониты, но и православные крестьяне. Его последователи продолжили начатое, создав адвентистские об-

щины среди немецко-меннонитского и православного населения сначала Таврической, а затем и Екатеринославской губерний. Позднее, в 1900-е годы, адвентизм распространился также в Киевской, Харьковской и других губерниях¹⁷. В целом, развитию баптизма и адвентизма в Российской империи была характерна чрезвычайно высокая степень сотрудничества «русских и немецких братьев». Хотя представители немецкого и украинско-русского баптизма так и не создали общего структурного объединения, проведенные совместно с братскими меннонитами 3 конференции (в 1876-м, 1882-м и 1884 гг.) по обмену опытом в значительной степени способствовали организационному укреплению баптистских общин, их численному и культурному росту, а также стремительному распространению баптизма по территории всей Российской империи. Кроме православного населения, колонисты-немцы (главным образом – меннониты) оказали религиозное влияние и на представителей так называемых православных сект. Наиболее значительно было их влияние на таврических молокан, среди которых выделился толк «захаровцев», принявших некоторые положения баптизма¹⁸. Кроме того, в 1858–59 гг. – во время наибольшего распространения «гюпферского движения» в колониях, среди хлыстов, проживавших на юго-западе Екатеринославской губернии и континентальной части Таврической губернии, возникло и получило широкое распространение «прыгунское направление», которое по своим вероисповедным и обрядовым признакам было очень близко к немецко-меннонитскому «гюпферству» . С другой же стороны, сами «гюпферы» переняли некоторые обычаи у русских сектантов-молокан (так называемый «братский поцелуй» при встречах)²⁰. В целом же, согласно мнению как православного духовенства, так и представителей органов полиции и жандармерии всех уровней, наибольшей миссионерской активностью из немецко-колонистского населения империи, особенно после 1905 г., обладали меннониты²¹.

Формы религиозных контактов были самые разные: от дружеской беседы, сотрудничества и взаимопомощи до ожесточенных религиозных конфликтов. Изначально столкновение различных духовно-культурных мировоззрений происходило в момент общения окружающего населения с колонистами, особенно в тех случаях, когда «русские» рабочие устраивались на работу непосредственно в колонии. Здесь вступали в противоречия традиции питания, режима работы и отдыха колонистов с аналогичными установками рабочих. Наименьшее число конфликтов было в католических колониях, где число религиозных праздников и традиции винопития были примерно одинаковыми с православными. Более жесткое противостояние бы-

ло в протестантских колониях, особенно в меннонитских, где число праздников было сведено к самому минимуму, полностью отвергались посты, винопитие и табакокурение. Нарушение же трудовой и общественной дисциплины каралось наиболее сурово²². Для тех же рабочих, кто принимал и поддерживал заведенный порядок (вплоть до перехода в новую веру), хозяева-меннониты нередко становились благодетелями и хорошими друзьями. Поэтому «обращения» в меннонитскую, баптистскую, адвентистскую веру часто происходили на бытовом уровне, в процессе бесед в обеденный перерыв, во время посещения православными из любопытства молитвенных и музыкальных собраний в колониях, во время обучения грамоте у тех же хозяев и пр.²³ Таким образом, особенности повседневного уклада проникали и в жизнь окружающего населения, завязывались дружеские связи, особенно крепкие в тех случаях, когда почвой для них становилась общая религиозная вера.

Случаи обращения в «новую» веру часто происходили на бытовом уровне, в процессе общения между нанимателями и их работниками. Однако наряду с «пассивной» существовала также и активная форма миссионерской деятельности меннонитов, адвентистов и немецких баптистов. Многочисленные факты, отраженные в архивных документах и материалы прессы того периода²⁴ говорят об активной миссионерской деятельности в империи не менее чем 50-ти лиц из числа колонистов-немцев и меннонитов. Следует отметить, что случаи обращения православных в различные позднепротестантские конфессии не всегда носили добровольный характер: православные священники и полицейские чины в своих рапортах отмечали случаи прямого давления хозяев на религиозные убеждения рабочих²⁵.

Видя такую религиозную активность колонистов-немцев и меннонитов, особенно в свете начавшейся Первой мировой войны, российское правительство, со своей стороны, стало применять жесткие репрессивные меры против представителей «немецких исповеданий», которым ранее были предоставлены относительно широкие религиозные права в рамках законодательства империи. Так, в ноябре 1914 г. были фактически разгромлены баптистские (немецкая и две русских) и евангелистские (русская и еврейская) общины в г. Одессе, в Киеве, с. Томаковке Екатеринославской губ., Евпатории и др., а также адвентистские общины – в Ростове-на-Дону, Риге, Харькове и Мариуполе²⁶. В Государственной думе в 1915–16 гг. готовился пересмотр религиозного законодательства, в ходе которого меннониты, немецкие баптисты и адвентисты теряли свой статус «легального исповедания», получив статус «терпимой секты». Таким образом, они факти-

чески лишались права образования новых общин и полностью утрачивали право создавать и контролировать собственные конфессионально ориентированные школы. Этот запрет особенно больно ударил бы по меннонитам, которые создали к тому времени собственную развитую сеть народного образования. Также, в 1914–15 гг. существенно были ограничены права и немецких католических и лютеранских приходов, некоторые их священники были высланы в Сибирь. Кроме того, было запрещено, всем без исключения, общинам проводить богослужения и обучение на немецком языке, читать и распространять духовную литературу, изданную в Германии. Такие действия правительства, в свою очередь, вызвали и определенные консолидационные усилия со стороны религиозных диссидентов для поисков путей противодействия давлению правительства на представителей всех «немецких исповеданий», без различия национальной принадлежности²⁷.

Со своей же стороны, православная церковь пыталась также проводить свою миссионерскую деятельность среди представителей всех этих исповеданий. Пользуясь антигерманскими настроениями в обществе, православное духовенство стремилось настроить «русских» протестантов против их «немецких» единоверцев, а окружающее население – против всех представителей «германских исповеданий»²⁸. И, надо сказать, что в этой области, по свидетельству жандармских и полицейских органов, добилась довольно значительных успехов. С другой же стороны, православная церковь пыталась также проводить свою миссионерскую деятельность среди самих колонистов-немцев и меннонитов. Однако ее результаты выглядят куда как скромнее. Так, за последнюю четверть XIX в. в Екатеринославской и Таврической епархиях православному духовенству удалось обратить из меннонитов в православие 18 человек обоего пола и 8 реформатов. Причем, «Епархиальные ведомости» указывают случаи, что вступившие в брак с православными «обращенные» воспитывали детей в своей прежней вере или позднее «уклонялись» из православия. В связи с этим интересно отметить, что в переписи 1897 г. в рубрике «старообрядцы и уклоняющиеся от православия» показано, что в империи проживало в общей сложности 311 человек, считавших немецкий родным языком²⁹.

Таким образом, являясь частью населения Российской империи, колонисты-немцы и меннониты вступали в определенные взаимоотношения с другими этническими и конфессиональными группами. Принимая различные формы, религиозные контакты оказывали влияние как на немцев, так и на другие народы. Наибольшую интенсивность и степень влияния на православное население имели немецкие протестанты (баптисты, адвентисты) и,

особенно, меннониты. Под их непосредственным влиянием в форме пассивной и активной миссионерской деятельности возникли и стали интенсивно развиваться баптизм, адвентизм и евангелизм среди православного населения Украины. Миссионерские же усилия православной церкви среди немецко-меннонитского населения не имели существенного успеха даже в условиях поддержки ее усилий со стороны гражданских властей.

¹ См.: Манифест 22-го июля 1763 г. о дозволении всем иностранцам, в Россию въезжающим, поселяться в которых губерниях они пожелают, и о дарованных им правах // История российских немцев в документах (1763–1992 гг.). М.: Готика, 1993. С.19–21; Свод законов Российской империи. СПб, 1896. Т.ХI, XIV.

² См.: Первая Всероссийская перепись населения Российской империи. Общий свод по империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. – /Под ред. Н. А. Тройницкого. В 2 вып. СПб, 1897. Вып.1. С.92–103.

³ См.: Липранди А. П. Как остановить мирное завоевание наших окраин? Немецкий вопрос, его сущность и значение для Юго-Западной России. К., 1890; Палтов А.А. [Велицын А.] Немецкое завоевание на Юге России. СПб., 1890; Трегубов С. Очерки и характеристики. Немец и иезуит в России. СПб, 1882. № 9. С.23–45.

⁴ См.: Лиценбергер О. А. Католическая церковь в России. История и правовое положение. Саратов, 2001; Плохий С.Н. Католические колонии юга Украины после изгнания иезуитов: Игнатий Линдл // Малочисленные национальности юга Украины: История и современность. Тезисы к областной научно-практической конференции 19–20 октября 1990 г. Запорожье: ЗДУ, 1990. С.22–23; Штах Я. Очерки из истории и современной жизни южнорусских колонистов. М., 1915; Keller С. The German Colonies in South Russia, 1804 to 1904: In 2 vols. – /Trans. and ed. A.Becker.- Ed.2.– American Historical Society of Germans from Russia.– Lincoln, Nebraska, 1980.

⁵ Рыльский Ф. К изучению украинского народного мировоззрения // Киевская старина, 1888. Т.ХХIII, ноябрь. С.295.

⁶ См.: Плохий С. Н. Между Лютером и Менно: смена конфессии в колониях юга Украины (первая треть XIX в.) // Вопросы германской истории. Украинско-германские связи в новое и новейшее время. Межвузовский сборник научных трудов. Днепропетровск: ДДУ, 1995. С.42–57; Присоединения к православию // Екатеринославские, Херсонские, Таврические епархиальные ведомости, 1880–1905; Миссионерское обозрение, 1900–1905.

⁷ См.: Diedrich H.-Ch. Ursprünge und Anfänge des russischen Freikirchentums. Erlayen, 1985. –S.46–70; Dalton H. Geschichte der reformierten Kirche in Russland. Gotha, 1865. S.225–228; Лиценбергер О. А. Секты «танцующих братьев» и «гюпферов» в немецких колониях

Поволжья // Русские немцы: Проблемы истории, языка и современного положения. М.: Готика, 1996. С.347–349.

⁸ См.: Сердобольский А. Раскол и сектантство в Таврической губернии // Таврические епархиальные ведомости, 1892. Май. № 9. Отд. официальное. С.413.

⁹ См.: Кулинич І.М., Кривець Н.В. Нариси з історії німецьких колоній в Україні. – К.:Думка, 1995. С.169–170; The Mennonite Encyclopedia. A Comprehensive Reference Work on the Anabaptist-Mennonite Movement. In 4 Vols. Mennonite Publishing House, Scottsdale, Pa., 1955. Vol.III. P.334.

¹⁰ См.: Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф.102, 3 делопроизводство (далее – д-во). Оп.1889 г. Д. 43. Ч.45, Л. 14об-15; Оп.1891 г. Д.44. Ч.33. Л.6об-7; Оп.1888. Д.89. Ч.12. Л.9–9об.

¹¹ См.: Недзельницкий И., мис. Штундизм, причины появления и разбор учения его. Елисаветград, 1893. С.7–10, 111.

¹² См.: Государственный архив Херсонской области (далее – ГАХО) Ф.1. Оп.1. Д.40. Л.14, 43, 45 и др.; Центральный государственный архив Украины в г.Киеве (далее – ЦГИА УК) Ф. 127. Оп. 696. Д.1647. Л.3; Ф.274. Оп. 4, Д. 456.; Ф.442. Оп.690. Д. 315. Л.28об-29; Оп.620. Д.148. Л.3-3об; Ф.419. Оп.3. Д.60. Л. 294-297; Государственный архив Одесской области (далее – ГАОО). Ф. 37. Оп.1. Д.3538, 3831, 3742, 3958; ГАРФ Ф.102. 3 д-во. Оп.1882 г. Д.248. Л.3-4об; Оп.1891 г. Д. 44. Ч.33. Л.6об–7; Оп.1892 г. Д.44. ч.7. Л.4об; Д.339. Л.9; Оп.1898 г., Д. 12. Ч.5. Л.9об-11; Алексей, епископ Религиозно-рационалистическое движение на юге России во второй половине XIX ст. – Казань, 1909. С.256–262; История евангельских христиан-баптистов в СССР. М.: Протестант, 1989. С.68–73, 104-106, 113-114; Рождественский А. Южнорусский штундизм. СПб.,1899. С.134–135, 138–141 и др.

¹³ См.: ЦГИА УК. Ф.127. Оп.688. Д.305. Л.1–5; Д.1184. Л.1–20; Оп.690. Д.354. Л.1–15; Оп.696. Д.1647. Л.1–3; Оп.696. Д.1647. Л.1–3; ГАРФ. Ф.109. Оп.3а. Д.1553, л.1–3; Рождественский А. Южнорусский штундизм.... С.199-122, 134-136 и др.; П. Л-в [П.Лебединцев] Баптизм или штунда в Киевской губернии // Киевская старина, 1885. Т.IX. Март–апрель. С.520-543; Корчинский Х. Киевская секта: баптизм или штунда? К., 1899. С.1-2; Diedrich H.-Ch. Ursprünge und Anfänge des russischen Freikirchentums ... S.367–384, 417–419.

¹⁴ См.: Дородницын А. Я. Немецкие миссионеры необаптизма (Neo-Baptismus), известного под именем штунды на юге России (По официальным данным) // Екатеринославские Епархиальные ведомости. 1894. Июль. № 13. С.297–311; История евангельских христиан-баптистов в СССР... С.494.

¹⁵ См.: ЦГИА УК – Ф.127. Оп.1076. Д.277. Л.1–2; Ф. 355. Оп.1. Д. 28. Л.1-56; Ф. 419. Оп.3. Д.60. Л. 294–297; ГАРФ Ф. 102, особый отдел (далее – оо). Оп.1910–1917 гг. Д.85, 132, 167, 177; ГАОО Ф. 2. Оп.1. Д. 3374, 3447–л, 3623; Государственный архив Днепропетровской области (далее – ГАДО) Ф. 177. Оп.1. Д.6; Ф.11. Оп.1, Д.355; Ясевич-Бородаев-

ская В.И. Борьба за веру. СПб., 1912. С.3–5; Стрельбицкий И., священник. Краткий очерк штундизма и свод текстов, направленных к его обличению // Екатеринбургские Епархиальные ведомости, 1891. Март. № 5-6. С.81-86, 100-101; Клибанов А. И. История религиозного сектантства... С.192-193; История евангельских христиан-баптистов в СССР... С.111–114; Алексий. Религиозно-рационалистическое движение... С.308-312, 314-316; Сердобольский А. Раскол и сектантство в Таврической губернии // Таврические епархиальные ведомости, 1892. Май. № 9. Отд. официальное. С. 403.

¹⁶ См.: ГАРФ. Ф.102, оо. Оп. 1914 г. Д. 85. Л.11–13; Оп.1915 г. Д. 85. Л.12–13, 74об, 241об–242, 267, 301–302об; Д.167. Л.3об, 5–6; ЦГИА УК. Ф. 274. Оп.4. Д.457. Л.31; Ф. 419. Оп.3. Д. 60. Л. 462–463об; Ф. 442. Оп. 637. Д.247. Л.1–7; Ф. 705. Оп.1. Д. 709; ЦГИА УК-ГАДО. Ф.313. Оп.2. Д. 2957; 3125. Л. 29–32, 40–41об, 63–64об; Любашенко В. I. Історія протестантизму в Україні... С. 301; Алексий Религиозно-рационалистическое движение... С. 317–325; Сердобольский А. Раскол и сектантство в Таврической губернии... С. 415; О появлении новых сект. Меры борьбы с расколом и сектантством (из отчета Обер-Прокурора Св.Синода за 1896–1897 гг.) // Миссионерское обозрение. 1900. Март. С.390–397.

¹⁷ См.: Первая Всероссийская перепись населения Российской империи. Общий свод по империи... Вып.1. С.92–103.

¹⁸ См.: Сердобольский А. Раскол и сектантство в Таврической губернии... С. 392–400; Наименование и число сектантов и раскольников в Таврической епархии //Таврические епархиальные ведомости. 1894. Май. № 9. Отд. официальное. С. 832–838; Высотский А. Молокане или штундисты? // Таврические епархиальные ведомости. 1896. Март. № 9. Отд. неофициальное. С.287–310; История евангельских христиан-баптистов в СССР... С. 71–72; Diedrich H.-Ch. Ursprünge und Anfänge des russischen Freikirchentums ... S. 229–239.

¹⁹ См.: Ясевич-Бородаевская В. И. Очерки из истории сектантских движений в Екатеринославской губернии... С. 242–243; Булгаков С. В. Православие. Праздники и посты. Богослужение. Требы. Расколы, ереси, секты. Противные христианству и православию учения. Западные христианские вероисповедания. Соборы Восточной, Русской и Западной Церквей (из «Настольной книги для священно-церковно-служителей») / Авт. предисл. и коммент. А. В.Буганов. М.: Современник, 1994. Репринт 1912 г. С.391–393.

²⁰ См.: Hildebrandt C. Aus der Kronsweider Eweckungzeit // The Early Mennonite Brethren. Some outside views / ed.John A.Toews. Mennonite Quarterly Review, LVIII(2). 1984. April. P. 97–98.

²¹ См.: ГАРФ. Ф. 102, оо. Оп. 1912 г. Д.132. Л. 237об.

²² См.: Рубанистый В. Новая религиозная община в к. Котляревке прихода с. Галициновки Бахмутского у. // Екатеринбургские Епархиальные ведомости, 1893. Декабрь, № 23. С.631–634; Стрельбицкий И., священник. Краткий очерк штундизма и свод текстов, направленных к его обличению // Екатеринбургские Епархиальные ведомости, 1891. Март. № 5–6. С.82–83, 100–101; Петров В., священник. Русские рабочие у немцев-колонистов

// Екатеринославские Епархиальные ведомости. 1894. Апрель. № 8. С. 203; Корчинский Х. Киевская секта... С.11–12.

²³ См.: ГАРФ. Ф. 102. З д-во. Оп.1898 г.. Д.12. Ч.5. Л. 9об; Ф.102, оо. Оп. 1909 г.,д.177, Л. 39-39об; Айвазов И. Из дневника миссионера // Екатеринославские Епархиальные ведомости. 1903. Март, № 7. С.186; Алексий. Материалы... № 312, 313. С.517–519; Айвазов И. К характеристике местных штундистов // Екатеринославские Епархиальные ведомости. 1903. Сентябрь, № 27. С. 732; О штундистах-баптистах в с. Шолохове и ближайших к нему селениях Екатеринославского у. // Екатеринославские Епархиальные ведомости, 1886. Июнь. № 11. С. 292.

²⁴ Миссионерская деятельность колонистов и меннонитов проанализирована в наших статьях: Безносова О.В. Роль немецких колонистов и меннонитов в распространении протестантизма среди православного населения Украины во второй половине XIX в. // Вопросы германской истории : Немцы в Украине: Межвузовский сборник научных трудов. Днепрпетровск: ДГУ, 1996. С.76–86; Kudinova O. [Besnosova O.] Die Missionstätigkeit deutscher Evangelisten in der Ukraine im 19. Jahrhundert // Forschungen zur Geschichte und Kultur der Russlanddeutschen. Newsletter / Бюллетень. 6/1996. S.5-20.

²⁵ См.: ГАОО. Ф. 37. Оп.1. Д. 3831. Л.1–10; Как штундовые проповедники насаждают свое лжеучение среди молоканского и православного населения? // Миссионерское обозрение. 1900. Март. С.418–428; О влиянии немцев на русскую жизнь // Прибавление к Херсонским Епархиальным ведомостям. 1890. Январь, № 2. С.539–543.

²⁶ См.: ГАРФ. Ф.102, оо. Оп. 1915 г. Д. 85. Л. 12–13, 40–58а с об, 74об, 213–214об, 226–229, 267–272, 301–302; Оп.1916 г. Д.167. Ч.51. Л.3об; ЦГИА УК – ГАДО. Ф. 313. Оп. 2. Д. 3125. Л. 6–7об, 24, 28, 45–49, 59, 63–64, 81с об., 213–214; История евангельских христиан-баптистов в СССР... С. 160–162.

²⁷ См.: ГАРФ. Ф.102, оо. Оп. 1915 г. Д. 85. Л. 5; Антинемецкие кампании // Немцы России: Энциклопедия. Т.1: А–И / Редкол.: В.Карев (пред. редкол.) и др. М.: «ЭРН», 1999. С.62–64; Бобылева С. И. Система образования немецких колоний начала XX в. и «ликвидационные законы» (на материалах южных губерний России) // Немцы России и СССР, 1901–1941 гг.: Материалы международной научной конференции. М.: Готика, 2000. С.97–111; История евангелистских христиан-баптистов в СССР... С. 134–136, 143–146, 162–163; Решетников Ю., Санников С. Обзор истории Евангельско-баптистского братства на Украине. Одесса: Богомыслие, 2000. С.141–142.

²⁸ См.: Айвазов И. К характеристике местных штундистов // Екатеринославские Епархиальные ведомости, 1903. Сентябрь, № 27. С.733; Сердобольский А. Раскол и сектантство в Таврической губернии... С. 392–400.

²⁹ См.: Первая Всероссийская перепись населения. Материалы 1 Всероссийской переписи населения 1897 год. Т.XIII. Екатеринославская губерния. С.76–77; Первая Всероссийская перепись населения... Т.XLI. Херсонская губерния. С.96–99; Первая Всероссийская перепись населения... Т.XVII. Таврическая губерния.. С.98–99.

ПРОБЛЕМА НРАВСТВЕННОСТИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛЮТЕРАНСКОЙ И КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВЕЙ

О. А. Лиценбергер

С помощью морали, с ее высокими ценностями добра, справедливости, любви к ближнему церковь регулировала поведение человека во всех сферах общественной жизни, поддерживала и санкционировала определенные нравственные устои. Нормы морали издревле получили идейное выражение в библейских заповедях, от соблюдения которых, по учению христианской церкви, зависело достижение личного спасения.

В историографии мнения по вопросу влияния церкви на моральный облик немцев-колонистов сильно расходятся. В российской исторической науке XIX в. преобладало охранительно-православное направление, представленное апологетами привилегированного положения Русской Православной церкви. Например, известный историк Д. В. Цветаев, рассматривая причины «религиозно-национальной нетерпимости» русских по отношению к немцам-лютеранам, делал особый акцент на «нравственную распущенность» лютеран и их пасторов, которая, по его мнению, и способствовала напряженности отношений между народами.

Другой небезызвестный автор А. А. Клаус, основываясь на данных ревизии поволжских немецких колоний 1860 г., негативно отзывался о католических священнослужителях, считая, что «личный состав местного католического духовенства вредно влияет на нравственность колонистов»¹. Трудно согласиться и с мнением А. А. Клауса о том, что «нравственный уровень приходского католического духовенства (при семинарском воспитании и безбрачной жизни) и протестантского всегда и везде относится два к трем»².

Особо важным для нас может являться мнение министра иностранных дел России С. Д. Сазонова, который подчеркивал важную роль «нравственного воздействия и влияния католического духовенства на его паству» и даже предлагал Государственному совету образовать особое совещание министров по католическим делам³.

Многие авторы оценивали деятельность церквей в формировании нравственности немецких колонистов без фанатичной нетерпимости и тенденциозности. Целый ряд русских просветителей и философов XIX в. именно в католицизме или лютеранстве видели способ нравственного самосовершенствования и просвещения России.

Роль церкви в улучшении морального облика колонистов подчеркивали многие современники. Например, оставивший воспоминания, шульмейстер Антон Шнайдер, напрямую связывал «падение уровня религиозно-нравственной жизни колонистов, незнание Законов Божьих молодежи и очерствение народа» с нехваткой профессиональных духовных лиц⁴.

О том, какую роль отводили сами церкви проблемам морали, свидетельствуют следующие факты. Обряд конфирмации проводился над детьми 15–18 лет только при условии, что они твердо знали основные христианские заповеди, догматы и учение церкви. Воспитание верующего с точки зрения христианской морали являлось важнейшей стороной деятельности церкви.

Согласно церковным уставам священники были обязаны «... утверждать своих прихожан... к благочестию, скромному и честному житию, не только увещаниями, но и собственным примером». Священнослужители должны были не только читать проповеди на нравоучительные темы, указывая конкретные способы борьбы с грехом, но и надзирать за религиозным образованием молодежи, посещать школы и проводить испытания взрослых прихожан в знании Закона Божьего на дому.

Во всех католических духовных семинариях и на теологических факультетах евангелических университетов будущие священнослужители на протяжении нескольких лет изучали специальный предмет, носивший название «нравственное богословие», под которым понималась система пропаганды моральных установок христианства. В Римско-католической Духовной Академии, находившейся с 1842 г. в Санкт-Петербурге существовала кафедра нравственной философии⁵.

Науки нравственного богословия и нравственной философии имели три составные части:

1. учение церкви о нравственности, основанное на 10-ти библейских заповедях;
2. учение церкви о семье и ее нравственных аспектах;
3. конкретные нравственные нормы, обязанности человека и практическая деятельность церкви по их реализации.

Рассмотрим данные составные части нравственного богословия подробнее. Именно семья, степень ее благополучия, духовное и нравственное здоровье, согласно каноническому праву, во многом определяли облик отдельного человека и в конечном счете успехи и достижения всего общества. Поэтому христианские церкви на всем протяжении своего исторического развития всегда особое внимание уделяли укреплению семьи.

Вся внутренняя жизнь семьи находилась в ведении церкви, а условия вступления в брак и его расторжения во многом зависели от вероисповедания человека. Какими же были нравственные требования к семье у немец-лютеран и католиков? Чему учили священники немецкую молодежь на специальных занятиях перед вступлением в брак?

Брачно-семейные отношения у лютеран и католиков строились на следующих основных принципах.

1. Законным признавался только брак, заключенный в церкви.

Для заключения брака были необходимы добровольное согласие жениха и невесты, согласие их родителей, согласие смотрителя колоний или Конторы опекунов. До конца XVIII века и для православных граждан вступление в брак разрешалось только с дозволения губернаторов.

2. Брачный возраст долгое время был относительно низким с современной точки зрения и составлял для мужчин – 15 лет, а для женщин – 12 лет. Только с 1830 г. венчание запрещалось, если жених не достиг 18-летнего возраста, а невеста была младше 16-ти лет. Однако, по свидетельству современников, браки в немецких колониях могли совершаться в более раннем возрасте и после 1830 г. Для заключения брака были необходимы конфирмация и приобщение св. таинствам. В 30-е гг. XIX в. Священникам предписывалось не венчать молодых до успешной сдачи ими экзамена на знание катехизиса, молитв и Евангелия⁶.

3. Заключение брака не допускалось с разведенными супругами, которым суд запрещал вступать в новый брак и с психически больными людьми. Еще при Петре I указом 6 апреля 1722 г. «О свидетельствовании дураков в Сенате» было запрещено «дуракам... жениться и замуж идтить». Это же правило было подтверждено церковными уставами.

4. Разрешались браки с представителями других христианских конфессий. В России долгое время запрещались браки православных с лютеранами. Единственный раз в истории России брак с лютеранином был совершен в 1573 г. между датским герцогом Магнусом и православной княжной Марией, племянницей Ивана Грозного. Браков с католиками было достаточно много в начальный период развития русской истории. В 1721 г. Священный Синод впервые разрешил браки православных с лицами других христианских исповеданий при условии обязательного крещения детей в православии. У лютеран впоследствии запрещались браки с мусульманами или иудеями, с другой стороны, если последние не давали письменного обещания крестить и воспитывать детей в лютеранской вере.

У католиков браки с представителями других христианских конфессий допускались только при условии венчания в католическом храме. В случае бракосочетания лиц протестантского и католического вероисповеданий, разрешалось венчаться либо только в католической церкви, либо в церквях обоих вероисповеданий. В противном случае брак считался недействительным. В 1909 г. министр внутренних дел П.А. Столыпин издал указ, в котором объявил законными все браки между православными и католиками, заключенные только в православных храмах. Но римско-католические епископы всех епархий пошли на конфликт с русским правительством и издали циркуляры о том, что такие браки являются недействительными.

5. Прекращение брака по учению христианской церкви наступает только со смертью человека. Однако брак все же мог быть расторгнут в исключительных случаях. Лютеране руководствовались Евангелием от Марка, которое на вопрос: «Позволительно ли разводиться мужу с женою?» давало ответ: «...Моисей позволил писать разводное письмо и разводиться» (Мк. 10. 4.). У лютеран брак мог быть расторгнут только в судебном порядке при наличии следующих веских причин:

1. Безвестное отсутствие супруга в течение пяти лет.
2. Тяжелая неизлечимая болезнь одного из супругов.
3. Пьянство, оскорбления, побои или порочное поведение одного из супругов.
4. Совершение одним из супругов тяжкого преступления.

Католики в том же Евангелии от Марка нашли иной принцип: «... Что бог сочел, того человек да не разлучит» (Мк. 10. 2, 9). У католиков развод отрицался. Супругам представлялось право подать заявление о разводе, но они практически не имели шансов получить разрешение на развод. Если один из супругов был тяжело болен, а другой настаивал вследствие этого на разводе, то согласно церковным законам созывалась специальная комиссия с участием медиков, составлялся вопросник для супругов, подавших заявление о разводе, назначались эксперты-врачи, и проводилось расследование.

У католиков развод отрицался даже в случае самых веских причин. Например, когда в 1890 г. к Тираспольскому римско-католическому епископу с просьбой о расторжении брака обратилась дворянка католического исповедания А. М. Магирская, муж которой безвестно отсутствовал уже более 11 лет, римско-католическое духовенство отказало просительнице. Более веской причиной для развода мог быть переход одного из супругов в другое вероисповедание. Однако на практике консистория, как правило, на-

значала временное отлучение перешедшего в другое вероисповедание от стола и ложа, «впредь до обращения провинившейся стороны в католичество». В случае если брак был заключен между лютеранином и католиком, русские законы предписывали решать вопрос о расторжении брака в той церкви, к которой принадлежал супруг, не настаивавший на разводе. Однако Римско-католическая церковь не признавала это правило законным.

6. Категорически запрещалось многоженство.

«Недобросовестное двоебрачие», под которым церковь понимала брак, заключенный одним из законных супругов при жизни другого на основании церковных канонов признавался бесчестным, незаконным и недействительным и подлежал наказанию в виде многомесячной епитимии или заключения в монастырь. Такие прецеденты имели место. Например, двоеженство было распространено среди немецких колонистов, эмигрировавших в 80-е гг. XIX века в Америку и Канаду.

Первый брак, как правило, признавался действительным, а второй считался незаконным в случае, если первая жена была жива. После восстановления первого брака в качестве наказания супруги могли быть разлучены. Консистерии, рассматривая вопросы о двоеженстве, не учитывали причины виновности супругов. Дети от второго брака при не расторгнутом первом признавались незаконнорожденными и не имели никаких прав на наследство, даже если один из супругов не знал о прежнем браке другого супруга.

7. Строго наказывалось прелюбодеяние в браке.

Дела о нарушениях нравственных устоев семьи превышали количество всех остальных дел, рассматриваемых Духовной Коллегией. По каноническим законам Католической церкви нарушение супружеской верности одним из супругов давало невинной стороне право на временное отлучение от стола и ложа провинившегося супруга. Ответчик, как правило, подвергался церковному покаянию на срок от одного до нескольких месяцев⁷. Прелюбодеяние наказывалось и со стороны жены, и со стороны мужа.

У лютеран виновного чаще всего подвергали церковному покаянию в соответствии со специальными инструкциями. Например, суперинтендант Саратовской евангелическо-лютеранской консистории Фесслер издал циркулярное предписание от 4 февраля 1821 г., в котором указывал, что «ввиду распространения блуда, кровосмешения и супружеской неверности такие проступки впредь будут караться с обеих сторон»⁸.

Обряд церковного покаяния подробно расписывался в данной инструкции: виновный, приведенный в день покаяния в церковь, стоял в течение всего богослужения на специальном месте, выкрашенном черной краской.

Пастор обращался к грешнику и ко всей общине с проповедью о греховных поступках. После молитвы он объявлял об отстранении грешника от святого причастия до тех пор, пока последний не проявлял истинных признаков сердечного раскаяния. Через несколько недель грешника второй раз приводили в церковь. Пастор напоминал общине о совершенном грехе и должен был получить от грешника публичное покаяние и исповедь.

Часто прелюбодеяние наказывалось штрафом в пользу церкви, такие штрафы существовали в немецких колониях почти на протяжении столетия, были одобрены, например, Московской евангелическо-лютеранской консисторией, но в 1861 г. встретили противодействие Конторы иностранных поселенцев, как «унизительных для человеческого достоинства»⁹.

8. Менее строго наказывались добрачные связи и появление на свет незаконнорожденных детей.

У католиков существовали брачные диспенсации, которые освобождали от наказания за добрачные прелюбодеяние и предписывали провинившимся вступить в брак. Мужчина и женщина, не состоявшие в браке и «увлеченные любовью», должны были обратиться через священнослужителя своего прихода к епископу, который «покорнейше просил диспенсаций» из Рима, чтобы «имевшие незаконнорожденного ребенка от плотской связи» могли вступить в брак¹⁰.

Незаконнорожденные дети не могли усыновляться и являться наследниками. Министерство внутренних дел строго требовало от епархиальных властей сообщать все сведения о числе незаконнорожденных детей. За рождение внебрачного ребенка на женщину налагалась епитимия. Отец ребенка мог подать в консисторию заявление об отцовстве и признании внебрачной связи¹¹.

Такие нравственные требования предъявляли к семье немцы-лютеране и католики на протяжении нескольких столетий.

Православная церковь регулировала семейную нравственность с помощью правовых норм, вошедших в книгу I, том X Свода законов 1832 г. под заглавием «О правах и обязанностях семейных». Лица протестантского и католического вероисповедания по многим вопросам должны были подчиняться собственным правовым актам. Нормы церковного права Евангелическо-лютеранской церкви были более приближены к светскому праву, чем нормы Католической церкви. В отличие от лютеранского семейного права в Римско-католической церкви не допускался развод, не разрешались браки с нехристианами, не допускалось венчание прихожанина в иной христианской церкви.

Церковь предъявляла высокие моральные требования не только к семье, но и к повседневному поведению своих прихожан. Христианская мораль отражала целостную систему воззрений на социальную жизнь, содержащих в себе понимание человеческого бытия. Если немецкий колонист совершал небольшое правонарушение или нетяжкий проступок – церковь рассматривала дело вместе с Конторой опекунства или инспектором колоний.

Священнослужители сообщали обо всех фактах «непослушания», «учиненной грубости», «распущенной жизни», «невенчанного сожительства» и т.п. в Конторы опекунства и смотрителям колоний. Колонисты, допустившие «неблаговидные поступки», подлежали суду. Общество колонии под руководством священника, а также смотрители колоний могли выносить приговор, приводимый в исполнение после утверждения его Конторой. Как правило, за мелкие административные проступки колонистов наказывали общественными работами¹².

Конечно, в случае, если римско-католический прихожанин совершал тяжкие уголовные или политические преступления, следствие и процесс вели обычные русские уголовные судебные инстанции. Для немецких колонистов существовало особое правило: совершенные ими преступления рассматривались судами в присутствии руководителя администрации колоний или с его согласия. Однако по целой группе преступлений согласно русскому праву наказание невозможно было осуществить без вмешательства церкви. Самым распространенным наказанием являлось наложение епитимьи с целью исправления грешника и прощения его грехов сообразно тяжести греха и личности преступника.

Такое переплетение канонических и светских правовых норм было знакомо русскому законодательству еще с начального этапа развития русского права. Наиболее тяжкие преступления подвергались наказанию и со стороны государства, и со стороны церкви.

Широко применяло церковные наказания и русское право конца XVIII – начала XIX в. Публичное церковное покаяние («явное покаяние Господу Богу при собрании людей») назначалось, например, вместе с телесными наказаниями или тюремным заключением за отказ холостого мужчины жениться на девушке, которая родила от него ребенка (Артикул воинский, арт. 174)¹³.

Если лицо римско-католического или лютеранского исповедания совершило преступление, то либо церковь должна была сообщить об этом государству, либо светские органы власти ставили в известность церковь. Если прокуратура или суд направляли в консисторию той или иной епархии соответствующую выписку из приговора суда, то церковь следила за при-

ведением приговора в исполнение по таким наказаниям, как лишение права христианского погребения, церковное покаяние, наложение епитимьи и т.п. Во второй половине XIX века данное правило оговаривалось в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г.

Церковное покаяние налагалось консисторией по решению государственных органов за многие преступления: за покушение на самоубийство, за небрежную организацию строительных работ, за неумышленные убийства, за «непринятие мер предосторожности к ограждению личной безопасности и общественного порядка» и в других предусмотренных российским законодательством случаях¹⁴. Некоторые составы преступлений, например, пьянство и нарушение общественного порядка наказывались взиманием штрафов в пользу церкви¹⁵.

В случае осуждения уголовным или гражданским судом лица римско-католического вероисповедания, даже если не требовалось содействия церкви при приведении в исполнение приговора, епископы все равно получали копию приговора, а консистории должны были донести Правительственному Сенату о том, что сообщили об осужденном всем епархиальным управлениям, правлению Римско-католической Духовной Академии и семинариям¹⁶.

Церкви принимали активное участие в поимке беглых жен, мужей, солдат и преступников. Нередко в приходы рассылались указания примерно такого содержания: «огласить из амвон в воскресенье о побеге солдата лейб-гвардии конной артиллерии...», «объявить розыск посредством троекратного оглашения из амвон в воскресные и праздничные дни» или «посмотреть по приходским, венчальным и погребальным книгам и найти убежавшую от мужа...» далее следовало имя разыскиваемого человека¹⁷.

Наиболее высокие требования к нравственности предъявляли иезуиты – католический орден, запрещенный в конце XVIII – начале XIX в. во всем мире, но действовавший в России. Например, иезуитская школа в Москве начала XVIII в. славилась не только высоким уровнем преподавания, но и тем, что уделяла особое внимание воспитанию молодежи. С воспитательными целями в школе ставились невиданные ранее в Российском государстве театрализованные представления: пьесы, библейские спектакли и комедии. Школу посещали дети не только католиков, но и лютеран, реформатов, и даже православных.

Иезуитские школы подобного типа вплоть до третьей четверти XIX века служили образцом русских духовных школ¹⁸; с другой – пожалуй, больше никогда ни одна католическая школа России не стояла на столь высоком уровне, как Московская школа. Даже в XIX в. как в городах, так и в сель-

ских местностях подавляющее большинство католических школ, к сожалению, ограничивалось лишь функцией изучения Закона Божьего, были плохо обеспечены материально и не имели профессионально подготовленных кадров преподавателей.

По свидетельству современников иезуиты ревностно относились к своим обязанностям, они ввели длительные мессы и усилили контроль за церковными школами. После приезда миссионеров ситуация в сфере образования и воспитания подрастающего поколения изменилась к лучшему.

К сожалению, активнейшая деятельность иезуитов имела и обратную сторону. Они вызвали недовольство не только иерархов Русской Православной церкви, но и части немецких колонистов не католического исповедания. Возражения колонистов были направлены на многочисленные перегибы в деятельности иезуитов в процессе тщательного наблюдения со стороны миссионеров за нравственностью. Колонистов, нарушивших или не выполнявших предписаний иезуитов, строго наказывали. Например, иезуит Лефлер, служивший в Краснопожье, отлучил от церкви молодую девушку только за то, что та хотела вступить в брак с протестантом¹⁹. Конфликт был улажен лишь после вмешательства в дело Могилевской римско-католической епархии и лично архиепископа Богуш-Сестрэнцевича.

В другом случае колонистка католического вероисповедания К. Бауэр, вышедшая замуж за лютеранина Я. Дерингера, втайне от мужа причастила своих сыновей в католической церкви Екатериненштадта. Семейный скандал взволновал весь город и возбудил взаимную неприязнь представителей протестантизма и католицизма. В результате в Екатериненштадте был проведен показательный суд с целью «истребить для будущего времени семена раздора в отношении веры»²⁰. Главный судья Саратовской конторы опекунов даже издал указ «О запрещении в саратовских колониях собираться вместе и разговаривать о предметах, не относящихся к сельскому хозяйству»²¹.

Однако в 1820 г. иезуиты были изгнаны из России²². Высылка иезуитов привела к резкому ухудшению положения немецких католиков в России. Один из немецких колонистов, Антон Шнайдер описывал сложившуюся ситуацию следующим образом: «Редко проводились проповеди, катехизация, исповеди и как следствие этого происходило очерствение человеческих душ, все чаще люди совершали преступления и предавались порокам...»²³.

Если более строгие требования к нравственности прихожан предъявляли католики, то лютеране отличались более разветвленной сетью благотворительных обществ, которые занимались не только социальной защитой ну-

ждающихся, раздачей пищи и милостыни, но и улучшением нравственности. У католиков сеть благотворительных организаций была не столь широка, как у лютеран и оформилась на 50 лет позже, так как католическая благотворительность расценивалась государством как средство совращения российских подданных в инославию. Любое оказание помощи нуждающимся и неимущим Католической церковью сдерживалось государственными органами, препятствовавшими бурному развитию сети благотворительных обществ при католических приходах.

Почти в каждом приходе имелаась какая-либо форма благотворительного общества, которое занималось не только социальной защитой нуждающихся, раздачей пищи и милостыни, но и улучшением нравственности. Первым организатором благотворительных учреждений в России был Санкт-Петербургский пастор прихода св. Екатерины И.Х. Грот. Впервые в российской практике он занимался страхованием нищих и бездомных. В 1785 г. в церкви св. Анны был основан первый в России Евангелический дом сирот²⁴.

В XIX в. у Евангелическо-лютеранской и Католической церкви России появился целый комплекс таких церковных учреждений, которые выполняли задачу духовно-нравственного и религиозного воспитания – попечительства, общества (юношей, молодых девушек, защиты женщин и пр.), миссии, школы, занимавшиеся обучением и воспитанием подрастающего поколения (для детей бедных родителей, для сирот и пр.).

Большинство благотворительных учреждений находилось в Санкт-Петербурге. Деятельность подобных учреждений распространялась, как правило, на всех лиц без различия вероисповедания. Например, Общество защиты женщин «Магдалинум», созданное под руководством пастора кирхи св. Иоанна К. Лааланда и его супруги преследовало цель защиты и спасения падших и поставленных под угрозу девушек и женщин. В 1881 г. пастором церкви св. Анны Г. К. Нелтингом была открыта школа по обучению специальности швеи для девушек, подвергавшихся опасности попасть под дурное влияние.

В 1898 г. был основан санаторий, имевший приют для алкоголиков. Помимо конкретной материальной помощи, важной задачей благотворительных союзов было религиозное наставление и духовная поддержка. Для оказания духовного попечения в 1875 г. в Санкт-Петербурге была основана Евангелическая городская миссия, переименованная в Евангелический союз религиозного и нравственного попечения протестантов в Петербурге (сокращенно – Евангелический союз). Союз руководил девятнадцатью учреждениями и подчиненными ему организациями и оказывал душеспаси-

тельную и материальную помощь лицам без различия вероисповедания и национальности²⁵. Кроме того, в столице существовали подобные союзы – Евангелическое общество юношей (1870) и Общество попечительства молодых девушек (1884). Всего в городе к началу XX в. действовало около 30 евангелическо-лютеранских благотворительных учреждений²⁶.

Обширная сеть подобных организаций по примеру Санкт-Петербурга была создана и в Москве. В городе к началу XX в. действовали Евангелическое миссионерское общество (1863), Московское общество молодых людей евангелических исповеданий (1879), Приют и Бюро по трудоустройству (1884), Евангелическое городское миссионерское общество (1879), Комитет по помощи в поиске работы (1886), Общество попечения о молодых девицах евангелических исповеданий (1893) и мн. др²⁷.

Наряду с обеими столицами третьим крупнейшим местом, где занимались духовной благотворительностью, была Одесса и евангелические приходы юга России²⁸. В 1845 г. при общине Одессы было создано Немецкое благотворительное общество для оказания нравственной и материальной помощи подданным немецких государств. Лютеране юга России выступили инициаторами создания Немецкого общества образования южной России (1906–1910), преследовавшего цели открытия школ, библиотек, проведения различных курсов, организации лекций, спектаклей, выставок и т.п.

Целый ряд благотворительных организаций существовал в Поволжье. При приходе в Саратове были созданы Дамское благотворительное общество²⁹, а с целью содействия религиозному и нравственному развитию молодежи – Евангелическое общество молодых людей. Главной задачей общества являлась защита юношей от вредных для их нравственности влияний. Подобные общества были открыты в Санкт-Петербурге, Москве, Одессе, Кишиневе, Благовещенске, Екатериненштадте и др. городах³⁰.

В Сибири действовало Томское евангелическо-лютеранское дамское благотворительное общество, на Северном Кавказе – Немецкое лютеранское общество во Владикавказе, в Баку – Дамское евангелическо-лютеранское общество, Евангелическое общество попечения о девицах, при кирхе в Самаре – Общество поощрения просвещения.

Наиболее ярким примером католической благотворительности является Общество Святого Климента, основанное в Саратове в 1906 г. в целях содействия нравственному и культурному развитию немцев-католиков³¹. В 1907 г. общество «Клеменс» было переведено в Одессу, откуда сфера его деятельности распространялась на всю Тираспольскую епархию. При обществе существовала типография, в которой издавалась литература рели-

гиозно-нравственного содержания. В 1908 г. в Одессе было основано Южнорусское католическое немецкое общество образования, преследовавшее цели открытия школ, библиотек, проведения различных курсов, чтение лекций, организации спектаклей. Однако деятельность благотворительных обществ прекратилась в 1914–1915 гг., когда все они были запрещены в связи с началом антинемецкой кампании.

Система морально-нравственных ценностей, выработанных церковью, содержала в себе понимание сущности как всего общества, так и бытия отдельного человека. Высокие моральные требования, предъявляемые церковью к человеку имели в виду не достижение каких-то частных и ближайших результатов в определенной ситуации, а следование общим нормам и принципам поведения. Церковь одобряла или осуждала конкретные поступки человека, вырабатывала линию поведения человека, формировала в каждом индивиде способность определять и направлять свою линию поведения в обществе, давала обоснование практическим действиям людей.

Евангелическо-лютеранская и Католическая церкви не только сформулировали свои требования по отношению к нравственности молодежи в церковных уставах, но и занимались практической деятельностью по их реализации. Церковь у российских немцев представляла собой выдающееся учебно-воспитательное учреждение, осуществлявшее под руководством священнослужителей нравственное воспитание молодежи.

¹ См.: Клаус А.А. Духовенство и школы в наших немецких колониях // Вестник Европы. 1869. № 1. С. 158.

² См.: Клаус А.А. Указ. соч. С. 153.

³ См.: Шейнман М. М. Ватикан и Россия в период между февралем и октябрём 1917 г. // Вопросы истории религии и атеизма: Сб. статей V. М., 1958. С. 77.

⁴ См.: Kessler J. Geschichte der Diözese Tiraspol. Dickinson. N. Dakota. USA, 1930. S. 14.

⁵ Полное Собрание законов Российской империи (далее ПСЗ). Т. 8. № 6296. С. 386–395.

⁶ См.: Дитц Я. История поволжских немцев-колонистов. М., 1997. С. 297–299.

⁷ Государственный архив Саратовской области (далее ГАСО). Ф. 365. Оп. 1. Д. 116; Д. 1616. Л. 71; Д. 1639. Л. 1.

⁸ См.: Дитц Я. Указ. соч. С. 297–299.

⁹ См.: Дитц Я. Указ. соч. С. 326–327.

¹⁰ Российский государственный исторический архив. Ф. 821. Оп. 128. Д. 1801. Л. 3–7.

¹¹ Центральный исторический архив Москвы. Ф. 1629. Оп. 2. Д. 36.

- ¹² См.: Попечительный комитет об иностранных поселенцах южного края России. 1799–1876 гг.: Аннотированная опись дел 1799–1818 гг. Т. I. / Ред. О.В. Коновалова. Одесса, 1998. Д. 614–617, 1171. С. 164–165, 277.
- ¹³ См.: Российское законодательство X–XX вв. М., 1986. Т. 4. С. 328–365.
- ¹⁴ ГАСО. Ф. 365. Оп. 1. Д. 122, 647, 648, 858 и др.
- ¹⁵ ГАСО. Ф. 1166. Оп. 2. Д. 36. Л. 4.
- ¹⁶ ГАСО. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–3, 7; Ф. 365. Оп. 1. Д. 11. Л. 101–102; Ф. 1166. Оп. 2. Д. 36. Л. 27–33 и др.
- ¹⁷ Энгельский филиал Государственного архива Саратовской области (далее ЭФ ГАСО). Ф. Р–1831. Оп. 1. Д. 84. Л. 38,39.
- ¹⁸ См.: Карташев А.В. Собрание сочинений: В 2 т. Очерки по истории русской церкви. М., 1993. Т. 1. С. 594.
- ¹⁹ См. Дитц Я. Указ. соч. С. 287.
- ²⁰ См.: Писаревский Г.Г. Из истории иезуитов в России (вопрос вероисповедания в колониях Поволжья 100 лет тому назад). Варшава, 1912. С. 5–8.
- ²¹ Там же. С.8.
- ²² ПСЗ. Т. 37. № 28198. С. 113–116.
- ²³ Цит. по: Stasiewski B. Die kirchliche Organisation der deutschen katholischen Siedler in Russland // P. Bang (Hg.). Festschrift für Margarete Woltner. Heidelberg, 1967. S. 273.
- ²⁴ См.: Amburger E. Geschichte des Protestantismus in Russland. Stuttgart, 1961. S. 167; Буш М. Немцы в Петербурге в 1865–1914 гг. Самосознание и интеграция // Немцы в России. Проблемы культурного взаимодействия. СПб., 1998. С. 72.
- ²⁵ См.: Буш М. Указ. соч. С. 72.
- ²⁶ См.: Вернер А.В. Из истории общественных евангелических учреждений в Петербурге // Российские немцы. Проблемы истории, языка и современного положения. М., 1996. С. 225.
- ²⁷ См.: Благотворительность // Немцы России: энциклопедия. Т. I. М., 1999. С. 208–209; Бобылев А. Московские евангелические благотворительные учреждения до революции // Наша Церковь. 1996. № 3–5; Болдина Е.Г. Евангелические благотворительные учреждения в Москве // Немцы Москвы: исторический вклад в культуру столицы. М., 1997.
- ²⁸ См.: Amburger E. Geschichte des Protestantismus in Russland. S. 169.
- ²⁹ ГАСО. Ф. 852. Оп. 1. Д. 289. Л. 4–7, 9, 11.
- ³⁰ См.: Соловьева Г.Ф. Обзор фондов лютеранской церкви в Российском государственном историческом архиве // Немцы России в контексте отечественной истории: общие проблемы и региональные особенности. М., 1999. С. 472.
- ³¹ ЭФ ГАСО. Ф. Р–1831. Оп. 1. Д. 81. Л. 3.

НАЦИОНАЛЬНО-ЯЗЫКОВОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В СССР И СУДЬБА НЕМЕЦКОЙ ШКОЛЫ В 1920–1930-е гг.

И. В. Черказьянова

Национально-языковое строительство в СССР и странах СНГ было и остается актуальной политической и исследовательской проблемой, ему посвящены многие работы отечественных и зарубежных авторов. Главным образом, исследуются социолингвистические и тесно связанные с ними проблемы национальной школы восточных народов и малых народов Севера. Менее изучен вопрос о развитии национальной школы западных национальных меньшинств, населявших СССР: немцев, финнов, поляков, прибалтийских народов. Нашей задачей является рассмотрение развития немецкой школы в довоенный период в контексте национально-языковой политики, провести межрегиональный сравнительный анализ состояния немецких школ.

К началу социалистических преобразований немецкая школа находилась в относительно благополучном положении по сравнению с другими народами. Несмотря на преследования военных лет и попытки русификации немцы сохранили родной язык, имели собственную письменность и литературу, сохранилась традиция обязательного обучения детей школьного возраста. А многим другим народам еще только предстояло обрести свою письменность и литературный язык, приступить к формированию собственной школы.

Развитие немецкой школы на всем протяжении ее истории происходило под влиянием трех основных социальных факторов: церкви, общества и государства. Степень влияния того или иного фактора усиливалась или ослабевала на разных этапах истории. До последней трети XIX в. влияние государства ощущалось слабо, приоритет оспаривали церковь и община. С установлением советской власти резко возросла роль государства, которое вскоре ликвидировало церковное влияние на школы, а затем подавило и общественное влияние. Судьба образования стала всецело зависеть от государства, а развитие национальных школ шло в неразрывной связи с национальной политикой партии и государства.

Существует несколько вариантов периодизации истории национального образования в СССР. Так, М. Н. Кузьмин выделяет три основных периода¹. С 1918 г. начинается период включения национальной школы в интегра-

тивный процесс официальной идеологии, с 1938 г. идет этап национальной школы русского языка, который был приостановлен войной, с 1958 г. национальная школа развивается как школа русской культуры. Другие авторы предлагают более подробную схему, выделяя как важнейшие 1918-й, 1932-й, 1950-й, 1960-й, 1988-й и 1992 годы, при этом 1932 год определен как год начала свертывания национального образования на всех языках². Такую детализацию процесса можно отнести скорее не к периодизации, а к попытке оценить определенные государственные меры, сыгравшие заметную роль в судьбе национальных школ. Нам представляется более обоснованной первая точка зрения. Соглашаясь с хронологическим делением, следует отметить, что М. Н. Кузьмин опирается на разные критерии для членения на периоды. В первом случае, он говорит об идеологии, во втором – о русском языке, в третьем – о русской культуре. Если рассматривать развитие национальной школы по отношению к русскому языку и русской культуре, то первый этап следовало бы обозначить как время противоречивого развития национальной школы на основе русского и родного языков и возобладания тенденции к сворачиванию национального образования. Четкой границы между ними нет, но, безусловно, это начало 1930-х гг. С принятием ряда партийных и правительственных документов в этот период: «О введении всеобщего» (1930 г.), «О начальной и средней школе» (1931 г.), «Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе» (1932 г.), «Об учебниках для начальной и средней школы» (1933 г.), национальная школа начала терять национальную специфику и приобретала унитарный характер.

Все исследователи единодушны в том, что отправным моментом в развитии национальной школы в нашей стране является 1918 г., когда было принято постановление Наркомпроса РСФСР «О школах национальных меньшинств». Столь же единодушны исследователи в оценке постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей» от 13 марта 1938 г., которое нанесло огромный вред национально-языковому строительству и национальным школам и стало одним из поворотных пунктов в развитии национального образования в СССР. При этом практически вне поля зрения авторов остается другой документ, который представляется нам более радикальным в истории школ нерусских народов, а именно постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) «О реорганизации национальных школ» от 24 января 1938 г., положившее конец многим национальным школам. Хотя в наши задачи не входит рассмотрение послевоенного развития национального образования и его состояния в на-

стоящее время, все же следует отметить, что важнейшими этапами в этот период стали реформа образования 1958 г. и принятие в 1991 г. закона «О языках народов РСФСР».

С первых шагов советской власти национальное образование приобретало четкую структуру управления. Школы находились в ведении отдела (позже совета) по просвещению национальных меньшинств Наркомпроса (Совнацмен), при нем существовали национальные секции (бюро). На местах эту структуру дублировали национальные секции или подотделы в отделах образования. В 1919 г. в Наркомпросе была организована редколлегия для создания национальной литературы и алфавитов бесписьменных народов. В наркомате была сосредоточена и работа по рассмотрению проектов национальных учебников.

Предоставление всем народам России права на использование родного языка во всех сферах общественной жизни, в первую очередь, в области образования, было большим завоеванием новой власти. Однако для превращения школы в полноценную национальную школу мало было провозглашенного права, необходимо было решить две основные проблемы: подготовить учителей, владеющих родным языком учащихся, и создать национальные учебники.

Для более объективного анализа вопроса о становлении немецкой школы следует учитывать, что процесс по-разному протекал в различных районах проживания немецкого населения. В основе различия лежит степень компактности проживания немцев и наличие национально-государственного образования. В АССР немцев Поволжья немцы были титульной нацией, поэтому и немецкая школа имела приоритет по сравнению с другими проживающими в республике народами. Немцы, населяющие Украину, РСФСР и другие республики СССР, относились к категории национально-меньшинства. Но и здесь были свои различия. Часть немцев была объединена в немецкие национальные районы, а другая оставалась вне каких-либо государственно-административных образований и проживала небольшими компактными группами среди других народов. Эти три варианта территориального и административного объединения немцев играли существенную роль в развитии их школ и во многом определяли особенности процесса.

Проблема учебников. В условиях, когда не хватало грамотных учителей, владеющих родным языком учащихся и методикой преподавания, а потребность в них особенно увеличилась в связи с массовым ростом числа школ и введением всеобуча, методически правильно составленный учебник играл громадную роль. По нему учились дети, по нему могли грамотно

преподавать учителя. Поэтому вопрос обеспечения учебниками на родном языке был одним из главных в жизни национальной школы на всем протяжении ее существования.

Процесс книгоиздания, прерванный войной и революцией, с трудом восстанавливался в начале 1920-х гг. Еще в 1918 г. Наркомнац приступил к изданию первых национальных учебников, но вскоре все вопросы, связанные с учебной литературой, стал полностью координировать Наркомпрос.

Немцы, имевшие дореволюционные традиции и опыт издания собственной литературы, в этот период оказались отброшенными далеко назад по обеспеченности литературой. В целом по стране объем немецкой книжной продукции к 1927 г. по сравнению с 1913 г. сократился более чем на 70% (в 1913 г. выходило 717 наименований, тираж составлял 1 541 388 экз., в 1927 г. – 197 наименований и 676 073 экз.)³. В 1923 г. немцы и эстонцы стояли на первом месте по количеству культурно-просветительных и школьных заведений на 1 000 человек своего народа, но по обеспеченности учебной книгой они занимали последнее место. Это плачевное состояние было вызвано тем, что со времени революции централизованно не было издано ни одной учебной книги на немецком языке⁴.

Учителя немецких школ всех регионов не оставались равнодушными к проблеме учебника. Они принимали самое активное участие в разработке новых учебников на местах, искали возможность напечатать книги. Так, участники Первого съезда немецких учителей Сибири, проходившего в 1921 г. в Омске, предлагали решительные меры по обеспечению школ учебниками, вплоть до изъятия из областной библиотеки всей немецкоязычной литературы. Другой путь виделся им в использовании библиотек немецких военнопленных, оставшихся после возвращения последних на родину. Немецкая секция ОмгубОНО в ноябре 1920 г. обратилась в отдел образования Сибревкома с просьбой о скорейшем переиздании дореволюционного букваря Шлимбахса⁵. Не дожидаясь помощи из центра, Славгородский уездный отдел образования нашел возможность напечатать азбуку на месте, для этого были привлечены германские военнопленные⁶. Здесь же в течение 1920 г. силами трех лучших местных учителей велась работа по составлению букваря и первой после букваря книги для чтения⁷. Конструктивно подходили к этой проблеме немцы Украины. На первой конференции немецких учителей Хортицкого района, проходившей осенью 1923 г., было единогласно принято решение организовать в Хортице кооперативное издательство и провести агитационную неделю для сбора средств. Зажиточное меннонитское население этого района, в отличие от сибирских немцев, могло позволить себе подобный шаг.

Делегаты хортицкой конференции обсудили вопрос о подготовке рукописей учебников и избрали редакционную комиссию, ответственную за разработку учебников по различным дисциплинам и для разных уровней обучения. Ответственными за подготовку букваря были назначены К. Браун и Я. Фрезе⁹.

Такое «кустарное» изготовление учебников на местах в начале 1920-х гг. еще было возможным. После принятия 16 августа 1921 г. постановления СНК «О порядке издания учебников» исключительное право на издание и переиздание учебников, руководств, пособий предоставлялось Государственному издательству, состоящему при Наркомпросе.

В 1922 г. в Москве было создано Центральное восточное издательство, в 1923 г. – Центральное западное издательство. После их объединения в 1924 г. появилось Центральное издательство народов СССР (Центриздат, ЦИЗ), которое выполняло основную нагрузку по обеспечению страны национальными учебниками. С 1926 г. начал действовать Всеукраинский филиал ЦИЗ. В 1924 г. в Новосибирске было открыто Сибирское краевое издательство, оно издавало, главным образом, литературу для малых народов Севера и Сибири. Основную нагрузку по изданию немецких учебников не только для нужд республики, но и всей страны выполняло Немецкое издательство (Немгосиздат) в Покровске (Энгельсе).

Среди издававшейся литературы учебники занимали скромное место, приоритет отдавался общественно-политической книге. Однако сложности с учебниками объяснялись не только политическими установками в тот период. Перед Наркомпросом и учителями стояла важная задача выработать новый тип учебника, ориентированный на новые реалии общества. Попытки приспособить дореволюционные учебники к новым условиям потерпели неудачу, хотя сами учебники дореволюционного образца функционировали еще некоторое время в немецких школах. Поэтому необходимо было писать книги для школы «с чистого листа». Эту задачу взяли на себя учителя, главным образом, работавшие на Украине и в Поволжье. К лету 1923 г. в распоряжении НКП имелось 9 рукописей на немецком языке. Высокой оценки заслужили учебники по математике А. Лонзингера («Arithmetische Anfänge für die Kleinen») и Ф. Циглера («Rechenbächlein für die Kleinen»), букварь Ф. Баха («Lerne lesen»). Среди авторов других оригинальных работ были А. Эмих, Ф. Беллендир, А. Маттерн. Кроме того, в НКП имелся перевод с русского языка «Политического катехизиса», предназначенного для общественно-политической работы сельского учителя⁹. Учебники и пособия перечисленных авторов были напечатаны и поступили в школы. Немецкое издательство широко рекламировало эти книги¹⁰.

В масштабах страны развернулась гигантская работа по разработке пись-

менности для многих народов, по подготовке и изданию учебников на национальных языках. Пик национально-языкового строительства пришелся на 1928–1933 гг. К середине 1930-х гг. был создан 71 алфавит для народов страны. В 1929 г. Центриздатом выпускались учебники и учебные пособия на 56-ти языках народов СССР, а в 1934 г. уже на 104-х языках, включая и некоторые зарубежные языки¹¹. К концу 1933 г. в РСФСР национальным сектором Учпедгиза и местными национальными издательствами было выпущено 949 названий стабильных учебников¹².

При всех успехах по изданию национальных учебников тираж их был недостаточным. Немецкое издательство, хотя и выпускало в основном учебную и политическую литературу, не в состоянии было обеспечить даже АССР НП необходимыми учебниками. К 1927 г. в течение восьми лет в Поволжье было издано 200 наименований книг, из них 60 были посвящены вопросам сельского хозяйства, 40 – политическим вопросам и только 27 наименований были собственно учебники¹³.

Вопрос обеспечения учебниками немецких школ Украины был столь же острым, как и для других регионов. Республиканский Наркомат просвещения планировал издать в 1923 г. собственными силами немецкий букварь и книгу для чтения в двух частях. По другим учебникам дело тормозилось из-за отсутствия рукописей. Положительную роль сыграла организация Всеукраинского филиала Центриздата, это способствовало увеличению общего тиража немецкоязычной литературы в республике (1925 г. – 90,2 п. л., 1926 г. – 151,3 п. л., 1930 г. – 450 п. л.)¹⁴.

Особенно остро нуждались в учебной литературе народы, проживающие за пределами национальных образований или вдали от центральных издательств. Так, Сибирь по сравнению с европейской частью страны была значительно меньше обеспечена национальной книгой. В 1930 г. было издано в расчете на 1 чел. в Бурятии на 20 коп., по Сибирскому краю – на 67 коп., а в целом по РСФСР – на 90 коп. В Ойратии одна книга приходилась на 196 чел., в Сибкрае – на 12, по РСФСР – на 5 чел.¹⁵

Ситуация с немецкими учебниками в Сибирском крае была стабильно неблагоприятной. В первой половине 1920-х гг. немецкие школы Омской губ. обеспечивались учебниками на 25–40%, а наглядные пособия использовали из довоенных остатков¹⁶. Наглядную картину дают отчеты школ Омской губ. за 1923/24 уч. г. В Сосновской школе на 136 учеников было 130 книг (на русском и немецком языках), в Мирнодолинской на 75 учащихся приходилось 23 учебника, в Звонаревкутской на 120 чел. имелось лишь 15 книг.¹⁷ По официальным данным, в течение 1924/25 уч. г. школы губернии были снабжены

учебниками на русском языке на 100%, на немецком – на 70% (в т. ч. букварями на 15%),¹⁸ но сведения с мест были менее оптимистическими. Так, Славгородская партийная немсекция сообщала, что ряд школ обеспечен учебниками лишь на 20%.¹⁹

Появление национальных издательств мало изменило ситуацию в сибирских школах. Не оправдались надежды сибиряков и на подготовку немецких учебников на базе Сибирского краевого издательства. Оно было не в состоянии обеспечить литературой даже русские школы и выполняло в основном заказы для малых народов Севера. В 1927 г. Омский ОкрОНО констатировал, что издательство систематически не исполняет заказы на национальные учебники и их невозможно купить из-за дороговизны²⁰. Поэтому в Омском округе в 1926/27 уч. г. заказ на немецкие учебники был выполнен на 50%, казахские – на 80%, эстонские – на 40%, латышские – на 10%.²¹ В следующем учебном году в округе имелось не более 30% немецких учебников от необходимого количества. Из-за отсутствия книг на родном языке учителя использовали русские учебники или политизированную литературу на немецком языке, более того, иногда обучение велось по книгам дореволюционного образца. Отчет Пришибской школы за 1926/27 уч. г. интересен подробным перечислением имеющихся в школе книг и инвентаре. В ней обучалось 23 ученика в возрасте 8–12 лет. На балансе стояло 14 ученических скамей, книжный шкаф, учительский стол, сломанная классная доска, доска для передвижных букв, красный флаг и портрет Ленина. В общей сложности насчитывалось 54 учебника, из них только 18 на немецком языке. Среди последних было пять экземпляров букваря Баха «Учись читать» (Fr. Bach. Fiebel «Lerne lesen»), четыре учебника Фишера «Родного языка» для начального обучения немецкому языку (J. Fischer. «Unsere Muttersprache»), по две книги для чтения по географии и природоведению (Ölburg. «Guck in die Welt», Fischer. «Im Freien»), пять экземпляров художественной хрестоматии (A. Emich «Deutsches Lesebuch für die Schulen der ersten Stufe»). Для учителя имелось 5 пособий на русском языке, среди них «Как работать в деревенской школе по комплексной программе»²². В отчете Гальбштадтской школы за тот же год о состоянии ученической библиотеки говорится, что таковой практически нет, кроме 20 маленьких книжек «почти скотоводческого характера»²³.

Острота ситуации по обеспечению школ учебниками на родном языке вынудила Совнацмен НКП в 1928 г. признать, что эта проблема является одной из самых больших трудностей в работе с национальными школами. Временным выходом из создавшегося положения была закупка необходимых книг за границей за счет государственных средств и благотворительных ак-

ций зарубежных обществ. Подобная практика существовала на Украине и в Поволжье. Еще в 1922 г. для школ УССР была приобретена литература на средства, собранные зарубежными меннонитскими общинами (40 млн. руб.)²⁴. Предпринимались меры по обеспечению школ заграничными учебниками и через государственные каналы. В 1923 г. Наркомпрос УССР подал соответствующую заявку на получение учебников для школ повышенного типа из Германии.²⁵ В январе 1924 г. Россия планировала выделить 5 тыс. рублей золотом для покупки литературы²⁶. В марте 1926 г. в Германии побывала официальная делегация АССР НП, в составе которой был комиссар народного просвещения республики и некоторые учителя. Одним из первых результатов визита стало выделение средств внешнеполитической службой Германии и Немецким обществом по изучению Восточной Европы (Deutsche Gesellschaft zum Studium Osteuropas) для приобретения литературы²⁷. В декабре 1929 г. СНК РСФСР предоставил 300 тыс. руб. на закупку в Германии литературы для АССР НП. Подобные экстраординарные меры со стороны государства, в условиях катастрофического положения с литературой, преследовали, кроме сугубо практических, и определенные идеологические цели. Подобные шаги были возможны для поддержания титульной нации в Немецкой республике.

Проблемы издания немецких учебников были связаны не только с отсутствием методически грамотных рукописей и состоянием полиграфической базы издательств. Немаловажным фактором был перевод немецкого языка с готической графики на латинскую. Модернизация и создание новых алфавитов на основе латинского шрифта были в числе главнейших задач национально-языкового строительства государства и касалась в основном народов Востока и Крайнего Севера. Представители западных меньшинств уже имели свою письменность, вопрос заключался лишь в переходе на современную графику письма. Кириллицу нельзя было использовать в этот период в качестве основы, т.к. она ассоциировалась с великодержавным шовинизмом, царским режимом. Поэтому даже русский алфавит предполагалось перевести на латиницу, чтобы русский народ поставить в равные условия с другими. Арабское письмо и другие традиционные виды письменности были отнесены к «реакционным», «феодально-бейским». Ожидание мировой революции с Запада сказалось на выборе графики новых алфавитов. Самым нейтральным и подходящим для всех народов стал латинский шрифт, письменная графика европейской культуры. Движение за латинизацию алфавитов неразрывно связывалось и с успехами социалистического строительства, так как отказ от старой графики на деле означал отрыв народных масс от религии, от старых религиозных книг.

В 1920-е гг. активно дискутировался вопрос об упрощении правописания немецкого языка и переводе его на латинский шрифт. Проблемы регулярно обсуждались на страницах немецкоязычных журналов и газет в СССР и за рубежом²⁸. Революционные новации касались написания существительных, уничтожения удвоенных согласных и долгих звуков и т.д. Если вопросы грамматики и правописания остались уделом дискуссий ученых и учителей, то введение латинского шрифта имело большое политическое и практическое значение. Путь к солидарности с народами Европы, с пролетариатом Германии представлялся политикам через введение латиницы, поэтому не возникало сомнений в его объективной необходимости. Преимущества латиницы перед готикой имели и чисто технический характер: первый был более практичным, удобным при печати, написании и чтении. Переход на новое письмо был огромной психологической проблемой для всего взрослого населения. Готический шрифт воспринимался немцами как собственный «немецкий шрифт», это было традиционное письмо, которым пользовались предки, этим шрифтом написаны все духовные книги. Поэтому в сознании человека отказ от старого шрифта заключал в себе отказ от собственного прошлого и прошлого своих предшественников. Поэтому пропагандисты тут же окрестили готический шрифт проявлением национализма, письмом попов.

В учительской среде впервые вопрос о полном переходе на латиницу был поставлен на конференции немецких учителей в Грузии в 1925 г.²⁹ Вполне объяснимо, почему именно учителя Кавказа подняли этот вопрос первыми, а не Украины, Поволжья, Сибири. Немцы находились в том регионе в подавляющем меньшинстве, и на их глазах проходил активнейший процесс создания новых языков для народов Кавказа на основе латинского алфавита, поэтому учительство региона в большей степени, чем в других местах проживания немцев, было подвержено новым идеям.

Хотя нигде не было продекларировано преимущество готики перед латиницей, в стране повсеместно господствовал старый шрифт. Поэтому его вытеснение требовало времени и постепенности мер. Пример постепенности введения латиницы подавали журналы органов образования. На страницах журнала «Zur neuen Schule», издания немецкого центрального бюро Наркомпроса РСФСР и СССР, с первого же номера (июнь–июль 1925 г.) функционировали оба шрифта, готический и латинский. С 1928 г. в газете «Der Landmann», выходившей для немцев Сибири и Казахстана, появились заголовки на латинском шрифте, сам текст по-прежнему печатался готическим шрифтом. Позже то же самое произошло с газетой «Nachrichten» и другими изданиями немцев Поволжья.

Все немецкое население СССР было обучено чтению и письму на готике, поэтому при переходе на новую графику требовалось переучивать десятки тысяч взрослых людей и детей школьного возраста, а это вновь выдвигало на первый план задачу печатания новых учебников для школ и взрослых. В типографиях же просто не было в достаточном количестве необходимых наборных шрифтов. Частично проблема решалась путем приобретения учебников в Германии, которая уже пользовалась латиницей³⁰.

Официально переход на латиницу в Поволжье начался по решению ЦИК АССР НП с 1 января 1932 г. По предварительным подсчетам, от 87 до 90 тыс. немцев республики предстояло переучить. Для этого планировалось провести с 25 ноября по 25 декабря 1931 г. месячные курсы для взрослых, направить на работу 8 700 культармейцев и 1 100 методистов. Но даже проведение таких спешных мероприятий не означало, что общество, органы печати сразу же перестроятся на новые требования. Одним из свидетельств этого является перевод журнала «Revolution und Kultur» («Революция и культура») на латинский шрифт, который с осени 1932 г. стал органом только Наркомпроса АССР НП. Еще в начале 1932 г. в журнале соседствовали старый и новый шрифты, текст печатался готикой, а заголовки – латиницей. 21 августа 1932 г. Коллегия Наркомпроса республики приняла постановление о журнале «Революция и культура». Резкой критике подверглась редколлегия, которая не выполняла правительственного постановления «О начальной и средней школе». Прежняя редколлегия была отстранена и назначена новая, было решено превратить журнал в орган республиканского Наркомпроса. После этого сентябрьский номер вышел только на латинском шрифте.

Отсутствие национальных учебников приводило к тому, что школы считались национальными лишь на бумаге. За пределами национально-государственных образований складывался тип национальной школы с русским языком преподавания. В конце 1927 г. в Сибкрае имелось 109 школ, из них лишь четыре официально значились русско-немецкими³¹. В действительности же их было больше. Текущее обследование края 1929/30 уч. г. выявило русско-немецкие школы: одну в Славгороде и 23 (27%) в селах. Большинство из них находилось в Славгородском округе (12 школ), в них обучалось 45,2% школьников³². Именно это обстоятельство – практически полное отсутствие нужных учебников, позволило заместителю наркома просвещения В. А. Курцу, выезжавшему в 1930 г. в Сибирь, сделать вывод об отсутствии в крае немецкой школы.

Введение всеобуча в стране поставило на повестку дня вопрос о создании новых учебников. Постановление ЦК ВКП(б) от 12 февраля 1933 г. «Об учеб-

никах для начальной и средней школы» осуждало практику Наркомпроса и Госиздата по нескончаемому «проектированию» учебников. Запрещалось издание на местах собственных, кроме краеведческих, учебников, по каждому предмету устанавливался единый, обязательный стандарт. Появились так называемые стабильные учебники.

26 марта 1933 г. было принято постановление СНК РСФСР «О порядке издания учебников для начальной и средней школы в автономных республиках и областях РСФСР». Все учебники унифицировались, стандарт каждого учебника утверждала Коллегия НКП РСФСР, который был единственным для всех наций. Это были учебники по математике, естествознанию, обществоведению и географии для начальных классов, по истории, обществоведению, географии, математике, физике, химии, биологии, труду, технологии материалов, черчению, рисованию, иностранным языкам – для средней школы. Кроме того, для каждой национальности разрабатывались специальные учебники: собственные буквари, грамматики, книги для чтения, хрестоматии по родной литературе, учебник по краеведению, учебники по русскому языку (для каждой национальности свой на основе типового учебника русского языка). Новые специальные учебники тоже получали статус стабильных учебников. Они разрабатывались на местах, перевод на местный язык осуществлялся непосредственно в республиках и областях, а перевод с русского на язык нации утверждался лично наркомом просвещения автономной республики или заведующий отделом образования области, края³³. В соответствии с постановлением НКП РСФСР распределялось издание книг для отдельных наций по соответствующим издательствам. Немецкое издательство должно было обслуживать немецкое население АССР НП, Нижне-Волжского, Западно-Сибирского и Северо-Кавказского краев, Казахской АССР, Башкирской АССР.

Введение новых учебников по стране должно было начаться с 1933/34 уч. г.³⁴ Однако планирование и реальность в очередной раз не совпали. Из-за отсутствия новых учебников часть национальных школ Сибкрая не смогла вовремя приступить к занятиям. К 1 сентября не было ни новых учебников, ни рекомендаций по использованию старых. На складе Немецкого райОНО (Алтай) скопилось старых книг на сумму в 7 тыс. руб.³⁵ На 28 сентября 1933 г. из 52 названий необходимых книг было получено только 4 (7,7%)³⁶. Снабжение не было налажено и в следующем году. Заведующий райОНО докладывал в краевой отдел образования о полном отсутствии букварей, учебников немецкого и русского языков, по истории и по другим предметам для начальной и неполной средней школы³⁷. На протяжении 1930-х гг.

немецкие школы Западно-Сибирского края были обеспечены стабильными учебниками на 30–70%³⁸.

В такой ситуации работа учителей была обречена на провал, но именно их вскоре стали обвинять в том, что они не борются с «коренным недостатком школы» – не дают достаточного объема знаний и плохо готовят школьников для поступления в техникумы и вузы.

Проблема подготовки учителей. Введение всеобща потребовало огромного количества учителей по всем национальностям, между тем имеющаяся сеть педагогических заведений не могла удовлетворить возросшие потребности. В 1931 г. XV Всероссийский съезд Советов постановил завершить перевод всех национальных школ на родной язык в 1931/32 уч. г. Это была масштабная и непосильная для многих народов задача. В 1931/32 уч. г. Наркомпрос имел возможность перевести полностью на родной язык начальную школу лишь у 37 национальностей. Первыми о завершении коренизации начальной школы в РСФСР отрапортовали коми³⁹. В 1931 г. школы Чечни только на 70% были переведены на родной язык, Черкессии – 90%, в Удмуртии на родной язык были переведены только первые две группы начальной школы, а в Ненецком округе должны были приступить только в 1931/32 уч. г.⁴⁰

К началу 1930-х гг. процесс перевода немецкой школы на немецкий язык преподавания и учебники на родном языке был далек от завершения. На Украине в 1930 г. только 75% немецких детей обучались на родном языке, но это были очень высокие показатели. У других народов, проживавших в республике, они были гораздо скромнее, а греческие и молдавские школы только начали к тому времени формироваться⁴¹. В целом процесс коренизации школ нерусских народов шел значительно сложнее, чем это представлялось политическим деятелям. Самые оптимистичные прогнозы существовали в отношении татар. Уже в 1925 г. считалось, что они готовы перейти на преподавание на родном языке на всех уровнях обучения, но проблема не была закрыта и в 1930-е гг. Нехватка учителей ставила под угрозу выполнение плана всеобща в национальных школах.

Самой доступной и широко распространенной формой подготовки и переподготовки учителей на этом этапе были курсы различные по времени обучения. Основную работу по переподготовке учителей проводил Центральный институт повышения квалификации кадров народного образования путем организации курсов и заочного обучения. Одновременно с этим в 1920-е гг. начала формироваться сеть национальных педагогических техникумов и позже пединститутов. К 1931/32 уч. г. число национальных педтехникумов в РСФСР (без учета автономных республик) значительно увеличилось. Сеть

насчитывала 83 техникума и 22 национальных отделения в русскоязычных техникумах и готовила кадры для 34 народов. Но даже рост числа учебных заведений не спасал положения. Только в Средневолжском крае к началу 1932/33 уч. г. не доставало 2 130 учителей начальной школы, в том числе для мордвы – 1 370, татар – 320, украинцев – 120, немцев – 80⁴².

Для подготовки немецких учителей предназначался Центральный немецкий педагогический техникум, открытый в 1922 г. сначала в Москве, а затем переведенный в Ленинград. Педагогические техникумы для немцев действовали в Поволжье, на Украине, в Сибири. В 1933 г. немецкие техникумы, наряду с латышскими, финскими, польскими, армянскими, еврейскими, татарскими, были в большей степени коренизированы, чем у других народов. Коренизация в данном случае предполагала не только родной язык преподавания, но и национальный состав студентов и преподавателей, наполнение программ специальными дисциплинами, наличие учебников и литературы на родном языке в библиотеке учебного заведения, проведение культурно-массовой работы на языке народа.

Сложнее обстояло дело с подготовкой национальных учителей с высшим образованием. До 1930 г. педагоги для национальных школ повышенного типа готовились, главным образом, через общую сеть вузов в порядке командирования по броне. В 1927/28 уч. г. в университетах страны обучался 361 немец, что составляло 0,67% от общего числа университетских студентов. В педагогических институтах этот показатель был выше и составлял 0,92%, но в абсолютных цифрах это было лишь 126 студентов⁴³. В 1928 г. в РСФСР имелось только три национальных педагогических института. В 1929/30 уч. г. работало уже 6 пединститутов (в них обучались 2 242 студента), в 1931 г. – 13 (5 074), 1932 г. – 24 (9 667)⁴⁴. Немецкий пединститут в Энгельсе открылся в 1929 г. По состоянию на 1 июля в нем обучалось 139 чел., на 1 ноября 1931 г. – уже 227 чел. Наиболее перспективной и результативной формой обучения считалось заочное, хотя учителей-заочников на родном языке в начале 1930-х гг. готовили только у четырех народов: татар, тюрков, украинцев и немцев.

По итогам выборочной переписи Госплана (данные на 1 января 1931 г.) можно составить социально-политический портрет национального учительства страны начала 1930-х гг. Партийная прослойка была самой большой среди учителей Башкирии (9,5%), самой низкой на Украине (4,7%) и в АССР НП (4,8%). По уровню образования впереди шли учителя Крымской АССР. Законченное высшее образование из них имели 20,1% и незаконченное высшее – 14,6%, а средний показатель по СССР составлял соответственно

8,6% и 7,6%. В Республике немцев Поволжья был самый высокий процент учителей с законченным (67,8%) и незаконченным (15,3%) средним образованием, при средних показателях в стране 62,4% и 8,4%. Учителя АССР ПН принимали самое активное в стране участие в общественной работе. В социальном соревновании участвовало 81,8% учителей, культурно-просветительной работе – 82,1%, в проведении хлебозаготовок – 67,9%, посевной кампании – 64,3%, в работе прессы – 17,5%⁴⁶. Все эти цифры значительно превосходили общесоюзные показатели.

В 1934 г. была отменена практика бронирования мест для национальностей в общесоюзных и республиканских учебных заведениях. Постановлением Президиума ЦИК СССР от 17 апреля 1934 г. и Президиума ВЦИК от 31 декабря 1934 г. было признано нецелесообразным сохранять места для коренных национальностей союзных и автономных республик. Эта практика отменялась и по отношению к территориально не объединенным национальностям. Отмена бронирования мотивировалась тем, что национальные учебные заведения достаточно развились, как в количественном отношении, так по уровню преподавания. Считалось, что сеть педтехникумов охвачены не только национальные республики, но и народы, проживающие за их пределами. В РСФСР имелось 162 национальных педтехникума и 5 национальных отделений, из них в автономных республиках – 101, а за их пределами – 61 техникум и 5 отделений. Все они были рассчитаны для удовлетворения потребностей 70 национальностей⁴⁷. Немецкие техникумы АССР НП имели развитую структуру, что их выгодно отличало от других учебных заведений. Так, они в числе немногих имели дошкольные отделения, а библиотечные отделения, кроме немцев, имелись только в Татарской и Казахской автономных республиках.

Внешнее благополучие немецких учебных заведений, особенно усиливающееся при сравнении с ранее бесписьменными и менее развитыми в культурном отношении народами, не соответствовало истинному положению дел. В АССР НП даже в 1935/36 уч. г. не было стопроцентного охвата детей обучением, одной из причин была нехватка учителей. Дети 8–11 лет были вовлечены на 96 %, а старшие дети, 12–14 лет, на 93 %. Самые высокие показатели охвата обучением по РСФСР были в Крымской АССР (соответственно 97,8 % и 94,8 %).

Репрессии против учителей и закрытие национальных школ установление фашистской диктатуры в Германии повлекло за собой активизацию борьбы с «контрреволюционным буржуазно-националистическим элементом» в советской стране. Репрессивные меры против немцев стали применяться уже

в 1933 г., им было запрещено получать какую-либо помощь из Германии. Вскоре начались и откровенные преследования, которые были направлены в первую очередь против интеллигенции, представителей которой органы безопасности предпочитали видеть в роли руководителей различных вымышленных антисоветских организаций. На Украине только за первые шесть месяцев 1934 г. в 240 немецких населенных пунктах были «вскрыты» 85 фашистских организаций, арестовано более 250 человек, 150 – осуждено. Учителя и духовенство были названы проводниками пангерманистского влияния. Десять преподавателей немецких школ во главе с сотрудником лингвистического института С. Шульцем, якобы создавшим боевые штурмовые отряды из немецкой молодежи, были осуждены по делу «Союз молодых боевых немцев на Киевщине»⁴⁸. Еще в декабре 1933 г. ЦК КП(б) Украины поручил ГПУ проверить весь преподавательский состав немецких школ. В ходе кадровых чисток в течение января 1934 г. только в Пулинском районе Киевской обл. комиссия выявила 29 «классово-враждебных» учителей немецких школ⁴⁹.

5 ноября 1934 г. ЦК ВКП(б) принял специальное постановление «О работе среди немецкого населения», которое положило начало массовым репрессиям против немцев. В документе указывалось на открытую антисоветскую деятельность в районах, населенных немцами. ЦК призвал местные партийные комитеты и органы НКВД провести жесткие репрессивные меры против немецкого населения, было подчеркнуто, что советская власть не остановится даже перед высылкой немцев за пределы страны. Недопустимым фактом было названо игнорирование указаний ЦК об изучении языка той республики, на чьей территории находятся немецкие районы⁵⁰. Вслед за этим документом 14 ноября 1934 г. появилось секретное постановление Западно-Сибирского крайкома партии «О мероприятиях по борьбе с контрреволюционными элементами среди немецкого населения». В соответствии с ним начались тщательные проверки и чистки руководителей и активистов всех учреждений и организаций, ликвидация «фашистских группировок».

К середине 1930-х гг. наметились симптомы изменения государственной национальной и языковой политики, хотя в целом курс, направленный на развитие максимально возможного числа языков и удовлетворение потребности в идентичности, все еще продолжался. Пик издательской деятельности пришелся на 1936 г., когда выходила литература на 99 языках народов СССР. В Конституции СССР 1936 г. в ст. 121 было закреплено право на образование на родном языке. На практике же начался явный отход советского правительства от политики признания и поощрения родного языка в школе, началось постепенное сворачивание национального образования. В 1932

г. прекратило существование Центральное издательство народов СССР, в 1934 г. были упразднены национальные отделы просвещения в структуре государственного управления. С августа 1935 г. перестал выходить журнал «Просвещение национальностей». Одним из признаков смены курса стало постановление Президиума ЦИК от 1 июня 1935 г. о переводе языков народов СССР с латиницы на кириллицу.

Ожидания мировой революции не оправдались, а в условиях централизации советского государства появлялась необходимость в языке межнационального общения. Кроме русского языка ни какой другой объективно не мог претендовать на эту роль, поэтому основой очередной реорганизации алфавитов стала кириллица. Уже к 1939/40 уч. г. школы всех нерусских народов РСФСР имели учебную литературу на новых алфавитах, построенных на основе русской графики. Латиницу сохранили у народов Прибалтики, финнов, немцев. Русификация стала проявляться не только в письменности, но и в установлении норм литературных языков. Утвердилось мнение, что язык тем совершеннее, чем его грамматика более похожа на русскую. Изменение языковой политики стало проявляться и в том, что более «мелкие» языки стали вытесняться титульными языками союзных республик. Например, на Украине 4 марта 1935 г. было принято постановление ЦК КП(б)У «О преподавании украинского языка в школах немецких национальных районов», которое было направлено на борьбу с «националистическими и фашистскими элементами»⁵¹.

С конца 1930-х гг. началось активное насаждение русского языка во все сферы деятельности национальных меньшинств, но предвестники русификации стали проявляться раньше. На раннем этапе этого процесса еще сложно отделить объективную необходимость в хороших знаниях русского языка от субъективных попыток насаждения государственного языка. Тревога об уровне преподавания русского языка в национальных школах была обоснованной. Знание государственного языка было необходимо не только как средство коммуникации, но и для большей интеграции малых народов в жизнь и экономику страны, для развития собственной культуры и образования. Это осознавали и сами учителя. Изучение и освоение русского языка в школах немецких поселков Сибири встречало большие трудности уже на протяжении 1920-х гг., так как языком межличностного общения оставался немецкий язык. Так, например, в 1921 г. 60% немецкого населения Славгородского уезда не понимало русского языка,⁵² в Рубцовском уезде в 1923 г. этот показатель достигал 73 %⁵³. Поэтому на учительских конференциях Омского округа в 1931–1933 гг. активно обсуждалось состояние русского языка

в школах. Проблема преподавания русского языка в немецких школах АССР НП также стояла на повестке дня и постоянно освещалась на страницах печати⁵⁴. В помощь учителю с 1936 г. стал выходить журнал «Русский язык в школе».

15 мая 1934 г. вышло постановление СНК и ЦК ВКП(б) «О структуре начальной и средней школы», положившее начало фронтальной унификации всех типов общеобразовательной школы и содержания преподавания. Приказ наркома просвещения от 17 августа 1934 г. определял порядок перехода национальных начальных школ с пятилетнего обучения на четырехлетнее. Переход планировался уже с 1934/35 уч. г. Упорядочивались сроки обучения: не допускались школы с укороченным, двух- и трехлетним, обучением. Занятия должны были проходить по стабильным программам⁵⁵.

Сокращение сроков обучения при сохранении объема программы особенно больно затронуло вопрос соотношения родного и государственного языков в национальных школах. Если в 1920-е гг. начальной национальной школе рекомендовалось изучать русский язык с третьего класса, и лишь при возможности вводить его со второго полугодия второго класса,⁵⁶ то теперь этот предмет вводился с самого начала второго года учебы. Из-за сокращения сроков обучения общая недельная нагрузка уроков соответственно увеличилась: во втором классе на 5 час., в третьем – на 6 час., в четвертом – на 8 час. В соответствии с программами, утвержденными в 1934 г., количество часов на изучение русского языка в национальной школе оставалось одинаковым во 2–4 классах (по 6 уроков в неделю). Объем часов, отводившихся на родной, сокращался от класса к классу (в первом классе – 12 час., втором – 11 час., третьем – 9 час., четвертом – 7 час.)⁵⁷. За более короткий срок дети национальной школы должны были изучить два языка, причем с русским языком они впервые встречались в школе. Все это способствовало еще большему отставанию национальной школы.

Успехи национальных школ по обучению русскому языку стали предметом спекуляции в ходе репрессий против учителей, в отставании школ усматривался злой умысел врагов, направленный на подрыв роли русского языка. В октябре 1934 г. все первые руководители Немецкого района Алтая были исключены из партии и сняты с работы как участники «националистической контрреволюционной группы». В районе начались проверки, повторная партийная чистка. Предметом особого внимания всех проверяющих было народное образование. В ходе проверок пришли к выводам, что преподавание русского языка поставлено неудовлетворительно, так как программа русского языка намеренно «срывалась», а русский язык преподавали учителя, не зна-

ющие его. Из 28 учителей русского языка обследованных школ 27 учителей были немцами, восемь из них недостаточно владели русской грамматикой, 16 не имели законченного среднего образования, 14 были со стажем от одного до трех лет. По итогам проведенной чистки и проверок в Немецком районе было намечено уволить 21 учителя как «классово-чуждых», при этом в районе уже не хватало 10 учителей⁵⁹. КрайОНО должно было направить в район к концу 1934 г. 11 комсомольцев-преподавателей русского языка. Действительно, к декабрю прибыло 11 комсомольцев, но среди них лишь трое были учителями русского языка,⁶⁰ поэтому уроки русского языка вынуждены были по-прежнему вести немецкие педагоги. С начала 1935/36 уч. г. во всех немецких школах района и всего Алтайского края была введена штатная должность преподавателя русского языка, который наделялся большими полномочиями: он становился помощником заведующего школой по воспитательной работе⁶¹.

Процесс сворачивания национального образования завершился закрытием национальных школ не титульных наций. 24 января 1938 г. Оргбюро ЦК ВКП(б) приняло секретное постановление «О реорганизации национальных школ», в котором отмечалось, что национальные школы превратились в «очаги буржуазно-националистического антисоветского влияния на детей», наносят огромный вред делу правильного обучения и воспитания. Этим документом школы, педучилища (бывшие техникумы) преобразовывались в учебные заведения обычного типа с преподаванием на русском языке. Следует отметить, что вслед за партийным постановлением не последовало ни правительственных документов, ни документов местных советских органов по реорганизации национальных школ. Фактическое закрытие национальных школ прикрывалось шумной пропагандой необходимости изучения русского языка. 13 марта 1938 г. было принято совместное постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей».

Процесс закрытия школ имел свои особенности в каждой республике, крае, области. Раньше других в стране запреты коснулись немецких школ Ленинграда и Ленинградской обл. 15 июля 1937 г. секретариат Ленинградского горкома ВКП(б) принял постановление «О немецком отделении 33-й школы Октябрьского района», в котором школа была названа «рассадником антисоветской идеологии», а потому должна была быть немедленно расформирована. К 20 декабря 1937 г. бюро Ленинградского обкома партии подготовил проект постановления «О национальных школах и других культурно-просветительных учреждениях», который признавал «вредным» существо-

вание финских, эстонских, немецких, польских, латышских, англо-американских, ассирийских и других школ, а также национальных отделений. Уже к началу марта 1938 г. в Ленинградской области были реорганизованы 340 различных школ, в том числе 36 финских, 4 эстонские, 17 латышских, 9 немецких школ⁶². Проект постановления Ленинградского обкома был принят 5 февраля 1938 г., уже после появления союзного документа, но его разработка закончилась раньше. Характер документа ленинградских коммунистов, авторитет секретарей обкома (А. А. Жданов, А. А. Кузнецов, В. Цветков и др.) позволяет предполагать, по мнению Т. М. Смирновой, что он оказал сильное влияние на выработку постановления ЦК ВКП(б).

В Алтайском крае, на основании постановления Оргбюро ЦК ВКП(б) по Алтайскому краю от 13 февраля 1938 г.,⁶³ к началу учебного года были реорганизованы 87 немецких (в них обучалось 5 933 чел.), 2 эстонские (156) и 1 корейская (25) школы. В этих школах было учтено 169 учителей, из которых к дальнейшей работе было допущено 127 чел.⁶⁴ Вместе с тем по сведениям на 14 октября 1939 г., в Алтайском крае продолжали действовать 42 казахские школы, 6 татарских, 5 мордовских, 1 телеутская, 1 чувашская, 7 алтайских школ⁶⁵. Если сохранение школ алтайцев и телеутов можно объяснить тем, что это были коренные народы Алтая, и поэтому их школы не подлежали реорганизации, то причины сохранения других национальных школ восточных народов еще требуют исследования.

В Башкирии постановление о запрете национальных школ было принято бюро обкома ВКП(б) 19 марта 1938 г. Были реорганизованы школы: Давлекановская и Александрово-Волынская немецкие, Березовская русско-немецкая, Сядевская эстонская, Бакалдинская латышская и ряд других латышских школ. Вместе с тем началась русификация марийских, мордовских, чувашских школ. В марте 1938 г. были закрыты все эстонские, татарские, мордовские и казахские школы на территории АССР НП⁶⁷. Немецкие школы продолжали работу, это были школы титульной нации республики.

В Узбекистане в 1938/39 уч. г. даже после принятия постановления о реорганизации национальных школ продолжали работать школы на 22 языках, включая осетинский, латышский, болгарский, идиш, но вскоре их число значительно сократилось⁶⁸. На Украине завершающим актом деятельности немецких школ стало принятие Политбюро ЦК КП(б)У постановлений от 10 апреля 1938 г. «О реорганизации национальных школ Украины» и 7 июня 1938 г. «О реорганизации особых национальных школ, техникумов, Одесского немецкого педагогического института и особых национальных отделов и классов в школах, техникумах и вузах УССР». К последнему документу до-

полнительно был разработан «План реорганизации особых национальных начальных, неполных средних и средних школ УССР». Согласно принятым решениям, все школы становились либо русскими, либо украинскими⁶⁹. Реорганизации подлежали 888 национальных школ, в том числе 543 немецкие школы, планировалось завершить их преобразование в течение пяти месяцев. Под действие постановления попадали и школы смешанного типа: 120 немецко-украинских, 15 немецко-русских, Пришибская немецкая ветеринарно-фельдшерская школа и другие⁷⁰.

Педагогическое училище в Хортице было в числе тех учебных заведений, которые с осени 1938 г. приступили к занятиям на русском языке. По воспоминаниям бывшей студентки Эрны Лен (Lehn), до 1938 г. они изучали русский и украинский языки как иностранные. Слова заучивались наизусть, но осмысленно составлять предложения из них могли немногие. Она приводит комический случай, как однажды вызванный к доске студент не мог написать хоть какое-нибудь предложение по-украински. По подсказке из класса он записал «Корова літає». После каникул студентам объявили о переходе на русский язык обучения. Как возможно было за одну ночь назавтра выучить язык? Поэтому часть студентов покинула техникум. Оставшихся теперь готовили не только как будущих учителей начальных классов, но и в качестве преподавателей немецкого языка как иностранного⁷¹. Замена языка преподавания в такие короткие сроки, безусловно, сказалась на качестве преподавания и уровне подготовки будущих учителей, особенно тяжело пришлось тем студентам, которых такая перестройка коснулась уже в процессе учебы.

К апрелю 1938 г. закончилась замена немецких педагогов русскими в Славгородском немецком педучилище на Алтае, преподавание всех предметов было переведено на русский язык. К началу 1938/39 уч. г. русские заведующие были назначены в 17 школ Немецкого района, в 12 начальных школах заведующими оставались немцы, и еще предстояло решить вопрос о заведующих в 11 школах. При назначении заведующих нарушалось постановление «О структуре начальной и средней школы», в котором требовалось назначать на должность заведующих в начальные школы педагогов по окончании училища и с трехгодичным стажем, а в неполные средние школы – лишь по окончании педагогического вуза и с трехгодичным стажем. В начальные же школы Немецкого района были направлены выпускники русских педучилищ без стажа, а в неполные средние – два второкурсника пединститута и два студента педучилища, при этом только один из четверых имел соответствующий стаж⁷².

Весной – летом 1938 г. для учителей национальных школ была проведена срочная переподготовка на курсах усовершенствования, где основное вни-

мание уделялось преподаванию русского языка. В Барнауле такая работа началась уже в марте, обучение прошли 20 немецких учителей⁷³. В Омске летними курсами было охвачено 411 чел., среди них были 16 учителей немецких и 40 – татарских и казахских школ. В программе курсов для учителей нерусских школ почти все время (140 час. из 190) отводилось на изучение русского языка и методику его преподавания, 47 часов – на историю СССР⁷⁴.

Стремительная реорганизация национальных школ, форсированный перевод на русский язык обучения нанесли огромный вред национальному образованию в целом. Проверка бывших немецких школ Алтайского края в октябре 1939 г. показала их плачевное состояние. Не хватало 9 учителей для начальных классов, в 9 школах учителя вели одновременно по 4 класса. Непосильная нагрузка часто приводила к тому, что во время урока учителя вынуждены были переходить из класса в класс, не успевали проверять тетради. Учитывая то, что дети начальных школ никогда не учились на русском языке, а большинство учителей не имели педагогического стажа, необходимо было до минимума уменьшить наполняемость классов, чтобы хоть как-то снизить остроту проблемы. Но это оставалось лишь пожеланием. Не хватало учебников для старших, 5–10 классов, особенно по истории, русскому и немецкому языкам. До октября в Немецкий район не поступили тетради, и дети писали на клочках бумаги. В таких условиях страдало качество преподавания. Так, в Локтевской школе большинство детей вообще не говорили по-русски, в диктанте из 110 слов делали до 123 ошибок. Из-за незнания русского языка многим учащимся трудно было обучаться в 5–10 классах, поэтому они оставляли учебу. Так, только из Гальштадтской школы в течение 1938/39 учебного года выбыло 25 детей⁷⁶.

Качество знаний русского и немецкого языков оставляло желать лучшего и в школах АССР НП. 3 января 1939 г. Бюро обкома ВКП(б) республики рассмотрело вопрос о состоянии успеваемости в школах республики, положение дел было оценено как неудовлетворительное (28,8 % двоечников). В ряде кантонов успеваемость едва достигала 40 %. Виновником был объявлен Наркомат просвещения АССР НП, бюро потребовало от органов образования коренного изменения ситуации.

Изгнание национального содержания из школ сопровождалось активными поисками «фашистских агентов» среди педагогов. «Враги» выявлялись в ходе партийных чисток и развернувшейся с 1936 г. обязательной аттестации учителей. Репрессии нанесли огромный урон всем ступеням еще только нарождавшегося национального среднего и высшего педагогического образования. 26 февраля 1934 г. в Одессе был вынесен приговор по делу «немец-

ко-фашистской контрреволюционной организации, имевшей целью насаждение повстанческих ячеек, отрыв немецкого населения от советизации, проведение вредительски-диверсионной деятельности и подготовки вооруженного восстания против советской власти». Руководителями организации были определены профессора Одесского педагогического института Р. К. Миквиц, А. Н. Штрем, заведующий отделом Центральной научной библиотеки Г. Д. Штейнванд. По делу проходили преподаватели одесских вузов и школ: Ф. П. Адлер, В. М. Франц, А. И. Райх, Э. Г. Бейтельспахер, С. И. Унгемах, О. Я. Цвиккер, Г. И. Бахман, Э. Л. Тромпетер. Все были осуждены на сроки от 3 до 5 лет⁷⁷. В 1937–1938 гг. аресты по этому делу возобновились, общее число привлеченных доходило до 100 чел. Все осужденные были реабилитированы в 1968 г. Среди пострадавших был Альфред Николаевич Штрем, ученик В. М. Жирмунского, пионер исследования немецких диалектов на Неве, участник экспедиций Жирмунского на Украину. С 1927 г. он преподавал немецкий язык в Хортицком педтехникуме. В 1929 г. вышла его книга «Преподавание немецкого языка в диалектном окружении»⁷⁸.

Немецкий пединститут в АССР НП в ходе чистки в начале 1930-х гг. лишился талантливых педагогов и ученых таких, как Г. Г. Дингес, П. Д. Рау. За период с 1929-го по 1937 г. были сняты четыре директора института. В 1937 г. были арестованы и репрессированы десятки студентов и преподавателей, из-за этого в том году набора студентов не проводилось. В отличие от других учебных заведений этот институт нельзя было закрыть простым постановлением, он мог существовать до тех пор, пока существовала АССР немцев Поволжья. Но институт трясло от постоянных проверок и чисток на протяжении 1930-х гг. Последняя перед закрытием проверка состоялась по инициативе обкома ВКП(б) республики после рассмотрения на заседании 4 февраля 1941 г. вопроса о состоянии учебно-воспитательной работы в школах республики. Причиной слабой успеваемости школьников была названа плохая подготовка педагогов, поэтому проверка коснулась не только пединститута, но и трех педучилищ⁷⁹. С началом войны институт прекратил существование.

Размах репрессий достиг своего апогея в 1937–1938 гг. Только в Одесской обл. за три месяца (июнь–август) 1937 г. было арестовано свыше 600 чел., в том числе 580 жителей немецких национальных районов. Среди арестованных было 19 директоров и свыше 50-ти преподавателей немецких школ. Осенью был разгромлен Одесский педагогический техникум, прекратил существование немецкий отдел коммунистической сельхозшколы, немецкий сектор медицинского института⁸⁰. Отчеты отделов школ Омского обкома и Алтайского крайкома партии за этот период изобилуют фактами о «вредительст-

ве», «вылазках троцкистов» в народном образовании. Все накопившиеся за годы советской власти проблемы в этой области (строительство новых школ, нехватка кадров, подготовка и уровень работы учителей и др.) списывались теперь на «врагов народа». В Омской обл. за период с 1 сентября 1935 г. по 1 мая 1937 г. аттестационные комиссии сняли с работы 112 учителей всех национальностей. В течение 1937/38 уч. г. были отстранены еще 111 чел. из-за «родственных связей с врагами народа»⁸¹. В Барнауле только за август – декабрь 1937 г. было арестовано 46 и уволено по политическим мотивам 59 педагогов⁸². Массовые чистки усугубляли кадровую ситуацию: к 1 января 1938 г. в Омской обл. не хватало 1 135 учителей, в т. ч. 40 учителей немецкого языка.

В 1937–1938 гг. НКВД сфабриковало дело о контрреволюционной группировке среди немецких учителей Омского района. «Главарем» был определен учитель Ребровской школы А. К. Гинц, прибывший в 1934 г. из Армавира. Он был арестован в январе 1937 г. и осужден как агент немецкой разведки. С ним были осуждены инструктор горОНО Берг, директор Сосновской школы А. Эльзессер и преподаватель этой же школы Л. Эльзессер. Позже по этому делу был арестован А. А. Вебер – директор Ребровской школы⁸³. В 1938 г. прокатилась волна репрессий против руководителей немецких школ Омской области. Были сняты с работы директор и завуч Александровской школы Щербакульского района за «антипролетарскую» воспитательную работу⁸⁴. Директор Новоскатовской школы И. Я. Фот за попытку эмиграции в конце 1920-х гг. был уволен с работы, а затем арестован⁸⁵. Как «фашистский агент» был расстрелян в 1938 г. Ф. И. Гейгер – директор неполной средней школы поселка им. Энгельса Черлакского района⁸⁶.

В 1930-е гг. сформировалась в основном языковая политика в СССР, которая в основных формах с некоторыми модификациями продолжалась до конца 1980-х гг. Это была политика русификации, облаченная в демократические формы. В довоенный период в русле национально-языковой политики шло развитие национальных школ, которое менялось от полной свободы использования родного языка в 1920-е гг. до сворачивания национального образования, а затем и фактического запрета школ многих народов. До конца 1920-х гг. при всем несовершенстве самой национально-просветительной политики государства все же имелись возможности для осуществления в школе равноправия языков и наций, обучение велось на родном языке. Реорганизация, а фактически закрытие, национальных школ нанесла серьезный урон национальной культуре немцев и других народов страны. Язык как часть культуры вытеснялся в бытовую и конфессиональную сферу, в конеч-

ном итоге был обречен на утрату молодыми поколениями. Немецкое сельское население страны не было еще в значительной степени втянуто в ассимиляционные процессы, сохраняло самосознание, культуру, родной язык. Школьное образование на родном языке позволяло ему реализовывать эти особенности. Поэтому можно с уверенностью говорить о том, что национальные школы не исчерпали своего потенциала к моменту их запрета. Их развитие тормозилось из-за объективных трудностей и идеологических установок, навязываемых учительству и населению в целом. Чрезмерная централизация управления и снабжения школ гасили народную инициативу по поддержке собственных школ. В немецких школах к концу 1930-х гг. был выхолощен весь накопленный народный опыт, превратившись в типовую, школа утратила свою самобытность, связь с народной традицией.

Сама школа стала объектом и субъектом деформации процессов национального развития. К концу 1930-х гг. немецкая школа не смогла окончательно превратиться в школу немецкого языка, вместе с тем она не давала и прочных знаний по русскому языку. Школа оказалась на каком-то «языковом распутье», не было взвешенного и справедливого баланса языков, ни в их изучении, ни в использовании в качестве языка преподавания. Она все больше превращалась в механизм сталинской идеи интернационализации, ее использовали в качестве орудия для формирования нового сознания, центра атеистической пропаганды.

¹ См.: Кузьмин М. Н. Национальная школа России в контексте государственной образовательной и национальной политики // Многоязычие и преподавание родных языков: Материалы из Фландрии, Англии, Нидерландов, Германии и России. М., 1998. С. 240.

² См.: Городилова Г. Г., Хамраева Е. А. Федеральный обязательный минимум предмета «русский язык в национальной школе» // Многоязычие и преподавание родных языков. С. 169.

³ См.: Национальная политика ВКП(б) в цифрах. М., 1930. С. 299.

4 См.: Mattern F. Schulbücher um jeden Preis! // Die Arbeit. 1923. Nr. 5. S. 138.

⁵ См.: ГАОО. Ф. Р-318. Оп. 1. Д. 517. Л. 101.

⁶ См.: Там же. Д. 101. Л. 33об.

⁷ См.: ЦХАФАК. Ф. Р-141. Оп. 1. Д. 41. Л. 14.

⁸ См.: Die Lehrer von Chortiza an der Arbeit // Die Arbeit. 1923. Nr. 14. S. 328–329.

⁹ См.: Bartels B. Über den Stand unserer Lehrbücherfrage // Die Arbeit. 1923. Nr. 16. S. 374.

- ¹⁰ Например, во многих номерах журнала „Zur neuen Schule“ за 1925 г. имелось рекламное приложение издательства с указанием литературы и ее стоимости. Так, книги Ф. Циглера по математике стоили от 20 до 65 коп., «Учись читать» Ф. Баха – 70 коп. Для школ имелась скидка 10%.
- ¹¹ См.: Национальные школы РСФСР за 40 лет / Под ред. Ф. Ф. Советкина. М., 1958. С. 9.
- ¹² См.: Эфиоров А. Нерусская школа к двадцатилетию Великой Октябрьской социалистической революции // Советская педагогика. 1937. № 3. С. 43.
- ¹³ См.: Waschkau N. E. Kulturbeziehungen der Wolgadeutschen Republik mit Deutschland 1918–1933 // Forschungen zur Geschichte und Kultur der Russlanddeutschen. Essen: Klartex. 1998. Nr. 8. S. 112.
- ¹⁴ См.: Бобылева С. И. Немецкие школы и нравственно-психологические проблемы образования в 20–30-е годы XX в. (по материалам Украины) // Немцы в России в контексте отечественной истории: общие проблемы и региональные особенности: Материалы международной конференции. Москва, 17–20 сентября 1998 г. М., 1999. С. 398.
- ¹⁵ См.: С-н. Национальная печать и полиграфическая база национальных издательств // Просвещение национальностей. 1931. № 10. С. 67.
- ¹⁶ См.: ГАОО. Ф. Р-978. Оп. 1. Д. 42. Л. 32; Ф. Р-318. Оп. 1. Д. 225. Л. 45; Д. 249. Л. 66.
- ¹⁷ См.: Там же. Л. 51.
- ¹⁸ См.: Там же. Ф. Р-318. Оп. 1. Д. 248. Л. 71.
- ¹⁹ См.: ЦХАФАК. Ф. П-2. Оп. 4. Д. 213. Л. 121.
- ²⁰ См.: ГАОО. Ф. Р-1152. Оп. 1. Д. 1168. Л. 244; Ф. Р-318. Оп. 1. Д. 225. Л. 27.
- ²¹ См.: Там же. Ф. Р-1152. Оп. 1. Д. 1168. Л.30.
- ²² См.: Там же. Л. 16.
- ²³ См.: Там же. Д. 1176. Л. 50.
- ²⁴ См.: Осташева Н. В. На переломе эпох... Меннонитское сообщество Украины в 1914–1931 гг. М., 1998. С. 173.
- ²⁵ См.: Baitinger O. Die Lehrbücherfrage (Der deutschen Lehrerschaft der Ukraine zur Betrachtung) // Die Arbeit. 1923. Nr. 16. S. 373.
- ²⁶ См.: Waschkau N. E. Kulturbeziehungen der Wolgadeutschen Republik mit Deutschland 1918–1933 // Forschungen zur Geschichte und Kultur der Russlanddeutschen. Essen: Klartex. 1998. Nr. 8. S. 109.
- ²⁷ См.: Ibid. S. 107.
- ²⁸ См.: Bartels B. Di noie doitsche rechtschraibung // Zur neuen Schule. 1925. Nr. 3. S. 49–53; Mickwitz [R.] Gotisch oder Lateinschrift? Zur Diskussion // Kultur und Schule. Приложение к газете „Der Landmann“. Aug. 1927. Nr. 4; Einführung der Lateinschrift bei den

Wolgadeutschen // Deutsch-Wolgadeutscher Pressedienst. Nr. 13. 19 Juli 1927; Friesen J. Ist eine Rechtschreibereform möglich? // Der Landmann. 1928. 17. Oktober; Projekt zur Vereinfachung der deutschen Rechtschreibung // Der Landmann. 1930. 25 Juni; Fandry [R. L.]. Jeder Werktätige muss das lateinische Alphabet beherrschen // Nachrichten. 1931. Nr. 265. 12. Dezember .

²⁹ См.: Mickwitz [R.]. Gotisch oder Lateinschrift? // Kultur und Schule. 1927. Nr. 4.

³⁰ См.: Герман А.А. Немецкая автономия на Волге. 1918–1941. Ч. 2. Автономная республика. 1924–1941. Саратов, 1994. С. 78.

²¹ См.: Итоги Всесоюзной школьной переписи 15 декабря 1927 года и текущего обследования народного образования 1 декабря 1928 года в Сибирском крае. Барнаул, 1929. С. 14.

³² См.: Просвещение в Сибирском крае. Основные итоги текущего обследования учреждений народного образования. 1929–30 г. Новосибирск, 1930. С. 11, 17–18.

³³ См.: О порядке издания учебников для начальной и средней школы в АССР и областях РСФСР // Просвещение национальностей. 1933. № 2. С. 17–18.

³⁴ См.: Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сб. документов. 1917–1973 гг. М., 1974. С. 164–165.

³⁵ См.: ЦХАФАК. Ф. П-1892. Оп. 1. Д. 16. Л. 126.

³⁶ См.: ГАНО. Ф. Р-61. Оп. 1. Д. 1194. Л. 30.

³⁷ См.: Там же. Д. 1237. Л. 32.

³⁸ См.: Гербер О.А. Материальная база школьного образования сибирских немцев (1920–1935 гг.) // Российские немцы. Проблемы культуры и образования. Новосибирск, 1996. С. 113.

³⁹ См.: Алпатов В.М. 150 языков и политика: 1917–2000. Социолнгвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. М., 2000. С. 76–77.

⁴⁰ См.: Иванов А.Ф. Педагогические кадры массовой национальной школы. М.–Л., 1932. С. 16.

⁴¹ См.: Клячин А.И. Этнические меньшинства и национально-государственное строительство на Украине в 1920–1930 гг. // Этноконтактные зоны в европейской части СССР. М., 1989. С. 104.

⁴² См.: Карнеев И. К вопросу о подготовке нацпедкадров // Просвещение национальностей. 1932. № 10. С. 14.

⁴³ См.: Национальная политика ВКП(б) в цифрах. М., 1930. С. 290–291.

⁴⁴ См.: Кабанов Л. Национальные педвузы – на высшую ступень // Просвещение национальностей. 1932. № 11/12. С. 25.

⁴⁵ См.: Иванов А.Ф. Педагогические кадры массовой национальной школы. С. 12.

- ⁴⁶ См.: Там же. С. 21, 23.
- ⁴⁷ См.: Гамалов С. Больше внимания подготовке национальных педкадров // Просвещение национальностей. 1935. № 2. С. 16.
- ⁴⁸ См.: Ченцов В.В. Трагические судьбы. Политические репрессии против немецкого населения Украины в 1920-е – 1930-е годы. М., 1998. С. 68–69.
- ⁴⁹ См.: Там же. С. 79–80.
- ⁵⁰ Цит. по: Бруль В.И. Немцы в Западной Сибири. Ч. 1. С. 133–134.
- ⁵¹ См.: Ченцов В.В. Трагические судьбы. С. 80.
- ⁵² См.: ЦХАФАК. Ф. П-37. Оп. 2. Д. 144. Л. 18.
- ⁵³ См.: Там же. Ф. П-2. Оп. 4. Д. 398. Л. 51.
- ⁵⁴ См.: Heinz S., Weinzettel O. Der Russischunterricht darf nicht zurückbleiben // Nachrichten. 1934. Nr. 262; Fischer J. J. Die russische Sprache in der Anfangsschule // Die Schule der Wolgadeutschen Republik. 1937. Nr. 5. S. 13–17; Braun M. Spezifische Schwierigkeiten beim Erlernen der russischen Sprache in den deutschen Schulen // Die Schule der Wolgadeutschen Republik. 1937. Nr. 7/9. S. 24–28.
- ⁵⁵ См.: ГАНО. Ф. Р-61. Оп. 1. Д. 1323. Л. 16.
- ⁵⁶ См.: ЦХАФАК. Ф. Р-141. Оп. 1. Д. 56. Л. 108; ГАНО. Ф. Р-61. Оп. 1. Д. 800. Л. 22об., 44об.
- ⁵⁷ См.: ГАНО. Ф. Р-61. Оп. 1. Д. 1323. Л. 52.
- ⁵⁸ См.: Там же. Л. 60.
- ⁵⁹ См.: ЦХАФАК. Ф. П-1892. Оп. 1. Д. 23. Л. 9.
- ⁶⁰ См.: Там же. Д. 20. Л. 45.
- ⁶¹ См.: ГАНО. Ф. Р-61. Оп. 1. Д. 1323. Л. 56.
- ⁶² См.: Смирнова Т.М. Национальность – питерские. Национальные меньшинства Петербурга и Ленинградской области в XX веке. СПб., 2002. С. 167–169.
- ⁶³ См.: ЦХАФАК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 23. Л. 406об. – 407.
- ⁶⁴ См.: Там же. Д. 180. Л. 7–8.
- ⁶⁵ См.: Там же. Д. 303. Л. 98.
- ⁶⁶ См.: Сулейманова Л.Ш. Национальные школы малочисленных народов Башкортостана в 1917–1941 гг. // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Тезисы докладов и сообщений. Уфа, 1993. С. 183.
- ⁶⁷ См.: Герман А.А. Немецкая автономия на Волге. Ч. 2. С. 253.
- ⁶⁸ См.: Ханазаров К.Х. Сближение наций и национальные языки в СССР. Ташкент, 1963. С. 173.
- ⁶⁹ См.: Бобылева С.И. Немецкие школы и нравственно-психологические проблемы образования. С. 405.

- ⁷⁰ См.: Ченцов В.В. Трагические судьбы. С. 144.
- ⁷¹ См.: Lehn E. Abschluss am Chortizaer Pädtechnikum // Volk auf dem Weg. 1999. № 5. S. 40–41.
- ⁷² См.: ЦХАФАК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 303. Л. 86–87.
- ⁷³ См.: Культурное строительство на Алтае. 1917–1941 гг. Документы и материалы. Барнаул, 1980. С. 292.
- ⁷⁴ См.: ЦДНННОО. Ф. 17. Оп. 4. Д. 329. Л. 170–172.
- ⁷⁵ См.: ЦХАФАК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 303. Л. 88–91.
- ⁷⁶ См.: Герман А.А. История Республики немцев Поволжья в событиях, фактах, документах. М., 2000. С. 122.
- ⁷⁷ См.: Малова Г. Дело антисоветской немецкой организации преподавателей Одесского педагогического института // Одесский мартиролог. Т. 1. Одесса, 1997. С. 710–720.
- ⁷⁸ О Штреме см также: Домашнев А.И. А. Штрем и исследование диалектов немецких поселений на Неве // Немцы в России: люди и судьбы. СПб., 1998. С. 108–113; Смирницкая С.В. Альфред Штрем // Смирницкая С. В. Труды по германистике и истории языкознания. СПб., 2002. С. 298–299.
- ⁷⁹ См.: Герман А. А. Немецкая автономия на Волге. Ч. 2. С. 251.
- ⁸⁰ См.: Ченцов В. В. Трагические судьбы. С. 102.
- ⁸¹ ЦДНННОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 579. Л. 10; оп. 4. Д. 329. Л. 17.
- ⁸² См.: ЦХАФАК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 180. Л. 4.
- ⁸³ См.: Архив УФСБ ОО. Д. П-5089.
- ⁸⁴ См.: ЦДНННОО. Ф. 17. Оп. 4. Д. 329. Л. 91.
- ⁸⁵ См.: Архив УФСБ ОО. Д. П-463.
- ⁸⁶ См.: Там же. Д. П-5.

Черказьянова Ирина Васильевна, к.и.н., научный сотрудник СПб филиала Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН, г. Санкт-Петербург

МУЗЫКАНТЫ И КОМПОЗИТОРЫ ИЗ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ В СТРАНАХ СНГ И ГЕРМАНИИ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВВ.

А. Шваб

После Октябрьской революции в России в 1917 г. и образования Советского Союза и особенно после Второй мировой войны исследовать историю и культуру немцев России или советских немцев было возможно в основном в Западной Германии. После распада СССР и образования Содружества Независимых Государств началось интенсивное исследование истории и культуры национальных меньшинств бывшего СССР, из которых многие впервые получили возможность изучения собственной истории и культуры, что является первым шагом к осмыслению и укреплению национального самосознания и на этой основе сознательного сотрудничества с другими этносами.

Благодаря исследовательской деятельности различных институтов России и Германии, занимающихся исследованиями истории и культуры российских немцев, как и работе отдельных ученых-исследователей, разработка этих тем достигла высокого уровня, что в годы советского периода было бы просто невысказуемо.

В предлагаемом докладе речь будет идти как о бытовой музыкальной жизни немецкого этноса в Советском Союзе и СНГ, т.е. о народной музыке советских немцев, так и о профессиональной музыке и профессиональных музыкантах немецкого происхождения.

Для того, чтобы лучше понять формы и тенденции в развитии музыкального мышления немецкого меньшинства в странах СНГ и переселенцев в сегодняшней Германии, необходимо дать краткий обзор этого развития в прошлом, т. е. вернуться к его истокам.

В области песенности российских немцев первые сборники, опубликованные уже во второй половине XIX века, были исключительно церковного содержания. В 1914 г. в Саратове был опубликован первый сборник немецких народных и детских песен. Издатели были доцент Саратовского Университета Пётр (Peter) Зиннер и Пастор Иоганн Эрбес¹.

Первые научные исследования музыкального фольклора в Советском Союзе проводил профессор Саратовского университета Георгий Дингес со своими сотрудниками в Волжском регионе и профессор Ленинградского

университета Виктор Жирмунский со своими сотрудниками в Ленинградской области и некоторых немецких колониях Причерноморья и Украины. В Германии музыковед Георг Шюнеманн изучал музыкальный фольклор Российских немцев среди русских военнопленных немецкого происхождения до 1914 г. В 1923 г. он издал книгу: «Песни немецких колонистов в России с 434 песнями, собранными в лагерях для военнопленных»².

Г. Дингес умер в 1932 г. в заключении от тифа; Жирмунский был вынужден прекратить свои фольклорные исследования под давлением властей, так что в конце 1930-х годов исследование фольклора немцев России и Советского Союза практически было прекращено.

После Второй мировой войны и образования двух немецких государств, советские власти стремились не только граждан ГДР воспитать в социалистическом духе, но и «своих» немцев в музыкальном воспитании увести от религиозного песнопения, если и не исключительно сразу в сторону «революционного патриотизма», то по крайней мере частично, и к старой традиционной немецкой народной песне. Песенники как правило имели сходную структуру. В начале стояли интернационал, революционные и советско-патриотические песни, переведенные на немецкий язык, затем песни морально-воспитательного содержания, после чего шли песни жанрового и лирического характера.

Как показывают результаты опросов поздних переселенцев в Германии большинство из них и в их школьное время этими песнями не увлекались. Более религиозная часть Российских немцев продолжала петь церковные песни, в основном или старые немецкие песни, но «переделанные» российскими немцами, или уже сочиненные в России с явно ощутимым влиянием русской песенности. Нерелигиозная часть переселенцев или вообще не интересовалась песней или только легкой музыкой и «шлягером». Начиная с 1960-х годов опять появляются публикации народных песен советских немцев, собранные и обработанные как композиторами и музыкантами немецкого происхождения, такими, как Оскар Гейльфус³ из Алма-Аты (Казахстан), так и учеными лингвистами и фольклористами Виктором Кляйном (1909–1975), Иваном (Johann) Виндгольцем (род. 1942).

Опубликованные Виктором Кляйном работы о народной песне советских немцев, как «неиссякаемом источнике» (Unversiegbarer Born)⁴, или сборники песен как «Schön ist die Jugend»⁵ или «Unser Volkslied»⁶ существенно обогатили песенный репертуар советских немцев того времени. По многим вопросам, касающимся чисто музыкальной стороны народных песен филолог Виктор Кляйн нередко обращался к музыковеду Иван Павловичу Виндго-

льцу. Так в Книге «Unversiegbarer Born» опубликованы 20 немецких народных песен, собранных и обработанных Виндгольцем⁷.

После смерти Клейна в 1975 г. и переселения Виндгольца в Германию около 1990 г. его бывшая сотрудница Елена Шишкина продолжает фольклористическую деятельность, однако не только в области песенной культуры Российских немцев, но и других народностей Астраханской области, где она проживает. Елена Шишкина руководит ансамблем «Астраханская песня», который одновременно является фольклорным центром области и с которым она уже выступала в ряде стран Европы, так в Италии, прежде всего в немецкоязычном Севере Италии, в Тироле, но и в Австрии и Германии. Ею опубликован ряд работ, которыми заинтересовались и Германские исследовательские институты.

В вопросах изучения культуры немцев Поволжья, в том числе и песенной, исключительно важна информация, данная директором филиала Государственного архива Саратовской области (ГАСО) в г. Энгельсе Ериной Елизаветы Моисеевны. В ее отдельных публикациях, например в «Очерках истории культуры немецкой автономии на Волге»⁸, в докладах на ежегодных конференциях Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев содержится много ценного материала о песенной культуре немцев Поволжья, почерпнутые, в том числе и из исследований Георга Дингеса, хранящихся в архиве. Во время Конференции в 1999 г. она в личном разговоре сообщила, что в архиве хранятся девять больших папок с песнями немцев России (ноты и тексты), собранных Дингесом и его сотрудниками.

Интересна и содержательна книга Константина Эрлиха «Живое наследие»⁹ (Lebendiges Erbe), посвященное также истории культуры (в том числе и песенной) немцев России и Советского Союза.

Песенные сборники Российских немцев публиковались уже в первой половине XX века и за рубежом, прежде всего в США и в Южной Америке, причем собирались уже и образцы, созданные «на месте». Так, Томас Копп уже в первой половине XX века издал «Песенник Российских немцев»¹⁰, или «Песни Российских немцев из колонии Санта Терезия»¹¹ в Бразилии. В 1978 г. Йозеф Хейт издал сборник «Народные песни наших предков в России, Америке и Канаде. Песни черноморских немцев»¹². Исследования песенного творчества Российских немцев проводится и в Германии, прежде всего в Немецком архиве народной музыки¹³ и в Институте Иогана Кюнцига¹⁴ в г. Фрайбург.

Издания этих песенников в количественном отношении, как правило, всегда были весьма ограничены, так что доступ к ним возможен только через

библиотеки, и то не всегда. В 1990 г. Землячество немцев из России (Федеральное управление в г. Штуттгарте) поручило мне составить песенный сборник, в который должны были войти как старые, т. е. ранее опубликованные песни, так и поздние и вновь записанные образцы. Так в 1991 г. был издан «Песенник Российских немцев» (“Russlanddeutsches Liederbuch”)¹⁵.

Характерной чертой пения у сегодняшних немцев является то, что в России и других странах СНГ, они пытаются петь или старые немецкие песни по вновь изданным сборникам или более современные с более ярко выраженным влиянием русского мелоса. В Германии, особенно начиная с конца 1980-х годов, многие Российские немцы, особенно в самостоятельных религиозных общинах, часто поют русские песни, иногда на заново сочиненный немецкий текст, нередко и в русском оригинале. В середине 1990-х гг. миссионерская организация „Friedensstimme“ в г. Гуммерсбах, в 60 км. от г. Кёльна, издала церковный песенник для российских немцев на русском языке.

Эта проникнутость русской песенностью и в целом русской музыкальной культурой характерна и для большинства композиторов из Российских немцев. Вспомним, что немецкие музыканты и композиторы в XVIII – XIX столетиях составляли в какой-то мере костяк русских консерваторий, оркестров и театров, знакомя русского зрителя и слушателя с образцами немецкой и в целом европейской музыкальной культуры. Немецкие композиторы, приехавшие работать в Россию, с самого начала особенно внимательно «вслушивались» в русскую народную песню и вработывали ее в произведения таких сложных форм как симфонии и оперы.

О роли немецких музыкантов и композиторов в России XIX века уже существуют серьезные научные публикации, исчерпывающе разработавшие эту тему. Так в 1999 г. аспирант Московской государственной консерватории им. Чайковского Денис Ломтев написал кандидатскую диссертацию на тему «Немецкие музыканты в России. К истории становления Российских консерваторий»¹⁶. Одна из глав называется «Немцы – патриоты России». Сокращенный вариант этой диссертации, но с большим количеством красочных иллюстраций под названием «У истоков: немецкие музыканты в России. К истории становления Российских консерваторий» издан при содействии Посольства Германии в России. Книга переведена на немецкий язык и издана при содействии «Института немецкой музыкальной культуры в восточной Европе» (Бонн)¹⁷. Позднее, работая по стипендии фонда Александра фон Гумбольд в Бонне, Ломтев опубликовал результаты своих исследований в книге «Немецкий музыкальный театр в России»¹⁸. Эта работа также переведена и опубликована на немецком языке¹⁹.

Очень серьезная и обширная по объему работа о немецком театре в России XVIII века опубликована Наталией Губкиной из Санкт-Петербурга²⁰. Автор «Истории музыки российских немцев» Эрнст Штёкль²¹ очень высоко оценил эту книгу. Его рецензия на нее будет в ближайшее время опубликована в немецкой печати. Попытки перевести саму книгу на немецкий язык и опубликовать ее в Германии пока не увенчались успехом.

Как известно после революции 1917 г. очень много интеллектуалов, в том числе музыкантов и композиторов, эмигрировали за границу. Вспомним хотя бы фамилии таких деятелей искусств, как певца Ф. Шаляпина, композиторов С. Рахманинова, С. Прокофьева и И. Стравинского, завоевавших мировую известность. Из композиторов немецкого происхождения надо прежде всего назвать Николая Метнера, на Западе известен как Nikolaus Medtner и Георгия Альбрехта или Georg von Albrecht.

Несмотря на то, что Метнера поддерживал Сергей Рахманинов, очень скоро основавшийся в Соединенных Штатах Америки, Метнер с огромным трудом пробивал свой путь, пытаясь прижиться в Германии, Франции, Соединенных Штатах и с 1936 г. в Великобритании, в Лондоне. Но даже на склоне лет, незадолго до смерти в 1951 г. в Лондоне, он был вынужден признать, что его музыку, проникнутую русской мелодичностью, ни в Западной Европе, ни в Соединенных Штатах так и не приняли.

Георгию Альбрехту казалось бы больше «повезло». То, что ему до войны как бы мешало, а именно, его русский дворянский титул, а самое главное его любовь к русской мелодике, после войны даже помогло: Альбрехт был приглашен преподавать в Высшей школе музыки (равносильно консерватории в России) в южно-германском городе Штуттгарт, вскоре стал профессором и заместителем директора. Многие из его бывших учеников по композиции и сегодня занимают в Германии видные позиции. Издано полное собрание сочинений Альбрехта, ряд его произведений записаны на компактдиски, однако особой популярностью его музыка, как впрочем и произведения многих других немецких композиторов «серьезной» музыки, в сегодняшней Германии не пользуется.

Интересна судьба музыкального теоретика и педагога Теодора Теофиловича Мюллера (род. в 1912 г. в Фёдоровске на Украине, умер в 2001 г. Еппельхайм, недалеко от Гейдельберга). Несмотря на его немецкую национальность он смог именно в годы войны закончить Московскую консерваторию, так как был хорошим настройщиком роялей и органа и преподавателем этих классов за него «поручались». После войны он стал профессором Московской консерватории по теории и композиции, с 1959-го по 1980

год он одновременно с преподавательской деятельностью был деканом отделения теории и композиции. В 1992 г., т.е. уже в восьмидесятилетнем возрасте он с женой переселился в Германию, где уже со времен войны жила его сестра, которая ему в первое время оказала материальную помощь. В Германии Мюллер продолжал заниматься композицией, сочинял однако преимущественно церковную музыку.

В 1999 в Германию приехал на стипендию одного из Германских фондов один из последних учеников Мюллера Денис Германович Ломтев, который тогда уже сам был доцентом Московской консерватории. Я организовал ему встречу с Мюллером, и он с большим удивлением рассказал о том, что профессор Мюллер в консерватории всегда говорил с жестким немецким акцентом, почти все в именительном падеже, как бы демонстрируя свое немецкое происхождение. При встрече с Ломтевым он вдруг так хорошо заговорил по-русски, что Ломтев был буквально ошеломлен. В какой-то мере тоска Мюллера по родине предков, по Германии, вдруг поменялась на тоску по России.

Несмотря на существование Института музыкальной культуры немцев восточной Европы (Institut für deutsche Musikkultur im östlichen Europa), который в конце этого года из-за финансовых трудностей теперешнего правительства Германии прекращает свое существование, жизнь и деятельность многих композиторов из советских немцев так и не удалось исследовать. К ним относятся прежде всего Владимир Георгиевич Фере (родился в 1902 г. на Волге, умер в 1971 г. в Москве) и Лев Константинович Книппер (1898–1974).

Благодаря книге о немцах Киргизии стали известны методы гонений против Фере во время войны, его унижительные письма «товарищу Сталину», где он писал, что все свое имущество передает в фонд армии для борьбы с немецким фашизмом. После войны он работал в Киргизии, Таджикистане и считается одним из основателей национального оперного жанра этих народов. Его перу принадлежит и первый национальный гимн Киргизской республики.

Будучи студентом Киргизского государственного музыкально-хореографического училища им. Мураталы Куренкеева я (Александр Шваб) на одной из встреч Фере со студентами был коротко представлен композитору как «тоже немец», изучающий теперь произведения Фере. К моему удивлению Фере заговорил вдруг со мной по-немецки и спросил, интересуюсь ли я музыкальной культурой советских немцев. Так как я в то время был воспитан избегать открытой солидарности со своими «земляками», я осторож-

но спросил, не опасно ли это? Такой вопрос в какой-то мере разочаровал и даже возмутил Фере: «Все народности солидарны со своими соплеменниками, только мы немцы этого боимся».

О Книппере также известно, что в годы Гражданской войны он руководил ансамблями, сопровождавшими Советскую армию как на Западных, так позднее и на Дальневосточном фронтах. Теодор Мюллер мне в личных беседах говорил, что намерен написать монографию о композиторе Книппере, с которым он был лично знаком и продолжал поддерживать связи с семьей. Внезапная смерть Мюллера видимо, навсегда сделала этот план неосуществимым.

В современной Германии музыкантам из немецких переселенцев очень трудно получить работу по специальности. Известно, что многие немецкие высшие музыкальные школы приглашали Святослава Рихтера на работу. Несмотря на то (а может быть и потому), что его мама жила (и умерла) в Западной Германии, Святослав Рихтер никогда туда не попал. В немецком издании книги «Искусство пианизма» его учителя Генриха Густавовича Нейгауза Святослав Рихтер написал на первой странице краткий отзыв об этой книге на абсолютно грамотном немецком языке (!). Книга Нейгауза была издана с этим отзывом в рукописном варианте.

Из старшего поколения знаменитых пианистов из российских немцев только Рудольф Керер (род. в 1923 г. в Тбилиси) переселился в Германию. Все высшие музыкальные школы, куда он обращался с просьбой принятия на работу, ему ответили, что в Германии профессора его возраста «автоматически» отправляются на пенсию. Австрийская национальная музыкальная академия ему предложила профессуру и он проработал там около десяти лет, пока один из швейцарских аристократов ни предложил ему обучать музыке своих детей.

Из композиторов только Альфред Шнитке был приглашен работать в высшей музыкальной школе в Гамбурге и добился признания музыкальной общественности. О своем собственном музыкальном мышлении он говорил (в латинском варианте), что оно состоит из *musica rustica*, *musica judaica* et *musica germanica*. Его отец был немецким журналистом еврейского происхождения, вынужденным в 1933 г. эмигрировать из Германии. Он попал в Саратов, где женился на поволжской немке Фогель.

Другие композиторы, в свое время публиковавшие прежде всего свои немецкие песни в немецких газетах (напр. *Neues Leben*) и журналах, как Фридрих Дортман, Юнгман, Шиллер, Изаак и др., после переселения или из-за возраста и состояния здоровья уже не могли публиковаться, или на-

шли себе другую работу, т.е. переквалифицировались. Так видный этнолог Иван Павлович Виндгольц (Johann Windholz) работает консультантом и маклером по недвижимости, Эдуард Изаак работает переводчиком при суде в г. Брюль под Кёльном.

Мужественно бьется за признание родившийся в 1945 г. в Казахстане композитор Роберт Дэнхоф. Несмотря на то, что он основал собственное издательство и поддерживает связи со многими музыкантами и коллегами в СНГ, прежде всего в Казахстане, но и в Англии и США, ему пока еще только с большими трудностями удается распространять свои сочинения.

Один из виднейших композиторов из переселенцев, уже в советские времена добившийся признания, – это родившийся в 1947 г. в Копейске под Челябинском Владимир Веккер. Основой его мелодического мышления остается и сегодня (по его собственному признанию) советская массовая песня. После его переселения в Германию в 1995 г. все его произведения были закуплены издательством Шмёлинг в г. Камен. Несмотря на первона-чальные успехи, он не смог найти себе постоянной работы по специальности, работает педагогом музыкальной школы и организовал любительский оркестр, для которого он сочиняет и обрабатывает оркестровые произведения.

Успешно развивается издательское дело Роберта Бурау в г. Лаге под Билефельдом. Он родился в 1944 г. в Силезии (после войны вошла в состав Польши), в 1946 г. с родителями депортирован на Урал, в 1958 переехал в Казахстан, где выучился на зубного врача. В 1988 г. переселился в Германию, смог основать собственную зубную клинику (Praxis) и выражает свою любовь к музыке тем, что помогает писателям и композиторам из переселенцев издавать свои сочинения в своем издательстве. В Германии авторы в большинстве случаев вынуждены сами оплачивать издание своих произведений, чего большинство из них не в состоянии делать. Хочется надеяться, что все больше переселенцев организуют свои фирмы и дальше будут помогать друг другу.

¹ См.: Sinner, Peter I. und Erbes, Johannes (Hrsg): «Volkslieder und Kinderreime aus den Wolgakolonien». Gesammelt und mit einem Anhang von Ratsein zum 150-jährigen Jubiläum der Wolgakolonien. XXVII. 256 S.. Verlag «Energie», Saratow, 1914.

² См.: Schunemann, Georg: Das Lied der deutschen Kolonisten in Russland mit 434 in deutschen Kriegsgefangenenlagern gesammelten Liedern. In: Sammelbände für vergleichende Musikwissenschaft, Drei Masken-Verlag, München 1923, 445S.

- ³ См.: Geilfus, Oscar: Deutsche Volkslieder. Verlag Kasachstan, Alma-Ata 1971, 52.
- ⁴ См.: Viktor Klein: Unversiegbarer Born: Vom Wesen des Volksliedes der Sowjetdeutschen, Bd. 1, Verlag Kasachstan, Alma-Ata 1974, 119 S.
- ⁵ См.: Viktor Klein: Schön ist die Jugend. Sowjetdeutsches Liederbuch. Verlag Progress, Moskau 1975, 365 S.
- ⁶ См.: Viktor Klein: Unser Volkslied. In: Lesebuch. Alma-Ata 1986, S. 199–230.
- ⁷ См.: Johann Windholz: 20 deutsche Volkslieder. Musikalischer Satz von Johann Windholz, in: Unversiegbarer Bot (Hrsg. Viktor Klein), Alma-Ata 1974, 86–117.
- ⁸ См.: Ерина Е.М.: Очерки истории культуры немецкой автономии на Волге. Издательство Саратовского университета, Саратов 1995 г. и др.
- ⁹ См.: Ehrlich, Konstantin: Lebendiges Erbe: Aufzeichnungen zur Siedlungsgeografie und Kulturgeschichte der Deutschen in Russland und in der Sowjetunion. Alma-Ata, 1988.
- ¹⁰ См.: Kopp, Thomas: Russlanddeutsches Liederbuch Buenos Aires, Deutscher Volksbund für Argentinien, Jahrbuch 1938. S. 44–51.
- ¹¹ См.: Kopp, Thomas: Russlanddeutsche Lieder aus der Kolonie Santa Theresia (Brasilien) Buenos Aires, Deutscher Volksbund für Argentinien, Jahrbuch 1937.
- ¹² См.: Height, Joseph S.: Folksongs of our Forefathers in Russia, America and Canada. Lieder der Schwarzmeerdeutschen. Bismark, North Dakota: The North Dakota Historical Society of Germans from Russia, 1978, 166 S.
- ¹³ См.: Deutsches Volksliedarchiv, Freiburg.
- ¹⁴ См.: Johannes-Kunzig-Institut, Freiburg.
- ¹⁵ См.: Schwab, Alexander: Russlanddeutsches Liederbuch. Herausgegeben im Auftrag der Landsmannschaft der Deutschen aus Russland e.V. auf Grund der Sammlungen von Mathias Trausch, Johann Windholz, Oskar Geilfuß, Georg Dinges, Konrad Scheierling, Viktor Klein, Georg Schunemann.
- ¹⁶ См.: Ломтев Д. Немецкие музыканты в России: К истории становления Российских консерваторий. М.: «ПРЕСТ», 1999.
- ¹⁷ См.: Lomtev, Denis: Deutsche Musiker in Russland: Zur Geschichte der Entstehung der russischen Konservatorien. Edition IME, Reihe Schriften. Im Auftrag des Instituts für deutsche Musikkultur im östlichen Europa e.V. (IME) Bonn. Herausgegeben von: Klaus Wolfgang Niemoller, Klaus-Peter Koch und Hans-Jürgen Winterhoff. Studio-Verlag, 2002; Lomtev, Denis: An der Quelle: Deutsche Musiker in Russland. Verlag Robert Burau, Lage-Horste 2002.
- ¹⁸ См.: Ломтев Д. Немецкий музыкальный театр в России. М.: «ПРЕСТ», 2003.
- ¹⁹ См.: Lomtev, Denis: Das deutsche Musiktheater in Russland. Verlag Robert Burau, Lage-Horste 2003.

²⁰ См.: Губкина Н. В. Немецкий музыкальный театр в Петербурге в первой трети XIX века. СПб., 2003.

²¹ См.: Stockl, Ernst: Musikgeschichte der Russlanddeutschen. Reihe: Die Musik der Deutschen im Osten Mitteleuropas, Bd. 5. Laumann-Verlag, Dulmen 1993.

АРХИВЫ БЫВШЕЙ АВТОНОМНОЙ РЕСПУБЛИКИ
НЕМЦЕВ ПОВОЛЖЬЯ В г. ЭНГЕЛЬСЕ:
ЦЕННЫЙ ИНФОРМАЦИОННЫЙ ИСТОЧНИК
ПО ИСТОРИИ, ГЕНЕАЛОГИИ И КУЛЬТУРЕ
НЕМЕЦКИХ КОЛОНИСТОВ. 1767–1941 гг.

Е. М. Ерина

До 1990 года филиал Государственного архива Саратовской области (ГАСО) в г. Энгельсе, бывший архив области, а затем Республики немцев Поволжья был закрыт для исследователей и потому его фонды, отражающие жизнь и быт поволжских немцев, долгие годы оставались неизученными. В настоящее время грифы «секретно» и «ограниченного допуска» сняты. Документы фондов как дореволюционного периода (со времен Екатерины II), так и советского (с 1917-го по 1941 г.) введены в научный оборот. Ограничения касаются лишь дел, требующих реставрации и по своему физическому состоянию не подлежащие выдаче исследователям.

Работа с фондами архива затруднена для ученых отсутствием справочника по фондам, который невозможно создать без финансирования.

Первая попытка сделать обзор фондов архива, касающихся немцев Поволжья была сделана автором данного доклада на конференции в Институте германских и восточно-европейских исследований в г. Геттингене в ноябре 1995 г. Но материалы конференции до сих пор не опубликованы. Рамки же настоящего сообщения не позволят полностью раскрыть состав и содержание 180 тысяч дел, отражающих историю поволжских немцев. Потому ограничимся кратким обзором фондов и документов, хранящихся в них, касающихся непосредственно заявленной темы.

Наиболее информативными являются документы 21 фонда волостных правлений, свыше 100 сельских сходов, Евангелическо-лютеранских и Римско-католических церквей за 1763–1917 годы. К сожалению, не все они полные, не все укладываются в указанные временные рамки. Неполная сохранность документов имеет целый ряд как объективных, так и субъективных причин. Это и стихийные бедствия – пожары, наводнения и Пугачевское восстание 1774 г., ликвидация Конторы опекунов иностранных поселенцев, отношение к архивам на местах, «бумажный голод» двадцатых годов нашего столетия, передача книг о регистрации рождения, браков и

смертей в архивы ЗАГС. Отметим также, что после ликвидации АССР НП в 1941 г. 15 кантонов были отнесены к Саратовской, а 7 – к Волгоградской (б. Сталинградской) областям. В Камышинский филиал Сталинградского облгосархива были переданы фонды всех организаций по территории, а Контора опекунства иностранных поселенцев – в Саратовский облгосархив, что также создает определенные трудности в работе как исследователей, так и работников нашего архива, особенно при исполнении запросов, касающихся генеалогии.

В то же время Энгельсский архив является хранителем самого большого массива документов по обсуждаемой проблеме.

Фонды волостных правлений (Екатериненштадтское за 1763–1917 гг., Красноярское за 1805–1916 гг., Сосновское (Шиллинг) за 1799–1914 гг., Тарлыкское (Лауб) за 1797–1916 гг., Тонкошуровское (Мариенталь) за 1875–1915 гг., Торгунское за 1870–1913 гг. и другие; сельских сходов и их управлений: Александровское (Гоккерберг, Боон) за 1847–1917 гг., Березовское (Эрнестинендорф) за 1850–1917 гг., Бордовое (Боаро) за 1836–1916 гг., Буерак (Борегардт) за 1809–1917 гг., Васильевское (Базель, Грац) за 1847–1917 гг., Вольское (Куккус) за 1835–1916 гг., Гололобовское (Денгоф) за 1847–1885 гг., Голо-Карамышское (Бальцер) за 1846–1916 гг., Звонаревское (Швед) за 1831–1916 гг., Казицкое (Брабандер) за 1806–1917 гг., Кривовское (Обермонжу) за 1836–1919 гг., Павловское (Паульское) за 1812–1916 гг., Подстепновское (Розенгейм) за 1802–1916 гг., Филипповское (Филиппсфельд) за 1798–1918 гг. и др. раскрывают основные жизненно важные вопросы быта и деятельности колонистов. На заседаниях волостных правлений и сельских сходов решались вопросы землепользования и землеустройства: наделение колонистов землей, сдача в аренду земель, водных и лесных угодий. Довольно полно представлены документы по проведению в Поволжье Столыпинской реформы – материалы по закреплению земли в личную собственность по Закону от 9 ноября 1906 г. Здесь же документы о миграции немецкого населения: из колонии в колонию, в Крым, Казахстан (Семипалатинскую и Акмолинскую области), в Америку в конце XIX и начале XX веков перед Первой мировой войной, в Сибирь. Например, список поселян с. Розенгейм (Подстепное), выехавших в Америку в 1911-м – начале 1912 г., или утвержденные приговорами Красноярского, Усть-Караманского, Фрезентальского, Эндерского сельских сходов списки лиц, желающих выехать в Америку, и др. На сходах решались вопросы сбора податей, выделения средств на строительство плотин, мостов, церквей, школ, общественных домов для церковнослужителей и учите-

лей; сбора пожертвований на военные нужды, к примеру, на укрепление военного флота и армии перед войной с Японией; на памятник Екатерине II в Екатериненштадте (Маркштадт, ныне г. Маркс) работы знаменитого Клодта; на строительство лютеранской церкви в этом же поселении.

Руководство колоний беспокоило нравственное состояние колонистов. Так, в приказах Саратовской конторы иностранных поселенцев находим факты наказания колонистов розгами за отказ крестить детей (Конрад Кригер, Шиллинг (Сосновка), за «шатание» по ночам, за бездействие при пожаре. Приговорами сельских сходов наказывались колонисты за порочное поведение, за рождение внебрачных детей, при этом принимались в ряде случаев решения о выселении из колоний распутных женщин. Разного рода наказания, но чаще всего розгами, полагались за кражу имущества, сена, скота. Сохранился приговор Шиллингского сельского схода о наказании розгами колониста Гова даже за кражу кошки у Гергердта. Общество осуждало и наказывало пьяниц, картежников, проматывающих собственное хозяйство. При обращении жены такого хозяина к старшине (старосте) выносилось решение об отстранении его от управления своим хозяйством. Иногда дело передавалось в суд, который поручал опекуному Совету следить за тем, чтобы хозяин не мог продать или заложить дом, другое имущество. Наказанию, в таком случае, был бы подвергнут как продавец, так и покупатель. За сдачу жилых домов под питейные заведения, игорные дома и притоны виновных заключали под стражу. Аресту подлежали и лица, сделавшие попытку покончить жизнь самоубийством... Не проходил сход и мимо фактов самовольного ухода членов общества из колоний. В компетенцию волостных правлений и сельских сходов входило также решение спорных межевых вопросов, раздела имущества, наследственных и сиротских дел: назначение опекунов над сиротами и их имуществом, занесение их капиталов в книгу, ежегодная проверка имущества сирот. В случае нарушения опекуном своих обязательств, он освобождался от обязанностей с неременным возмещением всех убытков, нанесенных опекаемому. В плане изложенного хорошо дополняют материалы сходов документы 7 волостных судов за 1866–1918 гг.. Верхнего Еруслана (Лангенфельд), Верхнего Карамана, Екатериненштадта, Красного Яра, Сосновки (Шиллинг), Тарлыка (Лауб), Тонкошуровки (Мариенталь), которые рассматривали сиротские и опекунские дела, дела о разделе имущества между родственниками, по обвинению в краже личного и общественного имущества, в самовольном захвате земель, об оскорблении чести и достоинства колонистов и др.

Фонды сельских сходов и волостных правлений являются незаменимыми источниками для составления генеалогии. Они хранят списки, наиболее ценные из которых – Ревизские сказки (перепись населения) за 1834, 1850 и 1857 гг. Так, в фонде Бальцерского волостного правления Ревизские сказки за 1850 год самого Бальцера, а также сел, входящих в волость – Grimm (Лесной Карамыш), Карамышевки и Усть-Золихи. Не менее важны для генеалогических исследований посемейные списки (Бальцер (Красноармейск), Гололобовка (Денгоф), Екатериненштадт, Красный Яр, Крутоярровка (Граф), Норка, Привальное (Варенбург) и др. Менее информативны для указанных целей, но могут быть использованы ипотечные и разного рода налоговые списки, призывные и рекрутские, убитых и раненых, освобожденных от воинской службы, списки вдов, владельцев и арендаторов земли, мельниц, промышленных предприятий. На основе таких списков в текущем году была выдана справка гражданину Германии о владении землей в Поволжье его предками.

Документы волостных правлений и сельских сходов дают также интересный статистический материал о народонаселении, вероисповедании (например, в селе Розенгейм (Подстепное) проживало в 1912 г. 2 348 душ мужского, 2 331 женского пола евангелическо-лютеранского вероисповедания и только 11 мужчин и 8 женщин в колонии были православными). Здесь же сведения об экономическом положении колоний, об урожае хлебов, трав, табака, сорго, о борьбе с заразными болезнями людей и животных, борьбе с сусликами, о числе и работе запасных магазинов и т. д.

В архиве сохранились фонды 45-ти Евангелическо-лютеранских и 21-й Римско-католических церквей. (По зарубежным источникам, около 75%, прибывших на Волгу поселенцев были лютеране). И хотя, как уже говорилось выше, документы не полные, проведенный анализ показал, что архив хранит 419 книг о рождении, крещении, обручении и смерти граждан. Основная часть из них сохранилась с 1800 года. Их хорошо дополняют персональные книги, которые имеют не меньшее значение, чем метрические, и они используются сотрудниками архива при исполнении запросов генеалогического характера.

Документы церквей хранят также сведения по истории поселений, образования приходов, строительства и реконструкции церквей, работе школ при них, библиотек. Особый интерес вызывают летописи, в которых указаны даты строительства деревянных, а позднее и каменных зданий, стиль постройки, средства, на которые производилось строительство, списки жертвователей, обязательные сведения о церковнослужителях. Некоторые

летописцы сообщали о жизни поселян, о погодных катаклизмах, ураганах, наводнениях, засухах и т. д.

Наиболее полные документы евангелическо-лютеранских церквей сел Голый Карамыш (Бальцер) за 1804–1918 гг., Гололобовка (Денгоф) за 1815–1905 гг., Екатериненштадта (Марксштадта) за 1763–1916 гг., Норка за 1833–1915 гг., Привальное (Варенбург) за 1794–1916 гг., в приход которого входили Тарлык и Скатовка; Севостьяновка (Антон) за 1764–1892 гг., Усть-Золиха (Мессер) за 1791–1912 гг.

Перечисленные документы для составления родословных хорошо дополняют списки первых поселенцев, в том числе, составленные А. Дульзоном в тридцатых годах XX века. Эти материалы использовал профессор И. Р. Плева в подготовке своей монографии и списков первых поселенцев.

Фонды архива до 1917 г. рассказывают нам и о развитии промышленности, производстве знаменитой ткани «сарпинка» (сохранился альбом с образцами ткани), развитии мельничного хозяйства. Это торговые дома «Бендер и сыновья» (Бальцер), «Братьев Шмидт» (Усть-Золиха), Екатериненштадтской фабрики земледельческих машин и механизмов (завод «Возрождение»), в документах последней мы находим чертежи маховика локомотива, чугунных снарядов к бомбомету (1901 г.). Сохранились документы столярной фабрики «И. Д. Триппель и К», экипажной и вейлочной А. А. Брунгардт (с. Мариенталь), целого ряда мельниц колонистов Альтах, Вормсбехера, Сабельфельда... Приятно, что документы архива не лежат мертвым грузом. Архивисты исполнили тематические запросы о семье Бендер для наследников из Москвы, для родственников именитой в Поволжье семьи Рейнике и др.

Фонды учебных заведений представлены Екатериненштадтским русским центральным училищем, мужской и женской гимназиями того же села, Студеновской школой садоводства и огородничества, Штразендорфской земской начальной школой. В них учебные программы, протоколы педагогических советов, экзаменационные работы учащихся, ведомости стипендиального обеспечения и даже аттестаты и свидетельства учащихся об окончании учебных заведений, которые дают общее представление о системе образования до 1917 года в немецких колониях. На основе наших материалов студентами СГУ подготовлен целый ряд работ на международную конференцию в г. Анапу.

Документы периода советской власти, образования трудовой коммуны (области) немцев Поволжья в 1918 году, преобразования ее в область в 1922 году с вхождением в нее Покровска-Энгельса и Покровского уезда,

преобразование Области в январе 1924 года в АССР НП представлены в фондах Поволжского комиссариата по немецким делам Облисполкома Области немцев Поволжья, и его отделов, Центрального Исполнительного комитета, Верховного Совета, Наркоматов, управлений, объединений, комиссий и т. д. На основании их написан целый ряд работ. Наиболее весомая из них – монография профессора А. А. Германа в 2-х частях «Немецкая автономия на Волге».

Документы ЦИКа и управления милиции АССР НП хорошо дополняют сведения об эмиграции и реэмиграции немецкого населения в двадцатые годы нашего века. Хранят списки реэмигрантов из Америки и Германии, подлинные документы лиц, решивших эмигрировать в Америку и т. д. На основе указанных материалов автором было подготовлено сообщение на международную конференцию в Анапу в 1997 г. на тему: «Трудный путь домой. Возвращение немцев на родину в 20-е годы».

Документы властных структур дают материалы о государственном устройстве республики, изменениях в административно-территориальном делении, о культурных связях с границей, раскрывают процессы раскулачивания и выселения населения за пределы Немреспублики или в специально созданные на ее территории «кулацкие» поселки. Архив хранит документы комиссий по раскулачиванию по Немреспублике. На основании перечисленных документов, а также фондов низовой сети кантонных исполкомов, их отделов, управлений, сельских советов архив выдает для восстановления поправленных прав граждан как в первые годы революции, когда проходила национализация и социологизация фабрик, заводов, домов, так и в двадцатые годы, когда началось раскулачивание с конфискацией движимого и недвижимого имущества, лишения граждан избирательных прав. Справки, выдаваемые ежедневно нашим архивом, помогают этой категории лиц и лицам немецкой национальности, выселенным в 1941 году по национальному признаку, получить компенсацию за утраченное имущество через специально созданные при администрациях на основе президентских указов и правительственных постановлений комиссии. Причем, право получения возмещения предоставлено как гражданам России, так и бывшего СССР, и даже лицам, проживающим ныне в Германии.

Документы фондов советского периода раскрывают и другие тяжкие страницы в истории региона: это и голод 1921 года, а затем и 1933–1934 гг., наводнение 1926 года, нанесшее огромный экономический ущерб Немреспублике, когда не только столичный город Покровск, но и целые приволжские села ушли под воду буквально за несколько часов.

Обо всех этих событиях написаны работы учеными и архивистами, на основе документов нашего архива сняты фильмы. В них раскрыты и причины голода, факты международной помощи Германии, США, Фритльофа Нансена и т. д.

Привлекают внимание исследователей и статистические данные фонда Управление народно-хозяйственного учета АССР НП, где с 1918-го по 1941 год имеются сведения о народонаселении, национальном составе, о промышленных предприятиях, о предприятиях сельского хозяйства, о посевных площадях, об урожаях, о гибели хлебов вследствие засухи, о ликвидации частного землевладения и землепользования, создании колхозов, совхозов. Но последние вопросы, в том числе и принудительный способ коллективизации сельского хозяйства, наиболее полно раскрыт в документах Народного Комиссариата земледелия. Описание этого фонда в настоящее время готовится к изданию в рамках совместного проекта нашего архива и Геттингенского института германских и восточно-европейских исследований. После издания описи, в любой библиотеке исследователь сможет получить представление о богатстве материалов данного фонда: о создании трактора Я. Мамина «Карлик», об участии Немреспублики во Всесоюзной сельскохозяйственной выставке, о выставке АССР НП, посвященной 15-летию немецкой автономии на Волге. Документы выставок хорошо дополняют сохранившиеся фотопозитивы, описанные в фотофонде архива. На них запечатлены все виды производимой в республике продукции.

Документы по истории культуры и народного образования широко представлены в фонде Народного комиссариата просвещения АССР НП, описание опубликовано в 1997 году в рамках того же совместного проекта с Геттингенским институтом. Это и создание сети школ, детских домов, так необходимых в двадцатые годы, интерната для глухих детей в Орловском, первого педучилища в Зельмане, открытого на базе Зельманской учительской семинарии, о переводе училища в Маркштадт, создание в середине двадцатых годов новых педучилищ в Зельмане и Красном Куте.

Развитие промышленности и обобщественного сельского хозяйства потребовало подготовки грамотных кадров среднего звена, в связи с чем в Республике были открыты в середине двадцатых годов Бальцерский текстильный, Краснокутский агрономический и Маркштадтский механический техникумы, приближенные по своему месторасположению к соответствующей отрасли. Для подготовки кадров высшего звена в 1929 году был открыт Немецкий педагогический институт, в 1930-м – Немецкий сельскохозяйственный.

С первых лет в немецкой автономии особое внимание уделялось музыкальному образованию. В Маркштадте, первой столице немецкой автономии, была открыта музыкальная школа, в Энгельсе – музыкальное училище в 1937 году. Была развернута сеть музеев. В 1919 г. – Маркштадтский музей, в 1925 году – Центральный музей АССР НП.

Число учреждений культуры увеличивалось с каждым годом. Немгостеатр (1931 г.), Немгосфилармония (1934 г.), театр кукол, оперетты, колхозно-совхозные театры в Бальцере, Маркштадте и Красном Куте.

Работая с этими документами, обращаешь внимание на противоречивость изучаемого периода, власти советов и партии большевиков. С одной стороны, забота о развитии культуры, образования, искусства, с другой – поиск «врагов народа» и уничтожение цвета нации. Чему свидетельство судьбы ученых Г. Дингеса, А. Дульзона, А. Лонзингера, П. Зиннера, и многих других. А их вклад в науку до последних лет был оценен лишь в изданиях, вышедших за границей. Документы наших фондов дают представление о жизни и деятельности этих ученых: Г. Дингеса в Центральном музее АССР НП и в Немпединституте, А. Дульзона и А. Лонзингера в Наркомпро-се. Последний, возглавляя методическое бюро, организовал работу по сбору краеведческих материалов по истории сел Немреспублики в 1928-1929 гг. в рамках программы «Наш кантон». Материалы по истории сел Зельманского кантона уже подготовлены нами совместно с Геттингенским институтом и будут изданы на языке оригинала (немецком) уже в следующем году. Готовится к печати и рукопись А. Лонзингера «Предметная (материальная) этнография немцев Поволжья (селение, жилище, пища, одежда)». Написанная автором в 1925 г. в Саратове, она пролежала долгие годы в архиве, как и изданная в 1997 году работа Я. Дитца «История поволжских немцев-колонистов» (М. Готика, на языке оригинала – русском).

По истории культуры и народного образования немцев Поволжья написано немало работ ученых, в том числе и работа Е. Ериной «Очерки истории и культуры немцев Поволжья». Ряд статей написаны в соавторстве: по истории Центрального музея АССР НП, о развитии народного образования в Немреспублике, об отдельных деятелях культуры и науки (Г. Дингес, А. Дульзон, П. Рау).

Благодаря сотрудничеству с Геттингенским институтом и помощи его научного сотрудника В. Хердта, за два последних года разобраны все рукописные (готический шрифт) материалы бывшего Центрального музея АССР НП, которые были неправильно описаны как документы Эрбеса, Шааба и др. В настоящее время все они разобраны, составлены заголов-

ки на дела, заканчивается работа над описью, которая будет опубликована и несомненно привлечет внимание не только ученых, но и любителей истории к дневникам Иогана Георга Меринга за 1773–1775 гг., Иоганна Валла о жизни меннонитов в Западной Пруссии и на берегах Волги, к историческим материалам по заселению и освоению поволжских земель немцами, в том числе и работами неизвестных авторов; здесь же сообщение колониста Людвиг Мюллера из Старой Норки, описание жизни Германского пленного (1889–1929 гг.); изданная в Хельсинки в 1914 году к 150-летию поволжских немецких колоний работа Фердинанда фон Вальберга «Возникновение любви к Родине у жителей поволжских степей». Многие работы по истории немцев Поволжья А. Шнайдера, Лебзака, Х. Шааба, И. Эрбеса, И. Цорна и других впервые будут представлены исследователям. После издания книги Я. Дитца «История поволжских немцев-колонистов» архивисты решили из собранных документов создать личный фонд Я. Дитца, куда войдут и тюремные записки политического заключенного, и материалы о работе Я. Дитца в Государственной думе. Многие из перечисленных работ при наличии финансирования могли бы быть подготовлены к совместному изданию.

Огромный интерес вызывает созданный архивистами фонд ученых Г. Дингеса и А. Дульзона, который пополняется работами современных ученых по данной проблематике (к примеру, в фонд включена кандидатская диссертация А. Маныкина, и его отзыв на хранящиеся в фонде документы).

На основании документов этого фонда совместно с доцентом кафедры немецкого языка Саратовского государственного педагогического института В. Сальковой, Е. Ериной подготовлена к изданию брошюра «Обряды немцев Поволжья».

Картотека фразеологизмов, собранная на территории Немреспублики в 1913–1929 гг., также хранящаяся в фонде, позволила совместно с пединститутом и Эссенским университетом подготовить к изданию «Пословицы и поговорки немцев Поволжья».

Интересен и фонд Союза писателей АССР НП, в котором хранятся произведения В. Бределя, И. Бехера, Э. Вайнерта, Г. Завацкого и др. Архивисты пополняют данный фонд благодаря сотрудничеству с немецкими общественными организациями Сибири, Казахстана.

В целях пропаганды богатейших фондов архива сотрудники не только проводят сбор документов, но и активно, наряду с учеными, пропагандируют их через печать, радио. В 1997 г. в журнале «Волга», в сборнике Энгельсского краеведческого музея были опубликованы работы Е. Ериной о

причинах, побудивших русско-украинский город Покровск войти на правах столицы в Область немцев Поволжья, о несостоявшихся планах переноса столицы Немецкой республики на новое место и др.

И все же длительный период закрытости привел к тому, что многие фонды архива еще не изучены и в этом плане они поражают воображение ученых. Это отмечали доцент Анженского университета (Франция) Бюоно Мартин, которая работала над докторской диссертацией на тему: «История статистики в Саратовской губернии и АССР НП» и доктор, профессор университета Васедо (Япония) Такео Судзуки, исследовавший тему: «Столыпинская земельная реформа и немецкие общины Поволжья».

Но сколько бы Энгельсские архивисты не гордились богатством своих фондов, любое выступление заканчивается на трагической ноте. Требуется реставрация и улучшения условий хранения отдельный огромный пласт документов – карты, планшеты земель немецких колоний на Волге, экспликации к планам участков Екатериненштадта, Визенмиллера, Нидермонжу и др. колоний. В таких же условиях на чердаке хранятся ряд периодических изданий «Der Kolonist» за 1917–1918 гг., «Nachrichten» за 1920–1940 гг., фонды церквей, сельских сходов и волостных правлений... И несмотря на все наши усилия, на включение пристройки к зданию архива в президентскую программу, из-за отсутствия финансирования работы даже по проектированию не начаты.

Отсутствие читального зала, лаборатории, должного компьютерного обеспечения затрудняют работу исследователей, оставляют желать лучшего и условия работы сотрудников. Требуют ремонта рабочие помещения и крыша архивохранилища.

Потому архивисты бьют тревогу, обращаются к властям, к общественным организациям оказать архиву посильную помощь, а заинтересованным организациям предлагают совместную деятельность по изучению и публикации работ по истории и культуре поволжских немцев.

4.

РОССИЙСКИЕ НЕМЦЫ В ОТДЕЛЬНЫХ
РЕГИОНАХ И СТРАНАХ

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ХОЗЯЙСТВА У РАЗЛИЧНЫХ ЛОКАЛЬНЫХ ГРУПП НЕМЕЦКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

А. Р. Бетхер

В первые годы после переселения в Сибирь в конце XIX – начале XX в. немецкие крестьяне вынуждены были перестраивать свой уклад хозяйствования. Требовалось время, для того, чтобы подстроиться под новые природно-климатические условия, когда урожаи могли погибнуть от засухи, либо ранних заморозков, а для обработки целинной земли требовались значительные усилия.

Сказывались и внешние факторы развития хозяйствования, например, политика властей царской России в отношении немецких переселенцев в Сибири. Согласно постановлениям центральных и местных органов власти, немецких переселенцев обычно определяли на поселение в наименее благоприятные по условиям хозяйствования места, куда обычно отказывались идти переселенцы других национальностей¹. Часто немецкие поселки возникали в голой степи, открытые всем ветрам, без какой-либо лесной растительности, необеспеченные достаточными запасами пресной воды. Такие условия были характерны для многих немецких переселенческих поселков в Омском уезде, где немцы из Поволжья высказывали возмущение и негодование по поводу качества сибирской земли. Но подобные недостатки природной среды немецкие переселенцы пытались компенсировать своей деятельностью по освоению целинных земель – возведением поселений по четко определенному плану, обустройством усадеб, рытьем колодцев. Например, ходки от немцев-меннонитов из Таврической, Херсонской и Самарской губерний, посетившие в 1907 г. переселенческие участки в Кулундинской степи, на предостережение по поводу отсутствия поверхностных вод заявили: «дайте нам землю, а воду из нее мы достанем»².

В своих хозяйствах немцы внедряли передовые методы работы, разводили новые породы скота и сельскохозяйственные культуры. Немецкие крестьяне устраивали различные приспособления и механизмы, облегчающие тяжелый сельскохозяйственный труд. Возглавлявший войсковое хозяйственное правление Сибирского казачьего войска генерал Катанаев во вре-

мя ознакомительной поездки в 1908 г. по участкам арендаторов казачьих земель высоко оценил деятельность немецких крестьян по ведению культурных хозяйств на казачьих землях. Так, при осмотре участка арендатора Петкау, он назвал хозяина «хитрым немцем» за то, что тот соединил приводным ремнем конную молотилку с веялкой и сортировкой. Тем самым выполнялись те же работы, что и паровой молотилкой, но при меньших затратах. Одобрение генерала Катанаева также заслужил арендатор Вид, устроивший в своем хозяйстве колодец в сенях с насосом, используя для него ветряной двигатель³.

Немецкий крестьянин присматривался к окружающим условиям хозяйствования, непрерывно изучая их. Им производились опыты с посадками овощей, посевами различных злаков: менялись сорта растений, применялись различные методы обработки земли, сроки вспашки, сева, уборки хлебов. И это приносило со временем свои плоды. Как отмечал в начале XX в. исследователь переселенческого хозяйства в Сибири В. Я. Нагнибеда: «Всюду у немцев, особенно у немцев-меннонитов, мы видели лучший скот, лучшее сено, лучшие урожаи, лучшую пищу... у немцев есть свои инструктора полеводства, огородничества и скотоводства. Это их грамотность, культурность, возможность осмысленно ориентироваться в новых условиях жизни, прочитать книжку, сельскохозяйственную газету или брошюру...»⁴.

Однако в процессе развития хозяйственного комплекса у различных локальных групп немецкого населения в Западной Сибири в конце XIX – первой трети XX в. отмечаются значительные отличия между ними.

Наиболее ярко различия в хозяйственном комплексе немецкого населения в Западной Сибири в рассматриваемый период отмечаются в земельных отношениях, прежде всего в землепользовании.

Отличия в системах землепользования у различных локальных групп немцев Западной Сибири в конце XIX – начале XX в., определялись прежде всего традициями, господствующими в местах их выхода из европейской России. В поволжско-немецких селениях Сибири, где господствовало общинное землепользование, распределение практически всех основных видов сельскохозяйственных угодий решалось приговорами сельских сходов. Ими определялись норма пашенного и сенокосного надела, сроки их переделов, и даже мог устанавливаться принудительный севооборот, регулировалось использование имеющегося на участке леса. Общиной также определялось место под выгон для пастьбы скота. В безусловном пользовании отдельного хозяина у немцев-выходцев из Поволжья оставался практически только один усадебный участок.

В большинстве волыньско-немецких поселков в Сибири переселенческие хозяйства представляли собой группы отдельных дворов и хуторов, в которых вокруг усадьбы распространялись все угодья. При этом в пользовании всего общества определенного переселенческого поселка оставалась только некоторая часть леса, иногда (в степной и лесостепной зонах) покотина, выгон. Усадьба, пашня и сенокосы поступали в подворное наследованное пользование отдельных домохозяев.

Меннониты также являлись приверженцами подворной системы землепользования. Свои участки, например в Кулундинской степи, они разбивали на равные части по числу дворов независимо от количества душ. На каждый двор приходилось примерно по 50 десятин земли. Для уравнивания качества земли пахотные угодья у отдельного хозяина могли находиться в 2–3 кусках. Покосные угодья меннониты переделяли ежегодно, соответственно качеству урожая, или выкашивали свободную площадь сообща, а потом делили поровну. Это обстоятельство, однако, сближало систему землепользования меннонитов с общинной формой.

В другом ареале проживания меннонитов в Сибири, в Омском уезде, их система землепользования определялась уже характером землевладения. Владея землей на праве частной собственности (в случае покупки земли), или распоряжаясь в рамках арендного договора, меннониты могли распределять земельные угодья в зависимости от собственного желания и потребностей. Различия в этой этнической группе немецкого населения здесь были обусловлены, на наш взгляд, уже характером их переселения в Сибирь. В Омский уезд на казачьи земли шло переселение более богатой части меннонитского населения с юга Украины, располагавшей значительными денежными средствами для обзаведения хозяйством в Сибири. Именно поселение на казачьих землях предполагало наличие значительных финансовых средств у переселенцев, что было связано с необходимостью денежных выплат по арендным платежам и т.п. Однако в меннонитских селениях Омского уезда общинные тенденции могли проявляться в других сферах, например в скотоводстве – влияние общины на проведение племенной работы, наличие общинного пастушьего старосты и др.

У других локальных групп немецкого населения, традиции землепользования, характерные для той или иной группы в местах выхода переносились также в Сибири и на арендованные земли. Так, например, в Тюкалинском уезде немцы, выходцы с Волыни, при поселении на сдаваемые в аренду казенные участки выбирали те, которые изначально были разверстаны для ведения хуторского хозяйства, либо через некоторое время требовали

размежевания общинных участков. Участки Бабайловский, Беляевский, Казанцевский Больше-Могильской волости Тюкалинского уезда, куда селились немцы-переселенцы из Тарского уезда (волынские немцы), были разделены на хутора, общего владения на участках не предусматривалось⁵. Участки Масляновский и Смоляновский, где проживали меннониты и волынские немцы, изначально предназначенные для общинного пользования, позже по желанию и требованию арендаторов были разделены на хутора и отруба⁶. С другой стороны, поволжские немцы здесь сразу арендовали участки от имени общины, и селились общиной. Так, участок в поселке Помагаевском Любинской волости Тюкалинского уезда был предназначен и разверстан под общинное пользование и арендовался от имени товарищества переселенцев – выходцев из колонии Филипсфельд Екатериненштадской волости Николаевского уезда Самарской губернии и Рибенсдорфской слободы Острогожского уезда Воронежской губернии⁷.

Как видно из вышеприведенных примеров, как у последователей общинного землепользования (поволжские немцы), так и у приверженцев хуторской (волынские немцы) и подворной (меннониты) форм землепользования в распределении и использовании различных земельных угодий присутствовали в той или иной мере элементы, как индивидуального землепользования, так и коллективного. В начале XX века в Сибири у немцев, выходцев с Поволжья, отмечается практически полное преобладание коллективного землепользования. Индивидуальное землепользование наиболее ярко было выражено у немцев–выходцев с Волыни. У меннонитов, несмотря на то что им была присуща подворная система землепользования, в Сибири прежде всего в Кулундинской степи, были сильны коллективные элементы в распределении различных угодий.

Различия в системе землепользования зачастую могли поддерживаться и природно-географическими особенностями хозяйствования в том или ином районе проживания в Сибири. Например, при общинной системе землепользования объединением всей пашни в одном месте поволжские немцы в колонии Мариенбург Змеиногорского уезда соответственно отграничивали пастбище для скота (Viehweide). По их мнению, пасущийся скот мог причинить большие убытки разбросанным участкам пашни. Связанные участки пашни позволяли также лучше защититься от сорняков. При других способах хозяйствования, сорняки легко могли распространяться с оставленных под залежь (liegengebliebenen Äckern) на лежащие вблизи обрабатываемые участки. Кроме этого, наличие пашенных угодий в одном месте позволяло лучше защититься от животных вредителей, например, от мы-

шей или саранчи. Проживающая в степной траве саранча более опасна для разбросанных участков пашни, чем для больших обрабатываемых комплексов. Описываемое положение характерно для колоний в начале XX в., когда в 1901 – 1902 гг. немцы поволжских колоний Змеиногорского уезда получили довольно неплохой урожай, тогда как окрестные арендаторы, жившие хуторами, страдали от недорода⁸.

Различия в системе землепользования сказывались не только на состоянии земледелия – наличии обязательного, регулируемого севооборота при общинном землепользовании и т.п., но и оказывали влияние на состояние животноводства. Например, при хуторском и отрубном землепользовании у украинских немцев скот выпасался каждым хозяином самостоятельно по территории своего надела. У волынских немцев в Тарском уезде скот по огороженной территории надела мог также пастись и без присмотра пастуха. В селениях с общинным землепользованием скот пасся в общем стаде под присмотром пастуха.

Зачастую у представителей разных локальных групп немецкого населения различалась стратегия становления и развития собственного хозяйства в первые годы после переселения в Сибирь.

В первые годы после переселения с Украины в Сибирь, немцы-меннониты вынуждены были перестраивать свой уклад хозяйствования. На Украине они привыкли «засевать пшеницей большие площади, убирать как можно быстрее с помощью жатвенных машин, производить и продавать пшеницу в больших количествах и повышенного качества»⁹. При этом на рынках Украины был постоянный спрос на пшеницу, которая закупалась и продавалась в больших количествах. В первое время после переселения в Сибирь, для меннонитов было большой неожиданностью, что здесь нет сложившегося рынка зерна, отсутствует постоянный спрос на пшеницу. Цены на рынке здесь были значительно меньше – практически на 90% (10 копеек за пуд в Сибири, вместо 1 рубля 10 копеек на Украине). Продажа зерна производилась обычно небольшими партиями, зачастую по 3–10 пудов за одну сделку. Кроме того, требовалось время, чтобы подстроиться под новые природно-климатические условия, когда урожаи могли погибнуть от засухи летом, либо от ранних заморозков осенью, а для возделывания целинных земель требовались значительные физические и материальные усилия. Так, в 1900–1904 гг. неурожаи преследовали меннонитских крестьян в поселениях на арендованных казачьих землях вдоль Транссибирской магистрали¹⁰. Поэтому, в хозяйствах меннонитов здесь начинает повышаться роль молочного скотоводства. Для того чтобы обеспечить финансовую со-

стоятельность своего хозяйства меннониты в этой местности развивают производство и продажу сливочного масла. Если на зерно не было достаточного спроса на рынках в то время, то сливочное масло было ходовым товаром, как в г. Омске, так и на других крупных станциях Транссибирской железнодорожной магистрали. Значительные объемы произведенного меннонитами масла продавались для нужд армии, через находившиеся в Омске конторы иностранных компаний – за рубеж. Позже, уже в 1920-е гг. одним из важнейших направлений работы Омского отделения Менносоюза являлась как раз деятельность по развитию маслоделия в меннонитских колониях.

В первые годы для нужд маслоделия шло молоко местных сибирских коров, отличавшееся высокой жирностью¹¹. Позже специально завозились и разводились в меннонитских поселениях коровы краснемецкой породы, отличавшееся высокой молочной продуктивностью. Как отмечал Петер Ран: «Если бы не помощь сибирской коровы и сливочного масла для первых переселенцев в 1900–1903 гг., то поистине они бы пришли экономическим путем из-за постигшей бы их бедности к мысли вернуться назад, туда, откуда каждый был вытянут большими надеждами и ожиданиями»¹². С началом Русско-японской войны в 1905 г. вырос спрос на продовольствие, поднялись цены на пшеницу, но по-прежнему у меннонитов оставалась высокой доля молочного скотоводства и маслоделия.

В Кулундинской степи в хозяйствах меннонитов также значительное развитие получило молочное скотоводство и производство сливочного масла. Об этом свидетельствуют материалы переписей 1916-го, 1920 гг. По этим данным, например, в Орловской волости, населенной меннонитами, в стаде преобладали дойные коровы, составлявшие в 1916 г. 50% от всего поголовья крупного рогатого скота, в 1920 г. эта цифра составляла 51%. В Хортицкой волости, также меннонитской, в 1920 г. 56% всего поголовья КРС составляли дойные коровы. При этом в меннонитских волостях высоким был и процент обеспеченности хозяйств оборудованием для производства сливочного масла. Так, по данным переписи 1920 г., в Орловской волости 35% хозяйств были обеспечены сепараторами и 34% – маслобойками. Еще выше этот показатель был в Хортицкой волости: 46% хозяйств волости с сепараторами и 54% с маслобойками¹³.

В то же время для животноводства поволжских немцев, например в Сосновском районе Омского уезда, в селах которого немцы–выходцы из Поволжья составляли большинство, характерна мясная направленность скотоводства. Так, к 1925 году в поголовье крупного рогатого скота в Соснов-

ском районе больше половины составлял молодняк – 55,5 % от всего стада, тогда как дойные коровы составляли 36,4 % поголовья. При этом в Сосновском районе полностью отсутствовали маслозаводы (государственные, общественные, частные) для переработки молока¹⁴. Низким был процент обеспеченности оборудованием для производства сливочного масла в хозяйствах немцев, выходцев из Поволжья. В 1920 г. в Подсосновской волости сепараторы имелись в 12% хозяйств, маслобойки – в 30%. Еще ниже этот показатель был в поволжско-немецких волостях Омского уезда. В Александровской волости сепараторами были обеспечены 2% хозяйств, маслобойками – 8%. В Новинской волости эти показатели составляли соответственно 25 и 4%.¹⁵

В отличие от меннонитов, поволжские немцы в первые годы после переселения в неурожайные годы, поддерживали стабильность своего хозяйства прежде всего за счет огородных культур. Поволжские немцы выращивали на своих огородах картофель, различные корнеплоды, тыкву, другие овощи. При соответствующем уходе огородные культуры всегда давали более-менее стабильный урожай. Так, например, в 1895 г. поселения немцев–переселенцев из Поволжья в Александровской волости Омского уезда постиг неурожай, когда из-за ранних заморозков полностью вымерзли озимые культуры. Как отмечали современники, немецких крестьян в этой ситуации «спас картофель, который каждая семья выращивала на приусадебном участке»¹⁶.

Несколько ниже в хозяйствах поволжских немцев в Сибири были темпы экономического развития, техническая оснащенность. Так, например, у поволжских немцев сеялок на одно хозяйство могло приходиться меньше, по сравнению с другими группами немцев в Сибири. Но, в отличие от соседней других национальностей, в хозяйствах у немцев-выходцев с Поволжья сеялок было значительно больше. Так, например, по данным сельскохозяйственной переписи 1920 г., в Александровской волости, состоявшей в основном из поволжско-немецких поселков, 1 сеялка приходилась на 18,9 хозяйств. Тогда как в Орловской волости Славгородского уезда, населенной немцами-меннонитами, 1 сеялка приходилась на 8,3 хозяйства, а в соседней с Александровской Азовской волости, где проживали в основном украинцы, на 24,5 хозяйств¹⁷.

Особенный путь становления и развития хозяйства можно наблюдать у волынско-немецких переселенцев в Верх-Шишовском районе (Тарский уезд Тобольской губернии). Это было обусловлено тяжелыми природно-климатическими условиями ведения сельского хозяйства в этом районе.

Верх-Шишовский район располагался в лесной зоне Западной Сибири. Климат – континентальный, характерны резкие холода зимой и сильная жара летом, высокие колебания среднегодовой температуры, а также температуры дня и ночи. Среднегодовая температура, для города Тары в начале XX в., составляла – 0,3° С при колебаниях от – 20,6° С в январе до +19,8° С в июле. Период со среднедневной температурой более 0° С составлял 175 дней в году, средняя температура за лето составляла +16,2° С. Кроме этого, частыми были заморозки весной (вплоть до июня месяца) и осенью (уже в начале августа). Малым было количество осадков: годовая сумма осадков для этого района в среднем составляла 430 мм, причем на период май–август приходилось 242 мм, т.е. менее 50%¹⁸.

Оказывали здесь значительное влияние на ведение хозяйства и природно-географические условия. Этот район имел равнинный характер с отлогими увалами, что наряду с обилием лесов, задерживающих влагу, являлось причиной образования многочисленных «замочливых» мест, переходящих в заболоченные пространства. Лесистость местности и заболоченность низин обуславливали довольно значительную влажность местного климата. Трудности подобного климата проявлялись наиболее сильно весной, когда из-за позднего таяния снегов и медленного высыхания почвы затягивались обработка пашни, сев яровых хлебов. В сфере скотоводства это сказывалось на позднем произрастании трав, следовательно, поздний выпуск скота на пастбище и запаздывание с уборкой сена. Суровость местного климата проявлялась также и во время продолжительных холодных зим, во время которых могли вымерзнуть озимые посевы. Весной, осенью и даже летом (в конце июля, августе – в период налива хлебов) были часты заморозки на почве, которые также оказывали негативное воздействие на земледелие¹⁹. Для этого района характерно низкое количество земельных угодий, удобных для использования под пашню, относительно значительное количество сенокосных и пастбищных угодий, дающих много травы, хотя в большинстве своем и не очень хорошего качества. Сочетание суровых природно-географических и климатических условий обусловило такое название этой местности как Тарские урманы.

Подобные природные условия оказывали негативное влияние как на земледелие, так и на животноводство. Так, например, развитие животноводства тормозилось из-за отсутствия достаточного количества кормовых площадей. Заготовка сена на зиму могла производиться только по лесу и на небольших полянках, расположенных возле лесных речек. При незначительных укосах и продолжительности стойлового содержания зимой, для пере-

селенцев в первую пору огромной проблемой являлось обеспечение достаточного количества кормов на зиму, чтобы содержать то количество скота, которое необходимо хозяйству в качестве рабочей силы и источника важнейшего для здешних земель удобрения – навоза. Так, исследователь переселенческого хозяйства в Тарских урманах В. Юферев отмечал, что и после 6–8 лет проживания волынских немцев в данной местности крайне затруднительно говорить о роли скотоводства для хозяйств этой категории переселенцев, «как о доходной отрасли хозяйства»²⁰.

О слабом развитии земледелия у волынских немцев в Тарских урманах говорит довольно незначительный рост количества лошадей в хозяйствах в первые годы после переселения (см. табл. № 1). Если у переселившихся в Сибирь в 1897–1899 гг. на одно хозяйство в первое время после водворения приходилось по 1,2 головы лошади, то в 1905 г. эта цифра составила 1,3 головы. В то же время количество коров на одно хозяйство увеличилось с 1,6 голов на одно хозяйство до 2,4 голов, а среди более поздних переселенцев (1900–1902 гг.) на момент переселения эта цифра составляла 1,3 головы, а к 1905 г. – 2,6 голов. Если обратиться к данным по отдельным волыньско-немецким поселкам, то видно, что в некоторых поселках количество лошадей не увеличилось, а порой даже сокращалось. Так, в поселке Литкинском (Литковка) в первые годы на одно хозяйство приходилось 1,3 лошади, то к 1905 г. эта цифра составила 1,2. Отсутствие прироста числа лошадей, рабочего скота, свидетельствует об отсутствии потребности в его увеличении в связи с увеличением запашки, как это отмечается в других районах Сибири.

Таблица 1

**Состояние скотоводства в хозяйствах волынских немцев
в Тарских урманах в конце XIX – начале XX в.²¹**

	На момент водворения			По опросу 1905 г.		
	Число хозяйств	Лошадей	Коров	Число хозяйств	Лошадей	Коров
Водворившиеся в 1897–1899 гг.	126	157	206	129	164	310
Водворившиеся в 1900–1902 гг.	49	46	67	41	53	107
Всего	175	203	273	170	217	417

В то же время, количество молочного скота увеличилось – с 1,5 голов КРС на одно хозяйство в момент поселения, до 2,5 голов на 1905 г. Так, ес-

ли в первые годы поселения преобладали хозяйства, державшие одну корову – 45,4% всех хозяйств в поселках Верх-Шишовского района. Несколько меньшее количество держало две коровы – 40,0% всех хозяйств, вообще без коров имелось 9 хозяйств (4,6%). Но уже к 1905 г. 1 корова имелась только в 7,7% хозяйств, тогда как 2 коровы имелись в 49,4% хозяйств, 3 коровы – в 27,0% хозяйств, вообще не имелось молочного скота только в одном хозяйстве (0,6%)²².

Переселенцы, прибывшие позже, практически не уступали водворившимся ранее в обеспечении хозяйств рабочим и молочным скотом. Так, на одно хозяйство из группы водворившихся в 1897–1899 гг. на момент водворения приходилось в среднем по 1,2 лошади и 1,6 коровы, а на 1905 г. соответственно 1,3 лошади и 2,4 коровы. В тоже время на 1 хозяйство из второй группы в первом случае приходилось 0,9 лошади и 1,3 коровы, а во втором случае 1,3 лошади и 2,6 коровы (по данным приведенной таблицы посчитано нами). Это объяснялось более высоким денежным обеспечением вновь прибывших немцев с Волыни, что позволяло быстрее обзаводиться живым инвентарем. Во-первых, поздние переселенцы принесли с собой больше денег, во-вторых, переселенцы стали получать домообзаводительные ссуды в большем размере и сразу, а не по частям, как делалось это ранее.

Как отмечает исследователь переселенческого хозяйства в Тобольской губернии В. Юферев, одной из побудительных причин, которые заставляли волынских немцев увеличивать количество скота в хозяйствах, является необходимость удобрения полей навозом, без чего занятие полеводством на бедных подзолистых почвах в Тарском уезде являлось практически невозможным. Но с другой стороны, увеличение количества скота, позволяет предположить, что молочное скотоводство являлось выгодной отраслью в хозяйстве волынских переселенцев в Шишовском районе. Это наиболее отчетливо видно при изучении денежного бюджета среднего хозяйства волыно-немецких поселков, проведенного В. Юферевым.

Согласно данному исследованию, наибольший процент доходов от ведения хозяйства приходится на продукты земледелия – 42,7%, далее идет животноводство – 25,8%, и различные промыслы – 17,9%. Но если из этого совокупного дохода, в котором учтены и денежные доходы, и натуральные, которые в натуральном виде и расходуются в собственном хозяйстве, вычесть последние, то получается следующая картина. На долю животноводства приходится 30,2% денежных поступлений в хозяйство, а на долю земледелия всего 4,2%. Однако большую часть денежных доходов приносят

промысловые занятия – 45,6%. Из доходов от занятия животноводством большая часть приходится на долю крупного рогатого скота – 6,29 рубля в год с одной головы. Некоторый доход давало разведение свиней (при значительных затратах на их содержание): при доходе в 15,57 рубля, содержание одной свиньи обходится 11,0 рубля, следовательно чистый доход составлял всего 4,57 рубля с одной головы. Овцеводство же в местных условиях вообще приносило убытки – при доходе в 1,46 рубля от одной овцы ее содержание обходилось в 4,54 рубля²³.

Несмотря на то что увеличение занятия специализированным скотоводством, позволило значительно увеличить денежные поступления в местных хозяйствах, волыньско-немецкое население продолжало оставаться прежде всего земледельческим. Именно эта отрасль продолжала считаться основной, и поисками лучших условий для занятия земледелием обуславливается переселение части волыньских немцев в южные районы Западной Сибири. Так, волыньские немцы в прошениях о переселении из Тарских урманов на территорию Омского уезда главной причиной их желания указывали прежде всего трудности в возделывании зерновых культур²⁴.

Для волыньских немцев Верх-Шишовского района была характерна низкая площадь под посевами, в сочетании с избытком конской силы и относительно значительным количеством крупного рогатого скота. Так, в 1903 г. в поселке Улюмском на одно хозяйство приходилось 1,3 лошади при 4,5 десятин посева (3,3 десятины на 1 лошадь) и 1,8 коровы²⁵. По обследованию В. Юферева на одно хозяйство в волыньско-немецких поселках приходилось 1,3 лошади при 3,8 десятин посева (2,9 десятины на 1 лошадь) и 2,4 коровы²⁶. При развитии волыньско-немецких поселков в Тарских урманях отмечается дальнейшее снижение доли посевов и увеличение количества крупного рогатого скота. К 1929 г. в Федоровском сельском совете Седельниковского района, куда относились поселки с волыньско-немецким населением, в 178 хозяйствах содержалось 359 голов лошадей и 654 головы дойных коров (от первого отела до предельного возраста). В среднем в этот период на одно хозяйство приходилось 2,01 лошади на 3,24 десятины (1,6 десятины пашни на 1 лошадь) и 3,67 дойных коров²⁷. По данным погубернского обследования 1925 г. отмечалось, что для Седельниковского района в составе стада характерно преобладание коров по отношению к общему количеству крупного рогатого скота – более 60%²⁸. Все это говорит об определенной животноводческой направленности ведения хозяйства в то время в этом районе, причем прежде всего молочного скотоводства.

О росте доли животноводства над полеводством среди волыньских нем-

цев в Тарских урманах говорит также и распределение сельскохозяйственных культур в посевной площади. Так, например, в 1928/29 гг. на долю посевов пшеницы и ржи в Федоровском сельсовете приходилось соответственно 91,80 и 107,70 десятин, тогда как посевы овса и ячменя занимали 174,30 и 92,70 десятин²⁹. Значительная доля овса и ячменя, являющихся прежде всего кормовыми культурами для скота, в структуре посевов также свидетельствует об определенной животноводческой направленности хозяйства.

К концу рассматриваемого периода среди немецкого населения в Тарском районе получило значительное развитие производство сливочного масла. На территории волинско-немецких поселений существовало 3 отделения Петровско-Шишовской маслоартели с числом пайщиков в 51 хозяйство со 153 головами скота. Также был распространен такой вид сбытовой кооперации как контрактация, которой было охвачено 85 хозяйств, в основном бедняцких, со 159 головами КРС (от общего числа 654 головы на 1929 г.). Однако деятельность маслоартели в этом районе была налажена довольно слабо. Так, на складе маслоартели имелось около 400 пудов концентрированных кормов, но населению эти корма практически не отпускались. Сильные корма в 1929 г. получили всего 2 хозяйства в размере 15 пудов. Слабое развитие кооперированного маслоделия тормозилось также тем, что местным отделениям маслоартели было запрещено заготавливать уже готовое масло. Поэтому местному населению было выгоднее напрямую продавать масло на рынке, чем сбывать просто молоко по более дешевой цене для маслоартели³⁰. Так, например, в хозяйстве отца Вольтер Розалии Юлиусовны, расположенном в поселке Скерлинском, до вступления в колхоз было 8 коров. За неделю набиралась бочка сливок, с которой набивали три ведра сливочного масла. В конце каждой недели масло наряду с другими продуктами возили продавать на рынок в районный центр – в г. Тару³¹. Но переход волинско-немецких хозяйств в этом районе к молочному животноводству, носящему интенсивный характер, произошел только с проведением коллективизации и установлением колхозного строя.

На общем фоне развития хозяйства немецких крестьян в Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. ярко выделяется высокий уровень хозяйственного уклада у представителей такой этноконфессиональной группы немецкого населения, как меннониты. Именно для меннонитов были характерны значительные успехи в развитии земледелия и скотоводства в сибирских условиях. Представители меннонитов были родоначальниками и распространителями краснемецкой (красно степной) породы крупного

немецкого скота. Ими применялись более совершенные и передовые способы обработки пашни и возделывания сельскохозяйственных культур. Исследователь переселенческого хозяйства Сибири В.Я. Нагнибеда, говоря о развитии хозяйства немецких крестьян всегда особо подчеркивал, что именно «у немцев меннонитов, мы видели лучший скот, лучшее сено, лучшие урожаи, лучшую пищу»³².

Для меннонитов характерна высокая степень оснащения техникой отдельных хозяйств, при этом доля специализированной техники у меннонитов была выше, чем у представителей других локальных групп немецкого населения. Так, по данным переписи 1920 г., обеспеченность в меннонитских волостях орудиями для обработки почвы (плугами) составила 111% по Орловской волости и 103% по Хортицкой, при этом обеспеченность усовершенствованными плугами «Буккер» составила соответственно 48% и 24%. В то же время данные показатели по другим немецким волостям в Кулундинской степи и в Омском уезде были значительно меньше и составили: в Подсосновской волости всего плугов имелось в 81,1% хозяйств, из них «Буккеров» имелось в 7%, в Ново-Романовской соответственно – 66,5% и 8%, в Александровской – 67,6% и 7,9%, в Новинской – 79,1% и 26,9%³³.

Многие особенности хозяйственного развития меннонитов имеют свою основу в их религиозном учении. Поразительную связь между религиозной регламентацией и интенсивным развитием деловых способностей у меннонитов обнаружил еще Макс Вебер, «чье неприятие мира», по его словам, «вошло в поговорку, как и их богатство». Причину этого явления он усматривал в набожности. М. Вебер подчеркивал, что профессиональный труд, мирская деятельность у меннонитов были подчинены идее спасения души. Исполнение профессиональных и мирских обязанностей у них рассматривалось как исполнение религиозных обязанностей, как служение богу. Это практическое воздействие учения Менно Симонса, замечает Вебер, было следствием чисто религиозных мотивов. Сложилось оно, по его словам, под влиянием лютеранства. М. Вебер обращает внимание на трактовку Лютером слова «Vergif», которое он переводит как «слово», «завет», «дело», «труд». Из одного библейского текста лютеровский смысл этого понятия означал, что человек призван богом к определенному мирскому и профессиональному труду: «Вера без дел мертва»³⁴. В связи с этим одной из главных добродетелей в протестантизме, в том числе и у меннонитов, как раз и является трудовая деятельность. При этом особое значение придавалось результатам этой деятельности, тем прибылям, которые она приносила. Поэтому меннониты старались заниматься прежде всего высокодоходными

отраслями сельского хозяйства. В условиях Западной Сибири, как мы видели выше, это были зерновое земледелие, молочное скотоводство, мукомольное производство.

Еще одним отличительным фактором развития хозяйства у меннонитов являлась общинная поддержка соплеменников в экономическом плане, финансовыми средствами в сочетании с индивидуалистическими способами ведения хозяйства. Так, именно в поддержке своих общин из мест выхода в европейской России, видел залог успешного развития меннонитов в Сибири В.Я. Нагнибеда. Так он отмечал, что для многих групп переселенцев в Кулундинской степи, было характерно на первых порах после переселения «подавленное и угнетенное настроение» прежде всего в силу «полной беспомощности» перед местными природными и климатическими условиями. Меннониты же, по его наблюдениям, «без страха смотрят в будущее, ибо знают, что в нужде всегда найдут себе поддержку»³⁵.

Благодаря традициям общинной жизни и взаимопомощи немцы-меннониты, переселявшиеся в Сибирь могли рассчитывать на помощь родительских общин. Так, например, переселенцы из Хортицкой волости Екатеринбургской губернии для переселения в Сибирь получали безвозмездное пособие в размере 118 рублей и с возвратом по 115 рублей. Кроме того, в первый год поселения в Сибири они обычно получали ссуду 50 рублей на обсеменение, при этом ссуду они должны были возвращать своему обществу не деньгами, а зерном, которое засыпалось в хлебозапасный магазин переселенческого общества в Сибири и должно было пойти на нужды общества в случае неурожая. Меннониты, переселенцы из Гнаденфельдской и Гальбштадтской волостей Таврической губернии, получали беспроцентную ссуду до 450 рублей сроком на 19 лет, кроме того, могли получать ссуду в 275 рублей сроком на 5 лет под 5% годовых³⁶.

Общинный фактор развития меннонитов также имел под собой конфессиональную основу. В церковном отношении каждая община меннонитов была автономной. Меннонитская община выступала как правовая, и в то же время высшая инстанция, как законообразующая и контролирующая организация. Ее решения никем не отменялись, поскольку она никому не подчинялась.

Меннониты мыслили категориями «своей колонии», «своей общины» как некой особой «богоизбранной» общности людей. В силу этого их чувство патриотизма было ограничено общиной. Это представление о родной земле превращается в один из факторов формирования этнического самосознания меннонитов. Поэтому этническое самосознание меннонитов приоб-

ретаает религиозную ориентацию, поскольку они рассматривают себя в качестве «богоизбранного народа, объединенного богом в общину святых»³⁷.

Зачастую чувства религиозной общинности отодвигали у меннонитов на второй план экономическую выгоду и расчет. Так, например, Г. А. Браун, один из сподвижников Петерсовской меннонитской общины из Крыма, в 1900 году приобрел в Куликовской волости Тюкалинского уезда Тобольской губернии 1 500 десятин земли у бывшего хозяина земли Кирьянова по 19 рублей десятина. На этом земельном участке, помимо 140 десятин засеваемых силами хозяйства Г. А. Брауна, 200 десятин земли сдавалось издольщикам меннонитам. За пользование землей они должны были отдавать 1/10 долю урожая зерновых и 1/5 скошенного сена, что, по мнению авторов проводимого обследования хозяйства, было значительно ниже принятых расценок³⁸. Приведенный пример показывает, что хозяин земли преследовал не экономические цели, а стремился поддержать своих единоверцев одной с ним общины.

Таким образом, можно констатировать, что в процессе развития хозяйственного комплекса у различных локальных групп немецкого населения в Западной Сибири в конце XIX – первой трети XX в. отмечаются значительные отличия между собой.

Одним из ярких отличий являются различия в системах землепользования, когда для поволжских немцев была характерна общинная система землепользования (Mir-Verfassung), для волынских немцев – хуторская, меннонитов – подворно-отрубная.

Также у представителей разных локальных групп немецкого населения различалась стратегия становления и развития собственного хозяйства в первые годы после переселения в Сибирь. Так, меннониты поддерживали экономическую состоятельность своих хозяйств за счет развития молочно-скотоводства и производства сливочного масла в первые неурожайные годы после переселения в Сибирь. В дальнейшем доля молочного скотоводства и переработки молока была значительной в общей структуре хозяйства меннонитов в Сибири. В отличие от меннонитов, поволжские немцы в неурожайные годы, поддерживали стабильность своего хозяйства прежде всего за счет огородных культур, а в животноводстве для них характерна мясная направленность.

Особенный путь становления и развития хозяйства был характерен для волынских немцев в Тарском уезде Тобольской губернии, что обуславливалось тяжелыми природо-климатическими условиями ведения сельского хозяйства в этом районе. В силу этих причин здесь слабо было развито земледелие,

при этом основной выращиваемой культурой являлась озимая рожь, для агротехники у этой группы немецкого населения было характерно использование таких специфических приемов, как подсека и выжигание древесины на обрабатываемых участках. Значительной здесь была доля молочного скотоводства и производство сливочного масла, определенное развитие получили также лесные промыслы и другие занятия (охота, собирательство).

На основе проведенного исследования можно сделать вывод, что на формирование подобных различий в развитии хозяйства у разных групп немецкого населения решающую роль сыграл целый комплекс различных причин: природно-географические условия в местах нового поселения, хозяйственно-культурные традиции, принесенные с мест прежнего проживания, особенности духовной культуры у определенных групп в разных районах Западной Сибири и т.п. При этом в конкретном случае превалировал тот или иной вид причин. Так, например, для меннонитов – это конфессиональные особенности, такие постулаты их религиозного учения, как восприятие своей религиозной общины как богоизбранной (отсюда чувство общинной взаимопомощи), а трудовой деятельности как главной добродетели.

¹ См.: Вибе П. П. Образование и становление немецких колоний в Западной Сибири в конце XIX – начале XX века // Немцы. Россия. Сибирь. Омск, 1997. С. 6–12.

² Кулундинская степь // Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Томской губернии, уезды Барнаульский, Каинский, Томский и Мариинский / Под ред. В.Я. Нагнибеда. Вып. I. Томск, 1913. С. 168.

³ См.: Государственный архив Омской области (ГАОО). Ф. 67. Оп. 2 Д. 2022. Л. 311.

⁴ Кулундинская степь... С. 176.

⁵ См.: Тобольский филиал Государственного архива Тюменской области (далее ТФ ГАТО). Ф. 580. Оп. 1. Д. 139. Л. 106. Д. 261–262.

⁶ См.: Там же. Д. 139. Л. 28, 118.

⁷ См.: Там же. Д. 35. Л. 131. Д. 259. Л. 1–6.

⁸ См.: Auhagen O. Über die Entwicklung der Agrarverfassung der deutschen Bauern im heutigen Gebiet der Union der Sozialistischen Sowjetrepubliken // Agrarverfassung der deutschen Aussiedlungen in Osteuropa. Berlin, 1939. S. 34.

⁹ Rahn P. Mennoniten in der Umgebung von Omsk. Winnipeg (Canada): Christian Press Ltd., 1975. – S. 17.

¹⁰ Ibidem. S. 18.

¹¹ Ibidem. S. 17–19.

- ¹² Ibidem. S. 19.
- ¹³ Посчитано по: Итоги сельскохозяйственной переписи 1920 года по Омской губернии. Омск, 1922. С. 91.
- ¹⁴ См.: Соколов А.П. Скот и скотоводство Омской губернии по данным погубернского обследования в 1925 году. Омск, 1927. С. 66.
- ¹⁵ Посчитано по: Итоги сельскохозяйственной переписи... С. 11, 22, 91.
- ¹⁶ Wormsbecher A. Ein deutsches Dorf in Sibirien. Geschichte und Alltag. – Moskau: Septima-Verlag, 1993. – S. 153.
- ¹⁷ См.: Итоги сельскохозяйственной переписи ... - С. 10, 90.
- ¹⁸ См.: Соколов А.П. Указ. соч. С. 5.
- ¹⁹ См.: Юферев В. Переселенцы в Тарских урманах // Вопросы колонизации. 1907. № 2. С. 273–274.
- ²⁰ Там же. С. 287.
- ²¹ По данным В. Юферева. См.: В. Юферев. Указ. соч. С. 288.
- ²² См.: Там же. С. 290–291.
- ²³ См.: Там же. С. 295–297.
- ²⁴ См.: Российский государственный архив. Ф. 391. Оп. 2. Д. 1179. Л. 604, 607.
- ²⁵ Подсчитано по: Материалы обследования переселенческого хозяйства в Степном крае, Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерниях. Ч. 1. СПб., 1905. С. 68. Ч. 2. СПб., 1906. С. 122, 298.
- ²⁶ См.: Юферев В. Указ. соч. С. 292.
- ²⁷ Посчитано по: Государственный архив Новосибирской области (далее ГАНО). Ф. П-2. Оп. 1. Д. 470. Л. 70.
- ²⁸ См.: Соколов А.П. Указ. соч. С. 18.
- ²⁹ См.: ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 470. Л. 70.
- ³⁰ См.: Там же. Л. 71.
- ³¹ Полевой дневник Азовского краеведческого музея (далее Пд АКМ) № 4. 2000. Л. 16об.
- ³² Кулундинская степь... С. 186.
- ³³ Посчитано по: Итоги сельскохозяйственной переписи... С. 11, 22, 91.
- ³⁴ Вебер М. Протестантские секты и дух капитализма // Атеист. 1928. № 26. С. 25.
- ³⁵ Кулундинская степь... С. 187.
- ³⁶ См.: Там же. С. 186.
- ³⁷ Ипатов А. Н. Меннониты. М., 1978. С. 64.
- ³⁸ См.: Земли для коневодства и скотоводства. С. 217, 220; Пд АКМ № 4. 2000. Л. 6.

ПОЛОЖЕНИЕ НЕМЦЕВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

С. В. Баах, П. П. Вибе

Анализ историографии по «немецкой тематике» в Сибири в дореволюционный период, в основном это работы последнего десятилетия, позволяет выделить несколько основных направлений, по которым ведется изучение данной проблемы. Так в отдельную группу можно выделить работы, связанные с положением немцев в условиях социальных потрясений, кризисов и конфликтов – это Первая мировая война и революция 1917 г.¹ События 1905–1907 гг. в данном случае фактически не рассматриваются, так как они не имели такого влияния на немцев Сибири, как, например, в Центральной России. При изучении периода 1914–1918 гг. исследователи в основном делают акцент на политику властей, как центральных, так и местных, в отношении подданных, выходцев и их потомков, воюющих с Российской империей государств. При этом выделяется «немецкий вопрос» и как один из его компонентов – проблема немецкого землевладения и землепользования в Сибири.

Данная статья подготовлена в русле именно этого направления и посвящена анализу положения немцев в Сибири в период Первой мировой войны, безусловно, ставшей одним из самых мрачных и роковых конфликтов прошедшего XX в. и оставившей трагический след в истории немцев в России.

Кризисная ситуация, ставшая результатом длительных процессов, проходящих внутри Российской империи и усугубившихся внешнеполитическим фактором, в начале XX века окончательно привела к утрате регуляторов, стабилизирующих межнациональные отношения. Угроза Первой мировой войны, а затем и сам разразившийся конфликт, значительно повлияли на состояние политических взглядов российской общественности. Эмоциональный порыв объединиться против нависшей внешней опасности, всколыхнувший общество, почти сразу же сменился новыми идеями, расколовшими его на различные группировки. При этом степень политизации обсуждения «немецкого вопроса» возрастает до невероятных размеров. Многие политические объединения, до этого бывшие относительно лояльными к немецким подданным и выходцам, начинают отходить от своих прежних позиций, заменяя их негативными оценками. Созыв особого комитета по

борьбе с немецким засильем официально обозначил политику правительства в отношении немцев в России.

На протяжении 1915–1916 гг. в стране вышел ряд законов, касавшихся различных сторон «немецкого вопроса». Многие из них действовали вначале в пределах западных и центральных губерний, а затем распространялись на территорию всей Российской империи, в том числе и Западную Сибирь.

Германофобские тенденции, формировавшиеся долгие годы на страницах прессы, после начала военных действий окончательно перешли в реальную жизнь. Культивирующаяся в умах общественности враждебность ко всему немецкому, ко всем лицам – выходцам с территории Германии, послужила новым поводом для недоверия и вражды между социальными группами внутри России, к всплеску антинемецких настроений².

По всей стране разразилась борьба с «немецким засильем во всех областях общественной и экономической жизни». Причем, как отмечал один из депутатов Государственной думы С. П. Мансырев, она была не всегда осознанная: «Кем-то брошенное слово без точного определения его содержания повторяется всеми слоями русского общества в зависимости от их личных воззрений, личных взглядов, личных симпатий или антипатий, и этот лозунг в устах различных лиц приобретает различный смысл, иногда даже противоположный»³.

Однако в отличие от центральных губерний в Сибири антинемецкая кампания не принимала агрессивных массовых выступлений, заканчивающихся масштабными погромами и побоищами. В остальном это были практически те же формы и методы, как и по всей Российской империи. Инициаторами борьбы с «немецким засильем», как правило, выступали местные власти, исполнявшие правительственные, или выпускавшие свои, циркуляры о запрете преподавания немецкого языка, переименовании населенных пунктов и улиц, носивших немецкие названия и т.д.

Одной из первых кампаний по борьбе с «немецким засильем» в Сибири стал арест всех германских и австро-венгерских подданных. 26 июля 1914 г. министр внутренних дел Н. А. Маклаков направил генерал-губернатору Степного края телеграмму. В ней сообщалось, что «все германские и австро-венгерские подданные, числящиеся на действительной военной службе, считаются военнопленными и подлежат немедленному аресту..., запасные чины также признаются военнопленными и высылаются... из Сибири в Якутскую область»⁴. В итоге были арестованы многие служащие различных сибирских предприятий.

Не обошло стороной Сибирь и переименование населенных пунктов, носивших немецкие названия. В этом же году, 15 октября, всем губернаторам был направлен правительственный циркуляр, предписывающий выявить такие селения и подготовить предложения по их переименованию. Наибольший размах переименование приобрело в Томской губернии, где в годы массового переселения крестьян возникло немало немецких поселков, именовавшихся так же, как и материнские колонии. Так, в Орловской волости было выявлено 23, а в Новоромановской волости – 11 поселков с немецкими названиями. По предложению заведующего водворением переселенцев в 1-м Кулундинском подрайоне им были даны новые названия, которые являлись либо русским переводом немецкого, либо соответствовали названию переселенческого участка. По мнению чиновника, переименование селений было необходимо «сверх прочих соображений, также в видах удобства русского населения, ибо немецкие названия трудно запоминаются».⁵ Таким образом, в Орловской волости название поселка Гнаденфельд было заменено на Мирное, Тиге на Угловое, Шенвизе на Дектярку, Гальбштадт на Полгород, Александрфельд на Гришковку, Александркрон на Кусак; в Новоромановской волости название поселка Шенфельд заменили на Желтенькое, Гейдельберг на Заячье, Розенфельд на Малышевское, Блюменталь на Маленькое и т. д.⁶ Подобные же предложения о переименованиях были подготовлены и во 2-м Кулундинском подрайоне по Славгородской и Троицкой волостям.⁷ Причем в некоторых случаях местные власти организовали «добровольные» ходатайства о приобретении русских названий.⁸

Пик активности антинемецкой кампании в Западной Сибири пришелся на период, когда пост генерал-губернатора Степного края занимал Н. А. Сухомлинов, уделявший особое внимание землям Сибирского казачьего войска. Его отношение к немецким колонистам характеризуют письма, направленные им осенью 1915 г. князю Н.Б. Щербатову и министру внутренних дел А. Н. Хвостову. В них Степной генерал-губернатор высказывал серьезные опасения по поводу того, что немецкие поселения на землях Сибирского казачьего войска располагались вдоль Сибирской железной дороги и по берегам Иртыша. Это, по его мнению, не могло гарантировать «железнодорожный путь от посягательств со стороны враждебных России элементов» и способствовать правильному и безостановочному железнодорожному и пароходному сообщению.⁹ Рисуя страшные картины «немецкого засилья», Н. А. Сухомлинов писал о существовании между немцами «особой политической связи и организации»; о наличии особой почты и почтальонов для сношений друг с другом; наконец, о появившихся таинст-

венных аэропланах, которые якобы скрываются в немецких колониях, где они получают бензин¹⁰.

На истории с аэропланом следует остановиться отдельно, так она стала апогеем еще одной антинемецкой кампании в Сибири, а именно борьбы со шпионажем. Первыми шагами в этом направлении стали аресты и высылка из губерний подозреваемых в шпионаже австрийских и германских подданных и их семей. В ноябре 1915 г. исполняющим обязанности начальника жандармского управления в Забайкальской области был подготовлен отчет, в котором находились сведения о деятельности агентов германского шпионажа в Сибири. В документе содержались данные по: агентурной сетке Омский округ – Иркутск – Чита – Харбин; Хабаровску, Благовещенску, Владивостоку; Забайкалью. За всеми людьми, отмеченными в этом отношении, было установлено наблюдение¹¹.

Как уже отмечалось выше, пиком борьбы со шпионажем стали сообщения в прессе о неизвестном аэроплане. Омским уездным начальником 20 августа 1915 г. был издан циркуляр, сообщавший о том, что в различных частях Омского и других уездов Акмолинской области и Тобольской губернии был замечен аэроплан: «Целью появления здесь аэроплана может служить попытка повредить железнодорожные мосты, станции и саму линию, поэтому вопрос о расследовании места, где скрывается аэроплан, является вопросом первостепенной государственной важности»¹².

Интересно, что вражеские аэропланы часто фигурировали в различного рода сводках и отчетах и в других губерниях и областях империи. Но если в прифронтовых районах к подобного рода сообщениям можно было относиться серьезно, то применительно к Сибири и Степному краю они выглядели, по меньшей мере, нелепо. Ни один летательный аппарат того времени не смог бы преодолеть расстояние от фронта до глубокого тыла за Уралом. Тем не менее именно Степной генерал-губернатор инициировал кампанию по розыску и поимке аэроплана, умело используя ее для разжигания антинемецких настроений. 17 августа 1914 г. в газете «Омский телеграф» за подписью Н. А. Сухомлинова было опубликовано объявление о следующем содержании: «Ко мне поступают заявления о том, что в различных частях Акмолинской области был замечен аэроплан, который совершает свои полеты, обыкновенно ночью, а иногда – поздним вечером или ранним утром... Такие сообщения приводят меня к необходимости объявить во всеобщее сведение, что русских аэропланов – как военных, так и частных – в крае нет, и если здесь появился аэроплан, то такой является иностранным и, может быть, даже вражеским.

Целью появления аэроплана в Степном крае может служить попытка повредить железнодорожные мосты и самую железную дорогу. Поэтому вопрос о расследовании места, где скрывается указанный аэроплан, становится вопросом первостепенной государственной важности...

...Приглашаю всех жителей бороться с этим злом и помочь мне обнаружить, где пребывает аэроплан.

Все, кто видел его, должны сообщать об этом словесно или письменно в канцелярию Степного генерал-губернатора в г. Омске, с точным указанием места и времени, когда замечен аэроплан и подробным описанием какого он вида...

...За поимку его или за точное указание места нахождения будет исходатайствована награда»¹³.

После публикации этого объявления в канцелярию Степного генерал-губернатора стали поступать многочисленные сведения разных лиц о полетах аэропланов. Примечательно отметить, что до этого были известны лишь единичные заявления «очевидцев», якобы видевших аэроплан, подвергнувшись, кстати, сомнению со стороны одного из губернаторов. Публикация объявления дала новый толчок этой истерии. В справке, подготовленной в сентябре 1915 г. чиновником особых поручений при Степном генерал-губернаторе на основе заявлений «очевидцев», отмечалось, что большинство лиц сообщали, будто аэропланы скрывались на немецких заимках. «Весьма многие из заявителей, – говорилось в справке, – указывают на то, что видели аэроплан летающим или спускающимся вблизи паровой немецкой мельницы. Так, указывалось на мельницы: Герцена в Павлодаре, в пос. Звонарев Кут; мельницу Дика на заимке Трусова (в Тюкалинском уезде, верстах в 40 от г. Омска) и на ряде мельниц вблизи Михайловского имения (Каинский уезд)...». Комментируя эти заявления, автор справки делал вывод, что «...роль мельниц в качестве баз, где аэропланы могут получать запасы бензина и других припасов – весьма вероятно». Особенно часто в заявлениях указывалась заимка Ф. Ф. Штумпфа, находившаяся на левом берегу Иртыша, недалеко от Омска¹⁴.

Борясь с «немецкой обособленностью» и «корпоративностью», Н. А. Сухомлинов, как наказной атаман Сибирского казачьего войска, 4 сентября 1915 г. издал откровенно дискриминационный приказ № 2266 следующего содержания:

- «1) немецкие колонии, находящиеся на территории войска приписать к ближайшим станицам и поселкам и через поселковых и станичных атаманов подчинить войсковому начальству во всех отношениях и

только в чисто полицейском отношении, как-то: производство дознаний, протоколов о разного рода происшествиях и т. п. они остаются в ведении уездной полиции;

- 2) воспретить немцам-колонистам разговаривать по-немецки;
- 3) не допускать в колониях и хуторах никаких вывесок, объявлений и надписей на немецком языке;
- 4) возложить на станичных и поселковых атаманов неослабное наблюдение, чтобы все немцы-колонисты разговаривали только по-русски, не устраивали никаких сходов для обсуждения исключительно своих корпоративных интересов;
- 5) привлечь их к отбыванию земских общественных повинностей наравне с прочими разночинцами»¹⁵.

Данный приказ и ряд других документов позволяют говорить о том, что насильственная ассимиляция немцев в период Первой мировой войны была поставлена в ранг государственной политики. Тот же Н. А. Сухомлинов призывал подведомственные ему полицейские органы к «репрессивной борьбе с колониями немцев внутри нашего отечества»¹⁶.

Касаясь постановки школьного дела в немецких поселениях, он писал: «Школа – это река, по которой должны вливаться русские начала в недра привезенной колонистами в наше отечество немецкой культуры. ...Обрусение немца – дело государственной важности, оно должно дать благие плоды в будущем»¹⁷. Формированию такого мнения способствовали министерские указы о запрещении преподавания на немецком языке во всех учебных заведениях, а также замене в колонистских школах всех учителей, слабо владеющих русским языком, на русских преподавателей. В случае же отсутствия подходящего кандидата, школу предлагалось закрыть, что чаще всего и делалось¹⁸.

Политика ассимиляции и запретов использовалась сибирскими властями и в решении религиозного вопроса. Наиболее показательным в этом плане может стать отношение к баптистам, деятельность которых в условиях империалистической войны оценивалось как сочувствие «воинствующему германизму». Громкой акцией, информация о которой дошла до Санкт-Петербурга и Государственной думы, стало постановление Акмолинского областного правления от 4 апреля 1916 г. о запрете Омской общины баптистов по всему уезду. В годы войны участились также случаи избиения баптистов местным населением.

Одной из самых популярных в шовинистически настроенных кругах сибирской администрации, в принципе, как и по всей Российской империи, в

годы Первой мировой войны стала идея ликвидации немецкого землевладения и землепользования. Реализовывалась она поэтапно, постепенно распространяясь на все большие территории. Сибирь в этом плане оказалась последней, хотя высказывания о господстве «немецкого ига» на землях Сибирских губерний заговорили в прессе еще в 1910 г.

Принятие Советом Министров «ликвидационного» закона 1915 г. стало своеобразным сигналом к действию для местных губернских властей, на территорию которых эти указы не распространялись. Так томский губернатор предписал всем крестьянским начальникам и уездным исправникам ознакомиться с текстом нормативного акта, приняв его к сведению и руководству.¹⁹ После этого начался сбор сведений о проживающих в Томской губернии немцах и занимаемых ими землях, подготовленные к середине января 1916 г. В своих отчетах чиновники отмечали, что антирусских настроений и враждебности к России со стороны колонистов не выявлено. По наблюдению заведующего водворением переселенцев в третьем Кулундинском подрайоне, до войны местное население «считало своим долгом быть в приятельских отношениях с немцами... Война все перевернула...»²⁰.

17 июня 1916 г. состоялось заседание общего присутствия Томского губернского управления по вопросу о ликвидации немецкого землевладения. На нем было доложено, что в губернии проживало 32 семьи немцев германского и австрийского подданства. 5 семей из них в Змеиногорском уезде «ранее пользовались неправильно отведенными в надел общественными землями», но «уже приняты меры к ликвидации немецкого землепользования и обществам воспрещено передавать этим и другим немцам земли на будущее время». Сообщалось также, что в губернии проживало около 36 тыс. немцев русского подданства. 37 семей из них в Каинском уезде являлись собственниками земель. Это были меннониты, причисленные к губерниям Европейской России. Некоторые из них отбывали воинскую повинность в действующей армии в качестве санитаров. В отношении этих колонистов было сделано следующее заключение: «Если... иностранные подданные, которые приобрели в собственность недвижимые имущества в прежнее время, Высочайшими повелениями 2 февраля и 13 декабря 1915 года не лично лишаются права владения ими, то, надо полагать, тем более не ограничиваются в этом праве русские подданные из иностранных выходцев». Общее присутствие предлагало местным чиновникам «строго наблюдать за точным исполнением» законов и потребовало «немедленно изъять из пользования немцев иностранного подданства земли и прочие

недвижимые имущества»²¹. Таким образом, немцы, являвшиеся российскими подданными пока сохраняли за собой все права.

В конце июля 1916 г. Особый комитет по борьбе с немецким засильем, ссылаясь на представление командующего войсками Омского военного округа, внес в Совет Министров предложение расширить действие ограничительных законов на стоверстную полосу вдоль Сибирской железной дороги в пределах Тобольской и Томской губерний²². В результате 8 сентября 1916 г. действие «ликвидационных» законов от 2 февраля и 13 декабря 1915 г. было все же распространено на Каинский уезд Томской и Тюкалинский и Ишимский уезды Тобольской губерний. Причем Особый комитет по борьбе с немецким засильем в то время был очень озабочен вопросом: «не наблюдается ли сосредоточения немецких поселений по линии железных дорог, а также по важнейшим грунтовым и водным путям сообщения»²³.

В соответствии с положением от 8 сентября 1916 г. владельцам частных хозяйств предоставлялся определенный срок для отчуждения принадлежавшего им недвижимого имущества «по добровольным соглашениям», после чего неотчужденное имущество должно было быть выставлено на публичные торги. При этом преимущественным правом приобретения этого имущества обладал Крестьянский поземельный банк²⁴.

Был установлен также и особый порядок прекращения немецкого наделного землевладения в Каинском уезде Томской губернии и в Тюкалинском и Ишимском уездах Тобольской губернии, в соответствии с которым, земли, отведенные немцам на основании правил о переселении 1912 г., должны были перейти в распоряжение Переселенческого управления. Земли, состоявшие во владении немцев в старожильческих селениях, должны были перейти в распоряжение этих обществ, с одновременным исключением из них бывших владельцев. За изъятые у немцев земли предусматривалось вознаграждение в размере 20 рублей за десятину в Ишимском уезде, 21 рубля – в Тюкалинском уезде и 73 рублей – в Каинском уезде. За постройки и инвентарь предусматривалось вознаграждение по их действительной стоимости²⁵.

Первыми ощутили на себе действие «ликвидационных законов» частные хозяева. 16 декабря 1916 г. Тобольское губернское управление объявило, что если в течение шести месяцев немцы, проживающие в Ишимском и Тюкалинском уездах, не ликвидируют свои частновладельческие хозяйства, то они будут выставлены на публичные торги. К объявлению прилагался подробный список этих хозяйств. В него попали хозяйства, находящиеся в колонии Петерфельд Ишимского уезда, крупное хозяйство И. Ф. Вибе в том

же уезде. В Тюкалинском уезде предполагались к ликвидации меннонитские хозяйства на участках Бородинском, Десятириковском, Ивашкевич, Кирьяновском, Трусовском, Халдеевском и др. Такой же список, касающийся меннонитов, проживающих в Каинском уезде, был опубликован в начале 1917 г. в Томской губернии²⁶.

Основным доводом при обосновании необходимости ликвидации немецкого землевладения и землепользования в Сибири со стороны правительства было то, что это мероприятие вызвано в первую очередь соображениями государственной обороны. Немецкие поселения располагались вдоль важнейшей железнодорожной магистрали, что усложняло военному ведомству ведение борьбы со шпионажем²⁷.

В пользу ликвидации немецкого землевладения на землях казачьего войска Н. А. Сухомлинов выдвигал и такой довод, как ненависть казачьего населения к немцам. Он полагал, что с окончанием войны и возвращением с фронта казаков могут возникнуть «насильственные проявления народного негодования»²⁸.

Однако подлинный смысл всех антинемецких выступлений генерал-губернатора становится понятным при анализе рапорта Н. А. Сухомлинова военному министру от 4 декабря 1915 г., в котором он, ходатайствуя о ликвидации немецкого землевладения и землепользования, высказывается за передачу этих земель в войсковой запас, что, «даст возможность войску удовлетворить насущную потребность в земле увеличивающемуся казачьему населению»²⁹.

Обращая прежде всего особое внимание на необходимость ликвидации немецкого землевладения и землепользования на казачьих землях, Н. А. Сухомлинов предлагал распространить действие «ликвидационных» законов на все частные и находящиеся в арендном пользовании земли на территории Сибирского казачьего войска, предоставив последнему право преимущественной покупки этих земель. Не останавливаясь на этом, Н. А. Сухомлинов ходатайствовал также о распространении «ликвидационных» законов и на переселенческие поселки, расположенные на государственных землях. Он утверждал, что переселенческая политика, ставившая своей целью «влиять в мало окрепшее в культурном отношении русское население чужеземный элемент более высокой культуры», была ошибочной. По его мнению, немцы-колонисты не оправдали возлагавшихся на них надежд. Той же точки зрения придерживались и переселенческие чиновники в Семипалатинской области, а потому, полагали они, нет никакой надобности оставлять немцев в дальнейшем в Сибири³⁰.

Семипалатинский губернатор в ответ на запрос Степного генерал-губернатора предлагал целый ряд мероприятий по борьбе «с вредной, с государственной точки зрения, обособленностью немцев-переселенцев». По его мнению, следовало ликвидировать существовавшие в Степном крае немецкие волости путем раздела их на части и присоединения немецких поселков к русским волостям. Таким образом, предполагалось создать ситуацию, при которой волостные старшины избирались бы исключительно из русских крестьян. Сельские старосты могли быть и немцами, но они должны были обязательно знать русский язык. Кроме того, Семипалатинский губернатор предлагал не допускать аренды немцами-переселенцами земель у местного киргизского населения. Новые переселенческие участки он рекомендовал образовывать таким образом, чтобы они «обхватывали немецкие поселки» и селить на них надо было исключительно русских крестьян. Заканчивалась эта программа предложением распространить действие «ликвидационных» законов на Семипалатинскую область³¹.

Настойчивость сторонников ликвидации немецкого землевладения и землепользования в Сибири привела к тому, что 6 февраля 1917 г. «ликвидационные» законы были распространены, также, на Акмолинскую и Семипалатинскую области, Барнаульский и Змеиногорский уезды Томской области и земли Сибирского казачьего войска. Однако, мера эта оказалась уже запоздавшей. После падения самодержавия, 11 марта 1917 г. Временное правительство приняло постановление о приостановлении действия «ликвидационных» законов³². На местах же еще некоторое время по инерции их продолжали исполнять. Поэтому, в конце мая 1917 г. департамент общих дел Временного правительства напомнил губернским комиссарам, что все дела по принудительному отчуждению земель немцев, имевших русское подданство, должны быть прекращены³³.

Таким образом, рассмотрев основные моменты, характеризующие положение немцев Сибири в годы Первой мировой войны, отметим следующее. Волна борьбы с «немецким засильем», развернувшаяся под влиянием внешних и внутренних политических факторов, охватила всю Российскую империю, в том числе и Сибирь. При этом власти использовали практически одни и те же, порой неадаптированные формы и методы, переносившиеся по всей России из одной губернии в другую. В итоге на местах иногда возникали вопросы по выполнению тех или иных предписаний сверху или нелепости, как в случае с поиском в сибирских уездах немецких аэропланов. Особое внимание было уделено вопросу о немецком землевладении и землепользовании на землях Сибирского казачьего войска.

Инициаторами борьбы с «немецким засильем», как правило, выступали местные власти, исполнявшие правительственные, или выпускавшие свои циркуляры о запрете преподавания немецкого языка, переименовании населенных пунктов и улиц и т.д. Одним из самых активных сторонников антинемецких кампаний в Западной Сибири был генерал-губернатор Степного края и Акмолинской области Н. А. Сухомлинов, в 1915 г. сменивший на этом посту Е. О. Шмидта.

Как и по всей России, самой крупной акцией против немцев в Сибири были «ликвидационные» законы. Аргументацией для их введения стали заявления о расположении немецких поселений вблизи железнодорожных и водных путей, хотя истинной подоплекой были экономические причины, связанные с аграрным вопросом. Из-за особенностей немецкого землевладения и землепользования действие этих законов на сибирские губернии было распространено позже, чем на другие регионы Российской империи. Для этого 8 сентября 1916 г. был издан специальный указ, касавшийся Каинского уезда Томской и Тюкалинского и Ишимского уездов Тобольской губерний. Активные действия сторонников антинемецкой кампании привели к появлению новых дополнений 6 февраля 1917 г. о расширении границ действия «ликвидационных» законов.

Однако смена государственной власти в России привела к тому, что немцев в Сибири вновь стали рассматривать как хороших, рачительных хозяев, способных в трудную годину помочь отечеству. Так, Тобольский губернский комиссар В. Н. Пигнатти в своем обращении к немцам-колонистам писал: «...В настоящее тяжелое для Родины время на вас лежит гражданский долг направить все усилия к обсеменению возможно большей площади своих земель, дабы способствовать тем укреплению нового государственного порядка и защите его от внешнего врага»³⁴.

¹ См.: Вибе П.П. Немецкие и меннонитские колонии Западной Сибири в годы Первой мировой войны // Известия ОГИК музея. Омск, 2003. № 10; Маттис А. Э. Немецкий вопрос в Сибири в годы Первой мировой войны // Материалы XXXIV международной научной студ. конф. Новосибирск, 1996; Нам И. В. Сибирские немцы в условиях Первой мировой войны и революции // Немцы. Россия. Сибирь: Сб. ст. Омск, 1997 и др.

² См.: Баах С. В. «Немцефобия» как явление общественной жизни в период Первой мировой войны // Политические партии, организации, движения в условиях кризисов, конфликтов и трансформации общества: опыт уходящего столетия. Ч. 1. Омск, 2000.

- ³ Государственная дума. IV Созыв. Стенографические отчеты. Сессия 4. Зас. 18 – 37 . Пг., 1916. С. 384.
- ⁴ Центральный государственный архив республики Казахстан (ЦГА РК). Ф. 369. Оп. 1. Д. 1348. Л. 65.; См. также: Немцы в Сибири: сборник документов и материалов по истории немцев в Сибири / Сост. П. П. Вибе. Омск, 2000. С. 215.
- ⁵ Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3. Оп. 45. Д. 1242. Л. 2, 47.
- ⁶ См.: Там же. С. 47–48.
- ⁷ См.: Там же. С. 51–51об.
- ⁸ См.: Маттис А. Э. «Борьба с немецким засильем» в годы Первой мировой войны и немецкие колонии Томской губернии // Вопросы истории Сибири XX века. Новосибирск, 1998. С. 59; Омский вестник. 1915. 23 ноября.
- ⁹ См.: Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 391. Оп. 6. Д. 316. Л. 358 об.
- ¹⁰ См.: Там же. Л. 357 об.
- ¹¹ См.: ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 1348. Л. 241–242.
- ¹² Немцы в Сибири: Сборник документов и материалов по истории немцев в Сибири / Сост. П. П. Вибе. Омск, 2000. С. 232.
- ¹³ ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 6059. Л. 5 – 5 об.(подлинник); Омский телеграф. 1915. 17 августа.
- ¹⁴ Там же.Ф. 64. Оп. 1. Д. 6059. Л. 224 – 228.
- ¹⁵ Там же. Л. 206 - 206 об.
- ¹⁶ Там же. Ф. 64. Оп. 1. Д. 2695 а. Л. 16.
- ¹⁷ Там же. Л. 17–17 об.
- ¹⁸ См.: Черказьянова И. В. Немецкая дореволюционная школа Сибири: возникновение и проблемы развития. // Немцы. Россия. Сибирь: Сб научных статей. Омск, 1997.
- ¹⁹ См.: Маттис А. Э. Указ.соч. С. 59.
- ²⁰ Там же. С. 61–63.
- ²¹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 131. Л.33–34об.
- ²² См.: Маттис А. Э. Указ.соч. С. 63–64.
- ²³ Там же.
- ²⁴ См.: РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 316. Л. 152.
- ²⁵ См.: Там же. Л. 203–206.
- ²⁶ См.: ТФ ГАТО. Ф.335. Оп. 1(607). Д. 30. Л. 16; РГИА. Ф.1291. Оп. 84. Д. 131. Л. 36–36 об.
- ²⁷ См.: РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 456. Л. 14–15.
- ²⁸ РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 316. Л. 359.

- ²⁹ Государственный архив Омской области (ГАОО). Ф. 67. Оп. 2. Д. 2930. Л. 126.
- ³⁰ См.: РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 316. Л. 359–360, 364.
- ³¹ ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 2695 а. Л. 14–20 об.
- ³² См.: Вестник Временного правительства. 1917. 14 марта.
- ³³ См.: ТФ ГАТО. Ф. 335. Оп. 1(607). Д. 30. Л. 158–158 об.
- ³⁴ Там же. Л. 120.

ДИСКРИМИНАЦИЯ НЕМЦЕВ РОССИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (НА ПРИМЕРЕ АЛТАЙСКОГО ОКРУГА)

Т. А. Кижяева

Изучение антинемецкой кампании и ликвидационного законодательства в Российской империи в годы Первой мировой войны началось еще в дореволюционный период с работы К. Э. Линдемана «Законы 2-го и 13-го февраля 1915 года»¹. В своей работе автор попытался выявить причины и силы, которые подталкивали правящие круги к наступлению на права российских подданных немецкой национальности и показать последствия ликвидационных законов на экономическое состояние южной России, в наибольшей степени ощутившей на себе применение данных законов.

В последующий исторический период эта тема оказалась не востребованной, и ее изучение, как в общероссийском масштабе, так и в региональном, прекратилось. Политические изменения, произошедшие в СССР и России в конце 1980-х – начале 1990-х годов актуализировали изучение истории немецкого населения. В постсоветский период начинают появляться исследования по региональным аспектам дискриминационных законов. В рамках западно-сибирского региона данная проблема поднималась в трудах П. П. Вибера² С. В. Бааха³, Л. В. Малиновского⁴ и В. Н. Шайдурова⁵.

Тем не менее, на наш взгляд, проблема применения ликвидационного законодательства в отношении немцев Западной Сибири, и в частности, Алтая, осталась малоизученной, что порождает противоречивые оценки и мнения у разных авторов. Так, например, в работе П. П. Вибера «Вклад немцев-предпринимателей ...» говорится, что «настойчивость сторонников ликвидации немецкого землевладения и землепользования в Сибири привела к тому, что 6 февраля 1917 года ликвидационные законы были распространены также на Акмолинскую и Семиполатинскую области, Барнаульский и Змеиногорский уезды Томской области и земли Сибирского казачьего войска»⁶. Но как будет показано ниже, уже к январю 1917 г. в результате применения только одного из ликвидационных законов от 2-го февраля 1915 г., а именно «Положения о землевладении и землепользовании некоторых разрядов, состоящих в русском подданстве, австрийских, венгерских, германских выходцев» 35 немецких семей потеряли право на аренду земельных угодий в лесничествах Алтайского округа. Это противоречие

порождено, по всей видимости, тем, что под включением Барнаульского и Змеиногорского уездов Томской губернии в сферу действия ликвидационного законодательства, П. П. Вибе понимает распространение этих законов на крестьян, проживавших на обмежеванных землях. С другой стороны, в работе В. Н. Шайдурова «Первая мировая война ...» говорится: «рассматривая действия алтайских властей по отношению к немцам-поселянам, следует иметь в виду, что ликвидационное законодательство здесь применялось исключительно к лицам, арендовавшим кабинетские и государственные земли. Крестьян, проживавших на обмежеванных землях, эти акции не коснулись»⁷.

Имеются и другие, не вполне совпадающие точки зрения по вопросу о применении ликвидационного законодательства в годы Первой мировой войны на территории Западной Сибири.

Нам бы хотелось в рамках данной статьи подробнее рассмотреть вопрос о применении закона от 2-го февраля 1915 г. в отношении немцев-арендаторов на территории Алтайского округа.

Прежде всего необходимо отметить, что антинемецкая кампания на Алтае была инициирована не местными властями, как это было, например, в Ставропольской губернии, а из Петрограда. На Алтае эта кампания проходила без массовой поддержки населения, при вялости и даже некоторой пассивности местных властей, о чем косвенно свидетельствует отсутствие публикаций против немцев России в региональных газетах «Жизнь Алтая», «Сибирская жизнь» за 1914–1918 гг.

Причина такого положения, по всей видимости, заключалась в трезвой оценке хозяйственной роли немецких хозяйств в Сибири, которые в большинстве своем носили показательный в культурном отношении характер. Кроме того, специфика географического положения алтайского региона привела к неактуальности популярных в западно-российских губерниях тезисов о «реальной немецкой угрозе» (так как Алтай не входил в зону прифронтовых областей) и «потребности в земле для увеличивающегося российского населения» (так как из 41 600 000 десятин площади Алтайского округа в хозяйственный оборот было введено только 7 456 507, что составляет лишь 18 %)⁸.

Развертывание антинемецкой кампании на Алтае началось после публикации в столичной газете «Новое время» 20 ноября 1914 г. заметки анонимного автора. В свете чрезвычайной важности данной заметки как катализатора дальнейших событий, мы считаем необходимым привести ее полностью.

«Я, будучи в Сибири ходоком – видел немецкие дела. Почти все самые лучшие земли в Омском и Барнаульском уездах в немецких руках. Эти уезды составляют житницу Западной Сибири, там десятина дает по 200 пудов пшеницы. Почти все кабинетские земли арендуются немцами: старые контракты, которые сделаны лет десять назад от 1 рубля до 2 рублей 25 копеек, дороже за десятину нет, и вот они богатеют. Вблизи железнодорожной магистрали самые лучшие земли за бесценок куплены от 10 рублей до 25 рублей за десятину. Теперь цены выросли до 200 рублей за десятину. Спрашивается, почему все лакомые кусочки попали в варварские руки, а не русские?»⁹.

Эта заметка не могла пройти незамеченной, поэтому сразу встал вопрос о соответствии данных, приведенных в заметке, с реальным положением дел. 24 февраля на адрес Главного управления Алтайского округа была получена телеграмма, в которой Министерство внутренних дел ставило вопрос, о том, «имеются ли в округе арендаторы-немцы иностранные или русские подданные, сколько арендуют и какое количество десятин они арендуют, какого качества эти земли»¹⁰. На следующий день в лесничества из Барнаула были направлены телеграммы аналогичного содержания. К началу ноября были собраны более или менее полные сведения, которые и были направлены в столицу.

Для удобства использования эти сведения были нами размещены в нижеприведенной таблице 1.

Таким образом, из таблицы видно, что на территории Алтайского округа проживали 2 немца-арендатора из германских подданных и 1 немец-арендатор австрийский подданный, которые в общей сложности арендовали 137,95 десятин, использовавшихся под заимку (7,85 десятин) и промышленные предприятия (канатный, конный, пивоваренный заводы). Эти данные не совпадают с данными, приводимыми В. Н. Шайдуровым, что «немцев иностранного происхождения среди арендаторов в Алтайском округе не было вовсе»¹².

В совокупности немецкими крестьянами и мещанами русскими подданными арендовалось у Кабинета Его Величества 6 553,19 десятин. В. Н. Шайдуров приводит цифру в 10 439,11 десятин, которую соотносит с общим обрабатываемым земельным фондом на Алтае, и получает 0,14 %; на основании чего делается вывод, что «крики о «немецкой угрозе» на Алтае были более чем преувеличенными»¹³.

В целом, разделяя мнение В. Н. Шайдурова насчет «немецкой угрозы», мы не понимаем принцип сопоставления. На наш взгляд, было бы логичнее

Таблица 1

Количество немцев-арендаторов земли в Алтайском округе ¹¹

Лесничество	Количество арендаторов, их подданство	Площадь арендуемой земли (в десятинах)	Вид пользования	Срок, на который заключены договоры	Сумма арендной платы в год
Барнаульское	2, германские подданные	128,1 7,85	Заводы Займка	1907–1931 1914–1925	313,5 рубля, с повышением через 6 лет на 10% 10 рублей
Солоновское	1, австрийский подданный	2	Пивзавод	1911–1935	100 рублей с повышением через 6 лет на 20%
Ключевское	18, русские подданные	1663,56	Сельхозаренда 20 дес. под мельницу	С 1912, 1913, 1914 на 12 лет 1910–1935	От 1 рубля до 2,5 за десятину 50 рублей
Соколовское	1, русский подданный	165,61	Конный завод и хуторское хозяйство	1912–1924	130

Кольванское	11, русские подданные	708	Сельхозартель	1912-1924	647 рублей
Локтевское	2, русские подданные	60,2	Сельхозаренда, усадьба	1913-1925	Нет данных
Верх.-Обское	1, русский подданный	166,21	Сенокос	1912-1924	332,4
Ново-Николаевское	3, русские подданные	3,6	Рыбная ловля, летние дачи	11912-1915 1913-1925	Нет данных
Таежное	русский подданный	172,9	Сельхоз-аренда	1913-1916	Нет данных
Убинское	65, русские подданные	3 353,11	Сельхозаренда	С 1911, 1912 на 12 лет	Нет данных
Нижнее-Кулундинское	2, русские подданные	1)260 2)совместно с артелью русских крестьян из 16 человек – 2 331,44	Сельхозаренда	1913-1925	209
Всего	106	6 691,14			

соотносить общий обрабатываемый земельный фонд с землей, обрабатывавшейся немцами русскими подданными (то есть в совокупности арендуемой и обмежеванной земли), а арендуемой немцами земли – с арендным фондом лесничеств по Алтайскому округу, что дает принципиально другие цифры.

Так, например, по данным «Азиатской России» в 1911 году общий арендный фонд (кроме лесов) лесничеств Алтайского округа составил 1 053 000 десятин¹⁴, что при сравнении с площадью арендуемой немцами земли дает 0,6 %. При этом необходимо учитывать, что не более 1/3 этих земель по качеству своему было не хуже прилежавших крестьянских владений (на что также указывается в «Азиатской России»¹⁵, поэтому количество обрабатывавшейся немцами-арендаторами русскими подданными земли в отношении к общему арендному фонду земель хорошего качества по Алтайскому округу будет равно 1,8 %.

Что касается платы за арендуемую землю, то, как видно из таблицы, автор заметки от 20 ноября 1914 г. немного согрешил против истины. Ибо арендная плата за землю, находившуюся в сельскохозяйственном пользовании, составляла по Алтайскому округу не от 1-го, а от 0,8 до 2,5 рубля за десятину. Но, как опять же видно из таблицы, такая цена происходила не из-за десятилетней давности заключенных контрактов (так как большинство контрактов было заключено в 1912–1913 гг.). Это была общепринятая в 1910–1914 гг. средняя цена за десятину арендуемой под сельскохозяйственные угодья земли по Алтайскому округу. Во всяком случае, по аналогичной цене на территории Алтая в этот период арендовали землю эстонцы и латыши¹⁶. (Столь низкая арендная плата в Алтайском округе, как это обосновывается в монографии Жидовского Г. П.¹⁷, объяснялась наличием значительного необработанного земельного фонда при узости круга лиц готовых вступить в арендные отношения. В этом смысле, потеря каждого арендатора была значительной и невозполнимой утратой, в связи с чем, ряд лесничих Алтайского округа шли на разрыв договоров с немцами-арендаторами только после неоднократных указаний сверху)¹⁸.

Тем не менее вышеуказанная заметка дала толчок к началу антинемецкой кампании на Алтае. В дальнейшем ситуация получила свое развитие после опубликования в печати «Узаконения о прекращении землевладения и землепользования подданных и выходцев из враждующих с Россией государств», то есть законов от 2-го февраля 1915 г. Особо хотелось бы обратить внимание на второй из этих законов, так как он непосредственным образом коснулся немцев-арендаторов на Алтае. По этому закону впредь

воспрещалось совершение всякого рода актов о приобретении прав собственности, права залога, а также права владения и пользования недвижимым имуществом отдельного от права собственности, равно как и участие в публичных торгах на указанное имущество следующим разрядам лиц: а) состоящих членами указанных в п. 6 обществ, б) числящиеся в составе колоний и деревень в губерниях Варшавского Генерал-губернаторства и Холмской губернии, в) владеющих землей в пределах предусмотренных в ст. 63 Устава Крестьянского поземельного банка, г) перешедших в русское подданство после 1 января 1880 г., д) утративших недвижимое имущество вследствие отчуждения добровольно или с публичных торгов, на основании утвержденных 2 февраля 1915 г. положений. Действие настоящих правил не распространялось: 1) на лиц удостоверивших одно из следующих условий: а) свою принадлежность к православному вероисповеданию от рождения или переход в православие до 1 января 1914 г., б) принадлежность к славянской народности, в) свое участие или участие одного из своих восходящих или нисходящих по мужской линии в боевых действиях русской армии или русского флота против неприятелей в звании офицера или в качестве добровольцев или принадлежность свою или кого-либо из означенных лиц к числу получивших награды за боевые отличия в военных действиях сих армий или смерть на поле брани, 2) на вдов, перечисленных в п. 1 лиц. Право на временное пользование недвижимым имуществом по договорам найма или аренды, заключенными отдельными лицами на срок не более 6-ти лет сохраняется¹⁹.

Как видно из приведенного отрывка, закон от 2-го февраля 1915 г. не отличался ясностью, на что указывает и Убинский лесничий в своем рапорте в Управление Алтайского округа от 5-го ноября 1915 г.²⁰ Прежде всего обращает внимание указание на параграф 6, без объяснения содержания данного параграфа²¹. Кроме того, не оговаривается, какие документы лесничий должен считать достаточными для подтверждения перехода в русское подданство до 1880 г. Возникают вопросы и по поводу наличия в семье офицера или добровольца, а именно, абсолютно ли исключаются из этой категории призванные нижние чины. Во многом абсурдна и формулировка, касающаяся знаков отличия и смерти на поле боя, ибо существовала вероятность, что после расторжения договора об аренде, воин, принадлежащий к этой семье, получит необходимую награду или не падет на поле боя.

В этом отношении характерны два факта. Первый – это то, что боязнь недоразумений, вследствие неверного понимания закона, возникла только у

Убинского лесничего. Остальных лесничих неполное понимание закона ничуть не остановило перед претворением его в жизнь. Второй – это то, что в ответе Убинскому лесничему указывается на необходимость непосредственного участия офицеров и добровольцев в военных действиях²², то есть из этой категории исключались немцы-меннониты, чьи религиозные убеждения допускали лишь участие в войне в качестве санитаров или на службе в лесничествах. Кроме того, отношение алтайских властей к меннонитам представляет интерес и в свете приоритета религиозных признаков над национальными в Российской империи. Поэтому, исходя из этого принципа, меннониты, как особая наднациональная религиозная общность, на местах исключались из круга лиц, подпадавших под действие законов от 2-го февраля 1915 г. Так, например, об этом может свидетельствовать телеграмма начальника округа лесничим от 16 мая 1915 г.²³ Только после публикации в «Русском слове» 23 июня 1916 г. статьи «Ликвидация земель меннонитов»²⁴, в которой говорилось о решении Совета Министров рассматривать меннонитов как немцев по национальности, к ним стали применять ликвидационные законы. Стремление меннонитов сохранить за собой права собственности и аренды привело к интересному феномену: многие меннониты стали именовать себя голландцами, хотя до 1914 г. говорили и писали по-немецки²⁵.

Ситуация для немцев-арендаторов начала принимать неблагоприятный оборот после циркулярного распоряжения начальника округа лесничим от 7 февраля 1915 г., которым рекомендовалось «воздержаться от сдачи в аренду земли лесничества немцам, хотя бы и русским подданным». Согласно этому же распоряжению им предписывалось «всемерно стремиться к расторжению заключенных с такими лицами договоров, при малейшем нарушении со стороны их арендных условий»²⁶.

Таким образом, договоры начали расторгаться по поводу и без повода. Особым усердием на этом поприще отличался Ключевской лесничий. Его первой акцией стало запрещение арендаторам оброчной статьи «Глядень» Вибе, Классену и Винсу возведения каких-либо жилых или нежилых построек на арендуемых ими участках. Дело в том, что заключенные в 1913 г. договоры включали в себя пункт 8, запрещавший строительство каких-либо сооружений на арендуемых участках. Но в силу отсутствия другой земельной собственности у Вибе, Винса и Классена и невозможности проживания в разрешенных договором временных сараях сибирской зимой этим арендаторам в 1913 году начальником округа было устно разрешено возведение построек в форме единоличных хуторов, с соответствующей

этому пометкой карандашом в договоре. На основании чего каждый из вышеупомянутых арендаторов построился на арендуемом участке и имел крупное хозяйство, при этом аренду они платили исправно²⁷.

О размере хозяйств Вибе, Классена и Винса можно судить по описи имущества, приведенной в таблице 2.

Таблица 2

Опись имущества хозяйств Ф. Классена, Г. Вибе, Г. Винса²⁸

Франц Классен		
Наименование	Кол-во	Цена
имущества		
Изба	1	100
Амбар	1	50
Сарай	1	30
Половник	1	20
Плуг	1	18
Букар	1	75
Бороны	3	8
Лобогрейка	1	50
Молотилка	1	800
Веялка	1	100
Сортировка	1	8
Брички	2	150
Сепаратор	1	45
Лошадь	10	400
Жеребенок	1	25
Корова	4	100
Телята	3	15
Быки	1	50
Овцы	30	120
Свиньи	5	20
Прочее		
имущество		115
Всего	2	300

Гергард Вибе		
Наименование	Кол-во	Цена
имущества		
Изба	1	50
Лошадь	3	75
Корова	1	20
Телята	1	5
Свиньи	2	2
Плуг	1	15
Борона	1	3
Бричка	1	50
Прочее		
имущество		5
Всего		225

Гергард Винс		
Изба	1	50
Бричка	1	50
Лошадь	2	50
Жеребёнок	2	10
Корова	1	20
Лобогрейка	1	25
Букар	1	20
Прочее		10
имущество		
Всего		225

Таким образом, только прямые потери, в случае сноса построек у Класена составили бы 200 рублей, у Вибе – 50, у Винса – 50. При этом надо учитывать, что в случае сноса построек, этим арендаторам пришлось бы в спешном порядке, по сниженным ценам, а в большинстве случаев вообще за бесценок, распродавать свое имущество, что значительно увеличило бы потери этих людей.

Но если в 1913 г. возведение построек данными арендаторами было признано допустимым, то в 1915 г. уже существующие постройки были признаны незаконными, и в соответствии с буквой закона, не смотря на многочисленные ходатайства арендаторов, были снесены. В такой же ситуации оказались и некоторые другие арендаторы оброчной статьи «Глядень» (в частности, П. Мартенс, Г. Шпенст, М. Ран)²⁹.

Предлогом для расторжения договоров часто становилась несвоевременная уплата арендных денег. При этом причины несвоевременного внесения денег и другие обстоятельства во внимание не брались. И опять же особо отличился старанием в этом деле Ключевской лесничий.

Так, например, И. П. Дик, арендатор Гляденской оброчной статьи, причину запоздалого внесения арендной платы объяснял своим «отсутствием, в связи с нахождением на воинской службе в действующей армии»³⁰. Л. Н. Дик, также арендатор оброчной статьи «Глядень», несвоевременное внесение денег объяснял поздним получением извещения об оплате, «по случаю отсутствия по причине командировки по продаже хлеба Завьяловским объединением десяти кредитных товариществ»³¹ и т. д. Как правило, все прошения подобного плана содержали разного рода доказательства о высоком культурном уровне хозяйств, сетования о немедленном разорении хозяйства в случае отказа в дальнейшем пользовании землей по причине больших расходов, связанных с первоначальной распахкой при малом сроке пользования, и указания о наличии членов семьи мужского пола, находящихся на военной службе и/или подлежащих мобилизации в очередной призыв.

Тем не менее все эти прошения отклонялись, хотя сам начальник Алтайского округа признавал, что для расторжения договоров используются «формальные основания», которые при других обстоятельствах не повлекли бы за собой прекращение аренды³².

(Непонятна судьба И. П. Дика, так как Главное управление Алтайского округа нашло, что «причина неаккуратности Дика уважительна. Аренду необходимо восстановить»³³. Тем не менее в списках арендаторов-немцев по Ключевскому лесничеству 1916 г. он уже не значится)³⁴.

Таким образом, только по Ключевскому лесничеству были расторгнуты 11 из 18 договоров, в результате чего прекратилась обработка 1 044,56 десятин земли.

Прекращение действия арендных договоров происходило и других лесничествах. Постановлением от 24 апреля 1915 г. Кольванский лесничий отозвал сельскохозяйственной артели из 11 немцев в аренде, назначив конечный срок очищения оброчной статьи к 13 февраля 1916 г. Как указывают в прошении члены артели, «отказ от аренды последовал вследствие того, что их прадеды более 150 лет назад были выходцами из Германии или Австрии, что им даже точно не известно». Таким образом, под угрозой ликвидации оказалось образцовое хозяйство, имевшее только построек на оброчной статье на сумму более 11 тысяч рублей³⁵. В определенном смысле немцам-арендаторам Кольванского лесничества повезло, так как 7 из 11 членов артели смогли предоставить документы о переходе их предков в русское подданство до 1857 г. Поэтому артель в целом была сохранена, правда 4 арендатора, не предоставившие необходимые документы, были вынуждены съехать со статьи, с передачей их прав на арендуемую собственность оставшимся членам артели³⁶.

Изменения количества арендаторов-немцев, произошедшие в силу применения закона от 2 февраля на территории Алтайского округа показаны в таблице 3.

Таблица 3

**Состояние немецкой аренды в Алтайском округе
после применения закона от 2 февраля³⁷**

Лесничество	Число арендаторов до применения закона	Число арендаторов после применения закона	Примечания
Ключевское	18	7	Договоры оставлены в силе до предъявления документов о переходе в русское подданство в 1788–1800 гг.
Соколовское	1	1	Не ликвидирована, так как единоличная аренда должна быть ликвидирована в течение 6-ти лет.

Колыванское	11	7	7 членов артели предоставили документы о переходе в русское подданство до 1857 г. Аренда не ликвидирована, так как единоличная и подлежит ликвидации в течение 6 лет. Ликвидированы за нарушение условий договора Не предоставили документы о переходе в русское подданство до 1881 г. С остальными договоры остаются в силе, так как смогли предоставить документы о переходе в русское подданство. Перешли в русское подданство более 150 лет назад. Нет данных
Локтевское	2	1	
Ново-Николаевское	3	0	
Таежное	1	0	
Убинское	65	50	
Нижне-Кулундинское	2	2	
Верх.-Обское	1	Нет данных	
Всего	103	68	

Таким образом, приведенные нами факты свидетельствуют, что тяжелее всего последствия войны падают на плечи рядового труженика, даже если он лояльный гражданин и живет в глубоком тылу. И никак не избежать лишений хлебопашцу, если верховная власть страны, которую он считает своей, вдруг начинает притеснять его под тем предлогом, что когда-то его предки приехали в Россию из теперь враждебной Германии. Ограниченный по масштабу процесс дискриминации немцев-арендаторов, живших на Алтае, открыл печальную эстафету еще более массовых и жестоких нарушений прав немецкого населения региона в течение последующих десятилетий двадцатого века.

-
- ¹ См.: Линдемман К. Э. Законы 2-го и 13-го февраля 1915 г. (об ограничении немецкого землевладения в России) и их влияние на экономическое состояние Ю. России. М., 1916.
- ² См.: Вибе П. П. Вклад немцев-предпринимателей в становление крупных культурных хозяйств в Сибири // Немцы в России. Российско-немецкий диалог. Спб., 2001. С. 399–411; Немцы в Сибири: Сборник документов и материалов по истории немцев в Сибири 1895–1917 / Состав. П. П. Вибе. 2-е изд. Омск, 2000.
- ³ См.: Вибе П., Баах С. Антинемецкая кампания в Сибирском регионе в начале XX века // Немцы России: социально-экономическое и духовное развитие 1871–1914 гг.: Материалы 8-й международной научной конференции. М., 2002. С. 54 – 59.
- ⁴ См.: Малиновский Л. В. Немцы в России и на Алтае. Барнаул, 1995; Малиновский Л. Столыпинская реформа и немецкие деревни в России 1900 – 1917 гг. // Немцы России: социально-экономическое и духовное развитие 1871–1914 гг.: Материалы 8-й международной научной конференции. М., 2002. С. 119 – 125.
- ⁵ См.: Шайдуров В. Н. Алтайские немцы накануне и в ходе Первой мировой войны // История и культура немцев Алтая. Выпуск 1. Барнаул, 1999; Шайдуров В. Н. Сибирские немцы и Первая мировая война // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития: Сб. науч. тр. Омск, 2000. С.62–64; Шайдуров В. Н. Первая мировая война и судьба российских немцев // Алтайский сборник. Выпуск XX. Барнаул, 2000. С. 48–62.
- ⁶ Вибе П. П. Вклад немцев-предпринимателей... С. 409
- ⁷ Шайдуров В. Н. Первая мировая война и судьба российских немцев. С. 57.
- ⁸ См.: Там же. С. 55.
- ⁹ ЦХАФ АК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3402. Л. 113. Выписка из статьи.
- ¹⁰ Там же. Л.1.
- ¹¹ Подсчитано по ЦХАФАК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3402. Л. 2–98.
- ¹² Шайдуров В. Н. Первая мировая война и судьба российских немцев. С. 56.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ См.: Азиатская Россия. Т. 1. Спб., 1914. –578 с.
- ¹⁵ См.: Там же.
- ¹⁶ См.: ЦХАФ АК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3402. Л. 2.
- ¹⁷ См.: Жидков Г. П. Кабинетское хозяйство 1748 – 1917. Новосибирск, 1973.
- ¹⁸ См.: ЦХАФ АК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3402. Л. 257.
- ¹⁹ См.: Там же. Л. 130 об.–131.
- ²⁰ См.: Там же. Л. 183.

- ²¹ См.: Там же. Л. 186.
- ²² См.: Там же. Л. 121.
- ²³ См.: Там же. Л. 187
- ²⁴ См.: Там же. Л. 212. Вырезка из газеты.
- ²⁵ См.: Малиновский Л. В. Немцы в России и на Алтае. Барнаул, 1995.С. 48.
- ²⁶ ЦХАФ АК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3402. Л. 121
- ²⁷ См.: Там же. Л. 140–156.
- ²⁸ См.: Там же. Л. 146.
- ²⁹ См.: Там же. Л. 154.
- ³⁰ Там же. Л. 191.
- ³¹ Там же. Л. 171.
- ³² См.: Там же. Л. 173.
- ³³ Там же. Л. 193.
- ³⁴ См.: Там же. Л. 277–278.
- ³⁵ См.: Там же. Л. 160.
- ³⁶ См.: Там же. Л. 270–271.
- ³⁷ Подсчитано по ЦХАФАК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3402. Л. 263–278.

НЕМЦЫ И ВЛАСТЬ В СИБИРИ В УСЛОВИЯХ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1917 – 1918 гг.)

И. В. Нам

Отношения немецких переселенцев в Сибири с властью характеризовались лояльностью и законопослушанием. По свидетельствам чиновников, относящимся ко времени действия «ликвидационных законов», немцы «охотно подчиняются русским узаконениям», к местным властям и правительству относятся «осторожно, предупредительно, почтительно и даже с чувством благодарности за отпущенную им в надел землю в достаточном количестве, чего они были лишены в европейской России»¹.

Однако развернутая государственной властью в годы Первой мировой войны антинемецкая кампания имела своим результатом возбуждение обоюдного недоверия между немецкими колонистами и русским населением. Как показывают донесения барнаульского уездного исправника томскому губернатору осенью 1915 г., среди местного населения наметилось «скрытое, ни в чем пока не проявляемое враждебное настроение» по отношению к немцам. И среди населения немецких поселков появилось «заметное враждебное отношение ко всему русскому». Жители этих поселков высказывались, что им «теперь здесь не жить, нужно уезжать». И хотя, по словам исправника, в форму явного проявления недовольства эти настроения не выливались², тем не менее они являлись тревожным для самодержавия симптомом, свидетельствующим об утрате им доверия среди лояльных прежде немецких колонистов.

Многочисленные факты дискриминации немцев в предреволюционные годы: перевод преподавания в школах на русский язык, закрытие школ, церквей и молитвенных домов, ограничение и вытеснение немецкого землевладения, шпиономания и призывы развернуть борьбу с «внутренним врагом», злоупотребления местных властей и т.п. – с особой силой диктовали необходимость групповой солидарности и самоорганизации с целью создания механизмов, способных противостоять враждебной внешней среде. Поэтому свержение царизма немцы встретили с надеждой на осуществление своих национальных чаяний. Особую радость вызвало приостановление Временным правительством 11 марта 1917 г. действия «ликвидационных законов». Первой реакцией на смену политического режима и отмену ненавистных законов стали приветственные телеграммы в адрес новых

органов власти, в которых немцы спешили заверить Временное правительство и Петроградский совет в своей лояльности и поддержке.

Сохраняя стремление быть лояльными к власти, немцы не могли тем не менее оставаться в стороне от разворачивающихся в стране бурных политических событий. Это выразилось, во-первых, в создании в 1917–1918 годах системы немецкого национального самоуправления в форме национально-культурной автономии. Во-вторых, немцы в лице их наиболее активной части, интеллектуальной, духовной и экономической элиты «пошли во власть», рассчитывая тем самым добиться стабильности в положении своего народа. Активно развернулись, отражая как общие для немецкого движения закономерности, так и специфические черты, процессы самоорганизации немцев и в Сибири.

7 мая 1917 г.³ в Славгороде Барнаульского уезда Томской (с июня – Алтайской) губернии было созвано многолюдное (1 497 чел.) «первое организационное собрание западно-сибирских колонистов-немцев, русских граждан», которое положило начало созданию немецкого самоуправления в Западной Сибири. Заметим, что в современной литературе, касающейся освещения проблем самоорганизации сибирских немцев в годы революции и гражданской войны, имеются многочисленные неточности. Причем многие из них кочуют из работы в работу. Так, неверное утверждение, что на этом собрании было принято решение о создании в Сибири немецкой республики, высказанное еще в начале 1930-х гг. А. Рейнмарусом и Г. Фризеном в брошюрах, выдержанных в духе антирелигиозной классовой пропаганды⁴, встречается и в работах современных авторов. Например, А. Савин в статье, вышедшей в 1994 г., повторяет сразу две ошибки, содержащиеся в писаниях Рейнмаруса и Фризен: «В конце сентября 1917 г., – пишет он, – по инициативе евангелически-лютеранского пастора Я. Штаха в Славгороде был созван съезд колонистов Сибири, целью которого явилось создание на территории Сибири Западно-Сибирской немецкой республики»⁵. И как следует из дальнейшего контекста статьи, автор понимает созданную в Сибири «республику» как национально-территориальную. Это утверждение абсолютно неверно. Ведь еще Штах, возражая А. Рейнмарусу, писал в своей книге, что речь шла не о республике, а именно об экстерриториальной автономии, т.е. самоуправлении, или «лично-культурной автономии»⁶. На классических принципах культурно-национальной автономии строилась «Конституция» сибирских немцев: персонализме (пп. 1, 4), признании национальных сообществ субъектами права (п. 3) и экстерриториализме (п. 7)⁷.

К сожалению, досадные ошибки вкрались в текст энциклопедии «Немцы

России». Здесь присутствует, в частности, следующее утверждение: «Одновременно с совещанием меннонитов в Молочанске (Ней-Гальбштадт) 17 мая 1917 г. состоялось собрание представителей немцев и меннонитов Западной Сибири в Славгороде, в котором приняли участие 1500 чел. Собрание решило создать «Немецкий комитет» в Омске в составе 9 членов (по 3 лютеранина, католика и меннонита)»⁸. Здесь, во-первых, ошибочно указана дата Славгородского собрания, которое состоялось не 17, а 7 мая. И во-вторых, собрание постановило создать «Комитет российских граждан немецкой национальности Западной Сибири» с центром не в Омске, а в Славгороде. В Омске же, который стал вторым центром самоорганизации немцев в Сибири, аналогичное собрание, но с гораздо меньшим числом участников (70) состоялось 17 июня. Омская организация стала называться «Омская группа объединенных российских граждан немецкой национальности»⁹. В дальнейшем в Западной Сибири, как и в других местах расселения немцев, формируется разветвленная система немецкого самоуправления с центральным комитетом в Славгороде и районными комитетами в Омске, Славгороде, Павлодаре и Змеиногорске.

Нельзя согласиться также с утверждением о том, что эта организация, как пишет А. Э. Матис, «никакого влияния на политическую жизнь региона... не оказала»¹⁰. Сохранившиеся источники позволяют сделать вывод об активном участии элиты сибирских немцев в политической жизни региона. Об этом убедительно свидетельствует уже тот факт, что сибирские немцы, создавая органы национального самоуправления, стремились к тому, чтобы иметь свое представительство в органах государственной власти и местного самоуправления и выдвигали с этой целью самостоятельные национальные списки в ходе выборов в городские думы и в Учредительное собрание. Так, на выборах в городское народное собрание в Славгороде 13 июля 1917 г. список немецкого союза (№ 6) получил 6 мест из 20 (12 %) ¹¹. На выборах в Учредительное собрание немецкий список (№ 6) в Алтайской губернии получил 8048 голосов из 713 946, опередив по числу полученных голосов списки Трудовой народно-социалистической партии (№ 3) и меньшевиков (№ 4) ¹².

Лидеры немецкого движения в Сибири связывали осуществление планов национального самоуправления с областничеством, представлявшим одну из разновидностей федералистского движения. Немаловажную роль в этом сыграла выдвинутая областниками под влиянием эсеров, активно включившихся в областническое движение, национальная программа, в которой этническим меньшинствам предоставлялось право на национально-персо-

нальную автономию¹³. Немцы приняли участие в работе состоявшихся в октябре и декабре 1917 г. в Томске сибирских областных съездов и созданных ими органов власти: Сибирского областного совета и Сибирской областной думы. В работе 1-го областного съезда участвовали в качестве представителей Славгородского комитета: предприниматель Ф.Ф. Васловский, пастор Я. Г. Штах, бухгалтер Д. Д. Крекер, Омскую группу представлял Ф. И. Фризен¹⁴. В отношении поддержки автономного устройства Сибири национальная фракция, в которую входили немцы, была единодушна. В то же время в решениях съезда, принятых под влиянием эсеров, немецких делегатов не устраивала позиция большинства съезда по аграрному вопросу. По свидетельству Я. Штаха, немецкие делегаты ратовали за сохранение частной собственности¹⁵, в то время как резолюция «Земельный вопрос в Сибири» признавала необходимость ликвидации частной собственности на землю. Весь земельный фонд объявлялся общенародным достоянием, служащим преимущественно для нужд местного населения. В виде исключения разрешалось применение наемного труда, но «с гарантией его охраны»¹⁶.

Конфликт возник и при обсуждении вопроса о представительстве национальностей в Сибирском областном совете. Придавая важное значение национальному вопросу, организаторы съезда делали основной упор на контакты и учет интересов автохтонного населения края и не предполагали представительство пришлых этносов в Сибоблсовете. Против этого запротестовали украинцы и немцы. Инцидент был исчерпан постановлением съезда о предоставлении украинцам, имевшим общесибирский орган – центральную сибирскую раду, – двух мест в Областном совете, а немцам, самоуправление которых распространялось лишь на Западную Сибирь, – одного места. От немцев в его состав вошел Ф. Ф. Васловский. В дальнейшем Сибоблсовету предоставлялось право самому решать вопрос о допущении в свой состав представителей национальностей, имеющих общесибирскую организацию¹⁷. На Чрезвычайном областном съезде немецкое самоуправление представлял Ф. Ф. Васловский. Представитель немцев Ф.Ф. Фрезе входил в состав национального совета, избранного съездом Сибоблсовета, а затем и в национальную фракцию Сибирской областной думы, которая начала свои заседания в январе 1918 г.

Сложившаяся в Сибири после установления советской власти политическая ситуация, как и везде, не благоприятствовала деятельности немецкого самоуправления. Гонениям подверглась издававшаяся в Омске под руководством меннонита Вибе и при участии Адольфа Рутца единственная в это время в Сибири немецкая газета «Der Sibirische Bote» («Сибирский

вестник»). По свидетельству Штаха, именно газета помогла объединить сибирских немцев¹⁸. 31 декабря 1917 г. она была закрыта «как шпионажный орган»¹⁹. 2 февраля 1918 г. с помощью рабочих и военнопленных было разогнано собрание немцев, созданное Омским немецким комитетом²⁰. 10 апреля «по подозрению в контрреволюционной деятельности» были арестованы и преданы суду революционного трибунала члены Змеиногорского районного комитета²¹. Однако, несмотря на преследования, самоуправление немцев в Сибири в первый период советской власти, в силу его кратковременности, не было уничтожено.

Но эти репрессии объясняют, почему немцы восприняли временное падение власти большевиков в мае 1918 г. «как избавление от власти насильников, всюду насаждавших бесправие и ненавистный немцу беспорядок». Съезд представителей немецких селений Славгородского уезда, состоявшийся 14 июня 1918 г., заявил о поддержке Временного сибирского правительства²², спасшего Сибирь от окончательного развала и ставшего на защиту погрязших прав и путь «водворения свободного, демократическо-правового статуса в автономной Сибири»²³.

После свержения советской власти возобновились контакты и сотрудничество немецких организаций с органами власти областников и прежде всего с Сибирской областной думой, разогнанной большевиками в январе 1918 г., и с июня восстановившей свою деятельность. В августе 1918 г. в Томске открылась вторая сессия Сибоблдумы. Приветствуя ее открытие, представитель Центрального комитета немцев Западной Сибири, в частности, сказал: «Тяготы последних лет несли мы наравне со всеми сынами России. Царская политика сеяния и разжигания антагонизма между национальностями и душившие нас газы недоверия, клеветы и ненависти со стороны царских приспешников разуверили было нас в возможности государственной и общественной справедливости. Но февральская революция 1917 г., явившаяся судьей истории, провозгласила права гражданина и народов, и все угнетенные воспрянули духом, все принялись за строительство свободного государства, несмотря на продолжающуюся еще разрушительную деятельность некоторых общественных течений. Мы верим в окончательное торжество истины и справедливости. Да послужат они путеводными звездами для Сибирской думы, долженствующей довести Сибирь до Сибирского Учредительного собрания, которое узаконит, мы надеемся, основы справедливости и правопорядка»²⁴.

К открытию августовской сессии Сибирской областной думы в ее составе оформились 4 фракции: областников и беспартийных, эсеров, социал-

демократов и национальная. В национальную фракции, которая насчитывала свыше 20 человек, входило 5 немецких делегатов. Ф. Ф. Фрезе и П. И. Болдт представляли Центральный комитет немцев Западной Сибири, Г. И. Шварц – Омский, И. Г. Реннер – Славгородский и Г. Г. Больдт – Павлодарский районные комитеты²⁵. Ф. Ф. Фрезе был избран товарищем председателя национальной фракции Думы.

На августовской сессии представительство немцев, как и других национальностей, было подвергнуто сомнению. Основная причина, на основании которой представительство национальных организаций предлагалось ликвидировать, – несовершенство избирательного закона и, в частности, 8-й статьи Положения о временных органах управления Сибирью, утвержденных Чрезвычайным съездом областников в декабре 1917 г.²⁶ Сомнению подвергалось само существование национальных организаций и в этой связи законность их представительства. Особое недоумение комиссии по проверке депутатских полномочий вызвал тот факт, что из 5 немецких организаций 3 имели свое местопребывание в Славгороде, «как будто там фабрика этих комитетов»²⁷. Не обошлось и без ксенофобских заявлений. Член Думы Филашев, говоря о несовершенстве избирательного закона, особенно резко высказался о том, что в Думе равно представлены (по 5 человек) крестьяне-хлеборобы и немцы, «которых душа моя не приемлет по самому существу, по всему переживаемому моменту»²⁸. Отвечая от имени национальной фракции на обвинения в «самочинности» национальных организаций, Ф. Ф. Фрезе резонно заметил, что национальные организации в такой же мере самочинны, как Областная дума и Временное Сибирское правительство. И те, и другие – «факторы революции», задача которых состоит в том, чтобы привести Сибирь к Учредительному собранию и к автономии²⁹. В конечном итоге бесспорными были признаны полномочия всех депутатов Думы.

В развернувшемся конфликте левого эсеровского большинства Думы с его правой частью и с Омским правительством национальная фракция в большинстве случаев поддерживала фракцию эсеров. И дело здесь заключалось не только и не столько в том, что национальная фракция, «подобно полякам в Австрии или ирландцам в Англии, последовательно шла за большинством в надежде при его помощи наилучшим образом обеспечить свои национальные притязания», – как писали лидеры фракции областников в Думе А. В. Адрианов, Н. Я. Новомбергский, Г. Н. Потанин и В. М. Попов³⁰. Причина поддержки национальной фракцией эсеровского большинства заключалась в немалой (если не в определяющей) степени в при-

влекательности национальной программы эсеров, в частности в отстаиваемой ими идее национально-персональной (культурной) автономии, которая в случае ее осуществления давала всем национальным меньшинствам Сибири (и немцам в том числе) гарантии национального самоопределения и обеспечения их автономных прав в культурной, религиозной и хозяйственной сферах.

Перелом в отношении немцев к Временному Сибирскому правительству и Сибоблдуме наступил после подавления отрядом Анненкова Чернодольского (Славгородского) восстания. В советской историографии Славгородское восстание рассматривалось не как стихийное³¹, а как организованное большевиками с целью восстановления Советской власти³². Однако, как можно судить по свидетельствам очевидцев, зафиксированным в ходе восстания и вскоре после его подавления³³, это было стихийное выступление крестьян, несогласных с принудительной мобилизацией молодежи в армию Временного Сибирского правительства.

Несмотря на имеющуюся литературу, посвященную Славгородскому восстанию³⁴, его этническая сторона, и, в частности, факт участия немцев в этом восстании исследован недостаточно. Специально этого сюжета касаются в своих книгах только Л. В. Малиновский и И. Шеленберг³⁵. Но в этих работах содержатся грубые ошибки. Утверждается, в частности, что восстание было направлено против Колчака, объявившего мобилизацию молодежи в свою армию. Однако восстание произошло двумя месяцами раньше прихода к власти Колчака и было вызвано реакцией алтайского крестьянства на объявленную Временным Сибирским правительством принудительную мобилизацию в сибирскую армию лиц, родившихся в 1898–1899 гг.

Осенние месяцы 1918 г. (с начала августа до середины ноября 1918 г.) в Сибири прошли «под знаком перманентного политического кризиса, усиления влияния военщины (в деятельности Временного Сибирского правительства – **И.Н.**), оттеснения на политическую обочину правосоциалистических сил». «Этот период сопровождался переходом от добровольного к принудительному комплектованию вооруженных сил, а в политической сфере – от областных правительств к межрегиональному органу власти – Директории, претендовавшей на общероссийский статус». «Завершающим аккордом» стал государственный переворот и приход к власти в ноябре 1918 г. Верховного правителя адмирала А. В. Колчака»³⁶.

Чернодольское восстание (2–10 сентября 1918 г.) было самым крупным крестьянским восстанием в Сибири во второй половине 1918 г., в котором участвовали около 15 тыс. человек. Восстание охватило 17 волостей³⁷ Ал-

тайской губернии с преимущественно переселенческим (украинским и немецким) населением. 2 сентября крестьяне села Черный Дол (Архангельское) и соседних с ним селений, в том числе немцы-колонисты Подсосновской волости, вооруженные вилами, топорами, ружьями и т.п., устроили в Славгороде кровавую расправу над зажиточными горожанами («буржуями»), милицией и офицерами гарнизона. Начальник Славгородской уездной милиции сообщал в своем рапорте Алтайскому губернскому комиссару: «В связи с призывом новобранцев, в понедельник, 2 сентября, около 9 часов утра на воинский гарнизон, уездную и городскую милицию крестьянами села Архангельского Славгородской волости, под предводительством немцев Подсосновской волости, Славгородского уезда, было сделано вооруженное нападение. Восстание подготовлялось в строгом секрете и в силу внезапности, а также малочисленности вооруженных сил в Славгороде, приняло весьма бурную и угрожающую форму»³⁸.

Некоторые источники и исследователи умалчивают об участии немецких колонистов в восстании, другие, напротив, утверждают, что восстание было «инспирировано» немцами, говорят об их активном участии и даже «предводительстве» в восстании, отводят им роль «подстрекателей» с целью «создать затруднения при воссоздании армии для борьбы с их сородичами». По свидетельству пастора Я. Штаха, зловещую роль в восстании сыграл некий Якоб Вагнер, темная фигура, демагог, сумевший поднять колонистов на бунт, выдавая большевизм за разновидность хилиастического учения о тысячелетнем царстве, сторонниками которого были немецкие колонисты. По словам Я. Штаха, смертный приговор был вынесен также всем руководителям немецкого самоуправления в уезде³⁹. Как сообщала «Сибирская жизнь», во время этих событий «озверелою толпою» был убит «с честью выполнявший обязанности городского головы симпатичнейший А. Я. Фрей»⁴⁰. Т. Чувев пишет: «Особенно были настойчивы в своих требованиях немцы. Они жаждали мести и расправы. Они быстро разыскали городского голову, немца Фрея, владельца паровой мельницы, – и на площади с ним разделались. Долго искали другого немца – богача Васловского, но не могли его найти, так как он был в это время в Омске». При этом автор оговаривается, что впоследствии немцы изменили свое отношение к Васловскому, который после разгрома колчаковщины был арестован и водворен в Славгородскую тюрьму⁴². Освободившись, он нашел приют в одном из немецких поселков среди тех крестьян, которые в сентябре 1917 г. хотели учинить над ним расправу⁴³.

Пастора Штаха во время восстания также не было в Славгороде. После того как город оказался в руках восставших, власть в уезде перешла в ру-

ки военно-революционного штаба. Восстание было жестоко подавлено карательным отрядом под командованием атамана Анненкова, направленно-го военным министром Временного Сибирского правительства Гришиным-Алмазовым. Немцы-колонисты подверглись репрессиям анненковцев в той же мере, как и русские и украинские его участники. По свидетельству Штаха, расстреляли каждого 10-го⁴⁴. Характерно, что в восстании участвовали только лютеране. Меннониты придерживались нейтральной позиции в гражданской войне.

В условиях колчаковщины немецкое самоуправление в Сибири прекратило свою деятельность. После окончательного установления в Сибири советской власти Я. Штах, который стал работать в немецком подотделе национальных меньшинств при Народном комиссариате просвещения в Москве, выступил с идеей образования в Сибири «особой немецкой коммуны», вероятно, по образцу Трудовой немецкой коммуны Поволжья. По собственному признанию Штаха, он «...решил найти для себя и своих соотечественников тот путь, на котором мы можем жить в согласии с Красной Армией и Советским правительством. Результатом моих дум и моей работы был проект отдельной немецкой коммуны в Сибири. Я мыслил путем скорого проведения этого проекта оградить моих немецких земляков от ненужных жертв и потерь». По-видимому, демократическая направленность первых мероприятий советской власти, эйфория, связанная с революционным переустройством мира, создали иллюзию, что и с этой властью можно найти общий язык⁴⁵. Однако эта идея не нашла поддержки среди немецких колонистов. Произошло это не только потому, что, как пишет А. Савин, исходила она от людей, знавших его много лет, а теперь в их глазах он стал «антихристом и коммунистом», а главным образом потому, что идея территориальной автономии в Сибири и прежде не обсуждалась. Вместе с тем справедливо утверждение автора, что с этого момента инициатива от колонистов переходит к руководящим органам советской власти, и образование национальных немецких районов происходило уже не по инициативе, а вопреки воле колонистов для выполнения задачи советизации колонистской деревни⁴⁶.

¹ Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3. Оп. 44. Д. 4204. Л. 81 об., 117 об., 178, 186.

² См.: ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 4201. Л. 167, 175.

- ³ Дата, указываемая И. Фляйшхауер, – 17 мая, ошибочна. (См.: Fleischhauer I. Die Deutschen im Zarenreich. Zwei Jahrhunderte deutschrussischer Kulturgemeinschaft. Stuttgart, 1986. S. 548).
- ⁴ См.: Рейнмарус А. Фризен Г. Меннониты (краткий очерк). М.: Безбожник, 1930. С. 30, 42. В этой книге говорится, что в сентябре 1917-го в Славгороде состоялся съезд колонистов Славгородского округа, целью которого было образование федеративной немецкой республики Западной Сибири. В другой книге «Под гнетом религии» (немцы-меннониты СССР и их религиозные организации). М.; Л., 1931. С. 90–91) также утверждается, что задача Славгородского съезда состояла в том, чтобы «учредить нечто вроде автономной немецкой республики в Западной Сибири».
- ⁵ См.: Савин А. Зарождение и реализация особого немецкого района в Сибири //Общественно-политическая жизнь Сибири. XX век. Новосибирск, 1994. С. 74.
- ⁶ См.: Stach J. Das Deutschtum in Sibirien, Mittelasien und dem Fernen Osten. Stuttgart, 1938. S. 138.
- ⁷ Изложение текста «Конституции» см.: Там же. С. 119.
- ⁸ См.: Айсфельд А., Герман А. Автономистское движение // Немцы России. Энциклопедия. М., 1999. С. 17.
- ⁹ Подробно см.: Нам И.В. Сибирские немцы в условиях Первой мировой войны и революции //Немцы. Россия. Сибирь. Омск, 1997. С. 135–137. Здесь же опубликованы тексты протоколов собраний немцев в Славгороде 7 мая и 1 июня 1917 г. С. 143–153; Культурно-автономистское движение российских немцев в условиях революций 1917 г. //Немцы России в контексте отечественной истории: общие проблемы и региональные особенности. М., 1999. С. 258–260.
- ¹⁰ Матис А.Э. Политика Временного правительства и самоорганизация немецких колонистов в Сибири // Региональные процессы в Сибири в контексте российской и мировой истории. Новосибирск, 1998. С. 139–140.
- ¹¹ См.: Сибирская жизнь. Томск. 1917. 10 авг.
- ¹² См.: Дело Алтая. Барнаул. 1918. 12 янв.
- ¹³ Подробнее см.: Нам И.В. Национальный вопрос в программных установках и политической практике сибирского областничества / /Из истории революций в Сибири (первая четверть XX в.) Томск, 1996. Вып. 2; Она же. Сибирская областная дума и национальный вопрос // Региональные процессы в Сибири в контексте российской и мировой истории. Новосибирск, 1998.
- ¹⁴ См.: ГАТО. Ф.Р–552. Оп.1. Д. 11. Л.46–47, 154, 307, 332.
- ¹⁵ См.: Stach J. Das Deutschtum in Sibirien ... S. 121.
- ¹⁶ См.: Шиловский М.В. Первый сибирский областной съезд (октябрь 1917 г.) // Вопросы истории Сибири XX века. Межвузовский сборник научных трудов. Новосибирск, 1998. С.52–53.
- ¹⁷ См.: ГАТО. Ф.Р–552. Оп. 1. Д. 2. Л. 1, 5 а, 34, Д. 10. Л. 57.

- ¹⁸ См.: Там же ... С. 119, 138.
- ¹⁹ Государственный архив Омской области (ГАОО). Ф. Р-662. Оп. 1. Д. 15. Л. 31; Революционная мысль. Омск, 1918. 5 (18) янв.
- ²⁰ См.: Stach J. Das Deutschtum in Sibirien ... S.126; Известия Омского областного исполнительного комитета советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов и Омского совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. 1918. 22 февр.
- ²¹ См.: Знамя революции. Томск. 1918. 27(14) апр.
- ²² Временное сибирское правительство было образовано на совещании Сибирской областной думы в Томске 23 июня 1918 г. Его учреждения располагались в Омске.
- ²³ Омский вестник. 1918. 14 июня.
- ²⁴ ГАТО. Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 39. Л. 43–44.
- ²⁵ См.: ГАТО. Ф.Р-72. Оп.1. Д. 48. Л.48, 48 об.; Д.63. Л.2,5; Голос народа. 1918. 30 авг.
- ²⁶ Положение предусматривало представительство в Сибоблдуме как аборигенного населения Сибири, так и и пришлых национальных меньшинств: от общесибирских национально-политических организаций каждого национального меньшинства – по 2 депутата, от каждого районного объединения таковых организаций – по 1, а всего от каждой из названных организаций национальных меньшинств – не более 5. (ГАТО. Ф. Р-578. Оп. 1. Д. 2. Л. 15; Сибирская жизнь. 1917. 20 дек.; Бюллетень Временного Сибирского областного совета. 1918. № 1. С. 4).
- ²⁷ ГАТО. Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 63.. Л. 49 и об.; Сибирская жизнь. 1918. 21 авг.
- ²⁸ Сибирская жизнь. 1918. 23 августа.
- ²⁹ См.: Сибирская жизнь. 1918. 23 авг.
- ³⁰ См.: Сибирский вестник. Омск. 1918. 26 окт.
- ³¹ Версия П. Парфенова, который в 20-х годах попытался квалифицировать Славгородское восстание как чисто стихийное, не носившее советского характера, крестьянское выступление против призыва молодежи в армию ВСР (См.: Парфенов П. Указ.соч.), встретила резкую отповедь как со стороны историков, так и со стороны участников восстания (См, напр., Чуев Т. Указ. соч.).
- ³² См.: Чуев Т. Указ. соч.; Журов Ю.В. Указ. соч. С.83-84; Шелестов Д.К. Указ. соч.
- ³³ См.: Сибирская жизнь. 1918. 20 сент.; Народная свобода. Барнаул, 1918. 24 сент.; Алтай. Бийск, 1918. 26(13) сент.; Дрыгин С.Д. Новые материалы по Славгородскому восстанию. 1918 г. // Алтайский сборник. Вып. XVI. Барнаул, 1995. С.197–202.
- ³⁴ См.: Горностаев Д.Л. Чернодольское восстание (вспоминания) // Алтай, 1957. № 10; Дрыгин С.Д. Новые материалы по Славгородскому восстанию 1918 г. // Алтайский сборник. Вып. XVI. Барнаул, 1995.; Журов Ю.В. Указ. соч.; Партизанское движение в Западной Сибири. Новосибирск, 1959; Парфенов П. Сибирские эсеры и расстрел славгородских крестьян в августе 1918 года (К процессу эсеров) // Пролетарская революция. 1922. № 7; Романенко И.И. Славгородское восстание // Незабываемое. Барнаул, 1960;

- Чуев Т. Чернодольское восстание // Сибирские огни. 1926. № 5–6; Шелестов Д.К. Из истории крестьянских восстаний в Западной Сибири осенью 1918 г. // Вестник Моск. ун-та. 1954. № 1.; Малиновский Л.В. Немцы в России и на Алтае. Барнаул, 1995 и др.
- ³⁵ См.: Малиновский Л.В. Указ. соч. С. 109; Шеленберг И. История села Орлово. М., 1996. С. 29.
- ³⁶ Ларьков Н.С. Антибольшевистское вооруженное сопротивление в Сибири: проблема периодизации // История белой Сибири. Тезисы третьей научной конференции 2–3 февраля 1999 года. Кемерово, 1999. С. 141.
- ³⁷ См.: Журов Ю.В. Гражданская война в сибирской деревне. Красноярск, 1986. С.82.
- ³⁸ См.: Дрыгин С.Д. Новые материалы по Слагородскому восстанию 1918 г. //Алтайский сборник. Выпуск XVI. Барнаул, 1995.
- ³⁹ См.: Stach J. Das Deuschtum in Sibirien ... S. 122–124.
- ⁴⁰ Сибирская жизнь. 1918. 20 сент.
- ⁴¹ В тексте – Власовского.
- ⁴² Дело Ф. Васловского, А. Риммера и А. Роота было возбуждено в октябре 1920 г. в связи с доносом коммуниста с. Подсосновское Б. Гампа о том, что эти люди выдали карателям семерых участвовавших в восстании коммунистов с. Подсосновское. Как свидетельствуют материалы дознания, сами местные жители отказывались признать их предателями. Существование списка «зачинщиков», якобы переданного Анненкову, никто не подтвердил. Но, как можно судить по разного рода обмолвкам, список, вероятно, все же был. Жители на общем сходе приняли решение откупиться от карателей контрибуцией или любым другим способом, лишь бы не подвергать село разграблению. Сход просил зачинщиков самих сдать в руки властей и не ставить село под удар. С этой миссией и были посланы в Славгород к Анненкову те, кто проходил по делу как предатели. Любопытная деталь: коммунист К. Вагнер, якобы выданный в числе этих 7 человек, случайно остался жив. Проходя в 1920 г. по делу как свидетель, он показал, что его никто не выдавал, он сам явился. К. Вагнер утверждал, что так поступили и другие известные ему организаторы восстания, потому что между ними была заранее такая договоренность. Во время следствия это обстоятельство было объяснено внутренним переломом Вагнера и сделано предположение, что он из коммуниста стал баптистом. (См.: Кладова Н.В. К вопросу о влиянии гражданской войны на массовое политическое поведение // Актуальные вопросы истории Сибири. Научные чтения памяти А.П. Бородавкина 20 мая 1997 г. Барнаул, 1998. С. 122–123).
- ⁴³ См.: Чуев Т. Чернодольское восстание // Сибирские огни. 1926. № 5–6. С. 161.
- ⁴⁴ См.: Stach J. Das Deuschtum in Sibirien ... S. 125.
- ⁴⁵ См.: Савин А.И. Указ. соч. С. 75
- ⁴⁶ Подробно см.: Там же. С.74–83.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ СИБИРИ

Т. Б. Смирнова

В 2004 г. исполняется 150 лет омской этнографии и 30 лет с начала работы группы этнографов в Омском государственном университете. Несмотря на такой большой срок работы, немецкое население Сибири долгое время оставалось вне поля зрения этнографов, поскольку основное внимание уделялось изучению коренных народов Сибири.

До конца 1980-х гг. этнографии немецкого населения Сибири практически не уделялось внимания. В 1960-е гг. лишь один ученый – Л. В. Малиновский из Барнаула – занимался проблемами истории немцев Сибири, ему же принадлежит и единственная статья этнографического характера того времени, посвященная немецкому жилищу¹.

В 1960–1980-х годах группа филологов Омского педагогического института под руководством профессора Г. Г. Едига проводила исследования диалектов немцев Сибири². Эти работы диалектологов, имеющие, безусловно, большое значение, содержат очень немного этнографического материала.

Изучение этнографии российских немцев Западной Сибири было начато в Омском государственном университете в 1989 г., когда состоялась первая историко-этнографическая экспедиция к немцам Сибири. Начиная с этого времени этнографические экспедиции в немецкие села и деревни Западной Сибири проходили ежегодно, всего было проведено 14 экспедиций. Экспедиции проходили в Кемеровской области (в Топкинском и Юргинском районах), в Новосибирской области (в Баганском, Карасукском, Татарском и Чистоозерном районах), в Алтайском крае (в Благовещенском, Кулундинском, Немецком национальном, Суетском и Табунском районах) и в Омской области (в Азовском немецком национальном, Горьковском, Исилькульском, Любинском, Марьяновском, Москаленском, Нижнеомском, Омском, Тарском и Шербакульском районах).

Экспедиции проводились маршрутным методом, всего было обследовано более 60 населенных пунктов. Этнографическое изучение культуры российских немцев Сибири проводилось в двух направлениях. Во-первых, проводилось изучение традиционной культуры, а во-вторых, – изучение современных этнокультурных процессов.

Сбор материалов по традиционной культуре осуществлялся по программам, специально разработанным для немецкого населения Сибири, которые были опубликованы³. В этих программах были учтены как общие методические приемы сбора этнографических материалов, так и специфические черты развития немецкой культуры.

Программы включают в себя следующие разделы: история и характеристика немецких населенных пунктов Западной Сибири, этнический и конфессиональный состав населения, традиционное хозяйство и промыслы (земледелие, животноводство, промыслы и домашнее производство, охота, рыболовство и собирательство, хозяйственный цикл), материальная культура (жилище и хозяйственные постройки, пища, одежда), духовная культура (календарная обрядность, семейная обрядность, религия), семья и семейные отношения.

Специфика этнографических материалов по истории населенных пунктов заключается в том, что они основаны на устных рассказах местных жителей и содержат много сведений по истории отдельных семей, сведения генеалогического характера, а также легенды и предания об основании населенных пунктов, о происхождении их названий. Так, многие села в Сибири были названы также, как и материнские колонии (Хортицы, Тарлык, Пришиб и др.). Часть сел получала приставку «ново»: например, деревня Новоскатовка была образована выходцами из поволжской колонии Скатовка. Некоторые села назывались по имени прежних владельцев, у которых немцы покупали или арендовали землю. Это, например, Солнцевка и Неудачино, названные так в честь офицеров Солнцева и Неудачина, Аполлоновка по имени казака Аполлона Телятникова, у которых была куплена земля, Протасово, основанное на месте Протасовой заимки и многие другие. В Сибири много немецких сел, которые носят имена русских правителей – Александровки, Николаевки, Екатериновки. Некоторые населенные пункты назывались по именам первых переселенцев, а хутора чаще всего именовались по фамилии владельцев. Часть сел получала названия из-за особенностей местности, в которых они находились: Сереброполье из-за растущего в округе серебряного ковыля, Подсосново из-за обилия сосен, Камыши из-за зарослей камыша и т.д.

Многие немецкие населенные пункты в Сибири носили двойные, и даже тройные названия. Так село Цветнополье Азовского района Омской области местные жители называли Блюменфельд, но существовало правило, по которому все населенные пункты должны именоваться по-русски, поэтому до революции село имело официальное название в честь Николая II – Но-

вониколаевка, после революции оно стало называться Цветнополем, а немецкое название Блюменфельд сохраняется в обиходе до настоящего времени.

Всего в этнографических экспедициях были записаны истории основания 57 немецких населенных пунктов в Сибири. Практически все они были основаны в период с 1895-го по 1912 г. Если не считать отдельных хуторов, то первые немецкие села в Западной Сибири были основаны в 1893 г. – это Александровка Азовского района Омской области и в 1894 г. – Подсосново Немецкого национального района Алтайского края. К началу Первой мировой войны формирование территориального размещения немецкого населения в Сибири было практически завершено. Депортация 1941 г. привела к значительному увеличению численности немцев в Сибири, но не оказала большого влияния на территориальное размещение, так как депортированных немцев селили в основном в уже существовавших немецких населенных пунктах. В течение XX в. произошло многократное сокращение числа немецких населенных пунктов, сначала в период коллективизации, а затем в 1960-е гг., когда происходило укрупнение колхозов и совхозов.

Одной из важнейших составных частей любого этнографического исследования является изучение хозяйственных занятий, поскольку уровень развития хозяйства оказывает влияние на состояние всех элементов материальной культуры (поселений, жилища, одежды, пищи), а также опосредованно и на состояние духовной культуры. При переселении в Сибирь изменились природно-географические, климатические, экономические условия жизнедеятельности. Многие традиции исчезли, некоторые трансформировались, в то же время возникли новые явления в хозяйстве и культуре немецких крестьян. Основным процессом при переселении немцев в Сибирь был процесс адаптации традиционной культуры к изменившимся в ходе миграции условиям жизнедеятельности. Подробный анализ этого процесса содержится в диссертационной работе А.Р. Бетхера «Традиционное хозяйство немцев Западной Сибири в конце XIX – первой трети XX в.»⁴, выполненной на кафедре этнографии и музееведения Омского государственного университета.

Одним из направлений работы омских этнографов является изучение традиционного жилища. Жилище любого народа представляет собой сложный культурный комплекс, выполняющий не только хозяйственно-бытовые, но и эстетические, символические функции, являясь отражением исторического пути народа. Жилище немцев Сибири прошло своеобразный путь развития. При переселении изменились не только природные факторы, но

и этническая среда, характер этнокультурных контактов. Если в европейской части России немцы проживали в более или менее однородной этнической среде, то в Сибири немцы контактировали с самыми разными народами: как с коренными (казахами, татарами), так и с мигрантами из различных областей России (русскими, украинцами, латышами, эстонцами, чувашами и др.).

Первоначально немецкие крестьяне пытались строить свои жилища из тех же материалов и посредством тех же приемов, которые были приняты в местах их выхода, но эти попытки корректировались новыми условиями обитания. Основными типами немецких населенных пунктов в Сибири являются деревни и села. В конце XIX–начале XX в. значительная часть немецких переселенцев проживала на хуторах, которые представляли собой семейные поселения, состоявшие из 1–5 усадеб, где, как правило, проживали члены одной большой семьи. Хутора находились друг от друга на расстоянии 500–600 метров, располагались гнездами, назывались по имени своих хозяев, окружали деревни и села, представляя с ними единое целое. Хуторская система была ликвидирована в период коллективизации.

Деревни и села застраивались в соответствии с правительственными инструкциями, по одному образцу, рекомендованному Переселенческим управлением: одна или две широкие улицы пересекались переулками, разделяя, таким образом, поселение на кварталы. В центре поселения располагались церковь или молитвенный дом и школа.

Первые несколько лет многие крестьяне жили в земляных домах, которые они называли «пластянками», потому что строили такие дома из пластов земли. Эти пласты, толщиной 10–20 см и шириной до полуметра, нарезали плугами или лопатами на буграх или в болотах, там, где земля была неплодородная. Каркаса у такого жилища не было, пласты земли просто укладывали друг на друга. Для крыши на стены клали жерди, на них – хворост, и сверху укладывали земляные пласты. Пластянки обычно получались невысокие, зимой их заносило снегом так, что даже труб не было видно. Они стояли несколько лет, пока не начинали разрушаться корни трав, которыми скрепляли землю, и стены не разрушались. Строительство пластянок практиковалось во всех районах Сибири в начале XX в., но так как это жилище было недолговечным, участникам этнографических экспедиций приходилось о них только слышать. Но в 2002 г. в д. Бабайловка Любинского района Омской области было найдено такое жилище. Оно сохранилось благодаря тому, что, во-первых, его стены были оштукатурены, а во-вторых, оно было построено достаточно поздно, в 1950-е годы. В этой

местности просто не было другого доступного строительного материала, поэтому жители продолжали строить дома из земли и в послевоенный период. Нормальное состояние этого жилища поддерживалось хозяевами, которые после переселения в новый дом, использовали пластанку в качестве хозяйственной постройки. Вероятно, это последний земляной дом в Сибири, поскольку уже более полувека такие дома не строятся из-за огромной трудоемкости этого процесса, утраты навыков такого строительства, появления новых строительных технологий, и т.д., хотя по свидетельству старожилов, в таких домах было очень тепло зимой и прохладно летом, они были максимально приспособлены к сибирскому климату.

Через некоторое время после переселения немецкие крестьяне строили постоянные дома, в северных районах из леса, в южных районах Сибири основным строительным материалом был саман. Для изготовления саманных кирпичей использовали деревянные формы, в которые помещали смесь глины, соломы и воды. Сушили такие кирпичи на солнце. Саманные дома были, как правило, без фундамента, с земляным полом, с крышей из дерна, соломы и камыша. Такие дома и сейчас встречаются в немецких деревнях, в большинстве своем они используются как хозяйственные постройки.

Первоначально были иными не только строительные материалы, но и планировка жилища. Преобладала линейная планировка, с трехчленным делением поперек жилища, с кухней посередине. Печь располагалась в центре дома, чтобы обогревать все помещения. Большое значение имели способы утепления жилища, так как зимы в Сибири длинные и холодные, которые были позаимствованы у местных народов.

Современные немецкие усадьбы и жилища отличаются от традиционных прежде всего большими размерами и используемыми при строительстве материалами. Большое влияние на строительные традиции оказали процессы этнического смешения населения. В то же время определенные строительные традиции сохраняются: например, крытые дворы у меннонитов, галереи у выходцев с Кавказа. Обязательным элементом немецкой усадьбы является летняя кухня, во многих усадьбах есть коптильни и печи для выпечки хлеба. Во многих домах сохраняются печи-голландки. К особенностям можно отнести окраску потолков, преимущественно в голубой цвет, большое количество в интерьере предметов женского рукоделия, использование пуховых перин вместо одеял. Верующие немцы украшают стены «шпрухами» – красочно оформленными изречениями из Библии.

Несмотря на то что большое количество домов построено по типовым

проектам, по сравнению с другими этническими группами, у немцев сохраняется довольно много специфических черт в жилище. Это связано с особым отношением немцев к жилищу, не только как к показателю благосостояния, но и проявления таких черт, как аккуратность, чистоплотность, трудолюбие. Например, побелку жилища принято проводить минимум два раза в год, перед Пасхой и осенью, перед праздником урожая, печи белят каждый месяц. В немецких селах ежегодно проводят конкурс на лучшую усадьбу.

По-прежнему немецкие дома являются самыми чистыми, ухоженными, аккуратными: дом – это то, чем немец должен гордиться.

При этнографическом изучении материальной культуры, наименьшая сохранность традиционных черт была отмечена в одежде. Это связано с тем, что народный костюм, как бытовая одежда, перестал существовать у российских немцев еще до переселения их в Сибирь. Конечно, часть одежды в прошлом изготавливалась в семье, и определенная специфика может быть выявлена: это распространенные до середины прошлого века фартуки с вышивкой, чепцы, обувь на деревянной подошве «шлёры», вязаные чулки, свадебная одежда и т.д. Длительное время бытовала традиционная одежда у меннонитов (черного цвета, без каких-либо украшений, с деревянными пуговицами), но и она уже исчезла.

Имеющиеся в распоряжении этнографов материалы (рисунки, выкройки, старые фотографии и др.) позволяют говорить о том, что лишь в праздничной и обрядовой одежде сохранялись отдельные элементы традиционного костюма, в основном же немецкими крестьянами Сибири использовалась одежда городского типа.

Среди всех элементов традиционной материальной культуры наибольшую устойчивость сохраняет пища. Это связано и с большой зависимостью пищи как элемента материальной культуры от региона обитания этноса, и с ежедневным воспроизводством традиций питания в семье, а в современных условиях – и с уровнем жизни населения.

Учитывая данные статистики, согласно которым прожиточный минимум, например, в Омской области в 2002 г. составлял 1962 рубля в месяц, а средняя начисленная заработная плата в сельской местности – 1690 рублей в месяц, при среднем уровне безработицы 9,4% от числа активного населения, можно утверждать, что подсобное хозяйство является основным способом выживания сельского населения. Недостаток средств приводит к натурализации хозяйства и вынуждает людей обращаться к традиционной системе питания, которая является наиболее экономичной.

Немцы по-прежнему содержат большое количество крупного рогатого скота и птицы, свиней. На огородах выращивают хмель для производства дрожжей и пива, физалис (его в Сибири называют «немецкой ягодой»). В настоящее время для немцев Сибири характерна та же модель питания, которая существовала и в начале XX в. Изменения связаны с тем, что в последнее время большая часть продуктов стала покупаться. Раньше, например, муку мололи из собственного зерна почти в каждой деревне, сахар получали из патоки, которую варили из сахарной свеклы. Современный рацион расширился за счет фруктов и овощей, на огородах стали выращивать новые культуры.

В целом же основу пищевого рациона немцев Сибири, как и в первой половине XX в., составляют мучные, мясные и молочные продукты, картофель, который дает в Сибири хорошие урожаи. Мясо и сало заготавливают впрок путем замораживания, соления и копчения. Коптят продукты в специальных коптильнях. В начале прошлого века коптильные камеры устраивали прямо в печных трубах, но раньше печи топили соломой, а сейчас топливо изменилось, поэтому во дворе усадьбы строят специальные коптильни.

В немецких деревнях хорошо развита переработка молока, из которого делают сметану, масло, творог, сыр. Из напитков традиционным считается кофе, который употребляют с молоком или сливками. Раньше в Сибири натуральный кофе был редкостью, поэтому употребляли заменители кофе: мололи цикорий, жареные зерна ячменя и пшеницы, добавляли молотые сушеные горох, фасоль, морковь. Алкогольные напитки употребляются в ограниченном количестве. Баптисты и пятидесятники не употребляют алкоголь совсем. Пьянство большинством немцев осуждается и считается следствием дурного влияния русских. Община или сельское собрание может принять решение о запрещении продажи и употребления спиртного в период сельскохозяйственных работ. Это не относится лишь к лютеранам. В лютеранских деревнях и селах спиртные напитки употребляют в значительных количествах, в основном самогон и домашнее вино. Самогон перегоняют из сахарной свеклы, патоки, пшеницы, ячменя.

Пища в системе жизнеобеспечения этноса выполняет, кроме утилитарной, и символическую функцию. Особенно ярко символическая роль пищи проявляется в календарных и семейных обрядах. Например, четверг перед Пасхой носит название зеленого четверга, потому что в этот день обязательно употребляются блюда из зелени. На Рождество пекут фигурное печенье. Обязательным свадебным блюдом у сибирских немцев является

«нудльсуп», куриная лапша. Раньше свадебную процессию сопровождал человек с шестом, к которому была привязана курица, а свадьба считалась оконченной, когда гости съедят последний куриный хвост, поэтому третий день свадьбы так и назывался «куриный хвост». На традиционную пищу немцев Сибири большое влияние оказали традиции окружающего, особенно славянского населения, но тем не менее она сохраняется достаточно хорошо и в настоящее время.

В области изучения духовной культуры немецкого населения основное внимание уделялось календарной обрядности, семейной обрядности и религиозной деятельности. В 1997 г. С. А. Рублевской была защищена кандидатская диссертация, посвященная календарной обрядности, а в 2000 г. вышла ее монография «Календарная обрядность немцев Западной Сибири конца XIX – XX вв.» . В этой работе, основанной преимущественно на материалах полевых этнографических исследований, была проведена реконструкция календарной обрядности, дано описание обрядов и обычаев календарного цикла. Новые условия обитания в Сибири привели к трансформации всего комплекса традиционной культуры. Относительно календарной обрядности это нашло выражение в переносе сроков проведения некоторых обрядов, что было связано с переносом сроков сельскохозяйственных работ. Часть обрядов и обычаев была упрощена или вовсе исчезла (например, первомайские обряды) в то же время под влиянием окружающего населения появились новые черты календарной обрядности немцев Сибири (празднование Янова дня под влиянием эстонцев, Сабантуя под влиянием казахов Сибири).

В 1998 г. вышла монография «Традиционная обрядность немцев Сибири», посвященная календарной и семейной обрядности. Проведенный анализ календарной, родильно-крестильной, свадебной и похоронной обрядности показал, что для нее характерно наличие большого количества локальных и конфессиональных особенностей. Причиной этого является сложный этнический состав немецкого населения Сибири. В Сибири проживают потомки переселенцев из самых разных регионов европейской части России: поволжские немцы (потомки переселенцев конца XIX – начала XX в. и депортированных в 1941 г.), волынские, украинские немцы, меннониты, выходцы с Кавказа, из Крыма и Бесарабии.

Основными факторами, которые определяли развитие обрядности в Сибири, были, с одной стороны, процессы смешения, влияния иноэтничных культур, а с другой стороны – консервация архаичных элементов, стремление сохранить свою самобытность. Поэтому важнейшим моментом при изу-

чении традиционной обрядности было не только определение общих тенденций, но и исследование локальных особенностей обрядов, которые в настоящее время все больше и больше нивелируются. Главной причиной этого являются не только всеобщие процессы глобализации культуры, но и повышенная миграционная подвижность немецкого населения. Массовый выезд немцев в Германию и значительный приток немцев из Казахстана привел к разрушению старых центров локальных субкультур. Процессы смешения и взаимовлияния различных культурных пластов в этих условиях еще больше усиливаются, поэтому проследить развитие отдельных элементов обрядности становится все труднее.

Еще одной особенностью традиционной обрядности немцев Сибири является ее большая сопряженность с религиозной деятельностью. Какую бы сферу обрядности мы не рассматривали, повсюду роль религиозной общины является определяющей.

Первоначально немецкие населенные пункты были однородными и по этническому, и по конфессиональному составам. Межконфессиональные браки были запрещены. Особенно строго этот запрет соблюдали меннониты. Например, результаты экспедиционных исследований показывают, что меннониты из с. Солнцевка Исилькульского района Омской области заключали браки и тесно общались с единоверцами из с. Хортицы Нижнеомского района Омской области и с. Неудачино Татарского района Новосибирской области, расположенных за несколько сотен километров от Солнцевки, но практически не общались с жителями д. Водяное, лютеранами по вере, находящейся поблизости, в 2 км от Солнцевки.

В настоящее время в Сибири осталось очень мало немецких населенных пунктов, жители которых относились бы к одной конфессии. Причин этого явления можно назвать несколько.

Во-первых, в результате социально-экономических изменений в стране (коллективизация, укрупнение колхозов и совхозов, ликвидация «неперспективных» деревень) произошло уменьшение количества немецких населенных пунктов. Были ликвидированы хутора, жители мелких населенных пунктов переселялись в более крупные деревни и села. Большинство из них сохраняло свою конфессиональную принадлежность, поэтому в крупных немецких селах существуют, как правило, две, а то и три религиозные общины.

Во-вторых, при депортации немцев Поволжья, они размещались преимущественно в уже существующих немецких деревнях, этнический фактор при этом учитывался. Но не учитывался фактор религиозный. Поэтому де-

портированные католики и лютеране оказались не только в католических и лютеранских селах, но и в менонитских и баптистских. Часть депортированных немцев была размещена в русских деревнях с православным населением.

В-третьих, в послевоенное время, и особенно в последние десятилетия, весьма активной была миссионерская деятельность некоторых деноминаций, которая привела к образованию в немецких селах новых религиозных общин. Особенно это относится к баптистам, пятидесятникам и адвентистам.

В-четвертых, начиная с 1990-х годов конфессиональная мозаичность увеличилась в результате миграций.

Процесс эмиграции немцев в Германию привел к большим изменениям в религиозной жизни. Еще 10 лет назад языком богослужения повсеместно был немецкий язык. В настоящее время службы практически во всех общинах ведутся на двух языках – русском и немецком. Сначала читается проповедь на том языке, который понимает и практикует большинство членов общины, потом говорится то же самое, но на втором языке. В некоторых общинах, там, где немцев осталось немного, или глава общины (старший брат) плохо владеет немецким языком, служба полностью переведена на русский язык. Лишь для тех немцев, кто не понимает по-русски, это в основном пожилые люди, кто-либо из сидящих рядом делает перевод на немецкий язык.

В результате действия всех перечисленных выше факторов сложилась ситуация, когда в подавляющем большинстве немецких населенных пунктов действует несколько религиозных общин. Например, в Алтайском крае в селе Глядень действуют общины церковных меннонитов, баптистов и адвентистов, в селах Тельмано и Подсосново – общины католиков и лютеран, в селах Ананьевка, Гришковка, Редкая Дубрава и д. Полевое – общины меннонитов и баптистов, в с. Николаевка и д. Дегтярка – общины меннонитов и лютеран, в д. Шумановка – общины меннонитов и католиков, в д. Бол. Романовка и с. Елизаветград – общины католиков, лютеран и меннонитов, в д. Михайловка – общины лютеран, меннонитов, баптистов и т.д. Такая же ситуация сложилась и в Новосибирской и Омской областях.

Для немцев Сибири характерна высокая степень религиозности по сравнению с окружающим православным населением. Религия традиционно играет значительную роль в духовной жизни сибирского немецкого села. В годы советской власти, несмотря на преследования со стороны властей, не удалось искоренить в среде немцев приверженность к религиозной вере и

традициям. С конца 1980-х годов верующие получили возможность иметь молитвенный дом или церковь, и открыто их посещать. Чаще всего помещение для молитвенного дома покупалось на средства общинников или при финансовой поддержке религиозных центров Германии.

Под молитвенные дома в сельской местности приспособляют, как правило, жилые дома, но это может быть и помещение бывшего детского сада, бывшей котельной и т.д. Интересно, что во многих селах помощь верующим при выделении помещений оказывали главы местных администраций и колхозов, причем делали это охотно, рассуждая так, что пусть лучше верующие собираются открыто, и что там, где действует община, порядка и дисциплины больше.

Довольно типичной для Западной Сибири является конфессиональная ситуация, которая сложилась, например, в селе Хортицы Нижнеомского района Омской области. Это крупное село состоит из двух частей – собственно Хортиц (эта часть села находится на месте хуторов, основанных переселенцами из меннонитских колоний на р. Молочной в 1909 г.), где существуют общины меннонитов и баптистов, и Журавлевки – эта часть села была присоединена позже, там проживают лютеране и католики: как местные, так и депортированные. Кроме того, в селе есть православное население, которое увеличивается быстрыми темпами в связи с миграцией русских из Казахстана.

До конца 1990-х годов верующие собирались по домам, каждая община отдельно. Постоянного места для религиозных собраний ни у одной из общин не было. В 1998 г. по инициативе верующих, с согласия властей и на общие средства был построен молитвенный дом, который здесь называют «Дом молитвы для всех народов». Религиозные собрания проводят здесь по очереди, каждая община имеет свое время. Как и в большинстве других смешанных в этническом плане русско-немецких сел, в Хортицах наиболее многочисленной и организованной является община баптистов. Они организовали работу воскресной школы для детей и подростков, которую могут посещать все желающие, независимо от веры и национальности.

Примером такого религиозного взаимодействия является здание церкви с. Литковка Тарского района Омской области, в которой размещаются общины лютеран, баптистов и православных.

Процесс взаимодействия религиозных общин может протекать по-разному. Иногда происходит слияние их деятельности, или начинает превалировать какая-то одна конфессия. Особенностью многих религиозных общин является их смешение, отсутствие между ними четких разграничительных признаков.

Так, например, в деревне Помогаевка Любинского района Омской области проживают вместе немцы: как лютеране, так и католики. Обе общины довольно малочисленны, лютеранский пастор и католический священник приезжают редко, только на большие праздники. В связи с малочисленностью, верующие обоих вероисповеданий на службу собираются вместе. Служба проходит в виде молитвенного собрания, где верующие вместе молятся, читают Библию, поют религиозные песни. Также вместе отмечаются основные праздники – Рождество, Пасха, Троица. Если приезжает священник определенной конфессии, то на проводимую им службу могут прийти верующие и другой конфессии.

Практика совместных богослужений привела к тому, что верующие затрудняются назвать отличия в вероисповедной практике различных конфессий. Но, несмотря на это, у верующих сохраняется выраженное конфессиональное самосознание, потому что детей крестят только у священников своей конфессии.

Сближению различных общин способствовали те ограничения и преследования, которые существовали в годы советской власти. Они привели к перемещению религиозной жизни людей в основном во внутрисемейную сферу. Разрушение храмов привело к тому, что верующие лютеране и католики стали собираться по домам и проводить молитвенные собрания, как это делают баптисты и пятидесятники. Обрядовая сторона религиозной жизни в это время практически исчезла. В сельских лютеранских общинах, например, практически не проводили конфирмацию. Служба, как и у баптистов, ограничивалась молитвами, пением песен.

Наиболее многочисленным и распространенным в настоящее время в Сибири религиозным течением является баптизм. Наиболее динамичным, активно привлекающим молодежь и быстро растущим является пятидесятничество. Представители разных конфессий принимают второе крещение по вере у баптистов или крещение духом у пятидесятников.

Меннонитов становится все меньше и меньше, они явно утрачивают свои позиции. Связано это, во-первых, с изолированностью сибирских центров меннонитов от мировых центров, незначительными размерами помощи и отсутствием активной миссионерской деятельности. Во-вторых, к ослаблению позиций меннонитов в России привел их раскол сначала в 1860-е гг. на братских, подвергшихся значительному влиянию баптизма, и церковных меннонитов, сохранивших свою обрядность и крещение обливанием. Через сто лет был сделан еще один шаг по сближению с баптизмом. В 1963 г. братские меннониты присоединились к Союзу евангельских христиан-бап-

тистов, созданному в 1944 г. В настоящее время происходит переход верующих из меннонитов в баптисты.

Сохраняют свои позиции лютеране, но и они испытывают влияние баптистов, хотя и не такое сильное, как меннониты.

Вторым направлением этнографического изучения культуры немцев Сибири является исследование современных этнокультурных процессов. Современные этнокультурные процессы изучались путем проведения этносоциологических опросов немецкого населения. Первый этносоциологический опрос был проведен в 1989–1991 гг. в Кемеровской, Новосибирской и Омской областях. Было опрошено 1500 человек. Второй опрос был проведен в Алтайском крае в 1996–1997 гг., было опрошено 574 человека, третий опрос был проведен в 1999–2001 гг., было опрошено 1308 человек. Все три опроса проводились по единой программе, поэтому их результаты вполне сопоставимы, позволяют проследить динамику этнокультурных процессов и сравнить результаты с другими народами, потому что по данной программе проводились опросы и среди других народов Западной Сибири.

При проведении этносоциологических опросов немцев Западной Сибири основное внимание уделялось изучению их национальных ориентаций в культуре, национальным предпочтениям, культурно-досуговой деятельности.

На формирование современной культуры немцев Сибири большое влияние оказывает процесс значительного влияния русского языка, русской культуры, а также развития массовых форм культуры, опять-таки на русской основе. Учитывая это, а также то, что при формировании сельских библиотек практически игнорировались особенности национального состава сел, становятся объяснимыми результаты ответов на вопросы о месте немецкой национальной культуры в жизни сибирских немцев. Так, при ответе на вопрос: «Каких поэтов и писателей своего народа вы знаете?», 68,5% наших респондентов не смогли назвать ни одного имени и лишь 2,5% назвали более четырех поэтов и писателей. Среди тех, кто ответил отрицательно, преобладают люди старших возрастных групп. Молодые люди, особенно те, кто недавно окончил школу, знают не только немецких классиков, но и российских немецких поэтов и писателей.

В этой связи показателны данные о наличии в семьях домашних библиотек. 34,2% респондентов не имеют дома книг. Большинство домашних библиотек насчитывают 10–50 книг. Лишь 8,7% респондентов имеют домашнюю библиотеку свыше 100 книг. Большой удельный вес в домашних библиотеках принадлежит книгам религиозного содержания. Во многих семь-

ях имеется Библия, которая переходит из поколения в поколение. В последнее время, благодаря деятельности зарубежных религиозных центров, домашние библиотеки значительно пополнились религиозной литературой.

Еще более низкие результаты были получены при выяснении уровня знаний легенд, преданий и сказок немецкого народа. Лишь 3,6% респондентов смогли назвать их. Эту ситуацию, кроме общего дискриминационного положения культур национальных меньшинств в стране, можно объяснить большим влиянием церкви, религиозного воспитания в среде немецких крестьян. Многие народные обычаи, фольклор, несущие на себе печать дохристианских верований, церковью осуждались. Каналы передачи устной информации нарушались, место народных сказаний занимали библейские сюжеты. В большей степени это относится к меннонитам, баптистам, пятидесятникам, вся жизнь которых регламентирована религиозной общиной, в меньшей степени – к католикам и лютеранам.

Национальные предпочтения в сфере музыки и танцев оказались под значительным влиянием фактора двуязычия российских немцев. Значительное число респондентов (46,1%) предпочитает слушать русские народные песни, а старинные немецкие – 55,1%. 18,4% опрошенных отдали предпочтение современным национальным песням, тексты которых нередко публикуются в печати. Особой популярностью пользуется песня «Heimat», которую исполняют практически все фольклорные коллективы.

При ответе на вопрос о предпочтении танцев, 49,2% респондентов предпочли танцевать и смотреть немецкие народные танцы, а 41,9% – русские народные танцы. Такое незначительное превалирование национального над иноэтничным свидетельствует и о сохранении своих культурных традиций, и о ходе процессов этнической аккультурации со стороны русских традиций.

При анализе возрастной структуры респондентов при ответах на эти вопросы очевидно, что традициям более привержены люди старшей возрастной группы, а молодежь ориентируется на современную музыкальную культуру.

Анализ структуры ответов о культурно-досуговых занятиях свидетельствует о том, что лидирующее положение занимает просмотр телепередач. Большую роль играет также деятельность, направленная на обеспечение семьи: рукоделие, работа по хозяйству (что-нибудь мастерить, ремонтировать и пр.). Но в основном в свободное время смотрят телевизор, где все передачи идут на русском языке. Существующие программы на немецком языке доступны только городскому населению, поскольку размещены на каналах, которые не принимаются в сельской местности.

Выбор культурно-досуговых занятий находится в зависимости от культурно-материальной базы того или иного населенного пункта. Несмотря на то что 54,2% опрошенных посещают клуб или дом культуры, роль этих учреждений в проведении досуга не очень высока. Безусловно, роль эта во многом зависит от системы финансирования учреждений культуры и от наличия подготовленных кадров. Например, в таких экономически стабильных селах Азовского немецкого национального района Омской области, как Цветнополе, Александровка, работа учреждений культуры стоит на достаточно высоком уровне, есть прекрасные самодеятельные коллективы, которые побывали на гастролях в других областях России и в Германии. В целом, по данным опроса, 27,0% респондентов недовольны условиями для культурного отдыха, 40,6% опрошенных удовлетворены этими условиями, но в этом случае, видимо, сыграло свою роль отношение немцев к досугу как к чему-то второстепенному по сравнению с работой.

Значительная роль в заполнении культурного вакуума по-прежнему принадлежит религиозной общине. Клуб или библиотека имеются далеко не везде, а община есть в каждом селе. И люди старшего возраста, и молодежь проводят значительную часть свободного времени в молитвенном доме. В среду, субботу, воскресенье и в праздничные дни проходят молитвенные собрания, включающие в себя обычно проповедь, песнопения, молитвы. Интересно, что культурно-массовые мероприятия светского характера, например дискотеки, также проводятся в селах в среду, субботу и воскресенье.

По сравнению с периодом десятилетней давности произошли изменения и в сфере этнической культуры. Так, увеличилось число людей, празднующих народные и религиозные праздники. Например, если, по данным опроса 1989–1991 гг., Пасху праздновали 78,0% опрошенных, Рождество – 54,9%, то, по данным опроса 1999–2001 гг., – 87,2% и 84,3 % соответственно. С 75,0% до 91,8% выросла доля лиц, одобряющих обряд крещения. Эти тенденции, конечно, связаны с большей религиозной свободой в стране по сравнению с предшествующим периодом. Увеличилось, хотя и незначительно, число лиц, празднующих свадьбу по народным традициям, причем наши респонденты подчеркивали, что это традиции именно немецкие. Часто приходилось слышать фразу: «Мы стараемся вспомнить то, что наши деды старались забыть».

Была выяснена степень сохранности традиционной культуры у немцев Сибири по сравнению с другими народами. Оказалось, что традиционные черты в материальной и духовной культуре немецкого населения сохрани-

лись лучше, или, во всяком случае, не хуже, чем у других групп некоренного населения Сибири. Только сибирские татары и казахи, которые являются индигенным населением Сибири и культурная дистанция между которыми и русским населением является более значительной, сохраняют большую степень культурной специфики.

По всей видимости, на протяжении XX в. этнокультурные процессы у всех народов Западной Сибири, проживающих в сходных условиях, под влиянием одних и тех же социально-экономических факторов, носили похожий характер и вели к формированию общего культурного фонда.

Тем не менее, во-первых, зафиксированное сохранение культурной специфики, особенно в сельской местности, там, где носители этнической культуры проживают компактно, свидетельствует о незавершенности этих процессов. Учитывая то обстоятельство, что условия для сохранения культурной специфики были неблагоприятными (среди главных из этих условий необходимо учитывать подавляющее преобладание по численности, более 80%, русских в регионе и соответствующую культурную политику) то, что этническая специфика в культуре вообще сохранилась, а в некоторых группах – в достаточно высокой степени, указывает на ее достаточную устойчивость. В последнее десятилетие произошел явный рост интереса к этнической культуре, к своим корням. Это также будет способствовать сохранению определенных культурных границ. Во-вторых, культурную специфику нельзя ограничивать только пищей, одеждой, жилищем, обрядностью и фольклором. Сфера ее существования и проявления гораздо шире, она включает в себя местные и семейные традиции, национально-культурные потребности и ориентации, предпочтения, профессиональную деятельность и т.д.

В последние годы появился новый фактор в развитии этнокультурных процессов: на этнической основе возникло множество общественных организаций, провозгласивших своей основной целью национально-культурное возрождение, большинство из которых входят в Национально-культурную автономию российских немцев.

Закон «О национально-культурной автономии», в основу которого положен демократический принцип свободного волеизъявления граждан, на практике привел к конкуренции лидеров национально-культурных обществ, основанной, помимо личных амбиций, на возможности получать государственную и финансовую поддержку. Помимо этих проблем национально-культурных организаций, существует и множество других, таких, например, как ограниченный круг участников, концентрация усилий на проведение от-

дельных мероприятий, а не на каждодневной и во многом рутинной работе по сохранению культурного наследия, почти полное отсутствие информации об их деятельности.

Более плодотворной можно считать работу по сохранению культуры, которую проводят национальные территориальные автономии.

В Сибири существуют два Немецких национальных района – в Алтайском крае с центром в с. Гальштадт и в Омской области с центром в с. Азово.

С момента создания немецких национальных районов в Сибири прошло более 10 лет, и, надо отметить, что изменения за это время произошли очень значительные. Главную роль сыграла финансовая поддержка Германии, которая осуществлялась до 2001 г. Крупные инвестиции были сделаны в производственную сферу, в развитие инфраструктуры и сейчас районы имеют хорошие дороги, связь, электроснабжение и водоснабжение. Большое внимание уделяется социальным программам, ведется строительство жилья. Существуют образовательные программы, в школах проводится углубленное изучение немецкого языка. Во многих селах действуют Центры культуры, существуют самобытные самодеятельные коллективы, издаются местные районные газеты. Можно сказать, что за прошедшее десятилетие Немецкие национальные районы стали центрами немецкой диаспоры в Сибири.

Разумеется, у немецких национальных районов есть много проблем. Сложным является вопрос приватизации жилья. Существует проблема этнического свойства: поскольку немецкие районы в социально-экономическом плане выглядят более благополучными, есть большое количество желающих переехать в эти районы, и это, чаще всего, не этнические немцы. Поэтому руководству национальных районов приходится бороться за сохранение немецкого населения на их территории, применять административные меры, проводить отбор по этническому признаку. И главная проблема – это большая текучесть населения, не прекращающаяся эмиграция. К сожалению, создание национальных районов не смогло остановить процесс эмиграции, хотя это была одна из основных задач.

Сейчас вопрос о том, будут ли существовать немецкие районы в Сибири, остается открытым, поскольку существующие планы объединения областей и укрупнения районов, вряд ли учитывают интересы этих небольших по территории, но уникальных по этническому составу и культурной специфике образований.

В заключение следует сказать, что все материалы, собранные в ходе историко-этнографических экспедиций⁶ хранятся в Музее археологии и этно-

графии Омского государственного университета, по проблемам современного этнического развития немцев Сибири было защищено 3 диссертации, выпущено 2 монографии⁷. В настоящее время на кафедре этнографии и музееведения Омского государственного университета выполняются две диссертационные работы: «Семья и семейные отношения немцев Западной Сибири» и «Этнография детства немецкого населения Западной Сибири».

¹ См.: Малиновский Л. В. Жилище немцев-колонистов в Сибири // Советская этнография. 1968. № 3. С. 97–105.

² См.: Митрофанова К. И. Вклад омской диалектологической школы в исследование немецких диалектов в России // Немцы Сибири: история и культура. Омск, 1993. С. 78–80.

³ См.: Смирнова Т. Б. Программы сбора материалов по материальной и духовной культуре немецкого населения Западной Сибири: Учебное пособие. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2001. – 80 с.

⁴ Бетхер А. Р. Традиционное хозяйство немцев Западной Сибири в конце XIX–первой трети XX в. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Омск, 2003. – 25 с.

⁵ Рублевская С.А. Календарная обрядность немцев Западной Сибири конца XIX – XX вв. – М.: Готика, 2000. – 136 с.

⁶ Рублевская С. А., Смирнова Т. Б. Традиционная обрядность немцев Сибири. Омск: Изд-во ОмГПУ, 1998. – 154 с.

⁷ Смирнова Т. Б. Немцы Сибири: этнические процессы. Омск: ИЦ «РУСИНКО», 2002. – 210 с.; Она же. Немцы Сибири: этнические процессы и этнокультурное взаимодействие. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003.–88 с.

ИСТОРИОГРАФИЯ СОЦИАЛЬНО– ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ НЕМЕЦКИХ И МЕННОНИТСКИХ КОЛОНИЙ СИБИРИ В КОНЦЕ XIX – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX в.

П. П. Вибе

Немецкие и меннонитские поселения в Сибири появились в конце XIX в. И лишь через столетие, в 90-х годах минувшего века началось систематическое, комплексное изучение истории сибирских колоний. Это обстоятельство во многом объясняет отсутствие специальных историографических работ и, как следствие, объективной четко сформулированной перспективы дальнейших исследований. Проведенный нами анализ литературы показал, что нет историографических обзоров и в большинстве конкретно-исторических исследований последних лет – книгах Л. В. Малиновского, В. И. Бруля, А. И. Савина и Д. Брандеса и др¹. Исключение составляют защищенные недавно диссертации А.И. Савина, В. Н. Шайдурова, А. Р. Бетхера, где историографический экскурс является обязательным элементом введения. Но именно в силу этого обстоятельства вряд ли их можно считать исчерпывающими в решении данной проблемы. Вместе с тем накопившаяся масса исследовательского продукта позволяет уже не только приступить к серьезному историографическому анализу, но и, что наиболее важно, определить лакуны и спорные позиции в изучении социально-экономического развития немецких и меннонитских колоний Сибири в конце XIX – первой трети XX в.

Оставляя в стороне характеристику общих работ, посвященных истории немецких колоний в России и истории аграрного развития Сибири, поскольку это не входит в планы автора данного доклада, отметим, что своеобразным прологом в изучении истории социально-экономического развития немецких и меннонитских колоний в Сибири стали 60–70-е годы XX в. Бесспорная заслуга в этом принадлежит историку из Барнаула Л. В. Малиновскому, уделившему особое внимание в своих работах первым социалистическим преобразованиям в немецкой деревне Западной Сибири. Работы Л. В. Малиновского, написанные по понятным причинам, в русле марксистско-ленинской теории классовой борьбы, вместе с тем отличались аналитическим подходом, наличием большого фактического материала. Но

следует отметить, что автор в своих работах преимущественно опирался на материал, характеризующий алтайские колонии. Поэтому понятно, например, почему остались вне поля внимания переселенческие поселки, расположенные в Тобольской губернии или хозяйства, возникшие на частновладельческих и арендованных участках на территории Сибирского казачьего войска. Все это тем не менее не умаляет заслуг Л. В. Малиновского, разработавшего не поощряемую и «недиссертабельную» в 60–70-е годы XX в. тематику.

В историографии социально-экономического развития немецких и меннонитских колоний Сибири в конце XIX – первой трети XX в. одной из ключевых является проблема переселения немецких колонистов в Сибирь и образования дочерних колоний. Различные аспекты этой проблемы нашли свое отражение в работах В. И. Бруля, П. П. Вибе, Л. В. Малиновского, А. Э. Маттиса, В. Н. Шайдурова². На наш взгляд, достаточно обстоятельно исследованы причины переселения колонистов, политика правительства и местных властей по отношению к ним, определены основные районы немецкой крестьянской колонизации и динамика формирования в них диаспоры.

Вместе с тем не все выводы авторов, как нам представляется, являются бесспорными и требуют дальнейшего уточнения. Так, В. И. Бруль в своей книге категорично утверждал: «То, что абсолютное большинство немцев расселилось в степной местности Западной Сибири – Кулундинской степи – вполне закономерно и обосновано. Ведь они были хлебопашцами и им трудно было найти себе применение в лесу или тайге»³. Следует отметить также ошибочность суждений новосибирского историка А. Э. Маттиса, который, с одной стороны, вообще игнорировал наличие в конце XIX – начале XX в. немецких переселенческих поселков в Тобольской губернии, а, с другой стороны, неправоммерно утверждал, что в Акмолинской губернии наделное землевладение немцев «получило меньшее распространение»⁴. По имеющимся же в нашем распоряжении данным, в Томской губернии к 1915 г. на казенных землях было образовано 113 немецких и меннонитских переселенческих поселков. В них проживали 36 тыс. человек, которые владели 220 тыс. десятин земли. В то же время в Акмолинской области и Тобольской губернии насчитывалось 76 таких поселков, с населением в 32 тыс. человек и земельным наделом, равным 292 тыс. десятин⁵.

Слабой стороной большинства работ по истории немецких и меннонитских колоний в Сибири в начале XX в. является недостаточно широкое и глубокое использование статистических материалов. При характеристике

экономического развития колоний многие авторы отмечают их превосходство над русскими, украинскими и другими переселенческими поселками. При этом чаще всего в качестве аргумента приводят выдержки из вступительной аналитической статьи В.Я. Нагнибеды к «Сборнику статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Томской губернии», опубликованному в 1913 г.: «Наиболее культурную и зажиточную часть населения Кулундинской степи представляют немцы, особенно немцы-меннониты, и наименее культурную и жизнеспособную – выходцы из Бессарабской губернии.

В поселках, заселенных немцами (в докладе 1917 г. – меннонитами), всюду – чистота, прибранность, порядок.

Почти во всех немецких (в докладе 1917 г. – меннонитских) поселках есть отстроенные на общественный счет школы, во многих – молитвенные дома и хлебозапасные магазины, есть мельницы с нефтяными двигателями.

Всюду у немцев, особенно у немцев-меннонитов, мы видели лучший скот, лучшее сено, лучшие урожаи, лучшую пищу»⁷.

Эти слова стали поистине общим местом в публикациях о немецких колониях Сибири. Не оспаривая их, отметим, что современные авторы могли бы прийти к более серьезным и интересным выводам, если бы не ограничивались цитированием, а прибегли к анализу статистики этого сборника. Ведь данный статистический источник содержит ценную информацию о дате основания колонии и первом ее названии, что особенно важно в связи с тем, что многие колонии в 1914 г. были переименованы; о количестве хозяйств и численности населения отдельных колоний; о наличии в них промышленных и торговых предприятий; об обеспеченности колонистов жилищами и хозяйственными постройками, инвентарем и скотом, посевом и сенокосом и т.д. Кроме того, источник позволяет прибегнуть к сравнительному анализу экономического состояния переселенческих поселков, населенных представителями разных национальных групп.

Аналогичное обследование было проведено под руководством В. К. Кузнецова в Омском уезде Акмолинской области. Оно охватило 25 переселенческих поселков и две группы хуторов, в которых в общей сложности насчитывалось на момент переписи 3276 хозяйств⁸. Из них 474 хозяйства были немецкими, основанными в Сибири в конце XIX–начале XX в. немцами-лютеранами, прибывшими из Самарской, Саратовской и Екатеринославской губерний. Эти статистические материалы практически не использовались исследователями социально-экономического развития немецких и меннонитских колоний Сибири в конце XIX – первой трети XX в.

Заслуживают более внимательного отношения к себе также материалы, собранные экспедицией по обследованию Степных областей в 1900 – 1901 гг., которые позволяют проанализировать социально-экономическое положение немецких переселенческих хозяйств на родине и в период их становления в Сибири в сравнении с другими новоселами: русскими и украинцами, поселившимися в том же Омском уезде⁹.

В фундаментальном труде по истории сибирского крестьянства утверждается, что «социальная дифференциация переселенческих хозяйств в Сибири значительно возросла». Обосновывая тезис о «крахе» переселенческой политики царизма, его сторонники доказывали, что за средними цифрами, показывающими рост благосостояния переселенцев в Сибири, «скрывается разорение одних групп и значительное обогащение других, сравнительно немногочисленных групп дворов»¹⁰. Использование же упомянутых выше статистических материалов ставит под сомнение этот тезис и позволяет продолжить исследование социальной мобильности немецкого и меннонитского крестьянств Сибири.

Социально-экономическую дифференциацию в немецких и меннонитских колониях Сибири в начале XX в. очень хорошо позволяют проследить материалы сельскохозяйственной переписи 1917 г., которые частично в свое время использовал Л.В. Малиновский на поселенном уровне. Впервые же этот источник для решения данной задачи на примере алтайских колоний более широко, и уже на похозяйственном уровне применил В.Н. Шайдуров¹¹. Необходимо продолжить эту работу применительно к Омскому уезду Акмолинской области и Тюкалинскому и Тарскому уездам Тобольской губернии.

Начато изучение немецкого сельскохозяйственного предпринимательства в дореволюционный период в работах омских историков П. П. Вибе, Л. В. Зашибиной и А. Г. Киселева, И. И. Кротта¹². Их интерес к этой теме не случаен. Ведь именно вокруг Омска возникла основная масса частновладельческих и арендаторских хозяйств. Важно проследить их дальнейшую судьбу в условиях социалистических преобразований.

Обнаруженные и введенные в научный оборот в конце 90-х годов XX в. П. П. Вибе, А. Э. Маттисом и И. В. Нам¹³ документы позволяют реконструировать процесс борьбы с «немецким засильем» в Сибири и попытки политической и территориальной самоорганизации немцев на губернском (в частности, в Тобольской губернии) и общесибирском уровнях в годы Первой мировой войны. А вот история немецких и меннонитских колоний Сибири в условиях революционных потрясений и гражданской войны так и остается

одним из наименее изученных аспектов. Практически обходят этот период в своих работах Л. В. Малиновский и В. И. Бруль. В книге Д. Брандеса и А. Савина ему отводится лишь несколько страниц. Объяснение этому кроется, на наш взгляд, в недостаточной разработанности, а порой и отсутствии источниковой базы. Вместе с тем следует отметить, что эта ситуация усугубляется наличием в литературе непростительных ошибок и неточностей¹⁴. Так, например, вслед за И. Шеленбергом, утверждавшим, что Славгородское восстание было направлено против Колчака, объявившего мобилизацию молодежи в свою армию, эту ошибку повторяют Л. В. Малиновский и В. Бруль¹⁵. Но общеизвестно, что адмирал Колчак пришел к власти спустя лишь два месяца после упомянутого восстания.

На конференции 2002 г. в Омске был заявлен многообещающий доклад молодого исследователя из Барнаула К. В. Матиса «Российские немцы Алтайского края в период с 1918-го по 1922 г. (экономическое положение и политические ориентиры)». Автор справедливо отметил отсутствие специальных исследований по данной проблеме и поставил эту задачу перед собой. Однако при подготовке к докладу он не использовал ни одного нового архивного документа, а всецело построил его на уже известных публикациях Л. В. Малиновского и В. И. Бруля. В результате ему не удалось ни ввести в научный оборот новый фактографический материал, ни тем более прийти к каким либо самостоятельным выводам. Этот пример еще раз свидетельствует о том, что сдвинуть с мертвой точки данную проблему можно лишь при условии выявления новых архивных материалов. Анализ же влияния гражданской войны на экономическое состояние немецких и меннонитских колоний в Сибири немислим без использования статистических данных. А периодическая печать и воспоминания в данной ситуации должны выполнять лишь вспомогательные функции.

Социалистические преобразования в немецких и меннонитских колониях Сибири, политика правительства и местных органов власти по отношению к ним разносторонне исследованы в упоминавшихся уже работах Л. В. Малиновского, Д. Брандеса и А. Савина, В. И. Бруля, а также Л. П. Белковец. Следует признать, что период 20-х годов XX в. изучен более полно. Вместе с тем это и наиболее противоречивый в историографии период. Развитие исторической науки в последние десятилетия привело к тому, что одни и те же явления по-разному, а порой и противоположно оценивались авторами. В этих случаях желательна убедительная аргументация своей точки зрения, что не всегда имеет место. Приведем лишь один пример. Так, Л. В. Малиновский в одной из своих работ, признавая, что подразверстка явля-

лась отрицательным фактором для развития экономики немецких колоний в Сибири, вместе с тем утверждал, что она «все же не была для большинства крестьян, немцев и латышей в особенности, непосильной»¹⁷. Д. Брандес и А. Савин напротив считают, что продрозверстка 1920 г. имела убийственное влияние на немцев и способствовала их эмиграции¹⁸, однако в полемику с Л. В. Малиновским не вступают.

Бесспорным успехом историков России и Германии является выход в свет в последние годы монографий Д. Брандеса и А. Савина, В. Бруля, В. Н. Шайдурова. Они свидетельствуют о том, что наступил период обобщения накопленных ранее знаний. Этот процесс будет продолжаться. И одним из залогов успеха будущих исследований является ввод в научный оборот новых источников, а также внимательное и уважительное отношение к работам предшественников¹⁹.

Подводя итоги вышесказанному, сформулируем очевидные, на наш взгляд, выводы:

1. Социально-экономическая история сибирских колоний изучена неравномерно. В большей степени это сделано в отношении «алтайских» колоний, и в меньшей степени – в отношении «омских» и тем более «тарских» колоний.
2. При изучении социально-экономических процессов в немецких и меннонитских колониях в конце XIX – начале XX в. недостаточно используются статистические данные (обследования переселенческих поселков в 1901-м и 1911 гг., сельскохозяйственные переписи 1916-го и 1917 гг. и т.д.). Необходим поиск новых статистических материалов, в том числе неопубликованных.
3. Отдельных, специальных исследований заслуживают немецкие, а в большей степени меннонитские хозяйства, возникшие на арендованных и частных землях.
4. Одной из ключевых задач сибирских историков является выявление источников по истории немецких и меннонитских колоний в период первой советской власти (ноябрь 1917 г. – май 1918 г.) и гражданской войны (июнь 1918 – ноябрь 1919 г.).
5. В лучшей степени изучены вопросы социалистических преобразований в немецких и меннонитских колониях Сибири. Но требуются исследования, позволяющие проследить динамику социально-экономического развития колоний не по отдельным периодам, а в целом, от момента их образования в конце XIX – начале XX в. до конца 20-х годов XX в., когда они утрачивают свою хозяйственную самобытность и, в из-

вестном смысле, существовавшую ранее национально-конфессиональную изолированность. Это позволит реально определить вклад немецких колоний в сельскохозяйственное освоение Сибири. Возможно применение статистических методов исследования, в частности расчета коэффициентов СХОТ (степени хозяйственной освоенности территории) компактного проживания немцев и меннонитов в сравнении с другими территориями Сибири. Не исключено, что эти исследования поставят под сомнение некоторые сложившиеся стереотипы в изучении данной проблемы.

6. Необходим систематический историографический анализ уже известных и новейших исследований с целью определения перспектив дальнейшей работы. Совершенно необходимо отдельное историографическое исследование (особенно в связи с выходом в свет монографий Д. Брандеса и А. Савина, В. Бруля и В. Н. Шайдурова) для подведения итогов научной разработки проблемы в последнее десятилетие.

¹ См.: Малиновский Л.В. Немцы в России и на Алтае. – Барнаул, 1995; Бруль В.И. Немцы в Западной Сибири. – Топчиха, 1995. – ч. I; – ч. II; Bruhl V. Die Deutschen in Sibirien. Eine hundertjährige Geschichte von der Ansiedlung bis zur Auswanderung. – Bd. 1. – Nürnberg, München, Großburgwedel: HVDR, 2003. – 553 S. Bd. 2. – Nürnberg, München, Großburgwedel: HVDR, 2003. – 540 S; Brandes D., Savin A. Die Sibirier Deutschen im Sowjetstaat 1919–1938.– Essen, 2001.

² См.: Бруль В.И. Указ. соч.; Вибе П. П. Образование и становление немецких колоний в Западной Сибири в конце XIX–начале XX в. // Немцы. Россия. Сибирь: Сб. статей.– Омск: Изд-во ОГИК музея, 1997. – С. 5 – 57; Он же. Тарский опыт освоения немцами-колонистами таежных пространств Сибири в конце XIX– начале XX в. // Россия и Восток: история и культура: Материалы IV международной научной конференции «Россия и Восток: проблемы взаимодействия».– Омск, 1997.– С. 103 – 112; Он же. Основные районы немецкой крестьянской колонизации в Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. // Миграционные процессы среди российских немцев: Ист. Аспект: Материалы Междунар. науч. конф. Анапа, 26 – 30 сент. 1997 г. – М.: Готика, 1998. – С. 134 – 144; Малиновский Л. В. Указ. соч.; Он же. Причины и обстоятельства миграции немецких колонистов на Восток в XIX– начале XX в. // Там же. – С. 89 – 96; Маттис А.Э. Политика властей в отношении немецких колонистов Сибири накануне Первой мировой войны // Социально-демографические проблемы истории Сибири XVIII–XX вв.: Бахрушинские чтения, 1995 г.: Межвуз. сб. науч. тр. / НГУ. – Новосибирск, 1996. – С. 52 – 60; Он же. Динамика численности немецких колонистов в Сибири в конце XIX – начале XX в. // Социокультурное развитие Сибири XVII – XX веков: Бахрушин. чтения 1996 г. – Новосибирск, 1998. – С. 57 –

- 64; Шайдуров В.Н. Самовольные поселения немецких крестьян на Алтае (конец XIX – начало XX в.) // История и культура российских немцев. – Саратов, 1996. – Вып. 3.-Ч. 1. - С. 66 – 75; Он же. Дочерние колонии меннонитов в Сибири и их социально-экономическое развитие (на примере Алтая) // Вопросы германской истории. – Днепропетровск, 2000. – С. 106 – 117; Он же. Формирование и социально-экономическое развитие немецкой диаспоры на Алтае: конец XIX – начало XX в. – Барнаул, 2003.
- ³ Бруль В.И. Немцы в Западной Сибири. – Топчиха, 1995. – ч.1. – С. 21.
- ⁴ Маттис А. Э. Основные формы землевладения и землепользования немецких колонистов в Сибири накануне Первой мировой войны // Сибирь на рубеже XIX – XX веков. – Новосибирск, 1997. – С. 83 – 85.
- ⁵ См.: Вибе П. П. Образование и становление немецких колоний в Западной Сибири... – С. 20, 31, 33 – 34.
- ⁶ См. напр.: Бруль В.И. Немцы в Западной Сибири. – Топчиха, 1995. – ч.1. – С. 29 – 32.
- ⁷ Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Томской губернии. –Томск, 1913. – Вып. 1. – С. 185 – 186.
- ⁸ См.: Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Сибири. - Вып.III.– СПб.,1913.
- ⁹ См.: Материалы по переселенческому хозяйству в Степной и Тургайской областях, собранные и разработанные экспедицией по исследованию Степных областей. Акмолинская область. Омский уезд. Том V.– СПб., 1907.– Табл. VIII.
- ¹⁰ Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. – Новосибирск,1983.– С. 238.
- ¹¹ См.: Шайдуров В.Н. Формирование и социально-экономическое развитие немецкой диаспоры на Алтае: конец XIX – начало XX в. – Барнаул, 2003.
- ¹² См.: Вибе П.П. Вклад немцев-предпринимателей в становление крупных культурных хозяйств в Сибири // Немцы в России: российско-немецкий диалог: Сб. статей. – СПб., 2001. – С. 399 – 411; Зашибина Л.В., Киселев А.Г. Немецкие комерсанты в Омском Прииртышье в начале XX века // Немцы. Россия. Сибирь. – Омск, 1997. – С. 63–78; Кротт И.И. Немецкое сельскохозяйственное предпринимательство Омского Прииртышья в конце XIX – начале XX вв. // Известия ОГИК музея. – №8. – Омск, 2000.– С. 167–170.
- ¹³ См.: Вибе П.П. Немцы в Сибири в годы Первой мировой войны // Исторический архив.- 1999.– № 1.– С. 149 – 176; Он же. Немцы в Сибири. Сборник документов и материалов по истории немцев в Сибири. 1895 – 1917. – Омск: ОГИК музей, 1999; Маттис А.Э. "Борьба с немецким засильем" в годы первой мировой войны и немецкие колонии Томской губернии // Вопросы истории Сибири XX века.– Новосибирск, 1998.– С.58–67; Он же. Политика Временного правительства и самоорганизация немецких колонистов в Сибири // Региональные процессы в Сибири в контексте российской и мировой истории. – Новосибирск, 1998. – С. 138 – 141; Нам И.В. Сибирские немцы в условиях первой

мировой войны и революции // Немцы. Россия. Сибирь: Сб. статей.– Омск: Изд-во ОГИК музея, 1997. – С.130–153.

¹⁴ См. об этом подробнее: Нам И.В. Немцы и власть в Сибири в условиях гражданской войны // Известия ОГИК музея. - №10. – Омск, 2003. – С. 200 – 203.

¹⁵ См.: Шеленберг И. История села Орлово. – М., 1996. – С. 29; Малиновский Л.В. Немцы в России и на Алтае. – Барнаул, 1995. – С. 109; Bruhl V. Die Deutschen in Sibirien. Eine hundertjährige Geschichte von der Ansiedlung bis zur Auswanderung. – Bd. 1. – Nürnberg, München, Großburgwedel: HVDR, 2003. – S. 136.

¹⁶ См.: Белковец Л.П. «Большой террор» и судьбы немецкой деревни в Сибири (к.20х – 30е гг.). – М. – 1995; Она же. Фермерское предпринимательское хозяйство немецких колонистов в Сибири в канун и в условиях «чрезвычайщины» (20-е гг. XX в.) // К истории предпринимательства в Сибири.– Новосибирск, 1996; Она же. Образ сибирского немца-колониста в советских документах конца 1920 – начала 1930-х гг. // Немецкий этнос в Сибири. – Новосибирск, 2000. – Вып.2. – С. 151–161.

¹⁷ Малиновский Л. В. Сельское хозяйство западных национальных меньшинств в Сибири (1919 – 1928 гг.) // Вопр. истории Сибири. – Томск, 1967.– Т.190.– Вып.3. – С. 206.

¹⁸ См.: Brandes D., Savin A. Die Sibirier Deutschen im Sowjetstaat 1919 – 1938.– Essen, 2001. – S. (п. 2.1).

¹⁹ См. об этом: Черказьянова И.В. Сноски для респекта? (Размышления по поводу книги Виктора Бруля «Die Deutschen in Sibirien. Eine hundertjährige Geschichte von der Ansiedlung bis zur Auswanderung». Bd. 1-2. Hrsg. Im Jahr 2003 vom Historischen Forschungsverein der Deutschen aus Russland e. V.) // Российские немцы. Научно-информационный бюллетень. – 2004. – 1(37). – С.24 – 29.

ФАКТОР ПЕТЕРБУРГА В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ, СОЦИАЛЬНОЙ И ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ ПОДСТОЛИЧНЫХ НЕМЕЦКИХ КОЛОНИЙ

Е. В. Бахмутская

В статье ставится задача проанализировать отдельные аспекты много-стороннего влияния, которое оказывала российская столица на жизнь располагавшихся в Санкт-Петербургской губернии немецких колоний, проследить, каким образом близость иностранных поселений к Петербургу повлияла на эффективность колонизационной политики в данном регионе, что в свою очередь дает возможность охарактеризовать особенности развития петербургских колоний по сравнению с иностранными поселениями других регионов страны.

В ходе основания подстоличных немецких селений решались не только общие задачи по заселению и хозяйственному освоению Ингерманландии, возвращенной России в ходе Северной войны (1700 – 1721 гг.), но и конкретнее, задачи обустройства дворцовых имений. Так, Екатериной II было принято решение об основании в 1766 г. двух колоний (Среднерогатской и Ижорской) на территории Царскосельского имения; согласно указам Александра I в 1809 – 1811 гг., появился ряд колоний на землях Царскосельского (Кипенская) и Ораниенбаумского (Ораниенбаумская, Кронштадская, Петергофская) имений; по инициативе великого князя Константина Павловича тогда же была основана колония в принадлежавшем ему имении Стрельна; императрица Мария Федоровна в 1818 г. основала в Павловске колонию Этюп; в 1819 г. появилось немецкое поселение Фриденталь в Царском Селе; в 1833 г. Николай I положил начало Александринской колонии в Петергофе; в 1842 г. его супруга Александра Федоровна способствовала поселению группы колонистов на территории своего Знаменского имения¹. Таким образом, можно говорить о своеобразной моде на поселение колонистов, распространившейся в первой половине XIX в. среди членов российской императорской семьи.

Основанию петербургских колоний придавался также определенный политический и идеологический смысл: лежавшие на главных подъездных путях к российской столице, они были призваны представлять примеры благоустроенных и зажиточных сельских поселений и служить наглядным подтверждением процветания водворенных в России иностранных колонистов.

В наибольшей степени это замечание относится к группе так называемых приморских колоний, спроектированных и построенных как часть общего грандиозного ансамбля Петергофской дороги – проходившего по побережью Финского залива «парадного пути» из порта Кронштадт в Петербург².

Данное обстоятельство предопределяло особое внимание к архитектурному облику и благоустройству селений со стороны российских императоров. Проекты подстоличных колоний, появившихся в ходе двух основных этапов колонизации (1765 – 1766 гг. и 1809 – 1811 гг.), утверждались лично Екатериной II и Александром I, к их созданию привлекались известнейшие российские архитекторы, тогда как в Поволжье и на Юге России эти вопросы решались штатными землемерами местных опекунских контор³.

Дома петербургских колонистов по своим характеристикам значительно превосходили жилые постройки, возводившиеся в иностранных поселениях других регионов страны. Так, в колониях, построенных во второй половине 1760-х годов под руководством архитектора Мельникова и инженера фон Лильенталя, каждому семейству был предоставлен двухэтажный деревянный дом на каменном фундаменте общей площадью 240 кв. м. Крыша дома была покрыта брусом, фасад обшит досками, со стороны двора дом имел двухэтажную галерею, служившую защитой от ветра и холода. Планировка жилых помещений на каждом из этажей включала четыре комнаты и кухню. Стены комнат были оштукатурены и оклеены обоями, кухня и потолки в комнатах побелены⁴.

При строительстве второй группы колоний в начале XIX в. для переселенцев возводились одноэтажные деревянные дома на каменных фундаментах с дощатыми крышами. Размеры дома и количество жилых помещений в нем варьировались в зависимости от того, на семейство какой величины он был рассчитан (различались дома «большие двойные», «средние двойные» и «малые»)⁵. Курировавшим строительство министром внутренних дел А.Б. Куракиным на рассмотрение Александра I было представлено около двадцати вариантов фасадов домов, разработанных при участии архитектора А.Н. Воронихина, из которых императором было отобрано одиннадцать. Передавая мнение царя инспектору петербургских колоний Е. Ф. Канкрину, Куракин предписывал ему «избегать сколько возможно единообразия в фасадах и употреблять разные фасады из апробированных по приличию местоположения к разным домам»⁶. При этом в целях соблюдения принципа «регулярности» стоящие рядом дома должны были иметь одинаковые фасады, выкрашенные краской одного цвета, и располагаться симметрично относительно находившегося между ними фрукто-

вого сада; каждая такая группа из двух домов отделялась от другой пары дорогой, ведущей в поле.

Важнейшим следствием повышенных требований к благоустройству петербургских колоний явилась исключительно высокая стоимость их строительства и соответственно значительно большие, нежели в других регионах, размеры долга колонистов российской казне⁷. В «старых» колониях подлежащая возврату сумма составляла от 879 руб. на двор (в Среднерогатской) до 1305 руб. на двор (в Ново-Саратовской)⁸. В «новых» колониях средняя величина долга колебалась в пределах от 4219 руб. на двор (в Кронштадской) до 6811 руб. на двор (в Ораниенбаумской)⁹. Здесь, в отличие от «старых» колоний, сумма была разложена на семейства не равномерно, а в соответствии с действительными затратами казны на обустройство каждого из них.

Необычная величина долга обусловила и особые условия его погашения, принятые в петербургских немецких селениях.

В конце 1770-х годов властями была осознана изначальная нереалистичность оговоренного при поселении порядка внесения платежей жителями «старых» колоний (согласно заключенным с ними контрактам, долг должен был быть полностью выплачен к началу 1780-х годов); кроме того, стало очевидно, насколько показатели их экономического развития отличаются от правительственных планов. В связи с этим на протяжении последних десятилетий XVIII в. происходит корректировка сроков и размеров выплат: неоднократные переносы начала уплаты долга, неограниченное продление времени его погашения, многократное снижение суммы ежегодных взносов.

Что касается переселенцев второй волны, то при решении вопроса о порядке погашения ими долга министр внутренних дел В. П. Кочубей, предвидя бесперспективность попыток взыскать деньги в соответствии с общими правилами, оговоренными в указе Александра I от 20 февраля 1804 г., испросил у императора позволения ориентироваться на пожелания самих колонистов. Исходя из принятых ими на себя обязательств выплачивать ежегодно от 30 до 45 руб. с хозяйства¹¹, выплата долга должна была растянуться на многие десятилетия. К примеру, в крупнейшей из «новых» колоний – Стрелинской, жители которой решили вносить по 40 руб. с хозяйства в год, минимальная сумма долга, лежавшая на одной семье, составляла 4045 руб., а максимальная – 8403 руб.¹².

От компенсации же затрат на строительство самой дорогой из петербургских колоний – Фриденальской – российским властям вообще пришлось

отказаться. Это мануфактурное селение было основано в 1819 г. на территории Царского Села ремесленниками-ткачами, прибывшими из Бергского герцогства. Строительство семи рассчитанных на два семейства домов со службами и мастерскими, осуществленное по проекту архитектора В.П. Стасова, обошлось более чем в 190 тысяч рублей. Поскольку взыскать такую сумму с жителей колонии заведомо не представлялось возможным, было принято решение оставить постройки в собственности Царскосельского имения, предоставив колонистам лишь право пользования ими, и обязать каждое из семейств уплатить «только» по 3 тысячи рублей, издержанных на их обзаведение¹³.

Нужно отметить, что сумма долга жителей «старых» колоний, основанных в 60-е годы XVIII в., не индексировалась в соответствии с изменениями денежного курса (лишь за период с середины 1780-х годов до начала 1810-х годов ценность ассигнационного рубля понизилась в четыре раза¹⁴), а выплаты «новых» колонистов вплоть до начала периода буржуазных реформ держались на том уровне, который был установлен в начале 1820-х годов. Владельцы имений – члены императорской семьи – не проявляли заинтересованности в их повышении, так же как и в увеличении размеров земельной подати – основного налога, взимавшегося с колонистов. В начале 1850-х годов министром государственных имуществ П. Д. Киселевым была предпринята попытка повысить налоги с колонистов с целью хотя бы отчасти приблизить их к уровню платежей других категорий сельского населения губернии, однако она не была поддержана Николаем I¹⁵.

Следствием указанных обстоятельств явилось то, что средства, вложенные в строительство петербургских колоний, не были возвращены государству за весь дореволюционный период¹⁶. С финансовой точки зрения их основание явилось, таким образом, убыточным для российской казны мероприятием.

Констатация данного факта не мешает, впрочем, признать значительный вклад, который немецкие колонисты внесли в развитие региона. При этом именно близость к Петербургу, на потребности которого была ориентирована вся хозяйственная деятельность подстоличных колоний, являлась одним из главных факторов их экономического роста в XIX в.

Российские власти видели главную задачу колонистов в снабжении столицы картофелем. Первые посадки этой новой для страны культуры были произведены в Санкт-Петербургской губернии практически в одно время с основанием колоний – в 1765 г.¹⁷. Немецкие селения явились одним из основных участков приложения усилий по насаждению картофелеводства в

регионе и были, таким образом, изначально ориентированы на развитие узкоспециализированного товарного хозяйства.

Средства от продажи картофеля стали основой бюджета колониистских хозяйств уже в конце XVIII в. За первую половину XIX в. объем посадок картофеля в колониях увеличился в восемь раз (с 1351 четверти в 1799 г. до 10 812 четвертей в 1851 г.)¹⁸. В пересчете на душу мужского пола колониисты высаживали до 10 четвертей картофеля, а собирали – до 100 четвертей¹⁹. Местные же крестьяне в это время только приступали к возделыванию этой культуры, высаживая по 0,2–0,5 четверти картофеля на душу мужского пола²⁰. В пореформенный период данный разрыв несколько сократился, но по-прежнему оставался очень значительным. На всем протяжении XIX в. сохранялась разница в специализации хозяйств колониистов и производивших продукцию на рынок русских крестьян, подчеркивавшаяся современниками. «В то время как русский крестьянин ... предпочитает возделывание овощей, немецкий колониист производит картофель, к возделыванию которого он когда-то был принуждаем со стороны правительства», – отмечал один из них²¹.

Показательно, что и сами колониисты именно развитие картофелеводства считали основной целью основания иностранных поселений в окрестностях Петербурга. Так, жители Стрелинской колонии в направленном в местную палату государственных имуществ приговоре сельского схода от 30 апреля 1843 г. отмечали: «Мы... употребили на землю весьма значительные денежные расходы, сопряженные с неутомимым трудолюбием поселян нашей колонии..., согласно цели правительства о переселении нашем в Россию относительно возделывания нами земель для запашек на оных картофеля»²².

Неограниченные возможности сбыта производившейся в колониях сельскохозяйственной продукции при недостатке и плохом качестве пашни стимулировали внедрение уже в конце XVIII в. – начале XIX в. интенсивных земледельческих технологий, передовых агротехнических приемов (многополье, плодосмен, травосеяние, применение удобрений, мелиорация земель и др.). Необходимо подчеркнуть, что инициатива введения этих методов принадлежала органам управления колониями, заслуга же колониистов состояла в том, что они проявляли большую восприимчивость к предлагаемым нововведениям, нежели другие категории крестьянства, в отношении которых также предпринимались соответствующие усилия²³. Впрочем в колониях объективно были более благоприятные условия для интенсификации сельскохозяйственного производства в силу отсутствия переделной общины.

Уровень специализации колониистского хозяйства находился в прямой зависимости от степени близости колоний к Петербургу либо от удобства путей сообщения, что подтверждается, в частности, разницей в структуре посева зерновых. В ближайших к городу колониях овес, использовавшийся прежде всего в качестве корма для лошадей, вытеснил со временем другие зерновые культуры, составив до 90% посева. Хлеб для продовольственных нужд здесь покупался за счет доходов, полученных от продажи картофеля. В более отдаленных колониях, в меньшей степени вовлеченных в товарно-денежные отношения, распределение культур выглядело более равномерно, и даже в пореформенный период сохранялись значительные посевы ячменя, ржи, пшеницы²⁴.

Специализация колониистских хозяйств на производстве одного вида продукции, широкое применение наемного труда обеспечивали высокий уровень товарности сельскохозяйственного производства (уже в конце 1820-х годов он достигал 60%, вчетверо превышая средний по стране), что позволяло немногочисленному населению колоний на протяжении XIX в. обеспечивать значительную долю столичного рынка картофеля.

Таким образом, время подтвердило правильность выбора российских властей в отношении отведенной петербургским колониям хозяйственной ниши.

Экономическому успеху колониистов в немалой степени способствовало и обстоятельство, что им удалось сохранить введенную законодательством на начальном этапе колонизации подворно-наследственную форму землепользования, основным условием чего также являлась близость Петербурга.

В то время как в немецких селениях Поволжья рост населения стал одной из причин перехода в 1783 г. к передельной общине, гарантировавшей минимальный надел каждому из ее членов, в Ингерманландии характерная для подворно-наследственной системы проблема увеличения доли безземельных решалась на пути их оттока в Петербург и перехода в другие сословия. Растущая столица могла обеспечить заработком неограниченное количество переселенцев, наличие в ней многочисленной немецкой диаспоры облегчало их языковую и культурную адаптацию.

Власти пытались законодательно ограничить переход колониистов в другие сословия и даже сам промысловый отход в столицу. В частности, в соответствии с указом Павла I от 10 октября 1799 г. увольнение от колонии разрешалось только при условии принятия колониистом обязательств по уплате в течение пяти лет части лежавшего на его семействе долга. Размер

взноса должен был составлять от 250 до 500 руб. (в зависимости от прибыльности практикуемого ремесла или промысла)²⁶. В 1830-х – 1840-х годах действовали «Правила, на каком основании казенные колонисты, поселенные в С.-Петербургской губернии, могут быть увольняемы от обществ колоний для заработок, промыслов и торговли»²⁷, установившие крайне сложный порядок получения паспорта для занятия отхожими промыслами. Однако введение ограничений не могло стать эффективным путем решения проблемы.

Отток населения в Петербург побудил российские власти, заинтересованные в сохранении колонистов в качестве земледельческого сословия, к принятию энергичных мер по переселению безземельных на свободные земли, проводившемуся на значительно более выгодных для жителей колоний условиях, нежели в других регионах. За период с 1821 г. по 1842 г. 84 семьи из подстоличных колоний были переселены в Новгородскую губернию и 12 семей – на новые места в пределах Санкт-Петербургской губернии²⁸. При этом колонисты получили от казны дома, земельные наделы, ссуды на обзаведение и льготы по уплате повинностей, тогда как, например, в Поволжье дополнительные казенные земли давались в общее пользование колонистским округам с условием строительства там новых поселений, переселение осуществлялось на собственные средства колонистов, а повинности отбывших в течение двух-трех лет должно было нести прежнее сельское общество²⁹.

Одновременно с переселением набирал темпы начавшийся уже в конце 1820-х годов рост частного землевладения. К исходу XIX в. на приобретенных в собственность землях петербургскими колонистами в границах губернии было основано более двадцати дочерних колоний.

Вместе с тем в последние десятилетия XIX в. процесс оттока колонистов в Петербург (либо отрыва от сельскохозяйственных занятий без смены места жительства) получил новый импульс: в связи с ростом на окраинах города, в непосредственной близости от немецких селений, крупных промышленных предприятий среди колонистов стала увеличиваться доля фабрично-заводских рабочих. Одним из следствий перемещения активного населения колоний в столицу на данном этапе явилось то обстоятельство, что петербургские колонисты остались в стороне от миграционного движения, охватившего немецкое население Российской империи в конце XIX – начале XX в.³⁰.

Таким образом, близость Петербурга позволяла колониям частично решать проблему аграрного перенаселения и преодолевать связанную с ней социальную напряженность.

Вместе с тем с расположением немецких селений вблизи столицы был связан и ряд факторов, негативно отразившихся на их социально-экономическом положении.

К числу таких факторов можно отнести, в частности, последствия активно развернувшегося в окрестностях Петербурга начиная с 1830-х годов строительства шоссейных и железных дорог. Освобождение территории под прокладку дорог привело к утрате колонистами части наделных земель. При этом экономические потери колонистов были значительнее, нежели потери жителей русских и финских деревень: характерный для колоний более высокий уровень трудовых и материальных затрат, вкладывавшихся в обработку земли и обуславливавших ее более высокую стоимость, не мог быть в полной мере компенсирован причитающимися за отторгнутые участки денежными выплатами. Так, например, согласно сведениям, представленным в этот период в Петербургскую палату государственных имуществ от имени сельского схода Стрелинской колонии, разработка каждой десятины земли под пашню обошлась ее жителям в 845 руб.³¹.

Еще более существенным следствием железнодорожного строительства явилось ухудшение экономической конъюнктуры, сужение рынка сбыта сельскохозяйственной продукции. О том, насколько болезненно данное обстоятельство сказалось на положении части колонистов, дает представление прошение о понижении выкупных платежей, поданное в 1882 г. в Петербургскую удельную контору жителями Ижорской колонии. «Сто лет мы исправно платили оброки, а теперь, если бы не сбережения прежних лет, мы оказались бы банкротами», – писали они, указывая наряду с другими причинами несостоятельности на то, что «бывшие прежде ямщики, с проведением железных дорог, обратились к земледелию и обрабатывают поля. Где прежде были пустоши, где прежде сбывались только наши земледельческие продукты и куда исключительно шло все удобрение из Павловска и Царского Села, там ныне все изменилось к нашей невыгоде»³².

Установленный в ходе аграрных реформ 1860-х – 1870-х годов исключительно высокий уровень выкупных платежей за землю, о котором идет речь в цитированном прошении, также являлся одним из негативных следствий расположения многих колоний в окрестностях столицы. Для них, как для всех селений, находившихся на расстоянии менее 25 верст от Петербурга, законодательством был определен максимальный (в масштабах всей страны) размер выкупа, составлявший 50 руб. за десятину³³.

В связи с этим процесс выкупа колонистами как государственных³⁴, так и дворцовых земель затянулся на долгие годы. Жители многих немецких се-

лений не спешили вносить деньги за землю, которую они и без того считали своей, обращались в различные инстанции, вплоть до министра внутренних дел, с просьбами о пересмотре размеров выкупа. В итоге же внесенные ими выкупные платежи в ряде случаев даже превышали установленные законодательством. Так, в 1877 г. группа жителей, располагавшейся на государственной земле Ново-Саратовской колонии, выкупила свои наделы, уплатив по 51,7 руб. за десятину³⁶; стрелинские колонисты, выкупавшие землю одновременно всем сельским обществом, уплатили собственнику Стрельны великому князю Константину Николаевичу по 60 руб. за десятину³⁷.

Приняв во внимание указанные негативные аспекты, нужно тем не менее еще раз подчеркнуть, что в целом близость обширного столичного рынка оказала стимулирующее воздействие на экономическое развитие немецких селений, обусловив высокие темпы капиталистической эволюции хозяйства петербургских колонистов.

Не менее значительное влияние Петербург оказывал и на социальную и духовную жизнь немецких колоний.

Не опровергая того факта, что на протяжении дореволюционного периода петербургские колонии сохраняли характерную для всех иностранных поселений страны обособленность, следует вместе с тем отметить, что близость столицы безусловно способствовала расширению сферы социальных контактов их жителей. Объектами этих контактов выступали представители самых разных слоев российского общества, включая правящую элиту.

В частности, расположение колоний на землях дворцовых имений открывало перед их жителями возможности посещения императорских и великокняжеских резиденций, личного общения с членами царской семьи. Собственники земли проявляли пристальный интерес к жизни колонистов, последние же всячески стремились утвердить свое особое положение, используя, помимо прочего, то обстоятельство, что некоторые из членов царской семьи являлись соотечественниками их предков. К примеру, в 1841 г. по просьбе колонистов была организована их встреча с прибывшей из герцогства Гессен-Дармштадт невестой великого князя Александра Николаевича (будущего императора Александра II) Марией Александровной³⁸. Члены императорской семьи также в свою очередь посещали немецкие селения, а порой и проводили в них длительное время, как, например, супруга великого князя Михаила Павловича великая княгиня Елена Павловна (урожденная Фредерика Шарлотта Мария Вюртембергская), снимавшая под дачу

дом одного из жителей Кронштадтской колонии. Источники сохранили также свидетельства о том, что колонисты прибегали к защите членов царской семьи в случаях конфликтов с непосредственным начальством, являлись ко двору с поздравлениями в праздники и т.п.

Важное место среди внешних контактов колонистов занимали связи с немецкой диаспорой Петербурга, которая на протяжении XIX в. насчитывала от 40 до 50 тыс. человек³⁹. К числу петербургских (остзейских) немцев принадлежало подавляющее большинство чиновников органов управления колониями; петербургские немцы, в том числе имевшие опыт работы в учебных заведениях столицы, выполняли обязанности учителей в колониях; к немецким адвокатам колонисты шли за помощью в составлении прошений, жалоб и других документов. Целью промыслового отхода зачастую являлись торговые и промышленные заведения, принадлежавшие петербургским немцам; занимавшиеся «питомническим промыслом» брали в свои семьи из воспитательных домов Петербурга исключительно детей немецкой национальности. При этом важно подчеркнуть, что колонисты (даже жившие фактически в черте города) не рассматривались в качестве части немецкой диаспоры. Они не вступали в браки с представителями городских сословий, не входили в число членов функционировавших в столице немецких организаций и союзов, не принимали участия в общественной жизни петербургских немцев⁴⁰.

Важнейшим каналом социальных связей колонистов с жителями столицы других национальностей являлся дачный промысел, на всем протяжении XIX в. занимавший в экономике колоний значительное место, уступая по доходности лишь картофелеводству. Чистые просторные дома, приятный для глаз внешний облик немецких селений, царивший в них порядок делали колонии привлекательными местами летнего отдыха и выгодно отличали их от русских деревень. Стремясь привлечь возможно большее количество отдыхающих, колонисты старались максимально приспособить жилые постройки к их нуждам, расширяли отдаваемые внаем площади, продолжали благоустраивать подворья и селения в целом. В значительной части дворов были построены небольшие дома в русском стиле с мезонинами, предназначенные специально для приезжающих, в садах перед домами устанавливались скамьи для отдыха, строились беседки и садовые домики, хозяйственные же строения переносились в дальнюю часть двора и открывались только в сторону поля.

Нужно подчеркнуть, что колонии привлекали тысячи петербуржцев не только как наиболее благоустроенные в окрестностях столицы дачные ме-

ста, но и (что особо подчеркивалось в путеводителях) как своеобразные островки немецкой народной культуры. Колонисты в свою очередь получали возможность знакомства с русским языком и культурой, а порой и с ее выдающимися представителями, снимавшими здесь дачи.

Помимо дачников, немецкие селения в большом количестве посещала отдыхающая публика, проводившая свой досуг в окрестностях столицы. Пригородные резиденции, на территории которых располагались колонии, традиционно являлись местами увеселений и массовых празднеств, сменявших друг друга на протяжении каждого дачного сезона. Примечательно, что сами колонисты выступали на подобных мероприятиях не только в роли наблюдателей, но и в роли действующих лиц. Сохранились, к примеру, свидетельства об участии хора Фриденвальской колонии в знаменитых концертах Иоганна Штрауса в Павловске, об открытых выступлениях духового оркестра Стрелинской колонии (в том числе в присутствии императора Николая II) и т.д. Ярким событием в жизни губернии, получившим отклик в столичной прессе, стали праздники, посвященные столетию основания первых колоний, в которых приняли участие как жители всех подстоличных немецких селений, так и тысячи горожан различных сословий⁴¹.

Расширение границ столицы, тесный контакт с ее жителями способствовали тому, что с течением времени культура ближайших к Петербургу колоний все в большей степени приобретала черты культуры городского предместья: немецкие народные танцы уступали место вальсу и кадрили, старинные баллады – городскому романсу, в дома активно проникали элементы городского быта⁴².

Приобщение к новациям городской жизни, ориентация на характерные для города культурные образцы и стандарты поведения, будучи показателями прогрессивного по своей сути процесса модернизации, в то же время несли с собой определенные проблемы, разрушая традиционные формы социальной жизни, подрывая сохранявшиеся многими поколениями нравственные ценности и моральные устои. Примером отрицательной оценки влияния столицы на моральный климат в колониях служат слова пастора Германа Бартелята, руководившего крупнейшим из колониистских приходов Санкт-Петербургской губернии – Ново-Саратовским, к которому принадлежали 18 немецких селений. «Мне кажется, что нравственное состояние общины за прошедшие двадцать лет скорее ухудшилось, – отмечал он в приходской хронике за 1897 год. – Истинная, идущая изнутри приверженность христианской вере является редчайшим явлением в колониях... Наихудшее влияние в этом отношении, без сомнения, оказывает Петербург, в своем

быстром росте все ближе подступающий к колониям. Материальный дух, стремление к удовольствиям большого города пускают свои корни и в сельских общинах, ведя их часто к хозяйственному и моральному упадку»⁴³.

На протяжении существования немецких селений все более интенсивными становились и контакты колонистов с сельским населением Санкт-Петербургской губернии. Полеми таких контактов являлся прежде всего найм сельскохозяйственных рабочих, который приобрел в колониях массовый характер уже в первой трети XIX в.: к началу 1830-х годов каждый хозяин из материнских колоний в период сбора урожая нанимал по 20–30 поденных работников. Случалось, что, помимо русских крестьян, в качестве наемной рабочей силы выступали солдаты квартировавших в окрестностях столицы полков.

Еще более тесные взаимоотношения с местным крестьянством имели место в дочерних колониях. В Санкт-Петербургской губернии образование дочерних поселений происходило не одновременно, как в других регионах, где определяющая роль при их основании принадлежала колониетским обществам, а постепенно, по мере покупки отдельными семьями усадебных участков, лежавших поблизости от русских и финских деревень либо даже в их границах. В таких случаях происходила своего рода инфильтрация немцев в среду местного населения, как это имело место, например, в крупнейшей из дочерних колоний – Овцыно, где усадебные земли немецких колонистов и финнов-старожилов располагались чересполосно. Таким образом, в Санкт-Петербургской губернии не был выражен такой фактор обособленности, как географическая изоляция, характерная для немецких поселений, располагавшихся в других частях Российской империи.

Вовлечение колонистов в экономическую и социальную жизнь региона способствовало тому, что уже в первые десятилетия XIX в. ими была осознана необходимость обучения русскому языку. В 1825 г. жители Среднерогатской колонии обратились в Министерство внутренних дел с просьбой о введении его в программу сельской школы в качестве особого предмета и получили согласие министра П.А. Строганова, а с начала 1830-х годов русский язык преподавался уже во всех колониях губернии⁴⁴.

Результаты проведенных сравнительных исследований свидетельствуют о том, что в XIX в. петербургские колонии сохраняли приоритет по сравнению с немецкими селениями ряда других регионов не только в отношении обучения русскому языку, но и в целом в деле организации школьного образования. Ввиду существования в столице многотысячной немецкой диаспоры здесь не имелось проблем с комплектованием штата учителей, уро-

вень образования и материального обеспечения последних был выше, а количество учащихся, приходившихся на одного учителя – ниже, чем, например, в Поволжье и на Юге России. В части колоний общества санкционировали (и финансировали) существенное расширение традиционной школьной программы. Наконец, нельзя не упомянуть о значительном содействии, оказывавшемся развитию немецких сельских школ со стороны органов управления колониями⁴⁵.

Подводя итоги, можно констатировать, что близость Петербурга являлась важнейшим из факторов, способствовавших интеграции поселенных в его окрестностях колонистов в российское общество, а также основным двигателем процесса модернизации хозяйственной, социальной и духовной жизни подстоличных немецких колоний, который, впрочем, был далек от своего завершения к исходу описываемого периода.

¹ См.: Бахмутская Е.В. Образование немецких колоний в Санкт-Петербургской губернии (вторая половина XVIII в. – начало XX в.) // Немцы в России: Петербургские немцы / Отв. ред. Г.И. Смагина. СПб., 1999. С. 233 – 245.

² См.: Горбатенко С. Б. Петергофская дорога: Историко-архитектурный путеводитель. СПб., 2002.

³ См.: Терехин С.О. Поселения немцев в России: Архитектурный феномен. Саратов, 1999. С. 121.

⁴ См.: Koch E. Die Deutschen Kolonien Nordrusslands: Eine siedlungswirtschaftsgeografische und kulturhistorische Untersuchung. Würzburg, 1931. S. 26, 31.

⁵ См.: Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 383. Оп. 29. Д. 1170. Л. 83–84 об.

⁶ См.: Там же. Д. 1155. Л. 70.

⁷ К примеру, в Поволжье размер долга, приходившегося на одно колонистское хозяйство, составлял от 200 до 900 руб. (См.: Плева И.Р. Немецкие колонии на Волге во второй половине XVIII века. М., 1998. С. 198.)

⁸ См.: Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е: С 1649 по 12 декабря 1825 г. СПб., 1830 (далее – ПСЗ-I). Т. 24. № 18006.

⁹ Подсчитано по: РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 1194. Л. 23–25.

¹⁰ См.: ПСЗ-I. Т. 37. № 28124.

¹¹ См.: РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 1183. Л. 118 об.

¹² Подсчитано по: РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 1194. Л. 23 об.

- ¹³ См.: ПСЗ-I. Т. 40. № 30459.
- ¹⁴ См.: Черепнин Л.В. Русская метрология. Л., 1967. С. 81.
- ¹⁵ См.: РГИА. Ф. 1589. Оп. 2. Д. 125.
- ¹⁶ Финансовые потери выглядят еще более значительными, если принять в расчет средства, вложенные в 1760-е гг. в строительство трех колоний в Ямбургском уезде Санкт-Петербургской губернии, которые в силу своей отдаленности от столицы не рассматриваются в данной работе. В соответствии с указом Екатерины II от 17 августа 1793 г. эти колонии по причине своего бедственного экономического положения были полностью освобождены от уплаты долга казне, составлявшего 40% совокупного долга всех «старых» колоний. (См.: РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 1138. Л.12.)
- ¹⁷ См.: Лехнович В.С. К истории культуры картофеля в России // Материалы по истории земледелия в России. М.; Л., 1956. Т. 2. С. 264.
- ¹⁸ См.: РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 1138. Л. 32; Ф. 1589. Оп. 2. Д. 523. Л. 11.
- ¹⁹ См.: РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 1194, 1200.
- ²⁰ См.: Бразевич С.С. Удельные крестьяне Санкт-Петербургской губернии в конце XVIII – середине XIX века: Дис. канд. ист. наук. СПб., 1993 (рукопись). С. 140; РГИА. Ф. 1589. Оп. 2. Д. 256. Л. 12.
- ²¹ Гернет А. Немецкая колония Стрельна под Петербургом: 1810 – 1910: Юбилейный листок в память столетия существования колонии. СПб., 1910. С. 12.
- ²² РГИА. Ф. 1589. Оп. 2. Д. 153. Л. 66.
- ²³ См., напр.: Бразевич С.С. Удельные крестьяне Санкт-Петербургской губернии...; Высокочков Л.В. Государственные крестьяне Санкт-Петербургской губернии в предреформенный период (1836–1866 гг.): Дис. канд. ист. наук. Л., 1980 (рукопись).
- ²⁴ См.: Материалы по статистике народного хозяйства С.-Петербургской губернии. Вып. I – XVII. СПб., 1882–1895.
- ²⁵ Подсчитано по: РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 1200.
- ²⁶ См.: ПСЗ-I. Т. 25. № 19146.
- ²⁷ См.: РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 1200. Л. 147 – 149 об.
- ²⁸ См.: Там же. Ф. 383. Оп. 29. Д. 1201, 1202; Ф. 1589. Оп. 2. Д. 250 и др.
- ²⁹ См.: Воронезцев А.В. Миграционные процессы в поволжских колониях в XIX в. // Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект: Материалы международной научной конференции. Анапа, 26 – 30 сентября 1997 г. М., 1998. С. 98 – 99.
- ³⁰ Подробнее см.: Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект // Материалы международной научной конференции. Анапа, 26 – 30 сентября 1997 г. М., 1998.
- ³¹ См.: РГИА. Ф. 1589. Оп. 2. Д. 153. Л. 66 об.– 67.

- ³² Там же. Ф. 1291. Оп. 66. Д. 19. Л. 5 об.
- ³³ См.: Там же. Л. 4 об.
- ³⁴ Регламентировался «Правилами 4/16 июня 1871 г.» (ПСЗ-II. Т. 46. № 49705).
- ³⁵ Регламентировался законами от 2 ноября 1863 г. (ПСЗ-II. Т. 38. № 40183) и от 1 февраля 1877 г. (ПСЗ-II. Т. 52. От. 1. № 56910).
- ³⁶ См.: Шрадер Т.А. Правовая и культурная адаптация немецких колонистов в Петербургской губернии в пореформенное время // Петербург и губерния: Историко-этнографические исследования / Сост. и отв. ред. Н.В. Юхнева. Л., 1989. С.137.
- ³⁷ См.: Гернет А. Немецкая колония Стрельна под Петербургом. С. 14.
- ³⁸ См.: РГИА. Ф.1589. Оп. 2. Д. 216.
- ³⁹ См.: Юхнева Н.В. Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга. Л., 1984. С. 182.
- ⁴⁰ См.: Busch M. Deutsche in St. Petersburg 1865-1914: Identität und Integration. Essen, 1995.
- ⁴¹ См., напр.: Швецов М. Столетний юбилей Среднерогатской колонии // Петербургский листок. 1866. № 123.
- ⁴² См.: Najdic L. Deutsche Bauern bei St. Petersburg-Leningrad. Dialekte-Brauchtum-Folklore // Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik. Beihefte. Hf. 94. Stuttgart, 1997.
- ⁴³ Цит. по: Koch E. Die Deutschen Kolonien Nordrusslands. S. 21.
- ⁴⁴ См.: РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 1195.
- ⁴⁵ См.: Бахмутская Е.В. Немецкие колонии Санкт-Петербургской губернии. 1760-е – 1870-е гг. Дис. канд. ист. наук. СПб., 2003 (рукопись). С. 159 – 172.

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СРЕДЕ НЕМЕЦКИХ КОЛОНИСТОВ ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ (ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ) (XIX – XX вв.)

Т. А. Шрадер

Обретение новой родины различными народами обусловлено множеством причин: политическими, экономическими, социальными, изменившиеся условия жизни влияют на традиционную культуру, но ни в коем случае не разрушают ее. Налаживание нового хозяйства, строительство нового дома, воссоздание привычного быта в незнакомых условиях, среди другого народа, с одной стороны, требует отказа от ряда черт традиционной культуры, с другой – укрепляет ее и способствует новому осмыслению традиций.

О немецких колонистах в Петербургской губернии в настоящее время имеется значительное число публикаций об их истории, географии их расселения, демографии, экономическом состоянии, образу жизни, но этнографический аспект этой группы населения по отдельным колониям изучен довольно слабо. К сожалению, сейчас осталось чрезвычайно мало носителей традиционной культуры немецких крестьян этого региона, которые могли бы донести до нас сведения о повседневной жизни. За последние годы вышло ряд работ о жизни и традициях колонистов под Петербургом. Прежде всего необходимо указать на монографию Л. Найдич «Deutsche Bauern bei St. Petersburg-Leningrad. Dialekte-Brauchtum-Folklore»¹. Эта монография является плодом многолетнего труда автора, которая на базе большого количества научных работ русских, советских и зарубежных исследователей, а также используя данные 19 информантов – потомков немецких колонистов, представила широкую картину жизни немецких колонистов под Петербургом. В книге практически затронуты все аспекты жизни немецких крестьян. Большим достоинством работы является то, что автор провела глубокий анализ фонетических, лексикологических и других особенностей немецкого языка колонистов на фоне довольно подробного описания их традиционной культуры. В книге представлена краткая информация об информантах и фотографии из их семейных архивов. Статьи: а) С. Бокариус «Die traditionelle Kultur der Deutschen des Gouvernements Petersburg.

Historische und ethnographische Aspekte»², в которой в основном использованы материалы фонда Министерства государственных имуществ, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве и б) Л. Э. Найдич «Быт и образ жизни немецких колонистов под Петербургом»³, написанная на основе опубликованных зарубежных работ и сведений информантов, имена которых указаны в статье, в определенной степени раскрывают этнокультурные традиции колонистов под Петербургом в целом. Отрадно отметить, что к вопросам традиционной культуры немецких колонистов проявляют интерес и молодые исследователи. При Санкт-Петербургском Дворце творчества юных проходят историко-краеведческие чтения, и одна из участниц, Ольга Тупахина, провела исследования по немецкой колонии на 11 версте Петергофской дороги, колонии Красненькая, встречалась с представителями семей Шефер и Берч. В 2002 г. статья О. Тупахиной опубликована в книге «Наследники Великого города» (вып. 11)⁴. В 2002 г. на Четвертой конференции «Немцы в Санкт-Петербурге. Биографический аспект» сотрудница БАН Н. М. Сысоева сделала доклад «Немецкая колония Овцыно – прошлое и настоящее». И уже в 2004 г. на городской историко-краеведческой конференции учащихся «Многонациональный Петербург» с докладом «Немцы в Колпино (немецкие ижорские колонии)» выступила В. Филимонова. Безусловно, работы в этом направлении будут проводиться и в дальнейшем. В феврале 2003 г. была защищена диссертация Е. В. Бахмутской «Немецкие колонии Санкт-Петербургской губернии. 1760-е – 1870-е гг.».

В книге «Историческое обозрение пятидесятилетия деятельности Министерства государственных имуществ (1837–1887)» было указано следующее: «Все узаконения, определяющие права колонистов, их льготы и внутренне устройство колонистской администрации, состоялись в прошедшем и первых годах нынешнего столетия. Узаконения эти настолько соответствовали в первое время условиям жизни колонистов, что колонии быстро развивались, умножались числом и богатели, но впоследствии, когда жизнь колоний стала и шире, и многосложнее, узаконения о колонистах, вошедши в свод законов, перестали соответствовать требованиям времени, так как они изолировали колонистов и мешали им слиться с общим населением империи»⁵. В 1850 г. была создана особая комиссия при Министерстве государственных имуществ, в задачу которой входило разработать новые законопроекты по российским колонистам, но работа в ней была приостановлена В 1871 г. были опубликованы правила об устройстве поселян собственников, водворенных на казенных землях в губерниях. Об

этом документе имеется довольно подробная опубликованная информация. Эти правила в определенной степени изменили социально-правовое положение немецких колонистов, но традиционный порядок их повседневной жизни не был нарушен.

В первой половине XIX в. у немецких крестьян, поселившихся около столицы России, сложился определенный уклад жизни, который регламентировался «Инструкцией для внутреннего распорядка и управления в Санкт-Петербургских колониях». Административный порядок их жизни мало отличался от принятого в других немецких колониях России: в каждой колонии имелся приказ, в котором хранились документы, находившиеся под контролем выборного на 3 года старосты; в помощь старосте избирались выборные на 2 года. Руководство колонии следило за порядком, состоянием мостов, дорог и пр. В обязанности крестьян входило содержать старосту, выборных и пастора. За всеми этапами земледельческого цикла следил староста. Уже в начале XIX в. немецкие крестьяне использовали трехпольную систему земледелия и переходили на шести-семипольную. В земледелию детей приучали с ранних лет, привлекая их к прополкам и очищению полей от камней. Ежегодно во всех селениях заполняли «запасные магазины»-складские помещения для хранения сельхозпродуктов, собранных с каждого двора⁶. Основными сельскохозяйственными культурами немецких крестьян в Петербургской губернии были рожь, овес и картофель. В колониях интенсивно развивалось молочное скотоводство, молоко поступало на рынок Петербурга. Широко было развито огородничество и садоводство. Селения крестьян располагались на небольших расстояниях от мегаполиса, и это позволяло им, помимо торговли там плодами своего труда, собирать в городе и окрестных населенных пунктах нечистоты для удобрения своих полей. К примеру, эта деятельность колонистов Новосаратовской колонии вызывала недовольство у жителей из Рыбной слободы, располагавшейся на противоположном берегу Невы. Дело в том, что немецкие колонисты привозили собранные фекалии по реке на плотках, разгружали его, поднимали вверх в колонию по высокому берегу, при этом засоряли у этого берега тони русских рыбаков, где гибла рыба. На протяжении нескольких лет, в 1850-е годы, тянулась тяжба между жителями этих селений, причиной судебного разбирательства была гибель в тонях рыбы и дурной запах. Дело кончилось тем, что немецкие колонисты должны были поменять место доставки нечистот⁷.

Но деятельность немецких крестьян не ограничивалась только землепашеством. Около поселений они строили различные заводы, продукция ко-

торых позволяла им быть независимыми от окружающих условий. Так, например, к середине XIX в. около Петергофской колонии был построен кирпичный завод, около Новосаратовской и Франкфуртской – лесопильный завод, около Среднерогатской колонии – конебойный завод, в ведении общины Среднерогатской колонии, в местечке под названием Новенький, находились два дома, в которых располагался постоянный двор⁸.

В XIX и в XX вв. колонисты составляли незначительный процент от общего числа крестьянского населения Петербургской губернии. Представленные данные получены из различных источников, а ряде случаев подсчетом жителей в различных колониях в определенные годы. Число колоний росло за счет покупки земельных участков жителями старых колоний. В процессе работы по этой теме составлена карта-схема размещения немецких колоний в Петербургской губернии. За основу была взята карта Петербургской губернии до 1917 г., на нее наложена карта Ленинградской области, и поскольку известно в каких населенных пунктах были колонии, была составлена эта схема. И хотя, может быть, на карте отображены не все немецкие колонии, она все же дает представление о нахождении поселений немецких колонистов в рассматриваемой нами губернии.

В немецких колониях под Петербургом сохранялся характерный для колоний план построения – они представляли собой одну длинную улицу, иногда встречались параллельные или перпендикулярные. В центре, как правило, находилась кирка. Строились колонии в удобных местах – на берегу реки (Новосаратовская и Ижорская) или на важном дорожном тракте (Среднерогатская). Ширина улиц бала различной, частично мощеной, по обеим сторонам были канавы, через которые были уложены мостки. Каждая семья следила за состоянием мостков около дома. На представленных планах начала XIX в. видны основные направления планирования колоний⁹.

В начале создания колониетских поселений дома строились по утвержденным проектам. Но типовые проекты постепенно меняли облик, стиль, архитектура, приближаясь к дачному – с верандой, мезонином. Такие дома представлены на фотографии домов немецких крестьян в Новосаратовской колонии, сделанные в 1960-е годы¹⁰. Во дворе колониета был сарай, хлев, другие хозяйственные постройки, а также летний дом для дачников из Петербурга. Из воспоминаний потомка колониетов с 11(12) версты Петергофской дороги Николая Фёдоровича Берча узнаем: «У государства было условие, чтобы все дома были двухэтажными (вторым этажом был мезонин), перед ними сад, обнесенный забором, в саду должен быть газовый фонарь; чтобы были мосты (через отделяющую участок от шоссе канаву), а

около мостов скамейки». Дома, по словам информатора, были розового цвета, а крыши с красной черепицей, двор вымощен булыжником. Хозяйева участка должны были следить за примыкавшей к их дому дорогой¹¹.

По данным Л. Э. Найдич, с начала XX в. до 1942 г. интерьер дома немецкого крестьянина под Петербургом скорее напоминал квартиру городских жителей среднего достатка: мебель из красного дерева, бархатные диваны, зеркальные шкафы, буфеты. Украшены дома были различными безделушками из городских магазинов и самодельными скатертями, салфетками и др. Обязательно на подоконниках горшки с цветами¹². Кухня была местом, где семья собиралась за столом, причем плита, на которой готовили пищу называлась заимствованным из русского языка словом «Plitt». Но в доме могла присутствовать и русская печь для хозяйственных нужд. Названия в некоторых колониях кухонных предметов отличалось друг от друга. Например, по тому как крестьяне называли деревянный сосуд для воды, определяли из какой он колонии¹³. Нет надобности говорить о характерной для немецких колонистов чистоте содержания дома. По данным О. Тупахиной, немецкие колонисты, где жили семьи Шефер и Берч, оказывали значительное влияние на местных жителей. Немцы не учили русских целенаправленно. Само соседство оказывало благотворное влияние. До середины XX в. хозяйство немцев было примером для русских. Старожил района, Ирина Антоновна Якимович, вспоминала, как она в 1930-е годы покупала молоко у Софьи Ивановны Шефер и о том какая чистота была в домах немцев¹⁴. Фотография, сохранившаяся в семейном архиве Шефер, представляет Софью Ивановну с детьми (1930-е гг.). Не меньший интерес представляет фотография Христины Петровны Шефер (1889–1979 гг.), снятой в национальном костюме, который носили немецкие колонистки, а также Петра Михайловича (185?–1928 гг.) с женой Екатериной Петровной Шефер (Берч) (1862–1941 гг.). Представленные фотографии подтверждают вывод Л. Найдич о том, что в каждодневной жизни одежда немецких колонистов под Петербургом мало отличалась от городской, а в торжественных случаях немки одевались в национальные костюмы с вышивками на передничках. Традиционные и характерные для немецких крестьян под Петербургом особенности – немецкая кухня, подготовка и проведение семейных праздников – дни рождения детей, Рождество и др., в целом мало отличались от общепринятого уклада жизни немцев России.

Как правило, семьи колонистов были многодетными. Архивные материалы дают интересные факты внутрисемейных отношений колонистов. Так, в 1893 г. при переезде двух семей Эйкстеров из Новосаратовской в Колпин-

скую общину один из Эйкстеров, уезжая со второй женой и детьми, оставил в проданном доме свою бывшую жену. По договору новый владелец усадьбы должен был содержать эту женщину до ее смерти, предоставить ей помещение в доме, оплачивать пропитание и отопление ежемесячно в размере 6 рублей серебром¹⁵. Не меньший интерес представляет собой завещание Адама Штро от 1874 г., в котором покойный распорядился, чтобы его жена проживала в доме одного из ее сыновей, остальные должны были платить ей по 20 рублей в год, а большой старший сын этой семьи получал от родственников одежду, мог проживать у одного из братьев (а их было трое) и ежемесячно получать от каждого по одному рублю. Две девицы этого семейства получили богатое приданое, а несколько замужних дочерей он не включил в завещание¹⁶.

Колонисты в XIX веке уделяли внимание школьному образованию своих детей. Преподавание в сельских школах и училищах велось исключительно на немецком языке. Школы были практически во всех крупных населенных пунктах. В середине XIX в. в колонии Стрельнинская учились от 60 до 80 детей. Сельские училища находились в Среднерогатской, Стрельнинской и Ижорской колониях¹⁷. Близость столицы России, где проживало значительное число образованных немцев, не вызывали труда найти учителя для школы. Училища и сельские школы до 1881 г. были в ведении Министерства государственных имуществ, после 1881 г. они перешли к Министерству народного образования. В 1913 г. этим министерством были изданы «Правила о начальных училищах для инородцев», а это касалось и немецких поселенцев. По этим правилам преподаванию русского языка уделялось большое внимание, преподаватель русского языка должен был быть русским подданным и владеть родным языком учащихся. Таким образом, русский язык с этого времени активно внедрялся в среду немецких колонистов. Но в 1914 г. началась Первая мировая война, которая внесла коррективы в жизнь немцев в России. В 1920-е годы новое правительство не препятствовало развитию школ нацменьшинств. Немцы-активисты из Петрограда-Ленинграда уделяли внимание обучению сельских школьников немецкому языку, ибо за годы войны многие из них уже не могли свободно владеть родным языком. Власти пытались обеспечить школы учебниками, но, как правило, дело обучения языку продвигалось очень медленно, не хватало учебников и учителей. В 1924 г. в Москве были организованы 11-месячные курсы по подготовке учителей сельских школ, составлялись программы обучения немецких крестьян. В сельских немецких школах ряды учителей пополнялись выпускниками Немецкого педагогического технику-

ма. После начала коллективизации школы в организованных на базе немецких колоний колхозах продолжали работать, в них создавались пионерские организации, политизированная учебная программа немецких сельских школ отражала процессы, происходившие в советской школе 1930-х годов¹⁸. В 1938 г. все школы нацменьшинств в СССР были закрыты.

В XIX в. в колониях активно развивалась общественная инициатива, организовывались общественные библиотеки, духовые оркестры, хоровые коллективы. Хор певцов из колонии Фриденваль, например, участвовал в концертах И. Штрауса в Павловске. После 1917 г., особенно в период военного коммунизма, немецкие колонисты были поставлены в очень тяжелые условия. Власти брали с них в три раза больший объем продналога, чем с соседних селений. Но все же архивные документы того времени, а именно протоколы различного рода общих собраний и руководства колоний, в частности Новосаратовской и Стрельнинской, показывают, что культурная жизнь немецких крестьян в 1920-е годы сохранялась. Так, в 1921 г. в Новосаратовской колонии действовал музыкальный кружок, который состоял из 25 человек, причем игрой на фортепиано занимались с подростками и взрослыми, «у которых руки не огрубели от работы», существовал научный кружок, на заседаниях которого слушались лекции по географии, немецкому языку, физике, астрономии, истории, электротехнике, посещали колонисты политический и литературный кружки, и конечно, работал драматический кружок¹⁹.

В протоколе общего собрания немецкого клуба Стрельнинской колонии от июня 1921 г. читаем, что библиотека открыта по понедельникам и пятницам, намечено пригласить А. Шмидта инструктором со всем составом его учеников для зачисления в оркестр клуба, танцевать надо по-старому, соблюдать приличия и полное подчинение дирижеру²⁰, а в протоколе от 17 мая 1921 г. записаны мероприятия по подготовке празднования Духова дня 20 июня, а именно мытье полов, уборка помещения и др.²¹. Тяга к культуре у немцев сохранялась и в 1930-е годы. Они выезжали в Ленинград на различного рода культурные мероприятия в немецкий коммунистический Дом просвещения им. Левинэ.

До создания колхозов немецким крестьянам удалось сохранить традиции, связанные с христианскими праздниками, а также прежний уклад жизни.

С наступлением эры колхозов жизнь немецких крестьян была под контролем местного партийного руководства, в общественных помещениях размещались стенгазеты, красные уголки. Но судя по статьям в газете

«Rote Zeitung», выходившей в Ленинграде на немецком языке, и протоколам заседаний руководства немецких колхозов, внедрение в их жизнь новых, можно сказать чуждых им порядков, проходило с большим трудом. Но все же немецкие крестьяне сохранили ряд общественных праздников, например, Праздник урожая. Необходимо отметить, что трудолюбие и умение организовать работу способствовало тому, что немецкие колхозы в 1930-е годы добивались значительных успехов.

В годы советской власти в немецких поселениях, которые до этого времени были моноэтническими, начинали проникать представители других национальностей, в основном русские, и характерная этническая гомогенность немецких поселений – колоний – постепенно исчезала. Но конфессиональная принадлежность, стремление сохранить немецкий язык в общении, особенности хозяйствования и специфика уклада жизни немецких крестьян около Ленинграда сохранялась и в советское время, хотя, судя по статьям газеты «Rote Zeitung», немецкие колхозники, вступившие в ряды коммунистической партии, пытались вести борьбу с «прошлым буржуазным бытом».

За годы существования немецких поселений в Петербургской губернии в них сложилась, можно сказать, уникальная культура. Немецкие традиции, которые были привнесены из различных регионов Германии, безусловно, в определенной степени находились под влиянием русских, а иногда и финских соседей. Так, например, в колонии Овчино немцы проживали рядом с финнами, который поселились там в XVII в. Общение с культурой мегополиса, где немецкие крестьяне встречались с представителями различных национальностей, в первую очередь с городскими немцами, влияло на архаический образ жизни крестьян. К сожалению, эта культура безвозвратно утеряна.

¹ См.: Najdic' L. Deutsche Bauern bei St. Petersburg - Leningrad. Dialekte-Brauchtum-Folklore; ZDL Beihefte, Heft 94, Franz Steiner Verlag Stuttgart, 1997 - 241 S.

² См.: Bokarius S. Die traditionelle Kultur der Deutschen des Gouvernements Petersburg. Historische und ethnographische Aspekte // Der Beitrag der Deutschbalten und der städtischen Russlanddeutschen zur Modernisierung und Europäisierung des Russischen Reiches im 18. und in der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts. Köln: Verlag Wissenschaft und Politik, 1996. S.95– 102.

³ См.: Найдич Л. Быт и образ жизни немецких колонистов под Петербургом // Немцы в России: Сб. статей. СПб., 1998. С. 101 – 107.

- ⁴ См.: Тупахина О. 11-я верста Петергофской дороги // Наследники Великого города. Вып. 11: Фрагменты докладов учащихся Санкт-Петербурга на городских историко-краеведческих чтениях. СПб., 2002. С.12–14.
- ⁵ Историческое обозрение 50-летней деятельности Министерства государственных имуществ. П часть, 1837–1887 гг, СПб., 1887. С. 128.
- ⁶ См.: Полное собрание законов Российской Империи. 1830. Т. XXVII. № 20798, 1803; Шрадер Т. А. Поселения немецких крестьян-колонистов в петербургской губернии в XIX в. и в первые два десятилетия XX в. // Немцы в России. СПб., 1998. С. 86.
- ⁷ См.: Шрадер Т. А. Правовая и культурная адаптация немецких колонистов в Петербургской губернии в пореформенное время // Петербург и губерния. Историко-этнографические исследования. СПб: Наука, 1989. С.136.
- ⁸ См.: Списки населенных мест Санкт-Петербургской губернии. СПб., 1864. С. 12, 17, 134, 202.
- ⁹ См.: Топографическая карта окружности Санкт-Петербурга, исправленная 1817 года и гравированная в Военно-топографическом депо при Главном Штабе его Императорского Величества. СПб., 1817.
- ¹⁰ См.: Найдич Л. Быт и образ жизни... С. 103.
- ¹¹ Тупахина О. 11я верста... С.13.
- ¹² См.: Найдич Л. Там же. С.103.
- ¹³ См.: Найдич Л. Там же. С.104.
- ¹⁴ См.: Тупахина О. Там же С.13.
- ¹⁵ См.: Санкт-Петербургский Государственный исторический архив. Ф. 258. Оп.3. Д. 222. Л.188, 299.
- ¹⁶ См.: Там же. Ф.190. Оп. 4. Д. 484. Л. 3, 4.
- ¹⁷ См.: Список населенных мест ... С.12, 156.
- ¹⁸ См.: Шрадер Т. А. Школьное образование в немецких колониях Ленинградской губернии в 20-х годах XX в. // Немцы и развития образования в России. СПб., 1998. С. 267.
- ¹⁹ См.: Центральный Государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 2552. Оп. 1. № 929. Л.64 – 66.
- ²⁰ Там же. Л. 67 – 68.
- ²¹ Там же. Л. 80, 80 об.

ИЗ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ НЕМЕЦКИХ ПОСЕЛЕНИЙ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Т. Чернова

За прошедшее десятилетие в отечественной исторической науке с разной степенью глубины разработаны различные аспекты истории и культуры этнических немцев в России, в частности на Северном Кавказе. Однако вопрос о возникновении здесь немецких поселений слабо освещен в новейшей историографии. Имеющиеся статьи дают обзорное представление о ходе становления немецких и меннонитских колоний и хуторов; вызывает сомнения в четкости представленная Т.Н. Плехотнюк периодизация «немецкой колонизации» края (статья которой дословно повторена в книге, опубликованной по диссертации).¹ В работе допущены неточности в датах, географических названиях, фамилиях, сносках; проблема рассматривается вне контекста региональной истории.² Представляется не совсем корректным включение автором в регион Северного Кавказа дореволюционного периода территории Области Войска Донского, собственное военно-административное управление которой (вне Кавказского наместничества) и специфика более позднего, с 70-х годов XIX в., поселения здесь немцев в статусе поселян-собственников выделяют ее в отдельный объект исследования.³ Дополнительные сведения о немцах на Юге России содержит справочник Терещенко/Черненко.⁴ В современной исторической и краеведческой литературе порой отсутствует даже упоминание о небольшой этнической группе немцев как составной многонационального населения Северного Кавказа.⁵ Видимо, причина кроется не только в живучести стереотипов советской эпохи, в небрежении к истории дисперсно расселившегося этноса и его трагической судьбе или в этнической и политической напряженности в регионе, но и в слабой разработанности темы. К примеру, на сегодня совершенно не рассмотрены такие аспекты, как роль немцев в русской армии на Кавказе, в структуре развивающихся городов, в становлении торговли и промышленности края; положение колонистов в годы революционной ломки и Гражданской войны. Ввиду этого уточнения и конкретизация темы, выявление региональных особенностей и специфики поселения немцев и меннонитов представляется нам актуальным для серьезного исследования проблемы.

Ко времени официального введения термина «Северный Кавказ» в середине XIX в. это был регион между Черным и Азовским морями и Каспий-

ским морем (на севере границей была Кумо-Манычская впадина, с юга – система Главного Кавказского хребта), территория которого постепенно «прирастала» к Российской империи в результате ряда русско-турецких и русско-иранских войн.⁶ С падением Астраханского ханства в 1556 г. граница России продвинулась до р. Терек; в 1735 г. для закрепления границы на р. Терек была построена крепость Кизляр, и позже – Моздок (1763 г.) и Моздокская оборонительная линия. От Терека до Моздока возникали казачьи станицы.

В результате русско-турецкой войны 1768–1774 гг. по Кючук-Кайнарджийскому мирному договору к России отошли Керчь, выход к Черному морю и земли до рек Ея и Кубань; присоединена Северная Осетия и было подтверждено вхождение в состав империи Кабарды (в 1557 г. она приняла российское подданство). Весной 1777 г. «новороссийский, азовский и астраханский» генерал-губернатор князь Г.А. Потёмкин представил Екатерине II докладную записку, в которой изложил план колонизации и свое видение экономического освоения Предкавказья, обосновав идею создания оборонительной линии. Для закрепления новой южной границы в 1777–1780 гг. создается Азово-Моздокская линия укреплений (10 крепостей), правый фланг которой переносится на р. Кубань, левый – до крепости Моздок. (Место расположения штаба линии и Кабардинского полка – крепость Св. Георгия, Георгиевская, откуда полковник Н.Н. Ладыженский руководил строительством линии.) Императрица повелела пространство на 500 верстах заселить Волгским (Волжским) казачьим войском, и по указанию князя Г.А. Потёмкина было решено переселить на создаваемую линию хоперских казаков с Дона и перевести часть регулярных войск. Это были первые шаги к активному заселению присоединенной территории.

В 1783 г. был издан манифест Екатерины II о присоединении Крыма и территории Кубанского и Таманского побережья, принята под протекторат Восточная Грузия (Георгиевский трактат). С учетом этого в начале февраля 1784 г., согласно указу императрицы, для «единообразного управления кавказскими делами» было образовано наместничество, объединившее Саратовскую губернию с Кавказским краем под управлением командующего Кавказской линией П.С. Потёмкина (троюродного брата князя Г.А. Потёмкина-Таврического). Однако это скорее формальное объединение обширных территорий явилось мерой, не способной решить назревшую задачу установления общероссийского управления. Стремясь скорее включить кавказский регион в единую административную систему, указом от 5 мая 1785 г. императрицей было учреждено Кавказское наместничество в

составе двух областей – Кавказской и Астраханской (резиденция переносится из Астрахани в Екатериноград). В именном указе от 9 мая 1785 г. «О устройстве Кавказской губернии и области Астраханской» во главе наместничества был назначен П.С. Потёмкин, а Кавказская область была названа губернией, несмотря на малочисленность населения.⁷ (В 1787 г. П.С. Потёмкин отзывается на войну с Турцией, и новый командующий Кавказским корпусом генерал П.А. Теккели переносит резиденцию в г. Георгиевск.)

Таковы вкратце предпосылки начавшегося массового переселения сюда казаков и крестьян, русского и украинского происхождения, для освоения огромной территории и защиты границ в условиях частых столкновений с горскими народами, их «хищнических набегов» на кордоны Кавказской линии и станицы и проявлений непокорности местных кочевых народностей (ногайцев, туркменов и др.). А поскольку казакам приходилось в силу обстоятельств быть в боевой готовности, неотложной задачей стали раздача земель помещикам, военным, чиновникам и организация переселения крестьянства из центральных губерний для хозяйственного освоения края.

Важной вехой в этом направлении послужили: рескрипт Екатерины II от 22 декабря 1782 г. «О раздаче желающим под поселение земель, составляющих обширную степь по линии Моздокской» – земли раздавать «без различия рода и звания тех желающих» – и указ Сената от 18 декабря 1784 г., закрепивший законодательно переселение однодворцев.⁸ Однако несмотря на щедрую раздачу лучших земель помещикам и высокопоставленным чиновникам (обязанным в течение 6 лет заселить земли крестьянами), ставка на крепостных крестьян не оправдала себя на практике. Всего до 1804 г. помещикам было роздано в предкавказских степях 623.306 дес. земли, из них свыше 160.000 дес. в период с 1785 г.⁹ Статистика о результатах интенсивной переселенческой политики правительства несколько расходится, но отражает тенденцию, что открытие Кавказского наместничества (официально в январе 1786 г.) стало стимулом дальнейшего переселения крестьянства. С самого начала правительство стремилось придать процессу крестьянской колонизации организованный характер. Указ от 1 июня 1785 г. «О доставлении ведомостей в Сенат о желающих селиться в Кавказском наместничестве...» разрешал круг вопросов, затронутых Высочайшим рескриптом от 9 мая, но относившихся непосредственно к компетенции Верховного правительства. В Сенатском указе 19 августа 1786 г. «О порядке переселения жителей из разных мест в Кавказское наместничество» определялись условия для новопоселенцев и полномочия намест-

ника.¹⁰ Однако на местах не успевали с организацией приема переселенцев, межеванием земли и т.п., что привело даже к временному приостановлению крестьянского движения. В именном указе от 24 февраля 1788 г. генерал-прокурором было объявлено: приостановить переселения казенных крестьян из разных губерний в южные приграничные губернии «до будущего повеления».¹¹ Не удалось избежать и наплыва самовольно прибывших. Во исполнение Высочайшего указа 31 января 1788 г. о мерах пресечения стихийных переселений правящий Сенат требовал сообщать о всех беспаспортных, беглых и стихийно пришедших, «кои сами собою пришли в Кавказскую губернию». 30 сентября 1788 г., заслушав рапорт Кавказского наместнического правления, Сенат издал специальный указ, согласно которому всех самовольных переселенцев (причисленных по недоумению Высочайшего Манифеста 28 июня 1787 г. «О разных дарованных народу милостях») требовалось непременно вернуть, а беглых крестьян – приписать к казенным поселянам наместничества, с зачетом в рекруты, если помещики согласятся.¹² Формально переселение государственных крестьян носило добровольный характер, но главной причиной к этому была нужда в земле. С 1785 по 1790 г. количество поселений государственных крестьян увеличилось с 19 до 38, с населением в 25 451 душу мужского пола.¹³ Однако намеченное в 1785 г. переселение в наместничество тысяч крестьян из внутренних губерний растянулось на десятилетия. В этой связи, утверждение в «Хайматбух» о том, что первые немецкие поволжские переселенцы появились в регионе в 30 – 40-е годы XIX в. **зادолго** до русских крестьян, является явно ошибочным.¹⁴ (Видимо, автор исходил лишь из реформы 1861 г. об отмене крепостного права, без учета переселения казенных крестьян.)

Появление в степном Предкавказье немцев с Поволжья относится к концу XVIII века. Но в количественном отношении их приток абсолютно не сопоставим с тысячами переселяемых. Да и сам факт неудачной попытки поселения колонистов вряд ли следует интерпретировать как явление «немецкой колонизации Северного Кавказа». Идея и план переселения «колонистов с луговой стороны Волги на линию, заводимую между Моздоком и Азовым», были изложены генерал-прокурором А.А. Вяземским (по устному согласованию с Г.А. Потёмкиным) в Высочайше утвержденном докладе от 27 октября 1778 г. и одобрены императрицей – резолюция «Быть по сему». Причем расходы по переселению предусматривалось возложить на Канцелярию опекунства иностранных. Доклад стал первым правовым актом о поселении немцев на Кавказе.¹⁵ Но ни ожидавшегося Высочайшего указа по этому поводу, ни разработки соответствующей программы Правительству-

ющего Сената и распоряжений по ее реализации так и не последовало. Скорее план следовало бы охарактеризовать как «декларацию о намерениях», так как правительство было всецело поглощено решением главной задачи времени – укреплением границы путем «приласкания» и усмирения местных народов и интенсивным переселением казачества и крестьянства.

Вопросы казачьей и крестьянской колонизации Северного Кавказа во второй половине XVIII – XIX вв. довольно глубоко и детально освещены в исторической литературе. В частности, – аспект заселения северо-западной части региона с формированием Черноморского войска, получившего по Высочайшей грамоте от 30 июня 1792 г. земли на Тамани и правобережной Кубани, подчиненные управлению Таврического губернатора (переселение сюда казаков бывшей Запорожской Сечи, отчасти с Дона – после подавления их сопротивления – и приток беглых). За 13 лет с 1787 г. численность Войска возросла почти в 40 раз.¹⁶ Мы затрагиваем с целью сопоставления лишь отдельные стороны и результаты государственной переселенческой политики и соответствующего законодательства. Только на этом фоне следует рассматривать переселение на Северный Кавказ немцев, которые стали неотъемлемой частью его многонационального населения. (Современные историки фактически отказались от традиционной интерпретации внутренних миграций, переселений немцев, как колонизации.)

На наш взгляд, весьма схематично выделять три этапа «немецкой колонизации» региона с эпохи Екатерины, включая 1920-е годы советской власти. Маркировка первого ее этапа 1778 годом противоречит собственному утверждению Т. Плохотнюк, что «до начала XIX в. в пределах Кавказской губернии не возникло ни одной самостоятельной немецкой колонии».¹⁷ Действительно, от одобрения Екатериной II доклада Вяземского до реалий образования первых немецких колоний был весьма долгий путь почти в 50 лет. Тот факт, что их образованию предшествовало обсуждение на высшем государственном уровне возможности переселения немцев-колонистов из Саратовской губернии, следует рассматривать лишь как предысторию вопроса. В хронологических рамках 1778 – 1917 гг. можно выделить ряд важных по исторической значимости промежуточных дат и этапов в процессе формирования немецкой группы населения.

Причины и предпосылки миграций на Северный Кавказ поволжских немцев в совокупности многообразны. Начальный этап реализации идеи их переселения, как и сама идея, был неразрывно связан с назревшими внутренними проблемами Саратовских колоний и совпал по времени с учреждением Кавказского наместничества. В русле государственной переселен-

ческой политики на Северном Кавказе казались разрешимыми противоречия, вызванные нехваткой земли, разорением колоний ввиду набегов киргиз-кайсаков, последствиями «пугачевщины» и неурожаев 1773/74 и 1778 гг., ростом долга колонистов. Урегулирование осложнившейся ситуации немецких левобережных колоний и выход из тяжелого экономического положения для Караманских и Тарлыцких колоний виделся, в частности, в переселении. (Тяжелые обстоятельства толкали на побеги из колоний и самовольное переселение колонистов, но ничто не способствовало их планомерному и организованному массовому переселению.) На видном плане были также фискальные интересы государства, забота о выплате колонистами казенного долга.¹⁸ Позитивную роль в развитии переселенческого движения немцев на Кавказ сыграл именной Высочайший указ (инициированный Канцелярией опекунства иностранных) от 18 апреля 1775 г. «О разборе поселенных около Саратова колонистов и об учинении им ссуды». Он регламентировал процедуру увольнения из колоний «неспособных» к земледелию поселенцев и определял их права, предусматривал выдачу им паспорта сроком на 1 год. (Ранее Саратовская контора опекунства неохотно отпускала колонистов по временным паспортам сроком до полугода.) Все признанные неспособными в числе 318 семей из 504 душ мужского и 415 женского пола были распущены по городам «упражняться в разных по их способности работах и получаемыми за то деньгами возвращать казенный долг», т.е. разрешался отход в города на заработки. В отношении других колонистов в п. 1 указа сказано: «всех способных снабдить в последний раз потребным к земледелию и пропитанию до урожая», а в п. 4 подчеркивалось, чтобы каждый старался трудами своими и «не полагал надежды на казенное вспоможение», ибо «ссуды им уже чинено не будет».¹⁹ При проведении тщательной ревизии каждого колонистского хозяйства было выявлено 224 семьи колонистов, имевших ремесленную специальность, не находившую спроса в колониях. 28 августа Контора получила указ Канцелярии опекунства о порядке выявления таковых самими сельскими обществами. Критерии определения неспособности по аттестатам общины были весьма размыты. Как отмечал в отчете по ревизии правобережных колоний осенью 1775 г. главный судья Саратовской конторы опекунства д. ст. сов. М.М. Лодыжинский, отдельные колонисты «показывали себя неспособными по собственной своей воле и единственно только для того, чтобы выттить из колонии».²⁰ Получая годичный паспорт, с указанием оставшихся на них долгов, колонисты были обязаны вернуть их через Канцелярию, Контору или ближайшие «правительственные» учреждения. На общества было воз-

ложено обеспечение «отходников» на заработки необходимыми средствами. Конкретизировав распоряжение Канцелярии, Саратовская контора в октябре 1775 г. установила порядок изъятия лошадей, скота, зерна и того более – если требовалось оплатить дорогу – у отъезжавших. Изъятые передавались колонистам-земледельцам, нуждавшимся в материальной помощи. Таким образом, 1775 г. явился своеобразной вехой в жизни поволжских колонистов.

С другой стороны, заинтересованная в скорейшем развитии нового края, в частности городов, Екатерина II повелела в рескрипте от 9 мая 1785 г., п. 4 : «Желающим из иностранных поселившимся в Саратовском наместничестве, для удобнейшего отправления торгов и ремесел их, поселиться в городах Кавказской губернии, дать в том дозволение на основании Городового Положения» (принятого 21 апреля 1785 г. – Т.Ч.).²¹ Вслед за этим 14 июля 1785 г. последовал Екатерининский Манифест «О дозволении иностранцам селиться по городам и селениям Кавказской губернии и отправлять беспрепятственно торги, промыслы и ремесла свои». Манифест заверял, что край «представляет надежное убежище и пользу для всех иностранных, кои по городам и селениям сея губернии пожелают основать свое жительство», и гарантировал свободу вероисповедания и освобождение на 6 лет от всякой государственной подати.²² Как правовой акт этот документ четко определял положение данной категории переселенцев (а на деле вел к утрате статуса колониста), давая зеленый свет для деятельности их в области торговли, ремесел и промыслов на льготной основе, что было важно для развития городов и не совсем адекватно с колонизацией, освоением земель.

К 1782 г. выехавшие с Волги из числа «неспособных» к землепашеству колонистов проживали в различных городах империи, долг с них стали собирать наместничества по месту их жительства. Роспуск «неспособных» колонистов продолжался вплоть до 1797 г. К тому времени было распущено еще около 300 семей, из них 50 семей – по упомянутому выше Высочайшему рескрипту от 9 мая 1785 г. на имя П.С. Потёмкина – переселились в города Кавказской губернии. Историками упоминается факт проживания в 1789 г. при Можарах 347 немцев из Саратовской губернии. В отношении их 1 июля 1794 г. был издан Сенатский указ «О воспрещении находящимся в Кавказском наместничестве колонистам, без ведома начальства и без письменного вида, отлучаться от своих жилищ в другие места или губернии».²³ Данный документ проливает свет на положение этих переселенцев из числа работников, откликнувшихся на «позыв» колонистам, «перейти в

новые заводимые города Кавказской губернии в купечество, в мещанство, цеховые» при условии, чтобы долг их был выписан и сообщен в эту губернию. По этому призыву (по предписанию Саратовской казенной Палате от 17 июня 1785 г. заместника П.С. Потёмкина, в соотв. с п. 4 Высочайшего рескрипта от 9 мая 1785) явилось из разных колоний колонистов, ремесленников и хлебопашцев, – 74 семьи (183 души муж. п. и 164 души жен. п.), которые (с приложением сведений в Кавказскую казенную Палату о числе душ и их летах, о семьях и о состоящем на них казенном долге около 32.692 руб.) были отправлены для поселения на земли в урочище Можары Моздокского уезда. По прошествии ряда лет, 1.07.1794 в Сенате слушали рапорт Кавказского наместнического правления, в котором сообщалось, что при осмотре казенных поселений на Кавказской линии директор экономии уже в июне 1891 г. никого в поселении из саратовских колонистов не нашел. Одни вернулись на прежнее жительство или ушли в посторонние губернии; другие пребывали по городам Кавказской губернии «на промыслах по даваемым билетам», так как на назначенном месте «по неудобности расположения» обзавестись домоводством не смогли, почему и была озвучена Кавказская казенная палата о сыске колонистов. Но правление наместничества отказалось от выделения нового участка, так как это место было назначено П.С. Потёмкиным в бытность его наместником.

Также стало явным, по обращению отдельных колоний в Саратовскую казенную палату и из ее сообщений в Кавказское наместническое правление, что переселившиеся работники уклонились от уплаты казенного долга, а их недоимки пали на колонистов, которые просили об исключении выехавших. Сложилась такая ситуация, что уже в 1787 г. 20 семей, 72 человека, просили лично директора экономии об отправлении на Волгу. Но, так как одни явились самовольно, без всякого письменного виду, а другие – с паспортами на год для жительства в городах Кавказской губернии, данными здесь в правлении, то требовались повеление кавказского наместника и отзыв правящего должность Воронежского и Саратовского генерал-губернатора Черткова о согласии оставить возвратившихся на жительство в Саратове. (А пока шла чиновничья волокита, в 1788 – 1789 гг. еще явилось с той же просьбой 10 семей.) По согласованию с Чертковым, так как самовольно вернувшиеся 109 душ уже обустроились и выплачивали недоимку, решено было оставить их «в соблюдение казенной пользы». Кавказская же казенная палата, без полномочий исключить их из своего наместничества, настаивала на возврате в Кавказскую губернию и представила этот вопрос для решения Сенату. Поскольку указы от 11 мая 1790 г. ко всем инстанци-

ям наместничества о «сыску разбежавшихся» переселенцев-колонистов успеха не имели, ко всем губернаторам была просьба от Кавказской казенной палаты – с приложением поименного списка – благоволить к беженцам. А по Кавказскому наместничеству даны были указы о поиске их и сообщении правлению, с намерением собрать от каждого письменное заявление, в какой именно губернии из двух он был намерен остаться. По вопросу о выделении вновь земли для поселения – а по рескрипту 9.05.1785 повелевалось приписать их по городам (в другое сословие) – следовало выяснить о желании их остаться в городах или уездах. Требовалось подтвердить Кавказскому наместническому правлению, чтобы впредь без уведомления начальства и без письменного виду не отлучаться от места проживания «под опасением в противном случае строгого за то взыскания». Такова история начального этапа первого периода переселения колонистов, решения, отразившие позицию правительства в его стремлении пресечь, удержать под контролем самовольные переселения колонистов, а также – волокиту в разбирательстве дел. Видимо, Канцелярией опекунства иностранных не предусматривалась трата своих средств на организацию такого рода переселения колонистов.

Большие перемены на рубеже веков – как в сфере верховной власти, так и в военно-политической обстановке в регионе, и в организации управления и т.п. – не могли не отложить отпечаток на дальнейший ход массовых миграций. Прежде всего с приходом к власти Павла I в 1796 г. наместничества как административная единица были упразднены. Территория Кавказского наместничества стала Астраханской губернией, из которой в 1802 г. вновь была выделена Кавказская губерния (центр г. Георгиевск). С присоединением Грузии в 1801 г. на Кавказе началась организация российской системы управления, было образовано новое Кавказское наместничество (с центром в Тифлисе), объединившее Закавказье и Северный Кавказ. В руках наместника государя сосредотачивалась вся военная и гражданская власть, в частности он решал окончательно о поселении колонистов. В 1802 г. были созданы министерства, и все переселенческие вопросы были переданы в ведение МВД. В этих условиях начался второй, несколько более результативный, но не сравнимый с казачье-крестьянской колонизацией, этап переселения немцев на Северный Кавказ.

В Поволжье настал сложный после 30 лет льгот период для колонистов: «платить подати и службы земские нести, как прочие подданные Империи». Один из важных факторов, изначала сдерживавших процесс переселения саратовских колонистов, – назревшая выплата колонистского долга

в казну, * (т.е. возврат государственных субсидий на обустройство). Он был расписан по колониям, а внутри них – по фамилиям, и колонистам запрещалось покидать колонии до погашения средств, за чем строго следила контора. Шло введение повинностей с 1799 г. (за начало отсчета был взят 1768 г. как год окончательного водворения). Указом 18 декабря 1808 г. колонисты были уравнены с казенными и удельными крестьянами в податях, с 12.03.1812 – полное уравнение колонистов с другими слоями российско-го крестьянства в фискальном отношении.²⁴ Далее, появилась надежда получить земли на правом берегу Волги, не поднимая семьи на Кавказ. Правовая основа для переселения в Поволжье была отчасти заложена рядом законодательных актов: указами от 4 декабря 1797 г., 4 сентября и 12 декабря 1802 г. признавалась необходимость наделения колонистов недостающей землей. Однако реализация указов началась лишь с 1816 г. и заметно затянулась. Вопрос этот подробно исследовал А.В. Воронежцев, отметив, что к 1867 г. удалось отселить лишь 44% избыточного населения.²⁵ Таким образом, постоянно имелась значительная часть нуждающихся в земле колонистов, многих из которых не оставляло желание переселиться на ближний Кавказ по причине малоземелья. После относительного успокоения «долгое неудовлетворение колонистов обещанной дополнительной землей вновь вызывало в колониях стремление к переселениям, но на этот раз уже за пределы колоний», писал Я. Дитц.²⁶

С конца XVIII в. развиваются столь интенсивные переселения на Северный Кавказ, что прирост только учтенного ревизиями населения с 1795-го по 1858 г. оказался здесь значительно выше (на 77,4%), чем в целом по стране – на 41,4%. В 1858 г. население составило 930 тыс. человек, из них 514 тыс. переселилось из внутренних районов страны.²⁷ К сдерживающим немецкую миграцию факторам следует отнести и периодические запреты на переселение в пограничные районы.

Большой наплыв переселенцев, беспорядочное и самопроизвольное заселение, несвоевременное размежевание земель, плохо поставленный учет, страшная путаница в сфере земельных отношений и т.д. вызывали потребность приостановить ход миграций, с целью уточнения количества казенных крестьян и пустопорожных земель. Свыше 1000 крестьян Кавказская казенная палата не принимала на водворение, так что немцы не были исключением. Указом 1812 г., по-существу, временно воспрещались переселения на Северный Кавказ. Причем власти следили, чтобы он исполнялся. Сенат подтвердил запрет в 1817 г., сняв его только в 1823 г.²⁸ Последовавший затем приток поселенцев можно рассматривать как очередной

этап в истории освоения Северного Кавказа. (В 1824 г. завершилась административная реформа Кавказского наместника генерала А.П. Ермолова по преобразованию Кавказской губернии в область, с центром в г. Ставрополь.)

Следует отметить еще один аспект, определивший специфику поселения немцев на Северном Кавказе. При всем благоволении наместника Ермолова к становлению немецких колоний в Закавказье, для первой половины XIX в. практически не свойственна иммиграция немцев в Предкавказье. С. Чекменев совершенно правильно считал первопричиной этого нестабильное положение, постоянные столкновения с горцами, вылившиеся в долголетнюю Кавказскую войну (1817–1864 гг.).²⁹ Усилиями правительства, Павла I и Александра I – массовый приток зарубежных колонистов (немцев и меннонитов, болгар, греков и др.) канализировался в другом направлении, в основном в степи Новороссии. Менялось и законодательство. Так, указ Александра I от 20 февраля 1804 г., «новые правила» о приеме и водворении иностранных колонистов – призыв на юг России – вносили существенные изменения к имевшемуся законодательству и сужали волну эмиграции с учетом имущественного состояния, социального статуса и семейного положения переселявшихся. А указом от 5 августа 1819 г. переселение иностранных земледельцев в Россию было запрещено (в октябре русским миссиям за рубежом было запрещено выдавать переселяющимся паспорта).³⁰

Первые очаги немецких поселений появились в Георгиевском уезде (Кавминводы) и у г. Святой Крест (основан в 1799 г., ныне г. Буденновск) Моздокского уезда.

Первая иностранная колония на Северном Кавказе, известная как Шотландская, позже – Кар(р)ас (п. Иноземцево), была основана в районе гор Бештау шотландскими миссионерами и стала местом притяжения саратовских колонистов, которые переселялись сюда явно по экономическим причинам, гонимые безземельем. Поэтому трудно согласиться с утверждением Т. Плохотнюк: «Причина появления *первого самостоятельного немецкого поселения* в Кавказской губернии была *религиозной*» (курсив наш – Т.Ч.).³¹ Шотландская колония была основана с целью миссионерской деятельности. Желание миссионеров Г. Бронтона и А. Петерсона (пробывших 8 месяцев в Астрахани) – основать колонию у крепости Константиногорской – было удовлетворено: представленный по этому поводу доклад Министра внутренних дел В.П. Кочубея был утвержден 22 ноября 1802 г. Александром I. Было велено выделить землю и разрешить закупать детей гор-

цев с целью постепенного их обращения в христианство, в чем усматривался и государственный интерес. В литературе высказывалась точка зрения, что правительство России надеялось привлечь горцев на свою сторону через посредство иностранных миссионеров, с помощью насаждения христианства. Видимо, этим и объяснялось внимание к колонии. «Высочайшей Грамотой от 25 декабря 1806 г.» царь даровал колонистам особые права, «выгоды и преимущества»: необходимое количество земли, свободу вероисповедания, освобождение от всяких повинностей и податей (на 30 лет, а по истечении срока платить по 15 коп. в год с занимаемой десятины), от воинской и гражданской службы, внутреннее самоуправление. Согласно этой Грамоте, колония могла пополняться и другими колонистами, что открывало путь для переселения сюда саратовских немцев.³² Как свидетельствует переписка МВД с Кавказским гражданским губернатором, в 1810 г. 25 семей обратились в Саратовскую контору о переселении, а пока она выясняла вопрос с МВД, 30 семей самовольно переселились в Шотландскую колонию. В 1813 г. здесь было 166 жителей: 26 британцев, 17 горцев и 123 немца.³³ Наглядно численное преобладание Саратовских колонистов, однако не все из них, а лишь причисленные к колонии, получали право на привилегии. Это вызывало трения, усилившиеся, когда после смерти Бронтона во главе колонии стал Петерсон. Ситуация вела к разрыву: немцы вынуждены были начать выселение. Основой для этого послужило положение Комитета министров от 29 сентября 1817 г. «О переселении немецких колонистов из Шотландской колонии в город Святой Крест».

Так в документах вопрос вышел за рамки местного конфликта, фискальные государственные интересы давали себя знать. Правительству следовало определиться, приняты ли немцы в ее члены и колонии какими следует их обложить повинностями (поскольку в Саратовских колониях они уже исправляли их наравне с казенными крестьянами), о чем и началась переписка. В 1816 г. в МВД поступили сведения от Кавказского гражданского губернатора о том, что часть переселенцев вернулась на прежнее место жительства, а оставшиеся просили о переселении «по возникшим с миссионерами несогласиям» (не дают пользоваться наравне с ними их правами) в окрестности г. Святой Крест. Пока шла волокита, саратовские переселенцы сами обратились в начале 1817 г. к министру В.П. Кочубею с просьбой о дозволении, предоставив письменное удостоверение жителей города о согласии принять их на поселение. Вслед за этим и гражданский губернатор, с отзывом о своем согласии, сообщил о самовольном переселении из колонии 13 семей. Интересно отметить, что А.П. Ермолов также обращал-

ся в МВД с предложением пригласить поселиться в Грузии иностранцев из Шотландской колонии, просивших о переселении. В представлении министра от 29 июля 1817 г. гражданский губернатор сообщил, что предложение на поселение в Грузии почти не нашло отклика у колонистов (хотя они отправили туда двух поверенных). В свою очередь он поддержал переселение 88 немцев в Святой Крест, рассудив, что жителей города они в земле не стеснят, и мастеровые из колонистов поступили бы в цеховые, а земледельцы – в уездные поселяне, с условием исполнения всех повинностей. В положении Комитета Министров от 29 сентября повелено: отвести им земли у г. Святой Крест по 60 дес. на семью и уравнивать в податях и повинностях, исключая рекрутскую, с казенными крестьянами Кавказской губернии. Что касается управления, они должны были иметь особого смотрителя на своем содержании (по примеру Черниговских и Беловежских колонистов) и состоять в непосредственном ведении губернатора.³⁴

Но конфликт не был разрешен окончательно. В письме-просьбе поверенного Шотландской колонии Я. Швагеруса наместнику Кавказа Ермолову был поднят вопрос об отводе живущим в колонии иностранцам земли для поселения. Последовало соответствующее предписание Ермолова (с копией письма Швагеруса) от 19 января 1819 г. командирующему войсками на Кавказской линии генерал-майору К.Ф. Сталю (в г. Георгиевск). В рапорте наместнику от 30 мая Сталь подчеркнул «неоспоримое право» проживающих в колонии иностранцев «отойти от миссионеров для переселения в другое место», для чего в наличии, по данным Кавказской казенной палаты, 147.329 дес. свободной земли в Георгиевском уезде. Сталь избрал к поселению этих иностранцев место между горами Лысою и Горячею, и они изъявили желание («избранное вами при самом Подкумке место нам необходимо»), испросив землемера для отмежевания по 30 дес. на мужскую душу и в запас – для приезжих семей и детей, ожидаемых народиться. Отправляя Ермолову в подлиннике прошение иностранцев из колонии Каррас от 3 апреля 1819 г. (с просьбой освободить их от отбывания «мирских тягостей» и разрешить воспользоваться, хоть с уплатою, лесом), Сталь высказал мнение, назначить земли по 60 дес. на наличную семью и дать просимую охрану из находящейся в колонии роты. К сожалению, документ не фиксирует название возможной колонии (Бетания?).

Однако вышедшие из Шотландской колонии по сделанному ими в 1819 г. объявлению колонисты, 21 семья, отселившиеся на земли, указанные им у г. Св. Крест, оказались в сложной ситуации. Они присоединились к 13 перешедшим туда ранее немецким семьям (которые платили городскому об-

ществу армян** за землю), продолжая по 1820 г. платить Шотландской колонии. И хотя всем 34 семьям в 1821 г. была отмежевана положенная норма земли, общество армян, обращаясь с необоснованными просьбами к начальству, продолжало не допускать их к владению; а областное начальство взыскало с колонистов якобы имевшуюся недоимку с 1816-го по 1823 г. в сумме 8531 руб. 12 коп. Оказавшись в затруднительном положении, колонисты обратились к министру внутренних дел В.П. Кочубею с просьбой снять с них эту недоимку (т.к. они платили) и закрепить за ними отмежеванный участок назначенной по положению Комитета министров от 29 сентября 1817 г. земли. В отношении от 22 июня 1823 г. граф Кочубей уведомил об этом наместника Ермолова.³⁵ Этот пример раскрывает изначальное отношение местной администрации к так называемой немецкой колонизации края. В данном письме Ермолову министр сетует, что на предписание МВД от 20 октября 1817 г. Кавказскому гражданскому губернатору об исполнении положения Комитета министров (как и на ежегодно повторяемые предписания начальству) насчет устройства немецких колонистов и соответствующих распоряжений областного начальства в министерстве так и нет никаких сведений. Правда, министр был озабочен не только обустройством колонистов для их блага, но и мерами «для пользы казны». Он запросил подробные сведения как о ходе переселения колонистов из Шотландской колонии, так и «по предмету взыскания с них податей... и накопившейся недоимки» и о причинах, почему им не отведена земля, без которой они не могут отбывать государственных податей и повинностей; и справедливо ли с них взыскивались ранее платежи. Итак, вопрос об обустройстве немецких переселенцев из Шотландской колонии рассматривался на высшем уровне, порой на основе жалобы. Но ни четкой правительственной программы «немецкой колонизации», ни организационных мер по проведению таковой в широких масштабах не было и в последующие годы.

Переписка министра внутренних дел А.А. Закревского с наместником Кавказа И.Ф. Паскевичем «по предмету нового устройства Шотландской колонии» засвидетельствовала углубление ее внутреннего конфликта. В отношении от 28 августа 1828 г. министр, высказав свои предложения, запросил мнение Паскевича. В послании от 2 ноября наместник выразил согласие на оставление шотландских колонистов в их правах. Но высказал свое особое мнение о саратовских колонистах: признав поселение колонистов близ курорта весьма полезным, оставить их на земле, остающейся после надела Шотландской колонии, в 860 дес., а если этого будет не достаточно, нарезать еще пустопорожних казенных земель. Паскевич предла-

гал: «позволить другим желающим колонистам там делать поселения», но без дарованных колонии преимуществ; для прекращения всяких разногласий между колонистами – «разделить совершенно между ними земли и самое внутреннее управление», позволив саратовским немцам избрать собственных старшин; и тех и других поручить под непосредственное начальство Кисловодского коменданта, который должен был наблюдать за их благосостоянием и «чтобы не было между ними никакого рода раздоров», применяя меры для пресечения и сообщая о виновниках начальнику области.³⁶ После подробного рассмотрения рассуждений шотландских, саратовских колонистов и базельских миссионеров (немцы из Швейцарии, поселились в 1821 г. близ г. Шуша в Карабахе, но просили дозволения правительства о переселении их в колонию Каррас) и всех обстоятельств дела Закревский представил его через Комитет министров на Высочайшее Его Императорского Величества усмотрение. В конце декабря министр уведомил Паскевича о получении утверждения от 15 декабря 1828 г. положения Комитета министров «О новом устройстве находящейся в Кавказской области Шотландской колонии». По положению следовало: 1. Оставить Шотландскую колонию при всех правах и преимуществах, дарованных в 1806 г., не возбраняя миссионерам обращение горцев в свое вероисповедание и прием в члены колонии; 2. Отвести 140 дес. земли 9 семьям крещеных горцев и 10 семьям принятых в члены колонии немцев; 3. Базельским миссионерам, при согласии членов колонии, дозволить поселиться с присовокуплением им всех прав; в случае перехода, базельских миссионеров или увеличения числа членов колонии отводить им также по 60 дес. на семейство; 4. Пастору Патерсону за 25-летние труды отвести 1000 дес. земли в потомственное владение; 5. Бывших саратовских колонистов в Шотландской колонии оставить на земле, которая останется за наделением шотландских колонистов, или отвести другую землю из казенных земель, дозволяя и другим колонистам селиться там, но всегда с согласия на их переход МВД; 6. Колонистам-переселенцам давать 5-летнюю льготу, потом сравнять их в податях и повинностях, кроме рекрутской, с крестьянами области (на основе положения Комитета министров 29.09.1817); 7. Предоставить Патерсону управление только шотландскими колонистами, а саратовским немцам позволить выбрать своих общественных старшин на общих предоставленных колонистам правах; и др.³⁷ Так, волей императора Александра I был разрешен вопрос об образовании колоний поволжских немцев. А. Закревский просил местные власти проследить, чтобы при отводе земли не было стеснений, особенно со стороны саратовских колонистов, которые, как ему ви-

делось из дел, «присвоивали себе донныне права Шотландской колонии единственно потому, что они произвольно поселились на части земли, формально отведенной сей колонии». Для чего и требовалось совершенно отделить их от шотландских колонистов, «дабы пресечь всякие с обеих сторон притязания».³⁸ В этой связи «дискуссия» по определению колонии Каррас «материнской» представляется нам бесплодной: произошло отселение пришлых колонистов ввиду конфликта, а не образование «дочерних» колоний. Речь шла о переустройстве Шотландской колонии, чтобы дать ей возможность «приселять к себе впредь обращаемых ими горцев». О серьезности намерений МВД свидетельствовал запрос плана земли Шотландской колонии с показанием отведенных и количества остающихся земель.

Однако на практике проходили долгие годы волокиты по оформлению поселений в статусе колоний. Куда были отселены саратовские колонисты, помимо г. Св. Крест? Из-за отсутствия точного учета сведения о датах и истории образовании первых немецких колоний расходятся. По мнению И. Апухтина, на отмежеванных у Шотландской колонии землях, уже в 1819 г. возникла колония Николаевская (Новониколаевская), в 5 км севернее будущего г. Пятигорска. Вторую колонию Константиновскую, как полагал краевед Е. Вейденбаум, основали саратовские переселенцы, вышедшие из колонии Каррас в г. Св. Крест, а позже обустроившиеся у Лысой горы (между Пятигорском и Георгиевском – Т.Ч.). Этой версии близка позиция С. Чекменева, который – на основе архивных данных – отмечал реальную возможность для немцев колонии в г. Св. Крест, 89 душ муж. пола, переселиться на левый берег р. Подкумок близ Лысой горы и обосноваться «на том самом месте, где поселились уже саратовские колонисты в числе 106 душ, прибывшие в Кавказскую область в 1834 г., или предоставить им самим избрать другую свободную землю».³⁹ Архивные данные – 1835 и 1837 гг. как годы основания (соответственно) Новониколаевской и Константиновской колоний – представляются скорее датами официального признания статуса колоний. Передача с января 1838 г. дел колонистов из МВД в ведение нового Министерства Государственных имуществ (МГИ) и реорганизация ведомственных учреждений на местах также отразились на ведении документации. Документ от 27 августа 1839 г. об устройстве управления обеих колоний – по распоряжению Пятигорского окружного начальника государственных имуществ – свидетельствует, что колонии уже официально находились под надзором в округе. Реализуя данное им в 1828 г. право на самоуправление, на полном сходе колоний были избраны из среды общин два бейзитцера и два шульца, но один на обе колонии

обер-шульц (староста). Кавказская областная палата государственных имуществ занималась устройством колоний, в контакте с курировавшим дела немецких колонистов в МГИ 1-м Департаментом и с местными структурами МГИ. К примеру, в ее запросе от 25 октября 1839 г. Пятигорскому окружному управлению выяснялось, предполагают ли колонисты обеих колоний произвести сбор на оплату избранного руководства, могут ли иметь и содержать русского писаря для дел в сельском управлении; была и просьба представить палате сведения об открытии сельского управления в местечке Св. Крест. В свою очередь Пятигорское окружное управление обращалось с запросами в Кавказскую областную палату государственных имуществ (например, запрос 6 сентября 1839 г., по сообщению старосты немецких колоний К. Целтмера об отказе общества колонии Каррас от выборов, на каком положении должна оставаться эта колония?)⁴⁰ В декабре 1839 г. был решен вопрос о новом образовании волостей и сельских обществ по Кавказской области. В дополнение последовало предписание 1-го Департамента МГИ от 29 января 1840 г. Кавказской палате, что колонии не должны были входить в состав волостей и сельских обществ, и следовало оставить их на прежнем положении, подчинив только надзору окружных начальников. А поскольку в области, «кроме Пятигорского округа немецких колоний в поселении нигде нет», предписание это дать знать окружному начальнику.⁴¹ По ведомости о числе государственных крестьян в Кавказской области на 1 января 1839 г. проходило колонистов 237 муж. п. и 120 жен. п.; по данным палаты государственных имуществ, в 1839 г. в Пятигорском округе насчитывалось жителей трех колоний 348 муж. п. и 268 жен. п.⁴² При всех расхождении статистических сведений явно одно, что это было «каплей в море» в общем потоке переселенцев (сравним 112 413 человек в 47 казенных селениях в 1840 г.: из них 81 543 – в Ставропольском округе, 29 860 – в Пятигорском и 1 010 – в Кизляро-Моздокском).⁴³

Первые самовольные переселения на Северный Кавказ причерноморских немцев также начались в 40-е годы, что документально подтверждается.⁴⁴ К этому времени появился интерес переселенцев к землям Ставропольского уезда, о чем свидетельствует прошение на имя министра Ги в отношении причисления 20 семей Екатеринославской губернии и 9 семейств прусских, которые не видели пользы поселения в окрестностях Пятигорска (где 3 колонии «с избытком снабжали курорты») и просились под Ставрополь: на один из свободных участков – в 2000 дес. близ с. Тугулука, в 45 верстах от города, или в 1409 дес. – ближе к Ставрополю. Водво-

рение немцев с разрешения МГИ и основание колонии Иогансдорф (Иоганнесдорф), западнее Ставрополя, служат классическим примером бюрократической волокиты и раскрывают сложности становления самоиницированных поселений. С момента водворения колонистов в Кавказскую область организационное оформление их поселения в статусе колонии порой тянулось годами. Переписка 1-го Департамента МГИ с Кавказской палатой государственных имуществ – запрос сведений о землях и о самих просителях, мнения относительно выгоднейшего поселения колонистов (если не близко от имеющихся колоний, то чтобы была возможность основать новые, которые составили бы особый округ) – осложнялась тем, что на мнение свое палата должна была испросить согласия начальника Кавказской области. Чиновничья волокита усугублялась тем, что за сведениями о колонистах из Екатеринославской губернии палате следовало обратиться в Попечительный комитет об иностранных поселенцах Южного края России. С получением всех нужных сведений требовалось разрешение министра государственных имуществ П.Д. Кисилева и Кавказского наместника. Так, переписка по всем инстанциям о причислении в Кавказской области сначала 13, а затем 20 семей колонистов из Екатеринославской губернии и 9 семей из Пруссии, длилась с 1843-го по 1847 г.

Наконец, гражданский губернатор И.И. Нордестам по приказу наместника М.С. Воронцова принял этих колонистов под особенное покровительство. (Интересно, что по просмотру ревизских сказок Попечительный комитет по списку 29 семей одних не находил, у других были искажены фамилии, а некоторые уже не жили под Ставрополем.) Обустройство колонистов затянулось, так как получить нужное для обзаведения хозяйством пособие они могли лишь по окончательному причислению их в Кавказской области. *** Оказавшись в весьма затруднительном положении, весной 1847 г. колонисты обратились в палату с письменной просьбой выдать им заимообразно пособие по 28 руб. 57,5 коп. серебром. Однако вновь потребовалось ходатайство Нордестама и исполняющего должность начальника области к наместнику. Лишь 29 октября 1847 г. Ставропольская палата государственных имуществ рапортовала о выдаче 22-м прибывшим в Ставрополь семьям Иогансдорф полагававшихся пособий для устройства домов. Этот пример свидетельствует, насколько трудным делом было основать здесь немецкие колонии.

Пример не единичен: 18 колонистов, прибывших из внутренних губерний в кол. Николаевская, где их причисление не состоялось «за нехваткой земли», обратились к Ставропольскому гражданскому губернатору и к намест-

нику с прошением от 17.03.1848 о переселении на казенные земли близ Ставрополя. Из Тифлиса был получен однозначный ответ, что близ Ставрополя свободной земли не имеется.⁴⁵ Механизм взаимодействия правительственных и местных административных и попечительных органов по вопросам южных колоний отличался плохой координацией, нечеткой работой, таялось много времени, основное внимание правительство уделяло казачьей и крестьянской колонизации. Но главное – сложилась нездоровая система стихийных переселений колонистов; ехали без разрешений, увольнительных билетов и пособий – в отличие от приглашенных из германских земель поселенцев – бедствовали и просили поддержки и субсидий. А. Вороневцев дает этому верную оценку, подчеркнув, что в отличие от регулируемого заселения Заволжья переселение на Кавказ носило преимущественно стихийный характер.⁴⁶ В 1833 г. в Саратовской конторе иностранных поселенцев был введен институт смотрителей колоний – для предотвращения развившегося самовольного переселения колонистов на Кавказ и в другие местности. Однако время от времени конторская администрация, как бы уступая колонистам в их поисках лучшей доли, стремилась придать переселению организованный характер, но скорее – воспрепятствовать несанкционированной миграции. Как отмечал Я. Дитц, «самовольные переселения, всегда получавшие впоследствии санкцию правительства, действовали на колонистов развращающе».⁴⁷ По его сведениям, колонию Иоганнесдорф образовали поволжские колонисты.

В 1844 г. недалеко от поселения Прохладное, в Кизляро-Моздокском уезде, выходцы из кол. Каны волжской, основали колонию Кана (Каново). 1-й Департамент МГИ выбрал этот участок, к юго-востоку от Кавминвод, исходя из Положения 1828 г. о компактном поселении колонистов. Колонии отвели довольно много земли – свыше 10.000 дес., из расчета 60 дес. на семью. Перепись показала наличие 180 семей в первый год водворения, но часть немцев, прибывших самовольно без официального разрешения, без увольнительных билетов, вынуждена была вернуться в прежние колонии.⁴⁸ Позже колонисты с Волги неоднократно устремлялись в Каново.

В 50-е годы XIX в. началось переселение немцев – в основном из Причерноморья и Бессарабии (уход от последствий Крымской войны) – на земли Черномории, включенной с 1820 г. в Кавказское наместничество. Первые колонисты поселились в Ейском уезде на участках, отмежеванных из казачьих земель по высочайшему соизволению от 20 мая 1852 г., основав 2 колонии. На берегу Азовского моря, в 16 верстах от Ейска, возникла колония Михельсталь (позже переименована в Воронцовку в честь Кавказ-

ского наместника Воронцова); есть сведения о переселении сюда 30 семей (1 113 человек) немцев из лютеранской кол. Рибенсдорф Острогожского уезда Воронежской губернии. Поскольку они «не принесли ожидавшихся выгод в крае», генерал-лейтенант Филипсон ходатайствовал о переселениях из Таврической колонии Гохштет. Вторая колония Александерфельд основана позднее на правом берегу Ейского лимана Азовского моря (переименована в Александровку). Данные о количестве надела (1015 и 926 дес., в среднем по 30 дес. на семейство) и истории заселения расходятся по разным источникам.⁴⁹

В 1850 г., как писал А. Воронежцев, «саратовские колонии буквально были поражены вирусом переселения на северо-восточное побережье Черного моря». ⁵⁰ Ввиду новой волны напряженности, Саратовская контора иностранных поселенцев 1 сентября 1850 г. сообщила в 1-й Департамент МГИ о желании 593 семей с нагорной стороны поселиться на побережье Черного моря. Однако наместник Воронцов не считал это возможным из-за отсутствия свободной земли. Тогда контора предписала запретить агитацию к переселению, а нарушителей наказывать по всей строгости закона. Тем не менее поволжские колонисты из Камышинского уезда сумели основать в Ставропольской губернии, близ укрепления Нальчик Пятигорского уезда, кол. Александровскую (Александердорф). Выбрав земли в Большой Кабарде, их представители в феврале 1852 г. обратились с прошением и получили разрешение на поселение от 30 до 60 семей колонистов, а в 1854 г. здесь поселились 34 семьи, многие без письменных увольнительных. Решение принял командующий войсками на Кавказской линии и на Черномории, т.е. вопрос решало военное управление, а не МГИ. Межведомственная переписка о наделе землей и определении круга повинностей поселенцев затянулась до 1858 г., когда, наконец, они были приписаны к сословию колонистов Пятигорского уезда и получили 1500 дес. казенной земли, по 35 на семью. Так возникло первое немецкое поселение в Кабардино-Балкарии.⁵¹

Подводя итог, заметим, что для 9 созданных колонистами в дореформенный период поселений, включая к. Каррас, было отведено максимум 25–30 тыс. дес. казенных земель (о количестве земли у г. Св. Крест сведений не имеется). По данным В.М. Кабузана, в 1858 г. в регионе было 2,7 тыс. немцев, т.е. 0,1 % непрерывно растущего численно населения Северного Кавказа. По сведениям Я. Дитца, с 1838 по 1871 г. на Кавказ переселились 736 душ муж. и 567 душ жен. пола, по данным Саратовской конторы за эти годы – 1303 поволжских немца.⁵² Ввиду самовольных движений колонистов и

отсутствия четкого учета, в частности сведений о прибывших из других губерний, сложно полностью доверять статистике, но она отражает тенденцию – доля немцев в населении региона была весьма незначительной. Практические результаты «немецкой колонизации» оказались более чем скромными (сравним получение и освоение немцами-колонистами только в Бессарабии 554 000 дес. земли!). Видимо, требуется концептуально иной подход к рассмотрению процесса становления северокавказских немецких поселений, который имел свою специфику даже по сравнению с соседней ОВД. Можно согласиться с выводом С. Чекменева, что в первой половине XIX в. немногочисленные иностранные колонисты «не сыграли заметной роли» «из-за национальной и хозяйственной замкнутости, не оставили заметного следа в экономическом и культурном развитии края». ⁵³

На наш взгляд, 60–70-е годы «великих реформ» следует рассматривать как отдельный этап, имеющий свои специфические черты. Глубокие реформы в стране и особенности их проведения в регионе; изменения военно-политической обстановки, новое административно-территориальное деление края; углубление миграционных процессов и сдвиги в законодательстве, регулировавшем переселенческое движение из центра империи, определяли условия расселения и положения немецких колонистов. Ввиду затухания Кавказской войны и присоединения к империи закубанских земель была упразднена Кавказская линия и созданы в 1860 г. Терская и Кубанская области. (В 1867 г. на территории Кубанской области выделен Черноморский округ, а в 1896 г. была создана Черноморская губерния с центром в г. Новороссийск.) Шла дальнейшая централизация кавказского управления (наместничество и Кавказский комитет, созданный в 1845 г. как законосовещательный орган при верховной власти, сохранялись до 1882 г.). В областях непосредственное активное участие в переселении принимало руководство казачьих войск. Так, 24 июня 1861 г. последовал царский рескрипт атаману войска Н.И. Евдокимову, которым было объявлено дарование Кубанскому войску закубанских земель, на основании чего было разработано Положение о заселении предгорной западной части Кавказского хребта (утвержденное царем 10 мая 1862 г.). ⁵⁴ Существенно изменила положение немецких колонистов реформа 1871 г. – лишив их привилегий, упразднив внутреннее самоуправление, она уравнила их с крестьянами, дав социальный статус поселян-собственников, с правом в 10-летний срок решать о подчинении имперским законам или о выезде. А также военная реформа – введение с января 1874 г. всеобщей воинской повинности. Особенно резко она задевала меннонитов (для которых были, правда, по указу от 8 апреля

1875 г. выработаны особые условия службы).⁵⁵ В этой связи во избежание тиражирования ошибочных трактовок следует обратить внимание на интерпретацию реформы 1871 г. Т. Плохотнюк: «Правила об устройстве поселян-собственников (бывших колонистов) от 1871 г. сохраняли свободу поселян от воинской повинности только в течение десяти лет со дня введения нового статуса, т.е. по 1881 г.». При этом автор даже не упоминает военную реформу, а в другой публикации утверждает: «С 1881 г. немецким поселенцам вменялось в обязанность несение воинской повинности».⁵⁶ Остается только сожалеть, что такие, мягко говоря, неточности «прошли», несмотря на научное редактирование.

Итак, в 1860-е годы началось активное заселение присоединенной территории Закубанья, на левом берегу Кубани (с учетом освободившихся земель в связи с эмиграцией около 700 тысяч ногайцев, адыгейцев и др.), и раздача земли знати горских народов. Правительство делало ставку на переселение сюда более 17 000 семей казаков, порой насильственно переводимых целыми станицами. Положение о заселении от 10.05.1862 и Закон 29.04.1868, отменивший запрет селиться на казачьих землях, вызвали значительный прилив иногородних. 1870-е годы (которые характеризует политика ограничений переселений в целом по стране) на Северном Кавказе превратились в «золотой век». Всего прибыло почти 350 тыс. крестьян из центральных губерний России, Украины; половина из них в Кубанскую – самую заселяемую область России.⁵⁷ Активизировался процесс переселения немцев.

Особый ареал образовали к северо-западу от г. Армавира 5 немецких колоний (в 1912 г. – это 335 дворов с населением 2038 душ, владевших 7 531 дес. земли). Эту компактную группу составляли в Кавказском отделе Кубанской области (в 1888 г. область была разделена на 7 отделов) три колонии с административным волостным центром в ст. Ванновской: Эйгенфельд (с. Ванновское)**** основали в 1868 г. на купленных землях 80 семей из Аккерманского уезда Бессарабии, Розенфельд (с. Шереметьевское) была создана годом позже новой группой из 50 бессарабских семей, и Александерфельд (с. Леоновское) возникла к 1871 г. западнее, на участке полковника Антоневи́ча. И две колонии в Кубанском отделе: католическая к. Семеновка (центр волости), на казенных землях бывшего Урупского военного округа (в силу Именного указа от 31 октября 1867 г., по распоряжению наместника Великого князя Михаила Николаевича, на запрос колонистов был выделен в 1868 г. надел 3027 дес.); и рядом с ней – к. Ново-Николаевская, для которой в 1894 г. было отведено 947,7 дес. земли.⁵⁸ С 1871 г.

немецкие сельские общества были включены в состав волостей или могли образовывать таковые; удаленные колонии входили в состав русских волостей (к примеру, к. Лилиенфельд около станц. Гулькевичи).

Широко распространилась аренда земли: она оформлялась на имя нескольких колонистов, а затем распределялась по мелким паям другим. Те же «ванновцы» с 1871 г. арендовали 20 лет соседний участок в 1 551 дес. у генерала Маркозова и 500 дес. у соседа Пеховского, несмотря на ежегодный рост цен за аренду. В пределах Семеновской волости почти на тех же условиях колонисты арендовали имения И.И. Петрика и Зиссермана. Такой же тип арендаторских колоний сложился в Екатеринодарском и Таманском отделах (Пиленкофельд, Михаэльсфельд, Ольгенфельд и Мариенфельд); западнее Армавира (Эйгенгейм, Гохфельд, Либенталь и др.). Отдельные колонии выкупали земли (как Гнадау в Екатеринодарском отделе), особенно бессарабские и таврические колонисты. Значительное число колонистов-арендаторов было в Лабинском отделе, в частности на землях крупных немецких землевладельцев, как Штейнгель, Граббе, Врангель, Коцебу. Барон Р.В. Штейнгель выкупил в 80-е годы два участка свыше 9 000 дес., основав широко известное высокорентабельное хозяйство, экономию «Хуторок», перешедшее затем к сыну Владимиру. В.Р. Штейнгель дополнительно арендовал часть земель – свыше 11.000 дес. – у вдовы графа Граббе и графини Е.П. Коцебу и др.⁵⁹ По сведениям сотрудника Кубанского областного статистического комитета Б. Городецкого (доклад, прочитанный 24 октября 1914 г.), накануне Первой мировой войны в Кубанской области было зарегистрировано всего 13 немецких колоний: 5 972 поселян, 879 дворов имели 22.254,3 дес. земли (в среднем на 1 двор – 25,3 дес., что гораздо выше, чем у других переселенцев). Из них 7 – 4 200 колонистов, 570 дворов - на правительственном наделе в 11 824 дес. (20,7 дес. на двор). На купленных частновладельческих участках в 10 420 дес. – 6 колоний: 309 дворов, 1 772 чел. (33,7 дес. на двор). На арендуемых землях число хуторов и «колонок» менялось и не поддается четкому учету; в 1880-е годы их было примерно 22 на 12 092 дес. земли.⁶⁰ Выделенные формы немецкого землевладения и землепользования – на казенных землях, частновладельческие и арендаторские – были характерны для всего региона. У поселан-собственников явно преобладали покупка земель и аренда, что способствовало росту хуторских хозяйств. Увеличение площадей арендных, частновладельческих земель, социальное расслоение и использование в жилищных хозяйствах труда наемных работников, особенно сезонных, стало наглядной тенденцией. Немецкое землевладение накануне Первой миро-

вой войны составляло в Ставропольской губернии – 57 769 дес, в Кубанской области – 66 703 дес., в Терской - 63 817 дес. земли (для сравнения в ОВД – 122 263, в Закавказье – 45 526 дес.).⁶¹ К характеристикам пореформенного периода переселенческого движения немцев на Северный Кавказ можно отнести усиление интенсивности миграций и расширение ареалов заселения, изменение структуры и направлений миграционных потоков. А именно, усиление притока из причерноморских колоний, из Бессарабии и постепенный спад движений с Поволжья; миграции в уже существующие колонии и внутренняя мобильность колонистов в регионе; приход на поселение меннонитов; незначительная иммиграция из Германии (главным образом по религиозным причинам) знаменуют качественно иной период переселений. Эти критерии были определяющими и в ходе дальнейшей «немецкой колонизации» вплоть до Первой мировой войны, годы которой, без сомнения, стали новым, резко отличающимся этапом в истории немецких и меннонитских поселений в регионе в результате дискриминационных законов.

Вопрос об устремлениях и самовольных переселениях на Северный Кавказ десятков семей колонистов Поволжья в 1860-е годы и мерах противодействия со стороны Саратовской конторы подробно рассмотрен на архивных материалах. Отказ наместника в Тифлисе князя А.И. Барятинского ходакам, объявившим о желании 3000 душ поселиться на казенной земле около Ейска, послужил конторе поводом издать 11 марта 1861 г. циркулярный указ – для информации об этом во всех колониях. 1-й Департамент МГИ также предписал навсегда прекратить самовольные переселения колонистов. Контора стремилась установить за ними «стражайший полицейский надзор» для предотвращения побегов, осенью сего года было принято решение возвращать назад самовольно ушедших и довести до сведения, что беглецов немедленно будут исключать из колонистского звания и преследовать как бродяг «по всей строгости закона». Но стремление переселиться на Кавказ не ослабевало. Наконец, 26 апреля 1865 г. Сенат принял указ, предусматривавший – в дополнение к положению о колонистах – исключение самовольных переселенцев из колонистского звания и лишение всех льгот (17 июня 1865 г. постановление на немецком языке было направлено во все округа). Так, разрешением переселяться с зачислением в государственные крестьяне было достигнуто хрупкое равновесие. Но даже ценой смены социального статуса нельзя было остановить миграционные устремления. С апреля 1866 г. в переписку с конторой втянулось руководство Кубанской области. В мае 1866 г. по министерскому предписанию Са-

ратовская контора запретила переселения на Кавказ и ввела принудительную подписку колонистов о невыезде (в ноябре эта мера была применена на практике).⁶² Реакция была адекватна сигналам в контору из кавказских ведомств, с просьбой повременить с выдачей разрешений. То они сообщали о свободных землях и не возражали, как и Главное управление Кавказского наместничества, против переселения при наличии разрешения МГИ, то, с увеличением наплыва крестьян-переселенцев, объявляли об ограничениях.

Положение усугубляла несогласованность действий различных ведомств, позиции которых сближала лишь их заинтересованность в придании движению немцев на юг легального статуса и организованного характера и в успокоении сбитых с толку слухами о больших (как по Манифесту Екатерины II) льготах для переселенцев. Так, начальник управления Урупского округа Кубанской области просил Саратовскую контору довести до сведения колонистов, «чтобы бедняки, обольщенные несбыточными надеждами, не таскались в ущерб своему хозяйству по России как бродяги». В апреле 1876 г. в Кубанской области был введен запрет на переселение «охотников», в том числе немцев.⁶³ С конца 80-х годов наблюдался спад переселений с Поволжья, хотя из Самарской губернии, по прекращении отвода казенных земель для водворения в 1891 г., «немцы стали выселяться на Кавказ» (реже – в Туркестан, Сибирь и Америку).⁶⁴ Уже в 1861 г. колонисты из Саратовской губернии дошли до Владикавказа (центр Терской области, Северная Осетия) и основали на окраине города кол. Владикавказскую, которая в 1867 г. была переведена севернее Владикавказа. Осенью 1876 г. по ходатайству колонистов она была переименована в Михайловскую (Михаельсдорф), в честь Великого князя Михаила Николаевича. Судя по семейным спискам, здесь разновременно поселилось 40 семей, в большинстве поволжские.⁶⁵ Но в целом переселения в Терскую область были позже, и переселенцев из причерноморских немецких колоний прибыло значительно больше, чем поволжских. Приезжавшие в основном по своей инициативе колонисты покупали земли у русских землевладельцев и горских князей, частично арендовали. Южнее Моздока, на берегу Терека, осели эмигрировавшие из Германии по религиозным мотивам сторонники «движения Исхода». В 1881–1882 гг. 27 семей из Вюртемберга основали первую кол. Гнаденбург (с. Виноградное), а всего – 8 колоний. Жители Гнаденбурга последними из иммигрантов получили льготы, утвержденные Александром III: освобождение от платежа окладных сборов на 5 лет и возврат суммы поземельного сбора и таможенных пошлин; молодежи дана до 1892 г. отсрочка

от призыва в армию (за все привилегии были обязаны стать подданными России). К северу от Моздока, постепенно образовался анклав колоний и хуторов, основанных протестантами: вокруг к. Каново – Моргентау, Эйгенгейм, Гнаденфельд, Ней-Кана и др. Другой анклав возник чуть севернее – Фриденваль, Карлсфельд, Мирополь, Ольгинская, Романовская и др., по р. Куме – Руэнталь, Петерсталь, Либенталь и множество мелких селений, хуторов (Гофенталь, Штейнбах, Анненталь и др). Весьма противоречивы сведения о происхождении кол. Хоффнунгсталь, по всей вероятности, это одна из многоконфессиональных колоний. Следует отметить, что военное министерство уже в 1889 г. признавало «неудобным усиливать немецкий элемент на Кавказе».⁶⁶ При подсчете общего числа немецких поселенцев в Терской области следует учитывать, что в 1874 г. к ней от Ставропольской губернии отошел Пятигорский округ. Это важно учитывать и при оценке факта заметного сокращения немецкого населения в данной губернии.

В пореформенный период в Ставропольской губернии (которая в мае 1899 г. была изъята из управления Кавказского края) к бывшим поволжским колониям добавились многочисленные хутора и два-три анклава новых колоний. Первые колонисты из Бессарабской области, Аккерманского уезда, переселились сюда в конце 1867 г. и на участке в 2 000 дес. земли, арендованном на 15 лет у ст. сов. Мартынова (Ставропольский уезд, в 75 км севернее Ставрополя, у с. Благодатное) основали колонию Мартынсфельд. К ним присоединились выходцы из Херсонской, Таврической и Самарской губерний и германские подданные, по семейным спискам 223 человека, и в 1868 г. выкупили земли. (Немецкая община вошла в Благодатненскую волость, включая хутора). Рядом в 7 км возникли немецкие колонии Фридрихсфельд (с. Винодельное), Блюменфельд, Бетель и образовали волость Фридрихсфельд (куда входило и русское село Софиевка). Здесь осели выходцы из Пруссии и семьи из Херсонской, Таврической, Самарской губерний; есть сведения, что колония Бетель создана в 1878 г. иммигрантами – представителями «движения Исхода»****. Колонии были основаны на землях бывших кочевий калмыков у реки Большая Кугульта, купленных колонистами (к примеру, для к. Фридрихсфельд в 1885 г. выходцы из Херсонской губернии купили у кол. сов. Ф. Золотарева 4 270 дес.). Севернее также возникли немецкие поселения Кроненталь, Щёнфельд и др. (на территории бывшей АССР Калмыкия проживали до 6000 немцев). Беловежские колонисты из Черниговской губернии основали колонию Хагинск-Немецкий.

К востоку от Ставрополя немцы создали кол. Александерталь, Либенталь и далее по р. Буйволе – Фридрихсталь, Блюменталь, Карлсруэ, Вильгелмс-

хёе и др.; продолжали селиться в районе Кавминвод – Визенгрунд, Гартенфельд и др. Здесь, как и во всем регионе, преобладали хутора, с населением от 7 до 100 человек, и небольшие колонии, в среднем 200 – 600 жителей, лишь несколько – свыше 2000 человек. Самая многочисленная кол. Давсун (Давсунская) Новогригорьевского уезда образовалась из слияния 4-х немецких населенных пунктов – Карлсруэ, Вильгельм(сбург), Германсбург, Иоганнесгейм – и в 1914 г. насчитывала до 4 474 жителей разных конфессий, причерноморских и поволжских немцев (и 300 иногородних).

Немецкое население пополнялось и за счет подданных немецкоязычных государств (билет на жительство на год) земледельцев и ремесленников, но незначительно: по нашим подсчетам, по переписи 1897 г. – всего 1670 человек (в Ставропольской губернии выходцы из Германии составляли 35 % из 968 проживавших иностранцев; в Терской области – до 17 % из 3.787 иностранцев и по Кубанской области – только 3 % из 25 015 иностранных подданных).⁶⁷ В целом требуется более тщательный анализ различных статистических данных, приводимые современными исследователями, они не всегда совпадают.

Далее, на наш взгляд, следует отдельно рассматривать вопрос о поселении в крае особой этноконфессиональной общности – меннонитов, хотя и сложно по имеющимся источникам выявить достоверные сведения об их землевладении, численности, демографии. Ошибочно сужать мотивы их переселения только до религиозных. Первыми появились меннониты из Екатеринославской и Таврической губерний в Баталпашинском уезде Кубанской области; депутаты – осенью 1863 г., им удалось получить разрешение на поселение на земли между реками Кубань и Зеленчук, а И. Классену – свидетельства № 2718 (в Тифлисе) о сохранении неприкосновенными их прав на отправление религиозных обрядов. На основании Высочайше утвержденного 12 ноября 1867 г. положения Кавказского комитета на казенных наделах Зеленчукского и Урупского округов были основаны две колонии Вольдемфюрст (с. Великокняжеское) и Александерфельд (Александродар), недалеко от ст. Невинномысской. Прибывшие 67 семей из заявленных 100 получили 4 355 дес. земли, по 65 дес. на семью, но затем с прибытием ремесленников семейный надел сократили до 60 дес. Арендую добавочно 600 дес. земли соседнего села Ивановки, колонисты имели весьма высокий уровень ведения хозяйства, торговлю, мастерские, предприятия перерабатывающей промышленности. Жизнедеятельность этих колоний привлекала внимание современников. А. Твалчрелидзе отмечал две причины, толкавшие меннонитов с Украины к переселению: малоземелье и

внутренние разногласия на религиозной почве. Религиозные расхождения приобрели в 60-е годы столь серьезный характер, что привели к расколу и образованию разных групп «новоменнонитов». Впервые религиозные «распри» описал А. Клаус, затронув переселение отлученной от церкви группы «хюпферов» («прыгунов») на р. Зеленчук (согласие наместничества на отвод 6 500 дес. на 100 семей).⁶⁸ По сведениям П. Фризена, кубанские общины объединились с молочанскими и екатеринославскими в Союз новоменнонитского братства на его первой конференции в мае 1872 г. в с. Андреасфельд Екатеринославской губернии.⁶⁹ В Ставропольской губернии меннониты, приняв вторично крещенных во взрослом возрасте, создали колонии Орбелиановка (на арендных землях князя Орбелиани) и Темпельгоф (небольшие селения – Фюрстенталь, Ареваль, Блюменгоф и др.) на р. Куме, у железной дороги. По всей вероятности, сюда переселилась другая группа новоменнонитов – «иерусалимских друзей». Как отмечал М. Заалов, эти колонии были в материальном отношении «гораздо ниже» первых двух.⁷⁰ Колония Ольгино, основанная на Ставрополье в 1897 г. новоменнонитами из волости Гнаденфельд, Бердянского уезда Таврической губернии, примечательна тем, что ей по Императорскому указу от 9 мая 1894 г. были даны (по 60 дес. на двор) 1 800 дес. удобных казенных угодий в «постоянное подворное общинное владение».

Наиболее значительный анклав из 15 (по другим источникам – 17) меннонитских колоний – Кронсфельд, Шёнфельд, Эбенфельд и др. – сложился в начале XX в. в Прикаспии, в округе Хасав-Юрт Терской области. Меннониты из Молочанских колоний Приазовья приобрели здесь у наследников князей Львовых 24 000 дес. угодий (по 40 руб. за дес.), и для обводнения засушливых земель и эффективного хозяйствования ими был проведен канал. Положение данных колоний изучено не достаточно.

Подвести промежуточный итог немецких переселений помогают наиболее достоверные данные первой всеобщей переписи населения Российской империи в январе 1897 г. Согласно переписи, 20 778 немцев (из них 1 984 чел. в городах) составляли 1,08% в этнографическом составе населения Кубанской области; немцы составляли 0,99% населения Ставропольской губернии, (по уездам: Ставропольский – 2 792, Александровский – 1 107, Медвеженский – 1 706, Новогригорьевский – 2 090, на территории кочующих народов - 906 чел.), а всего – 8 601 сельских жителей (и свыше 300 чел. по городам); в Терской области проживали 9 672 немцев, – это 1,04 % в составе населения – из которых 60,7% проживало в Пятигорском отделе (5 872 чел.); 8 044 колонистов и 1 628 человек – в городах. Особен-

ность распределения их в сферах хозяйства проявлялась в том, что только 64,9% немцев были заняты в сельском хозяйстве, остальные – в обрабатывающей промышленности, на промысле, в торговле.⁷¹

В последние предвоенные десятилетия немецкая миграция избрала новые направления, в русле крестьянской колонизации в регионы Сибири, Дальнего Востока, Казахстана; с 90-х годов заметно ослабление темпов заселения Северного Кавказа. Проявилась и противодействующая тенденция: незначительный отток колонистов с Кавказа. Раскрывая противоречивый характер позиции верховной и местных властей в отношении переселения немцев и меннонитов в Западную Сибирь и ареалы их поселений, омский историк П. Вибе затронул этот аспект. Так, в 1895 – 1896 гг. выходцы из Ставропольской губернии, даже после 20 – 30 лет проживания на Северном Кавказе, прибыли самовольно и основали в Акмолинском уезде поселки Рождественский и Романовский. Влияние Столыпинской реформы на этот процесс требует более глубокого изучения. Интересно отметить, что дешевизна земли и льготы привлекли сюда и барона В.Р. Штейнгеля, организовавшего в 20 верстах от Омска крупное коневодческое хозяйство, начало которому было положено в 1909 г. арендой 17 000 дес. земли у Сибирского казачьего войска.⁷²

В литературе, справочниках имеются общие сведения о становлении более 200 немецких поселений на Северном Кавказе: колоний и десятков хуторов. Расхождения в сведениях о них свидетельствуют о несовершенстве учета и статистики. Немецкие и меннонитские поселения преимущественно являлись дочерними колониями выходцев из Поволжья, а также Черниговской, Волынской и Воронежской губерний; из Причерноморья и Бессарабии. Со временем от некоторых первых колоний отпочковались дочерние, например, от к. Каны – Ной-Кана, от к. Вольдемфюрст – Ровное, от к. Михаэльсталь на Азовском море – Александровск и т.п. В отдельных случаях возникали материнские колонии переселенцев, по религиозным мотивам, из Германии. Однако северокавказский край не стал территорией массовой иммиграции немцев, в отличие от Северного Причерноморья (немецкая колонизация здесь несравнима по масштабам и методам заселения – вызовы, льготы, затраты казны и т.п.), скорее это был регион самоиницированного заселения и дисперсного проживания «внутренних» немцев отдельными группами, порой довольно удаленными друг от друга. Заслугой К. Штумппа явилось создание в 1961 г. карты (которая до сих пор никем не уточнялась), отразившей отдельные ареалы немецких поселений, в основном вдоль рек. И хотя немцы вошли в мощный миграционный поток иног-

родных переселенцев на Северный Кавказ, доля немцев в нем, как и в этническом составе населения края, весьма невелика.

В результате естественного и механического прироста (многие переселенцы часто шли в уже существовавшие колонии) немецкое население выросло, но не заняло своей этнической территории, среди местных этносов и пришлого населения. Доля немцев в этническом составе населения Северного Кавказа составляла в 1857 г. – 0,1% (2,7 тыс. чел.), в 1867 г. – 0,3% (5,4 тыс. чел.) и в 1897 г. – 0,9% (39,5 тыс. чел.).⁷³ В рамках одной статьи не возможно – и не ставилось целью – подробно изложить историю возникновения каждого поселения. Данный экскурс – попытка обрисовать в общих чертах основные тенденции и специфику расселения в регионе немцев и меннонитов во второй половине XIX – начале XX в.

Итак, налицо немецкий фактор в земледельческой колонизации, влияние которого на формирование этнического состава населения, на религиозную жизнь, социально-экономическое и культурное развитие региона становится заметным со второй половины XIX в.

Первоначально стихийные и самовольные переселения немецких колонистов (за которыми едва успевали меры правительства, компетентных ведомств и местных властей) свидетельствовали, что целенаправленной государственной политики по переселению немцев в степное Предкавказье с конца XVIII в. не велось. Факт переселения небольшого количества семей саратовских колонистов, на наш взгляд, не следует классифицировать как «немецкую колонизацию». Да и по сути Манифеста 1785 г. не удалась последовательная организация переселения немцев со стороны Кавказской администрации, перегруженной планомерным обустройством тысяч переселенцев из казаков и крестьян центральных губерний. Становление первых самостоятельных немецких колоний в 1817 – 1819 гг., одновременно в районе Бештау и г. Св. Крест, совпадает фактически по времени с основанием колоний в Закавказье. (Однако вюртембергские иммигранты лишь проследовали через территорию Кавказской губернии, направляясь под Тифлис.)

Заметное увеличение притока немцев и меннонитов с 1860-х годов вело к созданию десятков колоний и хуторов, но по интенсивности и конечным результатам этот процесс абсолютно не сравним с масштабами казачье-крестьянской колонизации. При всех имевшихся успехах и достижениях отдельных колоний и хозяйств, для выявления их роли в хозяйственном освоении края необходим глубокий сравнительный анализ (также в сравнении с другими регионами). Главный вывод сводится к тому, что переселение

немцев на Северный Кавказ было составной частью общего колониального процесса в регионе. Так что немецкий фактор в этом процессе следует рассматривать только в контексте общей переселенческой политики и движения, и роль его была соответственно возможностям и параметрам этой незначительной составной (1% населения). Видимо, в исследованиях проблемы важно избегать двух крайностей: сознательно не замечать небольшую по численности национальную группу и ее вклад в развитие региона, либо говорить о значительном влиянии, огромном вкладе немцев (забывая роль русских и украинских переселенцев), явно выдавая желаемое за действительное. Насколько правомерно рассуждать о трех этапах «немецкой колонизации» края – с 1778 г. по 1920-е годы XX в. – судить читателю.

¹ См.: Российские немцы на Дону, Кавказе и Волге. Матер. рос. – герм. науч. конф. Анапа, 22 – 26 сент. 1994 г. – М., 1995 (статьи С.И. Аккиевой, Э.Я. Агаевой, Л.К. Гостиевой); Плохотнюк Т.Н. Образование немецких колоний на Северном Кавказе // Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект. Матер. межд. науч. конф. Анапа, 26–30 сентября 1997 г. – М.: Готика, 1998 – С. 109 – 133; она же: Российские немцы на Северном Кавказе. – М.: ОАНРН, 2001. – С. 6 – 30 (Далее – Ук. соч.) и др.

² См.: Нелипович С.Г., Чернова Т.Н. Мнение // НИБ, № 4, 2002. – С. 26 – 28.

³ Чеснок Е.В. Немецкие колонии Области Войска Донского // Российские немцы на Дону, Кавказе и Волге... С. 79 – 98; Ерохина О.В. Социально-экономическое и культурное развитие немецких колоний Области Войска Донского (70-е годы XIX в. – февраль 1917 г.). Автореф. дис. ...к.и.н. – Волгоград, 2001. – 19 с.; Рот Е.В. Немецкие колонии Области Войска Донского (последняя треть XIX в. – 1914 г.). Автореф. дис. ... к.и.н. – Ростов-на-Дону, 2003. – 28 с.

⁴ Терещенко А.Г., Черненко А.Л. Российские немцы на Юге России и Кавказе. Энциклоп. справочник.– Ростов-на-Дону: Ростиздат, 2000.

⁵ Край наш Ставрополье. Очерки истории / Науч. ред. Д.В. Кочура, В.П. Невская. – Ставрополь: «Шат-гора», 1999; История Ставропольского края от древнейших времен до 1917 г. Региональный учебник для общеобразовательных школ – Ставрополь, 1996. (В разделе 29 неверно трактуется создание на Ставрополье 102 колоний за 1764 – 1865 гг. – небрежный перенос сведений о колониях в Поволжье из статьи С. Чекуменаева.); Кабузан В.М. Многонациональное население Северного Кавказа в XVIII – XX веках (1798 – 1989) // Россия в XX веке. Проблемы национальных отношений. – М.: Наука, 1999. – С. 343 – 360.

- ⁶ Малахова Г.А. Становление и развитие российского государственного управления на Северном Кавказе в конце XVIII – XIX вв. – Ростов-на-Дону, 2001. – С. 7.
- ⁷ Полное собрание Законов (1), СПб., 1830. Т. XXII, № 16 193 (Указ 5.05.1785); там же, №.16 194 (Указ 9.05.1785). (Далее – ПСЗ-1.)
- ⁸ ПСЗ –1. Т. XXII, № 15 619; № 16 113 и № 16 114.
- ⁹ Малахова Г.А. Ук. соч., С. 73. (40 тыс. дес. земли на р. Куме получил князь Г. Потёмкин, 25 тыс. дес. – князь А. Вяземский, 16 тыс. дес. – граф А. Воронцов и др.).
- ¹⁰ См.: ПСЗ-1. Т. XXII, № 16 210 и № 16 429. Сенатским указом предусматривалась ссуда переселенцам из казны по 20 руб. на двор, точная отметка в выдаваемом паспорте остававшейся на них недоимки (подушно); отпуск с оброчными статьями только в случае, когда оставшиеся примут их долги на себя, а если пожелает переселиться более половины селения – испросить Сенат. Оставшиеся должны были платить за всех казенные подати, а новопоселенцы освобождались от них на 1,5 года.
- ¹¹ ПСЗ-1. Т. XXII, № 16 631.
- ¹² Там же, №. 16 715 и № 16 551.
- ¹³ Стащук Н.И. Заселение Ставрополя в конце XVIII века и в первой половине XIX века // Материалы по изучению Ставропольского края. Вып. 4. – Ставрополь: Крайиздат, 1952. – С.160 – 161.
- ¹⁴ А. М...r. Die deutschen Kolonien im Nordkaukasus // Heimatbuch der Deutschen aus Russland – Hrsg. von der Landsmannschaft der Deutschen aus Russland. – Stuttgart, 1961. – S. 35. (Далее – Heimatbuch)
- ¹⁵ ПСЗ-1. Т. XX, № 14 814.
- ¹⁶ ПСЗ-1. Т. XXIII, № 17 058; Бентковский И.В. Заселение Черномории с 1792 по 1825. – Екатеринодар, 1880; Фролов Б.Е. У истоков Черноморского войска (численность, национальный и социальный состав) // Проблемы истории казачества. Сб. науч. тр. – Волгоград, 1995. – С. 64.
- ¹⁷ Плохотнюк Т.Н. Ук. соч., с. 7.
- ¹⁸ Подробнее см.: Плева И.Р. Немецкие колонии на Волге во второй половине XVIII века. – М.: «Готика», 1998. – С.153 –180.
- ¹⁹ ПСЗ-1. Т. XX, № 14 302.
- ²⁰ Плева И.Р. Ук. соч., с. 267.
- ²¹ ПСЗ – 1. Т. XXII, №.16 194 и № 16 188 (Грамота на права и выгоды городам Российской Империи).
- ²² ПСЗ-1. Т. XXII, № 16 226. Манифест издан 14 июля, а не 24, как пишет С. Чекменев и повторяет Т. Плохотнюк (Ук. соч., с. 7, сноска 2).
- ²³ ПСЗ-1. Т. XXIII, № 17 230.

* Объявленный им 1 сентября 1784 г. срок уплаты долга был отсрочен на 2 года. Никто не знал точно суммы; крутые меры Огарева вызвали жалобы колонистов на имя правившего должностью генерал-губернатора Саратовского и Кавказского П.С. Потёмкина, который сделал представление государыне. 10 июля 1785 г. последовало высочайшее повеление об установлении мер к лучшему устройству колоний и улучшению положения колонистов. Были сохранены привилегии 1763 г.; до приведения долга в ясность установлено погашение с работника (с 21 до 60 лет) по 3 руб. ежегодно. См.: ПСЗ – 1. Т. XXII, № 16 223. Также см.: Плева И.Р. Ук. соч., с. 196 – 198; Дитц Я. История поволжских немцев-колонистов. – М.: Готика, 1997. – С. 164 – 175.

²⁴ ПСЗ –1. Т. XXX, № 23 408.

²⁵ Воронезцев А.В. Миграционные процессы в поволжских колониях в XIX в. // Миграционные процессы среди российских немцев. Матер. межд. науч. конф. Анапа, 26 – 30 сентября 1997 г. – М.: Готика, 1998 – С. 97 – 99.

²⁶ Дитц Я. Ук. соч., с. 228.

²⁷ Кабузан В.М. Эмиграция и реэмиграция в России в XVIII – начале XX века. – М.: Наука, 1998. – С. 54.

²⁸ ПСЗ-1. Т. XXXII, № 25 150; Т. XXXII, № 26 944; Т. XXXIX, № 29 848.

²⁹ Чекменев С.А. Иностранцы поселения на Ставрополье в конце XVIII и в первой половине XIX в. // Материалы по изучению Ставропольского края. Вып. 12 – 13. – Ставрополь, 1971. – С. 244.

³⁰ ПСЗ-1. Т. XXVIII, № 21 163; Т. XXXVI, № 27 912 и № 27 954.

³¹ Плохотнюк Т.Н. Ук. соч., с. 51.

³² ПСЗ-1. Т. XXVII, № 20 525; Т. XXIX, № 22 410.

³³ Е. Вейденбаум свидетельствовал по документам АКАК (Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией), Т. V, № 1032; Т. VIII, № 233 и др. См.: Известия Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. Т. VII. – Тифлис, 1882 – 1883. – С. 171; Пастор Р. Фракман представил сведения архива к. Каррас. См.: Там же, с. 167 – 169.

³⁴ ПСЗ –1. Т. XXXIV, № 27 070.

** Согласно «Высочайшей грамоте» Павла I от 28 октября 1799 г., армянам, выходцам из Азербайджана и Дагестана, было предоставлено 12.000 дес. земли (по 30 дес. на каждого поселенца), без всяких податей в казну. Имевшим склонность к ремеслам и торговле было дозволено основать город на месте, где старые Мажары, «с наименованием оного Святой Крест». (Армянские поселенцы начали в 1799 г. строительство города Карабаглы.)

³⁵ Немецкое население Северного Кавказа: социально-экономическая, политическая и религиозная жизнь (последняя четверть XVIII - середина XX в.). Сб. док. / Сост. Т.Н.

Плохотнюк – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002. – С. 24 – 28. (Рапорт генерал-майора Сталля генералу Ермолову, № 706; Отношение графа Кочубея к генералу Ермолову, № 250)

³⁶ Там же – С. 29 – 31. (переписка Министра вн. дел и гр. Паскевича, № 1069 и № 248).

³⁷ ПСЗ-2. Т.III, №. 2517.

³⁸ Немецкое население Северного Кавказа... Сб. док. – С. 31. О дальнейшей судьбе кол. Каррас, запрещении миссионерской деятельности в 1835 г. и переустройстве по Положению Комитета министров подробнее см.: Плохотнюк Т.Н. Ук. соч., с. 53; Терещенко А.Г., Черненко А.Л. Российские немцы на Юге России..., с. 63.

³⁹ Апухтин И. Колония Каррас, ее прошлое и настоящее. – Пятигорск, 1903. – С. 5; Известия Кавказского отдела Императорского..., Т. VII, Тифлис, 1881–1882, С. 171; Чекменев С.А. Иностранные поселения на Ставрополье... – С. 249 – 250. (См.: ГАСК, ф. 79, д. 2347).

⁴⁰ Немецкое население Северного Кавказа... Сб. док. – С. 32 – 33.

⁴¹ Там же, с. 34.

⁴² Стащук Н.И. Заселение Ставрополя ... С. 171; См.: Чекменев С.А. Иностранные поселения на Ставрополье... – С. 250. (по архивным материалам даны следующие сведения по трем колониям Пятигорского округа в 1839 г.: 129 дворов с населением около 616 человек, с наделом до 9000 дес. земли).

⁴³ Малахова Г.А. Ук. соч., с. 93. Военная колонизация, т.е. обращение крестьян в казаков, а села – в станицы (с 1824 г. за 10 лет – 37 сел), вызывала убыль гражданского населения, которую следовало пополнять (за эти годы прибыло 34 492 души м.п. крестьян). К 1845 г. в трех округах области насчитывалось 162.549 государственных крестьян. Их численность еще больше возросла с конца 50-х годов, когда начался обратный процесс – процесс перевода казаков в сословие государственных крестьян (а станиц – в селения).

⁴⁴ Немецкое население Северного Кавказа... / Сб. док. – С. 34-39; Я. Дитц (ук. соч., с. 40) отмечал устремление поволжских колонистов в Ставропольскую губернию в 1830-е годы, где они образовали кол. Иоганнесдорф и Каррас. Неточность в отношении к. Каррас повторяет Воронежцев (Ук. соч, с. 228.)

*** В работе Плохотнюк Т.Н. (Ук. соч., с. 14.) И.И. Нордестам ошибочно назван как «кавказский наместник генерал-майор Норденстам». Далее, среди прочих, допущена неточность на с. 24: «с 1837 г. немецкие поселения **Ставропольской губернии** и Пятигорского уезда Кавказской области находились в ведении Кавказской и Ставропольской палат государственных имуществ». Лишь в мае 1847 г. Кавказская область в тех же границах была преобразована в Ставропольскую губернию, а Кавказская областная палата соответственно была переименована в Ставропольскую Палату государственных имуществ. В ведении палат государственных имуществ – с 1838 г.

- ⁴⁵ Немецкое население Северного Кавказа... / Сб. док. – С. 41 – 42.
- ⁴⁶ Воронезцев А.В. Миграционные процессы в поволжских... – С. 102.
- ⁴⁷ Дитц Я. Ук. соч., с. 230.
- ⁴⁸ Плохотнюк Т.Н. Ук. соч., с. 14 –15; Терещенко А.Г., Черненко А.Л. Ук. соч., с. 61 – 62.
- ⁴⁹ Немецкое землевладение на Кубани. Сост. Б.М. Городецкий // Кубанский сборник на 1915 год. Изд. Куб. обл. Статист. Комит. под ред. Л.Т. Соколова. Т. XX. – Екатеринодар, 1915. – С. 367; Черный К.Н. Ейский уезд (статистическое описание) // Там же, Т. I. – Екатеринодар, 1883. – С. 345; См.: «Heimatbuch» – Stuttgart, 1961. – S. 35. (Сведения не совпадают: к. Михельсталь, якобы, создана причерноморскими немцами, а Александерфельд – немецкими крестьянами из к. Рибенсдорф.)
- ⁵⁰ Воронезцев А.В. Миграционные процессы в поволжских... С. 102. См. Я. Дитц отмечал самовольный уход колонистов с насиженных мест на Кавказ (Ук. соч., с. 228 – 230.)
- ⁵¹ Аккиева С.И. Немецкие колонии в Кабардино-Балкарии // Немцы на Дону, Кавказе и Волге... – М., 1995 – С. 149–150; Rothermel, J. Alexanderdorf // „Heimatbuch» – Stuttgart, 1961. - S. 64–65. (По его данным, кол. Александердорф основана в 1843 г., 50 семей получили надел земли 3550 дес.; К 1918 г. население достигло 1600 душ, 241 семей, и беженцы с Украины – 340 человек. дан план колонии.)
- ⁵² Дитц Я. Ук. соч., с. 230; Воронезцев А.В. Миграционные процессы в поволжских..., с. 106; Кабузан В.М. Население Северного Кавказа в XIX-XX веках. – СПб., 1996. – С. 145 (табл. 15); Он же: Эмиграция и реэмиграция... – С. 93: Доля немцев составила в конце XVIII в. – 0,6 %, в 1834 г. – 1,0%, в 1858 г. – 1,1 % населения страны.
- ⁵³ Чекменев С.А. Социально-экономическое развитие Ставрополя и Кубани в конце XVIII – первой половине XIX в. Автореф. докт. дис. ... д.и.н. – Ростов-на-Дону, 1967. – С. 24, 45-46.
- ⁵⁴ Малахова Г.А. Ук. соч. – С. 221. Текст Положения 1862 г. см.: С. 357 – 376.
- ⁵⁵ Подробнее см.: A. Eisfeld. Die Russlanddeutschen. Erw. u. akt. Neuauflage. – München: Langen Müller, 1999. – S. 47 – 49. (Studienbuchreihe der Stiftung Ostdeutscher Kulturrat. Bd. 2).
- ⁵⁶ Плохотнюк Т.Н. Ук. соч. - С. 27; она же: Немецкие колонисты на Северном Кавказе // Кавказские немцы – немцы на Кавказе до первой мировой войны. Матер. первой науч. конф. 22 – 25 сент. 1997. Баку – Гянджа. – Баку: ЭЛМ, 2001. – С. 86–87.
- ⁵⁷ Малахова Г. Ук. соч., с. 217. См. также: Бентковский И.В. Заселение западных предгорий Главного Кавказского хребта // Кубанский сборник. Труды Куб. обл. стат. Ком. Т.1. - Екатеринодар, 1883. – С. 1 – 86.
- **** Плохотнюк Т. (Ук. соч., с. 25) путает к. Эйгенфельд (с. Ванновское) и к. Эйгенгейм (как с. Ванновское), возникшую у с. Ливонского, на левом берегу р. Б. Казьмы, и ошибочно называет Эйгенгеймскую волость.
- ⁵⁸ Немецкое землевладение на Кубани. Сост. Б.М. Городецкий..., С. 369, табл; Кириченко

Н. Год у немецких колонистов. Описание кол. Эйгенфельд Кавказского отдела Кубанской области // Кубанский сборник. Труды Куб. обл. Статист. Ком. Т. VI. – Екатеринодар, 1900. – С. 3 – 40.

⁵⁹ См.: Проблемы аграрного развития Северного Кавказа в XIX – начале XX в. Сб. науч. тр. – Краснодар, 1987. – С. 43, 105; Описание кубанского имения «Хуторок» барона В.Р. Штейнгеля. 1900. / Сост. П.Н. Котов. – М., 1900.

⁶⁰ Немецкое землевладение на Кубани. Сост. Б.М. Городецкий... – С. 379 – 380.

⁶¹ Терещенко А.Г., Черненко А.Л. Российские немцы на Юге России... С. 171; Плохотнюк Т.Н. Ук. соч. – С. 192: Табл. 2 не отражает тенденцию к увеличению частного землевладения немецкого населения Северного Кавказа в 80–90-е гг. XIX в. Вывод на с. 31 относится исключительно к данным по Области Войска Донского.

⁶² Подробнее см.: Воронежцев А.В. Миграционные процессы в поволжских... – С. 103 – 105.

⁶³ Там же. – С. 105 – 106.

⁶⁴ Булычев М.В. Социально-экономическое положение немецких селений Саратовской губернии в конце XIX – начале XX в. // Российские немцы. Проблемы истории, языка и современного положения. Матер. междунауч. конф. Анапа, 20 – 25 сент. 1995. – М.: Готика, 1996. – С. 217.

⁶⁵ Подробнее: Гостиева Л.К. Немцы Северной Осетии: история и современность // Немцы на Дону, Кавказе и Волге... – С. 131 – 132; Агаева Э.Я. Становление и дальнейшая судьба немецких колоний в Терской области // Там же. – С. 120 – 121. (Агаева насчитывает 53 колонии в области.)

⁶⁶ Терещенко А.Г., Черненко А.Л. Российские немцы на Юге России... – С. 35; Агаева Э.Я. Становление и дальнейшая судьба... – С. 123.

***** Подробнее см.: Плохотнюк Т.Н. Ук. соч. – С. 61 – 65. Следует уточнить, что газета «Der Brüderbote», основанная в 1866 г. в Германии основоположником движения С. Клётером, продолжала выходить и после его смерти в 1896 г.

⁶⁷ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Изд. Центр. Стат. Ком. МВД под ред. Н.А. Тройницкого. LXV. Кубанская область. 1905. – С. VII, XIV, С. 3; то же: LXVII, Ставропольская губерния. 1905. – С. У; то же: т. 68. LXVIII. Терская область. 1905. – С. V.

⁶⁸ Выступившие за сохранение чистоты веры новоменнониты отстаивали свободу принятия веры сознательно, во взрослом возрасте, и крещение – вступая в воду; подверглись гонениям и преследованиям со стороны остальных. См.: Твалчрелидзе А. Колонии меннонитов Вольдемфюрст и Александерфельд, Кубанской области // Сборник материалов для описания местности и племен Кавказа. Вып. V – Тифлис, 1886. – С. 112; А. Клаус. Наши колонии. Опыты и материалы по истории и статистике иностранной колонизации

- в России. Вып. 1. – СПб., 1869. – С.195; Radtke E. Die deutsche Siedlung am Kuban // „Heimatbuch» – Stuttgart, 1985 – 1989, S.156 – 158; Немецкое население Северного Кавказа... / Сб. док. – С. 43 – 44;
- ⁶⁹ Черказьянова И.В. Религиозные общины меннонитов и баптистов в Западной Сибири // Немцы. Россия. Сибирь. Сб. ст. / Сост. и науч. ред. Вибе П.П. – Омск: ОГИК музей, 1997. – С. 80–81.
- ⁷⁰ Заалов М. Меннониты и их колонии на Кавказе // Сборник материалов для описания..., Вып. 23. - Тифлис, 1897. – С. 125.
- ⁷¹ Первая всеобщая перепись... LXV. Кубанская область. 1905. – С. У; то же: LXVII, Ставропольская губерния. 1905. – С. 3; то же: т. 68. LXVIII. Терская область. 1905. – С. 2, 59; См.: Терещенко А.Г., Черненко А.Л. Российские немцы на Юге России... – С. 66: неверно дана доля немцев – 1,8% населения Кубанской области (по переписи – 1,08 %).
- ⁷² Вибе П.П. Образование и становление немецких колоний в Западной Сибири в конце XIX – начале XX веков // Немцы. Россия. Сибирь... – С. 17 – 18, 40.
- ⁷³ Кабузан В.М. Население Северного Кавказа ... – С.145, табл. 15. По данным Кабузана (с. 120) с 1865 по 1916 г. в регион прибыло 1,7 млн. почти исключительно русских и украинских мигрантов; удельный вес русских в населении вырос к 1917 г. до 41, 7%.
- ***** Весьма спорно положение о третьем «этапе колонизации» в 20-годы и не выдерживающих критики 3-х группах поселенцев: «мигрантов, реиммигрантов и иммигрантов», из которых две последние также являются мигрантами. См.: Плохотнюк Т.Н. Немецкое население на Северном Кавказе. – М., 2001 – С. 167.

НЕМЕЦКИЕ НАЦИОНАЛЬНЫЕ РАЙОНЫ ЮГА УКРАИНЫ В 1920-е – 1930-е гг.: ОБЩИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ И СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ

М. Э. Козырева

Социально-экономический и политический кризис в Украине по завершении гражданской войны наглядно продемонстрировал всю степень неустойчивости (несмотря на военную победу) советской власти. Это вынудило большевистское руководство пойти на определенные уступки как в социально-экономической сфере (внедрение нэпа), так и в национальном вопросе (политика коренизации и выделение национальных административно-территориальных единиц).

Вынужденные попытки реформирования, осуществляемые политическим руководством страны под угрозой окончательной потери социальной опоры (особенно на селе) и в силу этого направленные не на усиление отчуждения, а на поиск общих точек интереса с крестьянством, непосредственно затронули и немецких поселенцев.

Разорение немецких колоний в годы Первой мировой и гражданской войн, значительное урезание земельных наделов, приведшее к крайнему обострению проблемы землеустройства и землепользования, чрезвычайно высокий уровень налогообложения, трагические последствия голода 1921–1923 гг., постоянные притеснения со стороны руководящих органов разного уровня, а также административно-территориальные преобразования начала 1920-х годов, игнорировавшие национальные и религиозно-культурные особенности населения – все это не только создало кризисную ситуацию в поселениях, но и вызвало в 1923–1924 годах нарастающий эмигрантский поток из немецких (особенно меннонитских) колоний, в том числе и бедноты (что было весьма нежелательно для властей как из-за престижных, так и экономических соображений).

В силу этого советское руководство, еще недавно категорически отвергавшее какие-либо автономистские предложения колониальных представителей, стало рассматривать выделение национальных административно-территориальных единиц (сельсоветов и районов) как фактор, способный не только значительно улучшить социально-экономическую ситуацию в не-

мецких колониях и удовлетворить национально-культурные потребности населения, но и ускорить вовлечение в социалистическое строительство нерасположенных к советской власти немецких поселенцев.

Со своей стороны и колонисты, убедившись в практической неосуществимости или недопустимости властью других предложений и начинаний (как-то, национально-культурная автономия или правозащитная деятельность меннонитской кооперации), все более склонялись к созданию немецких административно-территориальных образований как дозволенной в условиях советского государства форме защиты национальной и социально-экономической самобытности.

Немецкие районы были первыми, созданными в Украине в ходе национального районирования, начатого на основании постановления СНК УССР от 29 августа 1924 г. «О выделении национальных районов и советов».

На протяжении существования немецких национальных районов в Украине их количество, подчиненность, статус, территория, границы, названия часто претерпевали изменения (что нередко становилось причиной неточной информации в научных публикациях).

Среди общих условий выделения национальных районов были: умеренные размеры территории как возможность близкого общения с жителями; достаточная экономическая база; культурно-политическое тяготение к определенному населенному пункту; удобная конфигурация границ, которая не нарушала бы хозяйственную однородность и др.¹.

На местах практическое выделение немецких национальных районов часто опережало получение ими официального статуса национальных административно-территориальных единиц. В материалах Центральной комиссии национальных меньшинств (ЦКНМ) образование Пришибского и Молочанского районов датировано еще 7 июля 1924 г.². Уже в первоначальном плане по районированию немецких колоний Украины 1924 г. со стороны немцев-коммунистов из числа немецких работников центрального аппарата было выдвинуто предложение о создании из всех колоний Пришибской (преимущественно лютеранской) и Гальбштадтской (меннонитской) волостей единого района. Это обосновывалось нехваткой подходящих работников районного звена из числа немцев-коммунистов, а также желательностью объединения экономически слабого Пришибского и более мощного Молочанского районов. Однако этот план вызвал резкое сопротивление со стороны меннонитов, желавших иметь «свой район». Вновь предложение об объединении было поднято год спустя, однако надежды центра на лояльное отношение меннонитов к этой пропозиции, не оправдались, и оба

района в тот момент сохранили свою административную самостоятельность³.

Задержки официального получения немецкими районами статуса национальных зачастую были связаны с необходимостью выделения из их состава инонациональных сельсоветов и сел, чтобы избежать создания не мононационального, а смешанного района. Поэтому первыми были выделены те немецкие национальные районы, в которых вкрапления инонациональных населенных пунктов в компактное расположение немецких колоний было незначительным: Молочанский, Пришибский, Люксембургский и Ландауский (Карл-Либкнехтовский). Позднее, в разное время, получили статус немецких национальных Зельцкий (Фридрих-Энгельсовский), Гросс-Либентальский (Спартакровский), Высокопольский (Фриц-Геккертровский), Хортицкий, Пулинский, Вальдгеймский (Рот-Фронтровский) районы. Невозможность избежать включения значительного числа ненемецких сел определила в дальнейшем украино-немецкий статус единственного смешанного Остгеймского (Тельмановского) района.

Не меньше проблем возникало с определением территориальной подчиненности создаваемых немецких районов. Так, Высокопольский район, формируемый на базе Кочубеевской и Высокопольской волостей, первоначально предполагалось подчинить Криворожскому округу. Однако экономическое тяготение к Херсону, а также энергичные протесты самих колонистов, поддержанные Херсонским окружным исполнительным комитетом, убедили центр в необходимости изменения первоначального плана.

Кроме Пулинского района, сформированного на Волыни, остальные немецкие национальные районы были выделены на Юге Украины в полосе от западных до восточных границ республики (здесь также не учитываются немецкие районы Крыма, который тогда не входил в состав УССР). Такое географическое расположение определило как отличия в национальном составе населения, так и климатическую специфику (степень засушливости, характер почв и т.д.), что существенно повлияло на особенности сельскохозяйственного производства, базового для немецких районов.

На национальном составе немецких районов Юга Украины отразилась исторически сложившаяся картина расселения в регионе других национальных групп. Практически во всех немецких национальных районах было представлено украинское, русское, еврейское, а также в незначительном количестве белорусское население. Поляки, чехи, молдаване, болгары в основном проживали в западных, а греки – в восточных немецких национальных районах. В условиях осуществления политики коренизации осо-

бенности национального состава того или иного немецкого района накладывали на районное руководство обязательство удовлетворения национально-культурных (в основном языковых) потребностей в делопроизводстве, системе образования и т.д. не только немецкого большинства, но и инонационального меньшинства, что далеко не всегда выполнялось на практике. Если в Гросс-Либентальском районе Одесского округа в 1925/1926 операционном году делопроизводство полностью проводилось на немецком языке (что нашло весьма позитивный отклик среди немецкого населения), то в Фридрих-Энгельсовском районе того же округа его осуществление было усложнено из-за вхождения в состав района 4-х украинских сельсоветов, в связи с чем райисполком вынужден был на практике пойти на жертву интересов немецкого большинства⁵. В то же время Президиум Мариупольского окружного исполнительного комитета на заседании от 24 августа 1926 г. констатировал недостаточную обеспеченность Люксембургским райисполкомом национального развития входящего в его состав греческого Новокерменчицкого сельсовета⁶.

Также в рамках политики коренизации добавлялась необходимость осуществления украинизации в национальных административно-территориальных единицах, что ставило управленческие органы районного звена под тройной языковой пресс в делопроизводстве на фоне слабой языковой подготовки кадров. В этих обстоятельствах центральное руководство вынуждено было продлить срок, отведенный работникам национальных районов и сельсоветов на овладение украинским языком; в то же время обращалось внимание аппарата среднего звена на необходимость осуществления обязательного делопроизводства на родном языке в национальных административно-территориальных единицах⁷.

Важнейшим тормозом в экономическом развитии немецких районов в период нэпа оставалась неурегулированность землеустройства и землепользования. Попытки частично увеличить в середине 1920-х годов значительно уменьшенную в предыдущие годы земельную обеспеченность немецких поселений (за счет земель, ранее принадлежавших колонистам и отошедших в государственные и колонизационные фонды) натолкнулись не только на нерасторопность и медлительность местных властей, но и на позицию Наркомата земледелия УССР, забронировавшего бывшие немецкие колониетские земли за инациональными переселенцами и не спешившего эту броню снять. Такой подход, с одной стороны, не способствовал решению остро стоящих в немецких поселениях землеустроительных проблем (что в свою очередь ставило под сомнение возможность исполь-

зования советским руководством умений и навыков немецких поселенцев в деле организации высокопроизводительного сельскохозяйственного производства); с другой стороны, угрожая превратить немецкие национальные районы Юга Украины в смешанные.

Во второй половине 1920-х годов в расчетах руководящих органов УССР все четче прослеживается тенденция отхода от попыток хотя бы минимальной земельной прирезки немецким поселениям к упору на переселение лишних рабочих рук на союзные колонизационные фонды на Дальнем Востоке⁸.

В целом сельскохозяйственное производство в немецких районах региона в период нэпа так и не достигло довоенного уровня, а потенциальные возможности экономического подъема до конца так и не были реализованы из-за проводимой властями политики.

Осуществляемые меры не смогли ни удержать колонистов от новой волны эмиграционных настроений, ни разрешить проблему земельного обеспечения всех нуждающихся в немецких поселениях Юга Украины, так и незавершенную в условиях начавшейся сплошной коллективизации.

Продолжались и административно-территориальные изменения. В 1928 году, игнорируя конфессиональные особенности, Центральная административно-территориальная комиссия все же присоединила Пришибский район к Молочанскому.

В то же время власти вынуждены были не оставлять попыток выделения новых немецких национальных районов. Это обуславливалось как экономическими факторами, так и политическими соображениями. С повестки дня не только не был снят вопрос немецкой эмиграции из СССР, но он еще более обострился в конце 1920-х годов в связи с ухудшающейся социально-экономической и политической ситуацией в стране. В одном только Остгеймском немецком сельсовете Мариупольского округа были поданы заявления от 40 семей немецких поселенцев (из них, по признанию самих властей, 50% составляли бедняки); к тому же эмиграционное движение охватило и часть русского населения сельсовета, что свидетельствовало о выходе кризиса за грани чисто национальных проблем (также далеких от разрешения)⁹. Среди предполагаемых мероприятий по улучшению ситуации было и выделение немецкого национального района с центром в Остгейме¹⁰. Однако дело его создания было отложено еще на несколько лет.

Новый «административно-территориальный удар» ожидал меннонитов: колыбель меннонитской колонизации на Юге Украины – Хортицкий район, в течение длительного времени проектируемый и ценой больших усилий оформ-

ленный как немецкий национальный в 1929 г., просуществовал в таком качестве лишь год. Сталинский вариант индустриализации и сплошной коллективизации требовал максимальной централизации управления. Постановлением ВУЦИК и СНК УССР от 2 сентября 1930 г. округа как промежуточные административные образования были ликвидированы, а районы перешли под непосредственное руководство центра. Этим же постановлением Хортицкий район ликвидировался с подчинением его населенных пунктов Запорожскому горсовету, аппарат которого абсолютно не был приспособлен к обслуживанию населения немецких сельсоветов. Наряду с другими причинами ликвидация района была связана и со строительством Днепрогэса.

Конъюнктурные соображения (в том числе негативные последствия чрезвычайной централизации управления) вынудили советское руководство продолжить административно-территориальные преобразования в республике. В 1932 г. в Украине было создано 5 областей, что повлекло административное переподчинение немецких районов. Карл-Либкнехтовский (Ландауский), Фридрих-Энгельсовский (Зельцкий), Гросс-Либентальский (Спартакровский) районы вошли в состав Одесской области; Высокопольский, Люксембургский и Молочанский отошли к Днепропетровской, а Пулинский – к Киевской области.

Возобновилось разукрупнение административно-территориальных единиц. В конце 1934 г. в Сталинской (Донецкой) области был выделен Остгеймский (Тельмановский) район, имевший смешанный украино-немецкий статус (давно планировавшийся вариант создания немецкого мононационального района так и не был реализован из-за невозможности выделить из его состава значительного числа ненемецких населенных пунктов). В начале 1935 г. при разукрупнении в Днепропетровской области из части Молочанского района был сформирован еще один немецкий национальный район – Вальдгеймский (Рот-Фронтровский).

Немецкое население, особенно в западных приграничных областях, давно уже рассматривалось советским руководством как «пятая колонна» фашистов. Это привело к упразднению в 1935 г. Пулинского района Киевской области и созданию на его базе Червоноармейского, не имевшего национального статуса.

В сентябре 1937 г. во время очередного разукрупнения Высокопольский (Фриц-Геккертовский) район вошел в состав созданной Николаевской области.

Осуществление сплошной коллективизации радикально изменило формы землеустройства и землепользования в немецких районах Юга Украи-

ны, что не только сделало невозможным использование уникального опыта колонистов по организации товарного производства сельскохозяйственной продукции в силу рыночного характера колонистских хозяйств, но и поставило немецких поселенцев на грань физического выживания в период голодомора 1932–1933 гг.

Ведущим мероприятием хлебоуборочных кампаний в немецких районах, как и повсюду, стала хлебосдача. Однако, несмотря на первоочередное внимание со стороны руководящих органов к ее выполнению, никакие чрезвычайные усилия (как-то, назначение уполномоченных или открытые репрессии) не могли преодолеть экономическую нецелесообразность осуществляемых мер. Так, летом 1935 г. хлебосдача в Тельмановском районе оказалась в угрожающем состоянии, а большинство колхозов было признано отстающими. Действенным способом исправления ситуации власти считали кадровые «чистки», полагая, что вновь назначенные сотрудники будут усерднее выполнять грабительские по отношению к крестьянству указания руководящих органов, не считаясь при этом с экономическими реалиями. Новоназначенный секретарь того же Тельмановского райпарткома Ровинский (сменивший на этом посту выявленного «врага народа» Лупандина), несмотря на предупреждения со стороны некоторых колхозных коммунистов о невозможности вернуть долги государству за счет собранного хлеба, назвал подтверждающие это балансовые расчеты кулацкими, а предложения о снижении хлебосдачи поживой классовому врагу¹².

К середине 1930-х годов было проведено перепрофилирование некоторых немецких районов, далеко не всегда учитывавшее сложившиеся производственные традиции. Так, профиль сельскохозяйственной специализации Карл-Либкнехтовского района был сменен с зернового на масличный при практическом отсутствии теперь имевшегося ранее чистопородного стада немецкой красной коровы¹³.

Установление тоталитарного режима в стране существенно изменило со стороны власти и характер проведения и последующие оценки результатов политики коренизации, в том числе и в немецких районах Юга Украины. Наступление осуществлялось по всем направлениям и всякими способами – от закрытия немецких школ до фабрикации «дел фашистских пособников». Были и «специфические» моменты. Так, населению немецких районов припомнили «игнорирование» изучения украинского языка¹⁴. На фоне общего сворачивания украинизации в республике причиной «внимания» руководящих структур к украиноязычной проблеме было вовсе не желание действи-

тельно украинизировать немецкое население, а стремление оказать на него давление всеми возможными способами.

Политическую окраску приобрело и переселение во второй половине 1930-х годов немецкого населения из западных приграничных в восточные и южные районы республики.

С дальнейшим обострением международной обстановки и сворачиванием политики коренизации само существование национальных немецких административно-территориальных единиц в глазах властей теряло смысл.

Немецкие районы Юга Украины были признаны «искусственно образованными» и до середины апреля 1939 г. ликвидированы с распределением сельсоветов, входивших в их состав, по другим районам.

¹ Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины в г.Киеве (далее ЦГАВО Украины). Ф. 1. Оп. 3. Д. 3072. С. 1.

² ЦГАВО Украины. Ф. 413. Оп. 1. Д. 130, ч. 1. С. 114, 115.

³ Там же. Д. 91. С. 66 об.

⁴ Там же. Д. 66. С. 11.

⁵ Там же. Д. 139. С. 63.

⁶ Государственный архив Донецкой области (далее ДАДО). Ф.Р-1202. Оп. 1. Д. 167. С. 269 об.

⁷ ЦГАВО Украины. Ф. 1. Оп. 3. Д. 3072. С. 36.

⁸ Там же. Ф. 413. Оп. 1. Д. 199. С. 10, 17.

⁹ ДАДО. Ф. Р-1202. Оп. 2. Д. 32. С. 88.

¹⁰ Там же. С. 89.

¹¹ Там же. Ф. 578. Оп. 1. Д. 6. С. 1.

¹² Там же. Д. 15. С. 32.

¹³ Одеська область. Адресна і довідкова книга. 1936. Одеса: Чорноморська комуна, 1936. С. 29; Райони УСРР. Статистичний довідник / За ред. О. М. Асаткіна. Т. 1. К.: Народне господарство та облік, 1936. С. 883.

¹⁴ ДАДО. Ф. 326. Оп. 1. Д. 227. С. 78.

ФОЛЬКСДОЙЧЕ И ИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ С НАЦИСТСКИМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ В РЕЙХСКОМИССАРИАТЕ УКРАИНЫ

А. В. Соловьёв

История взаимоотношений между фольксдойче и национал-социалистскими организациями на территории Рейхскомиссариата Украины является достаточно сложным вопросом и требует тщательного исследования. Ведь эта проблематика может освещаться с двух сторон. Во-первых, как один из аспектов истории Второй мировой войны. А во-вторых, как один из аспектов истории немцев Восточной Европы. Собственно говоря, данная работа имеет целью раскрыть историю отношений фольксдойче Украины с созданными здесь структурами национал-социалистских организаций. Соответственно с указанной целью можно выделить ряд задач – показать общее положение фольксдойче, исследовать взаимоотношения фольксдойче с каждой из национал-социалистских организаций в отдельности (СС, НСДАП, Гитлерюгенд и т.п.), выявить сходства и различия в подходах каждой из этих организаций к фольксдойче.

Что касается историографии данного вопроса, то она не очень богата. Можно упомянуть разве что Меира Бухсвейлера с работой «*Volksdeutsche in der Ukraine am Vorabend und Beginn des Zweiten Weltkriegs – ein Fall doppelter Loyalität?*» (Gerlingen, 1984)¹ и Ингеборг Флейшхауер с работой «*Das Dritte Reich und die Deutschen in der Sowjetunion*» (Stuttgart, 1983)². Кроме того, определённую информацию содержат некоторые работы М.И. Семиряги, такие, как «Тюремная империя нацизма и ее крах» (М., 1991)³ или «Коллаборационизм: природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны» (М., 2000)⁴. Наконец, можно вспомнить обобщающие работы по истории немцев Украины, например, работу А. И. Кудряченко «Вихідці з німецьких земель на теренах України: минуле і сьогодення» (К., 1995)⁵.

Положение фольксдойче в Украине определялось директивами Альфреда Розенберга, как рейхсминистра Восточных оккупированных территорий, от 19 февраля 1942 г. и Генриха Гиммлера, как рейхсфюрера СС и имперского комиссара по консолидации и укреплению германской нации и расы, от 8 сентября 1942 г. Согласно этим директивам, немцы, проживавшие на территории Рейхскомиссариата Украины и признанные в качестве этнических немцев, должны были быть включены вместе с членами их семей в со-

ответствующий национальный список – «Deutsche Volksliste Ukraine». Внешение в этот список сопровождалось соответствующими как правами и привилегиями, так и обязанностями. Благодаря тому, что члены семей тоже включались в этот список, статус фольксдойче нередко получали и лица, не имевшие немецкой крови, но состоявшие в браке с представителями немецкой национальности, особенно если при этом у них были общие дети. Следует иметь в виду и то, что не было статуса фольксдойче вообще, а в зависимости от чистоты германской крови, а также определенной мерой и самосознания (принадлежности к немецкой культуре и т.д.) фольксдойче делились на несколько категорий. Кроме того, в причислении к той или иной категории мог сыграть роль и расовый тип определяемого.

Уже с самого определения статуса фольксдойче начиналось взаимодействие с национал-социалистскими структурами, а именно – СС. Ведь вопросами фольксдойче занималось Volksdeutsche Mittelstelle (VoMi) – Центральное управление фольксдойче, одно из 5 главнейших управлений СС, во главе с обергруппенфюрером СС Вернером Лоренцем, а сам Гиммлер был комиссаром по консолидации германской расы. Так, в Рейхскомиссариате Украины были созданы и действовали зондеркомандо СС «R», занимавшиеся установлением принадлежности к фольксдойче и к той или иной их категории. Некоторые из подобных команд были известны также как т. н. «команды доктора Штумппа», хотя сам Штумпп их не возглавлял, а был просто исполнителем. Кроме того, возможно, для упорядочения деятельности этих зондеркоманд, были созданы и постоянные штабы и пункты. Например, в Райхенау (возле Шепетовки) действовало управление фольксдойче во главе с гауптшарфюрером СС Фрицем Вихманном⁶.

Сначала в исследованиях фольксдойче действительно придерживались строго расовых критериев. Однако с 1943 г. стали менее разборчивыми и для того, чтобы быть признанным в качестве фольксдойче, было достаточно с помощью 2–3 свидетелей подтвердить свое немецкое происхождение, но при этом немецкое происхождение самих свидетелей желало быть несомненным. Это дало повод некоторым исследователям утверждать⁷, что с этого времени фольксдойче могли стать все желающие и в фольксдойче стали записываться разные проходимцы по той причине, что местные немцы были приравнены к рейхсдойче и имели разные привилегии – специальные продовольственные и промтоварные карточки, лучшие квартиры, нераспространение на них законов относительно местного населения и т.д. Однако эти утверждения не выдерживают никакой критики. Согласно немецким документам в Рейхскомиссариате Украины проживали около полу-

миллиона фольксдойче⁸. А современные исследователи считают, что в 1940-х г. на территории Украины проживали около 600 000 немцев⁹. На 1939 г. официальная численность немцев была около 400 000 человек. Учитывая то, что многих немцев в самом начале войны вывезли с территории Украины, следует признать, что многие из фольксдойче в довоенное время числились представителями других национальностей. Но это были в основном члены смешанных семей, про что выше уже говорилось. Возможно, и были проходимцы, однако их не могло быть много, и уж тем более нельзя утверждать, что фольксдойче могли стать чуть ли не все желающие.

Нужно отметить тот факт, что часто проводились переселения фольксдойче из одних местностей в другие. Этими переселениями также занимались вышеупомянутые зондеркомmando СС «R». Так, делались попытки сосредоточить немецкое население в отдельные осаднические поселения, например в 10 км от Житомира – «Хегевальд» и «Черняхов» с общей площадью 6750 кв. км., а в 1942 г. была такая же попытка создать осаднические поселения из 7 поселков фольксдойче в Киевщине (Форстенштадт) и Винничине (Каленфельд). Однако позже эти попытки были признаны несвоевременными и от них временно отказались, а потом их уже невозможно было осуществить. Но переселения фольксдойче продолжались. Вообще-то, такие переселения проводились целыми поселками из одной области в другую для стратегических целей. Фольксдойче должны были охранять и защищать железные дороги, шоссе и т.д. от партизан. Новые поселки фольксдойче создавались на базе бывших колхозов и совхозов, а их организацией как раз и занимались зондеркомmando СС «R» совместно с гражданской администрацией¹⁰.

Также следует отметить, что фольксдойче должны были играть соответствующую роль в администрации Рейхскомиссариата Украины. Так, из их числа нередко пытались назначать бургомистров, старост, других должностных лиц местного значения (понятно, если таковые фольксдойче имелись в наличии), вербовать переводчиков, агентов полиции и гестапо и т.д. Создавались и отдельные вооруженные команды фольксдойче – т.н. «группы самозащиты».

Соответственно, фольксдойче, умевшие обращаться с оружием, вербовались на службу в войска СС (Waffen SS). Так, вскрывается еще один аспект отношений СС и фольксдойче. Их охотно брали в Ваффен СС. Так, иногда упоминается такой факт, что в 1943 г. на Днепропетровщине был даже создан целый кавалерийский полк СС из местных фольксдойче¹¹. Если этот полк действительно существовал, то он должен был входить в ка-

кую-нибудь дивизию. Скорее всего, это была 8-я кавалерийская дивизия СС «Флориан Гейер» – детище известного основателя Reiter SS (кавалерийских частей СС) группенфюрера СС Германна Отто Фегеляйна. Эта дивизия до марта 1944 г. воевала на Восточном фронте, а поэтому наиболее подходит для упомянутого полка, тем более что в ней служили как рейхсдойче, так и разные фольксдойче (в отличие, скажем, от 22-й кавалерийской дивизии СС «Мария Терезия», созданной главным образом для венгерских немцев)¹². Однако этот полк мог состоять и при другой дивизии, тем более, что о его существовании нет подробной информации.

Так или иначе, но в любом случае службу в Ваффен СС нельзя приравнивать к членству в партийно-политической организации СС. Тем более что большинство украинских фольксдойче служили как рядовые или низшие офицеры. Вообще, фольксдойче редко дослуживались до высоких чинов в Ваффен СС.

Однако был один фольксдойче из Восточных оккупированных территорий, который дослужился до бригадефюрера СС и смог возглавить целую дивизию Ваффен СС. Это Бронислав Владиславович Каминский, который к тому же был немцем лишь наполовину. Немкой была его мать¹³, а отец был поляком из Белоруссии (поэтому Каминского называют иногда поляком, иногда белорусом). Каминский был известен как один из организаторов т.н. «Локотской республики» вместе с Константином Павловичем Воскобойником (они там даже создали Русскую национал-социалистическую партию¹⁴), потом создал бригаду РОНА (Русская освободительная народная армия, не путать с РОА Власова). Эта бригада потом и послужила основой для 29-й ваффен-гренадерской дивизии СС. Хотя она считалась русской дивизией, но кроме русских в ней служили фольксдойче, украинцы (Хене считал, что украинцев там было большинство¹⁵), белорусы, поляки и т.д. Из-за плохой славы ее быстро расформировали, 29-й номер передали новой итальянской дивизии, а самого Каминского ликвидировали по приказу Гимmlера. Кем же считал себя сам Каминский – русским, поляком, белорусом или все-таки немцем, остается неясным. Так или иначе, но чин бригадефюрера позволяет предположить, что он мог считаться и членом политической организации СС.

Однако в любом случае это скорее исключение из правил. Фольксдойче из Восточных оккупированных территорий практически не становились членами партийно-политической организации СС, хотя достаточно часто служили в войсках СС.

Точно так же, как и в СС, собственно в НСДАП широкого приема новых членов из числа фольксдойче тоже не предвиделось. Дело в том, что с авгу-

ста 1942 г. НСДАП создала на территории Рейхскомиссариата Украины свою структуру, которую возглавлял сам рейхскомиссар Эрих Кох, а на местах – генерал-комиссары и гебитскомиссары. Большинство же членов НСДАП были приезжие рейхсдойче, а фольксдойче практически не было. Правда, можно упомянуть, что в Днепропетровске был член НСДАП, местом рождения которого был Кривой Рог, – Карл-Хайнц Бёслер. Однако его домашним гау указана Померания, да и вступил он в ряды НСДАП в 1931 г. Кроме того, он успел побывать членом «Стального шлема»¹⁶. Эти факты заставляют нас думать, что он давно уже был рейхсдойче, а фольксдойче его можно считать лишь в том случае, если таковым считать и самого Розенберга, как уроженца Ревеля. Более подходит на роль фольксдойче Хелене Лассан, родившаяся в Москве, которая поступила на службу в украинское руководство НСДАП (Landesleitung Ukraine NSDAP) в 1942 г.¹⁷. Однако и тут неясно, стала ли она членом именно там и тогда или все же членом партии она была давно и, как и Бёслер, прибыла из Германии уже в качестве рейхсдойче.

А более реальных фактов о местных фольксдойче в рядах НСДАП найти не удалось. Это утверждает нас в мысли, что особого желаяния делать из фольксдойче членов партии просто не было. Наверное, считалось, что старшее поколение невозможно уже сделать настоящими национал-социалистами, потому что оно было уже достаточно испорчено большевистским влиянием. Ведь в многочисленных документах речь идет о том, что большевистское господство наихудшим образом отразилось на характере и мировосприятии местных фольксдойче¹⁸.

Тем не менее НСДАП все же работала с украинскими фольксдойче, причем как в агитационном плане, так и в материальном, ведь не раз подчеркивался тот факт, что воспитанием, обеспечением и иной работой с фольксдойче руководит исключительно НСДАП¹⁹. Среди такой работы можно упомянуть то, что НСДАП распространяла среди фольксдойче брошюры и другую литературу с национал-социалистской пропагандой, занималась устройством их на работу, назначением и перемещением по службе, предоставлением материальной помощи и другого обеспечения, созданием немецких детсадов, организацией подарков из Рейха для семей фольксдойче, разыскиванием семей фольксдойче по просьбам, усыновлениями сирот фольксдойче и т. д. Таким образом, хотя для НСДАП в Рейхскомиссариате Украина было поставлено целью объединение всех немцев и культурная опека над ними, но она вынуждена была заниматься в первую очередь материальными и социальными проблемами местных немцев.

В связи с этим можно привести ряд примеров, чем была занята НСДАП в

Украине. Так, через структуры НСДАП фольксдойче Леокадию Бойхель устроили в государственное полицейское управление Белостока²⁰, Софии Ольшевской помогли с квартирой²¹, а Фриде Фризен помогли с трудоустройством²². Этот список можно продолжать до бесконечности, а приведенные примеры дают возможность понять, чем на самом деле НСДАП вынуждена была заниматься на территории Рейхскомиссариата Украина.

Впоследствии с наступлением советских войск НСДАП вместе с другими организациями занималась эвакуацией украинских фольксдойче на территорию Рейха.

Нужно отметить и то обстоятельство, что хотя не было приема украинских фольксдойче в ряды НСДАП, однако нет данных про то, что было бы создано специальную организацию национал-социалистского толка для местных фольксдойче.

В отличие же от НСДАП и СС, Гитлерюгенд на территории Рейхскомиссариата Украины действовал именно как организация для фольксдойче. Наверное, считалось, что в отличие от старшего поколения, так сказать, «испорченного большевизмом», молодежь была податлива для перевоспитания в настоящих национал-социалистов. Однако следует заметить, что в руководящих органах Гитлерюгенда были исключительно приезжие рейхсдойче, хотя бы потому, что организация тут создавалась с нуля.

Украинский Гитлерюгенд получил название «Дойче Югенд Украины» (Deutsche Jugend Ukraine – Немецкая Молодежь Украины)²³. Его членами были обязаны становиться все молодые фольксдойче первой и второй категорий (про категории см. выше) в возрасте от 10 до 21 года. Что же касается фольксдойче третьей категории, то их принимали с разрешения местного гебитскомиссара (наверное, как местного партийного вождя). Соответственно, Гитлерюгенд старался накрыть своей сетью каждый населенный пункт, где проживали фольксдойче, что ему в принципе удавалось.

Главной же целью для Гитлерюгенда было поставлено воспитание фюреров – вождей Гитлерюгенда из числа местных фольксдойче. В связи с этим достаточно часто проводились курсы фюреров, а потом была открыта школа фюреров в Рокини (на Волыни)²⁴. Гитлерюгенд также основывал на территории Рейхскомиссариата Украина молодежные лагеря, молодежные общежития, разнообразные школы и т.д. Однако вопрос взаимоотношений Гитлерюгенда и фольксдойче многогранен и требует отдельного исследования.

Кроме того, на территории Рейхскомиссариата Украина действовала также NSV (Nationalsozialistische Volkswohlfahrt – Национал-социалистская взаимопомощь), чьи отделения существовали при соответствующих структу-

рах НСДАП²⁵. NSV занималась благотворительностью среди местных немцев. Однако более конкретных фактов сотрудничества между NSV и фольксдойче Украины найти не удалось.

Наконец, на данной территории функционировала и NSF (Nationalsozialistische Frauenschaft – Национал-социалистская женская организация). В ее рядах состояла и вышеупомянутая Хелене Лассан. Однако про деятельность NSF в Рейхскомиссариате Украина известно лишь то, что она занималась воспитанием и опекой юных фольксдойче в возрасте от 6 до 10 лет, которые создавали детские группы в вышеупомянутых молодежных общежитиях Гитлерюгенда²⁶.

Таким образом, подводя итог всему вышеизложенному, можно сказать, что получивший статус фольксдойче, хотел он того или нет, оказывался под пристальным надзором национал-социалистских организаций. Сам статус определялся органами СС (Volksdeutsche Mittelstelle, зондеркомmando СС «R»), молодые фольксдойче просто обязаны были стать членами Гитлерюгенда, да и вообще все сферы жизнедеятельности фольксдойче должны были находиться под руководством НСДАП (кстати, те же СС, Гитлерюгенд и другие упомянутые организации формально считались подразделениями НСДАП). Однако разница была в подходах. Если НСДАП и СС, работая с фольксдойче, все же не набирали их в свои ряды (служба в войсках СС не в счет), то Гитлерюгенд не просто принимал молодых фольксдойче в собственные ряды, а даже обязал их всех вступить в свою организацию.

Так или иначе, однако, в любом случае проблематика взаимоотношений фольксдойче и национал-социалистских организаций требует дальнейшего изучения, а некоторые аспекты, затронутые в данной работе, могут стать темой для отдельного исследования (например, проблема фольксдойче в Ваффен СС).

¹ См.: Buchsweiler Meir. Volksdeutsche in der Ukraine am Vorabend und Beginn des Zweiten Weltkriegs – ein Fall doppelter Loyalität? Gerlingen, 1984.

² См.: Fleischhauer, Ingeborg. Das Dritte Reich und die Deutschen in der Sowjetunion. Stuttgart, 1983.

³ См.: Семиряга М.И. Тюремная империя нацизма и ее крах. М.: Юрид. лит., 1991.

⁴ См.: Семиряга М.И. Коллаборационизм: природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М.: РОССПЭН, 2000.

- ⁵ См.: Кудряченко А.І. і др. Вихідці з німецьких земель на теренах України: минуле і сьогодення. К.: Наукова думка, 1995.
- ⁶ См.: Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (далее – ЦГАВОУ). Фонд № 3676. Опись 4. Дело 230. Лист 208.
- ⁷ См.: Семиряга М.И. Тюремная империя... С. 98.
- ⁸ См.: ЦГАВОУ. Ф. 3676. Оп. 4. Д. 230. Л. 360.
- ⁹ См.: Пономарьев А.П. Етнічність та етнічна історія України. К.: Либідь, 1996. С. 150.
- ¹⁰ См.: ЦГАВОУ. Ф. 3676. Оп. 4. Д. 348. Л. 5.
- ¹¹ См.: Семиряга М.И. Тюремная империя... С. 99.
- ¹² См.: Шунков В.Н. Солдаты разрушения. Организация, подготовка, вооружение и униформа Ваффен СС. М.: АСТ, Мн.: Харвест, 2001. С. 79 – 81.
- ¹³ См.: Урвол Ник. Войска СС. Кровавый след. Ростов-н/Д: Феникс, 2000. С. 205.
- ¹⁴ См.: Соколов Б.В. Оккупация. Правда и мифы. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2002. С. 165, 174.
- ¹⁵ См.: Хене Хайнц. Черный орден СС. История охранных отрядов. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. С. 519.
- ¹⁶ См.: Государственный архив Днепропетровской области. Ф. 2281. Оп. 1. Д. 4, л. 13.
- ¹⁷ См.: ЦГАВОУ. Ф. 3206. Оп. 6. Д. 266. Л. 6 – 7.
- ¹⁸ См.: ЦГАВОУ. Ф. 3676. Оп. 4, Д. 230. Л. 41.
- ¹⁹ См.: Там же. Л. 54.
- ²⁰ См.: ЦГАВОУ. Ф. 3206. Оп. 6. Д. 266. Л. 10.
- ²¹ См.: Там же. Л. 11.
- ²² См.: ЦГАВОУ. Ф. 3206. Оп. 6. Д. 265. Л. 5.
- ²³ См.: ЦГАВОУ. Ф. 3676. Оп. 4. Д. 348. Л. 4, 16 – 160.
- ²⁴ См.: ЦГАВОУ. Ф. 3676. Оп. 4. Д. 230. Л. 134.
- ²⁵ См.: ЦГАВОУ. Ф. 3206. Оп. 6. Д. 272. Л. 1-2.
- ²⁶ См.: ЦГАВОУ. Ф. 3676. Оп. 4. Д. 348. Л.9.

ИСТОРИОГРАФИЯ ВОЛЫНСКИХ НЕМЦЕВ: РЕАЛИИ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

М. П. Костюк

Своеобразие истории немецкого национального меньшинства на Волыни определило и некоторую специфику в формировании историографии волынских немцев. Среди целого ряда факторов, особо повлиявших на процесс ее становления, следует указать на следующие:

1. Исходным фактором, повлиявшим на изначальное состояние историографии волынских немцев, было то, что массовая немецкая колонизация на Волыни началась лишь во второй половине XIX в., то есть, значительно позднее, чем в других областях Российской империи. Поэтому данный регион почти выпал из поля зрения дореволюционных исследователей и очень слабо отображен в историографии данного периода.

2. Раздел Волыни по условиям Рижского договора 1921 г. на Западную (польскую) и Восточную (советскую) стал причиной разделения некогда единой этнорегиональной группы волынских немцев на две части, которые на протяжении межвоенного периода существовали в условиях двух разных социально-политических систем. Это в свою очередь определило появление первых немногочисленных публикаций о волынских немцах в советской и польской историографии.

3. Высокая миграционная активность волынских немцев, особенно на американский континент, обусловила возникновение историографической традиции в США и Канаде.

4. Следует констатировать и то, что до 90-х годов прошлого века практически отсутствовала украинская историография волынских немцев. И лишь с распадом Советского Союза и образованием независимого украинского государства началось ее формирование.

Исходя из этих и некоторых других менее весомых факторов, есть основания всю историографию волынских немцев разделить на российскую, немецкую, советскую, польскую, американскую (или англоязычную) и украинскую. Именно за таким принципом попытаемся сделать ее сжатый обзор.

Российская историография. Одними из первых исследований, в которых встречаются преимущественно статистические и картографические, изредка историко-этнографические материалы о немцах на Волыни, были

работы П. И. Кеппена, О. Ф. Риттиха, Д. С. Батюшкова, Р. Ф. Эркерта¹. Они увидели свет в 50–60-х годах XIX в. и содержали данные, относящиеся к первой его половине и середине, причем носили фрагментарный характер, не всегда отличались точностью, что требует критического подхода в их использовании.

Отдельно следует остановиться на исследовании А. Воронина, появившемся в 1871 г.². Его записка «Об иностранных поселенцах в Юго-Западном крае» была известна давно, но помещенные в ней материалы по непонятным причинам не использовались в исследовательских работах вплоть до 90-х годов XX в. Она насыщена многими фактами и статистическими данными, цитирует отдельные архивные документы, которые были доступны только автору, и поэтому в определенной мере носит характер первоисточника. Ценность исследования А. Воронина еще и в том, что в нем содержится уникальный фактический материал, который освещает период появления первых меннонитских и немецких колоний на Волыни еще в начале и первой половине XIX века. К сожалению, период массовой немецкой колонизации на Волыни в работе А. Воронина освещен лишь состоянием на 1871 г., то есть начальный ее этап.

Довольно весомый вклад в изучение иностранцев на Волыни во второй половине XIX и в начале XX в. сделали офицеры Генерального штаба российской армии. Первую группу их трудов составляют коллективные работы³, содержащие преимущественно большое количество статистических данных, кое-где обработанных и представленных в виде таблиц, графиков, диаграмм, что дает возможность проследить динамику отдельных социальных процессов в среде немецких колонистов. Вторая группа военных исследований имеет конкретное авторство и носит обзорно-аналитический и обобщающий характер, где рядом с цифровыми материалами помещены и отдельные факты по истории, географии расселения и этнографии немецких поселенцев на Волыни. Среди них следует особо отметить работы А. Забелина⁴ и И. Толмачева⁵.

В преддверии Первой мировой войны волынские немцы стали объектом внимания авторов антинемецкой тенденции в дореволюционной российской историографии. Это касается в первую очередь книги А. П. Липранди «Германия в России», вышедшей в 1911 г.⁶. Волынским немцам посвящен в ней целый раздел. Тенденциозно используя значительный фактический материал, автор пришел к выводу, что процесс заселения немцами Волыни носит стратегический характер и является следствием целенаправленной и сознательно спланированной политики немецкого правительства по

реализации захватнических планов «Drang nach Osten». Ну а конечной целью немецкой колонизации в данном регионе, по мнению автора, является «...обращение русской Волыни в форменный Wolynland»⁷. В таком же духе выдержана и книга А. Ренникова «Золото Рейна»⁸, вышедшая уже в ходе войны. Написана она в форме путевых впечатлений и заметок, ее автор откровенно демонстрирует свое откровенно-саркастическое, и даже пренебрежительное отношение к волынским немцам. Однако при критическом прочтении двух вышеназванных изданий в них можно найти ряд интересных фактов и соображений.

Заканчивая обзор дореволюционной историографии нельзя не упомянуть небольшую брошюру под названием «О немецких поселенцах Волынской губернии»⁹, подготовленная и изданная немецкой группой «Союза 17 октября». Ее появление было вызвано внесением министром внутренних дел в Государственную Думу в 1910 г. нового законопроекта об ограничении немецкого землевладения в Юго-Западном крае. Это и объясняет наличие в ней исключительно позитивных фактов и оценок немецкой колонизации на Волыни. Несмотря на такую однобокость, данная публикация была единственной в дореволюционный период попыткой сжатого обобщения истории и анализа последствий немецкой колонизации на Волыни.

В российских публикациях межвоенного и послевоенного периодов регион Волыни фактически выпал из поля зрения исследователей. И лишь в 90-е годы XX в. российские авторы вновь, хоть и изредка, стали упоминать о волынских немцах. Краткий раздел, посвятил им в своем учебнике по истории немецкого этноса в России Л. В. Малиновский¹⁰. Некоторые аспекты истории, языка этнических процессов и календарной обрядности немцев Волыни, переселившихся в Сибирь, затронуты в статьях Т. Ф. Лютовой¹¹, Т. Б. Смирновой¹² и С. А. Рублевской¹³.

Советская историография. Говоря о советской историографии, нужно отметить, что волынским немцам в ней уделено крайне мало внимания. Первые две работы, посвященные им, появились в межвоенный период. Причем обе были немецкоязычными и изданы в 1935 г. Автором первой из них «Die Deutschen in Wolynien» был школьный учитель С. Никель¹⁴, который вскоре был репрессирован. Большая часть его книги посвящена советскому периоду жизни немцев в Восточной Волыни и очень мало дореволюционной истории колонистов. К сожалению, вторую книгу «Die Deutschen Kolonien in Wolynien» Р. Нитча¹⁵ нам обнаружить и ознакомиться с ней не удалось.

Что же касается послевоенной советской историографии, то тема волынских немцев в ней практически отсутствует. Единственной работой, в кото-

рой немецкой колонизации на Волыни дана очень сжатая характеристика, была монография С. А. Макаруча, посвященная национальным отношениям в Западной Украине во второй половине XIX – начале XX в¹⁶.

Польская историография. В польской историографии есть много публикаций, посвященных немецким колонистам. Но, к сожалению, регион Волыни почти выпал из поля зрения польских историков. Это, очевидно, объясняется кратковременным периодом пребывания Западной Волыни в составе Польши и невысокой социально-политической активностью волынских немцев. Кроме того, нельзя не принимать во внимание наличие многочисленного немецкого национального меньшинства в западных воеводствах Польши в непосредственной близости от германской границы и непростые германско-польские отношения в 20 – 30-е годы прошлого века. Учитывая эти факторы, становится понятным закономерность повышенного интереса и внимания польских исследователей именно к западным польским немцам, а не к восточным.

Единственным автором межвоенного периода, который уделил внимание волынским немцам, была С. Цихоцка-Петражицка. В 1933 г. увидела свет ее монография «Zywiol niemiecki na Wolyniu»¹⁷, в которой лишь кратко освещалась история немецкой колонизации на Волыни в царский период, а большей частью она была посвящена жизни немецкой общины в Западной Волыни в 20-е годы прошлого века. В 1939 г. она же сделала попытку сравнить состояние немецких и чешских колоний на Волыни, опубликовав небольшую статью «Kolonie niemiecki i cheskie na Wolyniu»¹⁸ в журнале «Rochnik ziem wschodnich».

Что же касается послевоенной польской историографии, то отдельного исследования о волынских немцах в ней так и не появилось. Регион Волыни лишь фрагментарно затрагивался в ряде общих работ, посвященных проблеме немецкого национального меньшинства в Польше в 20 – 30-е годы прошлого века¹⁹.

Немецкая историография. Анализируя немецкую историографию, следует отметить, что в Германии всплеск интереса к истории немцев на Волыни попадает на межвоенный период. Наверно, не будет преувеличением утверждение о том, что немецкая историография волынских немцев в 20 – 30-е годы XX столетия является самой обширной. Правда, истории волынских немцев до 1914 г. и их жизни в Восточной Волыни в публикациях этого периода уделено недостаточно внимания. Главным объектом исследований стали немцы Западной Волыни, оказавшиеся после подписания Рижского мирного договора в составе Польши. Хотелось бы отметить об-

ший недостаток исследовательских работ этого периода: в них, к сожалению, почти отсутствует анализ социально-экономического развития волыньских колоний. Преобладают преимущественно фольклорно-этнографические материалы, хотя часть публикаций посвящена вопросам становления и развития лютеранской церкви, школьного образования, лишь изредка встречается другая тематика.

Особый интерес среди многочисленных публикаций этого периода представляют серии книг о немцах в Польше, изданные под общей редакцией В. Каудера. Серии выходили под общим названием, но каждая из книг имела конкретное авторство и отдельное название. Так в серии «Deutsche Gaue im Osten» в 1931 г. вышла книга А. Карасека-Люка «Die deutschen Siedlungen in Wolynien. Geschichte, Volkskunde, Lebensfragen»²⁰, а в 1939 г. коллективная работа А. Карасека, В. Куна, К. Люка и Э. Штевнера «Das Deutschtum in Ostpolen»²¹. В 1938 г. в серии «Ostdeutsche Heimatbücher» был издан фольклорный иллюстрированный сборник А. Карасека-Лангера и Ф. Стрыговской «Sagen der Deutschen in Wolynien und Polesje»²². Особо хотелось бы отметить исследование профессора Лейпцигского университета Г.-Ю. Серафима «Rodungssiedler. Agrarverfassung und Wirtschaftsentwicklung des deutschen Bauerntums in Wolynien»²³, появившееся в 1938 г. Это единственная работа межвоенного периода, в которой впервые сделана попытка серьезного анализа целого ряда проблем из истории волыньских немцев: предпосылок и движущих сил немецкого переселения на Волынь, положения колонистов в годы Первой мировой войны, а также социально-экономического развития немецких крестьянских хозяйств Западной Волыни в 20 – 30-е годы XX в.

Было издано и несколько исследований по ряду узких проблем из истории немцев на Волыни. К примеру, проблеме дореволюционной эмиграции волыньских немцев в Канаду посвящена небольшая публикация Э. Альтхаузена, вышедшая в 1922 г.²⁴. Проблемы волыньских немцев-эмигрантов в Латвии затрагивал А. Катерфельд²⁵. Положение немецкой школы анализировал пастор Р. Генке²⁶.

Что же касается отдельных историко-этнографических аспектов истории волыньских немцев, то они были затронуты в целом ряде немецкоязычных статей. Публиковались они преимущественно в таких общенемецких периодических изданиях, как «Deutsche Post aus dem Osten», «Deutsches Leben in Russland», «Die evangelische Diaspora», «Schaffen und Schauen», в немецкоязычных изданиях, предназначенных для немцев в Польше «Deutsche Blätter in Polen», «Deutsche Monatshefte in Polen», «Deutsche Heimatbote in

Polen: Kalender», «Schlesische Zeitung», а также и во впервые появившихся региональных периодических изданиях волынских немцев «Wolynische Beilage», «Wolynischer Bote», «Wolynischer Volkskalender». Среди наиболее активных авторов этих изданий хотелось бы назвать А. Карасека²⁷, В. Куна²⁸, К. Люка²⁹, А. Кляйндинста³⁰, Э. Альтхаузена³¹. Ценность их работ заключается в том, что одни из них жили и работали на Волыни длительное время, а другие специально приезжали в регион и проводили свои исследования непосредственно в среде колонистов. То есть они были очевидцами и даже соучастниками многих событий и процессов, имея самую свежую информацию о разных сторонах колонистской жизни.

С началом Второй мировой войны интерес к волынским немцам в немецкой историографии не снизился. Повышенным вниманием вновь пользовались немцы Западной Волыни. Но тематическое разнообразие публикаций заметно сузилось. Доминирующей стала тема переселения волынских немцев на территорию оккупированной Германией Польши в регион так называемого Вартегау³². В период немецкой оккупации Украины отдельные статьи немецких авторов касались и проблем немцев Восточной Волыни, в частности тяжелого их социально-экономического положения и репрессий в годы советской власти³³.

В послевоенной немецкой историографии волынские немцы были и остаются объектом постоянного внимания. Правда, нужно отметить, что не все публикации подготовлены профессиональными историками. Тем не менее многие из них заслуживают внимания. Достаточно разнообразна и тематика работ.

Так, истории евангелическо-лютеранской церкви на Волыни посвящена книга бывшего волынского пастора Х.-К. Шмидта³⁴. Интересные сведения разной тематической направленности о жизни волынских немцев опубликованы в двухтомном издании А. Каммана «Heimat Wolynien»³⁵. Положение немцев Восточной (советской) Волыни в 20 – 30-е годы прошлого века показано в работе Л. Кремринга³⁶. Интересные фольклорно-этнографические материалы были опубликованы Й. Вайсом³⁷. Первая публикация об истории так называемых «бужских голендров» подготовлена и издана Э. Бютовым³⁸. В 1979 г. была опубликована интересная работа Г. Карасек-Стрыговской «Wolynisches Tagebuch»³⁹, хотя материалы к ней были собраны еще в 1942 г., когда она, как художник, посетила немецкую колонию Блюменталь в Восточной Волыни с целью сделать портретные зарисовки ее жителей. Но параллельно с этим она записала воспоминания колонистов о царских временах, о высылке в годы Первой мировой войны и непростом возвращении на

Волынь, о коллективизации, ссылке в Казахстан и многое другое. Все это вместе с портретами колонистов и опубликовано в книге, которая может быть использована исследователями, как исторический источник.

Отдельно хотелось бы упомянуть о публикациях исторического общества «Волынь», образованного в 1975 г. бывшими волынскими немцами в Визентхайде (Бавария). С 1979 г. обществом издается сборник «Wolynische Hefte», редактируемый председателем общества Н. Арндтом. Состоянием на 2003 г. издано 13 номеров сборника, в которых помещены десятки статей, освещающих почти все стороны истории немцев на Волыни. Наряду с серьезными научными работами в них можно найти и воспоминания бывших немцев-волынян, путевые записки и впечатления, планы местностей, списки жителей и истории отдельных колоний, фольклорные и биографические материалы, переводы иноязычных публикаций о волынских немцах и многое другое. С целью ознакомления русскоязычных читателей с содержанием сборников, по инициативе Н. Арндта, в 1988 г. была издана русскоязычная книга самых интересных публикаций, помещенных в разных номерах «Wolynische Hefte» под названием «Родина Волынь»⁴⁰. Очень важно и то, что в ней помещен указатель всех статей, опубликованных в одиннадцати номерах сборника в переводе на русском языке. Несколько книг о волынских немцах было издано и самим Н. Арндтом⁴¹.

Говоря о послевоенной немецкой историографии, нельзя не упомянуть и ряд серьезных научных публикаций, касающихся отдельных проблем истории волынских немцев. Это монография Й. Визнера, посвященная социально-экономическому развитию немецких крестьянских хозяйств на Волыни в 1919–1939 гг.⁴². Тема переселения волынских немцев в 1939–1940 гг. была затронута в небольшой статье В. Рихтера⁴³ и основательной, написанной на основе разнообразных и впервые привлеченных исторических источников из германских архивов монографии С. Деринга⁴⁴. Хотелось бы подчеркнуть, что С. Деринг не только подробно исследовал сам процесс переселения, но и впервые в научной литературе воссоздал условия проживания колонистов в разных частях Вартегау на протяжении первого, самого трудного после переезда, года адаптации в новых условиях жизни. Специфику так называемого «немецкого вопроса» в регионе Волыни в конце XIX – начале XX в. рассматривал Д. Нойтатц⁴⁵. Историографический анализ исследований, освещающих историю немцев Западной Волыни в 1921–1939/40 гг., сделан В. Кеслером⁴⁶. И наконец, интересная и дискуссионная работа о причинах возникновения, целях и последствиях популяризации стереотипа волынских немцев В. Филитца⁴⁷.

И заканчивая обзор немецкой историографии, нужно справедливо заметить, что именно немецкие историки начали работать над библиографиями волыньских немцев. Первые из них появились еще в 30-е годы прошлого века и были составлены А. Карасеком, А. Кляндинстом и Г.-Ю. Серафимом⁴⁸. Правда, были они далеко неполными. В послевоенный период, кроме названной выше статьи В. Кеслера, библиография волыньских немцев была представлена в одном из разделов книги К. Штумпа⁴⁹, вышедшей в 1980 г. Но наиболее полно библиография немцев Волыни (особенно немецкоязычная) представлена в основательном двухтомном библиографическом издании профессора Д. Брандеса⁵⁰.

Американская (англоязычная) историография. Активная миграция волыньских немцев в США и Канаду обусловила появление публикаций, касающихся их истории, и в этом регионе мира. К сожалению, информации об англоязычной историографии волыньских немцев в Украине очень мало. Но даже ее минимум позволяет отметить позитивный аспект американских исследований, а именно наличие публикаций по темам, мало или почти не изученным ни в Украине, ни в Германии. Речь идет о волыньских меннонитах⁵¹, а также истории распространения баптизма среди волыньских колонистов⁵².

Судя по информации научно-информационного бюллетеня «Российские немцы», большинство исследований по истории волыньских немцев проводятся в США в рамках деятельности Американской исторической ассоциации немцев – выходцев из России (AHSGR – American Historical Society of German from Russia)⁵³. Библиографическую информацию на эту тему можно получить и из каталогов Ассоциации, но дать характеристику изданиям невозможно по причине их отсутствия в Украине.

В 90-е годы прошлого века исследования о волыньских немцах проводились и в Канаде в рамках деятельности Общества по изучению наследия немцев из Польши и Волыни (Society for Ancestral Research of Germans from Poland and Wolynia). В Ванкувере этим обществом издавался ежеквартальный журнал «Wandering Wolynians». Судя по имеющимся у нас нескольким номерам, основное внимание в нем уделялось генеалогическим материалам, хотя и встречаются публикации об истории лютеранской церкви на Волыни, отдельных колоний, а также информация о текущей деятельности общества.

Украинская историография. Говоря об украинской историографии волыньских немцев, нужно отметить, что ее формирование началось лишь в середине 90-х годов прошлого века, когда возрос интерес к историко-кра-

еведческой тематике. Именно в это время появились первые научные и научно-популярные статьи об истории немцев на Волыни⁵⁴, сообщения и доклады о них стали звучать на многих историко-краеведческих научных конференциях. Очень скоро волынские немцы стали объектом диссертационных исследований, в частности В. Надольской и Н. Бармака⁵⁵. Но, исследуя сразу несколько национальных меньшинств на Волыни, они не могли в полной мере уделить внимание какому-то одному. Ощущалась потребность в целенаправленных комплексных исследованиях истории волынских немцев. Со временем они появились.

На сегодняшний день защищено три диссертационные работы, посвященные немецкой колонизации на Волыни. Две из них М. Костюка и А. Сулименка⁵⁶ – в Украине и одна И. Агасиева⁵⁷ – в России. В 2003 г. М. Костюком издана первая монография, в которой сделана попытка комплексного исследования немецких колоний на Волыни в XIX – начале XX в.⁵⁸ Конечно же этого очень мало. И хотя ряд узких аспектов истории волынских немцев освещен в научных публикациях, очень многие вопросы и целые периоды этой обширной темы остаются мало или же вовсе неисследованными. Но позитивным в данной ситуации, наверно, есть то, что волынские немцы стали объектом серьезных научных исследований в Украине и они продолжают, и что в связи с этим наконец-то задействованы интереснейшие материалы украинских архивов, которые десятилетиями были не востребова-
ными.

Подытоживая нынешнее состояние историографии волынских немцев, нужно отметить наличие довольно большого количества публикаций по данной теме. Правда, представлены они в разных странах и в разные периоды неравномерно, да и продолжительность историографической традиции разная. К сожалению, зарубежная историография немцев Волыни украинским исследователям почти неизвестна, хотя определенная информация о немецких публикациях 1917–1941 гг. и вошла в библиографический указатель «Німці в Україні»⁵⁹, изданный Книжной палатой Украины в 1998 г. Соответственно за пределами Украины также недостаточно информации об украинских исследованиях истории волынских немцев. Поэтому ощущается необходимость подготовки и издания библиографического указателя, который включал бы перечень публикаций о волынских немцах, увидевших свет в разные периоды и в разных регионах мира. Пользу принесли бы и переводы хотя бы некоторых, наиболее весомых работ зарубежных авторов.

Исходя из того что изучение волынских немцев в Украине находится на начальном этапе, целесообразным представляется продолжение исследо-

ваний по отдельным периодам их истории, по разным аспектам их социально-экономической жизни, материальной и духовной культуры, а также публикация наиболее интересных архивных документов и материалов. А учитывая, что немецкая колонизация имела ряд существенных отличий и особенностей по сравнению с другими регионами Украины и России, ценными стали бы также работы как обобщающего, так и сравнительного характера.

¹ См.: Кеппен И. И. Об этнографической карте Европейской России. СПб., 1852; его же. Хронологический указатель материалов для истории инородцев Европейской России. СПб., 1861; Риттих А. Ф. Атлас народонаселения Западно-Русского края по исповеданиям. СПб., 1863; Батюшков Д. С. Атлас народонаселения Западно-Русского края по исповеданиям. СПб., 1864; Эркерт Р. Ф. Этнографический атлас Западно-Русских губерний. СПб., 1863; его же. Взгляд на историю и этнографию западных губерний России (с атласом). СПб., 1864; Братчиков А. Материалы для исследования Волынской губернии в статистическом, этнографическом, сельскохозяйственном и других отношениях. – Житомир, 1868. Вып. 1.

² См.: Воронин А. Об иностранных поселенцах в Юго-Западном крае. Б. м., б. г.

³ См.: Топографическостатистические материалы с приложением 4-х карт Юго-Западного края / Составил штабс-капитан Тарновский. К., 1882; Военно-статистическое обозрение Волынской губернии. К., 1887. – Ч.1; Военно-географическое и статистическое описание. Северный приграничный район. К., 1906; Северный приграничный округ. Военно-географическое и статистическое описание. К., 1906.

⁴ См.: Забелин А. Военно-статистическое обозрение Волынской губернии. К., 1887. Ч. 1.

⁵ См.: Толмачев И. Н. Юго-Западный край. Статистическое обозрение. К.1897. Т. 1: Восточное Полесье.

⁶ См.: Липранди А. П. Германия в России. Харьков, 1911.

⁷ Там же. С. 70.

⁸ См.: Ренников А. (Селитренников А. М.) Золото Рейна. О немцах в России. Пг., 1915.

⁹ См.6 О немецких поселенцах Волынской губернии. Б. м., 1910.

¹⁰ См.: Малиновский Л. В. История немцев в России. Барнаул, 1996.

¹¹ См.: Лютова Т.Ф. Волынские немцы: история и язык. Немцы Сибири: история и культура. Омск, 1993. С. 45 – 50.

¹² См.: Смирнова Т. Б. Этническое самосознание и этнические процессы у немцев Западной Сибири // Российские немцы. Проблемы истории, языка и современного положения. М., 1996. С. 485 – 493.

¹³ См.: Рублевская С. А.Календарная обрядность немцев Западной Сибири конца

XIX – XX в. М., 1999. С. 70 – 73.

- ¹⁴ См.: Nickel, S. Die Deutschen in Wolynien. Kiew–Charkow, 1935.
- ¹⁵ См.: Nitsch, R. Die Deutschen Kolonien in Wolynien–Charkow–Kiew, 1935.
- ¹⁶ См.: Макачук С.А. Этносоциальное развитие и национальные отношения на западно-украинских землях в период империализма. Львов, 1983.
- ¹⁷ См.: Cichocka-Petrazycka Z. Zywiol niemiecki na Wolyniu. Warszawa, 1933.
- ¹⁸ См.: Cichocka-Petrazycka Z. Kolonie niemiecki i cheskie na Wolyniu // Rochnik ziem wschodnich. Warszawa, 1939.
- ¹⁹ См.: Cygański M. Mniejszość niemiecka w Polsce centralnej w latach 1919–1939. Łódź, 1962. Szefer A. Mniejszość niemiecka w Polsce i w Czechosłowacji w latach 1933–1938. Katowice, 1967. Potocki S. Położenie mniejszości niemieckiej w Polsce 1918–1938. Gdansk, 1969. Grünberg K. Niemcy i ich organizacje polityczne w Polsce międzywojennej. Warszawa, 1970. Medrzecki W. Województwo Wolynskie 1921–1931. Wrocław, 1988. Walenberg E. Polacy i Niemcy w Rosji / . Lublin, 1993. Matelski D. Niemcy w Polsce w XX wieku. Warszawa-Poznań, 1999. Alabrudzińska E. Kościoły ewangelickie na kresach wschodnich II Rzeczypospolitej. – Toruń, 2000. Isajewicz J. Niemieckie osadnictwo na Ukrainie – uwagi o historiografii ukraińskiej po 1945 roku // Doświadczenia przeszłości. Niemcy w Europie środkowo-Wschodniej w historiografii po 1945 roku. – Lublin/Marburg, 2000. Zybura M. Niemcy w Polsce. Wrocław, 2001.
- ²⁰ См.: Karasek A., Lück K. A. Die deutschen Siedlungen in Wolynien. Geschichte, Volkstunde, Lebensfragen. Hg. v. Viktor Kauder. Leipzig, 1931.
- ²¹ См.: Das Deutschtum in Polen. Ein Bildband. Hg. v. Viktor Kauder. Teil 5. Das Deutschtum in Ostpolen. Unter Mitwirkung v. Alfred Karasek – Walter Kuhn – Kurt Lück – Ernst Stewner. Leipzig, 1939.
- ²² См.: Karasek-Langer A., Strzygowski F. Sagen der Deutschen in Wolhynien und Polesien. Posen, 1938.
- ²³ См.: Seraphim H.-J. Rodungssiedler. Agrarverfassung und Wirtschaftsentwicklung des deutschen Bauertums in Wolynien. Berlin, 1938.
- ²⁴ См.: Althausen E. Zersplitterung oder Verbindung? Bilder aus dem Leben der Deutschen in Kanada und Wolynien. Berlin, 1922.
- ²⁵ См.: Katterfeld A. Die deutschen Wolynier in Lettland // Wolynischer Bote (1929), F.12, S. 27; F. 5, S. 34. Ero же. Vom Daseinskampf der Deutschen–Wolynien–Kolonisten in Lettland // Deutsche Post aus dem Osten 3 (1929), S. 64.
- ²⁶ См.: Henke R. Eindrücke vom Besuch unserer Schulen // Wolhynischer Bote (1930), F.13, S. 98. Ero же. Vom deutschen Schulwesen in Polen-Wolhynien // Deutsche Post aus dem Osten 8 (1928), S.169–172; и др.
- ²⁷ См.: Karasek A. Sprachinselvolkstum // Deutsche Blätter in Polen 3 (1926), S. 569 – 594; Ero же. Hochzeitsbräuche und Brautdienersprache der Deutschen Wolhyniens // Deutsche Blätter

- in Polen 5 (1928), S.361–377. Ero же. Deutsche Kinderverse und Lieder aus Wolynien und der Polesje // Deutsche Blätter in Polen 6 (1929), S. 325–330. Ero же. Volksglauben bei den Deutschen Wolyniens // Deutsche Blätter in Polen 7 (1930), S. 21–39. Ero же. Deutsche Volkslieder aus Wolynien // Schaffen und Schauen 7 (1931), H. 6–8, S. 49–57. Ero же. Deutsche Sagen aus Wolynien // Schaffen und Schauen 7 (1931), H. 6–8, S. 74–81. Ero же. Deutsch-wolynische Märchen // Schaffen und Schauen 10 (1933/34), H. 7–8, S. 10–17. Ero же. Das Sagengut der Deutschen in Polesjen // Deutsche Monatshefte in Polen 3 (1936/37), S. 26–33 и др.
- ²⁸ См.: Kuhn W. Die Herkunft der Wolyniendeutschen // Wolyniendeutscher Volkskalender für das Jahr 1937 (1936), S. 161–169. Ero же. Die Kirchenbücher als Geschichtsquelle des Wolyniendeutschtums // Deutsche Monatshefte in Polen 3 (1936/37), S. 395–432. Ero же. Das deutsche Schulwesen Westwolyniens bis zum Weltkriege// Deutsche Monatshefte in Polen 6 (1939/40), S. 351–375 и др.
- ²⁹ См.: Luck K. Zur Rechtslage der deutsche Minderheit in Wolynien // Nation und Staat 1 (1928), H. 5, S. 338–342. Ero же. Lebensfragen der deutschen Sprachinseln in Wolynien // Schaffen und Schauen (1931), H. 6–8, S. 1–6. Ero же. Die hochdeutsche Sprache in Wolynien // Deutsche Blätter in Polen 6 (1929). Ero же. Vom deutschen Volkslied: (Bring auch wolynischen Stoff) // Wolynischer Bote (1927), F. 12, S. 191 и др.
- ³⁰ См.: Kleindinst A. Zehn Jahre seit der Vertreibung, 1915–1925 // Hausfreundlicher Volkskalender (1925), S. 96. Ero же. Die Bestrebungen der Wolynien-Gemeinden vor 30 Jahren // Wolynischer Bote, (1930), F. 12, S. 90. Ero же. Das Deutschtum Wolyniens im Lichte der Zahlen // Wolynischer Bote (1930), F. 50, S. 397; и др.
- ³¹ См.: Althausen E. Die Deutschen in Wolynien. – Berlin, 1919. – 12 S. Ero же. Zum 25 Jahr. Bestehen der Rownoer evangelischen Gemeinde // Wolynischer Bote (1927), F. 30, S. 234. Ero же. Mennoniten // Wolynischer Bote (1929), F. 37, S. 290. Ero же. Deutsche Jugend in Wolynien // Deutsche Post aus dem Osten 9 (1928), S. 196; и др.
- ³² См.: Der Treck der Volksdeutschen aus Wolhynien, Galizien und dem Narewgebiet. – Berlin, 1941. – 86 S. Erinnerung eines Dolmetschers beim Kommando für die Umsiedlung der Wolynien- und Galiziendeutschen 1939/1940 // Deutsche Post aus dem Osten. – Berlin (1942), H. 7, S. 23–28. Joswig A. Galizien-, Wolynien- und Narewdeutsche ziehen in die Grenzen des Reiches // Der Deutsche im Osten 12, (1940), S. 62 – 67. Kleindinst A., Lück K. Die Wolhynien-deutschen kehren heim ins Reich. – Leipzig, 1940. – 64S. Schauwecker E. Heimkehr aus Wolhynien. – Reutlingen, 1941. – 227S. Seltmann L. Tagebuch vom Treck der Wolhyniendeutschen. – Potsdam, 1941. – 110S. Sommer H. 135 000 gewannen das Vaterland. Die Heimkehr der Deutschen aus Wolhynien, Galizien und dem Narew-Gebiet. – Berlin/Leipzig, 1940. – 62S. Wagner V. Marschziel: Bauernreich Großdeutschlands. Erlebnisberichte vom Wintermarsch der Deutschen aus Galizien, Wolhynien und dem Bielsk-Narewgebiet. – Berlin, 1940. – 50S; и др.
- ³³ См.: Poehl G. Die Russlanddeutschen in Ost-Wolhynien // Deutsche Monatshefte 1/2 (1941/42), S. 70–73. Wolfrum G. Das Russlanddeutschtum. Folge 4. Die Deutschen aus

Wolhynien. Posen, 1944. Schwarz B. Auf Landsuche in Wolhynien // Das Generalgouvernement. – 1942. S. 46 – 60. Libbrandt G. Die deutschen Siedlungen in der Sowjetunion–Wolhynien (Sammlung). Berlin, 1941.

- ³⁴ См.: Schmidt H.-K. Die evangelisch-lutherische Kirche in Wolhynien. – Marburg, 1992.
- ³⁵ См.: Cammann A. Heimat Wolhynien. B.1–2. – Marburg, 1985–1988.
- ³⁶ См.: Kremring L. Verlorene Heimat Wolhynien. Erinnerungen und Erlebnisse eines Ostwolhyniers. – Zhitomir, 2000.
- ³⁷ См.: Weiß J. Die Wolhyniendeutschen. Nürnberg, 1978.
- ³⁸ См.: Bütow E. Bur Holländer in Wolhynien. Spuren und Geschichte. Swerin, 2002.
- ³⁹ См.: Karasek-Strygowski H. Wolhynisches Tagebuch. Marburg, 1979.
- ⁴⁰ См.: Родина Вольнь. Сборник статей и воспоминаний о жизни немцев на территории современных Житомирской, Ровенской и Волинской областей Украины, составленный на основании публикаций немецкого исторического общества «Вольнь» в «Волинских тетрадах» («Wolhynische Hefte»). – Визентхайд-Житомир, 1998.
- ⁴¹ См.: Arndt N. Die Shitomirer Arndts. – 1970. Ero же. Die Deutschen in Wolhynien. Ein kulturhistorischer Überblick. – Würzburg, 1994. Ero же. Die Familien Arndt und Stebner. – Wiesentheid, 1996.
- ⁴² См.: Wiesner J. Die soziale und wirtschaftliche Stellung der deutschen Bauern in Wolhynien 1919– 1939. – Bonn, 1980.
- ⁴³ См.: Richter W. Die Umsiedlung der Deutschen aus Wolhynien, Bessarabien und der Dobrudscha. In: 40 Jahre nach Flucht und Vertreibung ... – Düsseldorf. – S. 13–23.
- ⁴⁴ См.: Deering S. Die Umsiedlung der Wolhyniendeutschen in den Jahren 1939 bis 1940. – Frankfurt/M., 2001.
- ⁴⁵ См.: Neutatz D. Die «deutsche Frage» im Schwarzmeergebiet und Wolhynien. Politik, Wirtschaft, Mentalitäten und Alltag im Spannungsfeld von Nationalismus und Modernisierung (1856–1914). – Stuttgart» 1993.
- ⁴⁶ См.: Kessler W. Die Deutschen im polnischen Westwolhynien (1921–1939/40) // Nordost-Archiv. – Neue Folge. – Band IX/2000. – Heft 2. – S. 449–457.
- ⁴⁷ См.: Fielitz W. Das Stereotyp des wolyniendeutschen Umsiedlers. Popularisierungen zwischen Sprachinselforschung und nationalistischer Propaganda. – Marburg, 2000.
- ⁴⁸ См.: Karasek A. Das wichtigste Schriftum über die Jungen deutschen Sprachinseln in Wolynien // Schaffen und Schauen (1931), H. 6–8, S. 123–127. Karasek-Langer A., Kleindienst A. Das Schriftum über die Deutschen in Wolynien und Polesien // Die Deutschen Wissenschaftliche Zeitschrift für Polen 22 (1931), S.123–136. Seraphim H.-J. Das Schrift um über Agrarpolitik der deutschen Volksgruppen in Nordost- und Südosteuropa. Das Schrift um über das deutsche Bauerntum in Wolynien // Deutsches Archiv für Landes- und Vilksforschung 1 (1937), S. 933–946.
- ⁴⁹ См.: Stump K. Das Schrifttum über das Deutschtum in Rußland. – Stuttgart. – S.67–68.

- ⁵⁰ См.: *Bibliographie zur Geschichte und Kultur der Russlanddeutschen / Detlef Brandes / Margarete Busch / Kristina Pavlovich.* – München, 1994. – Band 1. Von der Einwanderung bis 1917. – S. 5, 10, 16, 52, 58, 59, 60, 61, 68, 120, 195, 200, 274–283. *Bibliographie zur Geschichte und Kultur der Russlanddeutschen / Detlef Brandes / Viktor Donninghaus.* – München, 1999. – Band 2. Von 1917 bis 1998. – S. 48, 111, 116–123, 392–397, 896–899.
- ⁵¹ См.: Schrag M. *The European history of the Swiss Mennonites from Volhynia.* Nort Newton, 1974. Stucky S. *The Heritage of the Swiss Volhynian Mennonites.* Waterloo, 1981.
- ⁵² См.: Miller D. *In the midst of wolves. A history of German Baptists in Volhynia, Russia 1863 – 1943.* Portland, Oregon, 2000.
- ⁵³ См.: Российские немцы. Научно-информационный бюллетень (Москва) 2000. № 3. С.4; 2003. № 1. С. 3.
- ⁵⁴ См.: Бармак М.В. Початок німецької колонізації на Волині // Велика Волинь: минуле й сучасне: М-ли між народ. Наук. Краєзн. Конференції. Хмельницький, 1994. С.117–120. Вітренко В.В., Коган Л.Г. Німці у Звягелі // Житомирщина крізь призму століть: Наук. Збірник. Житомир, 1997. С.63–65. Костюк М.П. З історії німецької колонізації Волинського Полісся (друга половина XIX – початок XX ст.) // Полісся: мова, культура, історія. К., 1996. С. 227 – 232. Надольська В.В. Лютеранство на Волині у другій половині XIX ст. // Діяльність бібліотек по збереженню культурної спадщини і відродження духовності народу: М-ли Всеукр. наук.-краєзн. Конференції. Житомир, 1996. С. 115 – 116. Суліменко О.Г. Меноніти на Волині (кінець XVIII – друга половина XIX ст.) // Етносоціальні процеси на Правобережній Україні: минуле і сучасне: Науковий збірник. Київ-Житомир, 1998. – С. 116 – 117. и др.
- ⁵⁵ См.: Надольська В.В. Національні меншини на Волині (середина XIX – початок XX ст.): Автореф. дис... канд. істор. наук: 07.00.05 – Етнологія / Інститут національних відносин і політології НАН України. К., 1996. Бармак М.В. Міграційні процеси серед німецького, чеського та єврейського населення Волинської губернії (1796 – 1914 рр.): Автореф. дис... канд. істор. наук: 07.00.05 – Етнологія / Інститут національних відносин і політології НАН України. К., 1997.
- ⁵⁶ См.: Костюк М.П. Німецька колонізація на Волині (друга половина XIX ст. – 1914 р.): Автореф. дис... канд. істор. наук: 07.00.01 – Історія України / Львівський державний університет імені Івана Франка. – Львів, 1998. Суліменко О.Г. Німці Волині (кінець XVIII – початок XX ст.): Автореф. дис... канд. істор. наук: 07.00.05 – Етнологія / Київський національний університет імені Тараса Шевченка. К., 2002.
- ⁵⁷ См.: Агасиев И.К. *Немецкие колонии в Волынской губернии (конец XVIII – начало XX в.): Автореферат дис... канд. ист. наук.* Красноярск 1999.
- ⁵⁸ См.: Костюк М.П. *Німецькі колонії на Волині (XIX – початок XX ст.).* Тернопіль, 2003.
- ⁵⁹ См.: Німці в Україні: Науково-допоміжний бібліографічний покажчик 1917 –1 941 рр. К., 1998.

МУЗЕЙНЫЕ ЭКСПОЗИЦИИ ЮГА УКРАИНЫ О ПРИЧЕРНОМОРСКИХ НЕМЦАХ: РЕТРОСПЕКТИВА И СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

В. В. Солодова

Музейные экспозиции весьма разнообразны. Они могут знакомить с историей как страны в целом, так и одного региона, города, села, раскрывать общественно-политические стороны жизни, а также характеризовать национальное своеобразие и развитие того или иного народа.

К сожалению, экспозиции, связанные с немецким этносом, в ретроспективе развития и совершенствования музейного дела на юге Украины еще не были предметом исследования. Если и рассматривались этнографические музейные собрания, то только с позиции изучения быта и культуры в основном коренного населения – украинцев, а также болгар, молдаван и евреев.

Для раскрытия темы были использованы не только материалы архивов, но и обследованы областные и районные историко-краеведческие музеи, музеи на общественных началах Одесской, Херсонской и Николаевской областей, а также города Запорожья и Симферополя (Автономная Республика Крым).

Экспозиций, отображающих жизнь и быт причерноморских немцев на рубеже XIX–XX вв., не существовало. Исключение составляли отдельные экспонаты, экспозиционные разделы, поступления от частных лиц немецкого происхождения. Например, музейное собрание Одесского общества истории и древностей состояло из археологических памятников, поступавших и от немецких колонистов. Они находили их на своих землях. В 1869 г. колонист Лого передал в музей общества старинный ружейный курок и шесть медных польских монет. Конрад Келлер в своем исследовании о немецких колониях южной России, подтверждает факт находки древних «вещиц» из меди, серебра и золота. Их передавали в музей общества на постоянное хранение или на экспертизу через смотрителя колоний. Известно, что в 1865 г. смотритель Молочанских колоний А. Ф. Андре, по поручению Императорской археологической комиссии, обследовал древние курганы, находящиеся на подведомственных землях¹.

В зале заседаний общества среди изображений русских государей и устроителей Крыма и Новороссии находился портрет «генерала от инфанте-

рии И. Н. Инзова (1768 – 1845), основателя болгарских и устроителя немецких колоний в Новороссии и Бесарабии (1817 – 1845)». Именно так он был описан в «Кратком указателе музея Императорского Одесского общества истории и древностей», составленным его директором Эрнстом Штерном в 1913 г.

Первым музеем истории Одессы был «Зал имени графа М. Толстого» Одесской городской публичной библиотеке, созданный в 1907 г. Назван он был в честь попечителя этой библиотеки, насчитывал около 600 экспонатов (живопись, графика, скульптура, фотографии), не считая рукописей и уникальных книг. Самыми ценными и интересными, как сообщают отчеты библиотеки, были «различного рода картины, виды, портреты, главным образом имеющие отношение к истории Новороссийского края вообще, и в частности к истории Одессы»².

Среди них была подборка видовых эстампов ХХ в. выполненных художниками и граверами немцами по происхождению – Г. Бекелем, Ю. Берндтом, П. Ренненкампом, Р. Лангансом, Ф. Гроссом и др. В 1923 г. большая часть печатной графики была отобрана для создававшегося архитектурного музея «Старая Одесса». Его открытие состоялось в 1927 г.

В музейной экспозиции, размещившейся в одиннадцати залах дворца Абазы, среди изображений православных храмов, синагог, были и виды лютеранских церквей и костелов. Среди выставленных проектов были: «Дом Совета Евангелическо-лютеранской церкви по Казарменному переулку» (1857), «Ограда при Евангелической церкви» (1832), «Фасад Евангелической церкви с колокольной» (1827), «Дом барона Масса на Екатерининской площади» (1849), среди планов выделялись: «Местность Лютеранской церкви» (1821) и «Хутор французскоподданного Иосифа Гаске, в колонии Люстдорф» (1834)³. Своей информативностью отличался «Генеральный план города Одессы с прилежащей оному землей с показанием предместий, селений, хуторов, садов и др. казенных и частных заведений», составленный городским землемером М. Дитерихсом в 1892 г.

Некоторые из проектов выполнялись немецкими архитекторами – И.К. Риглером, Р. Шпехтом, П. И. Кругом, Е. Х. Ферстером и др.

По своей структуре, музеи 1920-х годов входили в Наркомат просвещения, глава которого А. В. Луначарский считал, что именно новые музеи, рожденные после революции, должны стать опорным пунктом в великом деле народного образования. Рабочим и крестьянам нужны были знания для осуществления планов индустриализации и коллективизации. Поэтому одними из первых стали создавать технические и сельскохозяйственные музеи.

Открывшийся в Одессе в 1921 г. промышленно-технический музей⁴ показывал в качестве экспонатов только образцы прежнего производства предприятий и промышленных объединений города. Например, завода Октябрьской революции (бывший завод Земледельческих машин И. Гена).

В том же году открылся Одесский краевой сельскохозяйственный музей им. К. А. Тимирязева. Он находился в ведении комиссариата землеустройства и в конце 1920-х годов своей деятельностью охватывал Запорожскую, Луганскую, Днепропетровскую, Артемовскую, Криворожскую, Мариупольскую, Мелитопольскую, Николаевскую, Одесскую, Павлоградскую (Зиновьевскую), Сталинскую, Херсонскую области⁵. Музей пропагандировал знания и преимущества коллективного ведения сельского хозяйства. В его отчете за 1934 год отмечалось, «что для рабочих одесских предприятий, красноармейских частей, краснофлотцев и колхозников... музей представляет исключительный интерес»⁶.

Большая часть его экспозиции была построена на достижениях немецко-колонистов. Например, в отделе машин и орудий труда были представлены: колониетский плуг И. Гена и его модель, модель и самоходный плуг культурного типа Р. Сакка, модель жатки, а также цепи и каменные катки. В отделе животноводства – материал о молочной породе коров – красной немецкой⁷.

Сотрудники сельскохозяйственного музея в качестве лекторов выезжали в села области с передвижными выставками. Такая форма музейной работы, как передвижные выставки, считалась наиболее удобным и эффективным способом для осуществления связи музея с жителями сел и деревень. В Одесском округе на протяжении 1925 – 1933 гг. существовал Передвижной музей – фургон, специально созданный для проведения агропропаганды и политпросветработы в селах округа.

Во время своих поездок музей-фургон, или передвижная выставка обязательно заезжал в немецкие села. Лекторы, которые сопровождали передвижные музеи, отмечали, что отношение населения немецких колоний к музейной работе не было однозначным. Например, население Нейкова (Гнаденфельд), Понятовки и Гросс-Либентала, с большим интересом относилось к работе музея, а последние две колонии к музею пригласили даже музыкальный оркестр. Жители этих колоний очень интересовались сельским хозяйством, особенно интенсивными культурами, много общались с лекторами. В Гросс-Либентале в работе музея активно участвовали немцы-агрономы Пфафф и Вольф. Иначе отнеслись к передвижному музею в Цебриково (Гофнугсталь), Трегрядях и Волково (Ней-Либенталь). Создава-

лось впечатление, что проблемы сельского хозяйства не интересовали местное население. Поэтому основными посетителями музея-выставки были учащиеся школ. Лекторы связывали это со слабой политпросветработой и своим незнанием немецкого языка⁸.

В 1920-е годы при Одесском краевом Историко-археологическом музее существовала комиссия краеведения от Всеукраинской академии наук. Одним из разделов ее деятельности было изучение этнических особенностей культуры национальных групп Причерноморского региона. Собранные материалы в результате многочисленных экспедиций пополняли фонды музеев Одессы и служили методологической основой для музеев Николаева, Херсона и Зиновьева (Кировограда). Комиссия принимала активное участие в работе Одесской губернской конференции музейных работников в мае 1925 г.⁹.

При этой комиссии действовало несколько национальных секций, в том числе немецкая – во главе с П. Г. Таубергом, созданная в ноябре 1926 года. Одним из аспектов ее деятельности считалась и музейная работа. Свои труды члены секции публиковали в «Вестнике Одесской комиссии краеведения» на немецком языке.

С комиссией сотрудничал известный германист, профессор Ленинградского университета Виктор Жирмунский. Благодаря ему стали налаживаться связи между окружными музеями и Кабинетом национальных меньшинств этнографической комиссии академии наук¹⁰.

В 1923 г. в Одесской комиссии краеведения была создана этнографо-лингвистическая секция во главе с профессором Р. М. Волковым (1885 – 1959). Члены секции занимались сбором материалов по диалектологии, фольклору и материальной культуре, составлением этнографо-диалектологической карты Херсонщины, Екатеринославщины, Бессарабии, Крыма и Кубани, что определялось как степная Украина. Поэтому созданный ими музей получил название «Степова Украина». Моделью для экспозиционного решения послужил этнографический отдел Русского музея в Ленинграде¹¹.

Открытие музея приурочили к 10-летию установления советской власти в Украине – в декабре 1927 г., хотя подготовительные работы по его организации начались еще в 1924 г.

Исходя из публикации в местной прессе, музей должен был «в конкретных и ярких формах дать представление об этнографии народов, населяющих нашу республику»¹². Поэтому посетители музея могли увидеть в экспозиции «не только поблескивающего добродушным юмором украинского се-

лянина, но и флегматичного молдаванина, трудолюбивого болгарина и практичного немецкого колониста»¹³.

В сентябре 1928 г. Главным комитетом научных учреждений Наркомпро-са УССР было принято постановление об активизации музейной работы среди национальных меньшинств¹⁴. Тогда же была разработана типовая схема окружного краеведческого музея¹⁵, его экспозиционную часть дополнили этнографические историко-бытовые материалы, а также экспонаты по культуре и быту национальных меньшинств.

История и культура немецкого населения в музее «Степова Украина» была представлена предметами быта и декоративно-прикладного искусства, а также фотоизображениями кирх, жилых и общественных строений в селах Кандель, Секретарка, Комаровка (Кассель). Среди музейных экспонатов немецкой направленности, судя по записям в старой инвентарной книге, были: сундук, стеклянная пивная кружка с клеймом, иконы «Богородица» и «Мария Магдалина» католического типа. Были предметы, национальную принадлежность которых сложно оказалось определить из-за их краткого описания – это образцы вышивок, ковры, деревянная и керамическая посуда, плуг, ткацкий станок и т.д. Но зато известен автор макета немецкого жилища. Его выполнил О. О. Аничков специально для музейной экспозиции в январе 1931 г.¹⁶.

Экспозицию по причерноморским немцам в музее «Степова Украина», можно считать единственной в регионе в 1920 – 1930-е годы. Она хотя и фрагментарно, но отражала жизнь немецкого этноса наряду с болгарским, молдавским и украинским.

Кроме Одессы, была предпринята попытка создания немецкого краеведческого музея в 1929 г. в Запорожье во время строительства Днепрогэса. Немцы Кичкаса обратились в инспекцию охраны памятников с просьбой о создании небольшого музея. Они решили также один из первых домов, построенный из дуба в 1789 г., как символ переселения прусских меннонитов в эти земли, перенести в город, для этих целей была собрана какая-то сумма денег. Главный инспектор управления охраны памятников культуры обратился в январе 1929 года в Совет национальных меньшинств о переносе дома, как «исторического и культурного памятника» периода колонизации XVIII столетия, с целью создания немецкого краеведческого музея запорожских немцев¹⁷.

Найти документы, подтверждающие открытие музея, не удалось. Из довоенного собрания Запорожского краеведческого музея ничего не сохранилось.

Развитие музейного дела в 1930-х годах было приостановлено из-за изменившегося отношения к музеям со стороны государства, наступления репрессий и всеобщей политизации.

Репрессии коснулись и национальных музеев Одессы (был еще музей Еврейской культуры). Музей «Степова Украина» стал недоступным для посетителей, что объясняли консервацией. В 1931 г. его фонды передали Одесскому историко-археологическому музею¹⁸.

Негативные последствия для этнографической деятельности музеев имел Первый Всероссийский музейный съезд, проходивший в Москве в декабре 1930 года. Его решения ориентировали на то, что «музей не кунсткамера, не коллекция раритетов, не закрытое собрание для немногих, а политико-просветительский комбинат»¹⁹! Отсюда все уничтожающая критика Одесских музеев, которые «с самого начала своего существования приняли от бывших общенародных музеев плохие традиции прошлого народничества, этнографичности и аполитичности и сегодня нет какого-нибудь политического порядка в этих музеях, они идеологически бесхребетны...»²⁰.

Следствием этого стало сворачивание этнографической и краеведческой деятельности музеев повсеместно.

Несколько иная участь была у музея бессарабской немецкой колонии Сарата (в настоящее время это территория Одесской области), которая вместе с колониями Малоярославецкого и Клястицкого округов, с 1918 по 1940 г. входила в состав Румынии. Появлению историко-культурного музея немецких колонистов Бесарабии, предшествовала выставка «древностей» в 1922 г., приуроченная к 100-летию со дня основания колонии²¹. Материалы на выставку брались временно, и после ее окончания должны были вернуться к своим владельцам.

Выставка разместилась в одном из классов приходской школы. Востребованность этой временной экспозиции привела ее организаторов к решению о создании музея края «на пользу нашего народа», так как все члены музейного комитета пришли к убеждению собирать и показывать предметы, характеризующие культурную жизнь в прошлом и настоящем.

5 ноября 1922 г. – дата основания музея. Это был общественный музей, существовавший за счет добровольных взносов членом-основателей музейного союза. Из их числа выбиралось руководство музея и наблюдательный совет. Первое руководство состояло из шести человек:

1. Им. Вагнер (Imm. Wagner) – 1-й председатель (он же возглавлял и музейный союз);
2. Д-р Вальдмайер (J. Waldenmaier) – 2-й председатель;

3. И. Шех (Im. Schäch) – секретарь;
4. Фр. Вингер (Friedr. Winger) – кассир;
5. Проф. И. Вагнер (Johns. Wagner) – 1-й хранитель;
6. Проф. А. Гунш (A. Gunsch) – 2-й хранитель.

Наблюдательный совет состоял из трех человек. Число членов-основателей в первый год существования музея составило 115 человек. Они проводили экскурсии, читали лекции жителям бессарабских сел о значении и роли музея, о истории религии, об основателе Сараты пасторе Игнаци Линдле, о вюртембергском купце Христиане Вернере, основавшем Саратовское центральное училище.

В течение восьми лет музей находился в доме председателя музейного союза – И. Вагнера, а с 1930 г. – в школе Вернера.

Каждый год музейные фонды пополнялись новыми экспонатами. Известно, что в 1932 г. их было 469. Особую ценность представляли 64 документа (1822 – 1892), письма, фотографии, книги, предметы домашнего обихода и сельского хозяйства.

Получить представление об экспозиции помогли сохранившиеся фотографии, некоторые из них опубликованы в изданиях краеведческого музея немцев Бессарабии в Штутгарте. Музейная экспозиция размещалась в одной классной комнате и напоминала открытый показ фондов. Для обозрения были выставлены все имевшиеся материалы. «Маленький Саратовский музей, – как было написано в одном из многочисленных отзывов, – является примером большой любви к своему прошлому и к своему народу и достоин подражания и уважения»²².

Структура музея была близка по своему решению Одесскому обществу истории и древностей, существовавшему до 1920 г. Его руководство также имело президента, вице-президента, секретаря, кассира, были также члены общества, члены-корреспонденты и корреспонденты. «Корреспондентами» в Саратовском музейном союзе являлись т.н. доверенные лица. В их задачи входило «пробудить интерес к музею за пределами Сараты, собирать экспонаты и привлекать новых людей в члены музейного союза». Доверенные лица были в 25 населенных пунктах Бессарабии – Аккермане, Бриенах, Арцизе, Лихтентале и т.д. В Тарутино доверенным лицом был доктор Карл Штумпп, внесший огромный вклад в историю изучения немецких колоний на Черном море. В Фриденстале – Дж. Кельм. Можно предположить, что это его сын – Эдвин Кельм в с. Мирнополье (Фриденсталь) Арцизского района Одесской области в 1999 г. открыл частный этнографический музей. Он выкупил дом своего деда, постройки 1868 г., восстановил немец-

кую усадьбу начала XX в. – начиная от обстановки и убранства комнат до хозяйственного двора.

В Сарате в настоящее время существует историко-краеведческий музей. Он был открыт в дни празднования 50-летнего юбилея установления советской власти – 26 июня 1990 г. Его экспозиция построена по типовым требованиям советских краеведческих музеев, которые по инерции продолжали оставаться зависимыми от политических установок. Проживание немцев в регионе не было отражено в его экспозиции ни одним экспонатом. Не упоминалось и об особенностях региона – бессарабские немцы не знали гражданской войны, голодомора, коллективизации и раскулачивания. Сравнительно недавно появились в музее сувениры, книги, открытки, костюмы, их привезли из Германии бывшие жители Сараты и близлежащих сел.

2 августа 1940 г. Верховным Советом СССР был принят закон о включении Северной части Буковины, Хотинского, Аккерманского и Измаильского уездов Бессарабии в состав Украинской Советской Социалистической республики²³. К этому времени относится постановление Совнаркома УССР о создании Аккерманского областного краеведческого музея (23.11.1940) – это современный Белгород-Днестровский музей²⁴.

В 1940 г. в Аккерманский музей стали поступать материалы из музея Шабо (бывшей швейцарско-немецкой колонии, известной своими виноделами). Там был не только музей, но и историческая библиотека. Книги из этой библиотеки в настоящее время находятся в Белгород-Днестровском музее. Из шабских экспонатов в современной экспозиции – арбалет XIV в. и старая фотография, на паспорту которой читаемый штамп: «MUSEUM SCHABA».

Были поступления из Сараты, которой посвящена часть современной экспозиции в Белгород-Днестровском музее. Это метрические книги (1845), книги приказов Саратовского волостного правления (1841), книга «на записку присылаемых бумаг и пакетов Саратовского волостного правления» (1878), линогравюры с изображениями первого доктора в Сарате – Лютца (Dr. Georg Friedrich Lütze (1803–1863), Sarata) и учителя Баиша (Johann Karl Baisch (1814–1883), Sarata), 40 лет проработавшего в Вернершулле. Представлены также старые фотографии, на которых изображены дома в Сарате, интерьеры, а также экспозиция Саратовского музея до 1940 г.

В 1990 – 1993 гг. в Белгород-Днестровском краеведческом музее была создана экспозиция «Этнография народов юга Придунавья». Материалы о немцах-колонистах, только в 1999 г., дополнили экспозиционный раздел «История края в XIX в.». В нем показаны последние поступления от бесса-

рабских немцев, недавно побывавших в музее, – книги, открытки, образцы рукоделия и одежды.

До 1990-х годов экспозиции историко-краеведческих музеев были стандартно одинаковыми, исключение составляли некоторые из региональных исторических персоналий. Предпочтение отдавалось не какой-нибудь одной нации, а новой общности – советскому народу. Поэтому в экспозиции Одесского историко-краеведческого музея, открывшегося в 1956 г., старые гравюры воспринимались иллюстрациями старых зданий и улиц Одессы XIX в. Никто не акцентировал внимание на национальности автора литографии, так же как и на владельце завода земледельческих машин И. Гена, когда рассматривали картину, с изображением цеха этого завода начала XX в.²⁵

В экспозиции отдела природы демонстрировали экспонаты по виноградарству из совхоза «Шабо» (бывшая швейцарско-немецкая колония), обязательно рассказывали о таких популярных сортах винограда, как «алиготе», «шардоне», «мускат белый», но не связывали «мускат гамбургский» и «рислинг» с немецкими колонистами, которые их завезли и распространили на этих землях.

Раздел животноводства начинался с показа достижений селекционера М. Ф. Иванова по выведению в Одесской области асканийской тонкорунной породы овец. При этом не упоминалось о той роли, которую сыграли семьи Корнисов и Фальц-Фейнов, в области селекции и пропаганды опыта разведения овец еще начиная с середины XIX в. в общем объеме сельскохозяйственного производства юга Украины²⁶.

Примерно такая же была ситуация в Николаевском краеведческом музее основой для открытия которого еще в 1913 г. послужили редчайшие коллекции ихтиозентомолога Эммануила Петровича Францова. И только в последнее время посетители музейных выставок могут уже подробнее узнать о немецком коллекционере и ученом. Это стало возможным после 1991г., когда появились государственные гарантии в таких документах, как «Конституция Украины», «Закон о национальных меньшинствах», «Декларация прав национальностей Украины», «Комплексные мероприятия по развитию культур национальных меньшинств Украины» и т.д.

В 1992 г. в Крымском краеведческом музее был создан этнографический отдел, но только через 6 лет открыли экспозицию, посвященную не только крымским татарам, но и чехам, армянам, эстонцам, немцам и т.д.

В Запорожском краеведческом музее в 1999 г. (май–ноябрь) работала выставка «Меннониты в царской России и Советском Союзе». В настоящее

время действует выставка «Этнографические богатства Запорожья», где достаточно материалов о немцах-колонистах и промышленниках.

Почти год назад была открыта выставка в Херсонском краеведческом музее (март 2002 – апрель 2003) «Дорогами судеб». Сокращенный вариант этой выставки был показан в Херсонской областной библиотеке «200 лет колонизации Причерноморья» (май – июнь 2003).

В обновленной экспозиции Одесского историко-краеведческого музея проекты, чертежи, планы, выполненные немецкими архитекторами и землемерами, а также гравюры, отпечатанные немецкими мастерами в одесских литографиях, являются одной из аттрактивных частей экспозиции «Старой Одессы» XIX в. В 1994 г. в музее был создан комплекс «Регенбург – побратим Одессы». Через два года экспозиция «Многонациональная Одещина» пополнилась разделом «Немцы Причерноморья», построенном на фондовых экспонатах и материалах общества «Видергебурт». В октябре 2003 г. была открыта выставка «Немцы Причерноморья» и издан каталог немецкой историко-этнографической коллекции²⁸.

Выставки и экспозиции в Одесском, Симферопольском, Херсонском и Запорожском музеях многое объединяет:

1. Их создание было обусловлено многонациональностью Причерноморского региона (здесь проживает более 100 национальностей).
2. Источники формирования немецкой историко-этнографической коллекции:
 - экспедиции;
 - музейные фонды;
 - поступления от частных лиц.
3. Время, затраченное на подготовку – 2 – 3 года.
4. Все выставки состоялись благодаря поддержке со стороны Института культуры и истории немцев в северо-восточной Европе (Люнебург / Геттинген, Германия) и Торонтскому университету (Канада), в частности – профессору Харве Дику.
5. Все выставки оказались востребованы и посещаемы.

На примере этих экспозиций видно, что демократизация коснулась и музейного дела. Перестали от Министерства культуры поступать указания о создании экспозиций по типовым схемам. Наличие экспонатов, а не политические установки, стало главным критерием при создании экспозиций.

Но демократизация имела и свои негативные стороны, что проявлялось при создании музеев на общественных началах при школах и домах культуры. Проблемно-тематическая экспозиция из-за незнания истории своего

края, была просто заменена предметной подачей материала (вышивки, орудия сельского хозяйства, музыкальные инструменты и т.д.). В таких музеях молдавские ковры соседствуют с украинскими сорочками, болгарская керамическая посуда с немецкой кофемолкой и черепичным станком или русским самоваром и т.д. Исключением является музей Эдвина Кельма, воссоздающий усадьбу немецкого колониста 1920 – 1940 гг. в с. Мирнополе (бывш. Фриденсталь) Арцизского района Одесской области.

В последнее время развитие и взаимосвязь самобытной культуры немецкого народа Причерноморского региона, привлекают внимание исследователей – ученых-историков, этнографов, искусствоведов, фольклористов и краеведов-аматоров. Архивные материалы, экспедиционные находки и атрибутированные экспонаты более ранних поступлений позволяют только региональным краеведческим музеям Юга Украины создавать достоверные как временные, так и стационарные экспозиции.

¹ См.: Солодова В.В. Участие немцев в изучении истории Новороссийского края (на примере деятельности Одесского общества истории и древностей) // Немцы России: социально-экономическое и духовное развитие. 1871 – 1941 гг.: Материалы 8-й международной научной конференции. М., 2001. С. 234 – 235.

² Отчет Одесской городской публичной библиотеки за 1907 год. Одесса, 1908. С. 53.

³ Стара Одеса. Архітектура Причорномор'я. Одеса, 1927. С. 44, 46.

⁴ См.: Государственный архив Одесской области (далее – ГАОО). Ф. Р – 1220. Оп. 2. Д. 7. Л. 50.

⁵ См.: Одеський крайовий сільсько-господарський музей імені проф. К. А. Тімірязєва. Провідник-довідник. Одеса, 1929. С. 3.

⁶ ГАОО. Ф. Р.-5039. Оп. 1. Д. 111. Л. 6.

⁷ См.: Одеський крайовий сільсько-господарський музей. Указ. Соч. С. 9, 11, 56.

⁸ См.: Миколук А. Переїзний музей на селі. З досвіду роботи на Одещині за 1924–1926 роки. Харків, 1927. С. 39, 42.

⁹ См.: Звіт бюро комісії сії (1.V.1924 – 1.X.1925) // Вісник Одеської комісії краєзнавства при Всеукраїнській академії наук. Одеса, 1925. Ч. 2 – 3. С. 2.

¹⁰ См.: Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (далее – ЦГАВО Украины). Ф. 166. Оп. 6. Д. 5937. Л. 2.

¹¹ См.: Черепнин Н. Этнографический отдел Русского музея. Петроград, 1923; Звіт про діяльність секції етнографічно-діялектологічної // Вісник Одеської комісії краєзнавства при Всеукраїнській академії наук. Одеса, 1924. Ч. 2 – 3. С. 166.

- ¹² Боров Л. Музей степной Украины // Известия Одесского окружного комитета КПБ(У). 1927. 25 декабря.
- ¹³ См.: Там же.
- ¹⁴ См.: Скрипник Г. А. Етнографічні музеї України. Становлення і розвиток. Київ, 1989. С. 158.
- ¹⁵ См.: ЦГАВО Украины. Ф. 166. Оп. 6. Д. 8912. Л. 100 – 101.
- ¹⁶ См.: Одесский историко-краеведческий музей. Инвентарная книга музея «Степова Украина». Инв.№ Д – 11377.
- ¹⁷ См.: ЦГАВО Украины. Ф. 166. Оп. 6. Д. 1833. Л. 10.
- ¹⁸ См.: Там же. Ф.166. Оп. 10. Д. 1393. Л. 247, 248.
- ¹⁹ Советский музей. 1931. № 1.
- ²⁰ Б. Г. За музеї проти живих експонатів у них // Чорноморська комуна. 1931. 22 травня.
- ²¹ См.: Christian Fiess. Heimatbuch Sarata. 1822–1940. Stuttgart, 1979. S. 539. ; Christian Fiess. 40 Jahre Heimatmuseum der Deutschen aus Bessarabien. Stuttgart, 1992. S. 3.
- ²² Christian Fiess. Heimatbuch Sarata. Указ . Соч. S. 541, 542.
- ²³ См.: Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР (1938 – 1958 гг.). М., 1959. С. 25.
- ²⁴ См.: Белгород-Днестровский краеведческий музей. Путеводитель. Одесса, 1987. С. 3.
- ²⁵ См.: Одеський державний історико-краєзнавчий музей. Путівник. Одеса, 1959. С. 24.
- ²⁶ См.: Бобылева С. И., Бочарова Н. В. и др. Очерки истории немцев и меннонитов юга Украины (конец XVIII – первая половина XIX века). Днепропетровск, 1999. С. 73.
- ²⁷ См.: Матонина Э. В сравнении с 1913 годом... // Советский музей. 1989 .№ 5. С. 36 – 40.
- ²⁸ См.: Немцы Причерноморья. Каталог. (Составители – Озерянская И. М., Эзау Л. Г). Одесса, 2003.

ФОРМИРОВАНИЕ ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ ПРИЧЕРНОМОРСКИХ НЕМЦЕВ В СОБРАНИИ ОДЕССКОГО ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

В. В. Солодова

Начало формирования немецкой историко-этнографической коллекции в Одесском историко-краеведческом музее было положено в 2002 г. К этому времени определились три источника комплектования:

1. Экспедиции в бывшие немецкие колонии Причерноморья;
2. Музейные фонды;
3. Поступления от частных лиц (2001 – 2003).

Самым мощным импульсом, подтолкнувшим к целенаправленному собирательству по немецкой тематике и внутримузейным изысканиям, была первая экспедиция (2001) по бывшим немецким колониям Причерноморского региона. Экспедиция была организована и проведена Одесским историко-краеведческим музеем. В ней принимали участие не только сотрудники музея, но и члены Одесского областного немецкого общества «Видергебурт». К настоящему времени проведено три экспедиции. Они стали возможными благодаря поддержке со стороны Института культуры и истории немцев в северо-восточной Европе (Люнебург/Геттинген, Германия).

Одесский регион является одним из многонациональных на Украине, здесь проживают представители 134 национальностей. Но многие годы сотрудники музея собирали экспонаты, связанные с украинцами, болгарами, русскими, молдаванами, греками, гагаузами. О том, что в крае проживали немцы, не упоминалось до начала 1990-х годов. Эта тема оставалась негласно закрытой на многие годы.

В 1994 г. в музее был создан экспозиционный комплекс «Регенсбург – побратим Одессы». Через два года, к 5-летию провозглашения Независимости Украины экспозиция «Многонациональная Одесщина» дополнилась разделом «Немцы Причерноморья», построенном на фондовых экспонатах и материалах общества «Видергебурт».

В фондах музея немецкая тематика была представлена образцами Мейсенского и Веймарского фарфора, «крупповскими» столовыми приборами, подборкой гравюр с видами старой Одессы¹, выполненных художниками и

граверами – немцами по происхождению: Г. Бекелем, Ю. Берндтом, Р. Лангансом, П. Ренненкампом и др.

Неизменный интерес вызывали гравюры и фотографии, на которых запечатлены храмы Одессы XIX в. В их числе были изображения старой и новой кирхи на улице Новосельского, евангелическо-реформатской церкви на улице Херсонской, здания костела на Екатерининской улице. Получить представление не только о внешнем облике костела, но и о его внутреннем оформлении и убранстве, помогали литографии Ф. Гросса, выходца из крымских колонистов², а также часть обрядового облачения католического священника (риза и епитрахиль), алтарный покров и покров на чашу Святого причастия конца XIX в.

Посетителей музея всегда привлекали яркие упаковочные коробки от печенья и бисквитов кондитерской фабрики Ф. Дурьяна и бутылки пивоваренных заводов «Одесская Бавария» и «Ф. Енни и К°» начала XX века. Театральную гостиную музея уже много лет, во время музыкальных вечеров, оживляют звуки кабинетного рояля австрийской фирмы «Bösendorfer», доставшегося музею от актрисы Одесского русского театра Л. И. Буговой.

Несколько неожиданными для музейного собрания стали настенные часы немецкой фирмы «Gustav Becker». До сих пор в престижных антикварных салонах и на аукционах можно приобрести часы, выполненные руками великого мастера или его последователями. Клеймо в виде якоря и двух букв «G» и «B» знакомо истинным коллекционерам часов и ценителям старины. Оно является залогом настоящего качества и безупречной точности хода. Часы этой марки в начале XX в. можно было приобрести в Одессе в магазине Иосифа Баржанского.

В музейном собрании находятся настольные часы германской фирмы «Lenzkirch». Эта фирма также хорошо известна в мире, как и «Gustav Becker». Часы этих фирм объединяет не только время изготовления – начало XX в., но и высокий уровень исполнения.

Документы, печатные издания, проекты и чертежи являются самыми активными носителями информации, хотя имеют отношение больше к Одессе, чем к Причерноморскому региону в целом. Поэтому были так необходимы историко-этнографические экспедиции.

Полевые исследования проводились на протяжении 2001–2003 г. в селах Веселиновского и Николаевского районов Николаевской области и Березовского, Овидиопольского, Раздельнянского, Беляевского, Коминтерновского, Великомихайловского, Саратовского, Арцизского, Тарутинского и Белгород-Днестровского районов Одесской области.

В результате экспедиций проявились особенности и сложности обследуемого региона. Во-первых, детальный сбор материалов, связанных с немецким этносом, – для изучения его вклада в развитие края – ни разу не проводился. Во-вторых, возникали трудности в опросе населения, в поиске утраченных следов бытовой культуры, так как развитие немецких колоний происходило при различных политических условиях.

Обследованию подлежал регион, территория которого находилась даже под юрисдикцией разных государств. Южная часть Бессарабии в 1918 г. отошла к Румынии, вместе с колониями Малоярославецкого, Клястицкого и Саратовского округов (современная Одесская область). И только в июне 1940 г. эта территория была присоединена к СССР.

Бессарабские немцы, по соглашению, принятому 5 сентября 1940 г.³ между правительствами СССР и Германии, были переселены в аннексированные Германией земли Западной Польши. 15 ноября было определено крайним сроком время эвакуации лиц немецкой национальности. В эти сроки немцы уложились. Известно, что последний обоз из Тарутино – промышленного и культурного центра бессарабских немцев – ушел 25 октября 1940 г.⁴.

Опустевшие дома бессарабских немцев занимали жители соседних болгарских, русских и молдавских сел, а жилые и хозяйственные строения, принадлежавшие бывшим немецким колхозам в селах Одесской и Николаевской областей, передавали, начиная с 1944 г. переселенческим семьям из Польши и Западной Украины⁵. Переселенцы, обживаясь на новом месте, со временем перестраивали свои дома. Погреба и цистерны из-за отсутствия личных хозяйств утрачивали свое прямое назначение. Они наполнялись грунтовыми водами, а со временем их засыпали землей и мусором.

Расположение таких крупных промышленных центров, как Одесса и Николаев, способствовало частой смене жителей близлежащих сел. Это подтверждают исследования, проводимые в Надлиманском (Францфельд), Новоградковке (Нейбург) Одесской области и Степовом (Карлсруе) Николаевской области. Здесь дома меняли своих владельцев в пятый или седьмой раз. Нынешние владельцы, очень часто представители разных национальностей, не могли иногда вспомнить даже имя предыдущего хозяина. При таких исторических обстоятельствах просто невозможно сохранить этническую память коренного населения, основавшего то или иное село.

Редкой удачей были встречи с Х. Р. Бем из Виноградного (Вормс), А. Ф. Бибер и Н. К. Фитцер из Новоградковки (Нейбург), Л. Ф. Рислинг из Лиманского (Зельц), Р. Я. Райнер из Песчанного Брода (Шпейер), И. Ф. Шмальцом из Поречья (Раштадт), Р. Г. Германом из Красноселки

(Гильдендорф) и др. Но в основном общение происходило с русскими, болгарскими, украинцами, евреями и цыганами, проживавшими в одно время с немцами в колониях или соседних селах. Это люди преклонного возраста, что также ограничивает, с одной стороны, сроки опроса, а с другой – порождает не существующие факты – легенды и мифы. Поэтому история развития немецких сел Одесской и Николаевской областей подлежит только фрагментарному восстановлению, как со слов информаторов, так и по историко-этнографическим находкам, объединенных 1900 – 1940 гг.

Вместе с тем именно в результате экспедиций были обнаружены образцы убранства немецкого жилища (интерьера): три платяных двустворчатых шкафа. Они все разные, отличаются размерами и вместимостью. Два шкафа из Веселиновского района Николаевской области. Самый большой из них выполнен из дуба, помимо отделения для верхней одежды имеет отделение для хранения постельного белья.

Шкаф из Цебриково (Гофнунгсталь) Великомихайловского района Одесской области интересен своей декоративной отделкой. Его дверцы украшены двумя букетами цветов в прямоугольных обрамлениях. Все шкафы имеют характерные подвижные вешалки, их объединяет и время изготовления – начало XX в.

Но только один из них соответствовал своему прямому назначению и находился в гостиной (с. Песчаный Брод Веселиновского района Николаевской области (Шпейер), остальные два были заполнены старыми ненужными вещами и в скором времени должны были пойти на дрова. Там же, в Песчаном Броде был обнаружен обеденный стол с круглой столешницей с откидными краями и настенное зеркало в прямоугольной резной раме.

Удалось найти и кровати. Первой из них была полуторная деревянная кровать с высокими филенчатыми фигурными спинками, украшенными декоративными набалдашниками в виде «луковиц» (с. Градовка Веселиновского района Николаевской области). Позже добавились две односпальные (взрослая и детская), они были найдены в Южной Бессарабии в бывшей колонии Бриены (г. Арциз Одесской области). Они оказались более простыми, чем первая находка.

Что характерно, не было найдено подтверждения такой детали бытовой культуры, как прямоугольной надстройки-балдахина для кровати, свойственной Омской и Саратовской областям, о которой упоминал краевед В. Василенко из Люстдорфа⁶.

Находки старой немецкой мебели были очень редки, ее удавалось встретить лишь в тех домах, где владельцы не менялись с 1944 г. В послевоенные

годы из тканевой обшивки диванов шили одежду, а мебель использовали на дрова, позднее новая мебель вытесняла старую, ее выносили во двор под навес или в сарай, где она окончательно разрушалась и становилась пригодной только для костра. Единственным населенным пунктом, где сохранилась мебель, равная возрасту дома, было село Цебриково (Гофнунгсталь). Там платяные шкафы, буфеты и антресоли встраивали в стены домов.

Уют внутреннему убранству жилища придавали предметы женского рукоделия. Поэтому своевременной была передача в музей С. Э. Лисобей (Шнайдер) в 2002 г. постельного белья, салфеток, кружев, разных накидок, доставшихся ей от родной тети, проживавшей до 1940-х годов в селе Рорбах (с. Новосветловка Веселиновского района Николаевской области). В том же году Е. П. Самофал (Бютнер) передала в музей коклюшки, иглы для вышивания ковров, вязальные спицы, а также образцы вышивок и плетения, хранившиеся в ее семье. Это были крупные и очень ценные поступления. Они позволили получить представление о технике вышивки, вязания и плетения кружев, рисунках, характерных для домашнего рукоделия, фактуре ниток, которыми пользовались мастерицы.

В бывшей колонии Бриены (г. Арциз Одесской области) на чердаке старого дома были найдены четыре самопрялки, образцы пряжи из льна, конопли и шерсти, ткацкий станок и станок для обмолота льна и конопли – льномялка. Это все сохранилось из-за того, что оно использовалось семьей, заселившейся в немецкий дом. Из этого дома в музей попала и швейная машинка марки «WERTHEIM FRANCFORT» начала XX в.

В Южной Бессарабии ткачество приобрело характер товарного производства. Известно, что красить ткани из соседних болгарских и русских сел приезжали в Тарутино. Там уже с середины XIX в. существовала сукновальня К. Изерта и А. Эрдмана, позже добавилась красильня братьев Шерибле, в 1865 г. появилась шерстопрядильня Л. Штайнке. Поэтому сотрудники музея обратились к фондовым материалам, привезенным из экспедиции 1982 г. Она была организована Одесской областной организацией Украинского общества охраны памятников истории и культуры и Одесским историко-краеведческим музеем для изучения истории материальной и духовной культуры населения южных районов Одесской области (руководитель Ю. Г. Розуменко) по селам Тарутинского, Болградского и Килийского районов Одесской области. Из этой экспедиции были привезены неполные комплекты женского и мужского костюмов. Их объединяло время изготовления – 1930-е годы, место находки – болгарское село Ровное Тарутинского района, материал – шерсть домотканая, которую окрашивали в Тарути-

но. В 1985 г. из села Надречное Тарутинского района в музей поступили образцы домотканой шерстяной ткани, довоенного изготовления, с преобладанием красного, белого, синего и зеленого тонов.

Не менее выгодным и распространенным ремеслом в немецких колониях было корзиноплетение и изготовление изделий из ивового прута и фруктовой лозы. Считалось, что ими занимались малоземельные и безземельные поселяне⁷. В колонии Кандель Одесского округа в начале 1920-х годов ежегодно изготавливалось от 150 до 200 тысяч корзин⁸. Ивовый прут и виноградная лоза не отличаются долговечностью, поэтому практически не сохранилось изделий из них, даже 1920 – 1940-х годов, не говоря о более раннем времени. Удалось найти два оплетенных бутыля с узким горлышком, предназначавшихся для хранения вина. Если плетением корзин занимались только ремесленники, то сделать разные ловушки-плетенки из камыша для ловли рыбы мог любой колонист, проживавший на Кучурганском лимане, так как лиман был главным источником благосостояния местных жителей⁹.

Среди ремесленников ценились кузнецы, столяры, портные, сапожники и плотники. До 1917 г., на три кучурганские колонии – Кандель, Зельц и Баден приходились два лесопильных завода и одна большая механическая мастерская. Это позволяло изготавливать фургоны разных типов, повозки и брички. Все изделия были высокого качества и пользовались спросом. Их закупали перекупщики и увозили в Бессарабию, Польшу, Румынию¹⁰. Большим спросом пользовался разный мелкий сельскохозяйственный инвентарь, а также грабли, вилы, бороны и плуги. Плуги изготавливали не только в механической мастерской Кучургана, но и во многих причерноморских колониях начиная с конца XIX века. Особенно это стало распространенным явлением после 1881 г., когда И. И. Ген изобрел «новороссийский» плуг. Выходец из среды колонистов и владелец самого крупного завода земледельческих машин в России, находившегося в Одессе, он использовал и усовершенствовал изобретение своего отца, т.н. «колонистский» плуг (1854). Значительное усовершенствование этого сельскохозяйственного орудия давало возможность использовать его для вспашки различных почв на небольших и средних участках, а также для разрыхления земли между деревьями и виноградными кустами. К сожалению, не удалось пополнить музейную коллекцию изобретением И. И. Гена. Но в фондах уже много лет хранится уникальная модель однолемешного русского культурного плуга. Она была изготовлена В. И. Подлубным – мастером модельного цеха завода земледельческих машин для международной художественно-промышленной выставки, проходившей в Одессе в 1910–1911-е годы.

Среди материалов музейной экспедиции 1982 г. был и однолемешный

плуг Николаевской фирмы «Братья Донские». Плуг передал В. И. Киссоляр – житель села Ровное Тарутинского района Одесской области, болгарин по национальности, который в 1917 г. купил его у немцев-колонистов Кацбаха¹¹. Еще один плуг поступил из экспедиции 2003 г. из Бриен (г. Арциз Одесской области) с маркировкой: «SCHRAMM SB 5».

Из сельхозорудий, применявшимися немцами-колонистами, выделяются молотильные камни (катки). Ими вымолачивали зерно на токах благодаря их многогранной поверхности. Катки выполнялись из гранита, известняка, песчаника и даже железобетона. Самыми распространенными в Причерноморском регионе были катки из гранита и песчаника; как исключение, в районе Арциза попадались оштукатуренные песчаниковые катки. Молотильные катки встречаются до сих пор повсеместно, хотя давно не используются в сельском хозяйстве. Исключением были послевоенные годы, когда «каждый колхоз Одесского областного совета должен был обеспечить бесперебойное проведение обмолота с полной нагрузкой от зари до зари, включая и обмолот простым способом катками и цепами»¹². В музее находятся два гранитных молотильных камня: из бывшей колонии Гильдендорф (с. Красноселка Коминтерновский район Одесской области) и села Березань Беляевского района Одесской области, где основное население – это украинцы и молдаване. Третий каток – цилиндрической формы, выполнен из песчаника и предназначался для утробовывания почвы после посева семян (например, свеклы). Такая форма катка до сих пор применяется в сельском хозяйстве. Их изготавливают из металла, крепят во время работ к трактору, который протягивает их по всему полю после посева.

В результате экспедиционных выездов удалось собрать подборку из черепицы, кирпича и напольной плитки. Особенность региона состоит в том, что эти земли богаты материалами, пригодными для строительства. Это залежи песчаника, гранита, известняка, песка и глины. Железо и дерево стоили дорого, потому что были привозными. Известно, что строевой лес привозили из Каменец-Подольской губернии¹³, железо из России. Только к концу XIX в. было развернуто кирпично-черепичное производство в Кучургане, Очакове, Одессе, Петровке, Гросс-Либентале.

Толчком к развитию производства черепицы на местах послужил большой ввоз через Черноморские порты марсельской черепицы из Франции. Количество ввозимой черепицы достигало 20 миллионов штук в год. Она пользовалась спросом из-за высокого качества, что нельзя было сказать о черепице местных производителей¹⁴. Марсельская черепица получила широкое распространение в Причерноморье в середине XIX в. Не уступала по

качеству черепица, производимая по «марсельскому» патенту конца XIX в. Местные кирпично-черепичные производства окончательно вытеснили марсельскую и патентованную черепицу к 1900-м годам, когда появились заводы в Петровке и Кучургане. Заводы были оснащены новейшим оборудованием, а за образец ими была взята марсельская марка «Братьев Ги-хар» («Guichard freres»). К такому выводу позволяют прийти экспедиционные находки, во время которых было собрано 55 образцов маркированных кирпичей и черепицы.

Если делать выводы по итогам работы экспедиции, то они не будут однозначными. Участники экспедиции столкнулись с такой проблемой, как отсутствие практически коренных жителей – носителей немецкой культуры. На момент начала экспедиции немцы в Бессарабии не проживали 61 год, а в Одесской и Николаевской областях – 57 лет. Поэтому удалось собрать материалы, фрагментарно отражающие хозяйство и быт причерноморских немцев в основном первой половины XX века.

¹ См.: Солодова В. В. Одесса в произведениях графики XIX века. Одесса, 1997.

² См.: Солодова В. Гросс // Немцы России: Энциклопедия. М., 1999. Т. 1. С. 637.

³ См.: Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р.–5446. Оп. 32. Д. 384. Л. 1.

⁴ См.: Дошле Э. (Emil Deuschle). Доклад к 185-летию Тарутино. 1999. 29 августа. Рукопись. С. 5.

⁵ См.: Государственный архив Одесской области (далее– ГАОО). Ф. Р. – 1103. Оп. 11. Д. 11. Л. 40.

⁶ См.: Василенко В., Бурнусус К. Традиции архитектуры в немецких колониях Причерноморья // Вестник региона. 1997.

⁷ См.: Институт рукописей национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского (далее – ИРНБУ). Ф. V. Д. 711. Л. 17.

⁸ См.: Краткие сведения об изделиях членов товарищества «Промкредит». Одесса, 1925. С. 14.

⁹ См.: ИРНБУ. Там же.

¹⁰ См.: Там же. Л. 19.

¹¹ См.: Одесский историко-краеведческий музей. Инв. № Д-11499.

¹² ГАОО. Ф.Р.–2000. Оп. 3. Д. 10. Л. 181.

¹³ См.: ИРНБУ. Там же. Л. 8 об.

¹⁴ См.: Заковоротный Д. И. Петровский завод стройматериалов. Николаев, 1990. С.

СОХРАНЕНИЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ НЕМЦЕВ В КРЫМУ

Ю. Н. Лаптев

Историко-культурное наследие — совокупность сохранившегося исторического, социально-экономического, религиозного и культурного наследия, материальной и духовной культуры, памятников архитектуры, изобразительного и монументального искусства.

Среди памятников, связанных с прибытием в Крым немцев, можно выделить два типа: отображающие массовое расселение немцев на территории Крыма (сер. XIX в. – 30-е годы XX в.) как в сельской местности, так и в городах, а также связанные с жизнью и деятельностью тех или иных представителей немцев.

В настоящее время отнюдь не стало меньше задач, связанных с охраной памятников старины; наоборот, к ним прибавились новые. На памятники архитектуры различных народов в Украине уделяется недостаточное внимание. Начиная с 30-х годов XX в. велось систематическое уничтожение культовых сооружений и кладбищ, проводимая в 50 – 90-е годы политика вела к переделке и перестройке как объектов городской архитектуры, так и сельской. С другой стороны, неправильная политика в социальных вопросах и вопросах собственности, недостаточная забота о сохранности зданий, а порой и отсутствие таковой, приводили к разрушению первоначального облика или полному разрушению, уничтожению.

В сельской местности (быв. немецкие колонии) среди памятников истории и культуры можно выделить:

1. Жилые дома, составляющие комплексы с хозяйственными постройками.
2. Общественные здания (больницы, начальные школы, здания центральных училищ).
3. Культовые сооружения и кладбища.
4. Помещичьи усадьбы и особняки (дачи) ученых, общественных деятелей.
5. Технические памятники, свидетельствующие об «индустриальной культуре». Такие объекты (мастерские, различные заводы, мельницы, водонапорные сооружения и др.) и в настоящее время встречаются в сельской местности, и особенно в городах.

Переломить ситуацию в области сохранения памятников в сельской местности можно только общими усилиями государственных органов власти и ор-

ганизаций, усилиями общественных организаций и объединений. Немаловажную роль играют люди, местные жители в «малых сообществах», а также и сельское руководство — представитель сельских советов. Но самое главное — финансирование. Например, изменение выделения средств в бюджете не по пропорциональному принципу, а согласно требованиям сохранения памятников, т. е. изменение некоторые пункты Бюджетного кодекса Украины.

Местами наибольшего сосредоточения подобных памятников являются территории нынешнего Красногвардейского, Джанкойского, Сакского, Симферопольского, Советского и Белогорского районов.

Подавляющая часть памятников, относящихся к периоду массового расселения немцев на полуострове, может быть включена в разряд историко-культурных. Здания общественного назначения, а иногда и жилые постройки, представляют определенный интерес и в качестве памятников архитектуры.

В силу сложившихся обстоятельств и политической ситуации в стране выявление и постановка на государственный учет памятников национальной культуры, этнографии практически не производилась. Более благополучная ситуация сложилась в области выявления и учета памятников архитектуры. Непоправимый урон был нанесен выселением немцев из Крыма в 1941-м и 1944 гг., а также борьба государства с религией, особенно процветавшая в 20 – 30 годы XX в., губительно сказалась на сохранении объектов культовой архитектуры. Следует отметить, что выявление памятников немецкой архитектуры носило случайный, эпизодический характер, а обследование отдаленных от центра районов и сельских территорий практически не производилось.

В настоящее время на государственном учете в качестве памятников истории и культуры состоят три объекта, относящиеся к массовой колонизации Крыма немцами. Это евангелическо-лютеранские кирхи на территории бывшей колонии в Судак (быв. поселок Уютное, ул. Приморская, 13, 1887 г. постройки), в г. Ялта (ул. Чехова, 10), фонтан (1900 г. постройки) на территории колонии Судак-крепость.

В 1994 г. в Крыму был составлен государственный реестр недвижимых памятников истории и культуры Автономной Республики Крым (на 01.01.1995 г.), состоящий из трех томов, в которые было внесено (без данных по г. Севастополь) 3499 наименований. Из них 1254 — памятники истории и монументального искусства, 479 — памятники архитектуры, 1766 — памятники археологии. Насчитывается более 20 памятников, имеющих отношение к немецкой культуре и состоящих на учете (преимущественно, это памятники архитектуры и монументальные знаки).

За 200-летнюю историю немцев в Крыму на полуострове сохранилось немало памятников их культуры, которые нигде официально не учтены. Они находятся как в городах, так и в сельской местности.

Например, здание евангелическо-лютеранского училища, 1901 г. постройки, в г. Симферополь по ул. К. Либкнехта, 16 (архитектор В. А. Геккер), часть некогда существовавшего здесь комплекса, включающего кроме училища также и кирху, построенную по проекту известного архитектора Ф. Эльсона, и помещение для церковнослужителей. К сожалению, здание кирхи 1840 г. практически утрачено в 1959 г. при строительстве детской спортивной школы, в границы которой были включены три сильно перестроенные стены бывшего церковного здания. В первом секторе 1-го гражданского кладбища в Симферополе сохранились остатки лютеранского кладбища 60-х гг. XIX – начала XX в. Чрезвычайный интерес представляет существующая на кладбище часовня, построенная в 1902 г. по проекту архитектора немецкого происхождения К. Ф. Киблера на средств учителя Кучук-Таганашского акционерного общества Ф. М. Люца (Луца), подарившего ее местному лютеранскому обществу. Нуждается в исследовании вопрос о существовании в Симферополе в первой четверти XIX в. немецкой колонии (располагалась вдоль Салгира, по тылам нынешних улиц Р. Люксембург и бульвара им. В. И. Ленина).

Подобные пригородные немецкие колонии существовали также под Феодосией (Герценберг, теперь городская территория), в Судакe, на территории колонии Судак – крепость. Кроме кирхи существует немецкое кладбище XVIII–XX вв. (район гостиницы «Горизонт»). В 2003 г. в г. Судак немецким молодежным объединением «Югенд» проводилась санитарная уборка на кладбище. На наш взгляд, территория бывшего немецкого кладбища должна быть поставлена на учет как памятник с выделением охранной зоны. Сюда же в дальнейшем, в случае положительного решения, можно перевозить надгробные памятники с заброшенных кладбищ.

Значительно больше было сельских колоний. В настоящее время в ходе историко-этнографической экспедиции Крымского этнографического музея 2001–2003 гг. и более ранних исследований (сер. 90-х годов XX в.) на бывших их территориях также выявлен ряд интересующих объектов. Это кирха и дом пастора, составляющие единый комплекс, на территории которого находится медицинский склад, жилые дома в с. Ленинское Красногвардейского р-на (бывшая колония Бютень); католический храм и жилые дома в с. Александровка Красногвардейского р-на; кирха и жилые дома в с. Золотое Поле Кировского р-на (бывшая колония Цюрихталь); кирха, католический храм, жилые дома и кладбище в

с. Кольчугино Симферопольского р-на (бывшая колония Кроненталь); жилые дома в с. Пруды Советского р-на (бывшая колония Аблеш Немецкий) и т. д.

Следует отметить, что ряд лютеранских кирх и католических храмов в настоящее время передан православной церкви. В жилых домах проживают люди других национальностей.

Другой тип памятников, связанных с жизнью и деятельностью в Крыму известных личностей, включает гораздо большее число установленных и учтенных объектов. Они относятся к выдающимся лицам, в свое время приглашенным российским правительством или приехавшим в Россию по собственной инициативе на время или навсегда или вышедшим из среды колонистов, и включают в себя памятники истории, архитектуры и монументально-го искусства.

Первыми среди учтенных памятников этого типа по значимости и времени появления можно назвать «Екатерининские мили», отмечавшие путь следования по крымской земле в 1787 г. русской императрицы Екатерины II, урожденной принцессы Ангальт-Цербстской.

В настоящее время сохранилось несколько этих оригинальных сооружений, охранявшихся в качестве памятников еще в дореволюционный период. В частности, в г. Бахчисарае, у бывшего ханского дворца, и у шоссе Симферополь – Бахчисарай.

Остальные памятники данного типа можно классифицировать по следующим видам: усадьбы и дома, связанные с жизнью и деятельностью лиц немецкого происхождения; принадлежащие им заводы, фабрики; здания общественного назначения; памятники монументальной скульптуры; места захоронений.

История XIX–XX вв. вписала в галерею известных людей Крыма целый ряд немцев — ученых, архитекторов, врачей, художников и общественных деятелей. Среди них особенно выделяются известные ученые: К. И. Габлиц (1752–1821), П. С. Паллас (1741–1811) и П. И. Кеппен (1793–1864), художник, литограф и археолог Ф. И. Гросс (1822–1896). Своей общественной деятельностью, благотворительностью, предприимчивостью выделяются целые династии — Рапп, Кайзер, Люц, Люстих, Шлее, Дубс, Шнайдер, Нефф, и конечно же Фальц-Фейны. Наиболее известны Ф. М. Шлее (1841–1904), А. Д. Люстих, В. К. Винберг (1837–1922), И. И. Бреннер (1837–1919), Ф. П. Шнейдер. Среди врачей наиболее известны Ф. К. Мильгаузен (1775–1853), именем которого в начале XX в. была названа одна из улиц Симферополя. Своей работой обустроивали крымские города и немецкий архитектор Г. Геккер в Симферополе, Кейлис в Феодосии; на Южном берегу Крыма – Г. Ф. Шрайбер, К. Эшлиман, Н.

А. Штакеншнейдер, В. А. Шретер, А. В. Шервуд – автор проекта знаменитого памятника архитектуры, «визитной карточки» Крыма «Ласточкино гнездо».

Можно связать с немецкой культурой в Крыму незначительное число памятников монументального искусства и памятных знаков.

К ним относится прежде всего один из старейших из сохранившихся на полуострове памятников монументального искусства — так называемый Долгоруковский обелиск в г. Симферополе, сооруженный в 1842 г. по проекту прусского скульптора Августа Юлия Штрейхенберга (1814–1863), ученика Ж.-Л. Давида, жившего в России с 1838 по 1843 г. Особенно замечательны были выполненные им из каррарского мрамора медальоны со стилизованным портретом В. М. Долгорукова-Крымского, гербом рода Долгоруких и многофигурными композициями на сюжеты крымской истории, на настоящий момент утраченные.

В пгт Гурзуфе, в парке военного санатория, территория и сооружения которого принадлежали некогда известному предпринимателю П. И. Губонину, есть скульптурная композиция «Фонтан Ночь», выполненная по проекту профессора Берлинской академии художеств Бергера. Это оригинальный памятник конца XIX в. (фрагменты одного из них хранятся в Крымском республиканском краеведческом музее).

В пгт Никите Ялтинского горсовета, на территории Государственного Никитского ботанического сада, находится памятный знак в честь Н. А. Гартвиса (1792 (1791) — 1860), садовода, пловоода, акклиматизатора растений, в 1824–1860 гг. — директора сада, установленный в 1912 г. Малоизвестна деятельность немцев-садовников, трудившихся над созданием прекрасных парков Южного берега Крыма. Ливадийский парк обустроивал Э. Делингер; К. Кебах посвятил многие годы своей жизни обустройству парка в имении графа Воронцова в Алупке (умер 5 мая 1851 г.). Его сын Антон продолжил дело отца.

Приведенные примеры показывает низкую степень исследования памятников архитектуры и садово-паркового дизайна, связанных с жизнью и деятельностью в Крыму архитекторов и садовников немецкого происхождения, их влияние на формирование архитектурного облика городов и населенных пунктов полуострова, а также трансформация национального архитектурного стиля под воздействием местных традиций и природных условий.

На наш взгляд, в настоящее время необходимо активизировать работу ученых, краеведов, актива немецких общественных организаций по сбору материала о историко-культурном наследии крымских немцев.

СЕЛЬСКОЕ НЕМЕЦКОЕ НАСЕЛЕНИЕ КАЗАХСТАНА В XX ВЕКЕ: ОСНОВНЫЕ ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ВСЕОБЩИХ ПЕРЕПИСЕЙ НАСЕЛЕНИЯ)

Л. А. Бургарт

Немецкое население на территории Казахстана изначально сформировалось и развивалось преимущественно как сельское население. Группа городского немецкого населения появилась здесь раньше, но ее доля в течение длительного периода была незначительной.

Сельское население (колонисты) составляли основную долю немецкого населения России конца XIX – начала XX в. В результате миграции колонистов на Восток, в Сибири, Средней Азии и Казахстане возникли десятки и сотни немецких поселений – «дочерних колоний», население которых почти всегда было однородным в конфессиональном разрезе и отчасти в территориальном (по месту выхода переселенцев).

Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. показала, что на территории Казахстана проживали около 7 тысяч немцев. Более половины из них были расселены в Акмолинской области¹.

На протяжении большей части XX в. сельское немецкое население составляло большую часть немецкого населения Казахстана и являлось основой этноса, его доминантой.

В нашем исследовании будут представлены основные этнодемографические характеристики сельского немецкого населения Казахстана, выделены этапы его историко-демографического развития. На основе анализа статистических источников, в первую очередь материалов всеобщих переписей населения, мы попытаемся выделить основные особенности демографического развития сельского немецкого населения в сравнении с городским. С учетом накопленного историографического опыта² проведем сравнительный анализ этнодемографических процессов среди сельского немецкого населения, и сельского населения Казахстана в целом, а также сельского населения наиболее крупных этносов.

Прежде всего рассмотрим динамику численности сельского немецкого населения Казахстана в XX в. В начале XX в. процесс миграции немцев-колонистов на территорию Казахстана достиг своего пика. Всероссийская пе-

репись населения 1920 г. зафиксировала увеличение численности немцев в сравнении с 1897 г. в 9 раз (62 760 человек)³.

По данным ВПН 1926 г. общая численность немцев в Казахстане составила 52 102 человека. При этом доля сельского немецкого населения составила 94,7% (48 378 человек)⁴. Сокращение численности немцев объясняется прежде всего эмиграцией сельского населения в Америку и Канаду. По состоянию на 1928 год в Казахстане, согласно перечню Карла Штумпа, насчитывалось более 150 сел и поселков с немецким населением⁵.

Население Казахстана в целом также было преимущественно аграрным. Доля сельских жителей была лишь немногим ниже показателя немцев, и составляла 91,7%.

У казахов доля сельских жителей была еще выше и составляла 97,9%. У русских уже тогда доля городских жителей составляла чуть меньше всего населения. Доля сельского населения составила у русских 78,0%. В то же время казахи составляли 62,3% от всего сельского населения Казахстана, русские – 17,4%⁶.

Основными регионами размещения сельского немецкого населения были Акмолинская (41,4% от общей численности сельских немцев), и Семипалатинская (23,6%) губернии, а также Кустанайский округ (21,8 %) ⁷.

Доля сельских немцев в составе всего сельского населения Казахстана составляла в этот период около 1%⁸.

К 1939 году общая численность немцев в Казахстане составила по данным ВПН 92 571 человек⁹. Численность сельского немецкого населения также возросла до 78 760 человек, но его доля в составе всего немецкого населения сократилась до 85,1%¹⁰.

В составе всего сельского населения Казахстана доля немцев возросла до 1,9%¹¹. По Казахстану в целом отмечается сокращение доли сельского населения до 69,7%. Процесс урбанизации населения Казахстана в целом шел быстрее, чем процесс урбанизации немецкого населения. У казахского населения доля сельских жителей была немного выше. Она составила 83,6%. Тогда как у русских доли городского и сельского населения стали почти равными. Сельские жители составили лишь 56,0% от всего русского населения Казахстана. В то же время изменилась и доля отдельных этносов в составе всего сельского населения Казахстана. Доля русских, также как и доля немцев, возросла и составила 33,3%, тогда как доля казахов сократилась до 43,7%¹².

Рассматривая размещение сельского немецкого населения в разрезе экономических районов, следует отметить значительное его преобладание

над городским во всех районах кроме Центрального Казахстана. Основная масса сельского немецкого населения размещалась на территории Северного экономического района.

Итоги ВПН 1939 г., как, впрочем, и предшествовавшей ей репрессированной переписи 1937 г., небезосновательно ставятся сегодня исследователями под сомнение¹³. Наряду с ошибками и искажениями, присущими обоим переписям, следует отметить, что переписи не отражают в полной мере всего многообразия процессов, имевших влияние на динамику численности сельского немецкого населения: эмиграция из Казахстана во второй половине 20-х годов, массовые политические репрессии 30-х годов, депортация немцев на территорию Казахстана в 1936 г. и др. ВПН 1939 г. фиксирует значительный рост численности сельского немецкого населения в сравнении с 1926 г. Высокий уровень рождаемости, характерный для сельских немцев Казахстана вплоть до начала 40-х годов, в значительной мере компенсировал убыль сельского немецкого населения в результате эмиграции и репрессий.

1941 г. стал переломным этапом в историко-демографическом развитии немцев в Казахстане. В результате массовой депортации немецкого населения СССР, на территорию Казахстана прибыли порядка 400 тысяч немцев¹⁴. Общая численность немецкого населения в Казахстане резко возросла. В 1941 – 1956 гг. она постоянно менялась в результате многочисленных перемещений: мобилизация в «Трудармию», вторичные «отселения», воссоединение семей, «репатриация» и др. Значительные изменения претерпел не только количественный, но и «качественный» состав немецкого населения Казахстана. Депортированные немцы размещались преимущественно в сельской местности. Некоторая часть попала в города. В последующий период наблюдались перемещения части немецкого населения в города в связи с мобилизацией на работу в промышленность. Следует отметить, что при расселении депортированных принцип размещения по прежнему месту жительства не соблюдался. Значительная часть немцев, выселенных из городов, оказалась в селах, а многие сельские немцы попали в города.

Существенным образом изменился и состав населения немецких сел Казахстана. В одном немецком селе часто оказывались немцы из разных регионов, разного вероисповедания, местные и депортированные.

Кроме того, основная часть депортированных немцев была размещена в селах с русским, украинским, казахским населением.

Таким образом, в среде сельского немецкого населения в 1940–1950-х годах наблюдался целый ряд сложнейших демографических процессов.

Состоявшаяся в 1959 г. Всесоюзная перепись населения отразила эти процессы лишь отчасти. Период между двумя переписями 1939 г. и 1959 г. получился довольно продолжительным. ВПН 1959 г. зафиксировала мощный рост численности немецкого населения Казахстана, в том числе и сельского.

По данным ВПН, численность сельского немецкого населения в Казахстане составила 455 653 человека¹⁵ и увеличилась в сравнении с 1939 г. почти в 6 раз. Прирост сельского населения составил к 1939 г. 478,5%.

Доля сельских немцев в составе всего сельского населения Казахстана возросла до 8,7%. В то же время доля сельских немцев в составе всего немецкого населения сократилась в сравнении с 1939 г. на 16% и составила 69,1%. Одновременно наблюдалось и сокращение доли сельских жителей в составе всего населения Казахстана до 56%.

У казахов доля сельских жителей также сократилась, но она по-прежнему оставалась высокой и составляла 75,6%. У русских доля сельского населения стала меньше доли городского и составила 41,0%. Таким образом, мы видим явные различия в формировании и развитии структуры населения отдельных этносов.

Сокращение доли сельского немецкого населения объясняется прежде всего мощным ростом городского населения в результате депортации и мобилизации в промышленность.

В то же время ВПН 1959 г. показывает, что сельское немецкое население по-прежнему преобладает над городским в 12 областях Казахстана. Лишь в Карагандинской, Гурьевской и Кзыл-Ординской преобладает городское немецкое население. Наиболее высокой доля сельского населения была в Северо-Казахстанской (94,5%), Кокчетавской (88,5%), Кустанайской (86,1%), Павлодарской (85,7%) областях.

В 1960-е – 1980-е годы наблюдалось дальнейшее сокращение доли сельского немецкого населения Казахстана. По данным ВПН 1970 г. отмечался некоторый рост абсолютной численности сельских немцев. Она составила 511 837 человек¹⁶. Тем самым перепись 1970 г. зафиксировала пик численности сельского немецкого населения в Казахстане.

Доля сельских жителей составила 59,6% от общего числа немцев. В составе сельского населения Казахстана доля немцев немного снизилась до 7,9%¹⁷.

Сельское немецкое население преобладало над городским в 12 областях из 19. В Северо-Казахстанской доля сельских немцев составила 90,5%, в Кокчетавской – 82,3%, в Тургайской – 81,7%, в Кустанайской – 77,9%.

Доля сельских жителей в составе всего населения Казахстана в 1960 – 1980-е годы снижалась более быстрыми темпами. В 1970 году она составила 49,7 %. У казахов доля сельских жителей по прежнему составляла более 70 %. У русских она снизилась до 30%.

Переписи населения 1979 и 1989 гг. зафиксировали как снижение абсолютной численности сельского немецкого населения (495 716 и 487 715 человек), так и его доли (55,0% и 50,9%)¹⁸.

У населения Казахстана в это же время наблюдался рост численности сельского населения, но сокращение его доли до 46,5% в 1979 г. и 42,9% в 1989 г.

Аналогичные процессы наблюдались и у казахов. Но доля сельского населения у них еще преобладала и составляла 69,1% в 1979-м и 61,6% в 1989 г. У русских доля сельского населения снизилась до 26,1% в 1979-м и до 22,5% в 1989 г. При этом отмечалось и снижение абсолютной численности сельского русского населения.

Изменились и долевые соотношения отдельных этносов в составе всего сельского населения Казахстана. У немцев мы наблюдаем постепенное уменьшение доли до 6,9% в 1989 г., у русских соответственно до 19,9%. Доля казахов напротив возросла в 1979 г. до 53,5%, в 1989 г. – до 57,0%.

Если в 1970 г. наблюдался некоторый прирост сельского немецкого населения, он составил 56 184 человек или 12,3%, то в последующий период наблюдалось отрицательное сальдо прироста сельского немецкого населения: в 1979 г. – 16 121 человек, или – 3,1%, в 1989 г. – 8 001 человек, или – 1,6%¹⁹.

На протяжении 1970–1980-х годов основными регионами размещения сельского немецкого населения были Кустанайская, Целиноградская, Кокчетавская, Павлодарская области.

В 1970 и 1979 гг. сельское немецкое население по-прежнему преобладало над городским в 12 областях Казахстана из 19, в 1989 г. – в 11 областях.

По данным ВПН 1989 г. немцы являлись преобладающей национальностью (или составляли значительную долю) в 126 сельских населенных пунктах Целиноградской области, 113 селах Кустанайской области, 105 селах Кокчетавской области, 79 селах Павлодарской области, 52 селах Северо-Казахстанской области. Общее число таких населенных пунктов составило по Казахстану 647²⁰.

В приложении представлены сельские населенные пункты областей Казахстана, в которых немцы составляли 50 и более процентов населения. В Целиноградской области таких сел было 20. Более 70% населения нем-

цы составляли в селах Красивое, Карамышевка, Орнек, Тельмана, Целинное, Романовка. В Кокчетавской и Северо-Казахстанской областях насчитывалось по 13 сел с преобладанием немецкого населения. От 70 до 80% составляли немцы в селах Леонидовка, Найдорф, Нагорное Кокчетавской области и в селах Трудовая Нива, Хлебороб, Петерфельд, Новоузенка и Новоандреевка Северо-Казахстанской области. В Кустанайской области немцы составляли более 50% в 9 селах. При этом в селах Суриковка, Надеждинка, Нелюбинка, Викентьевка немцы составляли от 71 до 78%. В Павлодарской области немцы преобладали в 8 сельских населенных пунктах (в с. Надаровка – 75%, в с. Константиновка – 77%, в с. Равнополь – 77%). В Карагандинской области таких сел было 7 (с. Майоровка – 70%, с. Самарканд – 74%, с. Вольское – 75%, с. Уштобе – 76%). Три села находились в Талды-Курганской области, по 2 села в Семипалатинской и Джамбульской областях, по одному в Уральской, Чимкентской и Актюбинской областях.

По абсолютной численности немцев самыми крупными селами были: с. Уштобе Карагандинской области (2970 немцев), с. Рождественка Целиноградской области (2814), с. Константиновка Павлодарской области (2753), с. Павловка Целиноградской области (2580), с. Келлеровка Кокчетавской области (2543), с. Надеждинка Кустанайской области (1628), с. Романовка Целиноградской области (1495), с. Покорное Карагандинской области (1465), с. Петерфельд Северо-Казахстанской области (1330), с. Жангызкудук Целиноградской области (1444).

Из 647 сел Казахстана с «преобладающим немецким населением» 81 село имело удельный вес немцев от 50 до 80%.

Так выглядела картина по результатам последней переписи населения, состоявшейся на территории Казахстана как части СССР.

Перепись населения Республики Казахстан, состоявшаяся в 1999 г., свидетельствует о масштабности процессов имевших место в демографическом развитии, как всего немецкого населения Казахстана, так и его сельской части.

Перепись показала значительное снижение численности немцев в Казахстане. Отрицательное сальдо прироста к 1989 г. составило – 62,7%. При этом у сельского немецкого населения оно еще выше – 64,7%.

Сельское немецкое население уменьшилось на 315 886 человек. Впервые доля сельских немцев стала меньше доли городских и составила 48,6%. В составе всего сельского населения Казахстана доля немцев снизилась до 2,6%²¹.

Соотношение сельского и городского населения по областям Казахстана показывает, что сельское население преобладает над городским в Акмолинской, Костанайской, Северо-Казахстанской областях. Почти равное соотношение в Восточно-Казахстанской, Павлодарской областях. В остальных регионах преобладает городское немецкое население.

Как выглядит ситуация у сельского населения Казахстана в целом и сельского населения других этносов. Сельское население Казахстана в целом также сократилось почти на 500 тыс. человек. Отрицательное сальдо прироста к 1999 г. составило – 6,9%.

Доля сельских жителей по Казахстану в целом ниже показателя немецкого населения. Она составила 44,0%. Более чем на 350 тыс. (–26,2%) сократилась численность русского сельского населения. В то же время его доля в сравнении с городским немного возросла и составила 23,1%. Доля в составе всего сельского населения Казахстана снизилась до 15,8%.

У казахов, напротив, наблюдается рост численности сельского населения. Она увеличилась более чем на 300 тыс. человек. Прирост к 1989 году составил 8,5%. Доля сельских казахов в то же время снизилась и вплотную приблизилась к 50% отметке (54,7%). В то же время доля сельских казахов в составе всего сельского населения Казахстана возросла до 66,4%.

Именно 1990-е годы (их середина и вторая половина) связаны с мощным оттоком сельского немецкого населения в Германию и Россию, а также отчасти в города Казахстана. В результате наблюдались мощные количественные и «качественные» изменения состава сельского немецкого населения, как, впрочем, и немецкого населения Казахстана в целом. Об этом свидетельствуют конкретные демографические характеристики сельского немецкого населения, на которых мы подробнее остановимся в дальнейшем.

Одной из основных этнодемографических характеристик населения является владение языками.

Прежде всего нас интересует вопрос о том, как изменялась на протяжении XX в. ситуация владения немецким языком у сельского немецкого населения Казахстана.

Анализ материалов всеобщих переписей населения позволяет выделить несколько тенденций:

1. На протяжении всего XX в. мы видим снижение доли немцев, владеющих родным немецким языком. Это характерно как для всего немецкого населения Казахстана, так и для сельской его части. В 1926 г. доля немцев, владеющих немецким языком, составляла 97,2%, в 1959 г. – 83,5%, в

1970 г. – 75,0%, в 1979 г. – 64,5%, в 1989 г. – 54,4% и, наконец, перепись 1999 г. показала катастрофическое снижение до 21,8%²².

2. В то же время следует отметить, что на протяжении 1920 – 1980-х г. XX в. сельское немецкое население владело немецким языком гораздо лучше городского, утрачивавшего родной язык более быстрыми темпами.

Так в 1926 г. 98,2% сельских немцев владели родным немецким языком (97,9% - мужчины, 98,4% - женщины), тогда как у городских немцев этот показатель составил 78,6%. Лишь 1,6% сельских немцев назвали родным языком русский, тогда как у городских эта доля составила 20,7%²³.

К концу 1930-х годов ситуация владения немецким языком у сельских немцев значительных изменений не претерпела. К сожалению, у нас нет возможности представить развернутую характеристику немецкого населения по языку на основе данных ВПН 1939 г.

ВПН 1959 г. отражала ситуацию уже после «снятия» немцев с учета спецпоселения. Сельские немцы по-прежнему владели родным языком лучше городских: 85,9% и 78,1%, соответственно²⁴. В то же время мы видим снижение доли владеющих немецким языком сельских немцев в сравнении с 1926 г. на 12,3%, тогда как у городских лишь на 0,5%. Сложившаяся ситуация является прямым следствием периода 1941 – 1955 гг. Как уже отмечалось выше, численность сельского немецкого населения в 1959 г. в сравнении с 1926 г. возросла почти в 6 раз. При этом в составе сельского населения появились немцы, депортированные из городов, а также из мест дисперсного проживания, владевшие немецким языком хуже сельских. Именно это и обусловило более высокие темпы снижения доли владеющих немецким языком у сельского населения Казахстана. У городского немецкого населения Казахстана ситуация прямо противоположная. Благодаря притоку депортированного сельского немецкого населения с высокой долей владеющих родным языком, к моменту проведения переписи у городских немцев отмечалось лишь незначительное (в сравнении с 1926 г.) снижение доли владеющих немецким языком. Следует также отметить дальнейшее увеличение доли немцев, считающих родным языком русский. У сельских немцев она составила 13,6% (в сравнении с 1926 г. увеличилась на 12%). У городских этот показатель вырос на 1% и составил 21,7%²⁵.

Эти данные еще раз подтверждают тезис о влиянии размещения депортированного в Казахстан немецкого населения (в разрезе город – село) на ситуацию в области владения немецким языком.

Рассматривая ситуацию внутри сельского немецкого населения, следует отметить более высокую долю владеющих немецким у женщин (87,6%)²⁶.

Женщины утрачивали родной язык медленнее мужчин, подверженных процессу ассимиляции в большей мере.

На протяжении 1970-х – 1980-х годов наблюдалось дальнейшее постепенное снижение доли сельских немцев владеющих немецким языком. В среднем от переписи к переписи доля снижалась на 7 – 9%. У городских немцев доля владеющих немецким языком снижалась более быстрыми темпами (особенно в период 1970 – 1979 гг.). В 1970 г. доля владеющих немецким языком составила у сельских немцев 78,6%, у городских – 69,7%²⁷.

К 1979 г. эти показатели составили 69,5% и 53,8%²⁸, соответственно, а по данным ВПН 1989 г. – 60,0% и 48,6%²⁹.

Одновременно шел рост доли немцев, считавших родным языком русский. В 1970 году 21 % сельских немцев назвали родным языком русский, в 1989 году – 39,7 %. У городских к 1989 г. доля считающих родным языком русский составила более половины (51,3%)³⁰.

ВПН 1989 года содержит данные о свободном владении вторым языком. У сельских немцев доля «свободно владеющих русским языком как вторым» составила 55,4%, у городских – 45,4%. Доля не владеющих вторым языком составила у сельских – 43,3%, у городских – 53,6%³¹.

В целом за 30 лет, прошедших между переписями 1959 – 1989 гг., доля владеющих родным немецким языком снизилась у сельских немцев на 25,9%, у городских на 29,5%.

Следует отметить, что в период 1979 – 1989 гг. темпы утери городскими немцами немецкого языка снизились. Если у сельского немецкого населения доля владеющих родным немецким языком снизилась на 9,5%, то у городских – на 5,2%. Что объясняется притоком в города сельского населения, лучше владеющего немецким, а также половозрастной структурой сельского и городского населения.

Тем не менее, несмотря на постепенное снижение доли немцев, владеющих немецким языком, сельское немецкое население к концу 80-х г. по-прежнему сохраняло родной язык и владело им лучше городского. Это была вполне естественная традиционная картина. Именно сельское население являлось той частью немецкого этноса, которая в условиях роста ассимиляционных тенденций выполняла роль хранителя родного языка.

Как изменилась ситуация за 10 лет, прошедших между последней переписью населения, состоявшейся на территории Казахстана в рамках СССР, и переписью населения РК 1999 г. Как уже отмечалось выше, перепись 1999 г. показала катастрофическое снижение доли немцев, «владеющих языком своей национальности». Самые большие масштабы эта катастро-

фа приобретает у сельского немецкого населения. Согласно данным переписи, лишь 22,2% сельских немцев «владеют языком своей национальностью»³². Впервые показатели сельского и городского немецкого населения стали почти равными. Доля «владеющих языком своей национальности» составила у городского немецкого населения 21,5%³³. У сельских немцев доля владеющих немецким языком в сравнении с 1989 г. уменьшилась в 2,7 раза (на 37,8%), у городских – на 31,3%.

Сложившаяся ситуация объясняется несколькими факторами:

- 1) мощным миграционным оттоком сельских немцев в Германию и Россию;
- 2) внутренним миграционным оттоком из сел в города Казахстана (сокращение доли сельских немцев);
- 3) усилением ассимиляционных тенденций;
- 4) наличием у городских немцев больших возможностей для изучения немецкого языка (школа, вуз, языковые курсы при поддержке Правительства Германии);
- 5) постановкой вопроса о владении языками в переписи (отсутствие разделений в понятиях «родной язык» и «язык, выученный как иностранный»).

«Языковая катастрофа» сельского немецкого населения по сути означает катастрофу немецкого населения Казахстана в целом.

Следует отметить, что государственным казахским языком владеют лишь 14,7% сельских немцев (из них 73,4% владеет слабо), у сельского русского населения эта доля составила 15,4%.

Одной из важнейших характеристик населения является уровень образования.

Перепись 1926 г. представляет население по грамотности. Грамотным считался опрашиваемый, умеющий как минимум читать по слогам, а также написать свою фамилию. Следует отметить относительно высокий уровень грамотности немецкого населения Казахстана в целом (41,2%). Немцы превосходят по этому показателю русских (36,0%) и украинцев (30,0%)³⁴. Прежде всего, выделяется высокий уровень грамотности сельского немецкого населения – 40,6%, тогда как у русских доля грамотных сельских жителей составляет лишь 30,3%, у украинцев – 29,1%, у казахов – 6,6%³⁵. При этом у сельских немцев следует отметить и высокую долю грамотных женщин – 36,5%.

Для сравнения: у русских – 18,4%, у украинцев – 15,2%, у казахов – 0,8%³⁶.

Перепись 1926 года представляет довольно развернутую картину грамотности населения Казахстана по полу и языку. Грамотные на немецком

языке составили 90,9% всего грамотного немецкого населения (у мужчин – 87,0%, у женщин – 96,3%). Тогда как у городских лишь 69,7%.

По губерниям доля сельского немецкого населения грамотного на немецком языке составила: в Акмолинской – 93,0% от общего числа грамотных, в Актюбинской – 93,3 %, в Джетысуйской – 95,1%, в Семипалатинской – 85,1%, в Сырдарьинской – 92,5 %, в Уральской – 85,6%, в Кустанайском округе – 95,3%³⁷.

Большая часть грамотных сельских немцев была грамотна только на немецком языке (25,0 %). Доля грамотных на немецком и русском языках составила 11,9 %, грамотных только на русском – 3,4%. У городского населения, напротив, основную долю грамотных составили грамотные на немецком и русском языках (22,4%). Грамотные на русском языке составили 15,7%, только на немецком – 13,9%³⁸.

Относительно высокий (прежде всего в сравнении с другими этносами) уровень грамотности сельского немецкого населения (мужчин и женщин) связан с несколькими факторами:

1. Наличием среди сельского немецкого населения значительной доли колонистов, получивших хотя бы элементарное образование еще в материнских колониях (церковно-приходские школы, частные школы, земские училища и др.);
2. Стремлением немцев-колонистов возродить образование в дочерних колониях (в основном посредством церковно-приходских школ и обучения на дому).

В то же время следует отметить, что сохранять и развивать систему образования немцам в Казахстане было гораздо сложнее, чем в материнских колониях. Колонисты сталкивались здесь со значительными финансовыми проблемами, особенно в первые переселенческие годы, а также с отсутствием учительских кадров. Весьма неоднозначной была судьба немецкой начальной школы в 1920–1930-е годы, в условиях курса на советизацию образования. Существенный удар был нанесен по системе национального образования. В 1937–1939 гг. были ликвидированы немецкие национальные школы. Обучение в них было переведено на русский язык.

К сожалению, ВПН 1939 и 1959 гг. не дают нам возможности охарактеризовать немецкое население Казахстана по уровню образования.

Между тем именно в этот период ситуация в области образования немцев Казахстана претерпела коренные изменения. Значительные последствия в этом плане имели депортация и режим спецпоселения. Все эти процессы лишь отчасти можно проследить по итогам ВПН 1970 г.

Данные переписи свидетельствуют о том, что немецкое население Казахстана более чем в 4 раза уступает русским, украинцам, татарам и более чем в 3 раза уступает казахам по доле лиц имеющих высшее образование. На 1000 человек в возрасте 10 лет и старше имеют высшее образование: у немцев – 9 человек, у казахов – 31, у украинцев – 36, у татар – 38, у русских – 42. В то же время доля имеющих лишь начальное образование у немцев самая высокая – 436 человек, у русских – 293, у украинцев – 280, у казахов – 291³⁹.

Еще более усугубленной выглядит ситуация у сельского немецкого населения. Лишь 4 человека из 1000 в возрасте 10 лет и старше имеют высшее образование, тогда как у городских – 16. Лишь 22 имеют среднеспециальное (у городских – 40). В то же время 465 человек имеют лишь начальное образование (у городских – 396). Соответственно 271 человек не имеют образования (у городских – 188)⁴⁰.

Аналогичным образом выглядит картина в проекции на 1000 занятых человек. Лишь 8 из них имеют высшее образование (у городских – 26), 39 – среднеспециальное (у городских – 65), 415 – начальное (у городских – 415). В то же время 210 из 1000 занятых сельских немцев не имеют даже начального образования (у городских – 124)⁴¹.

В условиях войны, депортации и режима спецпоселения сельские немцы были не только лишены возможности покинуть село для продолжения образования, но и подчас не имели возможности пройти курс школы. Целое поколение немцев (в основном родившиеся в 1930-е годы) смогли получить лишь начальное образование. Многие, будучи к концу войны переростками и работая наравне со взрослыми, так и не смогли сесть за школьную парту⁴². Положение немцев, проживавших в городах, также было нелегким. Но сельские немцы, в отличие от них, не могли посещать вечерние школы, школы ФЗО, доступ в техникумы и вузы был для них (за редким исключением) невозможен. В далеких степных аулах и заимках подчас вообще не было школы или обучение в ней велось на казахском языке.

Окончательный удар по национальному образованию был нанесен в 1940 – 1950-е годы. Немцы были лишены не только возможности обучаться на родном языке, но даже и возможности просто изучать немецкий язык.

К 1979 г. по данным ВПН, ситуация у немецкого населения несколько изменилась к лучшему. Однако немцы по-прежнему значительно уступают другим этносам по доле лиц, имеющих высшее и среднее специальное образование.

Сельские немцы продолжают значительно уступать городским. На 1000 человек в возрасте 10 лет и старше лишь 14 имеют высшее образо-

вание (у городских – 36), 65 имеют среднее специальное (у городских – 104)⁴³. Анализ данных по возрастным группам показывает, что численность лиц, имеющих высшее и незаконченное высшее образование, резко падает в возрастных группах 40 – 49, 50 – 59 лет, т.е. у немцев, родившихся в 1920–1940-е годы. В этих возрастных группах сельские немцы уступают городским по доле лиц имеющих высшее и среднее специальное образование более чем в 3 раза⁴⁴.

Как изменилась ситуация за 10 лет в период 1979 – 1989 гг.? По данным ВПН 1989 г., мы наблюдаем некоторый рост уровня образования немецкого населения Казахстана, в том числе и сельского. Однако немцы по-прежнему значительно (в 2 и более раза) отстают и от общеказахстанских показателей и от показателей русских, украинцев, казахов, татар по доле имеющих высшее образование (в возрасте 15 лет и старше). В то же время они превосходят как общеказахстанские показатели, так и показатели по этим этносам в проекции на долю лиц имеющих лишь начальное образование и не имеющих начального образования⁴⁵.

Доля имеющих высшее образование составила у сельских немцев в возрасте 15 лет и старше 3,0%, у городских – 6,6%. Доля имеющих среднее специальное образование составила 13,8 % у сельских (у городских – 19,6%). По-прежнему у сельских немцев выше доля лиц имеющих начальное образование и не имеющих его – 20,9% и 10,3%⁴⁶, соответственно.

Перепись населения Республики Казахстан 1999 г. показывает некоторый рост доли лиц имеющих высшее образование как у городских, так и сельских немцев. В проекции на население старше 16 лет эта доля составила: у сельских – 3,5%, у городских – 9,0%⁴⁷.

Но отставание от других этносов немцам не удалось преодолеть. Доля лиц с высшим образованием составила у всего сельского населения Казахстана в возрасте 15 лет и старше – 7,2%, у казахов 8,3%, у русских – 5,6%. По-прежнему у сельских немцев высока доля лиц, имеющих лишь начальное образование – 15,0%. У сельского населения Казахстана в целом – 9,1%, у казахов – 6,8%, у русских – 14,0%. По доле лиц, имеющих среднее специальное образование, сельские немцы уступают русским 16,6% и 20,6%, соответственно, в то же время у них почти равные показатели с казахами и сельским населением Казахстана в целом: 15,9% и 16,7%, соответственно⁴⁸.

Важной социально-демографической характеристикой является занятость населения и его распределение по группам занятий. К сожалению, мы имеем возможность представить анализ этого вопроса только по мате-

риалам 2-х переписей – 1989-го и 1999 годов. При этом следует отметить, что данные переписей не всегда сопоставимы.

Что касается предшествующего периода, то здесь мы вынуждены ограничиться лишь краткой характеристикой положения сельского немецкого населения.

В период с начала XX в. до 1940-х гг. сельское немецкое население было преимущественно занято земледелием, незначительный процент составляли занятые в различных ремесленных промыслах, обслуживающих сельское хозяйство. Доля наемных рабочих (батраков) из числа немецкого населения также была незначительной. Не задействованные в сельском хозяйстве жители немецких колоний обычно были служителями церкви и учителями. После уничтожения системы самоуправления немецких колоний представительство немцев в органах управления резко снизилось. Властям удалось в ходе курса на советизацию и коллективизацию трансформировать социальную структуру сельского немецкого населения, разрушить традиционный уклад и поставить бывшего колониста в полную зависимость от колхозов и совхозов. Однако сельское немецкое население за редким исключением (председатели немецких колхозов) по-прежнему дистанцировались от партийно-советской номенклатуры⁴⁹.

В 1940–1950-е годы в результате массовой депортации значительно выросло число немцев занятых в сельском хозяйстве Казахстана. При этом чаще всего депортированные немцы выполняли т. н. «черновую», низкооплачиваемую работу. Не редко возникала проблема получения работы вообще. Колхозы и совхозы отказывали немцам в трудоустройстве по «причине того, что они немцы». Из-за недоверия, пренебрежения и подозрительности не могли получить соответствующую работу высококвалифицированные специалисты из числа депортированных немцев (врачи, учителя, механики, техники и т.п.). Все это часто происходило в условиях, когда регионы размещения депортированных остро нуждались как в специалистах, так и в рабочей силе вообще⁵⁰.

Следует отметить, что эта проблема требует дополнительного исследования.

В послевоенный период в результате установления режима спецпоселения немцев удалось «закрепить» в сельском хозяйстве Казахстана. Составляя значительную долю в составе сельского населения, немцы внесли мощный вклад в развитие экономики сельского хозяйства Казахстана. Представительство немцев в партийно-советской номенклатуре на протяжении 1960–1980-х годов оставалось низким. В то же время известны мно-

гочисленные примеры выдвижения немцев в число председателей колхозов, становившихся впоследствии передовыми хозяйствами. Выдвижение на руководящие должности становилось возможным, только при условии членства в компартии. Доля коммунистов среди немцев оставалась невысокой⁵¹.

По данным ВПН 1989 г. 26,4% занятого немецкого населения приходилось исключительно на сельское хозяйство, немцы составили 7,2% от всего населения Казахстана, занятого в этой отрасли⁵². К сожалению, перепись не дает четкой картины распределения сельского населения по группам занятий.

Мы имеем данные только по немецкому населению в целом. Перепись показывает, что лишь 2,2% всех занятых немцев Казахстана приходилось на сферу управления, 0,4% – представляли общественные и партийные организации⁵³. В расчете на 1000 занятых: 264 немца приходились на сельское хозяйство, 210 – на промышленность⁵⁴.

Более развернутую картину дает перепись населения 1999 г. в Республике Казахстан. Согласно ее данным, 28,3% сельского немецкого населения являлись занятым. У городского населения – 31,0%⁵⁵. В составе всего занятого сельского населения Казахстана немцы составили 2,8%, что чуть выше удельного веса сельских немцев в составе сельского населения Казахстана в целом⁵⁶. Распределение занятого сельского немецкого населения по группам занятий выглядело следующим образом: 26,4% составили квалифицированные работники сельского хозяйства, 24,2% – операторы, машинисты установок, слесари-сборщики; 9,2% – специалисты среднего уровня квалификации; 5,6% – специалисты высшего уровня квалификации, 12,1% – неквалифицированные рабочие. Руководители, представители органов власти и управления составили 5,1%⁵⁷.

По удельному весу в общей численности занятого сельского населения немцы составили по группам: 1,7% – среди специалистов высшего уровня квалификации, 4,8% – среди квалифицированных рабочих, 3,1% – среди руководителей, представителей органов власти и управления, среди неквалифицированных рабочих – 3,6%⁵⁸.

Для сравнения приведем некоторые данные по русскому и казахскому населению. Занятое русское сельское население составило 16,3% от общей численности занятого сельского населения, занятое казахское население – 64,8%. Общая доля занятых сельских жителей составила у казахов 28,9%, у русских – 30,6%⁵⁹. В данном случае существенную роль имеет возрастная структура населения.

По доле среди отдельных групп занятий занятое сельское казахское население составило среди руководителей – 64,5%, специалистов высшего уровня квалификации – 74,4%, квалифицированных работников – 61,3%, неквалифицированных – 61,3%. У русских доля среди руководителей – 18,8%, специалистов высшего уровня квалификации – 12,7%, квалифицированных работников – 10,1%, неквалифицированных – 19,8%.

Анализ распределения казахов и русских по группам занятий внутри каждого этноса показывает, что доля руководителей превышала показатели немцев как у русского (6,8%), так и у казахского населения (5,8%). Напомним, что у немцев доля составила 5,1%.

Анализируя ситуацию в проекции на занятое городское и сельское немецкое население следует отметить, что городские немцы превосходят сельских по доле руководителей и представителей органов власти (8,9 % и 5,1%, соответственно), по доле специалистов как высшего, так и среднего уровня квалификации (9,8% и 5,6%; 13,3% и 9,2% соответственно). Доля неквалифицированных работников, напротив, немного выше у сельских немцев (12,1% и 11,0% соответственно)⁶⁰.

В проекции на удельный вес отдельных национальностей в группах занятий отмечается преобладание показателей сельского немецкого населения над городским практически по всем группам от «руководителей» до «неквалифицированных рабочих»⁶¹. Более подробные данные представлены в приложении.

Касаясь характеристики сельского немецкого населения по брачности, следует отметить, что переписи не позволяют нам осветить эту проблему в полной мере.

Мы представим этот вопрос лишь в самых общих чертах по данным переписей 1989-го и 1999 гг.

Перепись 1989 г. дает нам сведения по немцам в целом. В этот период у немецкого населения в возрасте 15 лет и старше отмечалась довольно высокая доля состоящих в браке: у мужчин – 77,6%, у женщин – 68,2%. Это выше доли населения Казахстана в целом, а также русских и казахов. Доля разведенных и разошедшихся ниже, чем у населения Казахстана в целом и русского населения. У немцев мужчин – 2,3%, у женщин – 5,1%, у русских мужчин – 5,4%, у женщин – 8,9%. У казахов доля еще ниже 1,2% и 3,0%, соответственно.

Доля вдовых у русских, казахов и немцев почти одинаковая. У немцев, по данным переписи, была самая низкая доля никогда не состоявших в браке. У немцев-мужчин – 18,0%, у русских – 22%, у населения Казахстана в це-

лом – 27,2 %, у казахов – 35,1%. У женщин-немок – 11,9%, у русских – 13,7%, у населения Казахстана – 18,7%, у казахов – 27,4%⁶². Одним из определяющих факторов в данном случае выступает возрастная структура населения.

Перепись населения 1999 года в Республике Казахстан показывает, что доля никогда не состоявших в браке мужчин и женщин у сельского немецкого населения составила 30,6% и 20,1%, у городского – 30,2% и 23,0%, соответственно.

По доле состоящих в браке сельское немецкое население превосходит городское: у мужчин – 63,9% и 61,8%; у женщин – 60,3% и 53,4%. Доли вдовых почти одинаковые. Доля разведенных, разошедшихся у сельского немецкого населения гораздо ниже городского. У мужчин – 3,1% и 5,0%, у женщин – 5,7% и 10,6%, соответственно⁶³.

Сложившуюся картину «брачности» сельского немецкого населения можно объяснить большей степенью сохранения традиционных установок на брак и семью, а также значительным числом браков в молодых возрастных группах 15 – 19 лет и 20 – 24 года, в сравнении с предшествующим периодом.

В то же время налицо снижение уровня «брачности» и рост доли разведенных, разошедшихся, что нужно рассматривать в русле тенденций, имеющих место в современном обществе в целом. Сравнение данных с уровнем «брачности» сельского русского и казахского населения показывает, что немцы-мужчины уступают казахам по доле некогда не состоявших в браке (35,5%), но превосходят русских (28,4%), что объясняется в первую очередь опять же возрастной структурой этносов. Доля состоящих в браке у немцев-мужчин выше (63,9%), чем у казахов (60,0%) и русских (62,7%), доля вдовых почти такая же как у казахов (2,3%) и немного ниже, чем у русских (3,4%). По доле разведенных и разошедшихся «лидируют» русские (5,5%), у казахов показатель немного ниже чем у немцев – 2,2% и 3,1%, соответственно. Аналогичным образом выглядит ситуация и у женщин этих трех этносов. Отметим лишь, что у женщин более высокая доля вдовых и разведенных, разошедшихся. Так у казахов доля вдовых женщин составила 13%, у немцев – 13,9%, у русских – 17,8%. Разведенные, разошедшиеся составили соответственно 3,6%, 5,7% и 6,9%⁶⁴.

Весьма важную информацию о демографических процессах несет в себе половозрастная структура населения.

К сожалению, отсутствие данных не позволяет проследить изменение половозрастной структуры немецкого населения Казахстана на протяжении

всего XX в. Мы располагаем лишь результатами переписи населения Республики Казахстан 1999 г.

Сравнение половозрастных пирамид сельского и городского немецкого населения показывает:

- 1) Более широкое основание (возрастная группа 0 – 9 лет) у сельского населения: 16,6% – мужчины, 15,1% – женщины, тогда как у городских – 13,6% – мужчины, 11,7% – женщины. Это связано с более высоким уровнем рождаемости у сельского населения. Вместе с тем и у городского и сельского немецкого населения наблюдается значительная «впадина» на переходе от возрастной группы 10–19 лет к 0–9 лет, что связано с мощным падением рождаемости в последнее десятилетие XX в., тогда как в 1980-е годы, напротив, наблюдался значительный рост уровня рождаемости.
- 2) В возрастных группах 10–19; 30–39 лет показатели сельского немецкого населения также выглядят несколько лучше городского. Отток молодого населения в возрасте 20–29 лет из села в город объясняет положение этой группы в той и другой пирамиде. Вместе с тем в возрастной группе 30–39 лет и у городских и у сельских немцев наблюдается «впадина». Группа 40–49-летних превосходит по численности группу 30–39 летних. Это является следствием «демографических волн». В 1950–1959 гг. у немцев наблюдается мощный рост уровня рождаемости, тогда как в 1940-е годы (период войны, «трудармии» и спецпоселения) уровень рождаемости у немцев был очень низким, что четко отразилось в пирамиде и городских и сельских немцев в возрастной группе 50 – 59 лет, образующей «впадину» между группами 40–49 и 60–69 лет.
- 3) Вершины пирамид и сельского и городского населения относительно широкие, Спад рождаемости и миграционные процессы вызывают сужение пирамид в основании и увеличение их вершин, т.е. наблюдается ускорение процесса «старения» немецкого населения.

Важные результаты дает сравнительный анализ половозрастных пирамид сельского населения Казахстана в целом, немецкого, русского и казахского населения.

1. Во-первых, относительно широким (20–23%) остается основание пирамид сельского казахского населения и сельского населения Казахстана в целом. У русских основание пирамиды еще уже, чем у немцев (мужчины – 14,8%, женщины – 13, 2%).
2. В возрастной группе 10 – 19 лет сельские немцы несколько превосходят показатели казахов и сельского населения Казахстана в целом.

- Самая низкая доля опять же у сельского русского населения.
3. В группах 20–29 и 30–39 лет немцы немного уступают казахам и населению в целом. Русские уступают всем трем группам населения.
 4. Интересная ситуация складывается в возрастной группе 40–49 лет. Здесь сельские немцы имеют самую большую в сравнении с другими долю. За ними следуют русские. У казахов и населения Казахстана в целом доля ниже. Причину следует усматривать в мощном росте рождаемости у русского и особенно немецкого населения в 1950-е годы.
 5. В возрастных группах старше 50 лет видим, что самые высокие доли у русского населения. У немцев доля ниже, чем у русских, но тем не менее вершина пирамиды также шире, чем у казахов и населения Казахстана в целом. Если бы не потери, понесенные возрастной группой 70 лет и старше в «трудовой армии», вершина была бы еще шире.
 6. Анализ структур пирамид в целом показывает, что у сельского населения Казахстана в целом и сельского казахского населения пирамиды пока сохраняют относительно правильную форму (широкое основание и более узкая вершина), хотя тенденции на изменение формы также уже имеют место. У сельского немецкого и русского населения половозрастные пирамиды трансформировались. Мы видим сужение их оснований и увеличение вершин. Наиболее быстрыми темпами происходит старение русского населения. В то же время в пирамидах этих двух этносов наблюдаются «впадины» и «выступы», свидетельствующие о неравномерности их демографического развития. Мощное влияние на половозрастную структуру сельского русского и немецкого населения имел период 1940-х годов, с ним связаны и последующие явления «демографических волн».
 7. Сложившиеся половозрастные пирамиды как сельского населения Казахстана в целом, так и казахского, русского и немецкого населения, с одной стороны, являются результатом предшествующего историко-демографического развития, с другой стороны, четко отражают происходящие на современном этапе процессы экономического, политического, социального характера в проекции как на Казахстан в целом, так и на отдельные населяющие его этносы.

Анализ этнодемографических процессов, имевших место среди сельского немецкого населения Казахстана в XX веке, позволяет выделить несколько этапов его демографического развития.

I период: начало XX в. – конец 30-х годов XX в. С этим периодом связан мощный миграционный приток немцев-колонистов на территорию Казах-

стана. Процесс миграции сельского немецкого населения, начавшийся в конце XIX в., получил огромный размах и достиг своего пика в первое десятилетие XX в.. Основная масса колонистов переселилась в Казахстан именно в это время. С этим периодом связано постепенное формирование и развитие немецкого села (дочерних колоний).

За 40 лет численность сельского немецкого населения Казахстана увеличилась более чем в 10 раз. В то же время, сельское немецкое население на протяжении этого периода понесло значительные потери в результате эмиграции 20-х годов и репрессий 30-х годов XX в. Помимо естественного прироста, увеличению численности сельского немецкого населения способствовали ссылка «политически и социально-опасных элементов» и депортация 1936 г.

Период в целом можно обозначить как время относительно обособленно-го внутреннего демографического развития сельского немецкого населения, сохранявшего, несмотря на натиск властей, свои традиционные этнодемографические характеристики. Сформировавшись изначально как аграрное население, немцы продолжали оставаться таковым практически на протяжении всего периода. Снижение доли сельского населения у немцев происходило медленнее чем у населения Казахстана в целом, казахского и особенно русского населения, у которого к 40-м годам доли городских и сельских жителей стали почти равными.

На протяжении всего периода сельскому немецкому населению удалось сохранить высокую степень владения родным языком (более 90%).

Его отличали относительно высокий уровень грамотности (особенно на немецком языке). На протяжении большей части периода немцам удавалось в далеко неоднозначных условиях сохранять традиционную систему этноконфессионального образования. Несмотря на существенные удары, нанесенные советской властью по основам хозяйственно-экономического и культурного уклада жизни немецкого населения села (колонии), демографическая ткань немецкого населения продолжала оставаться относительно целостной.

II период: 1940–1950-е годы XX в. С этим небольшим по продолжительности периодом связаны кардинальные изменения в количественном и качественном составе сельского немецкого населения Казахстана. Мощные изменения претерпела прежде всего демографическая структура немецкого села.

В течение выделенного периода произошел мощный рост численности немецкого населения в Казахстане, в том числе и сельского. В то же время многочисленные перемещения немецкого населения в результате депортации, мобилизации в «Трудовую армию», демобилизации, воссоединения

семей, репатриации, а также изменение естественного прироста и т.п. вызывали колебания в его численности.

За почти шестикратным увеличением численности сельского немецкого населения скрывается изменение его «качественного состава». «Местные» сельские немцы составляли меньшую часть по отношению к «прибывшим». При этом «прибывшие», в основном в результате депортации 1941–1942 гг. представляли довольно разнородную группу населения. Они существенным образом изменили географию размещения сельского немецкого населения в Казахстане. Наряду с увеличением населения немецких сел, существовавших в Казахстане еще с конца XIX – начала XX в., увеличилось количество сельских населенных пунктов со значительной долей немецкого населения. В то же время, доля сельского населения в составе всего немецкого этноса Казахстана в течении 40-х – 50-х годов снизилась. Однако сельские жители продолжали составлять у немцев (как и у казахов) большую долю этноса. У населения Казахстана в целом наблюдалось уравнивание долей сельского и городского населения, тогда как у русских доля городского населения стала преобладающей. Доля сельских немцев в составе всего сельского населения Казахстана возросла почти в 5 раз.

Основные этнодемографические характеристики сельского немецкого населения Казахстана в рассматриваемый период претерпели существенные изменения. С этим периодом связаны резкие колебания в уровнях рождаемости и смертности сельских немцев, жесткая регламентация миграционных движений, существенные изменения в половозрастной структуре сельского немецкого населения, его образовательном и профессиональном уровне. Доля владеющих немецким языком у сельских немцев оставалась еще довольно высокой, в то же время наблюдается ее снижение, вызванное изменением «качественного» состава сельского немецкого населения, о котором уже говорилось выше.

Период 1940–1950-х годов имел мощные последствия в проекции на дальнейшее демографическое развитие и состояние «демографической ткани» сельского немецкого населения Казахстана и стал в этом смысле переломным этапом.

III период: 1960–1980-е годы XX в. Период относительно стабильного (в сравнении с предшествующим) демографического развития сельского немецкого населения Казахстана. Мощные демографические потрясения остались в прошлом, о них напоминали лишь их последствия («демографические волны» и т.п.). В течение периода наблюдалось постепенное нарастание тенденций, берущих свое начало в 1940–1950-е годы.

В 1960–1980-е годы отмечалось некоторое сокращение абсолютной численности сельского немецкого населения Казахстана, и постепенное уменьшение его доли в сравнении с городским. К концу периода доля сельских жителей перестала быть преобладающей и практически сравнялась с долей городских. Одновременно наблюдалось постепенное снижение доли сельских немцев в составе всего сельского населения Казахстана.

Отличия в развитии основных этносов Казахстана, наметившиеся еще в предшествующие периоды, также получили свое дальнейшее развитие. У населения Казахстана в целом отмечалось увеличение абсолютной численности сельских жителей, но их доля стала меньше доли городских. У казахов, несмотря на постепенное сокращение доли сельских жителей, сельское население продолжало преобладать над городским. У русских дальнейшее сокращение доли сельского населения привело к тому, что сельские жители составляли уже менее 1/4 части. Сельское немецкое население по темпам этого процесса занимало срединную позицию между казаками и населением Казахстана в целом (уступая первым и несколько превосходя последних).

В то же время сальдо прироста сельского немецкого населения Казахстана стало отрицательным. Существенных изменений в размещении сельского немецкого населения по регионам Казахстана не произошло. Оно являлось преобладающим в 11–12 областях Казахстана из 19. Основными регионами размещения сельского немецкого населения продолжали оставаться Целиноградская, Кустанайская, Кокчетавская, Павлодарская, Северо-Казахстанская и Джамбульская области. Более чем в 600 сельских населенных пунктах Казахстана немцы составляли значительную часть населения, в 80 селах немцы составляли от 50 до 80% жителей.

В рассматриваемый период у сельских немцев продолжал сохраняться относительно высокий (особенно в сравнении с другими этносами) уровень рождаемости. Явление «демографических волн» вызвали спад рождаемости в 1960-е годы и рост в 1980-е годы. Последствия предшествующего периода сказывались на формировании половозрастной структуры сельского немецкого населения.

Сельское немецкое население, в отличие от городского, по-прежнему лучше владело немецким языком. Однако на протяжении всего периода наблюдается постепенное снижение доли лиц, владеющих немецким (от 85,9% в 1959 г. до 60,0% в 1989 г.). Исторические последствия депортации и режима спецпоселения, а также отсутствие условий для полноценного этнокультурного развития способствовали росту ассимиляционных процессов не только среди городского, но и среди сельского немецкого населения.

В 1960–1980-е годы отмечались лишь некоторые незначительные изменения в характеристиках сельского немецкого населения по уровню образования и структуре занятости. Несмотря на некоторый рост своих показателей по уровню образования (высшее и среднеспециальное), сельское немецкое население по-прежнему значительно отставало от показателей других основных этносов Казахстана и сельского населения Казахстана в целом.

Составляя значительную долю среди занятого сельского населения, немцы внесли мощный вклад в развитие сельского хозяйства Казахстана.

Миграционные процессы среди сельского немецкого населения существенного размаха не получили. Несмотря на рост ассимиляционных тенденций, сельские немцы, составлявшие еще более половины немецкого населения Казахстана, по-прежнему являлись основой его этнодемографического развития.

IV период: последнее десятилетие XX в.

Самый короткий по времени из выделенных периодов, связанный однако с целым рядом крупномасштабных процессов среди немецкого населения Казахстана в целом и прежде всего среди его сельской части.

С этим периодом связано мощное сокращение абсолютной численности сельского немецкого населения Казахстана (почти в 3 раза). Отрицательное сальдо прироста составило – 64,7%.

Впервые доля сельского немецкого населения стала ниже (хотя пока и незначительно) доли городского. Сельское немецкое население преобладает над городским лишь в 6 областях Казахстана из 14. Резко сократилась доля немцев и в составе всего сельского населения Казахстана.

У сельского населения Казахстана в целом, и у русского населения в этот период также отмечается сокращение абсолютной численности и вместе с тем некоторое увеличение доли в сравнении с городским населением. У казахов наблюдается увеличение численности сельского населения с одновременным сокращением его доли в составе этноса.

Следует отметить, что за цифрами стоит не просто мощное сокращение численности сельского немецкого населения, как и немцев в целом, но и проблема исчезновения немецкого села. Огромные потери понесли в первую очередь немецкие села и села с преобладанием немецкого населения. Это вызвало мощные изменения «внутренней структуры» и «качественного» состава сельского немецкого населения. Подобная ситуация стала следствием мощных миграционных процессов среди немецкого населения. На протяжении 1990-х годов XX в. наблюдалась массовая эмиграция сельских немцев в Германию и Россию, и значительный отток в города Казахстана.

В сложившихся условиях существенные изменения претерпели основные этнодемографические характеристики сельского немецкого населения. Резко снизилась доля сельских немцев, владеющих немецким языком. Она практически стала такой же, как и у городского населения. Сельское немецкое население практически перестало быть хранителем родного немецкого языка.

Последняя перепись населения Республики Казахстан показала далеко не радужную картину в сфере образования немецкого населения. Немцы (в том числе и сельские) в результате последствий советского периода, эмиграции и неоднозначных процессов первых лет независимости Казахстана по-прежнему продолжают уступать по уровню образования другим этносам Казахстана. Значительные изменения претерпели семейно-брачные характеристики и установки сельского немецкого населения. Усиление тенденций на потерю этнической самобытности – налицо.

Значительные изменения претерпела структура занятости сельского немецкого населения, что, безусловно, отразилось на состоянии сельского хозяйства Казахстана в целом. Спад рождаемости и миграционный отток вызвали мощные изменения возрастной структуры сельского немецкого населения, значительно отличающейся от возрастной структуры сельского казахского населения и населения Казахстана в целом. Повозрастная пирамида сельского немецкого населения все более сближается с пирамидой русского населения, у которого отмечаются очень высокие темпы старения.

Целый ряд сложных и неоднозначных процессов, имевших место в последнее десятилетие XX в. и продолжающихся сегодня вызвали мощные необратимые изменения этнодемографической ткани сельского немецкого населения, усилили процесс стирания его демографической памяти. Подрыв основы существования немецкого населения в лице его сельской части вызвал глубокий кризис в этнодемографическом развитии немцев Казахстана на рубеже веков.

¹ Рассчитано Алексеенко А.Н. по данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. см. Алексеенко А.Н. Расселение немцев на территории Казахстана. // История немцев Центральной Азии. Алматы, 1998 С. 206. Следует учесть, что на протяжении всего XX в. административно-территориальное устройство Казахстана претерпело многочисленные изменения.

² См. Литература по народонаселению Казахстана. Библиографический указатель (XIX – XX вв.) / Под ред. М.К. Козыбаева, А.Н. Алексеенко. Усть-Каменогорск, 1995; Алексеен-

ко А. Н. Сельское население Казахстана в условиях совершенствования социализма (1959 – 1985 гг.). Автореферат к.и.н. Алма-Ата, 1988; Он же. Население Казахстана. 1920 – 1990 гг. Алматы, 1993. Он же. Немцы Казахстана в XX в. (Демографический аспект). // Культура немцев Казахстана: история и современность. Алматы, 1999. С 51– 60; Алексеенко Н.В, Алексеенко А.Н. Население Казахстана за 100 лет (1897–1997 гг.). Усть-Каменогорск, 1999; Кригер В. Некоторые аспекты демографического развития немецкого населения 1930–1950-х годов. // Немцы России: социально-экономическое и духовное развитие 1871–1941 гг. Материалы 8-й Международной научной конференции. М., 2001. С.470–492; Немецкое население Казахстана в конце XIX – XX вв. (по материалам всеобщих переписей населения 1897–1999 гг.): Сборник / Составитель Бургарт Л.А. Усть-Каменогорск, 2002 и др.

³ См. Календарь-справочник на 1924 г. Оренбург, 1926 г. С. 25.

⁴ См.: ВПН 1926 года. Т. VIII. М., 1928.

⁵ См. Karl Stump. Verzeichnis der deutschen Siedlungen in Nord-(Sibirien) und Mittelasien. Stand 1928 //Heimatbuch der Deutschen aus Russland. 1964. S. 87 – 99.

⁶ См. Алексеенко А.Н. Население Казахстана 1920 – 1990 гг. Алматы, 1993.

⁷ Рассчитано по данным ВПН 1926 г. Т. VIII. М., 1928.

⁸ См. Немецкое население Казахстана в конце XIX – XX вв. (по материалам всеобщих переписей населения 1897 – 1999 гг.) Сборник. Сост. Бургарт Л.А. Усть-Каменогорск, 2002. С. 210.

⁹ Данные ВПН 1939 года. См.: ЦГАРК. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 264.

¹⁰ См.: Там же.

¹¹ Рассчитано по данным ВПН 1939 г. см. Немецкое население Казахстана в конце XIX – XX вв. С. 41.

¹² См. Алексеенко А.Н. Население Казахстана. 1920 - 1990 гг. Алматы, 1993.

¹³ См. Кригер В. Некоторые аспекты демографического развития немецкого населения 1930–1950-х гг. // Немцы России: социально-экономическое и духовное развитие. С. 470–492.

¹⁴ См. Бургарт Л. А. Немецкое население в Восточном Казахстане в 1941 – 1956 гг. Усть-Каменогорск, 2001. С. 49 – 55.

¹⁵ См.: Население Казахской ССР. Итоги Всесоюзной переписи населения на 15 января 1959 г. Алма-Ата, 1960. С. 124 – 143.

¹⁶ См.: Итоги ВПН 1970 г. по Казахской ССР. Алма-Ата, 1974. С. 193 – 204.

¹⁷ См.: Там же.

¹⁸ См.: Итоги ВПН 1979 г. по Казахской ССР. Алма-Ата, 1982. С. 23 –31; Об основных показателях Всесоюзных переписей населения 1939, 1959, 1970, 1979, 1989 гг. Алма-Ата, 1991.

¹⁹ Рассчитано по данным ВПН 1959, 1970, 1979, 1989 гг.

²⁰ См.: Национальный состав населения Казахской ССР. Алма-Ата, 1990. С. 28 – 34.

- ²¹ Данные по: Национальный состав населения Республики Казахстан. Т.1. Итоги переписи населения 1999 года в РК. Алматы, 2000.
- ²² См.: Немецкое население Казахстана в конце XIX – XX вв... С. 217.
- ²³ Рассчитано по: ВПН 1926 года. Т. VIII. М., 1928. С. 15 – 18.
- ²⁴ Рассчитано по: население Казахской ССР. Итоги Всесоюзной переписи населения на 15 января 1959 г. Алма-Ата, 1960. С. 112 – 123.
- ²⁵ См.: Там же.
- ²⁶ См.: Там же.
- ²⁷ См.: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. по Казахской ССР. Алма-Ата, 1974. С. 193 – 205.
- ²⁸ См.: Итоги ВПН 1979 г. по Казахской ССР. Алма-Ата, 1982. С. 252 – 267.
- ²⁹ См.: Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. Т. II. Алма-Ата, 1991. С. 149 – 179.
- ³⁰ Подробнее см. Немецкое население Казахстана в конце XIX – XX вв. Усть-Каменогорск, 2002.
- ³¹ См.: Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. Т. II. Алма-Ата, 1991. С. 149 – 179.
- ³² См.: Национальный состав населения Республики Казахстан. Т. 2. Население РК по национальностям и владению языком. Итоги переписи населения 1999 года в РК. Алматы, 2000.
- ³³ См.: Там же.
- ³⁴ Рассчитано по: ВПН 1926 года. Т. VIII М., 1928. С. 15 – 19.
- ³⁵ См.: Там же.
- ³⁶ См.: Там же.
- ³⁷ См.: Там же. С. 20 – 45.
- ³⁸ См.: Там же. С. 46.
- ³⁹ См.: Итоги ВПН 1979 г. по Казахской ССР. Алма-Ата, 1982 С. 23 – 31.
- ⁴⁰ См.: Там же. С 44 – 45.
- ⁴¹ См.: Там же. С. 41 – 48.
- ⁴² Подробнее см. Черказьянова И.В. Судьбы детей советских немцев в годы Великой Отечественной войны. //Немцы СССР в годы Великой Отечественной войны и в первое послевоенное десятилетие 1941 – 1955 гг. Материалы 7-й Международной конференции М., 2001. С. 84 – 97; Бруль В. Влияние второй мировой войны на численность, географию расселения и образовательно-культурный уровень немцев в Казахстане // Культура немцев Казахстана: история и современность. Материалы международной научной конференции. Алматы, 1999 г. С. 94 – 112.
- ⁴³ См.: Итоги ВПН 1979 г. по Казахской ССР. Алма-Ата, 1982. С. 23 – 31.
- ⁴⁴ См.: Там же.
- ⁴⁵ См. Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. Т. I. Алма-Ата, 1991. С. 304, Т. II Алма-Ата, 1991. С. 176 – 187.

- ⁴⁶ Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. Т. II, Алма-Ата, 1991. С. 176 – 187.
- ⁴⁷ Рассчитано по: Национальный состав населения Республики Казахстан. Т. 4. Ч.2. Население РК по национальностям и уровню образования. Итоги переписи населения 1999 года в РК. Алматы, 2000.
- ⁴⁸ См.: Там же.
- ⁴⁹ См. Кригер В. Э. Особенности кадровой политики государства в отношении российских немцев в советский период. //Культура немцев Казахстана. С. 68 – 94; а также Brandes D., Savin A. Die Sibiriendeutschen im Sowjetstaat 1919 – 1938. Klartext Verlag, Essen, 2001.
- ⁵⁰ См. Бургарт Л.А. Немецкое население в Восточном Казахстане в 1941 – 1956 гг. Усть-Каменогорск, 2001.
- ⁵¹ См.: Кригер В.Э. Особенности кадровой политики государства в отношении российских немцев... С. 85.
- ⁵² Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. Т. III Алма-Ата, 1992. С. 3 – 7.
- ⁵³ См.: Там же.
- ⁵⁴ См.: Там же. С. 82–160.
- ⁵⁵ Рассчитано по: Национальный состав населения Республики Казахстан. Т.3. Занятое население РК по национальностям и занятиям. Итоги переписи населения 1999 г. в РК Алматы, 2000.
- ⁵⁶ См.: Там же.
- ⁵⁷ См.: Там же.
- ⁵⁸ См.: Там же.
- ⁵⁹ См.: Там же.
- ⁶⁰ См.: Там же.
- ⁶¹ См.: Там же.
- ⁶² См.: Итоги ВПН 1989 г. Т. I. Алма-Ата, 1991. С. 226; Т. II. Алма-Ата, 1991. С. 268–271.
- ⁶³ См.: Национальный состав населения Республики Казахстан. Т. 4. Ч. 3. Население РК по национальностям и состоянию в браке. Итоги переписи населения 1999 года в РК. Алматы, 2000.
- ⁶⁴ См.: Там же. С. 22 – 29.

ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ И ОСНОВНЫЕ ПРИЧИНЫ ПРОЦЕССА РАЗВИТИЯ И ПОДЪЕМА НЕМЕЦКИХ ПОСЕЛЕНИЙ АЗЕРБАЙДЖАНА

С. Зейналова

В последние годы в азербайджанской исторической науке возрос интерес к изучению истории немецкого населения Азербайджана, проводятся научные исследования по различным аспектам этой проблемы – историческому, этнографическому, демографическому, экономическому, опубликованы научные труды, в которых подробно освещены многие вопросы данной проблематики. В результате исследований выявлен большой и очень ценный фактологический материал – источники, архивные документы, на основе которого восстановлены многие исторические факты из общественно-политической, социально-экономической и культурной жизни немцев Азербайджана. Однако, исследовав и восстановив историю по хронологическому принципу, опираясь на документальную базу, необходимым является провести анализ фактологического материала и сделать определенные выводы относительно различных сторон развития немецкого населения Азербайджана.

Архивные документы, источники и научная литература объективно указывают на высокий уровень развития немецкого населения, интенсивный экономический, культурный рост в немецких колониях, существовавших в Азербайджане около полутора веков – с 1819-го по 1941 г. Согласно официальным источникам, статистике, немцы по экономическому, культурному развитию, уровню грамотности и образования занимали одно из ведущих мест среди национальных меньшинств, проживающих в Азербайджане. В результате, при рассмотрении источников и литературы интересным и актуальным, требующим аналитического подспорья, вопросом является выявить основные причины, способствующие процессу становления, роста и подъема немецких поселений Азербайджана, главные черты, характеризующие общую структуру, модель их развития.

На наш взгляд, при общем подходе можно выделить несколько основных факторов, характерных черт, давших толчок и присущих развитию немецких поселений Азербайджана. И каждый из них требует отдельного рассмотрения и анализа.

Как известно, в любом обществе залогом его дальнейшего развития является выбор направлений экономического развития, определение основных и побочных видов занятий, путей получения твердой прибыли. Общество само должно реально оценивать собственные силы и способности, особенности внутреннего и внешнего рынка и соответственно свои запросы и потребности. И если рассмотреть на основе фактов и документов весь процесс развития немецких колоний в Азербайджане, то можно прийти к выводу, что немцы в течение небольшого промежутка времени, конечно, не отрицая стечение событий, влияние внешних факторов, смогли определиться и сделать выбор своего пути развития. Проследим в краткой форме этот процесс.

В 1819 г. на территории Азербайджана в Елизаветпольском округе были основаны первые две немецкие колонии – Еленендорф (Ханлар) и Анненфельд (Шамкир). Заранее отметим, что вследствие расширения экономического и демографического роста к началу XX в. в Азербайджане насчитывалось уже восемь немецких поселений. Первые десятилетия проживания немецких переселенцев в Азербайджане можно назвать этапом адаптации. И, естественно, обустройство поселений, приспособление к местному климату, условиям жизни – все это требовало определенного времени. Первоначально хозяйство немецких переселенцев носило натуральный, собирательный характер. Занимаясь зерноводством, садоводством и огородничеством, они еще не определились, не специализировались на каком-либо определенном занятии и вели обособленный образ жизни. Интересно, что российские власти в этот период, желая направить экономическое развитие немецких колоний, их хозяйственное занятие в нужном для них русле, стремились привлечь переселенцев к некоторым отраслям хозяйства – шелководству, табаководству, рисоводству и т. д. К примеру, в 1841 г. 5 мальчиков-колонистов были отправлены управлением немецкими колониями в г. Нуху (Шеки) для обучения приемам шелководства, а уже в 1845 г. в колонии Еленендорф было 40 домохозяев-шелководов. Шелководство в колониях очень поощрялось властями, но не нашло здесь своего развития. Также российская администрация уделяла внимание распространению в колониях культуры риса. Но эксперименты и с этим нововведением не привели к ожидаемым результатам¹. В 1848 г. по инициативе правительства в колониях приступили к возделыванию культуры табака, что опять же результата не дало². Таким образом, все попытки российских властей вве-

сти в немецких поселениях распространение перечисленных культур и тем самым специализировать их на данных видах хозяйства обернулись неудачей. Причины этого можно объяснить: во-первых, непригодность немецких колонистов к выращиванию этих нетрадиционных для них культур; во-вторых, отсутствие первоначально большой и быстрой прибыли, так как эти культуры требовали длительного ухода; в-третьих, выращивание этих сельскохозяйственных культур – тяжелый, чаще имеющий последствия на здоровье, требующий длительного времени, труд.

Со второй половины XIX в. в немецких колониях Азербайджана начался этап экономического роста. На наш взгляд, экономический подъем немецких поселений был прямо пропорционально связан и обусловлен с выбором, определением колонистами основного занятия, собственного пути развития. Отметим, что именно с этого периода основным направлением деятельности, специализацией немецких поселений стало виноградарство и виноделие. И занятие этими отраслями хозяйства принесло колонистам значительную прибыль и способствовало их экономическому благосостоянию. Здесь возникает вопрос: почему выбор немцев-колонистов пал на эту отрасль хозяйства? Причин несколько. Во-первых, виноградарство и виноделие было для немецких поселенцев традиционным видом хозяйства, которым они занимались еще на исторической родине – в Южной Германии, в Вюртемберге. И после переселения, адаптации к новым условиям жизни, экспериментов с различными культурами, не давших значительных результатов, колонисты, сохранив традиции в хозяйственной деятельности, основательно занялись виноградарством и виноделием как наиболее приемлемой для них отраслью хозяйства. При этом отметим, что в Азербайджане для развития виноградарства, которое как вид хозяйства здесь также имело древние корни, существовали все необходимые климатические условия. Во-вторых, колонисты занимались промышленным виноградарством и виноделием и, производство спиртовой продукции приносило им без ущерба в короткие сроки довольно большую прибыль. А так как изготовление вино-спиртовых изделий не имело большого распространения в мусульманском регионе, то немецкие поселенцы, не сталкиваясь с высокой конкуренцией, могли развернуть свое производство. И в-третьих, со второй половины XIX в. в Азербайджане усилился процесс развития капиталистических отношений, расширения потребительских рынков, строительства транспортных путей. Все это являлось внешними предпосылками для развития в среде колонистов предпринимательства, торговли, вывоза собственной продукции на внешние рынки, т.е. сельскохозяйственного капитализма. А так-

же нельзя не отметить и то, что процесс хозяйственного роста, развития виноградарства и виноделия в немецких поселениях шел беспрепятственно, без крайних вмешательств со стороны российских властей, которые даже в первое время оказывали помощь в деле обустройства колоний, что является немаловажным фактом. Таким образом, во время сделанный правильный выбор занятия, специализация на виноградарстве и виноделии дали свои положительные результаты и стали одной из основных причин экономического подъема немецких колоний. И если в начальный период деятельности колонистов виноградарство и виноделие носило натуральный, кустарный характер, то с развитием, выходом на внутренние и внешние рынки, кустарное, мануфактурное производство за короткие сроки перешло в промышленное, в котором применялись усовершенствованные для того времени машинные технологии, наемный труд, частный капитал, и в основе которого была переработка сельскохозяйственной продукции, выращиваемой самими колонистами, в промышленный товар. Свидетельством этому является обширный фактологический материал.

Так, уже к концу XIX в при таком прогрессивном развитии в немецких колониях были образованы и действовали как крупные винодельческие фирмы бр. Форер и бр. Гуммель, так и средние и мелкие предприятия и товарищества. Практически во всех немецких колониях были сооружены винодельческие, коньячные, ректификационные и другие заводы, приносящие большую прибыль³. К примеру, в 1913 г. годовой оборот только фирмы бр. Форер составил 2 млн. руб., что было для того времени крупной суммой⁴. Качественные винопродукты, производимые в немецких колониях Азербайджана, вывозились в различные регионы Российской империи, в Европу и были удостоены высоких наград на международных выставках.

Отличительной чертой занятия виноградарством и виноделием была совместная деятельность колонистов единой общиной, что повышало уровень производительности и прибыльности. В годы советской власти, несмотря на многие изменения, связанные с мероприятиями по советизации, норменно-уравнительным землераспределением, экономической политикой советского руководства, немецкие поселения сохранили свою специализацию. И объединив общие усилия, при совместной действиях колонисты смогли выйти из создавшегося в начале 1920-х годов тяжелого положения и добиться эффективных результатов в экономическом развитии. Так, в 1922 г. колонистами был образован Производственный кооператив виноградарей-виноделов Гянджинского района «Конкордия», объединивший 8 немецких колоний. Как отмечалось в официальных документах, источни-

ках, буквально за несколько лет немецкий винодельческий кооператив «Конкордия» стал одним из ведущих винодельческих объединений в республике, имеющий филиалы во многих городах СССР, где производимая им продукция была довольно известна. В 1930-е годы в период сплошной коллективизации в связи с проводимыми в общегосударственном масштабе мероприятиями, раскулачиваниями, затронувшими и немецкие поселения, в них наблюдался определенный экономический, производственный спад. Но даже в эти тяжелые годы, образованные в немецких поселениях колхозы специализировались на виноградарстве и виноделии.

Какие же преимущества давала колонистам специализация на виноградарстве и виноделии? Прежде всего можно смело отметить – материальные преимущества и довольно высокую прибыль. И такие большие доходы колонисты получали в первую очередь благодаря правильной постановке дела, которым они занимались. Интенсивному развитию виноградарства и виноделия в колониях способствовали правильная организация производства, вложение части полученных доходов на приобретение и внедрение технологических новшеств, правильное распределение труда и соответственно прибыли между всеми колонистами, участвующими в производстве. Конечно же надо отдать должное процессу организации колонистами собственного производства, систематическому подходу к общему делу. В результате такой организации, получая от своей работы значительные доходы, большинство колонистов имели зажиточный уровень жизни. Так, к примеру, в докладной записке, составленной в 1929 г. ответственными сотрудниками АзГПУ на основе обследования одной немецкой колонии Еленендорф, отмечалось, что «процент расслоения: 15% кулаки, 82% середняки, 3% бедняки. Бедняком-колонистом является тот, кто имеет дом стоимостью от 5 до 10 тыс. руб., несколько голов скота, дворовые постройки и виноградников от половины до одной десятины, из коих получает от 500 до 1000 ведер вина. Средняк в несколько раз содержательнее». Как видно из этого и многих других архивных документов, в немецких поселениях преобладало количество середняков, что свидетельствует об их высоком социально-экономическом развитии. Согласно источникам, абсолютное большинство немецких колонистов Азербайджана было занято виноградарством и виноделием. При этом каждый колонист, имея значительную прибыль от общего занятия, был заинтересован в эффективности дела, проявлял личный интерес и нес ответственность за свои обязанности и проделанную работу, что еще более подтверждает правильную организацию производства. В итоге у колонистов не было какой-либо надобности и, на наш взгляд, же-

ления менять свою специализацию, либо одновременно иметь несколько видов основных занятий. Занятие виноградарством и виноделием обеспечивало немецкому населению зажиточное существование, высокий уровень социально-экономического положения. Помимо этого, развитие основной специализации приводило к подъему и других побочных видов сельского хозяйства и ремесла (например, бондарного, фургонного и т.д.). С другой стороны, при такой постановке дела в каждой немецкой колонии были созданы винодельческие предприятия, непосредственно связанные друг с другом, что еще более объединяло, сплачивало поселения в единое экономическое целое. И это также было одним из преимуществ специализации колоний.

В результате такого развития с конца XIX в. – в начале XX в. немецкие колонии являлись одним из винодельческих центров Азербайджана. Причем каждая из немецких колоний, не только центральные, но и дочерние, имели значительный уровень развития. Таким образом, выбранный экономический путь специализации на виноградарстве и виноделии объединил все немецкие поселения Азербайджана и способствовал высокому уровню их социально-экономического развития и сплочению немецкого населения вдалеке от исторической родины.

* * *

Одним из важных факторов, способствующих развитию немецких колоний, являлась централизация, строгая организация внутреннего порядка и дисциплины. Известно, что в каждом обществе организация общественного порядка, соблюдение правовых норм и законов, дисциплина являются залогом прогрессивного развития данного общества. Наглядным примером этому может послужить рассмотрение общественно-административного положения в немецких поселениях.

Немецкие колонии Азербайджана представляли собой сельские общины, т. е. колонисты входили, являлись членами единой сельской общины и все шаги в хозяйственно-экономической, общественно-культурной жизни предпринимались ими сообща на сходе общины. Централизация, сплоченность наблюдались во всех сферах их жизнедеятельности. К примеру, за порядком, дисциплиной, исполнением всех общественных работ, обязанностей колонистов следили выборные органы внутреннего управления поселений: шульц (староста), сельский приказ, общинное собрание, каждый из которых имел свои определенные функции. Шульц избирался сроком на два го-

да из уважаемых людей колонии и должен был заботиться о всех происходящих процессах: следить, чтобы не происходили бесчинства, правильно собирались подати и выполнялись повинности, наблюдать за порядком и чистотой и т.д. Любой колонист за лень и праздность мог быть наказан шульцем, а желающие отлучиться на время от поселений должны были получить у него разрешение. Но шульц не являлся единоличным управляющим колонии. В каждом немецком поселении действовал Сельский приказ, которому принадлежали функции судебно-разбирательного органа и его решения выполнялись в строгом порядке. А также в каждой колонии действовало общинное собрание – Сельский мирской сход, на котором решались вопросы относительно выборов, раскладки податей и повинностей, распределения обязанностей среди колонистов, вопросы экономического, общественно-культурного развития колоний⁹.

Такая строго централизованная система внутреннего самоуправления имела большое значение и преимущества для развития немецких поселений. Во-первых, в немецких колониях существовал четкий порядок и дисциплина, было предписано время работы и отдыха. Вся деятельность, экономические и культурные мероприятия обсуждались и определялись в общине. Причем решения, принятые общиной, выполнялись в строгом порядке и любое бесчинство, произвол наказывались. К примеру, в немецких колониях имелась так называемая «черная доска», на которой отмечались имена провинившихся колонистов¹⁰. Во-вторых, общинное управление строго следило за выплатой налогов, государственных податей, выполнением повинностей, соблюдением законов, не допуская проявления среди массы колонистов нарушений порядка. Каждый колонист имел и знал свои конкретные обязанности в общине, за выполнение которых нес ответственность. В результате такая четкая, централизованная организация дисциплины и общественного порядка в немецких колониях более сплачивала и объединяла колонистов и способствовала их развитию и подъему в различных сферах жизнедеятельности.

* * *

Следующим в череде основных факторов развития и подъема, характерных черт, присущих немецким колониям, можно определить процесс организации образования. Этот фактор имеет большую значимость, так как в целом уровень и направление образования определяет специализацию общества, теоретический и практический уровень его кадров.

Немцы-колонисты, будучи по происхождению и сословию крестьянами и занимаясь сельским хозяйством, понимали значимость образования и уделяли этому вопросу внимание, тем самым в первую очередь, создавая здесь свои учебные заведения. Еще с периода основания первой немецкой колонии Еленендорфа колонистами прежде всего была заложена основа первой немецкой школы. Немецкие дети проходили уроки в доме пастора Иоганна Якоба Крауса, который обучал их грамоте, религиозному учению и простым практическим знаниям. Первое школьное здание было построено в Еленендорфе в 1842 г.¹¹. До 90-х годов XIX в. немецкие школы носили характер церковно-приходских школ и находились под присмотром местных пасторов. В 1890 г. немецкие школы перешли в ведение Министерства народного просвещения¹². А в 1917 г. в колонии Еленендорф было открыто Реальное училище, в которое поступали и учились немцы со всего Южно-Кавказа¹³. В советский период в структуре немецких школ Азербайджана произошли изменения. 26 мая 1920 г. Постановлением Наркомпроса было принято «Положение о единой трудовой школе АССР», по которому школа была разделена на две ступени. А декретом Азревкома от 16 августа 1920 г. в школах нацменьшинств разрешалось преподавание предметов на родном языке с обязательным преподаванием русского и азербайджанского языков¹⁴. В результате этих постановлений немецкие школы были преобразованы в школы 1-й и 2-й ступени. По сведениям источников и архивных документов, к 1926 г. в восьми немецких поселениях действовало 8 немецких школ 1-й ступени с числом учащихся – 1090 человек и одна школа 2-й ступени в Еленендорфе, в которой обучались 213 учеников¹⁵. В 1927 г. соответственно хозяйственным потребностям, развитию сельского хозяйства, виноградарства и виноделия в колониях, Еленендорфская школа 1-й ступени была преобразована в школу-семилетку с сельскохозяйственным уклоном, а немецкая школа 2-й ступени в Машиностроительный техникум¹⁶.

Как видно, в первоначальный период становления немецких колоний процесс организации образования, формирования немецких школ носил замедленный характер, в основном с преобладанием большей частью черт религиозного, духовного обучения. Уже в дальнейшем, со стабильностью, экономическим ростом, особенно в конце XIX в. – в первые десятилетия XX в. в немецких поселениях в постановке образования наметились прогрессивные тенденции, оказавшие влияние, лепту на общее развитие колоний.

С годами процесс образования в колониях совершенствовался, в чем нельзя отрицать влияния и общих преобразований, реформ в системе об-

разования; в нем наряду с приобретением теоретических знаний внедрялись и практические навыки. Т.е. в целом, процесс и структура образования в немецких колониях были четко систематизированы и направлены на получение знаний, которые могли быть применены в дальнейшей жизни колонистов, особенно в практической сфере, что является очень важным в постановке образования.

В архивах Азербайджанской Республики сохранились материалы по немецким школам, их программы, учебные планы, аттестаты колонистов, особенно относящиеся к 1920–1930-м годам, на основании которых можно сделать определенные выводы относительно процесса образования. Интересным в постановке процесса образования в немецких поселениях было то, что наряду с общеобразовательными предметами колонисты проходили предметы, связанные с сельским хозяйством, технологией, виноделием, машиностроением, т. е. образование здесь имело направление соответственно основной специализации колоний.

Дети в абсолютном большинстве, пройдя этапы обучения, получали знания, как по общеобразовательным предметам, так и в сельскохозяйственном, техническом направлении, которые они могли применять и закреплять в практической работе. При школах имелись плодовые питомники, где школьники вели наблюдение за растениями, с юных лет приобретали навыки в виноградарстве и технологии виноделия. Причем правление немецких колоний вкладывало большие усилия и средства на развитие процесса образования.

Отметим, что немецкие школы имели хорошую научно-техническую базу, при школах действовали различные секции и кружки, что положительно действовало и повышало уровень учащихся. Немецкие школы, несмотря на их расположение в сельской местности, были хорошо оборудованы различными лабораториями, кабинетами. К примеру, кооператив «Конкордия» оказывал материальную помощь в содержании и техническом снабжении немецких школ.

В результате получения такого рода образования, колонисты владели многими нужными им в практической сфере знаниями и являлись готовыми кадрами для колоний. Исходя из всего этого можно отметить, что, на наш взгляд, основной целью такой постановки образования было то, что немецкие колонисты, получив среднее образование в своих поселениях, приобретая со школьной скамьи определенные навыки в основной специализации колоний – сельском хозяйстве, виноградарстве и виноделии, приходили на работу подготовленными и вскоре становились хорошими спе-

циалистами, продолжая дело своих отцов и дедов. И в итоге немецкие колонии не испытывали нужды в кадрах извне, а использовали внутренний кадровый потенциал, что приносило большие материальные прибыли и выгоды.

С другой стороны, в процессе образования в немецких школах внимание придавалось ознакомлению молодого поколения с культурными национальными ценностями, духовными особенностями. Обучение проходило на немецком языке, но с обязательным преподаванием азербайджанского и русского языков, необходимых в работе и общении. Развитие образования на родном языке оказывало положительное влияние на сохранение колонистами национальной культуры, языка вдали от исторической родины. Как видно, по своему характеру весь процесс образования был продуман и поставлен соответственно экономическим интересам, культурным устоям общины немецких колонистов. И такая организация образования, его направленность по курсу хозяйственной специализации немецких колоний способствовала их экономическому развитию, укреплению и подъему.

* * *

Одной из важнейших характерных черт немецких колоний Азербайджана являлось сохранение национальной, культурной самобытности. При этом национальные особенности выражались в различных сферах жизнедеятельности немецкого населения, экономической, общественной, культурной, о чем свидетельствуют вышеприведенные материалы. Можно перечислить множество этнографических особенностей, черт традиционного жизненного уклада немецких колонистов. Но, коротко говоря, отметим, что, несмотря на довольно длительное проживание вдали от своей исторической родины – Германии (почти полтора века), немецкие переселенцы были очень привержены и сохраняли традиционные национальные черты в каждом из направлений своей деятельности. И такое положение наблюдалось в немецких поселениях на протяжении всего периода их существования в Азербайджане, и даже в годы советской власти, когда по всей стране усиленно проводилась идеологическая работа, искоренялись так называемые «пережитки прошлого».

Здесь интересно отметить выписку относительно немецкого населения из доклада об итогах работы среди нацменьшинств Гянджинского уезда от 1928 г., направленную в ЦК АКП(б): «В отношении просвещения они (немцы – С. З.) на должной высоте. Экономика их находится еще в лучшем положении. Едва ли найдешь немца-батрака. Единственное (а это самое

главное в нашем строительстве), что можно приписать к недостаткам немцев – это их далеко не коммунистический и не советский взгляд. Среди них упорно укоренилось национальное самолюбие и замкнутость. В общем и целом культурное и экономическое положение немцев находится на высоком уровне, но их общественно-советское воспитание на самом низком уровне»¹⁸.

Такое описание немецкого населения партийными органами, на наш взгляд, является относительно объективной характеристикой, т. к. в колониях действительно преобладала некоторая замкнутость и обособленность. Естественно, немецкие поселения имели контакты с окружающим их миром, свидетельством чему являлись экономические взаимоотношения, применение некоторых местных навыков, приемов в хозяйстве, быту. Также среди немецкого населения имели место и смешанные браки и, их количество возросло особенно в 20–30 годы XX в. Их невозможно было избежать в связи с возрастанием немецких поселений, переходом их в эти годы в городской статус, увеличением немецкого населения в столице, усилением их контактов с местным населением и представителями других национальностей, проживающих в Азербайджане. Но создание смешанных браков среди немецкого населения не имело большого распространения. Так, к примеру, согласно демографическим сведениям о браках по национальностям по городам АССР за 1927 г. – немцами за этот год было создано 115 браков, из которых большинство – 83 были чистыми (оба вступающих в брак по национальности немцы) и 32 смешанными – из них 28 браков относятся к г. Баку и промыслово-заводскому району¹⁹.

Тем самым, ведя в определенном смысле обособленный образ жизни, немцы-колонисты старались сохранить и не потерять те национальные особенности, заложенные и привезенные ими из своей исторической родины, передавая их от поколения к поколению. И возможно, такая обособленность, приверженность к национальным чертам, единство и сплоченность в единой общине способствовали развитию немецких поселений, не давая немецкому населению как сравнительно небольшой по количественному признаку национальной группе в Азербайджане возможности рассеяться.

Таким образом, на наш взгляд, характерными чертами немецких поселений Азербайджана, основными причинами, факторами их столь интенсивного, стремительного развития и подъема являются следующие:

- 1) и своевременный выбор колонистами экономического пути развития, т.е. выбор основного хозяйственно-производственного занятия, специализации;

- 2) централизация, строгая дисциплина и порядок, соблюдение и действие правовых норм и законов в поселениях;
- 3) организация процесса образования;
- 4) сохранение национальной, культурной самобытности.

Каждый из этих перечисленных факторов является темой отдельных и обширных научных исследований. Однако даже при таком кратком рассмотрении этих характерных немецкому населению черт, факторов в их непосредственной совокупности, можно представить общую структуру, модель развития немецких поселений в Азербайджане. И на наш взгляд, именно эти факторы явились залогом и способствовали общему развитию, росту и подъему немецких поселений Азербайджана.

Исследуя многие исторические факты, документы и проведя их небольшой анализ, можно прийти к выводу, что немцы, волею судьбы и большой политики переселившиеся и поселившиеся на территории Азербайджана, после некоторого времени адаптации в новых и незнакомых для них условиях жизни смогли вовремя и правильно уловить требования, темп, пульс того периода, самоорганизоваться, определиться и сделать правильный выбор основных сфер деятельности, при этом эффективно используя весь собственный потенциал, силы, знания и способности, сохраняя свою национальную самобытность и единство, что и привело к их высокому уровню развития.

¹ См.: Никифоров Н. К. Экономический быт немецких колонистов в Закавказском крае // Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края. Т.1. Тифлис, 1886. С. 145.

² См.: Акты, собранные Кавказской Археографической Комиссией (АКАК). Т. 10. Тифлис, 1885. Док. 160. С. 171.

³ См.: Свешников М. И. Винодельческое хозяйство бр. Форер // Кавказское хозяйство. 1911. № 4, 5, 6.

⁴ См.: Умаев А. Возникновение и деятельность винодельческих фирм в дореволюционном Азербайджане // Вестник Архивов АзССР. 1965. № 3. С. 144

⁵ См.: Государственный архив Азербайджанской Республики (ГААР). Ф. 816. Оп. 6с. Д. 14.

⁶ Государственный архив политических партий и общественных движений Азербайджанской Республики (ГАППОДАР). Ф. 1. Оп. 231. Д. 29. Л. 2.

⁷ См.: Schweinitz. Helenendorf. Eine deutsche Kolonie im Kaukasus. Berlin, 1908 S. 78.

⁸ См.: Там же. С. 79; Полный свод законов Российской империи / под ред. Г. Г. Савича.

С.-Петербург, 1904. С. 146–149.

⁹ См.: Там же. С. 146; Циммер Ф. Колония Еленендорф Елисаветпольской губернии и уезда // СМОМК. Вып. 29. Тифлис, 1901. С. 24.

¹⁰ См.: Государственный Исторический архив Азербайджанской Республики (ГИААР). Ф. 508. Оп. 1. Д. 436. Л. 25.

¹¹ См.: Там же. Л. 26.

¹² См.: Циммер Ф. Указ. Соч. С. 14; ГИААР. Ф. 830. Оп. 1. Д. 7. Л. 2.

¹³ См.: ГААР. Ф. 2602. Оп. 1. Д. 18. Л. 36, 47; Гянджинский филиал ГААР. Ф. 342. Оп. 1. Д. 4. Л. 6.

¹⁴ См.: Мусаева Т. А. Революция и народное образование в Азербайджане, Баку: «Элм», 1979. С. 68; Декреты Азревкома (1920–1921): Сб. док., 1988. С. 208.

¹⁵ См.: Народное образование в Азербайджане 1920-1927 гг. Баку: Издание НКП АССР, 1928. С. 41, 144; ГАППОДАР. Ф. 1. Оп. 235. Д. 303. Л. 141 – 141 об.

¹⁶ См.: ГААР. Ф. 2368. Оп. 1. Д. 38. Л. 157; Д. 62. Л. 140; ГАППОДАР. Ф. 1. Оп. 235. Д. 171. Л. 95, 97.

¹⁷ См.: Зейналова С. Немецкие колонии в Азербайджане (1819 – 1941 гг.). Баку: «Араз», 2002. С. 172 – 181

¹⁸ ГАППОДАР. Ф. 240. Оп. 1. Д. 834. Л. 20.

¹⁹ См.: Бюллетень АзЦСУ. 1928. № 12.

ОГРАНИЧЕНИЕ ПРАВ ПОДДАННЫХ ВРАЖДЕБНЫХ ГОСУДАРСТВ В БАКУ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Х. Вердиева

Первая мировая война втянула Российскую империю и ее многонациональное население в катастрофическую пучину. Неудачи на полях сражения вынудили правительство прибегнуть к экстраординарным мерам военного времени. Пытаясь успокоить общественность, а также в целях защиты интересов государства, правительственные круги решили принять жесткие меры в отношении немецкого населения Российской империи. С этой целью 2 февраля и 13 декабря 1915 г. были изданы специальные законы о ликвидации землевладения немецкого происхождения. Первый из них относился к приграничным западным губерниям, а второй распространялся на территорию всего государства, в том числе на губернии Южного Кавказа.

Нам приходилось заниматься ликвидационным законом от 13 декабря 1915 г. и рассматривать меры, принятые в отношении немцев-колонистов Северного Азербайджана и их реакцию. Однако ограничительные меры в отношении городского немецкого населения Северного Азербайджана, являющегося германо-австрийскими подданными, не были еще объектом исследования.

Основываясь на фактическом материале, выявленном нами в Государственном Историческом архиве Азербайджанской Республики (ГИА АР), мы хотим осветить административные меры, принятые в 1916 году местными российскими властями в отношении немецкого населения Баку.

Следует указать, что права немцев России ограничивались с самого начала Первой мировой войны. Был принят указ Совета Министров от 28 июля 1914 г., который гласил: «задержать подданных неприятельских государств, как состоящих на действительной военной службе, так и подлежащих призыву, в качестве военнопленных, и предоставить надлежащим властям высылать подданных означенных государств как из пределов России, так и из пределов отдельных ее местностей, а равно подвергать их задержанию и водворению в другие губернии и области»¹. В то же время принимая во внимание интересы империи, в документе отмечалось: «принудительное выселение всех без разбора подданных враждующих с нами дер-

жав не согласовывалось бы с широкими государственными интересами»².

Ущемление прав немцев России, а также немцев, проживающих в г. Баку, не ограничились вышеуказанным. Это проявилось также в сфере народного просвещения. Так, сразу же после начала войны попечитель Кавказского Учебного округа в секретном предписании начальникам средних учебных заведений, директорам и инспекторам народных училищ указывал: «Согласно телеграфного распоряжения г. Министра Народного просвещения, прошу ... предложить австрийским и германским подданным, занимающим штатные должности в подведомственных им учебных заведениях, если признается желательным удержать на службе, как полезных, заслуживающих доверия работников, немедленно перейти в русское подданство. В случае отказа находящиеся в таком положении преподаватели должны быть представлены к увольнению безотлагательно»³.

Однако планомерное ущемление прав немцев в России, в том числе в Баку, проводилось, особенно после издания ликвидационных законов 1915 г. Относительно Баку, который имел огромное стратегическое и экономическое значение для империи, кавказская администрация на основе ликвидационного закона от 13 декабря 1915 г. издала ряд циркуляров и предложений. В результате оказались ограничены права иностранно-подданных граждан, воюющих с Россией государств. Так, экстренные предложения бакинского градоначальника бакинскому полицеймейстеру от 13 февраля 1916 г. за № 3493 касались мужчин иностранно-подданных государств: им предлагалось «выехать добровольно в г. Цивильск, Казанской губернии, в семидневный срок». В противном случае их ожидало этапирование в административном порядке. Эти ограничения относились не только к мужчинам, но и к женщинам. Например, второе экстренное предложение бакинского градоначальника бакинскому полицеймейстеру от 13 февраля 1916 года за № 3494 гласило: «Предлагаю Вашему Высокоородию обязать иностранно-подданных немцев ехать в семидневный срок в одну из губерний, где иностранкам жить дозволено. В случае уклонения... выслать их установленным порядком в Оренбургскую губернию»⁴.

Это предписание со всей строгостью выполнялось местной администрацией. Так, пристав 6-го участка бакинского полицеймейстерства обязал подпиской явиться со всеми документами в управление 17 февраля 1916 г. трех иностранных подданных: Элерт Элизы; Франциски Терезы; Федечко Екатерины⁵.

Еще раньше, 18 января 1916 года, бакинский полицеймейстер в своем циркуляре приставам полицеймейстерства указывал: «В дополнение к над-

писи от 12 декабря 1915 г. за № 1225, предлагаю произвести самый тщательный розыск германско- и австрийскоподданных женщин, подлежащих, согласно общему распоряжению наместника Его Императорского Величества на Кавказе, высылке из г. Баку». Далее указывалось, что вновь прибывших иностранцев в г. Баку «немедленно задержать и доставить в управление для высылки их в избранные места жительства»⁶.

Экстренное предложение от 13 февраля 1916 г. за № 3494 было поддержано Кавказской администрацией. Документ, выявленный в госархиве, свидетельствует, что бакинский градоначальник в своем экстренном предложении от 19 февраля 1916 г. за № 3991 бакинскому полицеймейстерству указывал: «ходатайства, отклоненные наместником Кавказа германоподданными жительницам г. Баку взято за основу для выдворения их за пределы Кавказского края»⁷.

Позднее Кавказская администрация еще больше ужесточила принудительные меры в отношении немецкого населения.

В своем спешном предложении бакинскому полицеймейстерству от 20 февраля 1916 г. за № 4027 бакинский градоначальник отмечал, чтобы оно сделало распоряжения о «выдворении всех германских и австрийских подданных немецкого происхождения обоого пола в возрасте от 17 до 50 лет за пределы Кавказского края»⁸. В документе также сказано, что мужчин следует высылать в г. Цивильск Казанской губернии, а женщин этапировать в города империи по усмотрению Кавказской администрации. Далее указывалось, что всех прибывших в Баку германо-австрийских подданных после 30 октября 1915 г. «в суточный срок необходимо выдворить за пределы Кавказа». Это распоряжение основывалось на разъяснении канцелярии наместничества на Кавказе от 27 октября 1915 г. за № 8035⁹.

Местная администрация строго исполняла указания начальства. Так, 23 февраля 1916 г. исполняющий обязанности полицеймейстера Туриков предлагал приставам бакинского полицеймейстерства по прибытии подданных государств Германии и Австрии после 30 октября 1915 г. в г. Баку без различия пола, возраста и национальности немедленно доставить их с документами в управление и взять с них подписку о выезде из г. Баку в суточный срок¹⁰.

В циркуляре бакинского градоначальника от 29 февраля 1916 г. № 4476 вышеуказанная мера еще более ужесточилась: указывалось «сделать распоряжение о выдворении всех германско- и австрийскоподданных немецкого происхождения мужского пола в возрасте от 16 до 55 лет включительно»¹¹.

К остальным австро-венгерско- и германскоподданным других национальностей отношение Кавказской администрации было более «мягким»: их выдворяли в возрасте от 17 до 50 лет¹². Эти меры не распространялись на тех подданных Германии и Австрии, без различия пола, которые относились к «славянским, румынским и итальянским народностям», а также уроженцам Лотарингии, если лица эти, по имеющимся сведениям, в отношении своей благонадежности не вызывали сомнений¹³. Об этом указывал в своем экстренном циркулярном предложении от 4 марта 1916 г. за № 4723 бакинский градоначальник бакинскому полицеймейстеру.

О реализации циркуляра от 29 февраля 1916 г. свидетельствует циркуляр от 10 марта 1916 г., который предлагал выслать германско- и австрийскоподданных из пределов Кавказского края по списку, в котором фигурировали пятнадцать фамилий. По указу помощника полицеймейстера Турикова, они немедленно должны были быть доставлены в управление «для высылки из Баку»¹⁴.

В целом, Кавказская администрация неукоснительно исполняла циркуляры от 20 и 29 февраля 1916 г. Поэтому в своем экстренном предложении бакинский градоначальник от 18 апреля 1916 г. за № 8462 указывал бакинскому полицеймейстеру: «теперь же сделать распоряжение о выдворении из пределов Кавказа всех проживающих во вверенном вам полицеймейстерстве германско- и австрийскоподданных женского пола в возрасте от 17 до 55 лет включительно и об исполнении сего с представлением списка донести мне». В другом документе говорится, что приставу 6-го участка бакинского полицеймейстерства было дано экстренное указание, чтобы все германско- и австрийскоподданные женского пола данного участка обязательно явились с документами в управление 22 апреля 1916 г. в 5 часов вечера¹⁵.

Но Кавказская администрация не ограничилась этим в отношении германских и австрийских подданных немцев. Наместник Кавказа великий князь Н. Н. Романов в своем циркуляре от 20 июня 1916 г. за № 19622 указывал всем генерал-губернаторам, начальникам областей и отдельных округов Кавказского края и бакинскому градоначальнику, чтобы они проследили, выполняется ли закон от 2 февраля 1915 г., в котором говорилось: «права, вытекающие из договоров найма или аренды австрийскими, венгерскими и германскими подданными домов, квартир и иных помещений, расположенных вне городских поселений, так и в городских поселениях, утрачивают силу по истечении года со дня обнародования упомянутого закона». Поэтому наместник предлагал, чтобы незамедлительно приступили к

ликвидации договоров найма и аренды германо-австрийскими подданными, точнее – немцами. Таким образом, циркуляр однозначно предлагал выдворить немцев с Кавказа, в том числе из Баку. В связи с этим бакинский градоначальник в предписании от 10 июля 1916 года за № 15575 бакинскому полицеймейстеру наказывал, чтобы тот принял самые строгие меры для исполнения циркуляра наместника¹⁶.

Местная администрация строго выполняла указанные циркуляры и предложения. Особый отдел по Кавказскому военному окружному управлению, принимая во внимание военное положение в пределах Кавказского военного округа советовал применять жесткие меры в отношении немцев-предпринимателей¹⁷. Так, 18 августа 1916 г. был задержан дворянин Варшавской губернии Г. Л. Отто, прибывший в Баку в связи с доставкой для железных дорог английского огнеупорного кирпича. Кавказская администрация объявила его «лицом, вредным для существенных интересов армии и населения, считала целесообразным выслать Отто в Иркутскую губернию, под гласный надзор полиции, на все время действия военного положения в пределах Кавказского военного округа»¹⁸.

При этом местная администрация ссылалась на экстренный циркуляр, разосланный всем приставам бакинского полицеймейстерства 1 июня 1916 году, в котором ограничительные меры объяснялись так: «Ввиду спешного требования канцелярии градоначальника за № 2595, основанного на циркуляре МВД от 4 декабря 1914 г. за № 96, касающемся снятия звания поставщиков Двора Его Императорского Величества с тех торгово-промышленных предприятий, владельцы которых являются подданными воюющих с Россией Государств. Поэтому управление полицеймейстера предлагало в экстренном порядке собрать сведения и донести, не имеются ли в районе вверенного какого-либо участка лица указанной категории, и в утвердительном случае снять с них звание поставщиков и донести управлению обязательно в трехдневный срок»¹⁹. Документ был подписан помощником полицеймейстера Туриковым.

Только после многочисленных просьб самого Отто бакинский градоначальник, принимая во внимание состояние его здоровья, позволил выслать его не в Иркутскую губернию, а в Новочеркасск, при этом задержанный внес залог в 3000 руб. и представил свидетельство о своем здоровье²⁰.

Строгие меры принимались также в отношении корреспонденции к подданным Германии и Австрии немецкого происхождения. Так, в циркуляре департамента полиции от 14 сентября 1916 г. № 33105 губернаторам и градоначальникам указывалось придерживаться порядка пересылки коррес-

понденции задержанных германо-австрийских подданных в Восточной Пруссии и Галиции на основе соглашения главной военно-цензурной комиссии с департаментом полиции. Эти лица должны были сдавать свою корреспонденцию в полицию, которая обязана ее «направлять в военную цензуру, а последняя по осмотре корреспонденции будет ее передавать в почтовые учреждения для дальнейшего направления»²¹. Или же вводилась трехсуточная цензура.

Осенью 1916 г. военно-экономическая и политическая ситуация в Российской империи была крайне тяжелой. Это вынуждало правительство идти на жесткие меры во внутренней политике.

Ограничительные меры принимались теперь не только в отношении немцев, но также против других, даже славян, находящихся в противостоянии к России государств. Так, 28 мая 1916 г. бакинский градоначальник в своем отношении бакинскому полицмейстеру, ссылаясь на сообщение канцелярии наместника на Кавказе от 3 мая 1916 г. за № 13732, писал: «Все проживающие в бакинском градоначальстве турецко-подданные болгары в возрасте от 17 до 50 лет подлежат немедленному задержанию и высылке в качестве военнопленных в места, предназначенные для австрийско- и германскоподданных»²². Эта мера в отношении османскоподданных болгар строго выполнялась местными властями. Так, 2 июня 1916 г. приставам местных участков бакинского полицмейстерства было строго наказано относительно таких лиц: «немедленно задержать и доставить в управление со всеми документами, находящимися у них в руках»²³.

В 1916 г. были также введены ограничительные меры имуществ подданных Болгарии. Так, по Положению Совета Министров, утвержденному 13 мая 1916 г., все болгарские учреждения, общества, товарищества и подданные подвергаются действию всех ограничительных постановлений, изданных в отношении неприятельских учреждений, товариществ и подданных. Основываясь на вышеуказанном Положении, бакинский градоначальник в своем циркулярном предписании в июле 1916 г. за № 15591 бакинскому полицмейстеру указывал: «сделать распоряжение о немедленном применении по вверенному вам полицмейстерству упомянутого положения Совета Министров, с представлением списков как о выдворенных болгаргах, так и об именах их и болгарских выходцев, подлежащих ликвидации»²⁴.

Ограничительные меры относились не только к болгарам. К осени 1916 г. ограничительные меры распространились также на подданных Австро-Венгрии и Германии славянского происхождения. Об этом указывал

бакинский градоначальник в своем экстренном предписании от 2 сентября 1916 г. за № 20675 бакинскому полицеймейстеру²⁵.

В 1916 г. ограничительные меры были введены также в отношении отдельных подданных Китая, которые являлись нежеланными для Российского государства и ее интересов. В конце декабря 1916 г. был разослан циркуляр всем губернаторам и градоначальникам, согласно распоряжению МВД, который указывал: китайский подданный Ли Вень И подлежит высылке «безвозвратно за границу»²⁶.

В годы Первой мировой войны в Российской империи появилась тяжелая проблема – беженцы. Осенью 1916 г. она стала одним из важных аспектов усугубления социальных отношений. Принимая во внимание этот фактор, власть пыталась предпринять соответствующие меры. Причем не только в центральных губерниях России, а также на окраинах. Тяжелое положение на фронтах и наплыв беженцев привели к тому, что Кавказская администрация в ноябре 1916 г. решила в срочном порядке установить численность беженцев и указать их национальность и подданство²⁷. Бакинское градоначальство с помощью Департамента духовных дел составляло список беженцев по конфессиональному признаку. Так был составлен список беженцев-униатов, с учетом их расселения, численности, выявления социальной категории и конфессиональной принадлежности²⁸.

В этот период правительственные круги Российской империи крайне настороженно относились к действиям армянских политиков в отношении армян-беженцев из Османской империи. После подавления их мятежа в городах Малой Азии части восставших были размещены на территории Южного Кавказа²⁹. В целях расширения своей политической деятельности армянские политики «под удобным предлогом благотворительности» предусматривали создание разветвленной сети армянских организаций по всей Российской империи³⁰. Разгадав этот маневр, правительственные круги отклонили армянский проект по оказанию помощи беженцам-армянам из Османской империи³¹.

Настороженность в отношении армянского населения заметна в некоторых исторических документах 1916 г. Помощник по гражданской части наместника Кавказа В. Орлов в своем секретном циркуляре от 3 июля 1916 г. за № 3887 оповещал временных генерал-губернаторов, губернаторов, начальников отдельных округов Кавказского края, а также бакинского градоначальства о том, что необходимо ограничивать передвижение турецко-подданных армян-беженцев по территории России. Эти меры объяснялись тем, что «документы, коими располагают турецко-подданные христиане-

беженцы, представляются недостаточно удовлетворяющими их самоличность» и поэтому их «выезд через западную границу мог бы быть разрешаем лишь в исключительных случаях, и тем лишь беженцам, которые будут в состоянии подтвердить надлежащим образом необходимость посещения Западной Европы»³².

Ограничения касались не только беженцев-армян. В декабре 1916 г. выезд за границу подданных мужчин Австро-Венгрии был еще более ограничен. Так, в телеграмме директора Канцелярии наместника Кавказа за № 3536 бакинскому губернатору и бакинскому градоначальнику указывалось: «выезд за границу австро-венгерских подданных мужчин может быть разрешаем лишь в возрасте менее 16 и более 50 лет»³³. И в данном случае Канцелярия Наместника на Кавказе относила эту ограничительную меру к подданным мужчинам Австро-Венгрии, не принимая во внимание дату их въезда в г. Баку.

На основе вышеизложенного можно констатировать, что, во-первых, Кавказская администрация усилила ограничительные меры в отношении подданных государств Тройственного союза, во-вторых, местные власти принимали самые строгие меры по реализации закона от 13 декабря 1915 г., о чем свидетельствует документ, выявленный нами в ГИА АР, в котором сказано: не подчинившиеся закону 13 декабря 1915 г. подвергаются административным и уголовным наказаниям – взысканию штрафа до 3000 руб. или заключению в тюрьму до 3-х месяцев. Эти меры должны были контролировать генерал-губернаторы, губернаторы, начальники областей, а также бакинский градоначальник.

Таким образом, в период Первой мировой войны российские власти, опасаясь «пятой колонны» на Кавказе, в том числе в Северном Азербайджане, постарались обезопасить важнейший промышленный и экономический центр Юга России – город Баку.

¹ Государственный исторический архив Азербайджанской Республики (далее – ГИА АР). Ф. 311. Оп. 1. Д. 792. Л. 8.

² Там же. Л. 18.

³ Там же. Л. 19.

⁴ Там же. Ф. 495. Оп. 1. Д. 124. Л. 15 – 15 об.

⁵ См.: Там же. Л. 15.

⁶ Там же. Л. 21.

- ⁷ Там же. Л. 20 об.
- ⁸ Там же. Л. 15.
- ⁹ См.: Там же. Л. 39.
- ¹⁰ См.: См.: Там же. Л. 22 об.– 23.
- ¹¹ Там же. Л. 78.
- ¹² См.: Там же. Л. 23.
- ¹³ См.: Там же. Л. 38.
- ¹⁴ Там же. Л. 23.
- ¹⁵ См.: Там же. Л. 41 – 41 об.
- ¹⁶ См.: Там же. Л. 78 об.
- ¹⁷ См.: Там же. Л. 78 об.
- ¹⁸ Там же. Ф. 46. Оп. 3. Д. 485. Л. 1.
- ¹⁹ Там же. Л. 44.
- ²⁰ См.: Там же. Ф. 46. Оп. 3. Д. 485. Л. 8, 8 об., 34, 34 об.
- ²¹ Там же. Ф. 495. Оп. 1. Д. 133. Л. 11.
- ²² Там же. Л. 7.
- ²³ Там же. Д. 124. Л. 93.
- ²⁴ Там же. Д. 133. Л. 7.
- ²⁵ См.: Там же. Д. 124. Л. 87.
- ²⁶ Там же. Д. 77. Л. 42.
- ²⁷ См.: Там же. Д. 130. Л. 13, 18.
- ²⁸ См.: Там же. Л. 15.
- ²⁹ См.: Вердиева Х.Ю. Переселенческая политика Российской империи в Северном Азербайджане. Баку, 1999. С. 138 – 140; Вердиева Х., Гусейн-заде Рауф «Родословная армян» и их миграция на Кавказ с Балкан. Баку, 2003. С. 74.
- ³⁰ См.: Наджафов Б. Лицо врага. История армянского национализма в Закавказье в конце XIX – начале XX в. Баку, 1993. С. 358 – 359.
- ³¹ См.: Наджафов Б. Указ. соч. с. 359.
- ³² ГИА АР. Ф. 495. Оп. 1. Д. 158. Л. 20.
- ³³ Там же. Д. 124. Л. 102.

НЕМЕЦКАЯ ЖЕНЩИНА-КРЕСТЬЯНКА БЕЛОРУССКОГО ВОСТОЧНОГО ПОЛЕСЬЯ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ СОВЕТСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД

В. П. Личуков

В межвоенный период Белорусское Восточное (Мозырское) Полесье являлось территорией компактного проживания основного количества всего немецкого населения Советской Беларуси. По данным Всесоюзной переписи населения 1926 г., из 7075 немцев, проживавших в БССР, 3356 человек (46,6%) приходились на Мозырский регион (3294 человека, в сельской местности и 62 – в городской). Большинство (69,2%) сельских немцев республики проживало на Мозырщине¹. Безусловно, в количественном отношении данная территория уступала обширным немецким анклавам в СССР – Республике немцев Поволжья, Украине, Сибири, Северному Кавказу (всего в Советском Союзе на 1926 г. насчитывалось 1 238 549 человек немецкой национальности – граждан СССР)². Но это не умаляет ее общекультурологической значимости. Более того, история и культура немцев именно белорусского Полесья до сего времени остается обделенной вниманием историографов немецкого населения СССР. «За лесом деревьев не видать...».

I. 1920-Е ГОДЫ: «KINDER, KÜCHE, KIRSCH» «Леса, болота и пески...»

Складывание местной немецкой общины началось с 1909 г. До этого немцы в основном жили на Украине (Волынь), где арендовали помещичью землю. После осложнения арендных отношений они переселились в соседнюю Мозырщину, купили землю у местного помещика Анзельмова. Во время Первой мировой войны многие немцы уехали из Мозырского Полесья. Помимо спасения от военных бедствий, это было вызвано также политикой российских властей по «очистке» приграничной полосы Российской империи от «неприятельских выходцев» – австрийских, венгерских и германских переселенцев. В 1915 г. в связи с приближением линии фронта рус-

ское военное командование издало приказ о выселении немцев-колонистов из прифронтовой полосы в 24-х часовой срок. Много немцев покинуло Полесье с уходящими кайзеровскими войсками в 1918 г³.

В результате вынужденных миграций немцев разбросало по различным местностям – внутренние российские губернии, Русский Север, Средняя Азия, Польша, Германия. После окончания войны, перехода от внутривнутриполитических коллизий (1917 г., гражданская война) к мирной жизни ситуация стабилизируется. Многие немцы приезжают обратно на Полесье, мужчины возвращаются из армии и германского плена, семьи воссоединяются. Жизнь нормализуется. К началу 1920-х годов немецкое население представляло собой значимое и самобытное этнокультурное явление в регионе.

С начала поселения на Полесье немцы жили колониями, состоявшими из отдельных хуторских хозяйств. В Наровлянском районе это были колонии: Березовка, Антоновка, Красиловка, Майдан, Осиповка, Хатки и Дубровская. В Каролинском (Ельском) районе: Анзельмовка (с 1929 г. переименована в Роза-Люксембург) и Наймановка. С середины 20-х годов и до конца 30-х в Советской Беларуси имелось 2 немецких национальных сельских совета, оба – на Мозырьщине: Березовский в Наровлянском районе и Анзельмовский (с 1929 г. им. Розы Люксембург) в Ельском районе.

Количество населения менялось в связи с естественным приростом и миграциями. Имеющиеся статистические данные, иногда противоречивые, дают возможность представить динамику немецкого населения в целом. Так, в Анзельмовском сельсовете немцев насчитывалось 612 из 911 человек всего населения по данным на 18 декабря 1926 г., в 1927 г. – 659 из 1007, в 1929 г. – 731 из 1068. В Березовском сельсовете в 1926 г. немцев было 1555 из 1656 человек всего населения. В 1927 г. в Наровлянском районе жили 1968 немцев, из них 1 483 человек – в Березовском сельсовете, 475 – в Хатовском. В 1929 г. в Березовском сельсовете немцев было 1431 из 1567 человек всего населения⁴.

Ареал компактного проживания немцев распространялся и на Лельчицкий район. По разным источникам, в 1925 г. здесь было от 183 до 215 человек немецкого населения. В 1931 г. в трех деревнях района – Дубницкой, Средних Печах и Дубровке – насчитывалось 33 немецких хозяйства (семьи)⁵. Компактные «островки» немецкого населения имелись и в Житковичском, и в Речицком районах (хутора Заходы).

Территория проживания немцев-колонистов Мозырьщины характеризовалась малоплодородными землями. «Леса, болота и пески» – так описывался регион в официальном документе. «Пахотные земли... состоят преимущественно из

щественно из оподзоленных супесков и песков, с высокими грунтовыми водами, которые во время выпадающих осадков совершенно затопляются. Расположены эти земли в низинах на бывших лесных вырубках в значительной части заболоченных, также заболочены все сенокосные угодья» – характеристика почвенно-климатических условий региона. Ирригационная система, создание которой началось до революции 1917 г., была запущена. Регион являлся зоной рискованного земледелия с малоплодородными почвами и низкими урожаями хлебных культур – 10 – 15 (по другим источникам – 25 – 30) пудов с гектара⁶.

«В хозяйственном отношении немцы стоят выше окружающего населения...»

Цитата, взятая из центральной газеты БССР «Звезда», номер от 26 июля 1923 г., адекватно оценивает экономическое положение немецкого сельского населения. Рыночная направленность хозяйств проявлялась в использовании породистого молочного скота. Коровы в немецких колониях давали до 18 литров молока (по данным на 1930 г.). Немцы держали так называемые «колониистские» («немецко-колониистские») породы – черную и красную «немецкие». Популярны были и метисы иностранных пород, например, швейцарских симменталов и др. Немецкая порода коров составляла значительную часть местного племенного скота. Для кормления коров колонисты все больше сеяли клевер, вику, выращивали овощи. Из других сельскохозяйственных культур были распространены рожь, овес, гречиха, горох. Для нужд семьи держались овцы и свиньи. Разводили домашнюю птицу⁷.

Основой немецкого хозяйства являлась корова. Она была основной кормилицей, а деньги, вырученные от продажи молочных продуктов, давали возможность купить все необходимое. В 1930 г. считалось, что наличие 2–3-х коров обеспечивает стабильное проживание семьи⁸. Высокая продуктивность немецких коров, большее их количество у немцев в сравнении с окружающим населением выгодно отличало немецкие хозяйства по критерию зажиточности. Корова в немецкой семье была объектом всеобщей заботы. Если у окружающего иноэтничного населения, в частности – белорусского – традиционно считалось, что хозяйственная прерогатива мужчин – это содержание лошади и труд с ее использованием, женщин – занятие коровой, то в немецких хозяйствах такого разделения не наблюдалось.

Высоким уровнем развития отличалась кооперация в среде немецких

крестьян-колонистов. Успешно функционировали молочные общества (артели) по производству сливочного масла, варке сыра, в том числе – голландского. К 1930 г. молочные общества немецких сельсоветов объединяли около 900 хозяйств. Официальный источник отмечал, что немецкое население охвачено обществами почти полностью⁹. В 1929/30 г. молочная кооперация Анзельмовского сельсовета выработала 88,7% всего масла, произведенного в Ельском районе¹⁰. А район насчитывал 14 сельсоветов.

Следствием стабильной хозяйственной конъюнктуры местных немцев являлось их активное и массовое участие в потребительской кооперации. Так, в 1926 г. потребительское общество «Культура» Анзельмовского сельсовета состояло из 587 пайщиков, в том числе – 125 женщин; в 1927 г. – 632 пайщика, из них – 134 женщины¹¹.

«Быт патриархальных времен...»

Это официальное определение характера традиционной жизни немцев в 1920-е годы, безусловно, тенденциозно. Оно обусловлено своеобразием немецкого этнокультурного комплекса в местном национально-культурном контексте, его часто непонимаемой нетипичностью. К сожалению, недостаток репрезентативных этнографических материалов затрудняет максимально объективное и всесторонне освещение сюжета. Поэтому мы можем восстановить картину лишь в общем. При этом использованы архивные материалы и устные сведения Верман Берты Карловны (немка, 1931 г.р.), Скоростецкой Нины Михайловны (белоруска, 1924 г.р.) – обе уроженки д. Анзельмовка, Фендач Анастасии Станиславовны (чешка, 1931 г.р.) – уроженки д. Березовка.

Дома (по местному – «хаты»), как правило, были срубного типа, из осины (поскольку она устойчива к гниению) и ольхи. Крыши крылись гонтом. Дом и основные хозяйственные постройки находились под одной крышей. Как отмечают информаторы, во дворе был полный порядок, трудно было найти лишнюю травинку. Усадьбы ограждались живой изгородью – елями, вербами. Таким образом сад оберегался от заморозков. Дерево в качестве топлива экономили, печи зимой топили слабо, согревались перинами. Для их изготовления разводили гусей, которых во время холодов могли держать в доме. В целях экономии в качестве подстилки для коров использовали листья деревьев, а не солому.

Повседневной одеждой немцы практически не отличались от окружающего населения. В пище для приготовления многих блюд использовали гу-

синый жир. Традиционным было употребление сливочного масла, сыра. Распространенным блюдом были клецки. Анастасия Фендач вспоминает, как немцы вечером после всех хозяйственных работ ели картофельные блинчики («драники» – белорусское национальное блюдо) и пили кофе (как правило, морковный), летом сваренный на плите возле дома.

Для определения количественного состава немецкой семьи нами были использованы статистические данные по Роза-Люксембургскому сельсовету на 1934 г.¹² и анкеты арестованных немцев из следственных дел за 1932 – 1941 гг.¹³. В первом случае в 136 учтенных семьях насчитывалось 760 человек (одиночки не учитывались). В семьях было от 2 до 11 человек. В среднем на семью приходилось 5,6 человека. Во втором случае в 90 семьях было в целом 460 человек. Семья в среднем составляла 5,1 человека.

Браки у немцев, как правило, были одноэтничные. Свадьба предварялась обрядом сватовства и приглашения гостей. Он был столь экзотичен для местного иноэтничного населения, что упоминается даже в официальном отчете Каролинского райкома КПБ за 1926 г.: «Перед свадьбой виновник торжеств – жених – садится верхом на маленькую разукрашенную лошадку и въезжает прямо в комнату, приглашая хозяина в гости»¹⁴. Аналогично сват на украшенной лентами и цветами маленькой лошади заезжал и разворачивался в доме молодой, в котором хозяином были открыты все окна.

Показателем устойчивости традиционной этнической культуры является ономастика. Рассмотрим динамику женского именника местных немцев. Для этого сделаем выборку женских имен ряда семейств (по уже обозначенным анкетам арестованных немцев): Абрам, Альбрехт, Бернт, Бубольц, Вернер, Витлиф, Гамарник, Гайн, Ганерт (Генарт), Гафке, Герзекорн, Гессе, Гинкельман, Гинц, Гоппе, Грапотин, Грасс, Домке, Доберштейн, Есвайн, Заржицкий, Кин, Крейнинг, Кошуба, Кренц, Кроль, Крон, Кукук, Куцке, Кутят, Лангус (Лянгос), Лейске, Либренц, Малон, Марон, Мац, Миллер, Мительштедт, Найман, Рац, Рейдер, Ренерт, Решке, Руди, Тимник, Турек, Шамуль, Шмидт, Шнайдер, Штайнбах, Шот, Штрайх, Фаль, Ферле, Фрихерт, Цайхнер, Элерт, Эцингер, Ябс, Янишевский, Янц.

Первый период. Имена родившихся до 1910 г., т.е. до времени начала складывания местной компактной немецкой общины. Это – имена немкоммигрантов. В данном случае 85 немком разных возрастов представлены 31 именем. Приведем эти имена с указанием количества людей, их носивших: Августа, Ольга – по 9 женщин, Альвина – 6, Эмилия – 5, Эмма, Матильда, Марта – по 4, Паулина, Отилия, Амалия, Анна, Лидия, Ульда, (Гульда) – по 3, Берта, Герта, Эрна, Ванда, Каролина, Мария, Иоганна, Тереза –

по 2, Теофила, Софья, Адина, Эринстина, Христина, Сусанна, Фрида, Адолина, Антонина, Екатерина – по 1.

Второй период. Имена родившихся с 1920 по 1929 г. В этом случае 97 немок представлены 37 именами: Ида – 10, Ольга – 8, Эльза – 7, Эмма, Альмида (Альма) – по 5, Адолина, Берта, Лидия, Фрида – по 4, Анна, Марта, Отилия, Тереза, Эрн – по 3, Альвина, Антонина, Зельма, Герта, Мария, Милита, Софья, Эстер – по 2, Атона, Августа, Альфрида, Дина, Гульда (Гильда), Зента, Клара, Лилия, Маргарита, Матильда, Мета, Марихем, Паулина, Рута, Элизабет – по 1.

Третий период. Имена родившихся, начиная с 1930 г. В данном случае 45 немок представлены 26 именами: Ольга, Ида, Зента – по 4, Герта, Зельма – по 3, Альмида (Эмильда), Берта, Марта, Теофила, Эльза, Эмма, – по 2, Агнесса, Анна, Гульда, Валентина, Леокадия, Лидия, Лиза, Мильда, Мейта, Наталия, Одина, Отилия, Татьяна, Фрида, Эрн – по 1.

В целом представляется картина значительного многообразия немецких женских имен с устойчивым характером некоторых из них на протяжении длительного периода. При этом практически отсутствовала трансформация именной модели в именник окружающего этнического большинства.

Характерной чертой традиционной этноконфессиональной культуры немцев являлась высокая и устойчивая религиозность. Большинство немцев-колонистов были лютеранами, меньшая часть принадлежала к доминациям евангельских христиан и христиан-баптистов. В Мозырском округе немцы-баптисты и евангельские христиане количественно уступали лишь основному населению – белорусам. К тому же развитие так называемой «сектантской» церкви у местных белорусов получило сильный импульс от немцев-переселенцев в начале XX в.¹⁵

В жизни немецкой женщины религия являлась ее составной частью, во многом – основным смыслом ее существования. Даже по внешнему – количественному показателю женщины-«сектантки» не выглядели пассивней мужчин-сообщников. Так, по официальным данным, в 1929 г. в Анзельмовском сельсовете из 371 немца в возрасте от 18 лет и больше как «религиозные» – лютеране и сектанты – были зарегистрированы 269 человек (139 мужчин и 130 женщин). При этом отмечалось, что число занижено, так как не все верующие регистрировались¹⁶. С начала 20-х годов в колонии Наймановка имела община евангельских христиан «Heim der Brüder» («Святой дом»), называли себя «Святые братья». Местные немцы-лютеране называли ее «Hopsbrüder» («Прыгуны»). В 1929 г. из 25 зарегистрированных в ней человек было 14 женщин¹⁷.

Жизнь религиозных общин представляла собой хорошо отлаженный механизм. «Каждое воскресенье все от мала до велика ходят в церковь», «в простом доме выстроена кирха, которая каждый праздник бывает переполнена народом» – свидетельствуют официальные отчеты властей. При общинах работали хоры, оркестры духовых и смычковых музыкальных инструментов. Их собрания с хором и оркестром привлекали к себе людей. Большое внимание уделялось религиозному обучению и воспитанию детей в воскресных школах при общинах. Например, в Березовском сельсовете в 1929 г. работали 4 такие школы. Верующие немцы поддерживали тесные связи с единоверцами из Германии, США, Канады, различных регионов СССР. Особенно в этом плане выделялись баптисты. Неоднократно на Мозырщину приезжали немецкие баптисты-проповедники из Украины – Фриц, Гартман и др. Периодически местную лютеранскую общину посещали немецкие пасторы – Кениксфельд из Киева, Улле из Житомира. Они проводили службы, венчали, выдавали справки о рождении ребенка, конфирмации, выполняли другие религиозно-церковные функции. Необходимую религиозную литературу – Библии, песни, псалмы верующие получали из соответствующих заграничных центров, из Москвы и Одессы. Значительная часть литературы была дореволюционного издания¹⁸.

«Замкнутость на национальной и религиозной почве»

В жизни местных немцев явственно прослеживается крестьянская приземленность, окрашенная национальным колоритом традиционной культуры и проникнутая высокой религиозностью. Она проходила в своем выверенном времени социокультурном формате – семья, кирха, молитвенный дом, в силу хозяйственной необходимости – молочное общество, кооперация, рынок. Все это давало основание властям характеризовать жизнь немецкой общины как «консервативную», «замкнутую».

Немецкие мужчины в социальном плане были значительнее, динамичнее женщин. Это вызывалось их статусом хозяина семьи, выполнением необходимых социальных коммуникативных функций. Немецкая женщина жила в более замкнутом мире – «Kinder, Küche, Kirche». И если мужчины, проживая долгое время среди белорусского населения, как правило, плохо владели белорусским и русским языками, особенно письменностью, то женщины-немки почти все не понимали этих языков. Официальный документ 1925 г. свидетельствует, что «женщины говорят исключительно на немецком языке». Аналогичная картина прослеживается в это же время и на соседней украинской Волини¹⁹.

Женщина-немка и любая общественная деятельность были несовместимы. «Женщине не место на собраниях» – убежденность немцев-мужчин²⁰. Женщины поддерживали это мнение. Так, в 1929 г. в Анзельмовском сельсовете немки наотрез отказались от создания так называемого «делегатского собрания». Немки заявили, что «женщина не должна быть равной мужчине, что жена должна слушать своего мужа, что – сами (власть. – В.П.) не можете справиться с работой и женщины вам тоже ничего не помогут». Аналогично провалилась попытка создания национального немецкого делегатского собрания в том же 1929 г. в Наровлянском районе. Официальный источник отмечает, что «сами женщины не желали быть делегатками. Два раза созывалось собрание женщин Клесинских хуторов (Березовский сельсовет. – В.П.) по вопросу выборов делегатов, но таковые в большинстве не явились»²¹.

В составе немецких сельсоветов в 20-е годы местных женщин-немок, как правило, не было. Избирательные кампании проходили при их минимальном участии. Так, по данным центральной газеты «Савецкая Беларусь» от 16 января 1931 г., в Березовском сельсовете в 1930 г. на собрании по перевыборам членов сельсовета из 362 женщин-избирателей приходили по 9 – 10 человек. Это соответствовало индифферентному отношению немецкого населения к советскому официозу в целом. По данным специальной комиссии ЦИК БССР, в Березовском немецком нацсовете на собраниях избирателей присутствовало 32% от их общего количества, при этом женщин – только 3%²².

Адаптируясь в целом к политическому режиму, немцы по большому счету с апатией и безразличием относились ко всему, не связанному с их семейным благополучием, с потребностями жизнедеятельности их общины. В 20-е годы у власти не было оснований обвинять немцев в политическом противостоянии. «Разные кампании и задания Советской власти выполняются с немецкой аккуратностью» – официальная точка зрения в 1931 г.²³. Однако с усилением командного, насильственно-репрессивного стиля руководства росло латентное противостояние немцев режиму.

Усиливалось настороженно-отстраненное отношение немецкого населения ко всем организациям и структурам, олицетворявшим власть. По официальной линии констатировалось, что «к коммунистам и комсомольцам отношение немцев весьма недоброжелательное», «в недостаточной степени симпатизируют членам партии». Из местных немцев в партии и комсомоле никто не состоял, это были немцы приехавшие и присланные. Аналогично немцы дистанцировались и от других общественных организаций. В

следственных материалах НКВД 1932 г. по делу «контрреволюционной группировки» немцев Роза-Люксембургского сельсовета подчеркивалось, что «при проведении группой работы против сельсовета и других кампаний, ею для большего влияния на немецкое население использовались женщины». Приводится факт активного выступления жен Юлиуса Крейнинга, Эдуарда Доберштейна и др. против кандидатуры комсомолки Газман (еврейка по национальности. – В.П.) при перевыборах сельсовета в 1927 и 1930 гг. Названные женщины якобы заявляли, что «комсомолки ничего делать не могут, исключая лишь только то, что спать с нашими мужчинами». В итоге Газман в состав сельсовета не прошла²⁴. Комсомол и женщина для немцев являлись противоестественным альянсом.

В конце 20-х годов популяризируется официальное мнение об «очень напряженных» взаимоотношениях между немцами и остальной частью населения, о развитом немецком «шовинизме», об отсутствии контактов на бытовой почве. В качестве доводов приводились эпитеты, даваемые немцами белорусским крестьянам, – «grauen» («серый»), «Wickelfußer» («лапотник»), «мужик». В официальном изложении речь шла даже о «национальной ненависти» со стороны немцев, вызванной фактом расхищения их имущества местными крестьянами после депортации колонистов в 1915 г., «не изжитой еще и до настоящего времени» (речь идет о 1930 г. – В. П.)²⁵. Корректней вести разговор о неприятии немцами белорусского социума в той его части, которая являлась субъектом режима, послушным исполнителем политики, не одобряемой немцами.

В целом в 1920-е годы немецкая женщина находилась в тени от «мужских игр». В этот период она еще соответствовала хрестоматийному кредо – «дети, кухня, церковь». Ее сакральное пространство ограничивалось домом, семьей, куда официальная идеология и культура не пробивались.

II. 1930-Е ГОДЫ: «НЕМЦЫ НЕ ВПРЯГЛИСЬ В ОБЩЕЕ СТРОИТЕЛЬСТВО СОЦИАЛИЗМА В НАШЕЙ СТРАНЕ ...»

Неприятие насильственного «счастья»: коллективизация сельского хозяйства и немцы

Коллективизация сельского хозяйства круто изменила жизнь немецкого населения. Немцы стойко не желали коллективизировать свои хозяйства. Так, к концу 1928 г. в Березовском сельсовете «вопрос о коллективизации не ставился». «Население за последние годы пообстроилось, несколько укрепило свое экономическое положение и сейчас абсолютно ничего не хочет

знать об объединении в коллективы. ... Приверженность к индивидуальности-собственническому хозяйству у немцев значительно сильнее, чем у прочего населения» – официальная информация на начало 1930 г. К весне 1930 г. в Березовском и Роза-Люксембургском сельсоветах прошло до 20 собраний по вопросу коллективизации с участием районных и приезжавших из Минска советско-партийных работников. «Однако голосование за организацию сельхозартелей всегда давало одни и те же результаты: почти единогласное голосование против. Мало того, немецкое население не хочет слушать и бесед о колхозах и всякое упоминание о последних возбуждает у них недоверие»²⁶.

Большое значение при «втягивании немецкого крестьянства в колхозы» придавалось и «женскому фактору» – «усилить активность трудящихся женщин, чтобы они являлись застрельщиками коллективизации». С этой целью власти пытались использовать различные формы работы среди немок-крестьянок. Так, в 1932 г. Национальная комиссия ЦИК БССР организовывала экскурсию «трудящихся немцев БССР» в Республику немцев Поволжья. Для Лельчицкого района была выделена одна единица – для женщины-немки. При этом отмечалось, что «для выдвижения кандидатур для посылки на экскурсию необходимо подойти со всей серьезностью и выдвинуть лучших проверенных товарищей, которых бы по возвращении с экскурсии можно было использовать как актив в деле передачи опыта в развертывании коллективизации среди трудящегося немецкого населения»²⁷.

Но немецкая женщина не подходила для роли некоего социального «фактора». «Когда учительница ... в сельсовете им. Розы Люксембург пытается прочесть женщинам про колхозы, про выгоды последних для улучшения положения женщины, то последние или не хотят слушать, а иногда попросту расходятся»²⁸ – характеристика властей типичного отношения женщины-немки к коллективизации. Какая немка-хозяйка могла добровольно допустить, чтобы ее коровы находились на каком-то «обобщественном» содержании? «У немцев нет колхоза и как на диво все колхозы, находящиеся в соседстве с немцами, находятся в безхозяйственном положении» – отмечалось в отчете по результатам обследования Наровлянского района инструктором ЦИК БССР в феврале 1931 г.²⁹.

Колхозное устройство было не совместимо и с глубокой религиозностью немцев. Так, немцы-баптисты проповедовали, что каждый, кто вступит в колхоз, будет иметь «печать на лбу». Эта аллегория, воплощавшая негативное отношение к контактам с официозом (отказ от различных подписей, паспортов, «запечатывания» договоренностей), в первую очередь подейст-

вовала на женщин. Среди них распространилось мнение, что «в колхозах будут насильно заставлять отказываться от религии». С Украины доходили слухи о якобы изданном властями приказе, по которому «вступающие в колхоз могут 3 месяца верить в бога, а после должны отказаться от веры». Немцы интересовались у представителей власти – «а можно ли организовать религиозный колхоз?». Жена баптиста Лапса (кол. Хатки) в начале 30-х годов предостерегала женщин от вступления в колхоз: «Лучше умереть с голоду, потому что там могут заставить идти против религии»³⁰.

Так же как немцы не могли понять начавшегося с конца 20-х годов неприкрытого насилия власти над религией, так не принимали они и некоторых нововведений. «Приезжает какой-либо работник в колонию и объясняет, например, что в коллективах (колхозах. – В.П.) будут ясли, куда матери будут сдавать своих детей на день, немцы, поняв, что у них совсем отнимут детей – «пришли в ужас» – из официального документа за 1930 г. Детских ясель немецкая женщина не хотела, они противоречили ее традиционному представлению о характере семейного воспитания. Так что «освободить женские рабочие руки для колхоза» не получалось³¹.

Превращение немецкого крестьянина в советского колхозника происходило с трудом. В атмосфере нажима власти на сельских немцев усиливается личная позиция немецких женщин по противостоянию насилию, по защите своей семьи и собственности. Данное явление уже не совместимо с прежним образом местной немки – замкнутой на семье, покорной и послушной. Весной 1931 г. у жителя Роза-Люксембургского сельсовета Юлиуса Крейнинга за неуплату налога изъяли хозяйство. Сам хозяин, не дожидаясь ареста, скрылся. За изъятием наблюдали односельчане – Август и Юлиус Лянгосы. «Жены же вышеуказанных лиц начали избивать подводчика и бросаться с палками на представителя РИКа, в результате изъятие было приостановлено и представитель РИКа был вынужден вернуться в РИК за милицией». Осенью 1934 г. в отчете Ельского НКВД отмечалось, что единоличник кол. Наймановка Эдуард Вольф свое отношение к коллективизации «скрывает, но его дочь в разговорах высказывалась: «Лучше мы с последней коровой расстанемся, на улице помрем, но в колхоз не пойдем». Зимой 1935 г. жена Райнгольда Баумана заявляла: «В колхоз я ни за что не пойду, мой муж подал заявление в колхоз лишь для того, чтобы к нам не придирались»³².

Для немцев-мужчин женщина иногда выступала в качестве слабого, но все же «громоотвода» от гнева властей по факту отказа «коллективизироваться». В 1934 г. Фридрих Гайн и Райнгольд Драт – жители д. Роза-Люксембург мотивировали свое невступление в колхоз тем, что их ругают и не

пускают жены». Мол, женщина, что с нее возьмешь. Однако она – хозяйка, жена, мать и нужно мириться с ее мнением.

Моральную опору женщина искала в религии. Религиозная вера являлась жизненным стержнем, осознанием чувства локтя, женской корпоративности. В 1935 г. на общем собрании жителей кол. Майдан баптистка Гартвиг заявила Розалии Шот, вступившей в колхоз: «Ты дура, ты же продала свою душу ... и мы, сестры, тебя в свою среду принять уже не можем. Но если ты откажешься и выйдешь из колхоза, то мы еще более будем богу угодны»³⁴.

Арестованный 23 июня 1941 г. за «религиозную антисоветскую деятельность» житель д. Роза Люксембург Август Грасс показал на допросе 16 января 1942 г. в Новосибирске, что его невступление в свое время в колхоз объясняется нежеланием матери – Грасс Отилии. «Мать была религиозно убежденная ...». А до ее смерти в январе 1941 г. она являлась главой хозяйства. Даже мертвая женщина защищала своего ребенка³⁵.

Власть ломала крестьян, принуждая их вступать в колхозы. Арестовывались хозяева-мужчины, вся тяжесть крестьянской работы ложилась на женские плечи. Арестовывались и женщины. Так, в 1933 г. хозяйство Иоганна Эсвайна из кол. Березовка «за невыполнение обязательств перед государством» было конфисковано. Сам Иоганн был вынужден скрываться, а его жена Августа за невыплату налогов была осуждена на 5 лет тюрьмы. В том же 1933 г. были осуждены на заключение в исправительно-трудовые лагеря (ИТЛ) сроком от 5 до 10 лет их сыновья: Эдмунд (в возрасте 31 год), Адольф (25 лет), Павел (20 лет) за агитацию среди немцев против коллективизации. Остались сын 16 лет, невестки, грудной внук³⁶.

Число немцев, единолично ведущих свои хозяйства в отсутствие мужчин-хозяев, увеличивалось. Осенью 1934 г. Альвина Бубольц из д. Роза Люксембург имела: 4 коровы, 2 телки, 1 лошадь, 2 единицы мелкого скота. При этом на ее иждивении после ареста и осуждения на 3 года ИТЛ (осень 1933 г.) мужа Юлиуса находились 5 детей: дочь Эльза 19 лет, сыновья – Эдвард (12 лет), Рудольф (10 лет), Эмиль (8 лет), Август (4 года). А женщине было 40 лет ...³⁷.

Несмотря на все невзгоды, немцы держались за свою, пусть и трансформированную властями, но все же хозяйственную самостоятельность. По официальным данным в Роза-Люксембургском сельсовете в 1932 г. было «коллективизировано» 25 крестьянских хозяйств – 10% от всех хозяйств сельсовета. При этом в колхозах не было ни одной немецкой семьи. В 1933 г. в колхозах находилось 38 хозяйств – 17,5% от общего количества, в том числе одно немецкое хозяйство. В ноябре 1934 г. – 87 хозяйств (41,4%), из них – 30 немецких. В Наровлянском районе в 1934 г. из 430 не-

мецких семей в колхозах находилось 46, причем 28 из них вступило в колхозы в этом же году. С удовлетворением отмечаемый властями «надлежащий сдвиг – перелом по коллективизации немецкого крестьянства» в 1934 г. был вызван массовыми репрессиями немецкого населения с осени 1933 г. и голодом 1932 – 1934 гг.³⁸.

«Немцам в СССР делать нечего ...»: эмиграционные настроения

До конца 1920-х годов эмиграция местных немцев в принципе была довольно обычным делом. Люди выезжали в Германию, США. Тяготение в близкую и родственную Германию сдерживалось экономическими трудностями Веймарской республики. Изменение политической обстановки в СССР с конца 1920-х годов, выразившееся в нарастании тоталитарно-репрессивных тенденций, по сути своей изменило отношение немцев к эмиграции. Из возможной она становится жизненно необходимой. «Быстрый рост колхозного строительства привел к взрыву эмигрантских настроений среди немцев-колонистов» – отмечалось в докладной записке местного ГПУ в 1930 г. Многие немцы стали получать письма от родственников в Германии и Америке с приглашениями о выезде³⁹. Как немецкое население все более становилось для властей «неудобным этносом», так и власть для немцев все более олицетворялась с насилием.

В период 1930 – 1932 гг. в немецких колониях неоднократно проходили многоярусные собрания, обсуждавшие возможность выезда в Германию. Избирались делегаты для обращения в германское посольство в Москве и консульство в Киеве, собирались деньги для их проезда. Однако – безрезультатно. В конечном счете немцам разъяснили, что получить иностранные паспорта, визы и выехать могут только граждане Германии⁴⁰. Таковых практически не было. Немцы не могли знать, что еще 24 января 1930 г. по линии ОГПУ БССР была спущена директива «решительно пресечь эмиграционное движение», которое квалифицировалось как «особая форма антисоветского движения»⁴¹. Немцам оставалось еще больше уйти в себя, во «внутреннюю эмиграцию».

Голод 1932 – 1934 гг., миграции, германская благотворительная помощь

В начале 30-х годов ряд регионов СССР – Украину, Северный Кавказ, Кубань, Поволжье, Северный Казахстан, Южный Урал, Западную Сибирь постиг страшный голод. Территория Мозырского Полесья начиная с 1932 г. также была поражена голодом. В заболоченной местности при отсутствии

ирригационной системы в случае обильных осадков и осенне-весеннего половодья вымачивались посевы, затоплялись сенокосы. В результате, как отмечалось в докладной записке советско-партийного руководства Наровлянского района в ЦК и СНК БССР от 12 февраля 1934г., – «недород, поражающий южную часть района уже 4 года». При этом – «если в прошлые годы и в 1933 г. наибольшие обострения продовольственных затруднений мы имели весной и летом, то сейчас ... значительная часть (20 – 30 %) населения уже в январе – феврале не имеют хлеба и картофеля»⁴².

Власти, естественно, не могли признать, что основная причина голода была не экологическая, а социальная. После выполнения обязательных поставок сельскохозяйственной продукции государству к тому же в условиях «недорода» и у колхозников, и у единоличников практически не оставалось средств для существования. Многие немецкие семьи находились на грани голодной смерти. Трагизмом и безисходностью наполнены строки документа «Список граждан по Роза-Люксембургскому с/с, у которых не будет хлеба и картофеля до нового урожая 1935 г.», составленного осенью 1934 г. Из 16 семей списка 15 – немецких, из которых 7 – без хозяина («муж осужден по линии ГПУ», «муж расстрелян», «муж умер»), т.е., на женских плечах. Отмечается отсутствие лошадей и семян для посева, у многих – коров. А в семьях – дети. У Герман Эмилии – 5 душ семьи, у Элерт Софии – 7, у Герман Петруси – 5, у Эбергарт Марты – 3, у Эбергарт Агаши – 3, у Мац Ванды – 8, у Вайс Иоганны – 7⁴³.

Массовый выезд немецкого населения отмечается с весны 1933 г. Так, в 1932 г. в Роза-Люксембургском сельсовете насчитывалось 142 немецких двора, в 1933 г. – 110. В январе 1934 г. власти отмечали, что по Наровлянскому району 400 крестьянских семей «находятся в состоянии кочевого населения», с осени 1933 г. по февраль месяц 1934 г. из района выехало около 500 единоличных хозяйств. Значительную их часть составляли немцы.

Переселялись в Сибирь, на Украину – к родственникам, в места компактного проживания немецкого населения. В 1935 г. отмечается устойчивая практика переселения на Северный Кавказ, в Республику немцев – Поволжья. Официальные источники свидетельствуют, что часто немцы «ночью внезапно выезжали, оставляя свое недвижимое имущество на произвол судьбы». С согласия властей выехать было практически невозможно. Иногда мужья уезжали раньше, а уже потом женщины с детьми. Многие возвращались, не найдя лучших условий для жизни, либо на некоторое время, как Найман Герберт с женой, приехавшие летом 1933 г. «специально с целью убрать урожай озимого и уехать обратно»⁴⁵.

В связи с голодом активизировалась помощь немцам, проживавшим в СССР, в том числе и на Мозырщине, со стороны зарубежных, в первую очередь германских организаций – «Братья в нужде», «Общество по оказанию помощи братьям в России», «Союз зарубежных немцев». Инициаторы на местах собирали заявления-просьбы и отвозили их в германское посольство в Москве и консульство в Киеве. Типично содержание одного из заявлений-просьб: «Прошу обратить на мою просьбу внимание и дать мне помощь, так как мы сегодня умираем с голоду, нас Советская власть мучает, гонит в колхоз, но мы не идем, над нами издеваются, считают врагами, ... прошу поддержки, чтобы не умереть с голоду, я верующий». Заявления были персональные и коллективные. Германские диппредставительства через соответствующие организации в Германии организовывали денежные переводы (разовый перевод составлял около 8 немецких марок) и продуктовые посылки адресатам по линии «ТОРГСИНа». Помощь могла быть многообразной.

Акция по получению помощи приобретала массовый характер. К февралю 1934 г. около 75 % всех немецких семей Березовского сельсовета регулярно получали денежные переводы, к апрелю месяца этого же года – 80% немецкого населения Наровлянского района. В Ельском районе обращение за помощью, начавшееся в сентябре 1933 г., к февралю 1934 г. охватило 95% немецкого населения. Для советского режима формировался устойчивый образ местных немцев как «внутреннего врага». Этот процесс усугублялся и внешнеполитическим фактором – приходом к власти в Германии национал-социалистической партии. Поэтому кампания гуманитарной помощи была квалифицирована советской властью и органами ОГПУ как «антисоветская», как «метод обработки немецкого населения на сторону Германии». Ее активистам инкриминировалось участие в «немецкой фашистской организации, созданной по заданию германских дипломатов» и ориентированной на «срыв всех мероприятий Советской власти и особенно коллективизации». Были произведены аресты и 20 немцев – жителей Наровлянского и Ельского районов в феврале-марте 1934 г. осуждены на заключение в ИТЛ на сроки от 3-х до 8 лет⁴⁷.

Однако 1934 г. ознаменовался ростом движения за получение помощи. Кроме немецкого населения в нем уже участвовали местные белорусы, украинцы, поляки, чехи. Движение охватило соседние с Наровлянским и Ельским Хойникский, Брагинский, Мозырский, Комаринский районы, сбор заявлений производился более чем в 30 населенных пунктах, охватив около 1000 семей. По данным на осень 1934 г. население 12 сельсоветов Наровлянского района участвовало в этой кампании⁴⁸.

Женщина-немка не осталась в стороне от борьбы за выживание в сложившихся экстремальных условиях, проявляя активное и действенное неповиновение официальному насилию. Если раньше ее функция в кампании обращения за помощью была пассивной – обсуждение с родственниками и подругами самого явления, согласие с мужем в необходимости подачи заявлений, их написание, то в 1934 г. она активно участвует в кампании. Женщины становятся агитаторами движения, сборщиками заявлений, отвозят их в Москву, Киев, во многих случаях заменив арестованных мужчин, – из полесской глуши, не зная хорошо русского языка. Бауман Августа, Кошуба Матильда, Тейза Матильда, Банзиммер Августа, Эберт Эмма – далеко не полный ряд немок, проводивших эту нелегкую и опасную работу. Они не только осознавали возможные последствия их подвижничества, но и ощущали их в связи с арестами мужей, братьев. По-женски обостренно ощущая трагедию голода, немки выходили за рамки своей этнической среды, работали среди иноэтничного населения. Некоторые из них неоднократно посещали германские консульства. Женщины разных возрастов и судеб – Тейза Матильда, 26 лет, Банзиммер Августа, 39 лет, в 1933 г. уже была под следствием ОГПУ за связь с германским консульством, вдова, 5 детей в приюте... 24 декабря 1934 г. был вынесен судебный приговор 15-ти арестованным участникам кампании обращения за помощью. Тейза Матильда и Банзиммер Августа были приговорены к 8 годам ИТЛ. Отметим, что почти все осужденные мужчины полностью признали вменяемую им «антисоветскую, контрреволюционную деятельность». Сильные мужчины ломались под моральным прессингом и физическим «воздействием» следователей. Банзиммер Августа признала себя виновной частично...⁴⁹

В 1935 – 1936 гг. органы ОГПУ «добирали» оставшихся активистов кампании за получение помощи с возбуждением против них уголовных дел и вынесением карательных приговоров. Женщина не была исключением в этой безжалостной мясорубке.

III. ЗЕМЛЯ, НЕ СТАВШАЯ РОДНОЙ...

По большому, человеческому счету немецкая крестьянка Мозырщины не так уж много и хотела от жизни. Выйти замуж, рожать и воспитывать детей, жить в возможном достатке, блюсти национальные традиции, почитать церковь. Она вращалась в эту землю. Но в тоталитарном обществе – грош цена личности, индивидуальности. Тем более если имеется малейшее несогласие, сопротивление насильственному производству обезличенного, покорного «усредненного индивидуума».

С конца 1920-х годов страх и отчаяние витали над полесской землей. Постоянные аресты среди немецкого населения как средство сломать человека, заставить немцев вступать в колхозы, предотвратить их выезд в Германию, «выбить» наиболее авторитетных, отстаивающих собственное видение жизни сообщников, лишить верующих их руководителей. Особенно страшным временем был 1937 – начало 1938 г. Кровавый конвейер арестов буквально выкашивал местное мужское немецкое население. Достаточно было быть немцем, чтобы с большой степенью вероятности в глазах ОГПУ выглядеть «активным участником немецко-фашистско-шпионско-вредительско-диверсионно-повстанческой организации» – название одного из многих сфальсифицированных «дел» 1937 г. по немцам Мозырьщины. Преобладали расстрельные приговоры.

Но и в этих условиях женщина-немка выражала свой посильный протест насилию, сопротивлялась. В 1935 г. жительница кол. Березовка Бауман (Августа? – **В.П.**) заявила: «Я опять получила марки из Германии и буду получать в дальнейшем... никогда от них не откажемся». Будучи осужденной, после отбытия наказания она вернулась домой и, по оценке местных властей в 1937 г., «еще больше ведет контрреволюционную работу, переписку с Германией и др.»⁵¹.

Немцы, вынужденные сотрудничать с властью, в возможных случаях выбирали из своей среды лиц авторитетных, пользующихся доверием односельчан. И здесь ломается прежний стереотип общественной пассивности немецкой крестьянки. В переизбранный в 1934 г. Березовский сельсовет вошли 25 человек – 16 мужчин и 9 женщин. Среди женщин были 5 немки: Цимерман Фрида, член компартии Германии, учительница и 4 крестьянки – Вульф Августа, колхозница; Эртман Эльза, колхозница; Драер Лида, недавно вступившая в колхоз; Маркват Ольга, единоличница. Как отмечал начальник Наровлянского районного отделения НКВД, немки-крестьянки вошли в число членов сельсовета – «людей чуждой прослойки, связанных с фашистскими комитетами помощи Германии, сектантов и имеющих родственников репрессированных», избранных вопреки предложенным властями кандидатурам⁵².

Несмотря на репрессии в отношении церкви, немцы не только не отrekliсь от религии, но она еще больше консолидировала их. Усиливалась позиция «принять любые лишения за веру». К осени 1935 г. власть закрыла кирхи и молитвенные дома. В условиях гонений, арестов происходит сплочение, фактически объединение лютеранских и евангелистских общин на этнической основе. Так, в материалах следствия НКВД в 1936 г. по факту существования подобной «секты» в Березовском сельсовете с 1935 г. от-

мечалось, что «сначала в секту втягивались женщины», «использование сектой религиозных чувств немецкого населения для проведения антиколхозной работы особо прививалось среди женщин, которые считали несовместимым быть в колхозе, не покидая религию». Соборания верующих проходили нелегально, в лесу, с наступлением холодов – по домам. Места встреч по соображениям конспирации менялись, оповещение о времени и месте собрания осуществляли женщины. Собирались верующие, как правило, в домах, где хозяйки-женщины, так как, мужья были репрессированы. Власть с тревогой отмечала «активизацию сектантских группировок» среди немецкого населения в 1936–1937 гг.⁵³.

Эволюция отношения немецкого населения к власти характеризовалась усилением антисоветских настроений. Осенью 1934 г. начальник Ельского районного отделения НКВД констатировал, что немцы «в большинстве к мероприятиям Советской власти относятся враждебно, выполняя таковые лишь под нажимом». В 1936 – 1937 гг. власти уже отмечают «пропаганду за Гитлера». Немка-единоличница заявила: «Я бы хотела, чтобы лучше Гитлер пришел». Другая немка на собрании при обсуждении вопроса о политических заключенных за границей спросила: «А кто помогает нашим заключенным?» и она же – «Гитлер хороший человек, он наш»⁵⁴.

В самом начале Великой Отечественной войны, 23 июля 1941 г., в Роза-Люксембургском сельсовете были арестованы 6 немцев-мужчин и одна женщина – Найман Герта «за систематическое проведение антисоветской агитации, ... под предлогом проведения религиозных обрядов устраивали контрреволюционные сборища, где совместно проводили антисоветскую деятельность». В действительности же «сборища» представляли собой чтение религиозных книг, пение религиозных текстов, в том числе и у постели больных женщин. Но – религиозных! К тому же – на немецком языке! А здесь – начало войны с Германией. Арестованные были вывезены в Новосибирск, где в тюрьме и проходили допросы. Найман Герта так и не признала обвинений в антисоветской деятельности. «...При похоронах я читала религиозные книги и пела песни религиозного содержания, как это у нас немцев принято (подчеркнуто нами. – В.П.), то об этом я не скрываю». По приговору от 28 мая 1942 г. немцы-мужчины были приговорены к расстрелу, а Найман Герта – к 10 годам ИТЛ⁵⁵.

С началом войны немецкое население Мозырщины было насильственно депортировано вглубь СССР. Власть боялись сотрудничества местных немцев с германским оккупационным режимом. Депортации избежали лишь некоторые, как правило, отсутствовавшие немцы. В результате мо-

зырские немцы оказались в Казахстане. В основном это были женщины, дети, старики. Мужчины были призваны в действующую армию и так называемую «трудовую армию», где в концлагерных условиях работали на стройках, в шахтах и т.п. Выселенное население получило административный статус «немцев-спецпоселенцев», наряду с «кулаками», «власовцами», депортированными «народами Северного Кавказа».

«Проживают в утепленной конюшне колхоза имени Сталина»

Фраза, вынесенная в подзаголовок, в буквальном смысле относится к немецким женщинам, работавшим на Нефтеперерабатывающем заводе в Узбекистане в 1950 г.⁵⁶ Они были из разных мест СССР, депортированные, мобилизованные на работу в промышленности. Кто знает, может среди них находились и немки из Мозырского Полесья? В аллегорическом смысле это – обобщенная характеристика жизни немецкой женщины в Советском Союзе в 1940–1950-е годы. Ограниченная в гражданских правах, живущая на полуказарменном положении, в большинстве случаев без мужа растившая детей. Только в 1964 г. вышел закон, политически реабилитировавший необоснованно депортированное немецкое население, снявший запрет на возвращение немцев в родные места (по законам 1948 и 1955 гг.) ...

В свое время переселившись из разных германских земель на Украину, в начале XX в. немцы поселились на Белорусском Полесье. Выселение в 1915 г., депортация 1941 г., послевоенные высылки местных немцев, в том числе и репатриантов из Германии, куда они добровольно или насильственно попали в 1941–1943 гг. Немецкая женщина в полной мере испытала на себе воздействие тоталитарного ада.

...На кладбище в д. Роза Люксембург немногочисленные немецкие могилы – полуразрушенные и подправленные. Таблички: Ганерт Ольга Эдуардовна (1907 – 1929), Гоппе Магда Грейта (1874 – 1929), Верман Эльза Густовна (1921 – 1934), Верман Грейта Густовна (1927 – 1935), Верман Герта (1905 – 1952), Лопорт Эмма Фридриховна (1903 – 1988), Гоппе Герта Эмильевна (1908 – 1999)... Как долго они еще сохранятся под воздействием времени, бездушия политических временщиков и, что страшнее, – безвременья и беспамятства?

¹ См.: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Том X. БССР. Отдел 1. М., 1928. С. 8–9, 11–12, 220–221.

² См.: Национальная политика ВКП(б) в цифрах. М., 1930. С. 36.

- ³ См.: Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 701. Оп. 1. Д. 109. Л. 11; Д. 111. Л. 6; Ф. 4. Оп. 21. Д. 249. Л. 8–9; «За калектывізацыю» (Орган Наровлянского райкома КП/б/Б и райисполкома). 1936. 7 лістапада; История российских немцев в документах (1763–1992 гг.). М., 1993. С. 36, 38, 41–44.
- ⁴ См.: НАРБ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 44. Л. 33; Д. 96. Л. 13; Государственный зональный архив в г.Мозыре (ГЗАМ). Ф. 60. Оп. 1. Д. 696. Л. 150; Д. 702. Л. 88.
- ⁵ См.: ГЗАМ. Ф. 60. Оп. 1. Д. 149. Л. 260б.; НАРБ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 109. Л. 44; Отчет-справочник Мозырского окружного исполнительного комитета БССР. Мозырь, 1925. С.ХХХІV.
- ⁶ См.: НАРБ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 109. Л. 11; Д. 111. Л. 6; Ф. 4. Оп. 21. Д. 249. Л. 8; Государственный архив общественных объединений Гомельской области (ГАОООГО). Ф. 4286. Оп. 2а. Д. 32. Л. 38; ГЗАМ. Ф. 60. Оп. 1. Д. 723. Л. 2.
- ⁷ См.: НАРБ. Ф. 4. Оп. 21. Д. 249. Л. 10; Ф. 701. Оп. 1. Д. 109. Л. 11; ГЗАМ. Ф. 60. Оп. 1. Д. 141. Л. 145; Д. 145. Л. 32; Д. 723. Л. 3; ГАООГО. Ф. 69. Оп. 1. Д. 258. Л. 131–131 об.; Д. 426. Л. 9 об.; «Савецкая веска» (Орган Мозырского окружного комитета КП/б/Б). 1926. 16 верасня.
- ⁸ См.: ГЗАМ. Ф. 60. Оп. 1. Д. 723. Л. 3.
- ⁹ См.: ГЗАМ. Ф. 60. Оп. 1. Д. 1206. Л. 48; Д. 145. Л. 40; Д. 696. Л. 150; Д. 723. Л. 10, 50; Ф. 72. Оп. 1. Д. 191. Л. 4–5; НАРБ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 67. Л. 241; Д. 92. Л. 67, 191; Д. 109. Л. 12 об.; ГАООГО. Ф. 69. Оп. 1. Д. 609. Л. 31–32.
- ¹⁰ См.: НАРБ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 109. Л. 12 об.
- ¹¹ См.: Савецкая вёска. 1926. 25 ліпеня; ГЗАМ. Ф. 60. Оп. 1. Д. 696. Л. 150.
- ¹² См.: ГАООГО. Ф. 3465. Оп. 2а. Д. 304. Л. 6–11.
- ¹³ См.: Архив Управления КГБ Республики Беларусь по Гомельской области (АУКГБГО). Д. 6507-с, 9244-с, 10007-с, 10092-с, 10692-с, 10757-с, 11229-с, 11249-с, 11376-с, 11853-с, 12075-с, 12169-с, 12903-с, 13834-с, 15129-с, 15178-с, 15190-с, 16969-с, 17070-с, 17113-с, 18319-с.
- ¹⁴ ГАООГО. Ф. 69. Оп. 1. Д. 426. Л. 9.
- ¹⁵ НАРБ. Ф. 4. Оп. 10. Д. 45. Л. 37–38.
- ¹⁶ См.: ГЗАМ. Ф. 72. Оп. 1. Д. 15. Л. 1.
- ¹⁷ См.: ГЗАМ. Ф. 72. Оп. 1. Д. 15. Л. 2; АУКГБГО. Д. 11249-с. Л. 13, 62, 169.
- ¹⁸ См.: ГАООГО. Ф. 69. Оп. 1. Д. 426. Л. 9; НАРБ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 92. Л. 136; Д. 109. Л. 2, 3; АУКГБГО. Д. 12903-с. Л. 183, 187; Д. 1007-с.
- ¹⁹ См.: ГАООГО. Ф. 4286. Оп. 1а. Д. 6. Л. 126об; НАРБ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 109. Л. 110б.; Український історичний журнал. 1990. №11. С. 115.
- ²⁰ См.: ГАООГО. Ф. 69. Оп. 1. Д. 426. Л. 9.

- ²¹ ГЗАМ. Ф.60. Оп. 1. Д. 723. Л. 15; ГАООГО. Ф. 4286. Оп. 1а. Д. 100. Л. 283.
- ²² См.: ГЗАМ. Ф. 60. Оп. 1. Д. 717. Л. 38; ГАООГО. Ф. 4286. Оп. 1а. Д. 161. Л. 11.
- ²³ См.: НАРБ. Ф. 4. Оп. 21. Д. 249. Л. 14; Ф. 701. Оп. 1. Д. 102. Л. 20.
- ²⁴ См.: АУКГБГО. Д. 17070-с.
- ²⁵ См.: НАРБ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 109. Л. 110б; Ф. 4. Оп. 21. Д. 249. Л. 9, 11.
- ²⁶ НАРБ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 67. Л. 236; Д. 102. Л. 20; ГЗАМ. Ф. 60. Оп. 1. Д. 723. Л. 9–10.
- ²⁷ НАРБ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 102. Л. 28; Д. 107. Л. 306об. ГАООГО. Ф. 3650. Оп. 2а. Д. 6. Л. 17–18.
- ²⁸ ГЗАМ. Ф. 60. Оп. 1. Д. 723. Л. 15.
- ²⁹ НАРБ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 102. Л. 17.
- ³⁰ НАРБ. Ф. 4. Оп. 21. Д. 249. Л. 13; Ф. 701. Оп. 1. Д. 109. Л. 110б., 13; АУКГБГО. Д. 12903-с.
- ³¹ См.: НАРБ. Ф. 4. Оп. 21. Д. 249. Л. 11; ГЗАМ. Ф. 60. Оп. 1. Д. 723. Л. 15; ГАООГО. Ф. 4286. Оп. 1а. Д. 234. Л. 267.
- ³² АУКГБГО. Д. 17070-с; ГАООГО. Ф. 3465. Оп. 2а. Д. 304. Л. 19; Ф. 4286. Оп. 2а. Д. 57. Л. 72.
- ³³ ГАООГО. Ф. 3465. Оп. 2а. Д. 304. Л. 30, 32.
- ³⁴ Там же. Ф. 4286. Оп. 2а. Д. 57. Л. 74.
- ³⁵ См.: АУКГБГО. Д.1 1249-с. Л. 16.
- ³⁶ См.: Там же. Д. 12169-с.
- ³⁷ См.: ГАООГО. Ф. 3465. Оп. 2а. Д. 304. Л. 2; АУКГБГО. Д. 15129-с.
- ³⁸ См.: ГАООГО. Ф. 3465. Оп. 2а. Д. 304. Л. 1; Ф. 4286. Оп. 2а. Д. 32. Л. 54.
- ³⁹ См.: НАРБ. Ф. 4. Оп.21. Д. 249. Л. 11.
- ⁴⁰ См.: АУКГБГО. Д. 12903-с.
- ⁴¹ НАРБ. Ф. 4. Оп. 21. Д. 249. Л. 1–2.
- ⁴² ГАООГО. Ф. 4286. Оп. 2а. Д. 32. Л. 39.
- ⁴³ См.: Там же. Ф. 3465. Оп. 2а. Д. 304. Л. 11; Д. 342. Л. 13.
- ⁴⁴ См.: Там же. Ф. 3465. Оп. 2а. Д. 304. Л. 1, 23; Ф. 4286. Оп. 2а. Д. 32. Л. 10, 39.
- ⁴⁵ Там же. Ф. 4286. Оп. 1а. Д. 234. Л. 778об.; Оп. 2а. Д. 57. Л. 71, 155; Ф. 3465. Оп. 2а. Д. 172. Л. 117; Д. 304. Л. 66.
- ⁴⁶ АУКГБГО. Д. 9941-с.
- ⁴⁷ См.: ГАООГО. Ф. 4286. Оп. 2а. Д. 32. Л. 39, 55; АУКГБГО. Д. 11853-с, 15129-с.
- ⁴⁸ См.: АУКГБГО. Д. 9941-с; ГАООГО. Ф. 3609. Оп. 2а. Д. 54. Л. 35; Ф. 4286. Оп. 2а. Д. 57. Л. 16.

⁴⁹ АУКГБГО. Д. 9941-с, 10007-с.

⁵⁰ См.: Там же. Д. 11376-с.

⁵¹ ГАООГО. Ф. 4286. Оп. 2а. Д. 57. Л. 72; Ф. 69. Оп. 4. Д. 69. Л. 196.

⁵² См.: Там же. Ф. 4286. Оп. 2а. Д. 57. Л. 2–3.

⁵³ См.: АУКГБГО. Д. 10007-с; ГАООГО. Ф. 69. Оп. 3. Д. 1. Л. 7; Д. 56. Л. 89; Д. 57. Л. 304.

⁵⁴ ГАООГО. Ф. 3465. Оп. 2а. Д. 304. Л. 31об.; Ф. 69. Оп. 4. Д. 69. Л. 36,77,110.

⁵⁵ См.: АУКГБГО. Д. 11249-с.

⁵⁶ См.: «Мобилизовать немцев в рабочие колонны... И. Сталин». Сб. документов (1940-е годы). М., 1998. С. 324.

Научное издание

***Ключевые проблемы истории
российских немцев***

Материалы X-ой международной
научной конференции

Научный редактор *А. Герман*
Корректоры *М. Лицинская, Е. Морозова*
Верстка *О. Кнышев*

Подписано в печать 04.10.2004. Формат 60x84/16
Бумага офсетная №1. Гарнитура «Helios».
Печать офсетная. 28 печ. л. Тираж 600 экз.

Издано АОО «Международный союз немецкой культуры»
119435, г. Москва, ул. М. Пироговская, д. 5, офис 51
Тел. (095) 937–6544
Факс (095) 248–3874